

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

История Рима
ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА
Часть 1

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ
И ХРИСТИАНСКОЙ

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

ИСТОРИЯ
ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ
И ХРИСТИАНСКОЙ

Издательство
Сретенского монастыря
Москва
2011

*Протоиерей
Владислав Цыпин*

ИСТОРИЯ РИМА ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА

Часть 1

Том IV

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2011

УДК 271.22(470+571)(091)

ББК 86.372г

Ц96

Протоиерей Владислав Цыпин

Ц96

История Европы: дохристианской и христианской: В 16 т. Том 4.
История Рима эпохи принципата. Часть 1 / — М. : Изд-во Сретенско-
го монастыря, 2011. — 640 с.

ISBN 978-5-7533-0584-8 (т. 4)

ISBN 978-5-7533-0580-0

УДК 271.22(470+571)(091)

ББК 86.372г

ISBN 978-5-7533-0584-8 (т. 4)

ISBN 978-5-7533-0580-0

© Сретенский монастырь, 2011

Глава 1. Век Августа

1. Политическое противостояние в Риме после убийства Цезаря

Правлением Августа открывается новая эпоха. Всемирно-историческое значение этого рубежа связано не только с изменением государственного строя, переходом от классической республики к принципату, но и с тем, что если до Августа провинции представляли собой нещадно эксплуатируемые поместья римского народа, который в начале I века до Р.Х. включил в себя всех свободных италиков, то в правление принципсов шаг за шагом совершался процесс интеграции провинций в единый юридический, политический и культурный организм — процесс романизации Средиземноморья и примыкающих к нему европейских, азиатских и африканских регионов, правда, с сохранением в империи своеобразной греко-латинской дихотомии, возвышающейся над мозаикой местных языков, культур и религий, потесненных эллинским и римским началами, но не искоренявшихся принудительно.

Взаимоотношения между провинциями и метрополией до Августа можно сравнить, при очевидной приблизительности всех сравнений, с положением дел в Британской империи, где Индия представляла собой поместье англо-саксонского народа, или, еще грубее и определенней, собственность Ост-Индской компании, которой владел британский истеблишмент, а Империю времен принципата с Российской империей, где по отношению к императору одинаково подданными были лица всех сословий и всех этносов, но где при этом все-таки существовала одна господствующая религия и один имперский язык. С ролью греческого языка в Риме до известной степени можно сопоставить роль иностранного для России французского языка, которым широко пользовался придворный круг и которым

владело образованное общество. Культурная дихотомия Римской империи воспроизводилась в новое время в политической дихотомии двуединой Австро-Венгерской империи, где острота национальных противоречий потому и была так обнажена, что эти нации, в отличие от индийских подданных британской короны, чувствовали себя гораздо обеспеченнее в правах, и домогаясь более справедливого дележа имперского пирога, по меньшей мере, участвовали в его поглощении, в то время как индийцам британцы позволяли только выращивать пряности для своего пудинга.

Обозначение эпохи, начавшейся с правления Августа, принципатом идет от наименования той должности, которая поставлена была в центр новой организации римской верховной власти — принцепс, что значит первый. В старой республиканской номенклатуре так называли первого сенатора, но с его званием до Августа не соединены были особые властные полномочия, а Август, усвоив себе этот титул, именно из него выводил те права, которые обеспечивали ему ключевую роль во властной системе. Историки, придерживающиеся иного подхода к характеристике государственного строя, сложившегося в Риме в последней трети I столетия до Р. Х., и склонные к противопоставлению двух периодов римской истории, основанному на смене формы правления, на переходе от республики к монархии, предпочитают обозначать новую эпоху как императорскую. В этом случае в основание характеристики нового государственного строя ставится императорский титул, впоследствии действительно приобретший монархический характер. В соответствии с этой концепцией на роль основоположника может претендовать скорее не Август, но Цезарь, который хотя и приобрел верховную власть, когда ему усвоена была должность вечного диктатора, но имя которого в расхожих представлениях соединяется с императорским титулом, тем более что его фамилией (согномен) предпочитали украшать свою особу его прямые преемники — правители Рима из династии Юлиев, а затем само это имя стало титулом, который просуществовал от эпохи римских цезарей до русских царей и германских кайзеров. Еще в древности Светоний написал «Жизнь двенадцати цезарей», открывая их чреду не Августом, но его двоюродным дядей.

И все же эксперимент Цезаря был лишь опытом преобразования Римского государства, который до известной степени

можно включить в ряд более ранних опытов, маркированных именами враждовавших между собой Мария и Суллы, а потом также Помпея. Новая система правления обрела свою классическую структуру, уклонения от которой современниками воспринимались как действительно монархические, или напротив, анархические эксцессы, при Августе. Ввиду исключительного значения его роли в создании новой модели государственного устройства, целесообразно изложение истории нового периода, принципата, формально установленного в 31 г. до Р.Х., предварить обзором предшествующих бурных событий, из которых победителем вышел Октавиан Август.

После убийства Цезаря Рим пребывал в смятении. Убийцы в надежде привлечь на свою сторону народ пришли на форум и там превозносили себя за совершенный ими «подвиг». Цезарианцы Марк Антоний, занимавший должность консула, и начальник конницы Лепид, опасаясь за свою жизнь, укрылись в домах друзей. Претор Цинна, родственник Цезаря по жене, выступил с речью, в которой назвал убитого полководца тираном, и демонстративно сбросил с себя облачение претора, а другой цезарианец и любимец императора, выбранный им в юном возрасте в консулы на предстоящий год, уверял толпу, что только обстоятельства помешали ему участвовать в убийстве тирана. На площадях и улицах Рима власть не обнаруживала признаков своего существования, а настроения в толпе были разными, и они быстро менялись.

Сторонники Кассия и Брута, собравшись на Капитолии, решили направить посланцев для переговоров с Антонием и Лепидом, которые намеревались арестовать и наказать заговорщиков, но решили затягивать время, опасаясь легионов, которыми командовал Децим Брут, назначенный Цезарем наместником в Галлию. Посланцы предводителей заговора просили Антония и Лепида о том, чтобы ради предотвращения гражданской войны, было заключено соглашение, гарантирующее внутренний мир, уверяя магистратов, что убийцы Цезаря действовали не из ненависти, а из любви к отечеству. На дипломатично сформулированные просьбы Антоний ответил столь же дипломатично и уклончиво: «Мы ничего не предпримем из-за личной ненависти; но из-за греха и нашего клятвенного обещания Цезарю, что мы будем его телохранителями и мстителями, если он что-либо претерпит, будет благочестивым изгнать скверну и лучше жить

вместе с немногими чистыми, чем всем быть под проклятием клятвопреступления. В силу такого нашего мнения мы еще обсудим с вами все это в сенате и будем считать благом для Рима те решения, которые будут приняты сообща» (Аппиан, цит. изд., с. 538). Антоний, поняв, что его положение прочнее, чем он предполагал ранее, когда боялся, что весь город на стороне Брута и Кассия, распорядился доставить тело Цезаря в свой дом, возможно, что, как предполагает Аппиан (см. Аппиан, цит. изд., с. 538), это было сделано по желанию вдовы убитого императора. Затем в ночное время было оглашено распоряжение Антония о созыве сената в храме Земли, находившемся поблизости от дома консула. Антоний не хотел, чтобы сенат заседал в своем обычном месте, в Регии на форуме, где были расквартированы гладиаторы, участвовавшие в заговоре, в то же время он не хотел ввергать граждан в смятение вводом в город верных ему легионов. 17 марта, на рассвете, сенаторы пришли в храм Земли. Ветераны Цезаря, увидев Цинну, вновь облаченного в преторское одеяние, в гневе поносили его, бросали в него камни, и даже заставили его скрыться от них бегством.

Этот инцидент встревожил сторонников Кассия и Брута, но большинство сенаторов было на их стороне. Начались прения. Противники Цезаря потребовали пригласить в сенат его убийц; Антоний не возражал, зная, что они все равно не решатся прийти. Самые решительные из помпеянцев предложили наградить убийц за подвиг, другие говорили, что они не нуждаются в наградах, потому что действовали не ради вознаграждения, предлагая однако объявить их «благодетелями», третьи не соглашались и с этим, но предлагали пощадить жизнь убийц Цезаря. Один из сенаторов потребовал принять, наконец, одно из двух постановлений: либо объявить Цезаря тираном, либо ограничиться амнистией убийц. Ловко воспользовавшись сложившейся в ходе дискуссии ситуацией, Антоний сказал: «Требующим голосования относительно Цезаря надо знать предварительно то, что все в государстве совершившееся и всякая данная власть сохраняют силу, если мы признаем, что Цезарь был законным и нами избранным правителем; если же мы признаем, что он был тираном, правящим силой, то и тело его должно быть без погребения оставлено и выброшено за пределы отечества, а все уже им сделанное аннулировано, а это, чтоб указать границу, как я полагаю, простирается на весь мир... Почти все

мы либо в свое время выполняли должности под начальством Цезаря, либо сейчас еще выполняем должности по его назначению, а некоторые утверждены им в своих должностях на будущее время... Готовы ли вы от всего этого отказаться и это от вас зависит, и вот что прежде всего я считаю нужным вам обсудить» (Аппиан, цит. изд., с. 540–541).

Разумеется, даже самые пылкие противники убитого диктатора не были готовы отказаться от должностей, на которые поставлены были им или избраны по его санкции. Антоний не ошибся в своем расчете на карьерные соображения своих противников. В этом ловком маневре Антоний, выделявшийся среди цезарианцев полководческими талантами, обнаружил себя еще и умным политиком: он виртуозно уклонился от нависшей над ним опасности самому подвергнуться вслед за своим убитым покровителем диффамации, вероятной политической смерти, и возможно, даже судебному приговору или бессудной расправе, поставив себя в одинаковое положение с другими назначенцами Цезаря, которые политически оставались его антагонистами. Как рассказывает Аппиан, Антоний, «воспламенил их в отношении не Цезаря, а их самих. Они все вскочили со своих мест и кричали, что не требуют производить новые выборы в народном собрании, но предпочитают, чтобы каждый остался в той должности, которую он получил» (Аппиан, цит. изд., с. 541).

Затем, пока в сенате продолжались прения, Антоний и Лепид вышли к сбежавшейся отовсюду толпе народа, в которой одни требовали мести убийцам Цезаря, а другие, — и они составляли большинство, — опасаясь возобновления гражданской войны, настаивали на том, чтобы приняты были меры к водворению мира. Антоний обратился к ним со словами: «Мы о том совещаемся, как бы водворить мир, и мир длительный. Но очень трудно наладить прочный мир, поскольку и Цезарю не помогли данные ему клятвы и вызываемые их нарушением проклятия». Обратившись к тем, кто призывал к мести, он их одобрил, как ставящих выше всего соблюдение клятв и благочестие, и при этом сказал: «Я сам присоединился бы к вам и первый кричал бы то же, что и вы, не будь я консулом, которому должно больше заботиться о том, что считается общим благом» (Аппиан, цит. изд., с. 542). Лепид добавил к этому, что Цезарь «был священный, уважаемый муж» (Аппиан, цит. изд., с. 542) и что он охотно бы стал мстить

за него, но решение об этом должно быть принято согласованно, а не им одним и не группой лиц.

Вернувшись в курию, Антоний и Лепид вновь включились в дискуссию. Особенно сильное впечатление на воображение сенаторов должно было произвести грозное напоминание Антония: «Когда тело Цезаря будут волочить и позорить и наконец бросят без погребения, как, вы думаете, отнесутся к этому ветераны Цезаря, равнодушно? Ведь именно так должно быть, согласно закону, поступлено с тираном» (Аппиан, цит. изд., с. 544). И затем, перейдя в наступление на зримым образом выказывавших свою обескураженность оптиматов, Антоний по существу дела предъявил им ультиматум, которому он, подсластив пилюлю, придал видимость указания на компромиссный выход из сложной ситуации: «Все Цезарем сделанное и решенное остается в силе; что касается его убийц, то одобрению их действия не подлежат никоим образом, ибо они являются нарушением и религии и закона, а также находятся в противоречии с признанием незыблемости всех деяний Цезаря; однако можно сохранить им жизнь, если хотите, из жалости, ради их родных и друзей; если, впрочем, последние от их имени заявят, что принимают это как милость» (Аппиан, цит. изд., с. 544). Это предложение и было принято сенатом, правда, с формулировкой более благоприятной для убийц Цезаря: «Возмездие убийство Цезаря не подлежит, но... все решения и постановления Цезаря останутся в силе, так как это полезно для государства» (Аппиан, цит. изд., с. 545). Когда уже сенаторы расходились, Пизон стал настаивать на продолжении заседания, чтобы решить вопрос о завещании Цезаря, которое убитый император передал ему. Консулы отдали соответствующее распоряжение, и хотя обсуждение этой темы проходило бурно, сенат все же постановил: «Завещание Цезаря огласить публично и хоронить его всенародно» (Аппиан, цит. изд., с. 545).

В это же время Брут созвал народ на Капитолий, и там произнес многословную речь, в которой оправдывал убийство диктатора, вызвав шумное одобрение толпы, так что в целом настроения в Риме были неустойчивыми, и многие колебались. Перелом произошел, когда 19 марта завещание Цезаря было действительно оглашено перед народным собранием. «По этому завещанию, приемным сыном Цезаря был Октавий, внук его

сестры, народу предоставлялись для прогулок сады Цезаря и каждому римлянину без исключения, находящемуся еще в городе, было назначено семьдесят пять аттических драхм (по 300 сестерциев — *В. Ц.*). Народ снова пришел в ярость, так как до этого раздавались обвинения против Цезаря как тирана, завещание же, оказалось, написано человеком, любившим город. Особенно казалось всем грустным, что из убийц Децим Брут был записан в число наследников второй очереди» (Аппиан, цит. изд., с. 549–550). Народное чувство справедливости было болезненно ранено происшедшим. Коварство убийц по отношению к доверявшему им императору предстало перед оскорбленной народной совестью предельно гнусным злодеянием.

Изнанненное тело Цезаря было принесено Пизоном на форум и поставлено на ростры. Взяв слово, Антоний, который приходился убитому императору родственником по матери, произнес речь, перемежая ее с плачем. Воздавая хвалу Цезарю, он сказал, что «всякий прибегавший к нему находился в безопасности, а он сам, неприкосновенный и священный, убит нами»... Повысив голос и подняв руку по направлению к Капитолию, Антоний сказал: «Я готов, Юпитер Отеческий и боги, мстить, как я клятвенно обещал... Будущее сулит нам большие опасности, чем, пожалуй, даже настоящее; все благородное, что есть в городе, будет уничтожено. Отдадим последние проводы этому святому в мир блаженный и запоем в память его установленное печальное песнопение» (Аппиан, цит. изд., с. 551).

Антонию удалось привести толпу в состояние массовой истерии: раздалась громкие рыдания. Народ окружил здание курии, где был убит Цезарь, и поджег его. Бывший трибун Цинна, одноименный с претором Цинной, который произносил в первые часы после убийства обличительные речи против императора, был по ошибке схвачен и растерзан на части. Убийцы Цезаря бежали из Рима. Останки Цезаря народ принес на Капитолий, чтобы похоронить их в одном из капитолийских храмов, но жрецы воспрепятствовали этому. Тело императора снесли на форум и там предали огню. Антоний мог торжествовать победу над своими политическими противниками, но, как оказалось вскоре, это была сомнительная победа. Чрез завещание Цезаря в борьбу за политическое наследие Цезаря включался его частный наследник юный Октавиан, чей гений тогда еще мало кто способен был оценить. Недооценил его и Антоний.

На месте погребального костра некий Амаций, называвший себя Марием и выдававший себя за внука знаменитого Мария, воздвиг алтарь. Он окружил себя отрядом клеветников, и те, опираясь на сочувствие римского плебса, наводили страх на родственников и друзей бежавших убийц Цезаря. Популярность демагога обеспокоила Антония, и он, пользуясь полномочиями консула, приказал арестовать и без судебного разбирательства казнить Амация как врага общественного спокойствия. Это была роковая ошибка Антония — изобретательного и искусственного политика, но человека неустойчивого, увлекающегося и не способного к точному расчету, к трезвому анализу всех последствий предпринимаемых действий. Устранением Амация Антоний не заслужил любви сенаторов, которые, пожиная плоды его решительных действий, впоследствии его же обвиняли в противозаконной бессудной расправе, а плебс, преданный памяти Цезаря, отвернулся от Антония. Добывал остатки приверженцев Лже-Мария второй консул Публий Корнелий Долабелла, который сам при Цезаре некоторое время стоял во главе подобной банды.

В сложившейся обстановке Антоний попытался теснее сблизиться с сенатом, и ради этой цели предложил пригласить в Рим из Испании сына Помпея Великого Секста, который после убийства Цезаря сумел быстро набрать войска и уже одержал победу над легионами ставленника Цезаря Азиния Поллиона, выдать ему, как пишет Аппиан, «в возмещение конфискованного имущества отца из государственных средств 50 миллионов аттических драхм» (Аппиан, цит. изд., с. 559) и назначить его на отцовскую должность наварха. Переговоры с Секстом Помпеем велись через назначенного правителем Ближней Испании Лепида. Сенат, в котором, несмотря на чистки, проведенные Цезарем, преобладали оптиматы, охотно одобрил это предложение, а поскольку народ увидел в этом приглашении оскорбление памяти Цезаря, одержавшего верх над Помпеем в гражданской войне, то, с согласия сената, Антоний под предлогом защиты себя от ненависти плебеев, набрал личную охрану, в основном из воевавших ранее под его началом и потому преданных ему центурионов, доведя ее численность до 6 тысяч, — вскоре она понадобилась ему в возобновившейся гражданской войне: хотя Антоний и сделал решительные, и вероятно, опрометчивые шаги навстречу сенатским оптиматам, он им все-таки не доверял.

Еще до истечения консулата Антония и Долабеллы проведено было перераспределение провинций: предназначавшиеся Кассию и Юнию Бруту Сирия и Македония были решением трибутных собраний переданы проконсулам Долабелле и Антонию, взамен убийцы Цезаря получили Киренаику и Крит — по другим сведениям, «обе эти провинции достались Кассию, Вифиния же Бруту» (Аппиан, цит. изд., с. 562).

2. Путь Октавиана на вершину власти

Ситуация с противостоянием различных политических сил в Риме усложнилась после приезда в столицу внучатого племянника Цезаря Гая Октавия. Он происходил из старинного плебейского всаднического рода Октавиев, вышедшего из латинского города Велитры. Первым римским магистратом в этом роду был квестор Гай Руф Октавий. Потомки его сына Гнея занимали высокие должности и принадлежали к сенаторскому сословию, а потомки его другого сына Гая оставались во всадническом сословии вплоть до отца Августа Гая Октавия, который стал сенатором, унаследовав богатое наследство от своего отца. Он исполнял должность претора, затем пропретора Македонии. На пути из своей провинции в Рим, где он собирался выставить себя кандидатом в консулы, Гай умер, оставив после себя троих детей: Октавию Старшую от первой жены Анхарии и от второй жены Атии — Октавию Младшую и Гая Октавиана. Мать Октавиана Августа Атия была дочерью Марка Атия Бальба, род которого происходил из Ариции и среди предков которого по отцу было немало сенаторов, а по матери он находился в близком родстве с Помпеем Великим. Атию ему родила Юлия, происходившая из древнего патрицианского рода Юлиев, почитавшего своей праmaterью саму богиню Венеру, сестра Юлия Цезаря и дочь Гая Юлия Цезаря Старшего и Аврелии.

Но относительно статуса некоторых предков Октавиана существуют и иные версии. Так, по словам Светония, Марк Антоний попрекал «его тем, будто прадед его был вольноотпущенник, канатчик из Фурийского округа, а дед ростовщиком... Тот же Антоний, позоря предков Августа и с материнской стороны, попрекал его тем, будто его прадед был африканцем и держал в Ариции то ли лавку с мазями, то ли пекарню» (Светоний, цит. изд., с. 36). Может быть, среди предков Октавиана и были ростовщики, что вполне совместимо было с принадлежностью

к всадническому сословию, но его официальная родословная, не самая блистательная по знатности, за исключением той линии ее, которая восходит к Цезарям, представляется вполне достоверной. Инфантильное и мелкое тщеславие, равно как и псевдоаристократический снобизм и фанаберия были совершенно не свойственны Октавиану, который, выступив на поприще политической борьбы 18-летним юношей, сразу явил себя как исключительно зрелый и трезвый государственный деятель.

Он родился 23 сентября 63 г. до Р.Х. (в 9-й день до октябрьских календ, в консульство Марка Туллия Цицерона и Гая Антония) в палатинском квартале. В детстве он в летнее время жил также на загородной вилле своего деда близ Велитр. С ранних лет его прозвали Фурийцем, вероятно, в память о том, что в фурийском округе его отец уничтожил разбойничий отряд из беглых рабов, ранее участвовавших в восстании Спартака и мятеже Катилины. Отца Октавиан потерял в четыре года, оставшись на попечении своей матери Атии и ее второго мужа Луция Марция Филиппа, получив отличное образование и заслужив своими незаурядными способностями благосклонность и привязанность своего двоюродного деда Гая Цезаря. Когда Октавиану исполнилось 11 лет, умерла его бабушка Юлия, и не по годам зрелый отрок произнес на ее погребении хвалебную речь — элогий. В 15 лет он облачился в тогу совершеннолетнего, и затем вскоре отправился вслед за Цезарем в его испанский поход, на войну с сыновьями Помпея Великого. Во время этой войны он особенно тесно сблизился со своим двоюродным дедом, весть о гибели которого застала его в эпирском городе Аполлонии, где он находился в военном лагере, с легионами, готовыми к отправке на войну против парфян.

Вначале он не знал, совершено ли было убийство по решению всего сената или это был заговор отдельных лиц. Его римские друзья советовали ему в письмах скрыться в армии, стоявшей в Македонии, а потом отомстить убийцам. Мать Октавия и отчим Филипп советовали ему отказаться от наследства двоюродного деда и «избрать жизнь частного человека как менее опасную при данных обстоятельствах, поспешить к ним в Рим со всей осторожностью» (Аппиан, цит. изд., с. 563).

Подробнее узнав об обстоятельствах убийства Цезаря и получив копию его завещания, Октавиан отправился в Италию. При этом он действовал с редкой у юношей его возраста осторожностью,

которая совмещалась у него со способностью к неожиданным и решительным действиям, когда их последствия были заранее обдуманы и что называется просчитаны. «Впереди себя он послал разведчиков, чтобы установить, не устроил ли кто-нибудь из убийц засаду» (Аппиан, цит. изд., с. 563). Высадившись в Брундивии, Октавиан был с энтузиазмом встречен расквартированными там войсками, которые приветствовали его как сына оплакиваемого ими императора. Тогда только юноша решил принять имя Цезаря, и впредь уже называл себя не Гаем Октавианом, сыном Октавия, но Гаем Цезарем Октавианом, сыном Цезаря. В Брундивий к нему стекались его вольноотпущенники и рабы, друзья и почитатели Цезаря, и в Рим он направился в окружении солдат и толпы, которая, по словам Аппиана, выростала «как горный поток» (Аппиан, цит. изд., с. 564).

Дорога в столицу вела через Кампанию. Там он, по словам современного итальянского историка Ф. Самполи, «увиделся с Корнелием Бальбой, банкиром, секретарем и близким другом Цезаря, а потом с матерью и ее вторым мужем консулярием Луцием Марсием Филиппом. Оба уговаривали его отказаться от наследства. Положение в Риме, говорили они, опасно: против него, Октавиана, будут там и «цезареубийцы» республиканцы и Марк Антоний, консул, признанный главой цезарианской партии. Не говоря уже о тяжелой проблеме, связанной с ветеранами, с их ожиданиями и их политическим весом. В итоге над всем полуостровом нависала тень новой опустошительной гражданской войны» (Sampoli Furio. *Passioni, intrighi, atrocita degli imperatori romani*, Roma, 2007, p. 13). Но Гай Цезарь Октавиан не внял предостережениям близких людей, рассчитывая на успех, ради которого он предпринял шаг, рискованный для его популярности в среде цезарианцев. В Кумах он нанес визит идеологу сенатской оппозиции Цезарю и главному подстрекателю его убийц Марку Туллию Цицерону, который, правда, маскируя заговор, превозносил Цезаря за его великодушие и даже называл его равным богам, но когда убийство совершилось, заклеил убитого полководца как тирана и объявил мартовские иды блистательным праздником.

Цицерон встретил юношу тепло, приветствовал его как защитника республики. Зная о его популярности в армии, Цицерон рассчитывал использовать его в противостоянии со своим на тот день главным противником Антонием, отношения

которого с цезарианской партией омрачились, и прямо подстрекал его к противодействию консулу. Не доверяя республиканизму Октавиана, Цицерон надеялся без труда устранить неопытного в политике юношу, после того как он поможет сенатской олигархии справиться с Антонием. В свою очередь Октавиан, обнадёжив идейного вождя сенатской олигархии, заручился с его стороны обещанием поддержки в соперничестве с Антонием, и не склонный недооценивать собственные силы, был уверен в том, что в конечном счете он переиграет Цицерона, искусственного в политических баталиях, но чрезмерно склонного в любых обстоятельствах уклоняться от риска и потому обреченного на проигрыш в противоборстве со столь же расчетливым, но более решительным игроком. А льстить и притворяться, скрывать свои мысли и чувства, маскировать свои действительные намерения Октавиан умел не хуже своего собеседника — прожженного политика, который был в три раза старше его, так что ему удалось в известном смысле расположить к себе Цицерона щедрыми комплиментами его талантам и мудрости, просьбами о советах, наставлении и поддержке.

Добравшись наконец до Рима, он встретился на форуме с братом консула Гаем Антонием, который исполнял должность городского претора, и в соответствии с законом, в присутствии претора, нотариусами было записано его заявление об усыновлении. От него он сразу направился к Марку Антонию. После взаимного приветствия юный наследник Цезаря обратился к Антонию с упреками и требованиями, которые консул расценил как совершенно необоснованные: «Одни из твоих поступков, — сказал он, — ...я хвалю и благодарен тебе за них, другие придется осуждать... Когда некоторые лица вносили законопроект о награждении убийц как удаливших тирана, ты твердо возражал. И за это я тебе глубоко благодарен. Правда, ты узнал, что эти люди и тебя решили убить — не потому, что ты, как мы считаем, будешь мстить за смерть Цезаря, а потому, что, как они думают, ты являешься наследником его тирании... Когда же по оглашении завещания и после твоей справедливой надгробной речи народ, ярко вспомнив Цезаря, собирался идти на них с огнем, но, из пощады к соседям, решил на следующий день взяться за оружие, почему ты тогда не был с народом? Почему ты не возглавил вооружившихся огнем и мечом? Почему ты тогда не привлек убийц, по крайней мере, к суду, если суд вообще еще

необходим был для захваченных на месте преступления? И это ты, друг Цезаря, ты, консул, ты, Антоний!» (Аппиан, цит. изд., с. 566). Терпение Антония, человека порывистого и несдержанного, пока он слушал эту тираду самоуверенного юнца, подвергалось немалому испытанию, и оно должно было оказаться на грани истощения, когда Октавиан потребовал исполнить завещание Цезаря и выдать ему оставленные им денежные средства: «Все имущество Цезаря, которое сразу после убийства было перенесено из дома, подвергнувшегося опасности, к тебе для хранения его у тебя в надежном месте, все ценности и все убранства я прошу тебя принять от меня и все, что ты сверх этого пожелаешь. Отдай мне только для раздачи народу чеканное золото, что он собрал для войн, которые он имел в виду. Мне этого золота будет достаточно для раздачи 300 тысячам человек. Остальное, необходимое для расхода, я занял бы у тебя» (Аппиан, цит. изд., с. 567–568).

Давая отповедь зарвавшемуся, как он это воспринимал, наглецу, Антоний, признанный вождь цезарианцев, заговорил языком республиканца: «Если бы Цезарь оставил тебе, юноша, вместе с наследством и именем и управление, ты справедливо мог бы требовать от меня отчетного доклада о государственных делах... Но поскольку римляне никогда никому не передавали управления государством по наследству — это касается даже власти царской, при уничтожении которой римляне поклялись не потерпеть дольше другой царской власти (а убийцы утверждают, что они убили твоего отца, обвиняя его именно в том, что он скорее царствовал, чем управлял), — я не обязан давать тебе отчет о государстве. Все делалось не ради тебя, а ради народа, за исключением одного дела... Если бы я ради собственной безопасности и во избежание недовольства допустил бы присуждение убийцам почестей как тираноубийцам, то это было бы равносильно признанию Цезаря тираном... Тогда не могло бы быть и речи о завещании, усыновлении, имуществе, да и труп его не был бы удостоен погребения» (Аппиан, цит. изд., с. 568). Денежные претензии Октавиана Антоний отверг самым категорическим образом: «Отец твой оставил государственную казну пустой. С тех пор как он пришел к власти, доходы вносились ему, а не в казну. Мы найдем эти доходы в имуществе Цезаря, когда постановим, что их следует отыскать» (Аппиан, цит. изд., с. 569). А о деньгах, которые были перенесены в его дом, Антоний сказал,

что они уже были поделены между должностными лицами, кроме его собственных братьев и Долабеллы, «как имущество тирана» (Аппиан, цит. изд., с. 569), что, утверждал он, и склонило врагов Цезаря согласиться с его почетным погребением.

Встреча двух вождей цезарианцев закончилась разрывом. Целеустремленный юноша, не получив ничего от Антония, стал раздавать деньги ветеранам из своих собственных немалых средств, что способствовало дальнейшему росту его популярности в среде цезарианцев за счет авторитета Антония. Октавиан щедро профинансировал проведенные с 20 по 30 июля 44 г. *ludi Victoriae Caesaris* — игры в честь побед Цезаря, во время которых на небосклоне появилась комета, которая его почитателями истолкована была как своего рода небесный трон Цезаря, вознесшего в сонм богов. Колоссально возросшая после предательского убийства популярность Цезаря обильно изливалась и на его наследника. Даже внешняя привлекательность Октавиана способствовала его успеху в снискании народной любви. По характеристике Светония, «с виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться... Лицо его было спокойным и ясным... Глаза у него были светлые и блестящие; он любил, чтобы в них чудилась некая божественная сила, и бывал доволен, когда под его пристальным взглядом собеседник опускал глаза, словно от сияния солнца. Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть вьющиеся, брови — сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой и заостренный, цвет кожи — между смуглым и белым. Росту он был невысокого... но это скрывалось соразмерным и стройным сложением» (Светоний, цит. изд., с. 65).

В сложившейся ситуации Антоний вынужден был, чтобы остаться на плаву, сблизиться с сенатом, но и Октавиан про запас держал гарантии, которые ему дал при встрече в Кумах идейный вождь сенатской олигархии Цицерон. Не надеясь на долгий мир с оптиматами, в глазах которых Антоний оставался самым опасным противником, он захотел после завершения консулата получить в свое управление уже не Македонию, которой он добился раньше, а Галлию, откуда Цезарь пришел в Рим диктатором. Антоний надеялся провести там широкую мобилизацию и сколотить армию, опираясь на которую, он будет править республикой, подобно Цезарю. Для этого он провел через

трибунные собрания закон о новом обмене провинций — обе Галлии: Цизальпинская и Нарбонская — отдавались ему, а взамен Децим Брут получал Македонию. Но Брут не согласился с этим перераспределением и отказался подчиниться. Его в этом поддержал Цицерон, который в начале сентября 44 г. произнес первую речь против Антония, названную им, в подражание Демосфену, филиппикой — в течение двух последующих лет Цицерон произнес еще 13 таких филиппик. Цицерон провел через сенат решение о том, чтобы Галльские провинции остались за Децимом Брутом, а Антоний отправился в Македонию. Страхась сразу и Антония и Цезаря Октавиана, Марк Брут и Кассий выехали из Рима, где они до тех пор находились, в назначенные им провинции и занялись там набором легионов, готовясь к гражданской войне. Вопреки закону, оставаясь частным лицом, но пользуясь поддержкой Цицерона и с согласия сената, Октавиан на собственные средства, а также на деньги своих друзей набирал в Риме и в Кампании войска, выплатив сразу каждому наемнику по 500 динариев, что превосходило двухлетнее жалованье легионера, пообещав при счастливом исходе дела выдать впоследствии десятикратно большее вознаграждение. В течение нескольких недель ему удалось составить свою личную многотысячную армию — своего рода вооруженную клиентелу. Считалось, что эти войска предназначены для защиты республики от покушения на нее Антония. Два легиона незадачливого консула перешли на сторону Гая Цезаря Октавиана и влились в его армию.

Завершив консулат, Антоний в январе 43 г. выехал в Цизальпинскую Галлию. Новыми консулами стали ранее избранные Авл Гирций и Гай Вибий Панса. Децим Брут отказался покинуть провинцию, которую он считал своей, и заперся в крепости Мутине (Модене). Войска Антония в апреле 43 г. осадили Мутину. На заседании сената Цицерон потребовал объявить Антония, не подчинившегося постановлению сената, врагом республики, но этому предложению воспротивился цезарианец Пизон, подчеркнув, что высшая власть принадлежит не сенату, а народу, который в трибунных собраниях принял решение об обмене провинций, и Антоний добросовестно исполняет это решение. Он рекомендовал сенату принять постановление, подтверждающее решение народного собрания, и значит, согласиться с передачей Антонию обеих Галлий. Сенат принял компромиссное решение:

Антоний не был объявлен врагом республики, как того требовал Цицерон, но право Децима Брута оставаться в Галлии было подтверждено. А Антонию было предписано перейти Рубикон и тем самым вернуться из Цизальпинской Галлии в Италию и ждать дальнейших указаний сената. Одновременно из Азии в сенат пришло известие о том, что наместник Азии Требоний, участник заговора против Цезаря, не хотел впускать в Пергам и Смирну Долабеллу, который со своим отрядом двигался в назначенную ему в управление Сирию, но войска Долабеллы захватили эти города, Требоний был убит, и солдаты затем играли его отрезанной головой как мячом. По постановлению сената Долабелла был объявлен врагом республики.

К Антонию сенат направил посланцев, которые передали ему требование немедленно подчиниться сенатскому юрисконсульту. Это требование Антоний отверг, при этом написал сенату, что он ему повинуется, но, представляя сенатское постановление как личную интригу Цицерона, он ему персонально отправил через посланца письмо такого содержания: «Народ дал мне Галлию особым законом, и я накажу Децима, не повинующегося этому закону. Кару за убийство я возложу на одного из всех, чтобы очистить от греха сенат, оскверненный теперь присутствием Цицерона, поддерживающего Децима» (Аппиан, цит. изд., с. 597). Получив ответ Антония, сенат объявил его врагом отечества, и предупредил верные ему войска, что и они будут объявлены врагами отечества, если немедленно не выйдут из его повиновения. Правителем Македонии и Иллирии и командующим находившимися там легионами сенат назначил Марка Брута, а управление Сирией возложил на Кассия, которому было приказано вести войну с Долабеллой. Командование флотом сенат поручил Сексту Помпею.

На войну с Антонием сенат направил армии двух консулов Гирция и Пансы и легионы, частично набранные самим Гаем Цезарем Октавианом, который, вопреки закону, в возрасте 19 лет удостоен был звания пропретора, а частично переданные ему Гирцием. Длительная осада Мутины привела к тому, что войска Децима оказались на грани выживания и могли в любой момент сдаться противнику; поэтому легионы консулов и Октавиана маршем двинулись на выручку осажденных. В первом большом сражении против войск Антония действовали под командованием Карсулея преторианская гвардия Октавиана, Марсов легион,

который перешел на его сторону от Антония, и армия Пансы. Легионеры и преторианцы дрались с крайним ожесточением: «Не будучи в состоянии ни обходить противника, ни бежать, так как они сражались на болотах и на рвах, они крепко стояли как вкопанные друг против друга, никто не мог ударить друг друга мечом: они сцепились как в борьбе. Не было ни одного напрасного удара, поэтому много было ранений и убийств, и вместо крика раздавались стоны» (Аппиан, цит. изд., с. 600). В этой битве преторианская когорта вся была уничтожена. Смертельное ранение в пах получил консул Панса. Антоний готов был уже праздновать победу, но когда под вечер его легионеры возвращались с поля битвы с победными песнями, на них напал легион под командованием Гирция, который выдвинулся из-под стен самой Мутины, и изнуренные предыдущим сражением войска Антония потерпели поражение, понеся большие потери.

Переночевав в расположенном близ поля битвы галльском селении, на следующий день Антоний увел оставшиеся войска в лагерь, расположенные вокруг крепостных стен Мутины. Он собирался впредь избегать больших сражений, но тревожить и изнурять противника нападениями мелких кавалерийских отрядов. Гирций и Октавиан снова напали на лагерь Антония. В этом сражении победа была на их стороне, хотя Гирций, ворвавшись в лагерь противника, пал у палатки Антония. Остался единственный победитель Гай Цезарь Октавиан. Антоний, сняв осаду Мутины, с остатками разбитой армии ушел в северном направлении.

Децим Брут, один из убийц Цезаря, боялся усыновленного им Октавиана, и потому перед началом переговоров с ним велел сломать мосты через реку, отделявшую Мутину от лагеря победителя. Через посланников он выразил ему благодарность за снятие осады, но просил вести переговоры в присутствии граждан Мутины и так, чтобы обе стороны при этом разделяла река. Гай Цезарь велел послам передать Дециму следующие слова: «Я явился не для того, чтобы спасти Децима, а чтобы воевать с Антонием, с которым в свое время я могу и помириться. Вся моя натура против свидания или переговоров с Децимом: пусть он живет себе невредимый, пока таково желание жителей города» (Аппиан, цит. изд., с. 603). Затем Децим велел громко, так чтобы слышно было на другом берегу реки, огласить письмо сената, которым ему в управление назначалась Галлия. Одновременно

он запретил Октавиану переходить через реку и преследовать далее Антония. Продолжение войны с ним Децим брал на себя.

Гай Цезарь отправился в Бононию к находившемуся там при смерти консулу Пансе. По предложению сената все войска, действовавшие против Антония, были переданы Дециму, несмотря на то, что консул Панса был еще жив. Имя Гая Цезаря Октавиана в сенатских постановлениях даже не упоминалось — Цицерон, очевидно, решил, что после нанесения сокрушительного удара по Антонию наступила пора избавиться от использованного им Октавиана, который находился тогда у ора Пансы. Умиравший консул заверил юношу в своей неизменной любви к Цезарю, предупредил его о коварстве сенаторов. «Они надеялись, — сказал он, — что если один из вас (другим был Антоний — *В. Ц.*) потерпит поражение, другой будет слабее, так как он будет один, а когда и его удалят, они уничтожат всю партию Цезаря и выдвинут партию Помпея: ведь это основа их политики» (Аппиан, цит. изд., с. 604). Легионы Пансы и Гирция переданы были умиравшим консулом квестору Торквату, а тот, выполняя приказ сената, отдал их Дециму Бруту.

Гай Цезарь Октавиан потребовал для себя триумфа, в котором сенат ему отказал. И тогда, следуя совету скончавшегося Пансы или заранее составленному собственному плану, он начал искать сближения с Антонием, хорошо обращаясь с его попавшими в плен центурионами и легионерами — либо привлекая их на свою сторону, либо отпуская их к Антонию. Но нащупывая путь к договору с Антонием, Октавиан одновременно вел переговоры и с Цицероном, которому он предложил вместе с ним выдвинуть свои кандидатуры на вакантные должности консулов. И Цицерон принял это предложение, но его агитация в пользу кандидатуры Гая Цезаря Октавиана, который не соответствовал возрастному цензу консульской должности, — лучше, говорил он, пойти навстречу оскорбленному пренебрежением честолюбивому человеку, имеющему еще при себе большую армию, чем отталкивать его, превращая в опасного врага, — не возымела успеха среди сенаторов; особенно неприемлемой она была для родственников находившихся в провинциях убийц Цезаря, справедливо опасавшихся мести с его стороны. Столь же тщетно требовал Октавиан наград для своих легионеров.

Между тем, правителю Ближней Испании Лепиду сенат приказал вести боевые действия против Антония. Но когда он,

выполняя этот приказ, сблизился с легионами Антония, перешедшими через Альпы, между ним и Антонием начались контакты: Антоний напомнил Лепиду об их былой дружбе, и в конце концов он перетянул его на свою сторону. Теперь уже соединенные войска Антония и Лепида, под началом которого было 7 легионов, представляли грозную силу. Лепид объявлен был врагом отечества. Для ведения войны с ним и с Антонием сенат вызвал из Африки и из Македонии дополнительные вооруженные силы, но ввиду популярности в армии убитого Цезаря сенат не мог полагаться на их надежность.

Тем временем Октавиан, которому сенат, отказав ему в консулате, приказал действовать заодно с Децимом Брутом против соединенных сил Антония и Лепида, убедил находившихся под его командованием легионеров, расквартированных тогда в Цизальпинской Галлии, потребовать от сената для своего полководца консульской должности. В Рим с этим требованием направились центурионы Октавиана, но сенат отказал им, сославшись на молодость их командующего. Тогда Октавиан со своими легионами перешел Рубикон и двинулся на Рим. Шел август 43 г., впрочем, в ту пору еще называвшийся секстилием — шестым месяцем. В городе не было войск, способных оказать сопротивление. Рим защищали лишь два африканских легиона, легион Пансы и спешно мобилизованные граждане. Набранные Брутом и Кассием войска стояли далеко, и не могли быть вовремя переброшены в столицу. К тому же большинство римлян отвернулось от сената и ожидало Гая Цезаря Октавиана. Люди шли ему навстречу и приветствовали его. Не повинуюсь своим командирам, навстречу полководцу отправились представители трех легионов, расквартированных в Риме. Следом за ними и некоторые из сенаторов отправились к нему на поклон. «Цицерон, — как пишет Аппиан, — узнав о мирных переговорах, добился через друзей Цезаря встречи с ним. Будучи принят, он оправдывался и превозносил свое предложение кандидатуры Цезаря в консулы, первоначально сделанное им в сенате. Цезарь в насмешку заметил только, что из друзей он, Цицерон, был последним, кто пришел к нему» (Аппиан, цит. изд., с. 614).

Когда войска Октавиана пришли на Марсово поле, попытки его упорных противников организовать оборону города прекратились. Средства казны были переданы в распоряжение полководца, и он раздал их солдатам. Затем были проведены выборы

консулов: ими стали Гай Цезарь Октавиан и Квинт Педий. После своего избрания Октавиан принес полагавшиеся жертвоприношения и вторично, уже в куриатной комиции, совершил акт своего усыновления Цезарем, после чего под его юридическое покровительство перешли многочисленные клиенты Гая Юлия Цезаря, в основном из числа его вольноотпущенников.

Узнав о том, что Брут и Кассий к тому времени собрали уже 20 легионов, Октавиан понял, насколько трудная борьба ему предстоит. Поэтому он стал искать сближения с Антонием и Лепидом. По инициативе его коллеги Квинта Педия принят был закон о суде над убийцами Цезаря, и суд объявил их врагами отечества. Одновременно отменены были все акты, направленные против Антония и Лепида, которые двигались уже в Италию. Войска Децима Брута при приближении армии противника покинули своего командующего и перешли на сторону его врагов. Децим бежал, переодевшись галлом, но был схвачен разбойничьей шайкой под предводительством Камилла. Он открылся Камиллу, и тот сообщил о нем Антонию, а он приказал убить Децима и прислать ему его голову. Так погиб второй после Требония из видных убийц Цезаря.

Встреча Октавиана с Антонием и Лепидом состоялась в ноябре 43 г. вблизи Бононии. Переговоры велись в продолжение двух дней. В результате договорились о том, что Цезарь Октавиан сложит с себя консульские полномочия, и его заменит в этой должности Вентидий; сами же они составят триумvirат, который будет править государством в течение 5 лет. Провинции поделили между собой следующим образом: Антонию досталась вся Галлия, за исключением Нарбонской провинции, которая вместе с Испанией переходила под власть Лепида. Октавиан получил в управление Сицилию и Сардинию с прилегающими островами и Африку. Территории, стратегически выгодные в перспективе потенциального соперничества между триумвирами, достались Антонию. Провинции Октавиана оказались самыми уязвимыми из-за концентрации в бассейне западного Средиземноморья военно-морских сил Секста Помпея. Делить балканские и восточные провинции, пока они оставались во власти Брута и Кассия, сочли преждевременным, но триумвиры постановили, что в предстоящем 42 г. Лепид должен будет стать консулом и управлять Италией и Испанией, а Антоний и Цезарь Октавиан отправятся на восток воевать с убийцами Цезаря. Договорились

также о проскрипциях — о казнях как прямых убийц Цезаря, так и всех вообще видных и опасных политических противников — оптиматов и помпеянцев.

Затем полководцы торжественно вступили в Рим. По инициативе народного трибуна Публия Тиция немедленно был принят закон, которым Цезарю Октавиану, Антонию и Лепиду, официально назначенным триумвирами для устройства республики — *triumviri rei publicae*, вручалась неограниченная власть на предстоящие 5 лет — до 31 декабря 38 г. до Р.Х. Еще одним законом убитый заговорщиками диктатор Гай Юлий Цезарь объявлялся божественным, что дало право усыновленному им внучатому племяннику именоваться впредь сыном божественного Юлия — *filii Julii divi*. Месяц квинтилий, в который родился Цезарь, назван был в его честь *iulius* — июлем.

Повторяя опыт Суллы, триумвиры, стоявшие во главе партии популяров, с которой боролся Сулла, заранее составили проскрипции; в них внесены были имена около 300 сенаторов и 2-х тысяч всадников. По особому настоянию Антония в список включили и имя Цицерона. К смерти приговаривались также брат триумвира Павел Лепид, и дядя Марка Антония Луций Антоний — в свое время они по малодушию первыми высказались в сенате за объявление Антония и Лепида врагами отечества. Проскрибированы были народный трибун Сальвий, преторы Минуций и Анналис. Некоторых сенаторов и всадников внесли в проскрипции не потому, что они были особенно опасны, а из-за их богатств — все имущество проскрибированных подлежало конфискации и должно было пойти на войну с Брутом и Кассием.

Объявление о проскрипциях сопровождалось изданием манифеста, с которым триумвиры обратились к гражданам Рима. Его текст гласил: «Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе сострадание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности и, сделав своими друзьями, осыпал всех почетными должностями и подарками, и мы не вынуждены были бы поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами

государства. Ныне же, усматривая из их заговоров против нас и из судьбы, постигшей Гая Цезаря, что низость их не может быть укрошена гуманностью, мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть. Да не сочтет кто-либо этого акта несправедливым, жестоким или чрезмерным; пусть он примет во внимание, что испытал Гай Цезарь и мы сами. Ведь они умертвили Цезаря, бывшего императором, верховным понтификом, покорившего и сокрушившего наиболее страшные для римлян народы, первого из людей, проникшего за Геркулесовы столпы в недоступное дотоле море и открывшего для римлян неведомую землю, умертвили среди священного места во время заседания сената, на глазах у богов, нанеся ему двадцать три раны... Некоторых из них мы уже казнили, остальные, вы скоро это увидите, понесут, с помощью божества, кару. Но хотя важнейшие дела в Испании, Галлии и Италии уже выполнены нами... все-таки еще остается одно дело — поход против находящихся по ту сторону моря убийц Цезаря. Если мы хотим вести эту внешнюю войну для вашего блага, то нам кажется, ни вы, ни мы не будем в безопасности, оставив в тылу прочих врагов, которые нападут во время нашего отсутствия... Они готовы были погубить столько тысяч граждан вместе с вами...; никаких страданий народные массы не испытают от нас, и мы не станем выделять в качестве врагов всех тех, кто разошелся с нами или злоумышлял против нас или кто выдается чрезмерным богатством, влиянием, и не в таком количестве пострадают они, в каком другой диктатор, бывший до нас, умертвил, он, который также восстанавливал государство среди гражданской войны и которого вы за его деяния называли «Счастливым»... Мы будем карать только самых закоренелых и самых виновных. И это столько же в ваших интересах, сколько лично в наших. Неизбежно, что во время нашей борьбы вы все, находясь между враждующими сторонами, будете сильно страдать. Необходимо далее, чтоб армия, оскорбленная и раздраженная, объявленная вашими общими противниками вражескою, получила некоторое удовлетворение. И хотя мы могли приказывать схватить тех, о которых это было решено, немедленно, мы предпочитаем предварительно опубликовать их список, чем захватить их врасплох. И это опять-таки в ваших интересах; чтобы не было возможности разъяренным солдатам неистовствовать по отношению к невинным, но чтобы солдаты, имея в руках

списки проверенных по числу и названных по именам лиц, воздерживались, согласно приказанию, от насилия по отношению ко всем остальным. Итак, в добрый час. Никто не должен давать приют у себя, скрывать, отправлять в другое место или давать себя подкупать деньгами; всякого, кто будет изобличен в том, что он спас или оказал помощь или только знал об этом, мы... включаем в проскрипционные списки. Головы убитых пусть приносят к нам за вознаграждение в 25 тысяч аттических драхм (поместивший в своей «Истории» этот текст в греческом переводе Аппиан привел суммы, обозначенные в подлиннике в римских денежных единицах, в их греческом эквиваленте — *В. Ц.*) за каждую, если приносящий свободнорожденный, если же раб, то получит свободу, 10 тысяч аттических драхм и гражданские права своего господина. Те же награды назначаются и доносчикам. Никто из получающих награды не будет вноситься в наши записи, и имя его останется неизвестным» (Аппиан, цит. изд., с. 623–625).

Ростры на римском форуме украсились отрубленными человеческими головами. Солдаты и обыватели чинили расправу над проскрибированными. Когда случалась ошибка, на месте же выявляемая, тело убитого оставляли с недоотрубленной головой. Атмосфера в городе стала особенно гнетущей оттого, что люди перестали доверять друг другу. Убийцами или доносчиками становились не только собственные рабы и соседи, но и ранее казавшиеся всецело преданными своим патронам клиенты и вольноотпущенники и даже близкие родственники. Люди, считавшиеся до проскрипций мужественными и благородными, отказывались предоставить убежище ищущим его друзьям, а иногда и прямо доносили на таковых. Сами проскрибированные, пытаясь избежать смерти, прибегали к унижительным уловкам — одевались рабами или нищими, прятались в колодцах, в дымовых трубах, в клоаках для сточных вод, в кучах мусора; и некоторым таким образом удавалось спастись. Как писал летописец этих мрачных событий Аппиан, «некоторые умирали, защищаясь от убийц, другие не защищались... Некоторые умерщвляли себя добровольным голоданием, прибегая к петле, бросаясь в воду, низвергаясь с крыш, кидаясь в огонь, или же сами отдавались в руки убийц или даже просили их не мешкать. Другие, униженно моля о пощаде, закрывались, чтобы избежать смерти, пытались спастись подкупом. Иные погибали, вопреки воле

триумвиров, жертвою ошибки, вследствие личной вражды к ним убийц» (Аппиан, цит. изд., с. 627).

Цицерон, узнав о включении его имени в проскрипции, вместе с именами своего сына, брата, племянника и всех родственников, решил бежать из Рима и из Италии на корабле, но, не выдержав морской качки, высадился на берег вблизи собственной виллы около Капуи. Его повсюду искали, и некий сапожник, клиент его врага Клодия, узнав Цицерона, донес о нем центуриону Леннату, который в свое время благодаря помощи Цицерона выиграл процесс; и тот, сняв его с носилок, на которых несли беглеца, отрезал ему голову. Антоний вознаграждал убийцу Цицерона денежной суммой, которая десятикратно превосходила награду, назначенную за убийство проскрибированных. Голова оратора и его рука выставлены были на форуме перед трибуной, с которой Цицерон многократно обращался к народу со своими речами.

Средств, отнятых у проскрибированных, не хватало на вознаграждение ветеранов. Поэтому триумвиры постановили конфисковать у 18 самых процветающих экономически городов Италии, таких как Капуя, Беневент, Аримин, Регий, землю, и разделить ее на мелкие наделы, предоставили их ветеранам. Для снаряжения армии, предназначенной действовать против Брута и Кассия, они приказали всем римским гражданам, а также вольноотпущенникам и паломникам отдать в казну свой годовой доход и еще, в долг триумвирам, одну пятидесятую долю стоимости своего имущества.

Война на востоке стала неизбежной ввиду того, что Брут и Кассий, контролируя Балканы и азиатские владения Рима, вели там набор легионов, прибегая к жестоким мерам, пополняли свою казну, чеканили монеты со своими изображениями и принимали из Рима и из западных провинций беглецов, внесенных в проскрипции. В Африке на сторону оптиматов стал правитель Африканской провинции Корнифиций, но с помощью мавританского царя Арабиона наместник Нумидии Секстий, признавший власть триумвиров, подавил выступление мятежного губернатора: сам Корнифиций пал на этой локальной войне, остатки же его войска бежали на Сицилию, где укрепился внесенный в проскрипции Секст Помпей, которого ранее сенат назначил командующим военно-морскими силами республики. В своей власти он удерживал также Сардинию.

Сторону триумвиров взял проконсул Сирии Долабелла, которому оказала помощь своими войсками царица Египта Клеопатра, но в последовавших одно за другим двух морских сражениях у берегов Сирии флот Долабеллы был разбит превосходящими его военно-морскими силами Кассия, а затем легионеры Кассия взяли Лаодикию Сирийскую, где располагался преторий Долабеллы, и тогда «Долабелла подставил голову своему телохранителю и приказал ее, отрубив, отнести Кассию, чтобы телохранитель тем спасся. Но тот, отрубив голову, умертвил и самого себя» (Аппиан, цит. изд., с. 653–654). Так погиб полководец, который в прошлом был предводителем восстания крайних популяров, подавленного Антонием по приказанию Цезаря, простившего бунтовщика и снова приблизившего его к себе.

Властвуя над Сирией, Кассий подверг ее разорению, и как пишет Иосиф Флавий, «при этом он особенно обидел Иудею, требуя с нее семьсот талантов серебра. Видя ужас и большое смущение населения, Антипатр распорядился распределить сбор этой дани между своими сыновьями» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 76), в числе которых был и его любимец Ирод, правивший в Галилее; он «первым внес назначенную сумму от лица Галилеи... и тем снискал себе особенную дружбу Кассия, так как Ирод решил, что теперь следует выслуживаться перед римлянами и за чужой счет снискивать их благоволение» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 76). В благодарность за это Кассий назначил его правителем Келесирии. Вскоре жертвой заговора пал его отец идумеянин Антипатр, после чего Ирод вернулся в Иудею, чтобы отомстить организатору заговора Малиху. Войско Ирода вошло в Иерусалим, а в городе Тире Малих был убит убийцей, подсланным Иродом. Сделано это было с согласия Кассия, который обещал Ироду поставить его царем Иудейским после успешного завершения гражданской войны.

Между тем, разгромив армию Долабеллы, Кассий двинул свои легионы на Египет, но вынужден был уже на марше повернуть их обратно, вызываемый на помощь Брутом, поскольку войска Октавиана и Антония уже перебрасывались через Ионийское море на Балканы. В 42 г. до Р.Х. армии Брута и Кассия соединились в Малой Азии, и затем переправились через Гелеспонт и высадились во Фракии на ее границе с Македонией. Соединенная армия включала 19 тяжеловооруженных легионов, насчитывавших 80 тысяч человек. Кроме того, в их распоряжении

было еще 12 тысяч конницы — кельты, иберы, лузитане, илирийцы, фракийцы, фессалийцы, мидяне, парфяне, арабы, а также малоазийские галаты во главе со своими царями и тетрархами и с ними еще 5 тысяч кавалерии и пехоты. Брут и Кассий располагали также многочисленным флотом, имея явное превосходство над противником на море. Поэтому их первоначальный план состоял в том, чтобы истощить армию триумвиров, разрывая ее морские коммуникации и тем затрудняя ее снабжение продовольствием, но Антоний ловким маневром отсек враждебную армию от связи с морем, лишив ее преимущества, связанного с превосходством военно-морских сил, так что Брут и Кассий вынуждены были принять сражение раньше, чем они планировали.

Осенью 42 г. у македонского города Филиппы их армия сошлась с 19 легионами Октавиана и Антония. Конница триумвиров насчитывала 13 тысяч всадников, так что противостоящие армии количественно были примерно равны: уступая противнику в кавалерии, триумвиры превосходили его тяжелой пехотой: их легионы были полнее укомплектованы и лучше обучены.

В первом сражении легионы, действовавшие под командованием Антония, сражались против армии Кассия, а войска Октавия против легионов Брута. Брут нанес сокрушительный удар по армии Октавиана. Сам Октавиан, по словам Светония, «по нездоровью не собирался выходить из палатки, но вышел, поверив вещему сну своего друга; и это его спасло, потому что враги захватили его лагерь и, думая, что он еще лежит в носилках, искололи и изрубили их на куски» (Светоний, цит. изд., с. 69). Но Антоний разгромил войска Кассия, сам полководец с маленьким отрядом телохранителей бежал на холм, откуда видел захват своего лагеря. Из-за поднявшейся пыли ему было не видно, что легионы Брута одержали победу и взяли лагерь Октавиана, так что конечный исход сражения оставался неясным. Кассий приказал своему оруженосцу Пиндару убить его. Но тут от Брута пришел вестник сообщить об одержанной победе. Участник убийства Цезаря велел передать Бруту слова «Пусть он одержит полную победу», а затем, — как пишет Аппиан, вновь обратился к оруженосцу — «Скажи, что ты медлишь, отчего не освобождаешь меня от позора?». Тогда Пиндар убил своего господина, подставившего ему горло» (Аппиан, цит. изд., с. 682). Плаксивая Кассия, Брут назвал его последним римлянином. Потерпев

поражение, Октавиан бежал в расположение войск Антония. Брут намеревался перейти к обороне, зная, что у противника истощены запасы продовольствия и многие солдаты страдают от голода. Он занялся укреплением своего лагеря, но его легионеры предпочитали как можно скорее решить войну генеральным сражением, тем самым способствуя реализации наступательных планов Антония.

Сражение возобновилось через день после первой битвы, исход которой был неясен. На этот раз легионы, действовавшие под командованием Брута, были разбиты войсками Антония и Октавиана, которые также понесли тяжелые потери. Сам Брут с оставшимися неполными четырьмя легионами бежал в горы, собираясь продолжить войну. Но его солдаты уже не хотели воевать. Своему полководцу они сказали: «Пусть он решает сам про себя; мы же, многократно подвергавшиеся испытаниям судьбы, не хотим терять последнюю надежду на примирение» (Аппиан, цит. изд., с. 693). Видя, что армия вышла из повиновения, Брут приказал своему другу эпироту Стратонику убить его, и тот поразил его мечом в бок. Когда останки убийцы Цезаря были обнаружены противником, его голову отделили от туловища, и по приказанию Октавиана, она была брошена к ногам статуи Цезаря.

Оставшиеся в живых солдаты и офицеры республиканцев сдались в плен. Те из них, кто был признан виновным, подверглись смертной казни. По рассказу не вполне надежного информатора Светония, Октавиан, «не выказал никакой мягкости...», вымещая свою ярость на самых знатных пленниках, он осыпал их бранью. Так, когда кто-то униженно просил не лишать его тело погребения, он, говорят, ответил: «Об этом позаботятся птицы!» (Светоний, цит. изд., с. 39). Но большинство пленных легионеров и центурионов было включено в армию Октавиана и Антония. Сдалась и часть корабельных экипажей, другие суда взяли курс на Сицилию, чтобы продолжить сопротивление под командованием Секста Помпея.

Одержав победу, Октавиан и Антоний столкнулись с трудной и опасной проблемой изыскания средств для вознаграждения своих ветеранов, которые составляли главный оплот их власти. С этой целью один из них, Цезарь Октавиан, отправился на запад, в Италию, чтобы, по выражению Антония, которое передает Аппиан, «выселить Италию» (Аппиан, цит. изд., с. 702), иными

словами, чтобы наделить землей, конфискуемой у италийских городов, своих ветеранов. А Антоний для изыскания средств отправился в азиатские провинции, к тому времени уже основательно разоренные поборами, которые производил там Кассий.

Когда Антоний прибыл в Вифинию, к нему отправились представители союзных Риму царств и народов. И среди них были также иудеи с жалобой на ставленников Кассия Фасаила и Ирода — двух братьев идумеев, которые правили их страной, в то время как Гиркан царствовал только по имени. Явившись к нему по приказу Антония, Ирод задобрил триумвира богатыми подношениями, и тот больше уже не слушал его обвинителей, не один раз еще приходивших к нему со своими жалобами. Находясь в предместье Антиохии Дафне, Антоний принял 100 посланцев из Иудеи, которые снова жаловались на Ирода и его клеветов. Но, как рассказывает Иосиф Флавий, он спросил находившегося там же царя и первосвященника Гиркана, «кто из них лучше умеет править народом. Когда же тот указал на Ирода, Антоний... назначил обоих братьев тетрархами и поручил им заведование всеми делами иудеев» (Иосиф Флавий, *Иудейские древности*, т. 2, с. 80).

В киликийском Тарсе Антоний встретился с Клеопатрой. Цезарь назначил ее правительницей Египта, предоставив в ее распоряжение римские легионы. Во время борьбы триумвиров с убийцами Цезаря она пыталась лавировать. И теперь Антоний обвинил ее в том, что она не оказала помощи Октавиану и ему в войне против Брута и Кассия. В свое оправдание Клеопатра сказала, что ранее она направила 4 легиона в помощь Долабелле и что только противный ветер удержал ее хорошо оснащенные корабли от отправки к Долабелле, а болезнь помешала ей самой вступить в эту войну. Как рассказывает Аппиан, «Антоний, пораженный помимо внешности, также и умом Клеопатры, тотчас влюбился в нее, как юноша, хотя ему в это время исполнилось уже сорок» (Аппиан, *цит. изд.*, с. 703). Клеопатра была моложе его на 12 лет.

Запутавшись в сетях соблазнительной царицы, он отправился следом за нею в Александрию, поручив управление Востоком своим легатам, а сам зиму 41–40 гг. провел в беззаботной праздности. Он «перестал думать об обязанностях верховного правителя, носил эллинскую четырехугольную столу вместо тоги..., белые аттические сандалии... выходил из дому Антоний

только в храмы и гимнасии или для беседы с греками и Клеопатрой, которой, несомненно, — заключает историк, — он и посвящал все свое время» (Аппиан, цит. изд., с. 705). При этом он действовал в интересах Клеопатры, которая была признана им царицей Египта. По ее наущению была казнена ее родная сестра Арсиноя, в которой та видела свою династическую соперницу. Кроме того, Антоний включил в состав владений Клеопатры Кипр и часть Киликийского побережья.

А в это время Квинт Лабиев, который ранее был направлен Кассием послом к парфянскому царю, с помощью парфянских всадников, действовавших под командованием царского сына Пакора и сатрапа Барзафарна, и перешедшей на его сторону части армии самого Антония, овладел Сирией, Киликией и большей частью Малой Азии. Сирию и Иудею оккупировали парфяне. Иерусалим подвергся разграблению. Гиркан и Фасил были захвачены в плен и переданы сыну Аристовула Антигону, который ранее вступил в сношения с парфянами, пообещав им дать тысячу талантов и 500 знатнейших женщин, если они свергнут Гиркана и передадут власть ему. Как пишет Иосиф Флавий, Антигон опасался, «как бы народная масса не вздумала вернуть царскую власть Гиркану.., и потому он велел отрубить ему уши, рассчитывая лишить его таким образом возможности быть первосвященником вследствие порока» (Иосиф Флавий, Иудейские древности, т. 2, с. 84). Находившийся в оковах Фасил, зная о предстоящей ему казни, разбил себе голову о стену, а брат его Ирод бежал из Иерусалима в родную Идумею. Позже он отправился в Египет, уже не застав там Антония, а из Александрии морем через Памфилию и Родос он добрался до Брундизия и приехал в Рим к тогда уже находившемуся там Антонию.

После битвы под Филиппами в Италии обещанного вознаграждения ожидали 170 тысяч ветеранов. Чтобы выполнить обещание — в противном случае легионы грозили силой добиться своего — Октавиан проводил массовую конфискацию земли, а земельные ресурсы Италии были ограничены. Из 18 городов, жители которых подлежали выселению, чтобы на их землях разместить колонии ветеранов, в распоряжении правительства находилось только 16 — два южноиталийских города занял Помпей, который к тому же, имея под рукой могущественный флот, блокировал берега Италии, препятствуя подвозу продовольствия, из-за чего в стране начинался голод. Италики и даже римляне

отвернулись от триумвиров, особенно пылко они осуждали Октавиана, потому что именно он был ответственен за благополучие управляемой им Италией. «Все обиженные, молодежь, старики, женщины с детьми, стали стекаться в Рим, сходясь с группами на Форуме или в храмах, они с плачем говорили, что, не совершив никакого преступления, они, жители Италии, изгоняются со своих земель и от своих очагов, словно они проживали во вражеской стране. Слыша это, римляне негодовали и скорбели вместе с ними, так как понимали, что война велась не ради пользы Рима, а в интересах правителей, желавших произвести государственный переворот» (Аппиан, цит. изд., с. 705).

Широкое недовольство правлением Октавиана побудило консула 41 г. Луция Антония к вооруженному выступлению против него. Он действовал с надеждой на поддержку своего могущественного брата, застрявшего в Египте, но, насколько можно судить и по его дальнейшему поведению и по двусмысленной реакции Марка Антония на этот шаг, нет оснований предполагать, что он действовал по наущению из Александрии. Скорее консул выступил на свой страх и риск, но опирался на популярность в армии и отчасти в народе своего брата. Тем не менее в заговоре против Октавиана участвовал и правитель делами Марка Антония в Италии Маний. Затем им обоим удалось вовлечь в него и жену триумвира Фульвию. Вначале она противилась этой затее, но Маний сумел найти ключ к ее сердцу: он говорил ей, что война вынудит ее мужа вырваться из чар Клеопатры и вернуться в Италию. Фульвию с детьми Луций и Маний привели в легионы и убеждали солдат защитить жену и детей Марка Антония, не допустить, чтобы плодами победы при Филиппах пользовался один Октавиан, а Марк Антоний остался ни с чем.

Из числа центурионов Антония были, вопреки договоренности с Октавианом, назначены уполномоченные для раздачи колоний ветеранам, и они обнаружили размах и щедрость в этом, конечно, за счет гражданского населения. В то же время Луций, опираясь на массовое недовольство италиков и римлян, которые из-за морской блокады силами помпеянского флота, оказались на грани голода, агитировал за упразднение триумvirата и восстановление прежнего республиканского строя. Маний обвинял Октавиана в стремлении к единоличной диктатуре, в том, что, выколачивая деньги из населения под предлогом борьбы

с Помпеем, он в действительности использует их на подкуп солдат, в том, что он фактически сделал независимой Галлию, ранее предоставленную Антонию. О действительной реакции самого триумвира, остававшегося в Египте, на происходящее в Италии ничего определенного неизвестно, но Маний показывал его подлинное или подложное письмо, в котором тот «предписывал воевать, если кто-либо будет умалять его достоинство» (Аппиан, цит. изд., с. 715).

Луцию подчинилась часть легионов, расквартированных в Италии, кроме того, ему вместе с Манием удалось еще набрать войска из числа римлян и италиков, недовольных своим изгнанием из родных городов. Военные действия начались с восстания двух легионов, расквартированных в Альбе: находясь ранее в распоряжении Луция, они отпали от него. К этим легионам одновременно отправились с верными им частями Октавиан из Рима и Луций из Пренесте, где он тогда находился. Консул опередил Октавиана и сумел убедить легионеров вновь признать его своим законным командующим. Тем временем, воспользовавшись отсутствием Октавиана и верных ему легионов, Луций вошел в Рим. Триумвир Лепид бежал из столицы к Октавиану. Консул, выступив перед созванным им народным собранием, сказал, что Цезарь Октавиан и Лепид «потерпят наказание за захват власти, брат же его Антоний добровольно сложит с себя власть триумвира, заменив эту противозаконную тиранию консульской властью, властью законнейшей и установленной обычаями предков» (Аппиан, цит. изд., с. 716).

Тем временем легионы Октавиана, состоявшие под командованием его друга и легата Марка Випсания Агриппы, захватил город Сутрий, занимавший важное положение в стратегических расчетах Луция, который после неудачной попытки отвоевать его, отступил на север и заперся с верными ему частями в этрусском городе Перузии (Перудже). Город затем был окружен тремя отрядами Агриппы, Сальвидиена и самого Октавиана. Голод в гарнизоне, вызванный блокадой, заставил Луция попытаться без должной подготовки прорваться через позиции окруживших Перузию легионов, но его атака была отбита, и он с сильно потрепанными частями вынужден был возвратиться в стены голодного города. Оказавшись в отчаянном положении, он решил прекратить сопротивление и сдаться на милость победителя, а тот, ради сохранения

добрых отношений с братом Луция, принял его по-дружески. Легионеры и той и другой стороны с радостью приняли весть о примирении и о том, что они таким образом избежали большой братоубийственной войны.

Трибуны, центурионы и солдаты Луция были включены в армию Октавиана Цезаря. Жителей Перузии он простил, но город отдал на разграбление солдатам, однако случившийся тут же пожар, спаливший прекрасный и древний город этрусков, оставил грабителям голые остовы строений. Сенаторы Перузии были арестованы и впоследствии казнены — все, кроме Эмилия Луция, который был прощен потому, что, когда в Риме судили убийц Цезаря, он находился там и голосовал за их осуждение, убеждая и других последовать его примеру (см. Аппиан, с. 727). Но мало надежный относительно достоверности сообщаемых им сведений Светоний писал иное: «После взятия Перузии он казнил множество пленных. Всех, кто пытался молить о пощаде или оправдывался, он обрывал тремя словами: «Ты должен умереть!». Некоторые пишут, будто он отобрал из сдавшихся триста человек всех сословий и в иды марта у алтаря в честь божественного Юлия перебил их, как жертвенный скот» (Светоний, цит. изд., с. 40). Перузианская война окончена была в феврале 40 г. до Р.Х. После поражения Луция Фульвия отправилась в Грецию навстречу мужу и вскоре там умерла. Многие сенаторы и всадники, скомпрометировавшие себя участием в выступлении Луция, бежали на Сицилию к Помпею. В Италии продолжилось наделение ветеранов колониями, сопровождаемое новыми изгнаниями италиков с родных мест. Продовольственное снабжение Рима, ввиду господства на море помпеянского флота, оставалось критическим.

Весной 40 г. Антоний, наконец, сумел вырваться из чар Клеопатры и направился вначале в свои азиатские провинции, значительная часть которых была отнята парфянами, а оттуда в Грецию. В Афинах он встретил Фульвию, которая была тяжело больна. Узнав подробности о Перузианской войне, он выбрал и Мания, и брата, и жену за предпринятую ими авантюру. Помпей из Сицилии отправил к Антонию его мать Юлию, которая бежала на остров, когда началась война. Ее сопровождали видные помпеянцы Сатурнин и Луций Либон. От Помпея у них было поручение договориться о совместных действиях с Антонием, но тот не пошел на прямой союз, велел передать Помпею,

что он благодарит его за заботу о матери и «в дальнейшем за это еще оплатит ему; если он будет воевать с Цезарем, он возьмет Помпея в качестве союзника, если же Цезарь останется при заключенном с ним договоре, то постарается примирить с Цезарем и Помпея» (Аппиан, цит. изд., с. 728).

В эту пору Октавиан находился в Галлии, восстанавливая частично утраченный ввиду всецело поглотивших его внимание бурных событий в Италии контроль над ее провинциями. Полученные им по возвращении в Рим сведения о характере контактов Антония с Помпеем были неопределенными, но на всякий случай он счел необходимым внушить легионерам опасения, что в результате сговора Антония с Помпеем в Италию вернутся беглые оптиматы, и землевладельцам возвратят земли, отнятые у них для устройства колоний ветеранов. В то же время он счел полезным со своей стороны нащупать путь к примирению и сближению с Помпеем. Для этого он просил своего друга Мецената посватать за него Скрибонию — сестру родственника Помпея Либона, и отец дал согласие на этот брак. Лепида он отправил в Африку с 6 легионами Антония, на верность которых в случае войны с ним он положиться не мог. Чтобы лучше прояснить ситуацию и перспективу возможной войны с Марком Антонием, он встретился с прощенным им братом триумвира, и тот, объясняя мотивы своего участия в выступлении против Октавиана, сказал, может быть, откровенно: «О монархических взглядах Фульвии я знал. Я же пользовался войсками брата, чтобы устранить всех. И теперь, если бы брат выступил против монархии, я, явно или тайно, перешел бы на его сторону и стал бы бороться против тебя за отечество, хотя я и облагодетельствован тобою. Если же и Антоний также только набирает и выделяет будущих союзников в борьбе за монархию, я буду сражаться на твоей стороне против него, пока буду считать, что ты не подготавливаешь монархии: дело родины я ставлю выше и благодарности и родства» (Аппиан, цит. изд., с. 729–730). После этой беседы Октавиан послал его в Испанию проконсулом, подчинив ему и расквартированные там легионы и находившихся там наместников Педуция и Луция.

Тем временем Марк Антоний, оставив больную жену в Сиционе, отправился из Керкиры морем с небольшим отрядом на 200 кораблях, построенных в Малой Азии, в Италию. В море состоялась встреча между ним и Домицием Агенобарбом,

проскрибированным участником заговора против Цезаря, сражавшимся под началом Кассия под Филиппами и потом разбойничавшим с подчиненным ему флотом в Ионийском море. Агенобарб признал Антония своим начальником, и тот принял его вместе с его более многочисленным флотом, чем тот, которым располагал сам триумвир. Когда Антоний с Агенобарбом высадились в Брундизии, город запер перед ними ворота — «перед Агенобарбом как перед давним врагом, перед Антонием как сопутствовавшим врагу» (Аппиан, цит. изд., с. 731). Антоний знал, что сделано было это по приказу Октавиана. Он велел перекопать перешеек, соединяющий Брундизий, расположенный на маленьком полуострове, с материком, тем самым прервав снабжение города извне. В ответ на это Октавиан направил на юг Италии верные ему легионы.

Война казалась уже неизбежной; между отрядами, подчиненными двум враждующим триумвирам, произошли стычки, но измотанные чредой гражданских войн легионеры не хотели возобновления их в еще более угрожающих масштабах, чем прежде. Друг Октавиана и Антония Луций Кокцей, находившийся тогда в лагере Антония, взял на себя инициативу примирения полководцев, и он в этом преуспел. Летом 40 г. в Брундизии состоялись переговоры, успеху которых способствовала весть о смерти супруги Антония Фульвии. Стремясь к примирению, Цезарь Октавиан договорился с Антонием о его браке на своей сестре Октавии, незадолго до этого овдовевшей после смерти мужа Марцелла. Она отличалась красотой, доброжелательностью и кротким нравом, отчего была особенно популярна в римском обществе. Заодно обе стороны достигли соглашения о новом распределении провинций. Лепиду оставлена была Африка, Антоний получил азиатские и балканские провинции, кроме Илирии, которая, равно как и весь Запад до океана, отходила к Цезарю Октавиану. Италия оставалась в совместном управлении, и набирать свои армии в ней могли все триумвиры. Договорились также о том, что Антоний будет вести войну с парфянами, чтобы освободить занятые ими провинции и отомстить за гибель Красса, а Октавиан — на море, против Помпея. Попытки Антония примирить своего нового родственника с Помпеем были им решительно отвергнуты. Брак между Октавией и Антонием был заключен после его прибытия в Рим. Узнав обо всех обстоятельствах, предшествовавших Перузианской войне,

Антоний приказал убить своего управляющего Мания, которого нашел главным виновником этой войны.

Италия избежала гражданской войны, но бедствия в ней не прекратились. Секст Помпей основательно укрепился на Сицилии, Сардинии и Корсике, его флот контролировал Западное Средиземноморье, перерезая морские коммуникации и затрудняя снабжение продовольствием Рима и Италии. По существу дела это была морская блокада. Рядом с Помпеем находился сенат, в который входили сенаторы, бежавшие из Рима, туда стекалась вся вообще выжившая после проскрипций оппозиция из оптиматов и другие недовольные режимом триумvirата элементы. Но главной опорой Секста Помпея стали беглые рабы и, как это ни парадоксально, пираты, гнезда которых незадолго до этого беспощадно разорил его отец Гней Помпей. Сын Помпея Великого составлял из морских разбойников экипажи своих многочисленных военных судов.

Цены на хлеб и основные продукты в Риме и Италии взмыли вверх. Сотни тысяч людей голодали — бесплатный хлеб выдавался только неимущим римским гражданам. Для спасения страны от массового голода необходимо было разгромить Помпея, а для ведения войны катастрофически не хватало средств. Тогда Октавиан обязал всех, кто владеет рабами, выплатить налог в размере по 12 с половиной драхм за каждого раба, что составляло половину той суммы, которой были обложены рабовладельцы, когда велась подготовка к войне с Кассием и Брутом. Кроме того, вводился налог на наследство. Этот указ вызвал всенародное возмущение.

Собравшаяся на форуме толпа с негодованием обвиняла правительство, которое довело государство до разорения. В тех, кто пытался образумить разъяренную массу, полетели камни. Чтобы предотвратить мятеж, Октавиан с малочисленной охраной пришел на форум и попытался образумить возбужденную толпу. «Но только что его увидели, беспощадно начали бросать в него камнями, не смущаясь тем, что он остановился, подставляя себя под удары, и был ранен. Узнав об этом, — рассказывает Аппиан, — Антоний поспешил к нему на помощь. Он шел по Священной дороге, и в него камнями не бросали, поскольку он был готов на примирение с Помпеем, но требовали, чтобы он удалился. Когда он не выполнил этого, то и в него стали бросать камнями» (Антоний, цит. изд., с. 737–738). Антоний

вызвал отряд солдат, и те применили мечи. Антоний и Октавиан вырвались из толпы, угрожавшей им смертью, а затем солдаты разогнали бунтовщиков. Трупы убитых сбросили в Тибр. Всплывая, они становились добычей мародеров из числа солдат и профессиональных воров. В обнищавшем Риме даже вещи, которые были надеты на небогатых людях, пораженных мечами солдат, представляли ценность. Ненависть народа к триумвирам, особенно к Октавиану, зашкаливала. Народ требовал мира с Помпеем. К примирению с ним решительно склонял Октавиана и Антоний.

Начались переговоры, вначале через посредников, потом напрямую: в 39 г. два триумвира встретились с Помпеем на полях вблизи Путеол. Помпей хотел, чтобы его признали триумвиром вместо Лепида, но добиться этого он не сумел. Ему однако сделаны были далеко идущие уступки. Он признавался на ближайшие 5 лет командующим всеми морскими силами Рима, на этот же срок ему предоставлялась власть над Сицилией, Сардинией, Корсикой, а также Пелопонессом. По истечении 5-летнего правления он должен был стать консулом и получить компенсацию за конфискованное имущество отца. Его имя вносилось в списки верховных понтификов. Находившиеся у него изгнанники из числа проскрибированных получили право вернуться в Италию, и им возвращалась их конфискованная недвижимость. Осужденным в судебном порядке возвращалась четверть их имущества, но на виновных в убийстве Цезаря ни эти компенсации, ни вообще амнистия не распространялись. Рабам, воевавшим на стороне Помпея, даровалась свобода, а свободные, служившие у него, должны были получить те же награды, что и солдаты триумвиров, включая наделение их земель в Италии. Со своей стороны Помпей брал на себя обязательство прекратить войну на суше и на море, вывести свои гарнизоны из городов южной Италии, впредь не принимать беглых рабов, гарантировать снабжение Италии хлебом из управляемой им Сицилии и не чинить препятствий для морских коммуникаций империи.

Примирение триумвиров вызвало взрыв радости в Риме. Снабжение столицы и Италии продовольствием улучшилось, и дороговизна спала. Октавиан вновь отправился для наведения порядка во все еще волновавшуюся Галлию, а Антоний со своей новой женой Октавией — на восток, остановившись на зиму в Афинах. Тем временем его легат Вентидий Басс успешно

воевал с парфянами, возвращая захваченные ими ранее провинции, после чего Антоний «в разных местах поставил тех царей, каких признал годными при условии уплаты ими дани: в Понте — Дария, сына Фарнака и внука Митридата, в Идумее и Самарии — Ирода, в Писидии — Аминту, в части Киликии — Полемона, других над другими народами» (Аппиан, цит. изд., с. 742).

Мир с Помпеем оказался непрочным. Антоний передал в его управление Пелопонесс при условии выплаты ему недоимок с жителей полуострова. Помпей однако не захотел принимать провинцию, обремененную долгами, и начал строить новые военные суда, вербовать моряков, снова стал принимать беглых рабов и подстрекать своих пиратов к возобновлению морских грабежей. Захваченные при отражении разбоев пираты по приказу Цезаря Октавиана подвергались пыткам, и под пытками давали показания, что они посланы Помпеем. Октавиан доложил об этом сенату и писал Помпею, а тот отрицал свою причастность к разбою, но его положение после договора, заключенного в Путеолах, изменилось к худшему. В соответствии с соглашением, Помпея покинули вернувшиеся на родину сенаторы и всадники. Его реальной опорой остались в основном вольноотпущенники его отца, беглые рабы и пираты. Римляне и италийцы разных сословий, ввиду возобновления пиратства, не видели в нем больше политического деятеля, вождя оптиматов, а только предводителя разбойничьих шаяк. Поэтому Октавиан мог рассчитывать на широкую поддержку в войне, которую он планировал вести против Помпея.

Боевые действия начались в 38 г. с морского сражения у берегов Сицилии вблизи Мессены. Первая битва закончилась для Октавиана, лично командовавшего флотом, поражением. Не меньше половины его судов было потоплено. Пришлось позаботиться об укреплении прибрежных городов Италии на случай морской атаки на них Помпея. Антоний не одобрял разрыва соглашения с Помпеем, а Октавиан, остро нуждавшийся в его помощи, стремился к новой встрече с ним, чтобы подтвердить и укрепить союз. Переговоры состоялись весной 37 г. в Таренте. Триумвиры договорились о взаимной поддержке. Антоний передал соправителю 120 военных судов для продолжения войны с Помпеем, взамен он получил 20 тысяч набранных в Италии легионеров. Кроме того, они договорились о продлении своих полномочий до 31 декабря 33 г., не заручившись при этом

одобрением сената и народа, которое они в то время сочли излишним. Из Тарента Антоний отправился в Сирию, оставив жёну Октавию вместе с их новорожденной дочерью у ее брата.

Заручившись поддержкой Антония, Октавиан занялся строительством и оснащением флота. Командовать им он назначил своего друга Марка Випсания Агриппу, отличившегося в Перузианской войне. В сентябре 36 г. Агриппа нанес сокрушительное поражение Помпею в двух морских сражениях у северного побережья Сицилии: при Милах и при Навлохе. Помпей укрылся в Мессане, откуда он затем бежал с 17 судами на Восток к Антонию, надеясь на его заступничество.

В последовавшем вскоре потом взятии Мессаны участвовали не только войска Агриппы, но и легионы Лепида, прибывшие по требованию Октавиана на Сицилию из Африки для войны с Помпеем. Укрепившись на острове, Лепид потребовал от Октавиана передачи ему в управление Сицилии в дополнение к Африканской провинции; Октавиан отверг его домогательства, Лепид, однако, стоял на своем, угрожая в случае игнорирования его законных, как он считал, требований войной. Но его солдаты не хотели участвовать в гражданской войне и перешли на сторону Цезаря Октавиана. «Лепид угрожал уходившим, удерживал знамена, говорил, что не пустит их, упрашивал их до тех пор, пока кто-то не сказал, что, мертвый, он их пропустит; испугавшись такой угрозы, Лепид отпустил. Перешедшие последними всадники спрашивали Цезаря, не убить ли Лепида, так как он уже более не полководец» (Аппиана, цит. изд., с. 767). Но именно поэтому Октавиан не захотел предавать его смерти. Он был более не опасен, и Октавиан отправил его в Рим в одежде частного человека. Лепида исключили из триумvirата, который тем самым превратился в дуумvirат, оставив за ним почетное звание верховного понтифика. Смирившись со своей участью, Марк Эмилий Лепид отправился из Рима в почетную ссылку в Цирцею и больше уже до самой своей смерти в 13 г. до Р. X. не участвовал в политической жизни.

Теперь в распоряжении Октавиана находилась огромная армия из 45 легионов, 25 тысяч всадников, около 40 тысяч легковооруженных пехотинцев и 600 боевых кораблей. Воины получили щедрые награды за счет новых конфискаций, произведенных в Сицилии. Солдаты и офицеры Помпея были разосланы по провинциям, правителям которых однако заблаговременно

было отдано распоряжение разоружать их, а выявленных беглых рабов направлять в Италию и возвращать их прежним владельцам: в «Деяниях божественного Августа» сам Август Октавиан впоследствии начертал: «Море я очистил от пиратов. Взяв в этой войне около 30 тысяч рабов, которые бежали от своих господ и подняли оружие против государства, я передал их господам для надлежащего наказания» (цит. по: Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 2006, 371). 6 тысяч беглых рабов, владельцы которых не отыскались, были преданы смерти. Побережью Италии более не грозили набеги пиратов. Подвоз зерна и иных продуктов производился без задержек, цены на хлеб упали, прекратился голод в Риме и во всей Италии.

После победы над Помпеем и устранения Лепида Цезарь Октавиан стал единовластным правителем всего запада империи. В ту пору ему исполнилось только 28 лет. В Риме его встречали с пышным торжеством. Сенаторы и народ приветствовали его, украшенные венками, выйдя далеко за ворота Рима. По случаю водворения мира Октавиан простил все недоимки по налогам. Из множества почестей, которыми хотел удостоить его сенат, он принял только постановление о ежегодном праздновании в честь одержанной им победы над Помпеем и о водружении на форуме его золотой статуи.

Теперь Октавиан опирался уже не только на армию, но и на все свободное население полуострова. Поэтому он ослабил суровый режим земельных конфискаций, снял с населения Италии пресс всякого рода поборов, тяготевший над ним в годы гражданской войны. В государственном управлении были восстановлены должности, существовавшие в довоенные годы. Более того, Октавиан пообещал восстановить нормальный порядок государственного управления, после того как Антоний, одержав победу над парфянами, вместе с ним сложит с себя чрезвычайные полномочия. В ответ на это обещание Октавиана избрали пожизненным народным трибуном, не без надежды, наверно, что это поможет ему поскорее сложить с себя чрезвычайные диктаторские полномочия. На сторону Октавиана перешли симпатии некоторых из уцелевших еще умеренных республиканцев оптиматов, которых пугали монархические наклонности застрявшего на эллинистическом Востоке Антония.

Вернувшись из Тарента на Восток, Антоний остановился в Антиохии. Там он вспомнил о Клеопатре и вызвал ее к себе.

Египетская царица не замедлила приехать к нему, трудно сказать, подчиняясь страсти или по политическим расчетам, с надеждой чрез эту связь удержать за собой царский престол и власть над Египтом. В Антиохии Антоний, не разведясь прежде с Октавией, отпраздновал свою свадьбу с Клеопатрой, подражая восточным и эллинистическим правителям, в то время как римские брачные традиции исключали полигамию. Подобная выходка не только Октавианом, но и всем римским обществом воспринята была как возмутительно скандальная и не осталась без влияния на окончательный исход соперничества дуумвиров в борьбе за высшую власть. Когда же Октавия приехала из Рима в Афины, чтобы дальше ехать навстречу мужу, тот из Александрии прислал ей письмо, приказывая ей оставаться в Афинах.

В 36 г. до Р.Х. Антоний отправился в поход против парфян, твердо рассчитывая на успех, тем более что в Парфии разгоралась тогда династическая борьба против восшедшего на царский престол Фраата IV. Катастрофа Красса, продвигавшегося во главе армии через Месопотамскую пустыню, послужила Антонию горьким уроком, побудившим его вести свои легионы через гористую Армению. Римские войска дошли до столицы парфянской Атропатены и начали ее осаду, но вспомогательный отряд, который вез осадные машины, подвергся нападению противника и был уничтожен; без машин осада затягивалась. Город был превосходно укреплен, в нем находился большой гарнизон, на долгий срок обеспеченный продовольствием, а отряды парфянской конницы тревожили осаждавших своими молниеносными набегами — преследовать их при недостаточном числе римских и союзных всадников было фактически невозможно. Антоний вынужден был отступить. «Хотя, — как пишет С. И. Ковалев, — трудное отступление показало блестящие военные способности Антония, все же оно стоило ему огромных потерь» (Ковалев, цит. изд., с. 547).

Узнав о поражении Антония и возвращении его в Александрию, Секст Помпей направил к нему из Митилены, где он тогда находился, посланцев, пообещав ему свою помощь, но одновременно он отправил послов к парфянам, предлагая и им свои услуги. Эти послы были перехвачены солдатами Антония. «Выведав от них все, Антоний позвал послов Помпея и показал им захваченных людей. Они оправдывали Помпея тем, что, будучи еще молодым человеком и находясь в такой крайней опасности,

он из опасения, что Антоний не примет его дружественно, пробовал завязать сношения со злейшими врагами римлян. Он тотчас явится, как только узнает об отношении к нему Антония, так как уже не будет нуждаться в таких попытках и замыслах. Антоний, — заключает историк, — как человек всегда прямодушный, великий духом и бесхитростный поверил послам» (Аппиан, цит. изд., с. 772).

Между тем, дожидаясь ответа от Антония, Помпей снова занялся разбоем, овладел Лампсаком, затем напал с суши и с моря на Кизик, но был отражен подчинявшимся Антонию отрядом, который находился в этом городе. Вслед затем Помпей захватил Никею и Никомидию, но его прежние друзья оставили его. С маленьким отрядом он углубился в Вифинию, стремясь достичь пределов парфянского царства. Его преследовали военачальники Антония Титий, Фурний и Аминта. В конце концов Аминте удалось его пленить. Титий взял остатки его отряда к себе на службу, а самого его он велел убить, вероятно, имея на это указание от Антония. Секст Помпей был умерщвлен в Милете в 35 г. до Р. X. в возрасте 39 лет.

В 35–34 гг. Октавиан осуществил несколько удачных военных операций в Иллирии и Далмации, расширив область римского господства на северо-западе Балканского полуострова, обеспечив безопасность стратегически важных сухопутных коммуникаций империи, соединяющих Италию с римскими владениями в Македонии, Элладе и Азии. В далматскую войну он был дважды ранен: как пишет Светоний, «в одном бою камень попал ему в правое колено, в другом он повредил голень и обе руки при обвале моста» (Светоний, цит. изд., с. 42).

В 34 г. Антоний отправился в новый азиатский поход, но на этот раз он ограничился боевыми действиями в зависимой от Парфии Армении, которая не в состоянии была оказать эффективное сопротивление его легионам. Армянский царь был захвачен в плен и казнен. Поскольку в Риме он считался «другом римского народа», то есть вассалом, его союзнические отношения с Парфией квалифицировались как измена. В честь одержанной победы в Александрии был отпразднован пышный триумф, что расходилось с многовековой традицией праздновать триумфы исключительно в Риме. За этим последовало провозглашение Клеопатры царицей цариц и раздача ее малолетним детям римских провинций, контролировавшихся Антонием, и союзных,

зависимых царств. При этом политические цели Клеопатры и Антония, вероятно, не вполне совпадали: Антоний рассчитывал употребить неисчерпаемые средства египетской казны на войну с Парфией и последующую борьбу за единовластие в Риме, а Клеопатра надеялась с помощью римских легионов восстановить царство Птолемеев в тех пределах, которых оно достигло в период своего высшего расцвета и могущества.

Царистские замашки Антония позволили Октавиану выступить в роли хранителя вековых традиций Римской республики и перетянуть на свою сторону умеренных оппозиционеров из партии разгромленных оптиматов, которых еще немало оставалось в сенате. На стороне Антония однако стояли оба консула 31 г. Гней Домиций Агенобарб и Гай Сосий. 1 января 32 г. до Р. Х. истек срок полномочий триумвиров, фактически уже думвиров. В этот день оба консула на заседании сената выступили с обвинением против Цезаря Октавиана, который для предотвращения попыток устранения его от власти приказал своим сторонникам окружить сенат со спрятанными под тогами кинжалами. Акция консулов провалилась. Октавиан однако разрешил им и тем сенаторам, которые поддерживали Антония, оставить Рим и отправиться к своему патрону. Оба консула, и вместе с ним около 300 сенаторов, а также родственники и друзья Антония выехали в Александрию. Для легализации продления своих триумвирских полномочий вначале Антоний, а потом Октавиан приняли присягу на верность от легионеров, находившихся в их подчинении.

Чтобы дискредитировать соперника, Октавиан понудил весталок выдать ему хранившееся в храме Весты новое завещание Антония, которое было затем публично оглашено. В нем Антоний распорядился похоронить себя в Александрии вместе с Клеопатрой, закреплял за Клеопатрой и их общими детьми сделанные им ранее пожалования римских провинций. В завещании истинным сыном и, значит, наследником Гая Юлия Цезаря признавался рожденный от него Клеопатрой Цезарион. Содержание этого документа вызвало крайнее возмущение среди римских граждан. Сенат и народное собрание по предложению Октавиана лишили Антония полномочий триумвира, а царице Египта Клеопатре была объявлена война за захват владений римского народа. При этом Октавиан сам исполнил древний фециальный обряд, метнув окровавленное копьё у храма Беллоны.

Получив сведения о происшедших в Риме событиях, Антоний привел к присяге находившихся в его подчинении легионеров и войска союзников. Октавиан принял присягу у легионеров, римских граждан и свободных жителей Италии, освободив от нее только граждан Бононии, которые были давними клиентами рода Антониев.

С обеих сторон началась подготовка к войне, продолжавшаяся в течение всего 32 и первой половины следующего года. Антоний располагал 100 тысячами легионеров, 15 тысячами римской и союзнической кавалерии и 500 военными судами. Армия Октавиана насчитывала 80 тысяч воинов и 400 судов, но она была лучше организована и более надежна — собственно римский и италийский элемент в ней значительно преобладали, в отличие от разношерстного войска его противника. В главной квартире Антония царил вражда: римские эмигранты ненавидели Клеопатру, их целью было вместе с Антонием войти в Рим победителями, в то время как Клеопатра приоритетную цель видела в укреплении Египта и расширении сферы его господства в Азии. Отсюда шли и разные планы ведения войны: наступательный, к которому склонялись римские нобили, или оборонительный, навязанный царицей.

Октавиан не был, подобно Антонию, полководцем выдающегося таланта, но в высший командный состав его армии входил Агриппа, осуществивший ряд блестящих военных операций. Армия Октавиана высадилась в Эпире. Легионы, действовавшие под командованием Агриппы, взяли Коринф и заняли окружающую его территорию. Солдаты Антония терпели серьезные трудности со снабжением продовольствием, и его легионы начали таять — многие воины дезертировали и перешли в лагерь противника. Флот Октавиана вошел в Амбракийский залив, запретив базировавшиеся в нем суда Антония, который долго не решался предпринять ответные меры, пока Клеопатра не побудила его, наконец, дать морское сражение.

Оно произошло 2 сентября 31 г. до Р.Х. у мыса Акции, расположенного при выходе из залива. Вначале перспектива победы той или другой стороны представлялась неясной, но эскадра Октавиана, которой фактически командовал его друг Виспасиан Агриппа, действовала более слаженно. Перед лицом вероятного поражения и пленения царицы, египетские суда, подчинявшиеся Клеопатре, вырвались из залива и устремились

в сторону Африки. Узнав о случившемся, следом за Клеопатрой ринулся Антоний, обрекая оставленный им флот на неизбежное поражение. Обезглавленная эскадра, понеся значительные потери, лишилась способности к сопротивлению и сдалась. Легионы Антония отступали в глубину Македонии, но, преследуемые превосходящими силами, они также прекратили сопротивление и капитулировали. Борьба за власть над Римом и империей закончилась. Враг Октавиана был сломлен.

Антоний высадился после поражения при Акции в Кирене, а оттуда перебрался в Александрию. Из триумвира он окончательно превратился в политического эмигранта, пользовавшегося покровительством и защитой своей царственной супруги, сохранившей власть над Египтом. Азиатские союзники отвернулись от него. Зимой 31–30 гг. до Р. Х. Антоний провел в ожидании близкой смерти, и как кажется, искал ее. Вокруг него сложился кружок эмигрантской золотой молодежи, который назвал себя обществом «желающих умереть вместе» (сунапотуменов), своего рода клуб самоубийц, в котором предавались безудержным кутежам и разврату.

Между тем, Октавиан, одержав победу над соперником, демобилизовал значительную часть армии, а сам отправился вначале в Афины, а оттуда — на остров Самос, где и провел зиму. Волнения среди ветеранов, недовольных задержкой с обещанными вознаграждениями, побудили императора срочно вернуться в Рим. В Италии ему удалось легко и скоро удовлетворить ветеранов раздачей им земельных владений италийских городов, которые он на этот раз выкупал у горожан, не давая повода к недовольству и брожению среди италических.

Дождавшись лета 30 г., Октавиан возобновил войну с недобитыми силами Клеопатры и Антония, который в последний раз попытался договориться с торжествующим соперником, но Октавиан уклонился от новых и ненужных переговоров. Римские вооруженные силы наступали на Египет с двух сторон: с запада, из Кирены, и из Сирии. В окрестностях египетской столицы Антоний попытался дать бой, едва ли еще надеясь на успех, но находившиеся под его началом войска не хотели бессмысленного кровопролития и не искали смерти — они перебежали к Октавиану, а Антоний покончил с собой, бросившись на острие меча.

Победитель вошел в Александрию. По его приказанию схвачена была царица Египта, которую император предназначал для

своего триумфа в Риме как самое драгоценное его украшение, но с помощью слуг Клеопатра покончила с собой, подставив себя укусу ядовитой змеи. Узнав о случившемся, Октавиан огорчился, пытался спасти умирающую царицу, велел немедленно позвать на помощь ей врачей, применить противоядие, попытаться отсосать яд из раны, но все усилия оказались тщетными. Жизнь царицы, короткая, но исполненная отчаянно опасных приключений и преступлений, начиная со свержения с престола родного брата, угасла, завершившись своего рода трагическим апофеозом. По приказу Октавиана были убиты сын Антония и Фульвии Антоний Младший, который тщетно искал спасения у статуи Гая Юлия Цезаря, сын царицы от Цезаря Цезарион, схваченный во время бегства, и старший сын Клеопатры от Антония Антиллы. Других детей этих двух отчаянных авантюристов взяла на воспитание оставленная Антонием его бывшая жена и сестра победителя Октавия, и сам император впредь относился к ним с родственной заботой.

1 августа 30 года торжественным въездом в столицу завоеванного Египта была предварительно отпразднована победа. Октавиан, по рассказу Светония, «осмотрел тело Великого Александра, гроб которого велел вынести из святилища: в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами. А на вопрос, не угодно ли ему взглянуть и на усыпальницу Птолемея, он ответил, что хотел видеть царя, а не мертвецов» (Светоний, цит. изд., с. 41). Египет стал римской провинцией, но с особым статусом: он состоял в личном владении императора, и его правителем был назначен не проконсул или пропретор сенаторского звания, как управлялись обычные провинции Рима, но чиновник из всаднического сословия в должности префекта Гай Корнелий Галл. В распоряжение Октавиана перешла веками и тысячелетиями накапливавшаяся сокровищами казна Птолемея и древних фараонов. Эти средства покрыли расходы императора, потраченные на ведение завершившейся гражданской войны, а Египет с этих пор стал главной житницей Рима и Италии, оттеснив на второй план значение Сицилии как источника продовольственного снабжения этой страны. Внутренняя налоговая система Египта, нацеленная на эффективное ограбление туземцев, с сохранением при этом их платежеспособности, была оставлена Октавианом без существенных изменений, но ставки налогов он повысил.

Зимовать Октавиан остался на Востоке, занявшись улаживанием запущенных восточных дел: приведением к покорности азиатских «друзей римского народа», воспользовавшихся гражданской войной для выхода из-под контроля Рима. При этом он оставил на своих престолах тех царей, которые ранее были назначены Антонием, а теперь охотно признали патронат победителя: и среди них иудейского царя Ирода Великого. Особенно важное значение он придавал дипломатическим контактам с могущественной Парфией, с которой удалось заключить перемирие. Приведение в порядок восточных провинций заняло весну и лето 29 г.

В империи воцарился вожделенный мир — рах гомана, за который разные слои римского общества были искренне благодарны победителю в гражданской войне. Летом Октавиан вернулся в Рим и в августе отпраздновал три триумфа: в честь побед в Далмации, у Акцииского мыса и под Александрией. Ворота храма Януса, которые держались открытыми во время войн, были торжественно закрыты. Триумфатор освятил закладку храма в честь божественного Юлия. Императорское звание, употреблявшееся ранее Октавианом по должности главнокомандующего, даровано было ему теперь сенатом как пожизненный титул и стало частью его личного имени — Император Цезарь Октавиан. Одновременно сенат подтвердил акт 36 г., изданный в связи с победой над Секстом Помпеем, о предоставлении Октавиану полномочий пожизненного народного трибуна. На 28 г. он в 6-й раз избран был консулом, его коллегой стал Агриппа. При этом консулам были предоставлены цензорские полномочия, воспользовавшись которыми они провели ценз, насчитав около 3 миллионов римских граждан, не считая принадлежавших их семьям женщин и детей (все население империи тогда составляло приблизительно 70 миллионов человек), а затем также чистку сената, сократив число его членов с 1 тысячи до 800; исключения производились как по рутинным причинам, так и по политическим, с учетом меры благонадежности сенаторов.

Первым в списке сенаторов поставлено было имя Октавиана, так он стал *princeps senatus*, впоследствии он употреблял по отношению к себе это наименование и в ином значении — *princeps civitatus* (первый гражданин государства) — раньше уже употребляли подобное наименование, конечно, не официально,

по отношению к Помпею и Цезарю; звание принцепса стало основой кабинетного термина «принципат», который наиболее адекватным образом характеризует сложившуюся тогда в Риме систему правления, а заодно используется и для обозначения целой эпохи римской и мировой, по меньшей мере, европейской и средиземноморской истории. Во всяком случае, применение по отношению к периодизации римской истории терминов «республика» и «империя», хотя оно и вполне традиционно для исторической науки, представляется грубым анахронизмом, перенесением политической и юридической терминологии, сложившейся в новое время, в историческое пространство, в котором не существовало подобной оппозиции — *res publica* совмещалась с *imperium* как в эпоху, которую общепринято называть республиканской, — тут логически вполне мотивированная терминологическая ревизия бесперспективна, так и в период принципата.

Гражданская война, десятилетиями терзавшая Римскую империю, завершилась восстановлением единовластия, которое ранее в течение нескольких лет принадлежало двоюродному деду победителя и его усыновителю Гаю Юлию Цезарю. Наследник имущества великого полководца стал его политическим преемником.

Стремление к миру римлян, италиков и провинциалов, уставших от смуты, привело на вершину властной пирамиды политика, который своей осмотрительной осторожностью, своей расчетливой основательностью, умением властвовать твердой рукой, но без избыточного перенапряжения вожжей, оказался способнее своих соперников, с одной стороны, утвердить в империи единоначалие, без которого она не могла долее существовать, потому что прежняя форма правления, сочетавшая элементы демократические, основанные на прямом участии граждан в управлении, аристократические в виде сената с его авторитетом, и монархические, или лучше сказать, имея в виду консулат, диархические, была соразмерна полисным, в лучшем случае, федеративным италийским, но не имперским масштабам государства, а с другой, — с искренним уважением поддерживать сложившуюся в древности республиканскую конституцию, тем самым демонстрируя свой исконно римский консерватизм, свою укорененность в политической традиции, свою готовность защищать республику от посползновения на ее основы другого

претендента на единовластие Антония, раздражавшего и оскорблявшего римское общество царистскими выходками во вкусе эллинистических монархий.

Дион Кассий рассказывает в своей «Истории» о том, как после победы в гражданской войне Октавиан беседовал о наилучшем устройстве государственного правления с ближайшими друзьями: полководцем Марком Випсанием Агриппой и богатейшим собственником, финансировавшим часть расходов императора, Гаем Цильнием Меценатом, выходцем из Этрурии, который, несмотря на свою дружбу с принцепсом, оставался в сословии всадников до самой смерти. Выразительную, хотя и односторонне придирчивую характеристику этому исключительно влиятельному деятелю эпохи Августа дает философ Сенека: «Как жил Меценат, известно настолько хорошо, что мне нет нужды здесь об этом рассказывать: как он разгуливал, каким был щеголем, как хотел, чтобы на него смотрели, как не желал прятать свои пороки... Разве его речь не была такой же вольной и распоясанной, как он сам?.. Его красноречие... — это красноречие пьяного, темное, беспутное и незаконное... Это тот самый, кто всегда расхаживал по Риму в не подпоясанной тунике... тот, кто и на суде, и на ораторском возвышеньи, и на любой сходке появлялся с закутанной в плащ головой, оставляя открытыми только оба уха, наподобье богатых беглецов в мимах? тот, кто в разгар гражданской войны, когда город был в страхе и все вооружились, ходил по улицам в сопровожденье двух скопцов — больше мужчин, чем он сам? Кто тысячу раз женился — и брал ту же самую жену?.. Больше всего его хвалят за незлобивость: он не касался меча, не проливал крови, и если чем и выставлял свое могущество, так только вольностью нравов» (Сенека, Луций Аней. Нравственные письма к Луциллию. М., 1977, с. 288–289).

Хотя, как это обыкновенно бывало у античных историкографов, тексты речей, усваиваемых историческими деятелями, они, за отсутствием стенографических или протокольных записей, сочиняли сами, но в общих чертах эти речи у добросовестных авторов соответствовали сути действительного сказанного. Так вот, Агриппина советовал другу восстановить республику в полноте ее традиционных форм, предоставив сенату и гражданам политические свободы и отказавшись от единовластия, в то время как Меценат сказал: «Если ты заботаешься

об отечестве, за которое вел столько войн, за которое с удовольствием отдал бы и свою душу, то преобразуй его и приведи в порядок наиболее рациональным образом. Возможность и делать и говорить все, что только кто пожелает — это источник всеобщего благополучия, если имеешь дело с неразумными. Поэтому тот, кто дает свободу неразумным людям, все равно что дает меч ребенку или сумасшедшему, а кто дает свободу благоразумным гражданам, тот спасает всех, в том числе и безумцев, даже вопреки их воле. Поэтому я считаю необходимым, чтобы ты не обманывался, обращая внимание на красивые слова, но чтобы, взвесивши настоящее положение вещей, по существу поставил бы предел дерзким выходкам толпы и взял бы управление государством в свои руки совместно с другими достойными людьми. Тогда сенаторами были бы люди, выдающиеся своим умом, войсками командовали бы те, кто имеет опыт в военном деле, а несли бы военную службу и получали бы за это жалованье люди самые крепкие и самые бедные. Таким образом, каждый будет охотно делать свое дело, с готовностью помогать другому, не будет больше слышно о людях нуждающихся, все обретут безопасную свободу. Ибо пресловутая свобода черни является самым горьким видом рабства для людей достойных и одинаково несет гибель всем. Напротив, свобода, везде ставящая на первый план благоразумие и уделяющая всем справедливое по достоинству, делает всех счастливыми. Ты не думай, что я советую тебе стать тираном и обратить в рабство народ и сенат. Этого мы никогда не посмеем, ни я сказать, ни ты сделать. Но было бы одинаково хорошо и полезно и для тебя, и для государства, если бы ты вместе с лучшими людьми диктовал законы, а чтобы никто из толпы не поднимал голос протеста» (цит. по: Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979, с. 62–63).

Мудрый совет Мецената Октавиан, по словам Диона, счел предпочтительным; до известной степени вложенная в уста Мецената речь резюмирует основы политической системы, сложившейся в его правление, но она была выстроена на началах, обозначенных Меценатом, лишь со временем, после ряда трезво рассчитанных шагов, которые предпринимались с учетом вероятной реакции разных сословий на каждый из них. На первых порах принцепс формально последовал совету Агриппы.

3. Политическая система принципата и внутренняя политика Августа

13 января 27 г. до Р. Х. Октавиан заявил в сенате и перед комициями о намерении стать частным лицом, о сложении с себя триумвирских полномочий, возложенных на него в 43 г. законом Тация на 5 лет и затем продлевавшихся, и о восстановлении республики. В своих «Деяниях» сам император так охарактеризовал этот свой шаг: «В шестое и седьмое мое консульство, после того как я потушил гражданские войны, облеченный по всеобщему доверию чрезвычайными полномочиями, я передал власть над государством в распоряжение сената и римского народа» (цит. по: Машкин, цит. изд., с. 396, прим.). Тщеславие и корпоративные амбиции сенаторов подталкивали их к тому, чтобы принять этот дар в полноте буквального смысла и вернуть себе власть над Римом, но не утраченное до конца политическое благоразумие сдерживало подобный порыв. Они понимали, что восстановление олигархического правления неизбежно повлечет за собой возобновление гражданской войны, потому что оно будет отвергнуто всадниками, плебсом, римским пролетариатом, провинциалами, и что важнее всего, армией. К тому же сенат не располагал денежными средствами для осуществления государственного управления. Эрарий был опустошен. Армия в значительной мере содержалась на личные средства Октавиана и его богатых друзей. Египет, ставший важнейшей житницей римского мегаполиса, по существу дела стал личной собственностью Октавиана, где его уже почитали как наследника Лагидов и древних фараонов, как вечно живого сына Пта. Поэтому сенаторы, по словам Диона Кассия, «просили, чтобы он взял на себя единодержавие, и приводили всякие доводы в пользу этого, до тех пор, пока, разумеется, не принудили его принять единоличную власть» (цит. по: История Древнего Рима, цит. изд., с. 192).

В благодарность за возвращение сенату его полномочий он преподнес Октавиану почетное имя Августа, от *augere*, что значит «расширяться, распространяться, возвеличиваться», — а пафосный стилистический окрас этого слова придает ему и дополнительный акцент — «действием божества». Августами называли богов, содействующих преуспеянию. Впредь Октавиан и употреблял это имя по преимуществу, чаще всего подписываясь под официальными актами так: *Imperator Caesar Augustus, divi filius* — Император Цезарь Август сын божественного, имеется

в виду обожествленного Гая Юлия Цезаря. Одной из почестей, оказанных восстановителю республики, стало переименование месяца секстилия в август. Ворота дома, в котором жил Август, были украшены лавровым венком, а в курии Юлия Цезаря был помещен золотой щит с начертанными на нем словами, превозносящими доблесть (*virtus*), милосердие (*clementia*), справедливость (*iustitia*) и благочестие (*pietas*) Августа. Вне Рима принцепс позволил воздвигать храмы и алтари в честь своего гения, в провинции вместе с культом гения Августа укреплению авторитета римской власти способствовало также насаждение культа богини столичного города — Румы.

Восстановление республики и усвоение его виновнику пышного титула Августа воспринимается как абсурдная эклектика, с оттенком издевательского лицемерия лишь при анахронистическом восприятии истории Рима сквозь призму терминологии, сложившейся уже в новое время — в Риме слова «империй» и «император» вполне органически вписывались в республиканскую номенклатуру; иначе обстояло дело с титулом *rex*, «царь» — со времени устранения Тарквиния Гордого он нес с собой одиум несовместимости с республикой, за исключением, конечно, оставленного в сфере сакрального звания *rex sacrorum*, но Август, в отличие от Антония, никогда не примерял к себе царские инсигнии, испытывая к ним, как кажется, не лицемерную, а соответствующую его несомненному эстетическому традиционализму искреннюю антипатию. Диктаторы диктаторам рознь — и в наше время многие из них испытывают вполне искреннюю неприязнь к царским регалиям.

Сенату пришлось убеждать Августа принять на себя на 10 лет проконсульский империй в нескольких провинциях. Это были наиболее опасные в военном отношении территории: Сирия вместе с Кипром, галльские провинции — Нарбонская Галлия, Бельгика, Аквитания и Лугдунская Галлия, а также Ближняя Испания; в этих провинциях была расквартирована большая часть римских легионов, находившихся под прямым командованием принцепса. 10-летний срок империя впоследствии несколько раз продлевался до самой смерти Августа. Непосредственное управление императорскими провинциями осуществляли наместники в должности легатов пропреторов (*legatus pro praetore*) из сенаторского сословия. Замиренные провинции — Дальняя Испания, или Бетика, Сицилия, Африка, Азия — остались под

ординарной властью сената. Влияние Августа в них опиралось на его полномочия принцепса, консула, трибуна и императора.

Сенат сохранил за собой контроль за государственной казной — эрарием, состоявшей под непосредственным управлением квесторов, затем преторов, но для финансирования расходов в Египте и провинциях принцепса была создана частная казна Августа — фиск, агентами которой стали его клиенты: всадники и либертины, назначавшиеся прокураторами, которые оттешили от эксплуатации провинций всеильных там ранее откупщиков — публиканов. Второстепенные должности в фиске могли исполнять и рабы, принадлежащие фамилии принцепса. Римская республика, в которой все магистраты были выборными и в этом смысле политическими фигурами и действовали коллегиально, по существу дела не знала столь необходимого в современных государствах элемента управления как чиновничий аппарат. Истоки римской бюрократии восходят к эпохе Августа, их начало — в императорском фиске, в его домашней канцелярии, которая не входила в систему государственных учреждений и представляла собой исключительно частный институт. Сенатский эрарий чеканил серебряные монеты, а императорский фиск — золотые. Передавая часть средств, добытых в императорских провинциях и в Египте, в эрарий, принцепс осуществлял высший надзор и над ним.

В 27 г. Август выехал из Рима в Испанию для подавления сопротивления племен, обитавших на северо-западе полуострова, оставив для управления столицей префекта города (*prefectus urbi*) Марка Валерия Мессалу, в прошлом оптимата, затем перешедшего на сторону Октавиана. Император взял с собой для личной охраны 9 когорт по тысяче воинов в каждой. Пока он был в Испании, в сенате обнаружилось стремление к большей независимости, так что Мессала, столкнувшись с явной обструкцией со стороны сената и республиканских магистратов, вынужден был сложить с себя полномочия. По возвращении Августа в Рим в 24 г. 3 когорты были расквартированы в самой столице, а 6 — в ее окрестностях. Кроме того, Август сформировал еще три когорты для поддержания в Риме полицейского порядка (*cohortes urbanae*).

В ближайшем окружении Августа вспыхнуло тогда соперничество между его племянником и зятем — сыном Октавии и мужем дочери принцепса Юлии юным Марцеллом и его давним

и преданным другом Агриппой. Ситуация приобретала особенно опасный оборот в связи с тем, что в 23 г. Август тяжело заболел, и самая жизнь его находилась в опасности — открывалась угрожающая перспектива возобновления гражданской войны. Наконец, симптомом хрупкости сложившегося порядка послужило раскрытие заговора Фанния Цепиона и Теренция Варрона, стремившихся к восстановлению прежних порядков.

1 июля 23 г. Август сложил с себя полномочия консула. Сенат просил его однако о сохранении за собой власти, и Август принял новые и более широкие полномочия. Его трибунская власть, прежде интерпретировавшаяся как экстраординарная и частичная — будучи патрицием, он, в соответствии с римской конституцией, не мог занимать эту должность, и юридическим обоснованием исполнения им обязанностей народного трибуна была фикция отделения трибунской власти от ее носителя и передачи ее другому лицу, в данном случае принцепсу, — теперь становилась его ординарной годичной и в то же время постоянной магистратурой — (*tribunica potestas annua et perpetua*). Кроме того, Августу как принцепсу было даровано право первым вносить предложения в сенат — *ius primae relationis*. Он получил также *imperium proconsule maius et infinitum*, высшую проконсульскую власть, которая распространялась на всю территорию государства, включая и самый Рим в пределах его поммерия, где раньше империй мог действовать лишь в чрезвычайных обстоятельствах, когда назначался диктатор. Соответствующим актом Августу были прямо подчинены проконсулы сенатских провинций. В 22 г. Августу было предоставлено право созывать сенат и председательствовать на нем, сидя между двумя консулами. С одной стороны, эта серия постановлений, проведенных через комиции и в виде сенатских юрисконсультов, укрепляла единовластие Августа, а с другой, — подчеркивала незыблемость традиционных республиканских форм правления. Сохранялся коллегиальный консулат, и с 23 г., после своего 11-го консульства, Август в течение последующих 17 лет консульскую должность не занимал, консулами избирались другие лица, но ввиду того, что эта должность утратила большую часть своих прежних реальных властных полномочий и более служила для того, чтобы тешить честолюбие сенаторов, на один год стали избираться «не два, а несколько консулов; двое из них вступали в должности 1 января и давали году свое имя (*consules ordinarii*), а после

них в управление вступали поочередно другие пары (*consules suffecti*)» (Машкин, цит. изд., с. 399).

Комиции регулярно избирали преторов, число которых уменьшилось до 10, при этом полномочия их были расширены — на них возложили управление эрарием; избирались также квесторы и эдилы, но на выборах магистратов Август пользовался правом рекомендации — *jus commendatis*. По словам Диона Кассия, «народ и плебс собирались для выбора каждый своих должностных лиц; однако ничто не совершалось против желаний Цезаря. Ибо именно он в одних случаях назначал кандидатов и продвигал их на должность, в другом — вверял их судьбу по древнему обычаю сборищу народа и заботился, чтобы не были избраны лица неспособные, а также выдвинувшиеся благодаря агитации или подкупу» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 574), что в глазах принцепса было одинаково непристойно. Из числа сенаторов избирался префект города (*prefectus urbis*), в обязанности которого входила полицейская охрана порядка — *custodia urbis*. Эта должность существовала в царскую эпоху, затем была упразднена, и теперь Август ее восстановил.

Для стабилизации политического режима, предполагавшего поддержание баланса между сословиями, между элементами единоначалия и коллегиальности в управлении государством, для укрепления авторитета сената Август в 22 г. передал в его управление две провинции: Нарбонскую Галлию и Кипр. Еще одним жестом уважения принцепсом республиканских традиций было дарованное двум проконсулам, последовательно правившим Африканской провинцией, право отпраздновать триумф в 21 и в 19 гг.

В 22 г. в Риме разразился голод, сопровождавшийся повальной болезнью и резким повышением смертности. Со времен Гракхов римская беднота искала и находила себе защитников среди популярных, которые, в противостоянии олигархии, ориентировались на утверждение единовластия, будь то в форме народного трибуната или диктатуры, как это было при Цезаре. И на этот раз бедствующий народ захотел, чтобы Август установил диктатуру. Воле народа тогда не смог противиться и сенат, поддержавший предложение о наделении принцепса неограниченной властью, но, как рассказывает Светоний, сам Август «на коленях, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял его от этого избавиться», и в связи с этим писатель замечает: «Имени «государь»

(dominus — В. Ц.) он всегда страшился как оскорбления и позора» (Светоний, цит. изд., с. 56). Но в тот голодный год он взял на себя чрезвычайные полномочия по снабжению жителей столицы продовольствием. В «Деяниях» сам принцепс так характеризует этот эпизод: «Я не принял диктатуру, предложенную мне народом и сенатом в консульство М. Марцелла и Л. Аррунция и заочно, и в моем присутствии. Но при крайней нехватке продовольствия я не отказал от попечительства о снабжении, которое я организовал таким образом, что в течение нескольких дней я освободил весь город от страха и угрожающей опасности, причем это было сделано на мои средства и под моим руководством» (Ковалев, цит. изд., с. 566).

Август отказался от диктатуры не только из уважения к республиканской традиции Рима, но и по политическим соображениям, опасаясь нарушить хрупкое равновесие между сословиями, спровоцировать сенатскую олигархию, по-прежнему занимавшую верхнюю ступень в политической и социальной иерархии, на сопротивление, конечно, не на открытое столкновение — в тот момент оно было невозможным, ввиду несомненной обреченности сенаторов на поражение, но на плетение заговоров, на молчаливую и пассивную обструкцию. Именно поэтому, когда в 19 г. в его отсутствие разгорелась ожесточенная борьба при выборе консулов, и кандидатом плебса был Марк Эгнатий Руф, который, агитируя за себя, прибегал к демагогическим приемам в стиле политических баталий ушедшей эпохи, Август, вернувшись в Рим, подверг его аресту, и незадачливый популярь погиб в тюрьме, а консулом был избран ставленник сенатской олигархии.

После смерти бывшего триумвира Марка Эмилия Лепида, которому Август в свое время великодушно оставил титул верховного понтифика, приказав ему пребывать безвыездно на своей вилле и не вмешиваться в политику и государственные дела, эта должность стала вакантной, и в 13 г. на нее избран был принцепс. Чрез эту должность Август приобрел еще один компонент сакральности. Завершением апофеоза принцепса стало торжественное усвоение ему во 2 г. до Р. Х. звания «отца отечества» — *pater patriae*. Как рассказывает Светоний, «имя отца отечества было поднесено ему всем народом, внезапно и единодушно. Первыми это сделали плебеи, отправив к нему посольство в Анций, а после его отказа — приветствуя его в Риме

при входе в театр, огромной толпой в лавровых венках; вслед за ними и сенат высказал свою волю, но не в декрете и не общим криком, а в выступлении Валерия Мессалы. По общему поручению он сказал: «Да сопутствует счастье и удача тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства: ныне сенат в согласии с римским народом поздравляет тебя отцом отечества». Август, — продолжает Светоний, — со слезами на глазах отвечал ему такими словами: привожу их в точности, как и слова Мессалы: «Достигнув исполнения моих желаний, о чем еще могу я молить бессмертных богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до скончания жизни!» (Светоний, цит. изд., с. 58).

На рубеже двух эр от воли Августа зависели все акты государственного правления. На обывательский взгляд как его современников, так и потомков, почерпающих сведения о той эпохе из расхожей исторической литературы, он обладал неограниченной властью. Но обращаясь к юридической стороне дела, сам принцепс так говорил в своих «Деяниях»: «Я превосходил всех своим авторитетом (*auctoritas*), власти же я имел не больше, чем другие, кто был коллегой моим по магистратуре» (цит. по: Машкин, цит. изд., с. 398). Иными словами, юридически формальным образом он действовал исключительно в рамках тех полномочий, которые предоставлялись ему комициями и сенатом, и имея коллег по должности народного трибуна или консула, он пользовался одинаковой с ними властью — (*potestas*). Другое дело, что, благодаря его авторитету, его реальному влиянию, государственные учреждения и магистраты принимали лишь такие решения, которые подсказывались им, либо, по меньшей мере, не противоречили его воле. Ведь и в собственно республиканскую эпоху всевластие сената держалось не на власти (*potestas*), которой тот не обладал, а на его авторитете (*auctoritas*). При Августе в самом сенате авторитет принцепса имел решающее значение, но государственные акты принимались в соответствии с конституционными республиканскими процедурами.

Тем самым решается и дискуссионный в течение столетий вопрос о форме правления в Риме при Августе и в целом в эпоху принципата. Р. Пельман, В. Гардтхаузен, Ю. Кэрст, а также русские историки В. И. Герье, Э. Д. Гримм, Н. А. Машкин, игнорируя

или, лучше сказать, не придавая важного значения юридической стороне дела в решении этого вопроса, определяют принципат как монархию. Другие исследователи — Э. Мейер, Г. Ферреро, И. Хаммонд исходят из того, что при Августе и его преемниках Рим оставался республикой. Наконец, Т. Моммзен назвал государственный строй Рима при Августе и в эпоху ранней империи диархией, своего рода двоевластием, на том основании, что принцепс делил власть с сенатом и комициями. Придерживаясь диалектического метода, современный немецкий историк К. Крист находил в политической системе Августа элементы континуитета и дисконтинуитета по отношению к классической республике, уже ранее безнадежно расшатанной в ходе гражданских войн.

Но вопрос о форме государственного правления релевантен как раз юридической стороне дела именно потому, что это вопрос о форме, а не о политической конструкции власти. И в таком случае решается он совершенно однозначно. Юридически Рим при Августе не только назывался, но и оставался республикой с комициями, сенатом, политическое значение которых, естественно, упало, и юридически подчиненными им магистратурами. Параллель с новым временем проливает на эту тему ясный свет: если принципат Августа не был республикой, то нельзя считать республиками и облеченные в республиканские юридические формы диктаторские режимы XX столетия: Советский Союз при Сталине, Португалию при Салазаре, Чили при Пиночете, Ирак во времена Хусейна. Но государства эти, несмотря на действительную деполитизацию коллегиальных органов власти, несравненно большую, чем это было в Риме при Августе, принято, по очевидным формальным юридическим основаниям, считать республиками, а вот современные Нидерланды, Норвегию или Японию монархиями, несмотря на то, что политическая воля наследственного монарха в этих государствах остается в тени.

Известное затруднение в классификационном определении принципата как своего рода республики представляет присутствие династического, или семейного элемента в преемстве правления от принцепса к принцепсу. Впрочем, династический элемент в своеобразной юридически не обозначенной модификации наблюдается и в современных республиках: династии Ганди (Махатма Ганди, в отличие от Джавахарлала Неру тут не причем), Бушей, Ким Иров, Ассадов, Алиевых — это только расхожие

примеры из политической жизни XX и XXI столетий. И все же, при принципате наследование, династия, дом принцепса имели несравненно более серьезное и принципиальное значение. Как пишет К. Крист, «постепенная монополизация верховного командования над почти всеми вооруженными силами на суше и на море и выстраивание особых отношений между семьей принцепса, домом принцепса, и постоянными воинскими формированиями было важнейшим элементом обеспечения господства. Но дисконтинуитет царил и в новом статусе самого дома принцепса... Решающее значение имеет то обстоятельство, что новая политическая система, прежде всего в вопросе о преемстве, была осложнена напряженными отношениями между лицами, принадлежавшими к семье принцепса, и что здесь также появился новый элемент, который на долгое время оказывал влияние и на саму феноменологию принципата» (Christ Karl. Geschichte der Roemischen Kaiserzeit. Von August bis zu Konstantin. Muenchen, S. 85).

В доме Августа происходили драматические события. О браках принцепса рассказывает Светоний: «Помолвлен он был еще в юности с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако после первого примирения с Антонием, когда их воины потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь, он взял в жены Клавдию, падчерицу Антония, дочь Фульвии от Публия Клодия, хотя она едва достигла брачного возраста; но поссорившись со своей тещей Фульвией, он, не тронув жены, отпустил ее девственницей. Вскоре он женился на Скрибонии, которая уже была замужем за двумя консулярами и от одного имела детей; но и с нею он развелся, «устав от ее дурного нрава», как он сам пишет. После этого он тотчас вступил в брак с Ливий Друзиллой, которую беременной отнял у ее мужа Тиберия Нерона; и ее он, как никого, любил и почитал до самой смерти» (Светоний, цит. изд., с. 59). О разводе со Скрибонией, свойственнице Секста Помпея, брак с которой продолжался с 41 по 38 г., Октавиан написал ей в самый день рождения ею его единственной дочери Юлии. Тогда же Ливия Друзилла должна была развестись с незадолго до этого помилованным противником триумвиров Тиберием Нероном Агенобарбом, выходцем из древнего патрицианского рода Клавдиев. От первого брака Ливия родила сына, который носил имя отца — Тиберий. Через три месяца после замужества Ливия родила мальчика, названного Друзом. Как видно из «Истории»

Светония и из иных источников, он считался сыном ее второго мужа консула Тиберия Нерона. Но существовала и иная версия его происхождения. По словам современного итальянского автора Фурио Самполи, «в атриумах храмов передавалась молва о чуде: «Счастливы сыновья, которые вынашиваются за три месяца». Чьим сыном был Друз? В Велабре, в Субуре, в Трастевере на этот счет не было сомнений» (Sampoli Furio. *Passioni, intrighi, atrocita degli imperatori romani*. Roma, 2007, p. 40).

Вернувшись в Италию после победы над Антонием, Август приблизил к себе племянника — юного сына Октавии от ее первого брака Марка Марцелла. Положение в ближайшем окружении императора омрачилось соперничеством между Марцеллом и другом Августа Агриппой. В 23 г. до Р.Х. оно разрешилось смертью юного Марцелла, после чего, по совету Августа, Агриппа развелся со своей женой, сестрой покойного, от которой он уже имел детей, и женился на овдовевшей к тому времени дочери принцепса Юлии. Агриппе предоставлен был империй и трибунская власть. С этих пор его официально стали именовать *collega imperii*, своего рода соправителем императора, при этом он, конечно, оставался в подчинении у Августа. Во всяком случае, в Агриппе, особенно ввиду тяжелой болезни, которую принцепс перенес в 23 г., уже видели его вероятного преемника. Однако в 12 г. Агриппа скоропостижно скончался. По подсказке Ливии, оказывавшей большое влияние на преданно любившего ее мужа, овдовевшая Юлия выдана была замуж за Августа Клавдия Тиберия Нерона, для чего ему пришлось срочно развестись, фактически по принуждению со стороны матери и отчима, со своей первой женой дочерью Марка Агриппы Випсанией Агриппиной, к тому времени уже родившей ему сына Друза и в ту пору беременной вторым ребенком. Этот вынужденный развод травмировал душу Тиберия, о карьере которого мать проявила тогда чрезмерную и непрошеную заботу.

По словам Светония, Юлия «своим нравом была ему противна — он помнил, что еще при первом муже она искала близости с ним... Об Агриппине он тосковал и после развода; и когда один только раз случилось ему ее встретить, он проводил ее таким взглядом, долгим и полным слез, что были приняты меры, чтобы она больше никогда не попадалась ему на глаза» (Светоний, цит. изд., с. 79). Между тем, Юлия вела настолько распущенный и зазорный образ жизни, причем ее любовные приключения

происходили не в тайне, а известны были всему Риму, что Тиберий в конце концов не выдержал публичного унижения. Чтобы расстаться с навязанной ему беспутной женой, он просил отца и тестя уволить его от государственных должностей, ссылаясь на усталость и слабое здоровье. Август отпустил его, и Тиберий отправился на восток, поселившись на Родосе. Когда спустя несколько лет он захотел вернуться в Рим, чтобы увидеть своих родственников, Август отказал ему в разрешении на такое возвращение, запретив ему впредь общаться с теми, кого он сам произвольно оставил.

Август усыновил двух своих внуков — сыновей Юлии от Агриппы: Гая и Луция Цезарей, совершив древний обряд выкупа их у родного отца. Они воспитывались в доме принцепса, и как рассказывает Светоний, император «сам обучал» их «и читать, и плавать, и другим начальным знаниям, в особенности стараясь, чтобы они перенимали его почерк. Когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам» (Светоний, цит. изд., с. 59). Уже в раннем возрасте они стали присутствовать на заседаниях сената, занимали магистратуры, и обладая незаурядными способностями, успешно выполняли административные поручения, которые возлагал на них Август. Но во 2 г. от Р.Х. Луций, находившийся тогда в Массалии, тяжело заболел и скончался, через 18 месяцев, в 4-м году смерть постигла и его младшего брата. Он был опасно ранен в сражении в Ликии и умер от раны, отправившись в обратный путь в Италию.

Тогда Август, вероятно, не без подсказки Ливии, вызвал с Родоса из вначале добровольной, а потом принудительной ссылки Тиберия и усыновил его на форуме перед трибунами комициями вместе с родным внуком Агриппой Постумом — младшим сыном Агриппы и Юлии, хотя тот был крайне неуравновешенным юношей, на грани с душевной болезнью, и находился под опекой. При этом принцепс потребовал от Тиберия предварительно усыновить своего племянника Германика. В такой заботе о Германике можно заподозрить подтверждение ходивших в народе слухов о том, что его отец Друз, родившийся через три месяца после развода Ливии с Тиберием Нероном и скоропалительного нового брака, не был сыном Тиберия, а родился от Августа, и навязав пасынку усыновление Германика, Август тем самым обнаружил заботу о будущем собственного внука. Во всяком случае

Тиберий стал с этих пор ближайшим помощником состарившегося принцепса в делах государственного правления и воспринимался римским обществом как его вероятный преемник, хотя, разумеется, никаких актов о наследовании власти в связи с этим не издавалось, поскольку они вступили бы в очевидное противоречие с республиканской конституцией, предполагающей избирательные процедуры при замещении магистратур; усыновление Тиберия с формальной стороны имело не государственное, а частное значение и относилось не к Римской республике, но к дому Цезарей.

Правление Августа, следовавшее за длительной полосой гражданских войн, сопряженной с потрясением самых основ сложившегося порядка, пришлось на время, когда общественные и семейные нравы до крайности исшатались в сравнении со своего рода пуританским этосом ранней республики. Подрыву моральных устоев Рима способствовали не только внутренние неурядицы, сопровождавшиеся падением авторитета древних установлений, но и влияние эллинистического мира, включенного в состав империи. Слова апостола Павла из «Послания к Римлянам», написанные несколькими десятилетиями позже эпохи Августа, характеризуют и ее: «Предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребство, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим 2, 26–32). Таков аутентичный портрет римского общества, начертанный апостолом языков.

Август, не зная коренной причины растления нравов, очевидной для апостола, — «Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо Творца» (Рим 2, 25),

принадлежал все же к тем тогда уже немногим ревнителям добрых старых нравов, кто делающих подобное не одобрял (см. Рим 2, 32), и, пользуясь своим непререкаемым авторитетом, пытался обуздать распутников, попирающих законы божественные и человеческие, тем самым противодействуя затопившему римское общество разврату. Одним из важнейших актов его правления стал изданный в 18 г. до Р.Х. «Юлиев закон против прелюбодеяний» (*lex Julia de adulteriis coercendis*), которым право возбуждения процесса по обвинению в прелюбодеянии жены предоставлялось ее мужу и отцу, а по истечении 60 дней после совершенного преступления — всякому римскому гражданину, достигшему 25-летнего возраста. Ответственности подлежали неверная жена и мужчина, вступивший с ней в связь. «Однако, — пишет, излагая содержание этого закона С. И. Ковалев, — если муж прощал виновную жену и не разводился с ней, против нее нельзя было возбудить обвинения в прелюбодеянии (за исключением тех случаев, когда было доказано, что муж, прощая жену, действовал в корыстных целях). В случае вынесения обвинительного приговора виновные подвергались изгнанию на маленькие острова около побережья Италии и конфискации части имущества. Женщина, кроме этого, лишалась права вступать в новый брак со свободнорожденными» (Ковалев, цит. изд., с. 570). В исключительных случаях отцу неверной жены предоставлялось право убить дочь вместе с ее любовником, а оскорбленному мужу — любовника жены, но не ее самою. Связь мужчины с незамужней женщиной, если виновный не прибегал к насилию, квалифицировалась как обесчещение (*stuprum*) и каралась штрафами, эта мера однако не распространялась на связь с перегринками, тем более с рабынями и на посещение лупанариев. Гомосексуальные связи также карались штрафами, а в исключительных случаях — при растлении мальчика (*puer*) сенаторского сословия — смертной казнью.

Юлиев закон столкнулся с широким общественным неприятием, более всего в высшем классе, более других слоев общества захваченном волной разнузданности. Но принцепс обнаружил последовательность и настойчивость в проведении мер, направленных на моральную санацию подвластного ему государства. Наказания постигли многих знатных и влиятельных особ, скандальным образом жизни не только поправших общественные приличия, но и переступивших черту закона. Не

остановился он в неукоснительном следовании закону и по отношению к самым близким ему лицам. Похождения его распутной дочери служили насмешкой над усилиями отца выстроить запруду затопившему Рим пороку. Принцепса особенно возмущала то обстоятельство, что одним из своих многочисленных любовников Юлия избрала единственного из пощажённых им сыновей триумвира Антония, которого звали Юлием Антонием. Август подверг дочь ссылке, и как рассказывает Светоний, запретил давать ей «вино и предоставлять малейшие удобства; он не подпускал к ней ни раба, ни свободного без своего ведома... Только пять лет спустя он перевел ее с острова на материк и немного смягчил условия ссылки» (Светоний, цит. изд., с. 59). Затем ему пришлось подобным образом поступить и с ее дочерью Юлией Младшей, не уступавшей в порочности своей матери. Ребенка, которого Юлия Младшая родила после своего осуждения, он не признал своим правнуком.

В Риме, заразившемся всеобщим стремлением к наслаждениям и прожиганию жизни, мужчины уклонялись от вступления в брак, а замужние женщины от деторождения. Августа тревожило численное соотношение среди граждан природных римлян и инородцев, вышедших из либертинов, неуклонно изменявшееся в пользу последних. Вызывала беспокойство и общая демографическая ситуация — неизбежные потери эпохи гражданских войн плохо компенсировались послевоенным ростом населения, который оказался слишком медленным. В связи с этим в том же 18 г. был принят еще один закон — «*lex Julia de maritandis ordinis*» (о регламентации браков), которые через четверть столетия, в 8 г. от Р.Х., был пересмотрен в сторону смягчения новым актом менее радикального характера — *lex Papia Poppaea*. На основании этого закона римляне обязаны были состоять в браке с 25 до 60 лет, а римлянки с 20 до 50. Это обозначало обязанность овдовевших и разведенных вступать в новый брак по истечении двух лет после прекращения предыдущего брака. В семье свободнорожденных полагалось иметь не менее трех, а вольноотпущенников — четырех детей. Свободнорожденные при этом не имели права вступать в брак с бесчестными женщинами — проститутками, своднями, уличенными в прелюбодеянии, а сенаторы также с вольноотпущенницами и актрисами. Живущие согласно этим законом пользовались привилегиями при занятии общественных должностей — зеленый свет открывался для

карьеры тех, кто имел не менее трех детей, и в распоряжении наследством. В частности, вдова, имевшая не менее трех детей, освобождалась от обязательного в иных случаях опекуинства в распоряжении наследством покойного мужа. Малодетные и бездетные лица подвергались штрафам, их доля в наследстве решительно сокращалась в пользу многодетных сонаследников и казны.

Сам Август парадоксальным образом не соответствовал требованиям этих законов. Беременность Ливии, наступившая после брака с ним, закончилась выкидышем, и более она уже не рожала, а ко времени издания второй редакции закона Раррия Рорреа, они оба достигли уже глубокой старости. Гедонистически ориентированное общество сопротивлялось проведению закона. Это была, конечно, не открытая агитация против него, очевидно, бессмысленная и опасная, но его тихая обструкция. Избегавшие брака или умножения семейных забот из-за рождения новых детей и в то же время стремившиеся к сохранению привилегий, прибегали к разного рода более или менее изобретательным уловкам, например, к фиктивным бракам. В качестве контрмеры правительство поощряло доноительство, вознаграждая лиц, вскрывавших обман, за счет имущества разоблаченных.

Едва ли результатом законодательства Августа стало очищение нравов римского общества, но известные демографические успехи оно принесло: ценз, проведенный в 13 г. от Р.Х., показал увеличение числа римских граждан с 3 миллионов, которые были выявлены цензом 28 г. до Р.Х., до 4-х. С учетом женщин и детей, в семьях римских граждан было, очевидно, около 10 миллионов человек. При этом и население империи, вероятно, также выросло, приблизившись к 75 миллионам.

В ряду законов, направленных на исправление общественной морали, на восстановление этоса Рима доброго старого времени, к которому Август испытывал искренний пиетет, несмотря на то, что к власти он пришел как наследник Цезаря, возглавившего революцию, опрокинувшую старый государственный строй, принадлежит и закон против роскоши — «*lex Julia sumptuaria*». Причем сам Август, обладая колоссальным богатством, из которого финансировалась существенная часть государственных расходов, в своем образе жизни роскоши избегал. По словам Светония, «жил он сначала близ римского форума, над Колечниковой лестницей, в доме, принадлежавшем когда-то оратору Кальву, а потом — на Палатине, в доме Гортензия; но

и этот дом был скромный, не примечательный ни размером, ни убранством, — даже портики были короткие, с колоннами альбанского камня, а в комнатах не было ни мрамора, ни штучных полов. Спал он больше сорока лет в одной и той же спальне зимой и летом, и зиму всегда проводил в Риме, хотя мог убедиться, что зимой город вреден для здоровья... Отдыхать он чаще всего уезжал или в Кампанию, на взморье и острова, или в городки неподалеку от Рима... Больших и роскошных домов он не терпел, и даже стоивший немалых денег дворец Юлии Младшей приказал разрушить до основания. Собственные виллы, очень скромные, он украшал не статуями и не картинами, а террасами и рощами... Даже спал он, говорят, на постели низкой и жестко постланной. Одежду надевал только домашнего изготовления, сработанную сестрой, женой, дочерью или внучками... Ел он очень мало и непряхотливо. Любил грубый хлеб, мелкую рыбешку, влажный сыр, отжатый вручную, зеленые фиги второго сбора... Вина по натуре своей он пил очень мало» (Светоний, цит. изд., с. 63–64).

Ключевое значение в выстроенной Августом политической структуре имели взаимоотношения сената с принцепсом. Государственные акты часто оформлялись в виде сенатских постановлений. В отдельных случаях законопроекты прямо выносились на обсуждение сената, но чаще они предварительно обсуждались в узком кругу, в так называемом совете (*consilium*) принцепса, в который он включал консулов, по одному представителю от других коллегияльных магистратур — претуры, квестуры и по 15 человек, жребием выбиравшихся из числа сенаторов, и затем он уже рекомендовал сенату или комициям утвердить выработанные законопроекты. «Сенат же в полном составе, — как пишет Дион Кассий, — как и прежде, сам по себе выносил решения и давал аудиенции послам и глашатаям народов и царей» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 574).

Стерилизовав политическую роль сената, Август сохранил за ним консультативные, представительные, судебные и с известным ограничением законодательные функции; кроме того, он ценил это древнее учреждение как резервуар искушенных управленческих кадров и поэтому заботился как о его престиже, так и о качестве составляющих его лиц. Для повышения этого качества число сенаторов понадобилось сократить: в результате ценза 28 г. оно было сокращено с одной тысячи до 800. В ходе

познейших чисток, а они проводились в 18 и 8 гг. до Р.Х. и в 4 и 14 гг. от Р.Х., оно было доведено до 600. Подобные чистки представляли собой меры, опасные для самой жизни принцепса, так что, проводя ценз в 18 г., он, памятуя об убийстве Цезаря, под тогой держал панцирь и меч, а сенаторы подходили к нему по одному после предварительного досмотра. Август ввел имущественный ценз для сенаторов в 1 миллион сестерциев. Менее состоятельным лицам, которых он однако хотел удержать в сенате или ввести в него, он распорядился подарить средства из собственного фиска. Приверженец старины, принцепс ценил древность рода, и ввел порядок, когда для принадлежности к сенаторскому сословию требовалось иметь не менее двух поколений предков — отца и деда, принадлежавших ему. Ввиду вымирания древнего патрициата, понесшего совсем уже невосполнимые потери в ходе гражданских войн и проскрипций, Август, подражая в этом Цезарю, возвел некоторых нобилей из плебеев в патрицианское достоинство. Особенно приближенных к себе лиц, сенаторского, но иногда также всаднического сословия Август включал в число своих «друзей» (*amici*) или «спутников» (*comites*) — отсюда берет начало графское сословие средневековой Европы (по-французски — *comte*).

При Августе существенной трансформации подверглось второе, всадническое сословие. К нему принадлежали те римские граждане, чье состояние превышало 400 тысяч сестерциев. Дети сенаторов, пока они не достигали первой магистратуры, не становились квесторами, что открывало им доступ в сенат, также принадлежали всадническому сословию, даже если их имущество превышало установленный для сенаторов ценз в один миллион сестерциев. Если в эпоху поздней республики всадники были по преимуществу буржуазным сословием купцов, банкиров, владельцев торговых судов и крупных мастерских, которым из всех общественных обязанностей наиболее приличествовали откупы в провинциях, приносявшие им колоссальные барыши, то при Августе существенно расширился круг должностей, доступных всадникам, причем особенно часто они назначались на новые должности, учрежденные принцепсом, значение которых в административном аппарате империи могло превышать старые республиканские магистратуры, остававшиеся доступными лишь сенаторам. Высшими всадническими должностями, и таким образом пределом

их служебной карьеры, были префект претория, командовавший преторианскими когортами, охранявшими императора, префект Египта, а также, рангом ниже, префект пожарной команды и префект анноны — службы, ответственной за снабжение Рима продовольствием. Кроме того, Август вернулся к древней практике вербовки в кавалерийские турмы именно юношей из всадничества, которое в результате подобных мер стало превращаться в служилое сословие. При Августе число взрослых римских граждан, принадлежащих к этому сословию, составляло, вероятно, около 20 тысяч человек, и значит, вместе с принадлежавшими к их семьям женщинами и детьми достигало 50 тысяч.

Ниже всадников, как в юридическом, так и в социальном отношении стояло муниципальное чиновничество, верхушечная часть которого, впрочем, принадлежала всадническому сословию, а некоторые особы из этого круга могли даже иметь звание римского сенатора. В муниципиях лучше, чем в центральном правительстве, сохранились при Августе элементы выборности. Власть в них осуществлялась местными сенатами, члены которых именовались декурионами. Доминирующее положение в муниципальных сенатах занимали поселенные в италийских городах ветераны и другие колонисты, но в местном самоуправлении участвовали и природные италики, потомки исконных жителей муниципий, в первую очередь, естественно, состоятельные люди — крупные землевладельцы, купцы, собственники больших эргастериев. Исполнительную власть осуществляли выборные магистраты. Особенно хорошо известен по многочисленным сохранившимся надписям порядок управления в Помпеях. Там высшие магистраты именовались *duumviri jure dicundo* — дуумвиры для судоговорения. «За дуумвирами, — пишет классик французской романистики Г. Буассье, — следовали два эдила, на которых было возложено наблюдение за рынками, поддержание общественных памятников, полицейский надзор за улицами и площадями. Еще ниже эдилов во многих городах было по два квестора, которые заведовали городскими доходами и наблюдали за расходам. Таков был обычный состав городских магистратов, менявшихся ежегодно. Были еще и другие, которые избирались время от времени для некоторых чрезвычайных случаев» (Буассье Гастон. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 2. СПб., 1993, с. 39), например, для проводившихся раз в 5 лет

переписей населения, отсюда идет наименование их должности — магистраты-квинквенналы.

Ниже декурионов по своему статусу стояли остальные римские граждане, составлявшие большинство свободного населения Италии и рассеянно жившие также в провинциях, — плебс, неимущая часть которого, как и встарь, именовалась пролетариатом. Среди граждан различались свободнорожденные и либертины, которые, впрочем, часто принадлежали отнюдь не к бедному слою плебса — не всегда, но часто свободу получали как раз такие рабы, которые обнаруживали незаурядные хозяйственные способности в управлении имением господина, либо по иным причинам были у него в фаворе и при маниципации щедро вознаграждались. Но на исходе гражданской войны рабы получали волю и в результате истребления или совершенного разорения своих господ. Август в заботе о чистоте италийской крови римских граждан, в особенности его верхнего сословия, принял ряд мер по ограничению прав вольноотпущенников, чаще всего инородцев. При нем для них закрылись высшие сенаторское и всадническое сословия даже при наличии у них требуемого имущественного ценза, их не принимали на военную службу, кроме как в пожарные когорты. Сенаторам было запрещено жениться на дочерях либертинов. В то же время вольноотпущенники самого принцепса находили применение на службе в императорском фиске, где для них открыта была высокопоставленная должность прокураторов — финансовых агентов в провинциях.

Август регулировал отпуск рабов на волю, стремясь ограничить его, главным образом, не по экономическим соображениям, а ради сохранения италийского характера свободного населения страны. Во 2 г. до Р.Х. вышел закон Фуфия Каниния, по которому число отпускаемых по завещанию на волю рабов зависело от их общего количества у владельца: при наличии от 3 до 10 невольников дозволялось отпустить не более половины из них, если рабов было от 10 до 30 — отпустить можно было не более трети, владелец от 30 до 100 невольников мог отпустить не более четверти их, и наконец, крупный рабовладелец, имевший от 100 до 500 рабов, мог отпустить не более одной пятой из их числа. Более 100 невольников запрещалось отпускать на волю уже при любом их числе у владельца. Законом Элия Сенция, изданным в 4 г. от Р.Х., право освобождения рабов при

жизни ограничивалось возрастным цензом — оно предоставлялось лишь совершеннолетним лицам, достигшим 20 лет. Возрастное ограничение касалось и отпускаемых на волю — они не могли быть моложе 30 лет. При острой необходимости освобождения рабов до достижения возрастного ценза ими самими или их владельцами дело рассматривалось специально для этого учреждаемой государственной комиссией, состоявшей из 5 сенаторов и 5 всадников. В провинциях такую комиссию составляли 20 римских граждан. Вольноотпущенники, в бытность свою рабами опороченные телесными наказаниями со стороны владельцев или государственных властей, не могли уже обрести римского гражданства, получали статус подданных (*dedicti*) peregrinov и могли поселяться лишь за 100-мильной чертой от столицы.

Одновременно Август применял меры против незаконных обращений в рабство свободных людей — подобные преступления нередко совершались в сумятице гражданских войн, подорвавших правопорядок. По его указаниям не один раз проводились ревизии эргастулов, и незаконно помещенные туда лица — граждане или peregriny — освобождались, а виновные в преступном порабощении подвергались наказаниям.

В условиях мира, наступившего после разорительных гражданских войн, а также ввиду покорения Египта, изобиловавшего зерном, принцепс вдвое увеличил раздачу дарового хлеба: при Цезаре число римских граждан, которым выдавался хлеб, сокращено было с 300 тысяч до 100 — Август удвоил количество пайков. Хлеб и деньги раздавались жителям Рима, италийских городов, провинциалам, а также в экстраординарном порядке, когда народ в связи с недородом или иными бедствиями испытывал особую нужду. Малоимущим и неимущим гражданам нередко раздавались денежные подарки в размере до 400 сестерциев каждому. Но принцепс решительно пресекал неумеренные аппетиты любителей даровых раздач. Так, «когда горожане стали жаловаться на недостаток и дороговизну вина, он унял их строгими словами: «Мой зять Агриппа достаточно построил водопроводов, чтобы никто не страдал от жажды» (Светоний, цит. изд., с.51–52).

Еще большее рвение, чем в раздаче рапем, он обнаружил в угождении римскому плебсу зрелищами — *circenses*. «Его зрелища были более частые, более разнообразные, более блестящие. ...Театральные представления он иногда устраивал по всем

кварталам города, на многих подмостках, на всех языках; гладиаторские бои — не только на форуме или в амфитеатре, но также и в цирке и в септах (впрочем, иногда он ограничивался одними травлями)» (Светоний, цит. изд., с. 52). В таких травлях было убито три с половиной тысячи драгоценных африканских зверей. В гладиаторских боях за время его правления в совокупности участвовало до 10 тысяч бойцов. Самое грандиозное из устроенных им зрелищ сам принцепс так описал в своих «Деяниях»: «Зрелище морского сражения я дал народу за Тибром, в местности, где теперь находится Роща Цезарей, выкопав для этого водоем длиной в 1800 шагов, шириной в 1200. В этом сражении бились между собой 30 ростральных кораблей с тремя или двумя рядами весел и еще большее количество судов меньшего размера. Кроме гребцов, на этом флоте сражались около 3000 людей» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 572). Особенно грандиозных масштабов достигли зрелища и игры, которые были устроены в 17 г. до Р.Х., которые получили наименование *ludi saeculari* — секулярные, что значит вековые, юбилейные игры.

По отношению к провинциалам политика Августа носила двойственный характер. С одной стороны, он избегал широко применявшуюся Цезарем, а также его предшественниками популярными, когда те контролировали государство, практику предоставления римского гражданства провинциалам. В духе старореспубликанского консерватизма, он, как писал Светоний, «особенно важным считал..., чтобы римский народ оставался неиспорчен и чист от примеси чужеземной или рабской крови. Поэтому римское гражданство он жаловал очень скупно... Ливия просила за одного галла из податного племени — он освободил его от подати, но отказал в гражданстве, заявив, что ему легче перенести убыток для казны, чем унижение для чести римских граждан» (Светоний, цит. изд., с. 51). В то же время принцепс заботился о благополучии провинциалов, которым предоставлено было право обращаться с жалобами к самому принцепсу. Самым большим благодеянием по отношению к ним была отмена откупов для сбора прямых налогов, перешедшая от откупщиков к несравненно более добросовестным прокураторам фиска. Лишь сбор косвенных налогов, в основном с продаж недвижимости, оставался и при Августе не столько источником пополнения казны, сколько поприщем для наживы публиканов.

Характеризуя перемены, наступившие в провинциях, нещадно эксплуатировавшихся после их завоевания и обращения в поместья римского народа, в эпоху принципата, Г. Буассье писал: «Обстоятельства коренным образом изменились после возникновения империи. Когда власть перешла в руки одного человека, последний имел прямой интерес защищать провинции от вымогательства правителей. Это было теперь его собственное добро, а потому тот, кто позволял себе грабить его подданных, обкрадывал его самого» (Буассье, цит. изд., с. 28). В этой сентенции преувеличивается степень отождествления принцепса с государством — его правлению придаются монархические черты, которые в юридическом плане при Августе отсутствовали, но направленность изменений и их политическая причина обозначены верно. «Во времена республики, — продолжает историк, — проконсулы менялись ежегодно. Каждый год наезжал в провинцию новый правитель со свежим аппетитом, и каждый был тем ненасытнее, чем меньше времени было у него для насыщения. Единый же властелин, рассчитывая на продолжительную власть, не так торопился все обобрать сразу... Таково общее правило, что собственник бережет землю, между тем как арендатор ее истощает» (Буассье, цит. изд., с. 28). И в результате, по словам Ваддингтона, после битвы при Акциуме «материальный достаток господствовал везде, чего раньше не было. Борьба мелких владетелей и городов между собою стала невозможной, и война была отодвинута к границам; торговля и промышленность процветали» (цит. по: Буассье, цит. изд., с. 26, прим.).

Главной опорой императора были войска. В провинциях, управлявшихся принцепсом, они прямо подчинялись ему, и ими командовали легаты Августа (*legati Augusti legionis*), в сенатских провинциях они также находились под контролем того, кто стал единственным императором в Риме, но прямым образом подчинялись правителям провинций, которые также именовались легатами — это были легаты проконсулы или легаты пропреторы. Легаты и военные трибуны, составлявшие высший командный состав армии, принадлежали как правило к сенаторскому сословию, префекты, командовавшие вспомогательными частями, ведавшие снабжением армии, сооружением лагерей — к всадническому, центурионы выдвигались из простых легионеров, но ввиду особых заслуг могли надеяться на включение их во всадническое сословие.

При Августе организация вооруженных сил подверглась существенной реформе. Путь к превращению их из гражданского ополчения в профессиональную армию, начатый Марием, завершен был в общих чертах создателем принципата. Все, кто поступал на службу в вооруженные силы, обязан был давать присягу на верность Августу. После окончательной победы над Антонием и Клеопатрой под его командованием находилось 70 легионов, снабжение которых было разорительно для империи. Завершение гражданской войны сделало избыточным содержание полумиллионной армии, и Август провел ее радикальное, примерно вдвое, сокращение. Он оставил 28 легионов, в каждом из которых находилось по 5 с половиной тысяч тяжелой пехоты и по одной турме из 120 кавалеристов в каждой. Император предпочел потратить средства на разовое вознаграждение ветеранам постоянным тратам на финансирование избыточных легионов; а завоевание Египта позволило выплатить компенсации тем италикам, чьи земли передавались ветеранам, и тем самым предотвратить взрыв недовольства в стране. Впоследствии, с 13 г. до Р.Х., Август перешел к практике вознаграждения увольняемых ветеранов, служба которых продолжалась 20 или 25 лет, а иногда и более длительный срок, не земельными участками, а единовременными денежными выплатами размером в 3000 динариев, что предоставляло уволенным свободу в выборе места жительства и рода занятий. Выдачей вознаграждений ведала особая военная касса, находившаяся под контролем Августа — *aerarium militare*.

Комплектовались легионы в основном из италиков, в том числе из римских граждан, поселенных в провинциях, или даже из туземцев, получивших римское гражданство. Вольноотпущенники вербовались при Августе в легионы лишь в исключительных случаях, как пишет Светоний, «всего два раза: в первый раз для укрепления колоний на илирийской границе, во второй раз для защиты берега Рейна» (Светоний, цит. изд., с. 44). Служба в легионах окончательно приобрела добровольный, или наемный характер, так что большинство римских граждан, юридически остававшихся военнообязанными, фактически уже не служило в войсках и не участвовало в войнах.

Как писал С. И. Ковалев, «до момента своей отставки солдат не имел права вступать в легальный брак, что отделяло его от гражданского общества. Воинские единицы (легионы, когорты,

алы) получили постоянные названия и нумерацию. В них развивались прочные воинские традиции и воинский дух. Дисциплина в армии укрепилась, с солдатской распущенностью эпохи гражданских войн было надолго покончено» (Ковалев, цит. изд., с. 575). Август создавал режим, в котором армия должна была играть роль ключевого инструмента в решении политических, и главным образом, внешнеполитических задач, но не участвовать в политике самостоятельно, помимо своего императора. В целях укрепления воинской дисциплины он, по словам Светония, «даже своим легатам ...дозволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой... Десятый легион за непокорность он весь распустил с бесчестием. Другие легионы, которые неподобающим образом требовали отставки, он уволил без заслуженных наград. В когортах, отступивших перед врагом, он казнил каждого десятого, а остальных переводил на ячменный хлеб. Центурионов, а равно и рядовых, покинувших строй, он наказывал смертью, за остальные проступки налагал разного рода позорящие взыскания: например приказывал стоять целый день перед преторской палаткой, иногда — в одной рубахе и при поясе, иной раз — с саженью или дерновиной в руке. После гражданских войн он уже ни разу ни на сходке, ни в приказе не называл воинов «соратниками», а только «воинами» и не разрешал иного обращения ни сыновьям, ни пасынкам, когда они были военачальниками: он находил это слишком льстивым и для военных порядков, и для мирного времени, и для достоинства своего и своих ближних. Из воинских наград, — продолжает писатель, — он охотнее раздавал бляхи, цепи и всякие золотые и серебряные предметы, чем почетные венки за взятие стен и валов: на них он был крайне скуп и не раз присуждал их беспристрастно даже простым солдатам» (Светоний, цит. изд., с. 43–44).

Август сконцентрировал легионы вдоль самой опасной для прорывов имперской границы по Рейну и Дунаю, а также в восточных провинциях и в Ближней Испании, в то время как Италия была фактически демилитаризована. Малочисленные гарнизоны расквартированы были и в глубоко замиренных провинциях, таких как Дальняя Испания или Африка. На границе легионы размещались в крепостных гарнизонах, или лагерях, куда они возвращались по окончании военных действий; рядом с укрепленными постоянными лагерями (*castra stativa*) «стали издавна

селиться маркитанты, поставщики и ремесленники, приходившие из соседних областей. Вначале они строили скромные жилища, которые назывались палатками или бараками легиона (*сапабае легионис*); затем, когда эти бараки разрастались, им давали нечто вроде муниципального устройства: какой-нибудь отставной унтер-офицер становился во главе магистратуры, а ветераны или разбогатевшие торговцы составляли совет десяти (*декурионов*). Новый муниципий мало-помалу разрастался, и нередко кончалось тем, что из него возникал большой город» (Г. Буассье, цит. изд., с. 17). Так эти поселения, населенные и италиками и варварами, языком общения между которыми неизбежным образом была латынь, становились центрами урбанизации и романизации пограничной зоны.

Привилегированную часть вооруженных сил составляла преторианская гвардия, выросшая из отрядов телохранителей полководца. Она размещалась в походном лагере у преторской палатки, служившей штаб-квартирой военачальника. В 27 г. до Р.Х. под началом Августа состояло 9 когорт по 1000 преторианцев в каждой из них, размещенных маленькими подразделениями по пригородам Рима. Срок службы преторианцев составлял лишь 16 лет, и им выплачивалось ежегодно жалование, в три или в два раза превосходившее легионерское — по 20 тысяч сестерциев, так что на преторианцев император мог полагаться с большей уверенностью, чем на легионеров.

Для охраны полицейского порядка в 5 г. от Р.Х. в столице и ее окрестностях было расквартировано еще 12 городских когорт (*cohortes urbanae* и *cohortes vihilum*) по 500 человек в каждой из них. В эти полицейские войска, своего рода жандармерию, не пользовавшуюся особым уважением общества, могли вербоваться вольноотпущенники, туда включались даже выкупленные у их владельцев рабы, которым при этом, естественно, даровалась свобода.

С самого начала истории Рима в состав его вооруженных сил входили вспомогательные части, в царскую эпоху из латинов, в раннереспубликанскую — из италиков, затем — из провинциалов. Легкую пехоту и большую часть кавалерии Рима составляли вспомогательные когорты и алы. При этом они всегда находились под командованием начальников тех легионов, которым они придавались — военных трибунов или легатов императора. При Августе они комплектовались из провинциалов

и наемников, завербованных за пределами империи. Служба во вспомогательных частях, насчитывавших примерно столько же воинов, сколько было легионеров, продолжалась 25 лет, при выходе в отставку ветеранам вспомогательных частей даровалось римское гражданство. Эти войска, языком командования в которых была латынь, служили эффективным инструментом интеграции и романизации провинций.

Элиту вспомогательных войск составлял отряд телохранителей, своего рода лейб-гвардия Августа. Это была когорта из 500 воинов, комплектовавшаяся в германских племенах убиев и батавов. Лейб-гвардейцы Августа, преданные принцепсу и дому Цезаря, к которому Август принадлежал, именовались *germani corporis custodies* — германскими телохранителями. Находились они при особе императора, членов его семьи и в тех местах, где была нужда в охране.

Параллельно с созданием профессиональной армии Август позаботился о комплектовании постоянного военного флота. В средиземноморских портах — в Равенне, Мизене и Александрии — стояли морские эскадры. На Рейне и Дунае были размещены речные флотилии. Формировался флот в основном из провинциалов, часто греков и финикийцев, но в Мизенской и Равеннской эскадрах находилось и много бывших невольников, бежавших к Сексту Помпею, которых после пленения, ввиду их хорошей профессиональной выучке, не стали возвращать их бывшим владельцам, даровав им свободу. Гребцами галер обыкновенно были государственные рабы.

4. Включение в состав империи Альпийского региона, Паннонии и Иллирика

После битвы при Филиппах была упразднена провинция Цизальпинская Галлия, и граница Италии проходила с тех пор приблизительно, как и ныне, по Альпийскому хребту. В связи с этим жизненно необходимым делом стало обеспечение безопасности альпийских проходов. Между тем, кельтское племя салласов, обитавшее в долинах Западных Альп и державшее важнейший перевал — Малый Сен-Бернар, хотя и признало себя ранее союзником римского народа, но оставалось фактически независимым и даже взимало с римлян плату за переход через этот перевал. В 25 г. до Р.Х., воспользовавшись военными приготовлениями в этом племени, направленными против угрозы

римского господства над ним, Август приказал полководцу Варрону Мурене подавить сопротивление. В результате принятых военных и потом карательных мер само это племя прекратило существование: оставшихся в живых и плененных салассов продали на невольничьих рынках. На земле салассов была построена мощная крепость Аугуста Претория (Вале д Аоста).

Без малого 10 лет спустя началось планомерное завоевание народов, обитавших в Центральных и Восточных Альпах и их предгорьях — это были европейские автохтоны реты, к северу от них родственные им винделики, распадавшиеся на несколько племен: бригантийцев, руникатов, левнов, консванетов и бревнов. На восток от ретов и винделиков — на территории современных австрийских Штирии и Каринтии — обитало кельтское племя таврисков, позже переименованных в норики, по главному своему городу Нореи. Они уже раньше, с конца II столетия до Р.Х., были включены в число союзников римского народа, в гражданской войне Цезаря против Помпея взяли сторону потерпевшего поражение триумвира и затем совершенно отпали от Рима. В северных предгорьях Альп, в Баварии, по обоим берегам Дуная жили бойи, туда же проникали германские племена свевов и маркоманов, которые, по мере ассимиляции покоренных ими бойев, усваивали себе их имя, трансформированное ими в байовары.

В 16 г. до Р.Х. проконсул Иллирика П. Силий Нерва, отличившийся успешным ведением боевых действий в Пиренейских горах при подавлении восстания кантабров, под предлогом обеспечения безопасности Истрии вторгся в страну таврисков и сломил их сопротивление. В следующем году римской армией под командованием Друза и Тиберия были завоеваны земли ретов и винделиков. В 15 г. были образованы две новые провинции: Реция, включавшая земли ретов и винделиков — на территории северной Швейцарии, Тироля, Баварии и так называемых Декуманных полей, или Герцинского леса между истоками Рейна и Дуная в Баден-Вюртемберге и Норик. В Реции были построены римские укрепленные лагеря — кастры, или кастеллы, вокруг которых выросли города: Аугуста Винделикорум (Аугсбург), начало которой восходит к основанной еще в год убийства Цезаря колонии Раурике, Регина кастра (Регенсбург), Батава Кастра (Пассау), в Норике — Лавреак (Лорх), Юванум (Зальцбург), Ленций (Линц).

В 10 г. до Р.Х. на территории, соседней на востоке с Нориком, а на юге с Иллириком, там, где ныне находится Нижняя Австрия и западная часть Венгрии, а также Хорватия и Славония, была образована новая провинция Паннония, населенная иллирийскими народами; среди них самым многочисленными были паннонцы, которых греки называли пеонами. В Паннонии обитали также другие иллирийские племена: бревки, андизети, дитионы, мазеи. Центром провинции до ее позднейшего разделения на Верхнюю и Нижнюю Паннонию стал Винделинум, переименованный потом в Виндебону (современная Вена).

В 6 г. от Р.Х. в Паннонии началось восстание. Причиной его стал непомерный рост податей, а также набор войск для ведения войны с королем маркоманов Марободом. По данным источников, число восставших доходило до 200 тысяч. Бунт начался с удачных нападений на гарнизоны и последующего избиения взятых в плен легионеров и римских граждан: колонистов и находившихся временно в стране купцов. Положение осложнялось одновременным нападением независимых даков на соседнюю с Паннонией Верхнюю Мезию, где обитали их сородичи геты. Захватившие контроль над родной страной паннонцы вторглись в Норик, возникла даже угроза их продвижения в Италию.

Принцепсом приняты были экстренные меры. Он сказал тогда на заседании сената, что в случае промедления через 10 дней враги войдут в Рим. Произведен был срочный набор для пополнения армии. Призвали ветеранов; состоятельные граждане, не желавшие воевать, обязаны были предоставить вместо себя рабов в количестве, сообразном с их имуществом, эти рабы получали свободу и зачислялись в легионы. Командовать действующей армией, которая насчитывала 15 легионов и вспомогательные войска союзников, назначен был срочно отозванный из Германии Тиберий, ему помогал его племянник Германик. Союзник римлян фракийский царь Реметалк участвовал в войне с паннонцами. Действуя планомерно и методично в течение трех лет, Тиберий сломил сопротивление паннонцев, которые воевали с исключительной отвагой. Вооружались и участвовали в боях даже женщины. Когда восстание было окончательно подавлено, а предводитель инсургентов оказался в плену, то на вопрос, почему восстал его народ, он, как передает Дион Кассий, ответил: «Вы посылаете к вашим стадам не собак и не пастухов, а волков» (Cas. Dio. 16, 16, 3). Выводом из преподанного

паннонцами урока стало снижение налогов в провинциях, введение в них щадящего, приемлемого для местного населения режима.

Еще в 33 г. до Р. Х. Октавиан успешно завершил боевые действия в Иллирике взятием укрепленного города Сисции. Риму окончательно покорились иллирийские племена: яподы, истры, далматы, ардии и автариаты. Расквартированные в Паннонии и Иллирике, который в 27 г. до Р. Х. получил статус провинции, римские легионы не раз подвергались нападениям извне — со стороны независимого иллирийского племени дарданов, а также фракийских племен — даков, или гетов. В свою очередь, пересекая Дунай, служивший границей провинции и империи, римские войска под командованием Агриппы совершали карательные экспедиции против них. С севера в римскую Македонию вторгались даки, сарматы и скифы, а также поселившиеся в Нижнем Подунавье бастарны, или певкины, принадлежавшие к числу германских народов. Нанеся ответные удары, римские войска под командованием проконсула Македонии Лициния Красса продвинулись до низовьев Днестра. Для укрепления римских позиций на Балканах были покорены расположенная в междуречьи Саввы, Дравы и Дуная, на территории современной Сербии, Верхняя Мезия, и в Нижнем Подунавьи — на севере современной Болгарии — Нижняя Мезия, населенные фракийским народом гетов, или даков, но большая часть даков, обитавшая к северу от Дуная, осталась пока вне сферы римского контроля.

Верхняя Мезия была вначале включена в Македонскую провинцию, из которой ранее, в 27 г. до Р. Х. была выделена Эллада, составившая самостоятельную провинцию Ахайю, а Нижнюю Мезию Рим присоединил к союзному, и значит, фактически вассальному Фракийскому царству Котиса. Три десятилетия спустя, в 6 г. от Р. Х., Верхняя Мезия была выделена в самостоятельную провинцию. Одновременно из Иллирика была вычленена провинция Далмация, узкой полосой протянувшаяся по восточному побережью Адриатики и населенная исключительно иллирийскими племенами, самым многочисленным среди которых на этой территории были далматы.

В конце правления Августа, после подавления восстания в Паннонии, северная граница Римской империи надолго стабилизировалась. Она проходила по естественному геополитическому рубежу — Дунаю. Лишь с этих пор Альпы и Северные

Балканы прочно вошли в состав Римского государства. Географически эти новоприобретенные или окончательно покоренные земли можно разделить на три региона: Альпийский, Паннонский и Балканский.

Альпийские горы, самые высокие в Западной Европе, занимают ее центр, образуя своего рода дугу, протянувшуюся от средиземноморского побережья в Лигурии до Адриатики, окаймляя с севера долину реки По. Они представляют собой сложную систему горных хребтов, образующих зигзагообразную ломаную линию, разделенную глубокими долинами и ущельями, по которым текут берущие начало в ледниках быстрые горные речки с многочисленными водопадами, с мутной пенящейся водой и впадающие в По, Рону, Рейн, Дунай или в лежащие на разных высотах — от 60 до 800 метров над уровнем моря — глубоководные озера; Женевское, или Леман, Боденское, Цюрихское, а на южных склонах, в Италии, — Гардо, Комо, Лаго-Маджоре. Для альпийских озер характерна удлинённая вытянутая конфигурация.

В предгорьях, на высоте до 800 метров над уровнем моря, растут каштановые, грабовые и буковые леса, значительная часть земли издревле распахана под поля и сады, выше горы покрыты лиственными, а затем уже хвойными лесами, на высоте от 2-х до 2-х с половиной километров преобладает стелящаяся по скалам кривая сосна, кусты можжевельника и альпийской розы, еще выше лежат ковры альпийских лугов, в летнее время испещренных цветами, представляя собой прекрасные пастбища, выше 3-х тысяч метров высятся голые скалы, там расположены снежные глетчеры и ледники, и лишь местами высокогорные долины со скудными альпийскими травами, со знаменитыми эдельвейсами. Самые высокие вершины — это Мон-Блан в Савойских Альпах (4810 м), Монте-Роза (4638) и Мишабель (4554) в Пеннинских, а также Аллечгорн (4207) и Юнгфрау (4167м) в Бернских Альпах. Восточные отроги Альп ниже северных хребтов. Высокогорные альпийские перевалы — Большой и Малый Сен-Бернары, Сен-Готард, Симплон, Арлберг, Бернина, Фурка и Гемми — были освоены уже в античную эпоху или даже в доисторические времена.

Как это всегда бывает в горах, климат в Альпах более всего зависит от высоты местности над уровнем моря: обитаемые склоны доходят приблизительно до 2-х тысяч метров. Там прохладное лето, а снежный покров сохраняется в течение большей

части года. Альпийские горы, составляя главный водораздел Западной Европы, в то же время составляют в ней климатическую границу. Южные склоны Альп доступны теплым средиземноморским ветрам, а северное предгорье лежит в зоне прохладного климата, так что в Баварии и лето и зима прохладнее, чем на берегах Рейна, а зима холоднее даже, чем в Бранденбурге. На Баварском плоскогорье преобладают лиственные леса и степная растительность, в то время как с южной стороны Альп у подножья вершин, покрытых вечным снегом и льдом, созревают виноград и оливки.

Паннонию отделяет от Альпийского региона расположенная в предгорьях Нижняя Австрия с ее по западноевропейским меркам прохладным климатом, короткими, но снежными зимами и теплым или прямо жарким летом. Большую часть Паннонии представляет собой равнина, которая продолжается и за пределами этой провинции, к востоку от Дуная, простираясь до Восточных Карпат. Равнина отличается особенно плоской поверхностью, покрытой степным разнотравьем. Эту степь в позднейшие времена назвали Венгерской пуштой. В течение многих веков превосходные пастбища пушты служили своего рода магнитом, центром притяжения для кочевых народов Причерноморья и Азии, гонимых перемежающимися засухами с востока — из казахских, южносибирских и забайкальских степей — на запад в поисках кормовых трав для своих стад. По обширной пуште рассеяны озера, самое большое среди них — Балатон. Ввиду удаленности от морей климат в Паннонии носит континентальные черты, разница в температуре между днем и ночью, между летом и зимой значительно больше, чем в Западной Европе, воздух суше, осадки выпадают реже. Лето там жаркое, зимой преобладают минусовые температуры, хотя они редко опускаются ниже 10 градусов по Цельсию. Там, где степи распаханы, они дают хороший урожай хлеба, овощей и фруктов. В позднейшие времена в Паннонии стали культивировать виноград, которого эта страна в древности не знала, импортируя вино из Эллады или из Италии.

Адриатическое побережье Балкан по контрасту с Итальянским берегом этого моря представляет собой изрезанную линию с глубоко вдающимися в сушу заливами, подобными северным фьордам, и узкими и длинными полуостровами, вроде Пелешаца, — лишь на крайнем северо-западе береговой линии, вблизи Венецианской лагуны, расположен относительно крупный по

площади Истрийский полуостров, по конфигурации подобный равностороннему треугольнику. Море у берегов Кварнера и Далмации усеяно множеством мелких островов, из которых лишь несколько десятков в древности и в наше время населены, даже самый крупный из них, Крк, в 20 раз меньше Крита. Напротив, Черноморская береговая линия гораздо ровнее, и в море фактически нет островов. Понтийский берег с самого начала греческой колонизации был излюбленным центром притяжения для нее, так что там следуя от дельты Дуная на юг располагались такие полисы как Истр, Томи, Каллатий, Бизон, Одессос, Навлох, Месембрия, Анхиала, Аполлония, Финополь, Андриака. Таких колоний меньше было устроено на более диком и опасном побережье Адриатики, к северу от Эпира, но они существовали и там: Эпидавр (современный Цавтат, переселенцы из которого впоследствии, в раннее средневековье, основали поблизости город Рагузу, или Дубровник), Салона (Сплит), Трагурион (Трогир), Фарос (на острове Хвар, ныне Стары Град). В этих городах и на примыкающих к ним землях, помимо греков, жили эллинизированные иллирийцы и фракийцы, а ближе к устью Истра, или Дуная, также скифы и сарматы.

Северную часть Балканского полуострова покрывают цепи гор: Динарских, по-другому Карстовых, которые, смыкаясь с восточными отрогами Альп, тянутся с северо-запада на юго-восток вдоль Адриатического побережья, соединяясь в Эпире с элладским Пиндом, и расположенные под тупым углом к ним Старо-Планины, которые покрывают большую часть современной Болгарии. Южнее этого хребта расположены отделенные от него продольными котловинами горные массивы Рила и Пирин и Родопские горы. Самая высокая вершина Рилы Мусала достигает 2925 метров над уровнем моря, в то время как Старо-Планины и Динарские горы ниже 2-х с половиной тысяч метров. Старо-Планины покрыты лесом, в основном лиственным, в высокогорных долинах и на перевалах роскошные луга, которые издревле используются под пастбища. Динарские горы лесисты у подножий, причем по преимуществу с морской стороны, в то время как выше преобладают заросли кустарника, а само название Черногории выразительно говорит о том, что ее удаленная от моря часть представляет собой массив голых скал. Равнины занимают лишь малую часть полуострова и расположены по берегам Дуная с его притоками и Марицы, а также на Черноморском

побережье — Нижнефракийская низменность. Берега Мраморного моря, как и вся Фракия, покрыты холмами. Низменные берега Адриатики представляют собой узкую полосу, прерываемую горами, которые выходят на самый берег.

Речная система Балкан включает правые притоки Истра, или Дуная: вниз по течению великой реки — Драву, Савву с впадающей в нее Дриной, Мораву, а также небольшие притоки на территории современной Болгарии: Искыр, Осым и Янтру. Стара-Планина представляет собой водораздел между бассейнами Дуная и Марицы, впадающей в Эгейское море. В Адриатику впадают маленькие горные реки Неретва с ее заболоченным устьем, Дрин, Семани и на границе с Эпиром Вьоса. Неподалеку от Адриатического побережья южнее Далмации находится самое обширное на Балканах по площади зеркала Скодарское озеро, а на юго-западе от него, уже в Македонии, лежат в тектонических впадинах Охридское и Преспийское озера.

Климат в северной и центральной части Балкан переходный от умеренного средневропейского к теплому средиземноморскому, приближаясь в южных приморских долинах и на Адриатическом побережье к субтропическому. Средняя температура января на Адриатическом побережье и во Фракии от 7 до 10 градусов, а на севере Балкан — от 0 до 3, в июле 25 и 20 градусов соответственно. В горах в течение нескольких зимних месяцев лежит снег, и лишь самые высокие вершины покрыты снегом большую часть года. Погода на полуострове зависит от направления ветра: дующий с юга теплый и влажный сирокко в зимнее время приносит тепло и дожди, северо-восточная бора — холод и сухость, а северо-западный мистраль в знойное лето — прохладу. Осадки на Балканах, за исключением относительно влажной Истрии, выпадают реже, чем в Западной Европе или Италии, причем распределяются крайне неравномерно по временам года — в основном дожди бывают зимой и осенью, в то время как лето там солнечное и часто засушливое. Чем дальше на восток, тем климат суше, так что Добруджа, расположенная к югу от болотистой Дунайской дельты, представляет собой своего рода полупустыню — но это уже плачевный результат ее длительной аграрной эксплуатации.

Равнины и склоны гор удобны для земледелия, садоводства, виноградарства, но на горных склонах возможно лишь террасное земледелие, требующее большого трудолюбия и искусства,

которое лишь со временем усваивали у греков местные варвары. В самых теплых местах можно выращивать оливки, эта культура была импортирована во Фракию и Далмацию из Эллады. На севере Балкан и в их центральной части растут хвойные леса — пихта, ель, сосна — либо лиственные: буковые или дубовые. По Адриатическому побережью, а также во Фракии растут также вечнозеленые ксерофитные леса субтропической зоны. В горах и поныне водятся волки, медведи, благородные олени, козули, а также шакалы, кабаны, лисицы и зайцы. Полуостров изобилует птицами, в горах гнездятся хищники: орлы, коршуны, соколы, ястребы.

Характеризуя Илирик, древний географ Страбон писал: «Все илирийское побережье оказывается исключительно богатым гаванями как на самом материке, так и на близлежащих островах, хотя на противоположном италийском побережье наблюдается обратное явление: оно лишено гаваней. Однако оба побережья теплые и одинаково плодородны, так как здесь растут маслины и прекрасный виноград... Несмотря на такие свойства илирийского побережья, прежде оно находилось в пренебрежении... в силу дикости обитателей и их склонности к пиратству. Вся страна, лежащая над этим побережьем, гористая, холодная и снежная, особенно же северная ее часть; поэтому виноградники там редкость как в возвышенных местах, так и в долинах» (Страбон, цит. изд., с. 289–290).

5. Римские провинции и войны на границах империи

Опираясь на высокопрофессиональную и дисциплинированную, но по масштабам империи, компактную армию, Август осуществлял политику, ориентированную не столько на дальнейшую экспансию, сколько на укрепление государственных рубежей, на такую коррекцию границ, которая вытекала из здравого политического смысла, способствуя их оптимизации, хотя эта охранительная политика не проводилась с железной последовательностью — в иных случаях римские легионы продвигались вглубь территории соседних народов, не располагая средствами для удержания завоеванных областей, и даже терпели бедственные поражения, из которых однако император умел извлекать уроки.

Так, в 25 г. до Р.Х. префект Египта Элий Галл во главе 10-тысячной армии, переплыв Красное море, высадился у Акры и отправился

вглубь Аравийского полуострова. Плохо вооруженные войска бедуинов были вскоре разбиты, и римляне, во вспомогательных частях которых находились также иудеи и набатейские арабы, заняли город Марибу, но недостаток воды, заставлявший экспедиционный корпус жестоко страдать от жажды, принудил римлян вернуться назад в Египет. Еще раньше первый префект Египта Гай Корнелий Галл возглавил экспедицию через первый водопад Нила в Нубию. Но когда его преемник Элий Галл находился в Аравии, нубийцы, воспользовавшись сокращением численности гарнизонов в городах Египта, совершили грабительские нападения на Филы, Элефантину и Сизну. В ответ на эту акцию новый префект Египта Гай Петроний в 23 г. захватил северную нубийскую столицу Эфиопии Напату, удерживать которую римская администрация не стала, но для предотвращения угрозы из Нубии на южной границе Египта разместила воинские гарнизоны. В самом начале римского правления в Египте конфискация храмовых земель вызвала возмущение туземцев, которое было беспощадно подавлено префектом Корнелием Галлом. Извлекая уроки из происшедшего, Август впредь проводил в этой, ему лично принадлежащей провинции, где принцепса почитали как фараона и вечноживущего бога Пта, возлюбленного Изиды, более щадящую налоговую политику, которая вполне оправдывала себя, позволяя Египту бесперебойно снабжать Рим зерном. В конце своего правления Август сократил римское военное присутствие в Египте с двух легионов до одного.

В сенатских провинциях Киренаике и Африке местное население, подвергшееся частичной романизации и разбавленное колонистами из Италии, мирно уживалось с присутствием римской власти, но южная граница этих провинций также была дополнительно укреплена гарнизонами, прикрывавшими эти страны от нередких грабительских набегов со стороны воинственных берберских племен Сахары. Для охраны южных пределов Африканской провинции хватало одного легиона. Завоеванную ранее Цезарем Нумидию, или Новую Африку Август вначале передал в управление сыну Юбы I Юбе II, которого принцепс женил на дочери Антония и Клеопатры Селене, но затем, в 25 г., Нумидия была присоединена к Африке, а царю Юбе как союзнику римского народа передали в управление юридически суверенное Мавританское государство. В 21–20 гг. до Р.Х. проконсул Африки Корнелий Бальб вел войну с народом гарамантов и в ходе

военных операций захватил их столицу Герму. В 6 г. от Р. Х. проконсул Корнелий Лентул покорил берберские племена гетулов и мусуламов. В целом африканская граница империи считалась относительно безопасной.

Дальняя Испания, или Бетика при Августе была не только полностью замиренной, но и глубоко романизированной провинцией, жители которой уже, независимо от своего происхождения, в основном объяснялись на латинском языке. Иная ситуация складывалась в Ближней Испании, а точнее говоря, — в ее северо-западной части, особенно ценной для Рима ввиду того, что там разрабатывались золотые россыпи. Еще во времена триумvirата там восстали племена кантабров, астуров и вакцев. В 27 г. до Р. Х. принцепс сам направился в Испанию, чтобы командовать действующими легионами. Как и в прежние времена, иберы с отчаянной решимостью сражались против превосходящих сил противника. В 25 г. наступил перелом в войне, позволивший Августу возвратиться в Рим. Астуры и кантабры покорились завоевателям, но в отсутствие императора они возобновили гверилью. Последние очаги сопротивления были погашены уже лучшим полководцем Августа Марком Агриппой в 19 г., после чего часть кантабров выселили в другие регионы Испании. Покоренную территорию в этом же году включили в состав Ближней Испании, переименованной в Тарраконскую по ее столичному городу. Одновременно Дальняя Испания была разделена на две провинции: Бетику, занимавшую южную половину современного Испанского государства, и Лузитанию, приблизительно совпадающую с Португалией и Галисией. Впредь уже иберийские и кельтиберийские племена не пытались всерьез сопротивляться завоевателям. На Пиренейском полуострове воцарился мир, и процесс интенсивной романизации, сопряженный с разрушением прежнего племенного строя, охватил ранее не затронутую им часть страны. Август основал в Испании несколько новых городов, и среди них ставшие крупными урбанистическими центрами Цезареавгустию (ныне Сарагоса) и Августу Эмериту — Мериду.

В прежние времена в своем сопротивлении Риму иберийские народы находили поддержку со стороны аквитанских племен, населявших соседнюю Гасконь. Но в 28 г. до Р. Х. Аквитания была окончательно покорена римским оружием. С этих пор сама по себе Галлия на долгое время не требовала больше особых

мер для удержания ее в покорности Риму. Уже тогда там сложилась ситуация, о которой во времена Нерона иудейский царь Ирод Агриппа так сказал в своей речи перед народом, который он предостерегал от войны против Рима: «Если есть нация, которая в действительности имела бы возможность к восстанию, так это именно галлы, которые так прекрасно защищены самой природой: на востоке Альпами, на севере Рейном, на юге — Пиренейскими горами и океаном на западе. Но несмотря на то, что они окружены такими крепостями, считают в своей среде триста пять народностей, владеют внутри своей страны всеми, так сказать, источниками благосостояния и своими продуктами наводняют почти весь мир, тем не менее мирятся с положением данников города Рима... И это они терпят не из трусости или по врожденному им робкому чувству — ведь они восемьдесят лет вели войну за свою независимость, — а потому, что рядом с могуществом Рима их страшит и его счастье, которому он обязан больше, чем своему оружию. Так их держат в повиновении 1200 солдат в то время, когда у них почти больше городов, чем эта горсть людей» (Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991, с. 181).

Опасность для Рима представляли не сами кельты, но соседние с ними германские племена, которые со времен Цезаря не раз, пересекая Рейн, вторгались в завоеванную Галлию. В провинции Белгика в тесном соседстве с кельтами обитали германские племена батавов и убиев. Ради стабилизации положения в этой провинции Агриппа в 38 г. до Р. Х. переселил убиев с правобережья Рейна на левый берег, а поблизости от их нового поселения были размещены два римских легиона; впоследствии в этом лагере была основана Колония Агриппина, с которой начинается история города Кельна. Как пишет Карл Крист, «если в тридцатые и двадцатые годы до Р. Х. существовали у Рима планы выстраивания зоны пограничных укреплений против Германии, то они с большой вероятностью восходят к Агриппе. Вскоре последовавшее устройство пограничной зоны, планомерная организация снабжения, прокладка дорог, каналов, дамб и целой цепи кастеллов, и прежде всего, подготовительные меры по использованию флотилий, коротко говоря, суверенное распоряжение всеми техническими средствами высокоразвитого римского военного аппарата, его инженерными и дорожно-строительными средствами, а также дальновидное

использование всех возможностей флота — все это несет на себе печать его личности и его специальных знаний» (Christ Karl, cit. op. S. 125). Одной из главных римских крепостей по рейнской границе стала Ветера (Ксантен).

Но присутствие укрепленных римских лагерей вдоль Рейна не могло предотвратить опустошительные рейды варваров. Германцы вторгались в Галлию в 29 г. до Р.Х. В 16 г. римские легионы под командованием Марка Лоллия потерпели жестокое поражение от племени сугумбров. Особенным позором побежденных стала потеря орла V легиона. В 13 г. до Р.Х. варвары еще раз совершили набег на Галлию, и тогда принцепс послал на Рейнский берег своих пасынков Тиберия и Друза, которые легко выгнали их из Галлии. Тиберий был вскоре отозван Августом для ведения войны на альпийской границе империи против восставших ретов, и защищать рейнскую границу остался Друз, наделенный императорскими полномочиями. Талантливый и храбрый полководец, склонный к наступательным действиям, он пересек Рейн, и разгромив племена фризов, узипетов и сугамбров, продвинулся до Везера. В качестве форпоста римского присутствия на правом берегу Рейна Друз построил мощную крепость у рейнского устья Майна Магонтиакум (Майнц). В начале германской кампании центр тяжести ее приходился на северо-запад страны, но в 10 г. он перемещается в центральную Германию, где Друз одержал победу над хаттами. В следующем году римские легионы вышли на берег Альбия (Эльбы) там, где позже был заложен Магдебург. Начались боевые действия против тюрингов, свевов и маркоманов. Херуски, занимавшие ранее левобережье реки, ушли за Эльбу на восток.

Поход Друза преследовал карательные цели, а главным образом он должен был продемонстрировать варварам римскую мощь, чтобы удержать их от повторения набегов. К тому же победоносные легионы и сами были основательно потрепаны в ходе этой войны. На обратном пути между Тюрингенским лесом и Гарцем в середине августа 9 г. конь Друза споткнулся на скаку, полководец упал и сломал бедро. Рана оказалась смертельной. Рим оплакал популярного полководца, скончавшегося на 32 году жизни.

Еще до смерти Друза его полномочия Август срочно передал Тиберию, который действовал более расчетливо и осторожно. Совершая карательные экспедиции против германцев, он однако

не вторгался так далеко вглубь малоизученной страны, прочно закрепившись на правом берегу Рейна. Продолжая политику переселения покоренных племен, успешно начатую в Германии Агриппой, Тиберий принял подобные меры по отношению к части сугамбров и свевов. Укрепив границу, он отправился в добровольную ссылку на Родос. Его сменил в должности легата Луций Домиций Агенобарб, который, проводя ту же военную политику, переселил гермундуров на южный берег Майна, туда, где раньше сидели маркоманы. Ведя наступление на германцев с юга, от Дуная, войска Агенобарба продвинулись за Эльбу, форсировали реку в ее верхнем течении.

В 4 г. от Р.Х. в Германию вернулся Тиберий; обладая императорской властью, он действовал с большей самостоятельностью, чем легат Агенобарб. В 5 г. была образована новая провинция — Германия. Тем временем, на территории современной Чехии сложился племенной союз, во главе которого стояли маркоманы, королем, или конунгом которых был Маробод. Мудрый и осторожный вождь старался избегать столкновения с римлянами, чтобы выиграть время. При этом он устраивал свое войско по образцу римских легионов, тщательно обучая воинов. Вскоре под его началом, по данным римской разведки, оказалась 75-тысячная армия, владевшая римским боевым искусством. Для римской военной монополии в центре Европы складывалась опасная ситуация. Тиберий планировал нанести удар по маркоманам с юга, из Паннонии, и с запада, но в это время вспыхнуло восстание в Паннонии и Далмации, и операцию против Маробода решено было отложить. Тиберий отправился подавлять восстание.

В Германию, значительная часть которой казалась уже прочно завоеванной, для закрепления римского контроля над территорией между Рейном и Эльбой, в 7 г. от Р.Х. направлен был Публий Квинтилий Вар, старый и опытный полководец, пользовавшийся полным доверием Августа. В 13 г. до Р.Х. он носил звание консула, а позднее правил Сирией. Проявив себя искусным администратором в стране древней культуры, Вар не нашел адекватных способов правления в стране свободолюбивых варваров. Своими неуклюжими административными реформами, попыткой ввести в Германии римский порядок судопроизводства, он вызвал раздражение у германцев, которые по существу дела еще не были завоеваны, — римская власть могла на

деле контролировать лишь близлежащие к лагерям и кастелам территории. В то же время, переоценивая степень замирения страны, Вар пренебрегал мерами, направленными на укрепление боеспособности легионов и на ведение разведки.

Воспользовавшись его беспечностью, заговорщики организовали мятеж. Во главе них стал 25-летний вождь племени херусков Герман, по-латыни Arminius. В ранней юности он служил, как это делали многие германцы, в римской армии, участвовал в подавлении восстания в Паннонии, свободно владел латинским языком. Обнаружив храбрость и незаурядные военные способности, он за боевые отличия получил римское гражданство и даже был причислен к всадническому сословию. Свой главный лагерь Вар, по совету Арминия, который вместе с другими заговорщиками состоял в его личной охране, переместил в 9-м г. от Р.Х. с безопасного места на берегу Рейна на восток от реки. В результате подстрекательства Арминия в глубине Германии вспыхнуло возмущение, а Арминий сумел убедить старого полководца в том, что с восстанием легко будет справиться. Послушавшись его, Вар повел свои войска еще дальше на восток, в сторону Везера, в места лесистые и болотистые, непривычные и труднопроходимые для римских солдат, по преимуществу южан. Когда римляне вошли в Тевтобургский лес, расположенный в междуречьи Везера и Эмса, на них, по сигналу Арминия, со всех сторон напали многочисленные германцы, незаметно для римлян окружившие их. Воспользовавшись неожиданностью нападения и численным превосходством, херуски подвергли противника резне, которая продолжалась в течение четырех дней. Уничтожены были три легиона, шесть когорт и три кавалерийских алы. Сам полководец покончил с собой.

Весть о гибельном поражении, подобного которому Рим не знал со времени войн с кимврами, поразила жителей столицы ужасом. Август, по словам Светония, «приказал расставить по городу караулы во избежание волнений... И говорят, он до того был сокрушен, что несколько месяцев подряд не стриг волос и и не раз бился головою о косяк, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!», а день поражения (2 августа — В. Ц.) каждый год отмечал трауром и скорбью» (Светоний, цит. изд., с. 43). Вооруженные силы империи понесли чувствительный урон, уменьшившись с 28 легионов до 25; из-за недостатка средств

в казне, набрать новые легионы немедленно было невозможно без опасного для внутреннего мира, который Август ценил выше всего, резкого роста налогов. Римские кастелы за Рейном фактически перестали существовать. Поражение римлян в Тевтобургском лесу повернуло ход европейской истории: остановив римскую экспансию, оно сохранило независимость германских народов, которые четыре столетия спустя выступили на арену большой истории как ее самостоятельные игроки и победители.

Удрученный бедственной катастрофой, в ту пору уже престарелый, Август не утратил способности к быстрым и решительным действиям. В Германию он направил Тиберия и уже отличившегося к тому времени в боях в Паннии юного полководца сына Друза Германика. Римские войска перешли Рейн, но, продемонстрировав варварам, что и после поражения в Тевтобургском лесу Рим сохранил способность наносить чувствительные удары врагам, легионы вернулись на Рейн. Август решил оставить план завоевания Германии и укреплять границу по Рейну, но не на ее левом, галльском, а на германском берегу, где протянулась узкая полоса пограничных укреплений — знаменитый лимес. Это был вал, впереди которого были вырыты окопы, а позади тянулась цепь крепостей. Лимес проходил вдоль рейнской, а потом дунайской границы империи, до Регенсбурга. Сохранившиеся остатки лимеса в народе, много веков спустя, получили прозвище «Чортовой стены». Своим созданием, продолжавшимся более столетия, она обязана главным образом заботам Тиберия. На лимесе, по берегам Рейна и Дуная, Август держал львиную долю римской армии — 15 легионов из 25.

В правление Августа римское господство в Элладе, Македонии и Малоазийских провинциях не сталкивалось со сколь-либо значимым сопротивлением со стороны местного населения, и вероятно, рассматривалось им как непреложная и неизменная данность, с которой надо смириться и даже научиться извлекать из нее выгоды, а они действительно существовали: покончив с гражданскими войнами, которые грозой прокатились по эллинскому востоку Империи, Рим обеспечил ему прочный мир, правопорядок, которого Эллада не знала в пору своей самостоятельности, и умеренное экономическое процветание. Суда греческих купцов бороздили Средиземное море, а сбыт рассчитанных на экспорт товаров Эллады, ее вина, масла, гончарных и ювелирных изделий обеспечен был бездонным имперским рынком.

На северо-восточной периферии эллинского мира находилось союзное Риму Боспорское царство, которым, после смерти Фарнака, правил Асандр, женатый на дочери убитого им Фарнака Динамии. Его царский титул был во времена триумvirата признан Антонием. Пользуясь негласной поддержкой Рима на Боспорский трон выдвинул претензии некий Скрибоний, выдававший себя за потомка Митридата Великого. Увидев себя покинутым своими вельможами, Асандр покончил самоубийством, а его вдова вышла замуж за восторжествовавшего претендента, взошедшего на престол в 16 г. до Р.Х. Но местное греческое население Боспора, в свое время поддерживавшее Асандра, оказало сопротивление новому монарху, и вскоре он был убит. В Боспоре началась смута. Положение дел в Крыму и Приазовье, служившими римскими форпостами в противостоянии рвавшимся на Балканы сарматам, беспокоило Августа. По его указанию Агриппа в 14 г. до Р.Х. поставил на Боспорский престол малоазийского грека Полемона. В придачу к царству ему досталась и Динамия, но брак с нею продолжался недолго — порвав с нею, Полемон женился на гречанке из Тралл Пифодориде. А затем, как представляет дальнейшую историю Боспора М. И. Ростовцев, «среди сарматов Динамия нашла себе поддержку и защиту ее погранных прав» (Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, с. 106). В 8 г. ставленник Рима Полемон, сражаясь против мятежников на Тамани, был завлечен в засаду предводителем сарматского отряда Аспургом, действовавшим заодно с Динамией, к которой и вернулась власть после гибели отвергшего ее мужа. Аспург становится ее ближайшим помощником и фактическим соправителем. Август смирился с устранением своего ставленника, но вассальная зависимость Боспора от Рима оставалась в силе. «После смерти Полемона, хотя золото продолжает чеканиться на Боспоре, но на нем мы видим головы римлян — покойного Агриппы, устроителя Боспора, и Августа; нет на нем ни имени правящих династов, ни их портретов, а только скромные их монограммы» (Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России, с. 107). После смерти Динамии в 8 г. от Р.Х. после трехлетней неопределенности ее соправитель Аспург усваивает себе царский титул, несомненно, с согласия Августа.

Марионеточные династы правили при Августе в Каппадокии, в то время как Галатийское царство утратило свой призрачный суверенитет и в 25 г. до Р.Х. было преобразовано в провинцию.

Но самой головоломной проблемой восточной политики Августа были взаимоотношения с могущественной Парфией, хотя она и была ослаблена междоусобными династическими войнами, раздиравшими страну в правление Фраата IV, продолжавшееся с 37 по 2 г. до Р.Х. Принцепс не стремился к дальнейшей экспансии в восточном направлении, он всего лишь хотел стабилизировать границу и обеспечить безопасность для азиатских владений Рима. Главным яблоком раздора между двумя великими державами была Армения. Римское влияние в Армении угрожало владычеству Парфии над Месопотамией, а парфянский контроль над Арменией ставил под вопрос римское присутствие в Каппадокии и Сирии. В 20 г. до Р.Х. корпус под командованием тогда еще юного Тиберия совершил удачную экспедицию в Армению, устранив от власти парфянского ставленника, который после поражения был убит, и царем Армении был поставлен «друг и союзник римского народа».

В результате последовавших затем переговоров был заключен выгодный договор: Парфия признала Армению сферой римских интересов и вернула орлов, захваченных у Красса и Антония, которые были выставлены в храме Марса Мстителя, выстроенном на новом форуме Августа. Мирный договор стабилизировал выгодную для Рима границу между двумя империями по Евфрату и способствовал развитию караванной торговли Рима с Востоком. Караванные пути вели от границ Рима до Индии. Существовал и шелковый путь, связывавший Средиземноморье с фактически совершенно неизвестным тогда Китаем.

Соперничество с Парфией затем возобновилось, и снова из-за неразрешимого армянского вопроса. Парфии опять удалось возвести на престол свою марионетку, но в 1 г. до Р.Х., воспользовавшись смертью многоопытного Фраата IV, Август направил в Армению армию во главе со своим внуком Гаем Цезарем, и тот низложил с армянского престола Тиграна IV, состоявшего, по египетскому обычаю, в кровосмесительном браке со своей родной сестрой Эрато. Новый парфянский царь Фраат V вынужден был признать Армению сферой влияния Рима, но и на этот раз Рим лишь на время овладел этой страной. Борьба с Парфией за господство над Арменией возобновилась после смерти Августа.

В Сирии Август держал четыре легиона, предназначенных для обороны восточных границ. В самой же стране положение не вызывало беспокойства. Для греческого населения Антиохии

и других полисов провинции, для эллинизированных финикийских купцов и моряков, да и для местных арамеев римское господство оказалось вполне приемлемым.

Иначе относились к римлянам в приписанной к Сирийской провинции Иудее, где царствовал «друг и союзник римского народа» Ирод Великий. И он сам, и иудейская верхушка, принадлежавшая в основном к саддукейской партии, либо прямо опирались на римскую власть, либо легко уживались с нею, но народ этой страны в большинстве своем признавал своими учителями знатоков Закона из числа фарисеев, и следуя их наставлениям, самым щепетильным образом избегал бытового общения с римлянами, ненавидел их как язычников и мечтал об их гибели. Не надеясь достичь этого человеческими средствами, приверженцы фарисеев ожидали пришествия посланного Богом Машиаха — Мессии.

Почва под ногами римского ставленника Ирода колебалась, неприязнь к нему усугублялась его иудейским происхождением. Но Ирод был хитрым и тонким политиком, который не действовал напролом, но тщательно рассчитывал свои шаги. Стремясь снискать народную популярность, полезную и для римских властей, поскольку административная самостоятельность ставленника избавляла Рим от дополнительных расходов на карательные экспедиции, содержание дополнительных войск и на сбор налогов со страны, Ирод, как об этом пишет Иосиф Флавий «на пятнадцатом году своего царствования... заново отстроил Храм, расширил место храма вдвое против прежнего и окружил его стеной — все с неимоверными затратами, с беспримерной роскошью и великолепием. Об этой роскоши свидетельствовали, в особенности, большие галереи вокруг храма и цитадель, возвышавшаяся на север от него» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 93). Свое прозвище «Великий» Ирод получил главным образом за перестройку Иерусалимского Храма и другие свои грандиозные сооружения: дворец для себя, еще два колоссальных дворца, названных в угоду своим римским покровителям Цезарионом и Агриппионом, целый город в Самарии, окруженный крепостной стеной, куда он поселил 6000 жителей, и названный им по-гречески Себастой. Но ни сооружение Храма, ни остальная его строительная деятельность не стяжали ему любви иудейского народа, тем более что он охотно строил и языческие храмы: у истоков Иордана воздвиг храм в честь

Августа. В разных городах Ирод сооружал храмы, посвященные принцепсу, называя их обыкновенно Кесариями. Одно из самых грандиозных его сооружений — Кесария Палестинская, выстроенная на месте городка Стратонова Башня, с превосходной гаванью, которая, по характеристике Иосифа Флавия, была больше Пирея (см. Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 94), с крепостью, самая красивая башня которой была названа Друзионом в честь пасынка принцепса, с амфитеатром, театром, рынком, с храмом Августа, в котором была поставлена колоссальная статуя принцепса. Один из выстроенных им городов он назвал в память о своем отце Антипатридой, а другой собственным именем — Иродионом. Ирод Великий на свои средства вел строительство и за пределами Иудеи, в Сирийской провинции, от правителей которой он зависел: «В Триполисе, Дамаске и Птолемаиде он устроил гимнасии; Библ получил городскую стену; Берит и Тир — колоннады, галереи, храмы и рынки; Сидон и Дамаск — театры; морской город Лаодикея — водопровод, Аскалон — прекрасные купальни, колодцы и, кроме того, колоннады, возбуждавшие удивление своей величиной и отделкой» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 96).

Но великий строитель был заодно и великим кровопийцей. Человек исключительно подозрительный и мстительный, он предавал смерти тех из подвластных ему людей, в ком усматривал опасность для своей жизни и власти. Подозреваемых при этом подвергали изобретательным пыткам, а приговоренных к смерти — мучительным казням: их вешали, сжигали, топили. Расправе подвергались и целые города. Самую большую угрозу для своего правления Ирод находил в собственной супруге. Женившись на Мариамне, принадлежавшей к царскому роду Хасмонеев, он, по словам Флавия, «нежно любил» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 97) ее; она же отвечала ему презрением и ненавистью, которая особенно выросла после того, как, по приказанию Ирода, были убиты ее дед Гиркан и 17-летний брат Аристовул, которого незадолго до казни Ирод велел возвести в первосвященники. Ирод мучительно ревновал Мариамну, и в конце концов велел казнить ее по неосновательному подозрению в супружеской неверности. Женившись на Мариамне, Ирод изгнал свою прежнюю жену Дориду вместе с прижитым от нее сыном Антипатром, но после казни Мариамны приблизил к себе Антипатра и доверился ему, а тот, прокладывая себе путь к престолу,

оклеветал своих братьев, и некоторые из них были казнены. Узнав о происходящем в Иудее, Август сказал с мрачной иронией: «Я предпочел бы быть свиньей Ирода, только бы не быть его сыном» (цит. по: Азимов Айзек. Римская империя. М., 2006, с. 49). Всего у Ирода было 9 жен, которые родили ему семеро сыновей и 8 дочерей. Узнав о попытке Антипатра отравить его и взойти на престол, Ирод предал его суду своих родственников и друзей, на который был приглашен и прокуратор Сирийской провинции Вар, тот самый, кто потом потерпел поражение в Тевтобургском лесу. Уличенный в многочисленных преступлениях, Антипатр был приговорен к смерти и казнен по приказанию в то время уже умирающего отца. Через 5 дней после казни сына Ирод умер, прожив около 70 и процарствовав 37 лет.

Предсмертную болезнь Ирода описал Иосиф Флавий: «На всей поверхности кожи он испытывал невыносимый зуд, а в заднепроходной кишке — постоянные боли; на ногах у него образовались отеки, как у людей, одержимых водобоязнью, на животе — воспаление, а в срамной области — гниющая язва, которая плодила червей. Ко всему этому наступали припадки одышки, лишавшие его возможности лежать, и судороги во всех членах. Мудрецы объясняли его болезнь небесной карой за смерть законоучителей» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 133). Незадолго до смерти Ирода по его приказу были заживо сожжены два проповедника Иуда сын Сепфора и Матфий сын Маргала вместе с их последователями, которые по призыву этих проповедников сорвали с главных ворот Храма римского золотого орла и разрубили его топорами. Но к Небу вопияла кровь не только отважных ревнителей Закона, но и избитых по приказу Ирода Вифлеемских младенцев. Перед смертью Ирод приказал арестовать самых знатных иудеев и запереть их на ипподроме. Призвав к себе затем сестру Саломею и ее мужа Алексу, он сказал им: «Я знаю, что иудеи будут праздновать мою смерть, как юбилейное торжество; однако мне могут устроить и траур, и блестящую погребальную процессию, если только вы пожелаете исполнить мою волю. Как только я умру, тогда вы оцепите солдатами тех заточенных и прикажите как можно скорее изрубить их, дабы вся Иудея и каждая фамилия, против своей воли, плакала бы над моей смертью» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 134). Но Саломея не выполнила этого приказа брата, и после его смерти освободила арестованных.

После Ирода царский престол, с согласия Августа, перешел к его старшему сыну Архелаю, Ирод Антипа стал тетрархом — правителем четвертой части Иудеи, а именно Галилеи, Ироду Филиппу досталась в наследство Трахонитидская область, как и Галилея, выделенная из владений Ирода. Их братья были погублены отцом.

6. Рождество Спасителя

В царствование Ирода в принадлежавшем ему городе Вифлееме свершилось событие, которое по своим последствиям превосходит все остальное, что происходило тогда в Иудее, в Римской империи и на целом свете. Там, в родном городе царя Давида его потомок Дева Мария родила обетованного пророками Мессию Христа, названного именем, которое в древности носил вождь израильского народа, отвоевавший Обетованную страну у хананейских народов, — Иисус, что в переводе значит Спаситель. В ту пору это событие не было замечено в Риме, да и в самой Иудее о нем узнали лишь несколько вифлеемских пастухов и пришедшие с Востока поклониться новорожденному Царю Иудейскому волхвы, и от них уже сам Ирод, но впоследствии само летосчисление вначале в империи, а со временем и во всем мире, стало вестись от этого события, так что даже символически история человечества оказалась разделенной им на две эры — до и после Рождества Христова.

Дату Рождества Спасителя, положенную в основу летосчисления, в начале VI века вычислил Дионисий Малый. По его калькуляции она приходится на 5508 г. от сотворения мира и 754 от основания Рима. Но в эти вычисления вкралась хотя и незначительная, но вполне очевидная ошибка. Иосиф Флавий привязывает воцарение и смерть Ирода Великого к современным им событиям римской истории. Ирод вззошел на престол в консульство Домиция Кальвина и Гая Азиния Поллиона, значит, в 714 г. от основания Рима, а умер 36 с лишним лет спустя, следовательно, в 750 г. «Из Евангелия известно, — пишет выдающийся церковный историк и большой знаток хронологии В. В. Болотов, — что смерти Ирода предшествовало избиение Вифлеемских младенцев от 2-хлетнего возраста и ниже. Когда происходило избиение, Иисусу Христу было менее двух лет земной жизни. Когда Ирод умер, Иисусу Христу по меньшей мере было два года, а может быть, и больше. Значит, наше летосчисление не отвечает

действительному, а идет на несколько лет (лет на 5–6) вперед» (В. В. Болотов. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 1. М., 1994, с. 88). Иными словами, Господь родился по плоти не позже 748 г. от основания Рима, следовательно, в 5 или 6 г. от Р. Х. по вычислениям Дионисия.

В Евангелии от Луки написано: «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квирина Сириею» (Лк 2, 1–2). Из иных источников известно, что Сульпиций Квириний правил Сирией с 6 по 11 г. от Р. Х. и умер в Риме уже при Тиберии в 21 г. Комментатор евангельского текста в связи с возникающим в этой связи недоумением пишет следующее: «Единственно подходящим предположением в разрешении этого трудного вопроса может быть догадка некоторых толкователей..., по которой Квириний был два раза правителем Сирии: в 750–753 г. от основ. Рима и в 760–766 гг.)... Основанием для этого предположения служит надпись, найденная на одном римском (тибуртинском) памятнике. В этой надписи, довольно поврежденной, упоминается о каком-то правителе, который дважды правил Сириею в царствование Августа. Имеются основания полагать, что здесь разумеется именно Квириний. В таком случае он мог производить два раза перепись: первый раз — до рождения Христа, во второй раз — после этого события» (Толковая Библия, т. 9, СПб., 1912, с. 134)... Говорят еще, что списки прокураторов Сирии времени Рождества Христова хорошо известны: от 10-го до Р. Х. Сириею управляли Тиций Сенций Сатурнин и Квинтилий Вар, при котором умер Ирод. Следовательно, Христос родился при Варе... Но очень вероятно, что первая перепись, как дело очень важное, была возложена Августом на особо уполномоченное лицо, каким мог быть Квириний, причем и Вар оставался прокуратором» (Толковая Библия, т. 9, СПб., 1912, с. 134, прим.).

Рождество Спасителя при императоре Августе и то обстоятельство, что Он подвергся переписи при Своем Рождении и был включен в списки подданных Рима, стало для христианской историософской мысли отправной точкой в развитии идеи о вечности самой империи Рима, отсюда идет и учение о Москве Третьем Риме. Старец Филофей выразил эту мысль в послании Ивану Грозному с эсхатологическим простодушием и предельным лаконизмом: «Никако же Римское царство разрушимо

пробывает, яко Господь в римскую область написася» (цит. по: Идея Рима. Roma — М., 1989, с. 156).

7. Римская культура в золотой век Августа

Август заботился о том, чтобы основные принципы его правления были понятны римским гражданам и приемлемы для них. В этом смысле его можно считать первым из правителей-идеократов, или говоря прозаическим языком современной политологии, он исключительно важное значение придавал идеологическому обеспечению созданного им режима и проводимой им политики. Но как справедливо писал К. Крист, «в отличие от великих современных идеологий, идеология Августа не исходила из системной универсальной концепции, из всеохватывающего мировоззрения, из комплексной партийной и правительственной программы, она представляла собой набор отдельных формул, идей и элементов — формул, легитимирующих и оправдывающих проводимую политику, демонстрирующих ее достижения, она включала в себя традиционные ценности и в то же время фиксировала ожидания и надежды на будущее; это были... своего рода идеологемы» (Christ Karl, cit. op., S. 168).

Орудием идейного влияния власти на культурную элиту служила поэзия и проза, и это была великая литература — эпоху Августа не зря называли золотым веком латинской культуры, она сопоставима с эпохой другого высококлассного манипулятора от политики Перикла, с той только поправкой, что эллинский творческий гений в искусстве выше греческого. Воспитанию масс служили традиционные для Рима, но никогда ранее не дававшиеся с такой помпой, с таким размахом, как при Августе, зрелища — *circenses* и монументальная пропаганда — зодчество, ваяние и надписи на храмах, алтарях, стеллах и скульптурных памятниках.

Движущей пружиной художественного творчества колоссального напряжения и ошеломляющего успеха был прозаический механизм, который в XX веке в России назовут социальным заказом, но предлагался он не бездарным и неразборчивым, готовым на любые услуги честолюбцам, а самым талантливым художникам и поэтам, независимо от их позиции в прошлом, в пору гражданской войны, причем на них не давили, им не навязывали чуждых им тем и идей, они лишь подвергались деликатному влиянию со стороны заказчика, к тому же это влияние шло не

прямо от Августа, но формально вполне частным образом, через друга принцепса фантастически богатого Мецената, который был тонким ценителем искусств и не жалел средств на финансовую поддержку талантливых творцов, поощряя их не на прямую пропаганду политики Августа, а на то, чтобы они в своих созданиях акцентировали те собственные свои мысли, чувства и настроения, которые шли в тон господствующей идеологии, и приглушали диссонирующие с ней звуки.

Августа и Мецената не пугал воинствующий республиканизм Тита Ливия; принцепс не скрывал и того, что он замечает оппозиционное отношение историка к своей политике, называя его помпеянцем, но Ливий не заявлял публично о своем несогласии с императором, а вот прославление им величия римского народа, творца мировой империи, было созвучно идеологии Августа, который, восстановив республику, хотя и не в близкой сердцу Ливия, но изжившей свой век сенатско-олигархической форме, а в виде принципата, завершил строительство имперского здания, так что помпеянская, по словам принцепса, фронда Ливия благоразумно прощалась ему и покрывалась снисхождением, а его воинствующий патриотизм, вполне искренний, а заодно адекватный идеологическому заказу, щедро вознаграждался.

Величайший поэт эпохи Публий Вергилий Марон, родившийся на вилле близ Мантуи в 70 и скончавшийся в 19 г. до Р. Х., в молодости пострадал от административных распоряжений Октавиана. Когда в 42 г. Вергилий после обучения в Кремонне, Медиолане, Риме и Неаполе, где он приобрел скромное имение, чтобы слушать там беседы философа эпикурейца Сирона, и где ему суждено было прожить до конца своих дней, приехал к отцу, его вилла оказалась конфискованной в пользу ветерана, воевавшего против Брута и Кассия под Филиппами. Новый хозяин едва не убил прежнего владельца имения, вероятно, не желавшего расставаться с родным домом. Оскорбленный сын отправился в Рим к Октавиану, которого знал по римской школе ритора Эпидия, где вместе с ним обучался внучатный племянник Цезаря, ставший впоследствии принцепсом, хотя он и был на 6 лет моложе поэта. Свидание с юным правителем Рима закончилось благоприятно: отцу поэта была возвращена его вилла, а между Октавианом и Вергилием завязались добрые отношения, которые сохранялись неизменными до конца его жизни. Устроив дела отца, поэт вернулся в Неаполь — древнюю Партенопею.

Творческое наследие Вергилия, не считая ранних его стихов, сама принадлежность которых поэту проблематична, включает всего три книги: «Буколики», «Георгики» и незавершенную поэму «Энеиду». 10 эклог, составляющих «Буколики» — это подражание классику жанра греко-сицилийскому поэту Феокриту. Это тем более очевидно, что Вергилий в них именуется муз сицилийскими, хотя в стихах латинского поэта упоминаются и не сицилийские топонимы: Партенопейя, родная ему Мантуя и близлежащая к ней Кремона. Как и у Феокрита, эклоги представляют собой песни состязующихся пастухов, в которых на фоне пастушеского быта с его идиллическими радостями и горестями воспеваются любовные утехы и огорчения, страсть и томление. Но в отличие от более беззаботного и часто шаловливого Феокрита, столь полюбившегося жеманному веку рококо, Вергилий возвышенней и серьезней.

Он с большей теплотой воспроизводит в своих эклогах действительные, а не поэтически условные черты из жизни реальных, не вымышленных пастухов: «Овцы, вперед забегать берегитесь — здесь ненадежен берег, глядите: вожак и тот до сих пор не просохнет. Титир, пасущихся коз пока отгони от потока, — сам, как время найду, в источнике их перевою. В кучу сгоняйте овец, молоко свернется от зноя — вот и придется опять сосцы сжимать понапрасну». Для Феокрита подобные зоотехнические детали, как они с прекрасным знанием дела и любовным вниманием воспроизведены в 3-й эклоге латинского поэта, показались бы слишком прозаичными и прагматичными, лишены поэтического интереса. Реалистично представлены в эклоге народные верования и суеверия, которые разделял и сам просвещенный поэт: «Ой! До чего же мой бык исхудал на пастбище сочном! — Сушит любовь равно и стада, и тех, кто пасет их. Этих уж, верно, любовь не сушила — а кожа да кости! Видно, глазом дурным ягнят моих кто-то испортил».

Вергилий, подобно современным ему крестьянам, всерьез и с пристальным интересом относился ко всему, что связано с действием магических сил — недаром в народной памяти поздней античности и средневекового христианского Запада он сохранился в образе чернокнижника и колдуна. Одна из самых выразительных его эклог, 8-я, посвящена приворотному заклятию: «Воду сперва принеси, алтарь опоясай тесемкой, сочных вербен возожги, воскури благовоннейший ладан! Справлю обряд

колдовской, помутить попытаюсь волшебю здравый любовника ум: все есть, не хватает заклятий. Дафниса вы приведите домой, приведите заклятья! С неба на землю луну низвести заклятия могут; ими Цирцея в свиней обратила друзей Одиссея, змей холодных волшебба разрывает надвое в поле; Дафниса вы приведите домой, приведите заклятья! Изображенье твое обвяжу я, во-первых, тройною нитью трех разных цветов; потом, обведя, троекратно вокруг алтаря обношу: угодно нечетное богу. Дафниса вы приведите домой, приведите заклятья!.. Глина ссыхается, воск размягчается, тем же согреты жаром — от страсти моей да будет с Дафнисом то же. Малость посыпав муки, затепли лавры сухие. Дафнис сжигает меня, я Дафниса в лавре сжигаю. Дафниса вы приведите домой, приведите заклятья! Дафнисом пусть любовная страсть овладеет, какая телку томит, — и она по лесам и чащобам дремучим ищет быка, у реки под зеленой ложится ольхою, в муках своих позабыв от стужившейся ночи укрыться. Дафнис такой пусть любовью горит, — врачевать я не стану. Дафниса вы приведите домой, приведите заклятья!»

Тому же Дафнису посвящена и 5-я эклога — это своего рода плач по нему, безвременно скончавшемуся юноше. Скорбное звучание этого плача, нарастая, приобретает высокий апофеозный тон религиозного гимна: «Плакали нимфы лесов над погибшим жестокою смертью Дафнисом, — реки и ты, орешник, свидетели нимфам, — в час, как, тело обняв злополучное сына родного, мать призывала богов, упрекала в жестокости звезды. С пастбищ никто в эти дни к водопою студеному, Дафнис, стада не вел, в эти дни ни коровы, ни овцы, ни кони не прикасались к струе, муравы не топтали зеленой. Даже пунийские львы о твоей кончине стенали, Дафнис... Землю осыпьте листвой, осените источники тенью, так вам Дафнис велит, пастухи, почитать его память. Холм насыпьте, на нем такие стихи начертайте: «Дафнис я — селянин, чья слава до звезд достигала, стада прекрасного страж, но сам прекраснее стада». И древние и новые знатоки поэзии Вергилия строили разные предположения о том, чья смерть могла вдохновить поэта на этот возвышенный тренос. Некоторые считали, что это плач по безвременно скончавшемуся Катуллу.

«Буколики» были написаны в грозные годы гражданской войны, когда заветной мечтой римлян и италиков, пострадавших от нее, был мир. И вот, в самой загадочной и знаменитой

из своих эклог, 4-й, Вергилий воспевает блаженство мира, но не такого мира, который всего лишь краткий промежуток между войнами, когда полагалось запираить ворота храма двуликого Януса, а вечного мира, пришествие которого поэт сопрягает с рождением таинственного младенца, когда, «по вещанью пророчицы Кумской», «дева грядет к нам опять», когда «на смену роду железному род золотой на земле расселится... Жить ему жизнью богов: он увидит богов и героев сонмы, они же его увидят к себе приобщенным. Будет он миром владеть, успокоенным доблестью отчей. Мальчик, в подарок тебе земля, не возделана вовсе, лучших первин принесет, с плющом блуждающий баккар перемешав и цветы колокассий с аканфом веселым. Сами домой понесут молоком отягченное вымя козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут. Будет сама колыбель услаждать тебя щедро цветами. Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом сгинет, но будет расти повсеместно аммом ассирийский... После же, мужем когда тебя сделает возраст, море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут мену товаров вести — все всюду земля обеспечит. Почва не будет страдать от мотыг, от серпа — виноградник; освободит и волов от ярма хлебопашец могучий; шерсть не будет хитро различной морочить окраской, — сам, по желанью, баран то в пурпур нежно-багряный, то в золотистый шафран руно перекрашивать будет».

Современники Вергилия строили разные предположения о том, кто скрывается под образом младенца, которому суждено изменить мир. В нем хотели видеть самого Августа, который своим призванием провозглашал умиротворение республики, но которому ко времени написания эклоги было уже за 20, в нем находили сына рано скончавшегося племянника принцепса Марцелла или сына упомянутого в эклоге консула Поллиона, которому еще предстояло родиться, но подобная разгадка предполагала бы доходящую до нелепости гротескную лесть вельможе, что совершенно не соотносится с образом серьезного, несуетливого и глубоко искреннего человека, каким действительно был Вергилий. Между тем, в этих стихах явственно слышится отголосок мессианского пророчества, вероятно, совершенно неизвестного поэту библейского Исаии: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей и детеныши их будут

лежать вместе; и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспиды, и дитя протянет руку свою на гнездо змея» (Ис 11, 6–8). Христианские писатели Евсевий Кесарийский, блаженные Иероним и Августин, преподобный Иоанн Дамаскин прочитали в этой эклоге пророчество о рождении Христа Спасителя. Тертуллиан назвал Вергилия «христианской по природе душой». Август же ценил поэта за высокий гимн благам мира, надежду на который в Риме, пока шла гражданская война, связывали с ним, а потом, когда он вышел из нее победителем, видели ее уже исполнившейся.

В 37 г. до Р.Х. Вергилий взялся исполнить просьбу Мецената и написать поэму, воспевающую земледельческий труд, в котором Август находил основу экономического благосостояния республики, и несколько лет спустя поэт выполнил заказ, выдав в свет поэму «Георгики», (от греческого георгика — земледелие), написанную в подражание «Трудам и дням» Гесиода. Поэма состоит из четырех книг, в каждой из которых подробно охарактеризована одна из отраслей сельского хозяйства: пашенное земледелие, садоводство и виноградарство, скотоводство, и наконец, пчеловодство, которому с увлечением предавался сам поэт. Дидактические по своей теме, по практической полезности земледельцу включенных в нее дельных агротехнических и зоотехнических рецептов, почерпнутых автором из чтения агрономических книг, вроде сочинений Варрона и Катона Старшего, из сокровищницы традиционной народной мудрости и из собственного опыта и пристальных наблюдений над природой и крестьянским трудом, «Георгики» исполнены высокой поэзии; это творческий шедевр Вергилия.

Для земледельца исключительно важное значение имеет навык по приметам угадывать предстоящие перемены погоды. Поэт обнаруживал в этом искусстве тонкий дар: так, свои наблюдения над природными явлениями, позволяющими предугадать наступление дождя, он запечатлел в стихах, с которыми мало что может сравниться в мировой пейзажной поэзии: «Никогда неожиданно ливень не навредит: как ему разразиться, к долинам глубоким воздуха житель, журавль, поспешает; корова на небо смотрит и воздух в себя ноздрями раздутыми тянет. Или же звонкая вокруг озерков облетает касатка, или же в тине начнут свою вечную жалобу лягушки. Часто из тайных хором муравей выносит яички, узенький путь протирая себе, и огромную воду

радуга пьет; то, снявшись с полей и в стаю собравшись, скопищем крыльев густым расшумится воронов войско, разных птиц морских наблюдай, и тех азиатских, любящих рыться в траве у заводей пресных Каистра, — ревностно плечи себе поливает обильною влагой, то устремится в волну головой, то в воду сбегает и веселятся, плещась и напрасно стараясь намочнуть, полным голосом дождь зловещая кличет ворона и по сухому песку одна-одиношенька бродит».

Метки и остры наблюдения поэта над поведением животных. Вот какие советы дает он коневодам по отбору жеребенка на племя: «Прежде всего, на лугу племенных кровей жеребенок шествует выше других и мягко ноги сгибает. Первым бежит по дороге, в поток бросается бурный и не боится шага мосту неизвестному вверить. Шумов пустых не пугается он; горда его шея, морда — точеная, круп налитой, и подтянуто брюхо. Великолепная грудь мускулиста».

Поэт обладал поразительным мастерством естественно, без натуги, переходить от микронаблюдений над природными явлениями к самым обширным перспективам, охватывающим единым взором страны и континенты. Так, после рассказа о том, на каких почвах наилучшим образом произрастают деревья и кустарники, известные в его родной стране: ива, ольха, ясень, мирт, виноградник, тис — поэт переходит к экзотическим растениям дальних стран: Индии, Эфиопии, Сирии и Мидии, затем возвращается мысленным взором к Италии, и из его сердца изливается восторженный гимн «земле Сатурна»: «Но ни мидийцев земля, что всех богаче лесами, ни в красоте своей Ганг, ни Герм, от золота мутный, все же с Италией пусть не спорят; ни Бактрия с Индом, ни на песчаных степях приносящая ладан Панхайя... Хлеба и Вакха массийская влага здесь изобильны, в полях и маслины, и скот в преизбытке. Здесь и воинственный конь выходит на поле гордо. Белы твои, о Клитумна, стада, постоянно омыты влагой священной твоей, а бык, драгоценная жертва, римским триумфам не раз до божьих сопутствовал храмов. Здесь неизменно весна и лето во время любое, дважды приплод у отар, и дважды плоды на деревьях... Столько отменных прибавь городов и труд созиданья, столько по скалам крутым твердынь, людьми возведенных, столько под скалами рек, обтекающих древние стены! Море напомню ли, к ней подступившее справа и слева? Множество разных озер... Не у нее

ли ручки серебра и залежи меди в недрах, течет не она ль изобильно золотом чистым? Крепких она и мужей, сабинских потомков и марсов, и лигурийцев, трудом закаленных, и с копьями вольсков родина, Дециев всех и Мариев, сильных Камиллов, и Сципионов, столпов войны, и твоя, достославный Цезарь, который теперь победительно в Азии дальней индов, робких на брань, от римских твердынь отвращает» — это написано было в пору азиатского похода Августа против парфян.

«Георгики» плотно населены божествами, к ним вызывает в нуждах своих земледелец, потому что результаты его труда зависят не только от собственных усилий, от его знаний и умения, но и от божественной воли. Боги участвует во всех процессах растительной и животной жизни. Всюду, где в поэме речь идет о размножении, присутствует Венера. В этом мировоззрении поэта не отличалось от народных верований италиков. Но в поэму включены мифологические истории, заимствованные из греческой литературы, и наверно, почти вовсе неизвестные италийскому крестьянину, вроде рассказанного с потрясающим драматизмом мифа о снисхождении Орфея в подземный Тартар за Эвридикой. И все же за политеизмом Вергилия на самом серьезном уровне просматривается монотеистическая основа, но, как и в греческой философии, как у стоиков, с пантеистической окраской. Так, рассказав об удивительно мудром устройстве пчелиного царства, поэт замечает: «Видя такие черты, наблюдая такие примеры, многие думали: есть божественной сущности доля в пчелах, дыханье небес, потому что бог наполняет земли все, и моря, и эфирную высь, — от него-то и табуны, и стада, и люди, и всякие звери, все, что родится, берет тончайшие жизни частицы и, разложившись, опять к своему возвращает истоку. Смерти, стало быть, нет — взлетают вечно живые к сонму сияющих звезд и в горнем небе сияют».

Самое прославленное сочинение Вергилия, труд над которым не завершился до самой кончины поэта, — «Энеида», названная так по имени ее главного героя Энея, сына троянца Анхиза и богини Венеры, который бежал из сожженного Илиона и после долгих странствий поселился в Италии. Основателем Альбы-Лонги стал его сын Асканий Юл, он же был и праотцем Ромула и Рема. Таково древнее предание Рима, но существовало еще основанное, очевидно, на звуковом созвучии родовое предание Юлиев, что их фамильное имя указывает на происхождение

этого рода от Юла, а значит, от Энея и от самой Венеры. А Август по матери и по усыновлению его Гаем Юлием Цезарем к этому роду принадлежал. Он и заказал поэму, прославляющую божественное происхождение его рода и величие Рима, самому талантливому из современных поэтов.

«Энеида», написанная в подражание «Илиаде» и «Одиссее», призвана была стать национальным эпосом Рима и Италии. Она и стала им до известной степени, но это не тот эпос, истоки которого в народном творчестве и который лишь впоследствии подвергается литературной обработке либо просто фольклористической записи, подобно гомеровским поэмам, песням о Роланде и Сиде, «Калевале» или «Манасу». «Энеида» стоит в ином ряду — искусственно сочиненных литературных эпоев, вроде «Аргонавтики» Аполлония Родосского, и позже написанных «Фарсалии» Лукана, «Луизиады» Камюенса, «Франсиады» Ронсара, «Мессиады» Клопштока или даже отечественной «Россиады» Хераскова, хотя творение Вергилия превосходит все перечисленные здесь авторские эпоеи, кроме, может быть, «Луизиады».

Характеризуя язык и стиль «Энеиды», знаток его поэзии С. Шервинский писал: «Разнообразии звукосочетаний, обилие тропов и стилистических фигур, безупречность и звуковая весомость гекзаметров свидетельствуют о мастерстве, для которого уже нет трудностей. Едва ли какой-либо другой поэт в такой степени выявил качества родного языка» (Шервинский. С. Вергилий и его произведения. — Вергилий. Буколики. Гергики. Энеида. М. 1971, с. 23). В поэме есть места, написанные с поразительной силой: о самоубийстве покинутой Энеем карфагенской царицы Дидоны, о сошествии Энея, сопровождаемого кумской Сивиллой, в загробное царство и о свидании там с Дидоной и своим отцом Анхизом, который «лишь увидел, что сын к нему по лугу стремится, руки порывисто... протянул навстречу Энею, слезы из глаз полились и слова из уст излетели: «Значит, ты все же пришел? Одолела путь непосильный верность святая твоя? От тебя и не ждал я иного. Снова дано мне смотреть на тебя, и слушать, и молвить слово в ответ? Я на это всегда уповал неизменно, день считая за днем, — и надежды мне не солгали. Сколько прошел ты морей, по каким ты землям скитался, сколько опасностей знал, — и вот ты снова со мною! Как за тебя я боялся, мой сын, когда в Ливии был ты!» Сын отвечал: «Ты

сам, твой печальный образ, отец мой, часто являлся ко мне, призывая в эти пределы. Флот мой стоит в Тирренских волнах. Протяни же мне руку, руку, родитель, мне дай, не беги от сыновних объятий!» Молвил — и слезы ему обильно лицо оросили, трижды пытался отца удержать он, сжимая в объятьях, — трижды из сомкнутых рук бесплотная тень ускользала, словно дыханье, легка, сновиденьям крылатым подобна».

Но свидание отца с сыном в долине Леты на этом не завершилось. Анхиз успел еще поведать Энею о судьбе грядущих поколений, об их близких и дальних потомках, об основании и истории Рима. В уста прорицающего Анхиза Вергилий влагает чеканную формулу о всемирной миссии граждан вечного города: «Смогут другие создать изваянья живые из бронзы, или обличье мужей повторить во мраморе лучше, тяжбы лучше вести и движенья неба искусней вычислят иль назовут восходящие звезды, — не спору: римлянин! Ты научись народами править державно — в этом искусство твое! — налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных!»

Вергилий читал Августу отрывки из поэмы, и те произвели на него колоссальное впечатление. Сам же поэт был недоволен своим созданием. Оно и в самом деле незавершенно, не отделано, и написано неровно: во второй книге «Энеиды», в рассказе о гибели Трои, есть слишком прямые перепевы Илиады, третья книга, о морских странствиях беглецов из Трои, воспроизводит до буквальных совпадений мотивы «Одиссеи», повествование о войне Энея с племянником царя Латина и царем рутулов Турном из-за руки Лавинии затянута, избыточествует однообразными батальными деталями, скучными перечислениями множества имен соратников Турна.

Недовольный своей поэмой, Вергилий решил уехать в Грецию, чтобы там продолжить шлифовку ее текста. Но, как рассказывает Светоний, по дороге в Афинах он встретил Августа, возвращавшегося в Рим с Востока и «решил не покидать его и даже воротиться вместе с ним, как вдруг, осматривая в сильную жару соседний город Мегары, он почувствовал слабость; во время морского переезда она усилилась, так что в Бриндизий он прибыл с еще большим недомоганием и там через несколько дней скончался... прах его перенесли в Неаполь и похоронили возле второго камня по ПUTEОЛАНСКОЙ дороге; для своей гробницы он сочинил следующее двустишие: «В Мантуе был я рожден,

у калабров умер, покоюсь в Парфенее; я пел пастбища, села, вождей» (Светоний, цит. изд., с. 240).

Перед смертью Вергилий настойчиво требовал передать ему ларец, в котором хранилась рукопись «Энеиды», чтобы уничтожить ее, но в этой предсмертной просьбе ему отказали, а после кончины поэта Август распорядился отредактировать поэму и размножить ее.

Светоний оставил лаконичный словесный портрет Вергилия: «Он был большого роста, крупного телосложения, лицом смуглый, походил на крестьянина и не отличался крепким здоровьем», к этой достоверной характеристике, которая вполне соответствует мозаичному изображению поэта, сохранившемуся в тунисском музее Бардо, Светоний, со свойственным ему легкомыслием, добавляет сплетню: «умеренный в пище и вине, он питал любовь к мальчикам... В остальном он был всю жизнь так чист и речью и мыслью, что в Неаполе его обычно называли Парфением» (Светоний, с. 237). Много веков спустя в уже христианском Неаполе в народе сохранялась живая память о поэте, хотя и подвергшаяся гротескной мутации. «В средневековой «Партенейской хронике», — пишет Шервинский, — читаем, что Вергилий, как добрый волшебник, оказал неаполитанцам ряд благодеяний: уничтожил мух, разносивших болезни, изгнал цикад, мешавших людям спать своим «грубым пением», устроил купанья в Байях, увеличил число рыбы в мелком Неаполитанском заливе» (С. Шервинский. Вергилий и его произведения. — Вергилий. Буколики. Гергики. Энеида, с. 25). Между тем, в средневековых монастырях старательно переписывали сочинения Вергилия, а Данте взял его тень своим проводником по аду и чистилищу, и обращаясь к нему в 22-й песне «Чистилища», воскликнул благодарно: «Ты дал мне петь, ты дал мне верить в Бога».

Другой великий поэт золотого века Квинт Гораций Флакк, сын разбогатевшего на торговле соленой рыбой вольноотпущенника, родился в 65 г. до Р. Х. в южноитальянском городе Венузии. Свое образование он завершил в Афинах, там он был призван в армию Марка Брута, и в должности военного трибуна участвовал в сражении при Филиппах. В битве он обнаружил малодушие и, как это видно из его собственной оды, бежал с поля боя, бросив щит. Его имение было конфисковано правительством Октавиана, и сам он некоторое время лишен был права вернуться в Италию, пребывая в изгнании, но, обладая незаурядной житейской

ловкостью, Гораций выпросил для себя помилование и устроился писцом в казначейство. Его поэтический талант привлек к нему внимание Мецената, и он взял его под свое щедрое покровительство, подарив ему имение в Сабинских горах.

Жизнь на загородной вилле, удаленной от суеты столичного мегаполиса, но не вовсе уединенной — на виллу часто приезжали друзья Горация и почитатели его таланта, а сам он нередко гостил во дворцах Мецената, была совершенно во вкусе поэта. Меценат познакомил его с Августом, который также был ценителем его поэзии; принцепс хотел даже приблизить Горация к себе, сделав его своим секретарем, и писал об этом своем желании Меценату: «До сих пор я сам мог писать своим друзьям; но так как теперь я очень занят, а здоровье мое некрепко, то я хочу отнять у тебя нашего Горация. Поэтому пусть он перейдет от стола твоих паразитов к нашему царскому столу, и пусть поможет нам в сочинении писем» (цит. по: Светоний, цит. изд., с. 242). Человек умный и изворотливый, Гораций сумел уклониться от предлагавшейся ему обременительной для него чести, не утратив расположения принцепса, письмо которого включил в свой биографический очерк о поэте Светоний, он же передает и обращенные к Горацию слова Августа, содержащие упрек в том, что имя его не упоминается в стихах поэта, столь часто обращавшегося в них к Меценату, к другим своим покровителям и друзьям: «Знай, я на тебя сердит за то, что в стольких произведениях такого рода ты не беседуешь прежде всего со мной. Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость, сочтут ее позором для тебя?» И добился послания к себе, которое начинается так: Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты: Рима державу оружием хранишь, добронравием красишь, лечишь законами ты; я принес бы народному благу вред, у тебя если б время отнял беседою долгой» (Светоний, цит. изд., с. 242). Внешний облик поэта Светоний охарактеризовал так: «С виду Гораций был невысок и тучен» (Светоний, цит. изд., с. 242). Гораций умер в 8 г. до Р.Х., на 57-м году жизни, пережив своего покровителя Мецената на 59 дней.

Литературное наследие поэта составляют 103 оды, объединенные в 4 книги, 18 сатир, 17 эподов, «Юбилейный гимн», написанный по поручению Августа для трехдневных празднеств, которые совершались раз в 110 лет, а также составленные на закате жизни «Послания» и стихотворный трактат «Наука поэзии»,

подражанием которого стало сочинение Буало «Об искусстве поэзии».

Гораций довел до предельного формального совершенства заимствованные им из греческой поэзии лирические размеры и жанры, поэтому его стихи в течение веков, особенно в эпоху гуманизма и классицизма, были предметом тщательного изучения и образцами для подражания. И современники Горация и его дальние потомки ставили его выше всех латинских лирических поэтов. Но на современный вкус поэзия Горация уступает менее обработанной технически лирике Катулла, представляющей собой однако своего рода сейсмографию страстей и страданий смятенной души поэта. Стихи Горация — это не столько самовыражение лирического героя, сколько описание мыслей и чувственных впечатлений от жизни умного, уравновешенного, спокойного, миролюбивого и доброжелательного эгоиста, человека не страстного, но и не холодного, чувственного и рассудительного, с отменным вкусом к радостям и утехам обыденной жизни — эпикурейца в позднейшей интерпретации этого слова. Радости, которые приносят вино, застольная беседа с друзьями, общение с женщинами, не требующими ни верности, ни долгой привязанности, — излюбленные мотивы Горация. Эпиграфом к его поэзии могли бы послужить такие его строки: «Не для сражений чаши назначены, а для веселья скромного в добрый час. Ну что за варварский обычай распрей кровавой кончать пирушку! Вино и свечи, право, не вяжутся с мечом мидийским. Други, уймите крик!».

Его самая большая печаль — о неотвратимости смерти, о скоротечности земной жизни с ее неизбежно преходящими удовольствиями: «О Постум! Постум! Льются, скользят года! Какой молитвой мы отдадим приход морщин и старости грядущей, и неоступной от смертных смерти?.. Дано покинуть землю, и дом, и плоть жены, и сколько б ты ни растил дерев, за кратковременным владыкой лишь кипарис безотрадный сходит. А мот-наследник, смело откупорив цекуб, хранимый в дедовском погребе, достойный кубка понтификов, на пол рукой прольет небрежной». Перед лицом неизбежной смерти Вергилий пристально вглядывался в тайну загробного существования. В оде, обращенной к нему, Гораций приглашает в гости к себе чтимого им поэта, и шутя, замечает при этом: «Коль согласен вкусить радости пиршества, плату мне прихвати! И не подумаю

безвозмездно тебя, как богатей какой, чашей полною потчевать. Так не медли, отбрось мысли корыстные, погребальный костер не за горами — ждет, каплю глупости, друг, в бочку премудрости примешать никогда не грех». Помня о неизбежности смерти, совершенно посторонний Гораций, с одной стороны, следовал максиме *carpe diem*, а с другой, — находил некое, для него очевидно не особенно убедительное утешение в благодарной памяти о себе потомков: *Exegi monumentum aere perennius. Regalique situ pyramidum altius*. «Создал памятник я, бронзы литой прочней, царственных пирамид выше поднявшийся, ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой не разрушат его, не сокрушит ряд нескончаемых лет, время бегущее. Нет, не весь я умру, лучшая часть меня избежит похорон». Эту оду на русский язык переводил Ломоносов. «Памятнику» Горация подражали Державин и Пушкин.

К кружку Мecenата, к числу его, как выразился Август, паразитов принадлежал и рано скончавшийся поэт Секст Проперций, старательно следовавший в стилистике и стихотворных размерах классику александрийской поэзии Каллимаху. Он написал четыре книги элегий, первая из которых посвящена возлюбленной поэта Цинтии, реальной женщине, которая и сама писала стихи, даром что, вероятно, была из куртизанок. Для читателя позднейших времен поэзия Проперция особенно интересна реалиями эпохи, отраженными в ней бытовыми подробностями римской жизни золотого века.

Александрийцу Каллимаху подражал в своих элегиях еще один римский поэт второго ряда Альбий Тибулл, как и Проперций, проживший короткую жизнь, автор двух несомненно принадлежащих ему книг, еще две книги ему приписываются. И Тибулл писал по преимуществу о любви, но его элегии адресованы уже не одной, а двум возлюбленным: вначале Делии, потом Немесиде. Воспевая красоту возлюбленных и выражая свое любовное увлечение ими, поэт не скрывает и порочных черт этих дам, торгующих своей привлекательностью — особенно их корысть. У Тибулла был, очевидно, мягкий и кроткий, может быть, несколько вялый характер: об этом можно судить по выразившейся в его стихах сентиментальной приверженности мирному уединению, простоте сельского быта. В отличие от Горация и Проперция, Тибулл принадлежал к кружку не Мecenата, а Марка Валерия Мессалы Корвина, который, как и Гораций,

под Филиппами сражался в войсках Брута и Кассия, после их поражения сблизился с Антонием, но недовольный «египетским пленением» увлекающегося полководца, перешел на сторону Октавиана. Под Акцием он сражался уже на его стороне и впоследствии стал одним из ближайших его помощников. Несмотря на близость Тибулла к Мессале, у него нет стихов, адресованных Августу или посвященных его прославлению. Вероятно, поэт последовательно стремился держаться подальше от политического олимпа. Известную дистанцию от принцепса, возможно, соблюдал и сам Мессала.

Младший из великих поэтов «золотого века» Публий Овидий Назон, происходивший из старинного всаднического рода, родился в 43 г. до Р. Х. и умер в 17 г. от Р. Х. Как и Тибулл, Овидий пользовался покровительством Мессалы. Его ранние стихотворные сборники — «Amores», включающие любовные элегии, посвященные некой Коринне, которую специалисты по поэзии Овидия склонны считать не реальной женщиной, а условным литературным персонажем, оригинальные по жанру «Heroides», представляющие собой послания мифологических героинь своим возлюбленным: Елены Парису, Пенелопы Одиссею, Дидоны Энею, — стоят не выше элегий Проперция и Тибулла. Позже Овидий написал «Фасты», в которых в стихотворной форме пересказываются мифологические и исторические предания, связанные с римским календарем, с государственными праздниками Рима. В «Фастах» присутствуют лишённые чувства меры и потому едва ли искренние восхваления Августу.

Овидий более всего знаменит двумя своими произведениями: «Метаморфозами», в которых содержатся почерпнутые из мифологии легенды о таинственных превращениях богов и героев, пронизанные откровенным эротизмом, и еще более эротическим «Искусством любви» (*Ars amandi*) — эта римская Камасутра отличается от индийского аналога отсутствием особого интереса к анатомической технике, но ревнители нравственности нашли опус Овидия общественно опасным, потому что он содержал рассчитанные на самые разные случаи и обстоятельства инструкции по приемам обольщения. Среди таких ревнителей, неприязненно отреагировавших на появление этого сочинения, непристойного даже на вкус своего века, снисходительного к человеческим порокам, был и сам Август. Через несколько лет после появления *Ars amandi* с Овидием случилась

катастрофа — осенью 9 г. от Р. Х. по приказанию принцепса он был отправлен в дальнюю ссылку — на западный берег Понта, в город Томи, современную Констанцу.

Промежуток в несколько лет между совершением преступления, если таковым явилось издание фривольного сочинения, и наказанием заставляет предполагать, что прямым поводом к ссылке послужило иное обстоятельство. Из рассеянных в позднейших стихах поэта намеков исследователи сделали более или менее солидарный вывод о том, что поэт оказался прикосновенным к скандальной истории, случившейся в доме принцепса — к возмущившей Августа любовной связи его внучки Юлии с неким Силаном. Причем скандалом стала не просто дворцовая интрига, но, как предполагает Г. Буассье, «любовники, увлеченные страстью, забыли благоразумие. Случилась, вероятно, какая-нибудь оргия, более бешеная, более шумная, чем другие; может быть, на трибуне и на форуме... Овидий, на свое несчастье, присутствовал здесь... О деле заговорили. В Риме, по словам Тацита, все становилось известным и обо всем судачили... Овидий, который оказался одним из наиболее известных лиц, был всего более скомпрометирован. Возможно, что остальные обвинили его, чтобы оправдать себя. ...Более всех был наказан Овидий, виновный менее других. Юлия не покинула Италию. Силан мог остаться даже в Риме; он удалился добровольно... Овидий был сослан на край света» (Буассье, цит. изд., с. 124). По убеждению Буассье, причиной суровой расправы Августа над поэтом послужила его давняя неприязнь к нему, начало которой восходит к появлению *Ars amandi*: «Обыкновенно утверждают, — писал он, — что происшествие с Юлией было единственным мотивом наказания Овидия, поэма же *Ars amandi* была лишь предлогом к нему; мы думаем, напротив, что его стихотворения были настоящею причиною, а все остальное лишь поводом... Август, вероятно, обвинял поэта в душе за всеобщую распущенность... То, что его утверждало, по-видимому, в этой мысли, — это постоянное присутствие Овидия в его домашних несчастьях: косвенно через *Ars amandi* в преступлениях первой Юлии (дочь Августа увлекалась чтением этой поэмы — В. Ц.), а более непосредственно в истории со второй... последний скандал переполнил чашу» (Буассье, цит. изд., с. 124–125).

В изгнании Овидий не прекратил литературной деятельности. Именно там он окончательно отшлифовал написанные

ранее «Метаморфозы», писал сатиры, сочинил дидактическую поэму о рыболовстве, в ссылке он написал и лучшие свои стихотворения, составившие сборники «Тристий», или «Скорбных стихов», и «Понтийских элегий»: «Будешь читать — не забудь: в этом томике каждая буква создана в бурные дни мною на скорбном пути. Видела Адрия ширь, как, дрожа, в леденящую стужу, в пору декабрьских бурь, я эти строки писал». Изнеженному римлянину, никогда не участвовавшему, подобно многим его современникам, в дальних походах, вполне южная на отечественный вкус северянина припонтийская степь, представилась неприятной студеной пустыней: «Если в столице у вас об изгнаннике помнят — Назоне, если живет без меня в городе имя мое, там, далеко, далеко, где и звезды в море не сходят, там обретаюсь во тьме варварства — варварских орд. Дики кругом племена: сарматы, да бессы, да геты... Сборище темных имен — мне ли, поэту, под стать? В пору тепла мы живем под широкой защитой Дуная: волн бурливых разлив — вражьим набегам рубеж. Лету на смену зима угрюмые брови насупит, в белый, как мрамор, покров землю оденет мороз... Снег да метель. Ни дожди, ни солнце тот снег не растопят. Крепче и крепче его в броню сбивает Борей... Кутают тело в меха, в шаровары из шкур, когда люто за душу стужа берет: только лицо на ветру... Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда; вынут из кадки — не пьют: колют, глотая куском... Вижу ледовый настил, уходящий в безбрежные дали, скользкая сверху кора сжала безмолвие вод».

В изгнании из отчаявшейся души поэта исторгся стон скорби, не чуждой покаяния, но и с попытками самооправдания, с проблесками надежды на изменение своей горькой участи, на возвращение в родную Италию. Его стихи, наконец, приобретают не свойственную им ранее искренность и подлинно лирическую сердечность: «Только предстанет очам той ночи печальной картина, ночи последней, когда с Римом прощалась душа, только припомню, как я покидал все, что дорого сердцу, и набегаем слеза — медленно каплей ползет... Срок для сборов был скуп: ни с духом собраться, ни с мыслью... Ошеломленный, немой, долго я был в забвении. Не было сил поручить провожатым и слугам заботу, денег, одежды запас, нужный изгнаннику, взять.словно столбняк на меня... как громом небес пораженный, смертью не принят, живой: жив иль не жив — не пойму...

Боги, живую жену от живого живой отрывают, дом, домочадцев моих — все покидаю навек».

Через влиятельных друзей в Риме Овидий искал облегчения своей горькой участи, но тщетно. Поэт пережил Августа, он обращался с мольбой о помиловании к новому принцепсу Тиберию, но так и не дождался прощения, умерев в изгнании в 17 г. от Р.Х.

Поэтами дилетантского уровня были и сам Август и Меценат. Они оба, а также выдающиеся государственные деятели эпохи Агрипы и Мессала писали мемуары, которые до нас не дошли. Утраченные воспоминания Августа под названием «О своей жизни» составляли 30 книг. Сохранились написанные самим принцепсом перед кончиной «Деяния» (*Gesta*). Он написал также несколько сочинений по риторике, и среди них «Возражения Бруту о Катоне», трактат «Поощрение к философии», поэму «Сицилия» и несколько эпиграмм, которые он сочинял, по словам Светония, по большей части, находясь в бане.

Характеризуя своеобразный стиль Августа, Светоний писал: «В слоге он стремился к изяществу и умеренности, избегая как пустых и звонких фраз, так и, по его выражению, «словес, папахивающих стариной» (Светоний, цит. изд., с. 67). Тот же биограф замечает, что в повседневной речи некоторые выражения он употреблял особенно часто и своеобразно, об этом свидетельствуют его собственноручные письма. В них, чтобы сказать, что кто-то никогда не заплатит долга, он всякий раз пишет: «заплатит в греческие календы»; чтобы внушить, что любые обстоятельства следует переносить покорно, пишет: «довольно с нас и одного Катона»; а чтобы выразить быстроту и поспешность — «скорее, чем спаржа варится». Вместо «дурак» он всегда пишет «дубина», вместо «черный» — «темный», вместо «сумасшедший» — «рехнувшийся». Продолжая наблюдения над слогом и письмом Августа, Светоний писал: «И в почерке его я заметил некоторые особенности: он не разделяет слов и не делает переносов, а не поместившиеся в строке буквы подписывает тут же снизу, обведя их чертою. Орфографию, то есть правила и предписания, установленные грамматиками, он не старался соблюдать и, по-видимому, разделял мнение тех, кто думает, что писать надо так, как говорят... Греческой словесностью занимался он с не меньшим усердием и достиг больших успехов... Все же по-гречески он бегло не говорил и не решался что-либо сочинять, а в случае необходимости писал, что

нужно... Однако поэзию он знал хорошо, а древней комедией даже восхищался и не раз давал ее представления даже на зрелищах» (Светоний, цит. изд., с. 68).

Биограф отметил и такую своеобразную черту его ораторской практики: он «никогда не говорил ни перед сенатом, ни перед народом, ни перед войском, не обдумав и не сочинив свою речь заранее, хотя не лишен был способности говорить и без подготовки. А чтобы не полагаться на память и не тратить времени на заучивание, он первый стал все произносить по написанному» (Светоний, цит. изд., с. 66–67). За этим новшеством стоит происходивший тогда, при Августе, переворот в политической и словесной культуре грандиозного масштаба. И греческая и римская публика эпохи классической республики не стали бы слушать оратора, говорящего «по бумаге», во всяком случае, подобный эксперимент воспринимался бы как оскорбительный и скандальный. Но во времена Августа менялся культурный код античного мира: на место живого слова, для которого записанные тексты служили своего рода техническим подспорьем, приходила книга, а в делах государственного управления ключевое значение приобретала канцелярия. Светоний эту привычку Августа все заранее обдумывать и записывать доводит до малоправдоподобного абсурда: «Даже частные беседы, даже разговоры со своей Ливией в важных случаях он набрасывал заранее и держал своей записи, чтобы не сказать по ошибке слишком мало или слишком много» (Светоний, цит. изд., с. 67).

Эпоха Августа была не только «золотым веком» словесных искусств, но и временем расцвета материальной культуры: зодчества, ваяния и живописи, художественных ремесел. Август «так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным» (Светоний, цит. изд., с. 46). Он завершил начатую еще при Юлии Цезаре перестройку старого форума, воздвиг на нем, на месте сожжения праха Цезаря, храм божественного Юлия, закончил строительство нового форума Юлия Цезаря и пятипролетной базилики Юлия, с северной стороны этого форума им был пристроен форум уже самого Августа, украшенный статуями выдающихся полководцев и государственных деятелей. На этом форуме он воздвиг храм Марса Мстителя, на Капитолии — храм Юпитера Громовержца, часть массивного подиума которого дошла до наших дней, на Палатине — святилище Аполлона.

Некоторые сооружения он выстроил от имени своих близких: портик и базилику внуков Гая и Луция Цезарей, портики Ливии и своей сестры Октавии, превосходно сохранившийся до наших дней театр, названный именем его племянника и зятя Марцелла. Первоначально его закругленный фасад имел три яруса из 16 арочных пролетов, из них сохранилось два — третий ярус был заменен гармонично вписавшимися в это сооружение суровыми и аскетично монументальными стенами раннеренессансного дворца Орсини. Нижний ярус одет строгим дорическим орденом, второй — более легким ионическим, а верхний, не сохранившийся, самым изящным коринфским. Эта схема будет затем воспроизводиться в позднейших театрах и амфитеатрах, в том числе в самом знаменитом из них — Колизее. Ордер отступает от поверхности стены на полколонны и не выполняет тектонической, несущей функции — он играет декоративную роль. Подобное сочетание грандиозной масштабности с репрезентативной декоративностью стало характерной чертой имперского зодчества Рима.

По указанию Августа был отреставрирован и облицован мрамором к тому времени обветшавший амфитеатр Помпея. Сподвижники Августа на свой счет финансировали строительство других общественных зданий: Азиний Поллион выстроил атрий Либерты (Свободы), Корнелий Бальб — театр, Марций Филипп — храм Геркулеса Мусagetа. Особенно много построек в Риме связано с именем Агриппы: новый водопровод, превосходные термы, а также Пантеон — храм, посвященный всем богам — покровителям рода Юлиев. Пантеон был впоследствии, при Адриане, отстроен заново, но его сохранившаяся колоннада принадлежит первой постройке Агриппы.

В относительной сохранности до наших дней дошел мавзолей Августа. Начало его строительство восходит к 28 г. до Р. Х., когда правитель Рима, прах которого должен был покоиться в нем, был в расцвете сил, а завершилось уже после его смерти, при Тиберии, в 23 г. от Р. Х. Конструктивной основой мавзолея, воздвигнутого с северной стороны Марсова поля, на берегу Тибра, стал восходящий к этрусской погребальной архитектуре тумулус. В таком выборе сказался консервативный вкус принцепса, его приверженность древним традициям. В своем изначальном виде мавзолей имел грандиозные размеры: диаметр — 89 метров, и высота — 44, так что о его действительной величине лучше

судить не по сохранившейся его части, а по затибрскому мавзолею Адриана, переименованного, и отчасти перестроенного в христианскую эпоху в замок Ангелов. Стержнем сооружения был круглый пилон, окруженный пятью концентрическими стенами из бетона. Вместе с радиальными стенами и цилиндрическими сводами они составляли мощную субструкцию для насыпного конусообразного кургана.

В начале правления Августа за городской чертой на Аппиевой дороге был воздвигнут мавзолей Цецилии Метеллы, конструкция которого представляет собой цилиндрическую башню на квадратном цоколе. В первоначальном виде, увенчанный высоким конусом, мавзолей обнаруживал явное родство с этрусским тумулусом. Геометрическая простота и монолитная суровость архитектоники сооружения выражала траурную торжественность его назначения, но фриз из гирлянд сообщает его строгому облику смягчающий тон человечности и печали. В средневековье мавзолей был перестроен в замок — его конусообразный верх снесли, заменив крепостными зубцами. Благодаря этой перестройке мавзолей выжил в эпоху, когда вмняемые ни во что архитектурные шедевры античности употребляли в качестве строительного материала или предоставляли их опустошающему воздействию времени, превращающему в руины самые монументальные создания человеческих рук.

По сей день близ Остийских ворот Рима возвышается еще одно погребальное сооружение — мавзолей претора Гая Цестия, заверченный в 12 г. до Р. Х. Для Рима вид этого мавзолея экзотичен. Представляя собой четырехгранную пирамиду на квадратном основании, мавзолей выявляет отдаленное родство с этрусским тумулусом, но близко воспроизводит, хотя и в относительной миниатюре — его первоначальная высота составляла 36 метров — геометрию погребальных сооружений, в которых покоились мумии египетских фараонов: мавзолей Цестия вносил в облик имперской столицы космополитический штрих.

Для погребения простых людей в Риме во времена Августа широко использовались подземные или наземные колумбарии. Это были прямоугольные сооружения, в стенах которых параллельными рядами снизу доверху устраивались ниши с урнами и часто также со статуями погребенных лиц. Над нишами помещались таблички с именами покойников и фресковые декорации в виде птиц и цветов. Подобные колумбарии послужили

впоследствии прототипом для христианских захоронений в катакомбах. Сохранившийся колумбарий вольноотпущенников Августа отличается богатством отделки, мраморной облицовкой ниш, декоративными рельефами и мозаичным полом.

Одно из самых своеобразных сооружений эпохи Августа — это Алтарь мира (Ara Pacis), сооруженный в 13 г. до Р.Х. в честь побед Рима в Испании и Галлии. Название алтаря связано с тем, что эти победы знаменовали умиротворение империи. Алтарь мира был воздвигнут вблизи алтаря бога войны и покровителя италиков с незапамятной древности Марса. Сам алтарь был помещен внутри прямоугольной, почти квадратной в плане ограды. В западной и восточной стене были устроены проемы, которые позволяли проходить помещения насквозь при обходе вокруг алтаря. Наружные стены ограждения покрыты превосходно выполненными рельефами: в нижней части — растительным орнаментом, а в верхней — изображением Августа со свитой, шествующего для свершения жертвоприношения на алтаре.

Замечательные в архитектурном отношении постройки появились при Августе и вне Рима, в других городах Италии, и среди них сохранившиеся доныне амфитеатр в Вероне, триумфальные арки в Аримине, Августе Претории (современной Аосте), Сегузионе (Сузе) в Лигурии, трофей Августа, воздвигнутый в лигурийском городе Турби после покорения альпийских варваров, мост Августа в Аримине, мавзолей внуков Августа Гая и Луция Цезарей в Глануме. Превосходные архитектурные памятники «золотого века» Августа сохранились и вне пределов Италии. После создания в 30-е гг. до Р.Х. римской колонии в Истрии Пулы в ней выстроен был амфитеатр, позже, при Клавдии, расширенный. Огромный по своим размерам, он способен вмещать больше 20 тысяч зрителей. Оригинальную особенность сооружения составляют четыре прямоугольных выступа с наружной стороны стен, в которых расположены лестницы, а на их верхних площадках в свое время находились цистерны с водой, которой могли пользоваться как гладиаторы, так и зрители. Один из шедевров римской архитектуры рубежа эр — построенный в 20–19 гг. до Р.Х. храм в Немаузе, современном провансальском Ниме, впоследствии посвященный безвременно скончавшимся внукам Августа Гаю и Юлию Цезарям, знаменитый *Maison carree*, названный так по его псевдопериптерной форме. Глубокая романизация Нарбонской провинции сопровождалась

строительством в ней римских храмов: один из них, воздвигнутый во Вьенне, был посвящен богине Роме и Августу, позже его переименовали в храм Августа и Ливии.

В истории римской пластики эпоха Августа — это период, когда возобладала классицистическая тенденция; по крайней мере, она проявилась в репрезентативных изображениях принцепса, в которых заметен отход от столь свойственной римскому скульптурному портрету, выросшему из восковых посмертных слепков, натуралистической документальности и характерности в сторону стилизованной парадности и идеализации, до известной степени ориентирующейся на эллинскую пластику века Перикла.

Эти особенности проявились в изображении Августа полуобнаженным, с тогой, спущенной спереди до пояса и наброшенной сзади на плечо и со скипетром и молнией в руках, в его же скульптуре из Прима-Порты, где он представлен полководцем, обращающимся с речью к legionерам. В облике императора выражено внутреннее спокойствие и душевная сила уверенного в себе повелителя. В Эрмитаже хранится статуя, выкопанная в Кумах, изображающая Августа полуобнаженным в позе Юпитера громовержца. Органическое сочетание портретной достоверности с идеализацией характерно для мраморного бюста Ливии, также хранящегося в Эрмитаже. До нас дошло около 250 скульптурных изображений Августа — больше, чем статуй всех принцепсов и императоров, которые были после него, в большинстве случаев это бюсты. Но и при таком их числе они все же не позволяют подробно проследить процесс изменения внешнего облика Августа, его старения, поскольку восходят к нескольким основным типам: юного Октавиана, каким он представлен, например, в бюсте из Анконского археологического музея, зрелого Августа 27 г. до Р. X. — к этому типу относятся две трети статуй, самой выразительной из которых является знаменитая скульптура Прима-Порты, и наиболее достоверный портретно тип, наилучшим образом представленный бюстом с дубовым венком, хранящимся в Капитолийском музее. Своеобразный тип представляет найденный в Судане бюст Августа со свирепым выражением лица эллинистического или прямо восточного монарха. Вероятно, стилистика скульптурного портрета принцепса зависела от того, предназначался ли он для Рима и Италии или для восточных провинций.

В скульптурных изображениях частных лиц, среди которых преобладают статуи родственников и сподвижников принцепса — Юлии, Октавии, Агриппы, меньше отличий от стиля более ранней эпохи, они реалистичней, портретней, и им свойственна более детализированная и тонкая пластика.

В эпоху Августа расцвело искусство рельефа как декоративного, так и сюжетного. Шедевром этого вида пластики явились рельефы Алтаря мира, на которых особенно поразительна живость, с которой представлены шествующие в свите Августа дети. Классицистический стиль эпохи проявлялся и в мастерском копировании шедевров греческого ваяния — статуй олимпийских богов, с которыми отождествлялись божества италийских народов, и героев.

Особым видом тиражируемой пластики являются монеты, представляющие собой, своими изображениями и надписями, исторические документы особой важности. На многих монетах изображался принцепс, монета с изображением богини Виктории в венке и с пальмовой ветвью в руке, помещенной над кораблем, выпущена была в честь победы Октавиана при Акции. Монета с изображением крокодила и надписью *Aegyptus capta* (Египет взят) была изготовлена в честь окончательной победы над Антонием и Клеопатрой. На монетах изображались также божества, храмы, алтари, триумфальные арки.

О характере римской живописи эпохи можно судить по немалому числу фресок и мозаик, сохранившихся в Помпеях. На век Августа приходится так называемый третий, орнаментальный помпеянский стиль, представлявший собой реакцию на барочный иллюзионизм второго помпеянского стиля. Для него характерно восприятие стены как декорируемой плоскости с подчеркиванием ее плоскостной природы. При этом стена разделялась горизонтальными и вертикальными линиями на монохромные сегменты, в центре которых в четко прорисованных рамках помещались миниатюрные пейзажные, архитектурные или, чаще, мифологические многофигурные композиции; боги и герои на них представлены с вычурными удлинненными пропорциями, отдаленно напоминающими стилистику палехской миниатюры.

Этот модный стиль, расходящийся с подчеркнуто классицистическим направлением скульптуры эпохи Августа, нравился не всем. Так, Витрувий, приверженец живописного реализма, писал: «Украшения с изображениями реально существующих

предметов презируются современным извращенным вкусом. На штукатурке — не конкретное отображение конкретных вещей, а монстры. Вместо колонн возводятся какие-то тонкие стержни; вместо фронтонов — в полоску, с вьющимися листьями и завитками панели. На изображение канделябров нагромождаются изображения храмов, а над крышами их из основания поднимаются пучки тонких вьющихся стебельков и беспорядочно расположенные маленькие фигуры сидящих людей. И вновь изображения тонких стебельков и голов людей и животных, которые прикрепляются к половине туловища. Всего этого нет, не было и не может быть. Таким образом новая мода заставляет плохих ценителей порицать мастерскую работу за примитивность» (цит. по: Грант Майкл. Цивилизация Древнего Рима. М., 2003, с. 345).

В третьем помпеянском стиле выполнены настенные декорации в триклиниуме термополия на улице Изобилия и в триклиниуме дома Цея, на стене которого представлен Дионис, изливающий из рога изобилия вино для тигра, и менады. В эпоху Августа третий стиль сосуществовал с более ранним, вторым: так, в кубикule «дома серебряной свадьбы» настенная живопись выполнена в третьем, а в других его помещениях — во втором помпеянском стиле. Живопись этой периода сохранилась не только в Помпеях, но и в самом Риме. В раскопанном доме на Эсквилинском холме обнаружены фрески, иллюстрирующие отдельные эпизоды «Одиссеи». В доме на Палатине, в котором предположительно располагались покои Ливии, стены украшены прекрасно написанными цветочными гирляндами. На окраине Рима в его древних границах, у Прима Порта, обнаружена вилла, которая, вероятно, также принадлежала Ливии; ее стены украшены фресками: на одной из них изображена аллея с плодовыми деревьями и цветущими кустами и птицы — своего рода шедевр живописного иллюзионизма.

Имена архитекторов, скульпторов и живописцев рубежа эр известны мало и проблематично, зато известно не только имя, но и сохранился текст большей части трактата «Об архитектуре», написанного Марком Витрувием Поллионом. Этот труд особенно высоко ценил Гете, находя в нем ключ к постижению тайн латинского художественного гения. Витрувий и сам был архитектором — он построил базилику в городе Фано, — а также конструктором военных машин; и в своем сочинении он пишет не только собственно о зодчестве, но и на смежные темы,

связанные с прикладной математикой, механикой, техникой, в частности, описывает разные конструкции солнечных часов, подъемные механизмы, тимпаны — аппараты, предназначенные для подъема воды, приборы для измерения расстояния, пройденного экипажем.

Для научной мысли эпохи Августа характерен особый интерес к техническим и прикладным темам, вызванный выросшими масштабами строительства и военной инженерии. С расширением пределов империи связан расцвет географической науки. Друг и соратник принцепса Марк Агриппа составил карту, на которой, помимо Римской империи, представлен был весь известный тогда мир. Около 7 г. до Р.Х. уроженец понтийского города Амасии Страбон завершил написанный на родном ему греческом языке колоссальный труд под названием «География», в котором содержится подробное описание Италии, провинций Римской империи и примыкающих к ним территорий, от Британии на северо-западе до Индии на востоке и Эфиопии на юге с подробными и достаточно точными топографическими, топонимическими, этнографическими, религиоведческими сведениями, с экскурсами в историю и исторические мифы народов, проживающих в описываемых странах. Этот всеобъемлющий и до известной степени компилятивный труд — прекрасный памятник эпохи, когда Рим и мир, *urbs* и *orbis* оказались хотя и не идентичными, но действительно близкими понятиями, когда, благодаря расчетливой, осторожной, но при этом напористой политике Августа Римская мировая держава приобрела устойчивость и стабильность.

На рубеже эр в Риме появляются зачатки научной интерпретации уже к тому времени сложившегося в своих основах законодательного корпуса. Выдающиеся знатоки закона при Августе стали составлять письменные толкования по поводу сложных юридических казусов, комментировать правовые нормы, как зафиксированные в законах, так и содержащиеся в обычном праве. Особым авторитетом пользовались толкования двух выдающихся юристов: Гая Атея Капитона и Марка Антия Лабиена. Они придерживались разных политических взглядов: Капитон был приверженцем созданной Августом системы принципата, а Лабиен консервативным республиканцем. Политическое разномыслие отражалось и на их юридических построениях, при этом Капитон обнаруживал большую приверженность традиционному

формализму римского права, а его оппонент Лабий критически высказывался об издержках юридического формализма. Интенсивное законодательное творчество правительства Августа давало обильную пищу для развития юридической мысли.

Умножение числа юристов, а также высокий авторитет их суждений по делам, рассматриваемым в судебном порядке, побуждали Августа выделить из их числа круг лиц, которым самим принципом предоставлялось официальное право давать ответы по судебным делам — *jus respondendi*; остальные юристы оказывали услуги клиентам в частном порядке, подобно современным адвокатам, либо занимались теоретической разработкой права. Ответы юристов, имевших официальный статус, приобрели руководящее значение при вынесении судебных постановлений. Если не подавалось иного ответа по делу от другого официального юриста, судьи обязаны были выносить постановление на основании ответа юриста. И только при поступлении противоречащих суждений судья сам выбирал одно из них как основу выносимого им приговора. Официальное значение приобретали и сочинения юристов, получивших от принципов *jus respondendi*, становясь тем самым источниками действующего права.

8. Смерть Августа

Последние годы жизни Августа омрачены были печальными событиями, из которых самым болезненным для него было уничтожение легионов Вара в германских лесах и болотах. Подавление восстания в Иллирии потребовало исключительного напряжения военной машины Рима и сопровождалось большими потерями. В соперничестве с Парфией за доминирование в Армении Рим вновь вынужден был отступить. В самом Риме случился большой пожар, в котором выгорело несколько кварталов.

Августа тревожила также то затаенная, то откровенно прорывающаяся наружу вражда между членами его дома, что, как он резонно опасался, могло осложнить ситуацию с приемством власти. Усыновленный им пасынок Тиберий вызывал резкую антипатию у других близких родственников — не только у внучки принцепса Юлии Младшей и внука Агриппы Постума, но также и у племянника Тиберия исключительно популярного в армии и обществе юного Германика. Муж Юлии Младшей Эмилий Павел оказался замешанным в заговоре против Августа. Сама же Юлия в 8 г. от Р.Х. была сослана за разврат, обернувшийся

публичным скандалом. За два года до этой опалы брат Юлии неуравновешенный юноша Агриппа Постум, ставший центром притяжения оппозиционных политических кругов, вероятно, в перспективе ухода Августа сделавших ставку на него против Тиберия, был сослан на остров Планасию. Более того, Август распорядился об устранении непутевого внука немедленно после своей смерти, чтобы тот не воспрепятствовал переходу власти к Тиберию. Недоброжелатели Августа и Тиберия усматривали за этим интриги Ливии, влияние которой на престарелого мужа возросло перед его кончиной. Но есть все основания полагать, что забота о благе Римского государства и о сохранении созданной им политической системы в сознании Августа перевешивала родственные чувства.

В этом отношении он резко отличался от князей феодальной эпохи, которые имели обыкновение делить в своих духовных грамотах владения между наследниками, чтобы никого из них не обидеть. Никакой особой личной привязанности к Тиберию он не испытывал, скорее, наоборот, но он не видел лучшего преемника себе в должности принцепса, хотя и на сей счет у него были, наверно, сомнения. Так, если верить Светонию, а в этом ему стоит поверить, незадолго до своей смерти Август после очередного трудного разговора с Тиберием, сказал ни к кому не обращаясь, но так, что его голос слышали спальники: «Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти!» (Светоний, цит. изд., с. 84–85). Можно предположить, что забота о покое и благоденствии римского народа в сознании Августа не отождествлялась с попечением о благе Римского государства, чему он отдавал предпочтение, выбирая в приемники человека с «медленными челюстями».

Предвидя свой близкий уход, Август стал щедро раздавать подарки как своим близким и друзьям, так и слугам и даже вовсе неизвестным ему людям. Перед смертью он решил сопровождать Тиберия, который отправился в Иллирию, до Беневента, но его удерживали в Риме судебные дела, и все-таки он вместе с Тиберием выехал из столицы. Но когда они уже плыли морем вдоль берегов Кампании, Август заболел и высадился на Капри, остановившись там в своей вилле, а потом переехал в Неаполь. Там ему стало совсем плохо. Тем не менее он проводил Тиберия до Беневента, но на обратном пути болезнь усилилась. В Ноле он окончательно слег, велел Тиберию вернуться назад и ехать

к нему в Нолу. Там же, в доме его отца Октавия, с ним была Ливия. С Тиберием он долго беседовал наедине. О последнем часе Августа Светоний рассказывает: «Попросив зеркало, он велел причесать ему волосы и поправить отвисшую челюсть. Вошедших друзей он спросил, как им кажется, хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки: Коль хорошо сыграли мы, похлопайте и проводите добрым нас напутствием. Затем он всех отпустил. В это время кто-то только что прибыл из Рима; он стал расспрашивать о дочери Друза, которая была больна, и тут внезапно испустил дух на руках у Ливии, со словами: «Ливия, помни, как мы жили вместе! Живи и прощай!» Смерть ему выпала легкая, какой он всегда желал» (Светоний, цит. изд., с. 74). Август скончался в тезоименный ему месяц 14 г. от Р.Х. в возрасте без малого 77 лет — по тем временам это было редкое долголетие.

Тело Августа перенесли из Нолы в Рим, в его дом на Палатине, оттуда уже сенаторы на плечах вынесли его на Марсово поле, и там оно было сожжено. И как пишет Светоний, «нашелся... человек преторского звания, клятвенно заявивший, что видел, как образ сожженного воспарил к небесам. Самые видные всадники, в одних туниках, без пояса, босиком, собрали его останки и положили в мавзолей» (Светоний, цит. изд., с. 75). По примеру деификации Гая Юлия Цезаря Август был посмертно обожествлен, стал именоваться *divus Augustus*, в его честь сооружались алтари и храмы, теперь уже не только на Востоке, но также в Риме и в Италии.

В сенате было вскрыто завещание покойного принцепса, хранившееся в храме Весты. В нем он назначал наследниками первой степени Ливию, которую он в этом же завещании удочерял, и Тиберия, они оба должны были также принять его имя Август, которое со временем, как и имя Цезаря, стало своего рода титулом римских принцепсов. Тиберий однако впоследствии пользовался этим именем лишь в сношениях с правителями иностранных государств. Наследниками второй очереди назначались сын Тиберия Друз и его племянник Германик со своими тремя сыновьями: Нероном, Друзом и Калигулой, наследниками третьей очереди — другие родственники и друзья. Кроме того, Август распорядился раздать из его личных средств денежные подарки римскому народу в размере 40 миллионов сестерциев — трибам, преторианцам, городским когортам, легионерам.

Двух Юлий — дочь и внучку — он в завещании запретил хоронить в своем мавзолее. Вместе с завещанием вскрыты были и составленные им знаменитые «Деяния», которые он распорядился вырезать на медных досках, чтобы поместить их у входа в мавзолей. В третьем из зачитанных в сенате документов содержался своего рода отчет о положении государственных дел: «Сколько где воинов под знаменами, сколько денег в государственном казначействе, в императорской казне и в податных недоимках» (см. Светоний, цит. изд., с. 75).

Внук умершего принцепса Агриппа Постум был убит военным трибуном, который командовал отрядом, охранявшим его; он сделал это по приказу, поступившему из столицы. Светоний подозревает, и вероятно, напрасно, что от имени Августа это распоряжение было составлено Ливией, возможно, с ведома Тиберия.

Светоний начертал словесный портрет Августа, вполне согласующийся с его скульптурными изображениями: «С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не любил прихорашиваться... Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал... Глаза у него были светлые и блестящие... Впрочем, к старости он стал хуже видеть левым глазом. Зубы у него были редкие, мелкие, неровные, волосы — рыжеватые и чуть вьющиеся, брови — сросшиеся, уши — небольшие, нос — с горбинкой и заостренный, цвет кожи — между смуглым и белым. Росту он был невысокого... но это скрывалось соразмерным и стройным сложением и было заметно лишь рядом с более рослыми людьми. Тело его, говорят, было покрыто на груди и на животе родимыми пятнами... кожа во многих местах загорела и от постоянного расчесывания и усиленного употребления скребка образовала уплотнения вроде струпов. Бедро и голень левой ноги у него слабоваты, нередко он даже прихрамывал... Он с трудом переносил и холод и жару. Зимой он надевал не только четыре туники и толстую тогу, но и сорочку, и шерстяной нагрудник и обмотки на бедра и голени. Летом он спал при открытых дверях, а иногда даже в перистиле, перед фонтаном, обмахиваемый рабом. Свое слабое здоровье он поддерживал заботливым уходом. Прежде всего, он редко купался: вместо этого он обычно растирался маслом или потел перед открытым огнем... Упражнения в верховой езде и с оружием на Марсовом поле он прекратил тотчас после гражданских войн. Некоторое время после

этого он еще упражнялся с мячом.., а потом ограничился верховыми и пешими прогулками... Для умственного отдыха он иногда удил рыбу удочкой, а иногда играл в кости, камешки и оре- хи с мальчиками-рабами» (Светоний, цит. изд., с. 66).

О складе его ума и характера, а также о стиле его государственной деятельности выразительно говорят часто повторяемые им изречения: «Спешу не торопясь», «Осторожный полководец лучше безрассудного» и «Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей»... Тех, кто домогался малых выгод ценой больших опасностей, он, по словам Светония, сравнивал «с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок, — никакая рыба не возместит потери» (Светоний, цит. изд., с. 44).

С поразительной продуманностью и рачетливостью, основательно и настойчиво, но когда надо, обнаруживая уместную осторожность, гибкость и даже способность уступить, вместо того чтобы из упрямства пытаться пробить стену лбом или полагаться на одно только счастье, везенье, он систематически выстраивал и выстроил устойчивую политическую систему, к которой пришел не в результате кабинетного прожектерства, а находя шаг за шагом адекватные ответы на внутривполитические и внешние вызовы. Он видел на опыте столетней гражданской войны, что прежняя олигархическая республика не в состоянии справиться с управлением мировой империей и что в то же время династическая монархия в эллинистическом стиле неприемлема для римского народа с его многовековой республиканской традицией. Выходом из сложившейся дилеммы явился принципат, просуществовавший, хотя и не без смертельно опасных кризисов, в течение более двух столетий после Августа и затем агонизировавший еще несколько десятилетий, пока в конце III века от Р.Х. на смену ему не пришел доминат — новый политический эксперимент. Август не был великим полководцем. Он, несомненно, уступал Цезарю масштабами личных дарований, но как государственный деятель он должен быть поставлен выше своего гениального родственника, и его влияние на ход мировой истории было более основательным и прочным. А. Дж. Тойнби, характеризуя Августа, сопоставляет и даже парадоксальным образом сближает его с Сократом: «Эллинистическое правящее меньшинство дало афинянина Сократа, отца греческой философии, и римлянина Августа, основателя универсального государства. Эти два выдающихся творения — памятники деятельности

альтруистов, которых правящее меньшинство воспитало на абсолютной крайности той духовной гаммы, противоположный полюс которой давал завоевателей, расточителей и палачей» (Тойнби А. Дж., цит. изд., с. 351).

Глава 2. Эпоха Юлиев и Флавиев

1. Племенной мир Европы на рубеже эр

В начале I столетия от Р.Х. самой головоломной проблемой для внешней политики Рима стал германский мир, соприкасавшийся с границами империи по Рейну, верхнему Дунаю и по лимесу между верховьями этих двух рек, и частично инфильтрировавший через эту границу. Попытка ответной римской экспансии за Рейн катастрофически провалилась в Тевтобургском лесу. Германские племена приняли на себя миссию главных врагов империи по преемству от кельтских народов, которые к тому времени в большинстве своем покорились Риму и уже вступили в процесс культурной ассимиляции и латинизации.

Во второй половине I тысячелетия до Р.Х. происходила интенсивная многовекторная экспансия германского народа, который ко времени Августа распространился на европейском пространстве далеко от мест его прежнего обитания по берегам Северного моря — от болотистого устья Рейна до устья Эльбы.

На Скандинавском полуострове германцы мигрировали в северном направлении, постепенно осваивая его центральную часть, являющуюся ядром современной Швеции. По более теплому в зимнее время норвежскому побережью Северного моря они продвинулись дальше на север, так что в эпоху Августа финноязычные племена, включая предков современных саами, занимали уже меньшую часть Скандинавии, ту, где климат особенно суров и не совместим с земледелием, где единственным видом скотоводства было разведение северных оленей, но еще большее значение в хозяйстве имела охота на них. Более важным по своим историческим последствиям проявлением германской экспансии стало переселение германских племен морем из Скандинавии на Балтийское побережье, где они заняли территории от устья Одера до устья Вислы и продвинулись на ее правый берег — обитавшие там западные балты были

частично вытеснены, частично же подверглись ассимиляции. Результатом этого переселения стало обособление диалектов, на которых говорили выходцы из Скандинавии, в особую группу восточногерманских языков. Восточно-германские племена мигрировали затем внутрь континента, обосновавшись в Силезии и Великой Польше.

Тогда же западные германцы, продвигаясь из мест своего первоначального обитания и оттесняя славян, селились по берегам Заале и Шпрее. Другие племена проникли далеко на юг вплоть до предгорий Альп и в юго-восточном направлении на территорию современной Чехии и Австрии, расселившись там дисперсно на землях, оставленных кельтами. Таким образом, на рубеже эр пространство, занятое германскими народами на континенте, охватывало территорию современной Германии к востоку от Рейна, Нидерландов, а также значительную часть Австрии, Чехии и Польши. На левобережье Рейна, в пределах Римской империи, германцы также присутствовали, но там они жили рядом с италийскими колонистами и кельтами, вместе с ними включенные в процесс романизации.

У писателя IV столетия до Р.Х. Пифея есть лишь упоминание о германском племени тевтонов, обитавшем на берегу Северного моря. Нашествие тевтонов и кимбров на владения Рима отразилось в «Истории» Тита Ливия. Сведения о германских народах во времена земной жизни Спасителя, помимо археологического материала, можно почерпнуть из сопоставления книг, написанных раньше и позже этой эпохи, с интервалом более чем в столетие: «Записок» Цезаря о Галльской войне и сочинения Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии». Лишь в извлечениях сохранился составленный в 40-е гг. от Р.Х. труд Плиния Старшего о войнах с германцами, в которых он сам принимал участие. Кроме того, отдельные сведения о германцах есть в его «Естественной истории», а также в «Географии» Страбона. Во II столетии от Р.Х. о германцах писал греческий автор Птоломей.

Хотя Цезарь, в отличие от Тацита, писал о германцах, опираясь на собственные наблюдения, а не на рассказы о них, все же он слишком лаконичен в той части «Записок», которая относится к походу в Германию, поэтому наиболее информативен из древних авторов, писавших о германцах, Тацит. Границы их страны он проводит так: «Германия отделена от галлов,

ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, от сарматов и даков — обоюдной боязнью и горами; все прочие ее части охватывает Океан» (Тацит Корнелий. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Лг., 1969, с. 353). В основном так оно и было, на юго-востоке места расселения германцев действительно соприкасались с Паннонией, а если учесть, что племя бастарнов, или певкинов, в германоязычии которых сомневаются лишь немногие из историков, оторвавшись от основного массива германского мира, продвинулось далеко на юго-восток, до низовьев Дуная, то вполне обоснованным становится и замечание Тацита о соприкосновении Германии с землями даков и сарматов. За два столетия, протекших со времени вторжения кимбров в пределы Римской империи до Тацита, германцы под вероятным влиянием кельтов, в результате контактов с высокоразвитой римской культурой, а также под действием внутренних факторов цивилизовались настолько, что если кимбров римские авторы называют дикими, *furii*, то Тацит уже характеризует германцев как варваров, что под его пером обозначало более высокую ступень культуры.

Тацит считает германцев исконными обитателями своей страны. Это, конечно, неверно. Как и другие индо-европейские народы, германцы — потомки пришельцев в Центральную и Западную Европу, где носители диалектов праиндоевропейского языка смешались с автохтонами. Само формирование прагерманского языка, относящееся ко II тысячелетию до Р.Х. и связанное с его обособлением от той ветви индоевропейских диалектов, которые представляли тогда их наиболее архаичный вариант, — его приблизительно можно отождествить с балтославянским праязыком, явилось весьма вероятным результатом воздействия на него языка ассимилируемых автохтонов северной Европы, носителей нордического расового типа. Под воздействием этого субстрата на смену исконному музыкальному индоевропейскому чередованию долгих и кратких гласных, как в древнегреческом или современном литовском языке, пришло чередование ударных и безударных, основанное на силе выдоха при произнесении звука. Причем динамический характер ударения в германских языках выражен ярче, чем например, в современных славянских или романских языках. За этим в дальнейшем последовала фиксация ударения на первом слоге. Для германского консонантизма характерно так называемое первое

передвижение согласных, которое также, вероятно, вызвано было влиянием североευропейского языкового субстрата. Это передвижение характеризуется переходом праиндоевропейского *p* в *f*, *k* в *h*, а также *t* в *th*, примерно как в современном английском (в результате второго передвижения, произошедшего уже в рамках истории германских языков *th* превратилось в древневерхнемецком и современном литературном немецком языке в *d*). Так, латинскому *pes* (ступня), греческому «пус», русскому «пята», сохранившим праиндоевропейское *p*, соответствует немецкое *Fuss*, или английское *foot*; греческому «кион» (в родительном падеже — кинос, собака) соответствует немецкое *Hund*; латинскому *tres*, греческому *треис*, русскому «три» соответствует английское *three* и немецкое *drei*.

Прагерманский основной словарный фонд более чем на половину почерпнут из индоевропейской лексики, но около трети германских корней не имеет соответствий в праиндоевропейском языке. Они и представляют собой заимствования из языка автохтонов европейского севера. В современном немецком языке это такие слова как *Haus* (дом), в готском — *hus* (этот корень вытеснил соответствующий индоевропейский *dom*, *Himmel* (небо), *Winter* (зима) вместо индоевропейского *ghim*, сохранившегося в славянском «зима», *Tag* (день), *Fuchs* (лиса), *Vogel* (птица), и названия отдельных видов птиц: *Rabe* (ворона), *Lerche* (жаворонок), *Schwann* (лебедь), *Schwalbe* (ласточка), а также *Frosch* (лягушка), *Krebs* (рак); названия рыб: *Necht* (щука), *Aal* (угорь), — *See* (море и озеро), при этом в немецком языке сохранилось и имеющее индоевропейский корень слово *Meer* (море); слова, относящиеся к судовождению: *Schiff* (корабль), *Mast* (мачта), *Segel* (парус). В своей совокупности оригинальная германская лексика, или точнее говоря, ее туземный субстрат вполне согласуется с археологическими и литературными данными, подтверждающими версию происхождения прагерманского народа в результате симбиоза одного из индоевропейских, или, если угодно, арийских племен с автохтонами северной Европы, на территорию которых вторглись арийцы — народ по преимуществу скотоводческий, застав на новой для них земле гибрид исконного там народа рыбаков и охотников с земледельцами неолита, в предшествующие приходу арийцев времена продвинувшимися на север из Передней Азии.

Характеризуя внешний облик и физический тип германцев, Тацит писал: «Всем им присущ тот же облик: жесткие голубые глаза, русые волосы, рослые тела, способные только к кратковременному усилию; вместе с тем им не хватает терпения, чтобы упорно и напряженно трудиться, они совсем не выносят жажды и зноя, тогда как непогода и почва приучили их легко претерпевать холод и голод» (Тацит, цит. изд., с. 355). Примерно теми же внешними и физическими качествами наделяли античные авторы и кельтов, но в отличие от большего разнообразия антропологических типов кельтского мира, в котором южанами ярче воспринимались черты, представлявшие разительный контраст со средиземноморским типом, древние германцы, судя как по литературным свидетельствам, так и по материалам раскопок, отличались большей гомогенностью.

Опираясь на древние песнопения, которые, как справедливо заметил Тацит, были единственным хранителем их исторических преданий, германцы возводили свое происхождение к рожденному землей богу Туистону. Корень, лежащий в основе наименования божества, совпадает со словом *tiutsch*, что значило «народ» — в современном немецком языке *deutsch* (немецкий). Сыном Туистона был Манн (*Manp* — человек в переводе с немецкого, а также *man* — неопределенное местоимение в предложениях, которые на русский переводятся как безличные — *man sagt* (говорят, буквально праотец Манн говорит).

В свою очередь у Манна было три сына, от которых по древнему преданию произошли ингевоны, гермионы и истевоны. Это уже действительные исторические названия групп германских племен или племенных союзов, обитавших на континенте, а точнее говоря, западногерманских народов, потому что к востоку от них жили восточногерманские народы, переселившиеся из Скандинавии. Что касается этимологии этих трех этнонимов, то, как писал С. В. Шкунаев, «начальный элемент *ing-* хорошо известен как из античных, так и из более поздних источников — он входил во многие имена германских вождей, а также в обозначение великого скандинавского бога Фрейра (*Yngwi-Freyr* — Ингви — господин). *Ermin* или *irmin* означает «высокий»; этот эпитет применялся к германскому богу войны — *Ermin-Teuz*. Начальный элемент этнонима третьей группы западногерманских племен менее ясен, возможно, он имеет отношение к богу Водану» (Шкунаев С. В. Германские племена

и союзы племен. — История Европы, т. 1, с. 597). Этноним «гермионы» и послужил, вероятно, основой для наименования Германии и германцев на латинском, а затем также на многих других языках.

О группировке германских племен и о местах их расселения из древних писателей, кроме Тацита, писал также Плиний Старший, и их сведения почти полностью согласуются. Племена ингевонов обитали на севере страны, по берегам Океана, в Нижней Саксонии и Мекленбурге, а также на полуострове Ютландии. К ним принадлежали хавки, составившие основу позднейшего племенного союза саксов, а также кимвры, тевтоны, эвдосы (позже юты), англы и малочисленные племена амбронов, авионов, варинов, сваринов и нуитонов. Истевонские племена занимали оба берега Рейна, но по преимуществу все-таки его правый берег, впоследствии они составили франкский племенной союз. В устье Рейна обитали батавы, марсаки, фризы; выше по течению — хамавы, бруктеры, марсы, сугамбры, хазуарии, еще выше тенктеры и узипеты, а на левом берегу Рейна убии, и наконец, в верховьях Рейна маттиаки, вангионы, неметы и трибоки, зарейнскими соседями которых было кельтское племя треверов.

Большую часть современной Германии в древности занимали гермионские племена, самым многочисленным среди которых были свевы, позже швабы и алеманы, — Тацит вообще склонен отождествлять гермионов со свевами, тем не менее, он называет и другие гермионские народы, в том числе гермундуры (позднейших тюрингов), обитавших по левому берегу Альбиса (Эльбы), лангобардов, семнонов, поселившихся на землях между Эльбой и Одером, маркоманов, занявших земли бойев вначале в Чехии, а затем и в Баварии и составивших основу позднейших баюваров, или баварцев, которые при этом сохранили кельтский этноним, и продвинувшихся еще дальше на восток, на территорию Австрии, квадов, а также малочисленные племена дульгубинов и фоссов. Тацит и Плиний расходятся в том, к какой из трех основных ветвей германцев принадлежали хатты и херуски. Плиний тех и других причисляет к гермионам, а Тацит хаттов считает истевонами, а херусков — ингевонами. Судя по месту обитания этих племен, а также, что, конечно, имеет лишь весьма относительное значение, имени самого знаменитого из херусков Арминия, или Германа, оценка Плиния представляется более убедительной.

Тацит считал герминонами, и еще определеннее, свевами и менее ему известные восточногерманские, а также скандинавские племена, но в этом он ошибался. По берегам Балтики обитали восточногерманские народы переселенцев из Скандинавии: на левом берегу Одера ругии, между устьями Одера и Вислы (Вистулы) бургундионы, лемовии и за Вислой — готоны, или готы. В Силезии обосновались вандалы, название которых, возможно, связано с жившими ранее на этой территории венетами, чей этноним мог перейти к ним, подобно тому как восточные в ту пору соседи германцев славяне стали называться венетами. К востоку от вандалов поселились малочисленные племена лугиев, манимов, гелвеконнов, гариев, гелизиев и наганарвалов, германоязычие некоторых из них проблематично. У Плиния «вандалы» — это наименование не одного племени, а совокупности восточногерманских народов, среди которых он выделяет бургундионов, варионов (варнов), харинов и гутонов, то есть готов.

Из скандинавской ветви германцев Тацит упоминает только обитающих «среди самого Океана» свионов, которые, «помимо воинов и оружия» «сильны также флотом. Их суда примечательны также тем, что могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа» (Тацит, цит. изд., с. 371). По Тациту, свионы, иначе говоря, свеи, несомненные предки современных шведов, также принадлежат к числу свевских племен. Относительно тесного языкового родства свевов и свионов это неверно, но этнонимы, в высшей степени вероятно, восходят к общей основе, что заставляет предполагать имевшее место в доисторическом прошлом разделение племени, в результате которого одна из его ветвей оказалась на Скандинавском полуострове, а другая — в сердце современной Германии. Подобные явления наблюдаются и в славянском мире: так, смоляне в составе кривичей, обитавшие там, где ныне Смоленск, и смоляне в Болгарии некогда составляли одно племя, но затем часть племени оказалась принадлежащей восточным, а другая — южным славянам.

Плиний, в отличие от Тацита, скандинавов называет гиллевионами и насчитывает у них до 500 племен. Можно предполагать, что среди этого множества племен были и даны, прямые предки современных датчан, тогда еще не обитавших на Ютландском полуострове, название которого связано с западногерманским племенем ютов, но возможно, уже населявших острова

Борнхольм и Зеландию. Кроме того, после выселения готов, или готов на континентальный берег Балтики, на острове Готланд оставались скандинавоязычные готы, а в сердце современной Швеции обитало племя, очевидно, близко родственных им гаутов.

Плиний выделяет и еще одну, пятую, группу германских народов, к которым он причисляет певкинов и бастарнов, далеко оторвавшихся от основного массива германского мира и уже в середине III столетия до Р.Х. поселившихся в степном устье Дуная. Тацит, как и некоторые современные историки, сомневается в германоязычии певкинов. У большинства древних авторов певкины и бастарны не два разных племени, а два названия одного и того же народа. Рядом с бастарнами обитали также и германоязычные скиры. О принадлежности диалектов этих племен к той или иной германоязычной группе, за отсутствием информативных лингвистических данных, судить трудно. Но как представляется из общеисторических и географических соображений, они должны были иметь наиболее тесное родство с восточными германцами.

О религиозных верованиях древних германцев есть сведения у Цезаря, и более содержательные, у Тацита. Ценность этих сведений снижается тем обстоятельством, что античные авторы отождествляют германских богов с божествами римского пантеона, возможно, опираясь при этом на случайные атрибуты божеств чуждого им культа. Во всяком случае, упоминаемые Цезарем Sol (Солнце), Luna (Луна), Vulkanus (Вулкан) проливают не много света на действительные верования германцев. О языческих культах германских народов писали христианские авторы первого тысячелетия: Иордан, Григорий Турский, Павел Диякон, Беда Достопочтенный, и уже в эпоху средневековья — Адам Бременский и Саксон Грамматик.

Богатый материал для ознакомления с религией древних германцев дают записанные и отчасти обработанные уже в христианскую эпоху эпические поэмы, насыщенные мифологическими темами и мотивами: англо-саксонский «Беовульф» и исландская «Старшая Эдда», а также прозаическая «Малая Эдда» Снорри Стурлусона, исландские саги, в особенности мифологического содержания, и поэзия скальдов, принадлежащая в основном IX–X столетиям, для скандинавских народов переходным от язычества к христианству, в меньшей мере также немецкий эпос:

«Песнь о Нибелунгах» и «Гудрун». Известная трудность в интерпретации обильных мифологических и теогонических сведений, содержащихся в поэзии и прозе скандинавских народов, заключается в их значительном хронологическом удалении от эпохи древних германцев: при всем архаизме скандинавского мира и в нем в течение столетий могли возникнуть новые мифологемы, и даже образы и имена божеств, ранее не существовавших, во всяком случае, исторические сюжеты, отразившиеся в скандинавской литературе, фактически не восходят к эпохе ранее великого переселения народов.

Археологический материал, относящийся к религии древних германцев, скуден в том отношении, что лишь некоторые из обнаруженных в результате раскопок аляповатых антропоморфных фигурок из дерева могут быть предположительно приняты за изображения божеств, хотя, с другой стороны, находки многочисленных останков людей, утопленных в болотах или задушенных, с большой надежностью подтверждают хорошо известную из Тацита и других древних авторов практику человеческих жертвоприношений. Кроме того, с религиозными верованиями связаны погребальные обычаи, известные как раз главным образом из археологии.

Самым почитаемым божеством германцев был Тиус, или Тив, у Тацита Туистон, эпоним немцев (tiutsch, deutsch), имя которого сохранилось в английском названии вторника — *thuesday*. Название божества, несомненно, индоевропейского происхождения, соотносится с греческим Зевсом и со словом «бог» (*deus*) на латинском языке, а также с иранскими дэвами, деградированными в злых духов в эпоху ислама. Почитание Тиваса, или Тиуса у разных германских племен не совпадало: он был верховным божеством семнонов, свевы называли себя слугами Тиуса, в то время как, по крайней мере, в более поздний период, у норвежцев главным божеством почитался Тор, имя которого воспроизведено в английском названии четверга (*thursday*) и более завуалировано по-немецки — *Donnerstag* (буквально «день грома»). Тив чтился как бог неба, повелитель битв, как покровитель германских племен — племенные, или народные собрания в его честь именовались тингами: он мыслился небесным председателем таких собраний. Римляне сближали его с Марсом. Тор первоначально чтился как повелитель природных сил, его постоянный атрибут у скандинавов — молот Мьеллнир,

символ грома. В «Старшей Эдде» Тор — великий воин и мудрец, и в то же время хитрец и обжора. Возможно, что Тацит, говоря о почитании германцами Геркулеса, имел в виду именно Тора.

В позднейшие времена в верованиях германцев Тивас как верховное божество был оттеснен Воданом, или Вотинном. Но божеством сражений он стал, вероятно, уже в эпоху великого переселения народов. Римские авторы отождествляют его с Меркурием, и первоначально он был покровителем торговли, ремесел, тайного знания, а также хтоническим божеством, приводившим души умерших в иной мир. По словам М. Тодда, «в мифах, которые имели хождение в конце языческого периода, особенно у викингов Скандинавии, Водан в значительной мере оказывается в тени своего сына Одина, правителя и патриарха асгарда, царства богов. Характер Одина чрезвычайно сложен. С одной стороны он происходит от гигантов, а с другой — от Бури, сына изначальной коровы» (Тодд Малькольм. Варвары. Древние германцы. М. 2005, с. 163). Одной из главных функций Одина становится покровительство магии, мантике и поэзии, отчего его почитали своим особым покровителем скальды. В позднейших представлениях он особенно густо наделялся антропоморфными чертами, становился характерным персонажем — одноглазый седобородый высокий старик в широкополой шляпе. Это он открыл людям тайну письма. Своим врагам он способен внушать панический страх, а собственным воинам бешеную ярость в бою, превращая их в берсерков, или оборотней, не только сражающихся со свирепостью волков, но и приобретающих их облик. Одной из отталкивающих черт Одина являлась его склонность сеять вражду между родственниками и друзьями.

Богиней плодородия германцы почитали Нерту, культ которой был особенно популярен среди низших слоев общества, вынужденных заниматься нелюбимым у германских воинов земледелием. Римские писатели сближали Нерту с божеством земли. Есть очевидные параллели между ее культом и почитанием матери-земли у славян. Но у германцев было еще одно божество плодородия — сын Ньерда, имя которого сближает его с Нертой, Фрейр. Его супругой считалась Фрейя, которую античные авторы отождествляли с Венерой. Ее имя лежит в основе этимологии английского и немецкого названия пятницы — *freeday* и *Freitag*. Атрибутами божественной супружеской пары были

лошадь и кабан. Позже, с развитием культа Одина, Фрейя становится уже его супругой. Культу Фрейра также присущи хтонические черты: одним из его символов был корабль — одновременно символ изобилия, богатства и смерти — викингов погребали в сжигаемых кораблях. Тив, Тор, Вотан и Один принадлежали к числу светлых небесных богов, асов — насельников асгарда, в то время как Нерта, Ньерд, а также Фрейр со своей супругой к числу хтонических божеств — ванов. За этим разделением, возможно, скрывается дихотомия, подобная противопоставлению олимпийских и древних богов в греческих верованиях — дихотомия, имеющая этнические корни — богам победителей арийцев противопоставляются божества покоренных народов.

Судя по позднейшей скандинавской поэзии, средневековым текстам, а также фольклору германских народов, помимо богов в собственном смысле слова, германцы почитали также иные существа хотя и низшей по отношению к ним, но сверхчеловеческой природы: воинственных дев валькирий, которые уносят души погибших в сражении воинов в Валхалу, норн, которые, подобно греческим мойрам, даруют судьбу, дающих духов (Альп и Маре), великанов, которых можно сопоставить с греческими титанами, и карликов — эльфов самого разнообразного вида. «Гримм разделил различные виды эльфов на три группы: светлые эльфы (Lioesalfar), серые или бурые (Doekalfar) и черные (Svartalfar); эти последние суть карлики, живущие под землей, где они охраняют сокровища; они боятся света и часто невидимы благодаря шапке-невидимке. Есть и еще разнообразные роды эльфов и карликов, которых более или менее можно включить в те же категории: таковы земные человечки (Erdmaennchen), толстухи (Trollen), ведьмы (Truden), водяные эльфы (куколки — Muemmelchen), никсы — Nixen, непреодолимо увлекающие людей в глубину, домашние эльфы (кобольды — Kobolde), домовые — Poltergeister и между последними Puck, Rupel, Claus и проч. Некоторые карлики и эльфы лично известны из сказок: таковы Оберон, Пилвиц, Лаурин, Рюбецаль, Ганс Гейлинг... и др. Характер их часто бывает дружелюбный и приятный. Они называются тихим народом (das stille Volk), добрыми друзьями (gute Holden), мирными людьми (friedliche Leute)... светлые эльфы всегда блестящи и любезны. С другой стороны, они опасны для людей; их взгляд причиняет смерть, они крадут детей и подсовывают

на их место подкидышей; производимое ими удушье пугает спящего» (История религий, 2, с. 461–462).

Как видим, религиозный космос германцев был плотно населен. Правда, далеко не все из перечисленных здесь персонажей, зафиксированных средневековыми писателями, а в интерпретации которых они приобрели демонические черты, а также фольклористами и этнографами нового времени, бережно выявлявших и коллекционировавших языческие суеверия народа, восходят к германской древности, но общий колорит дохристианских верований германцев они отражают.

Тацит отметил отсутствие у германцев храмов: «Они находят, что вследствие величия небожителей богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом. И они посвящают им дубравы и рощи и нарекают их именами богов» (Тацит, цит. изд., с. 357). Вплоть до эпохи Карла Великого, искоренявшего языческие верования завоеванных им саксов, германцы, оставшиеся вне Церкви, собирались для совершения камланий в лесных урочищах, почитали священные деревья, а также источники.

Религиозные обряды в кругу семьи или рода совершали отцы семейства и родовые старейшины, но общественные богослужения, в которых участвовало целое племя, возглавлялись жрецами, которые хранили священные рощи, совершали жертвоприношения, председательствовали на племенных собраниях — тингах, выполняли судейские обязанности, наблюдали за предзнаменованиями, исполняли обряды гадания, подобно кельтским друидам, но германские жрецы своей профессиональной квалификацией уступали таким виртуозным знатокам религиозных законов, обрядов, преданий, богослужебных текстов, как друиды, просто ввиду того, что у германских народов мифология и ритуалы не были столь филигранно обработаны, как у кельтов, насколько об этом можно судить по имеющимся сведениям.

Жертвоприношения, в том числе человеческие, совершались в священных рощах, а также во время войны прямо на поле битвы. Известно, что кимвры после одержанной победы подвергали уничтожению все захваченные трофеи, заодно с пленниками: их они вешали, захваченных коней, золото и другие награбленные ценности топили в реке, одежды разрывали на клочья. Археологические находки подтверждают достоверность сообщений древних авторов о подобных обрядах. На севере германского мира,

где и обитали кимвры, в болотах Дании и Шлезвиг-Гольштейна, обнаружены целые арсеналы потопленного оружия. Совершителями жертвоприношений у этого народа были не только жрицы, но и жрицы. Впечатляющее описание подобных жертвоприношений составил Страбон: «У кимвров существует такой обычай: женщин, которые участвовали с ними в походе, сопровождали седовласые жрицы-прорицательницы, одетые в белые льняные одежды, прикрепленные (на плече) застежками, подпоясанные бронзовым поясом и босые. С обнаженными мечами эти жрицы бежали через лагерь навстречу пленникам, увенчивали их венками и затем подводили к медному жертвенному сосуду вместимостью около 20 амфор; здесь находился помост, на который восходила жрица и, наклонившись над котлом, перерезала горло каждому поднятому туда пленнику. По сливаемой в сосуд крови одни жрицы совершали гадания, а другие, разрезав трупы, рассматривали внутренности жертвы и по ним предсказывали своему племени победу. Во время сражений они били в шкуры, натянутые на плетеные кузова повозок, производя этим страшный шум» (Страбон, цит. изд., с. 269).

По Тациту, излюбленный способ гадания у других германских племен не был столь inferнальным, как у кимвров. С особым доверием германцы относились к храпу и ржанию священных белых коней, предвещавшим успех или неудачу задуманного предприятия. Для гаданий германцы употребляли также разломанные на куски ветки фруктовых деревьев, на которые наносились особые знаки. Такими знаками были буквы рунического письма. Рунический алфавит, или футарк, хорошо известен: он включал 24 буквы, начертания которых были заимствованы у этрусков, вероятно, на рубеже II и I столетий до Р. Х., и впоследствии своеобразно трансформированы. Хотя обнаружено немало записей с руническим письмом, нет оснований говорить о существовании древнегерманской литературы. Известные записи предельно лаконичны, и представляют собой либо votивные посвящения богам, обращенные к ним молитвенные воззвания о помощи, либо заклятия, либо, наконец, набор букв, каждая из которых имела свое название, вроде *terkana* (березовый прут), *uruz* (зубр) или *tivaz* (бог Тивас) и комбинация таких букв могла интерпретироваться как своего рода оракул.

По словам Тацита, похороны у германцев «лишены всякой пышности; единственное, что они соблюдают, это — чтобы при

сожжении тел знаменитых мужей употреблялись определенные породы деревьев. В пламя костра они не бросают ни одежды, ни благовоний; вместе с умершим предается огню только его оружие, иногда также и его конь. Могилу они обкладывают дерном. У них не принято воздавать умершим почет сооружением тщательно отделанных и громоздких надгробий, так как, по их представлениям, они слишком тяжелы для покойника» (Тациит, цит. изд., с. 364). Эта характеристика вполне подтверждается археологическим материалом. Пепел кремированного помещался в керамическую или, реже, в бронзовую урну, которую опускали в обычную яму, никак не обозначая место могилы, либо обкладывали камнями — это так называемые каирны, либо над урной насыпали низкий земляной курган. Гораздо реже практиковали вместо кремации ингумацию, заимствованную, возможно, у кельтов, хотя ареалы, где особенно часто находят несожженные останки погребенных германцев, расположены не в местах соприкосновения с кельтскими народами: в Померании, Ютлании и Скандинавии. В некоторых из раскопанных могил тела покойников лежали в выдолбленных дубовых гробах на саване из коровьей шкуры. Судя по обнаруженным возле них не только керамическим, но и бронзовым и даже, несомненно, импортированным стеклянным сосудам — кубкам для вина, по бронзовым украшениям, накладкам для поясов, это были останки знатных воинов, возможно, племенных королей или вождей. Рядом с останками некоторых покойников найдены были только шпоры, вероятно, это были могилы дружинников.

Из литературных источников известно, что иногда вместе со знатными германцами погребали не только коня, но и специально для этого умерщвленных рабов. Существовал у древних германцев и обычай, известный в Индии под названием сари, когда вдова добровольно уходила из жизни вслед за своим умершим мужем. Погребение завершалось тризной, в которой, в зависимости от знатности и славы покойника, участвовали его ближайшие родственники и друзья, весь род или целое племя.

Характеризуя генезис и эволюцию религиозных верования германцев, сложившихся из трех этнических и культурных элементов, немецкий историк Э. Вале писал: «Старые демоны природы постепенно приобретают человеческие свойства и таким образом становятся богами, которые со временем чаще встречаются уже в виде изображений. И тогда происходит

взаимопроникновение и переплетение религии доземледельческого народа с религиями народа культуры плуга и индогерманцев» (Wahle Ernst. Ur- und Fruegeschichte im mitteleuropaeischen Raum. — Gebhardt Bruno. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 1. Stuttgart, 1954, S. 52).

Тацит с нескрываемым восхищением, может быть, преувеличивая ради обличения развращенного римского общества, пишет о чистоте семейных нравов германцев, о верности жен, о целомудрии девушек и юношей, которые вступали в брак не ранее, чем отличатся на войне и тем обнаружат свою совершенную физическую и духовную зрелость: «Браки у них соблюдаются в строгости, и ни одна сторона их нравов не заслуживает такой похвалы, как эта. Ведь они почти единственные из варваров довольствуются, за очень немногими исключениями, одною женой... Приданое предлагает не жена мужу, а муж жене... То должны были быть быки, взнузданный конь и щит с фрееей (копьем — *В. Ц.*) и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен отдаривает мужа каким-либо оружием; в их глазах это наиболее прочные узы, это (и тут Тацит, презиравший ослабленные нравы своих жалких на его взгляд современников римлян, переходит к патетическому тону — *В. Ц.*) священные таинства, это — боги супружества. У столь многочисленного народа прелюбодеяния крайне редки; наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне; и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа» (Тацит, цит. изд., с. 361).

Нередко неверных жен убивали обиженные мужья, или их убивали по судебному приговору, топя в болоте. Можно также предполагать, что опозоренные жены в иных случаях прибегали к самоубийству. Казню или самоубийством могла заканчиваться и жизнь девушки, утратившей добрачное целомудрие. М. Тодд рассказывает: «На многих женских телах, найденных в северных торфяных болотах, сбиты волосы, — в некоторых случаях — только с одной стороны. Один красноречивый пример — четырнадцатилетняя девушка из Виндебу в датском Шлезвиге. Она была найдена в яме на торфяном болоте обнаженной: на шее у нее был кожаный ошейник, а на глазах — узкая повязка. Белокурые волосы девушки на левой стороне головы были

обриты почти наголо, на другой — коротко острижены до длины примерно пять сантиметров» (Тодд, цит. изд., с. 44), так что у пресловутой тацитовской чистоты германских семейных нравов была и своя неизбежная обратная сторона медали. Древнегерманская семья носила патриархальный характер, но в ней имелаась и черта, подчеркивающая особое значение родства по материнской линии. Дядя по матери считался более близким родственником, чем по отцу. В заложники иногда предпочитали брать не родного сына, но племянника от сестры, защита которого почиталась священной обязанностью, поэтому такой залог считался более надежным, чем если бы заложником был даже родной сын.

О детях Тацит писал, очевидно, не без преувеличения: «В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рожденных ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам» (Тацит, цит. изд., с. 362).

Основной социальной ячейкой древних германцев был род, который включал до сотни или более родственников, происходивших от одного родоначальника. По большей части, германцы селились родами. Сохранившиеся до наших дней в Германии топонимы с окончанием на *ingen*, вроде современных городов Ройтлинген, Тюбинген, Зигмаринген, подобно славянским Боровичи, Жировичи, Ивацевичи, особенно часто встречающимся в Белоруссии, произошли от родового прозвища. Род обеспечивал безопасность человеку, и главным средством ее ограждения, как и у иных патриархальных народов, была кровная месть. Этот обычай удерживал руку потенциального убийцы от убийства в припадке безотчетного гнева. При этом в большинстве случаев родовые счеты разрешались вирами — выплатой компенсации за убийство сородичам жертвы: быками, конем, мечом, серебряными или бронзовыми изделиями, возможно, также монетами римской чеканки. Властью в роде было собрание всех взрослых мужчин, в каждом роду был также старейшина, который в менее важных случаях судил сородичей, а также отдавал распоряжения по делам, не требовавшим общего согласия.

Роды, как и всюду у народов, стоявших на предгосударственной ступени развития, объединялись в племена. У римских

авторов они именуются *ragi*. В отдельных случаях племенем становился разросшийся род, так что соплеменники являлись одновременно и дальними сородичами, в других — это было объединение нескольких соседних родов, при существовании фикции происхождения от общего родоначальника, порой соплеменники знали об отсутствии между ними патриархального родства, хотя они все равно при этом были породнены брачными узами между супругами, принадлежавшими к разным родам, не связанным общим происхождением. Существовали среди германцев и такие племена, которые образованы были в результате ассимиляции негерманских по происхождению — кельтских, славянских, балтских, иллирийских, венетских родов или целых племен, не говоря уже о палеоевропейских автохтонах с их последующей германизацией, подобно тому как кельтоязычные белги за Рейном хорошо помнили о своем германском происхождении — конечно, и тут имел место симбиоз германцев с действительными кельтами — откуда бы иначе возникло их кельтоязычие: бриты знали о своем ближайшем родстве с белгами, хорошо понимали друг друга, а они были несомненными кельтами по языку.

Высшим органом власти в племени являлось народное собрание — тинг, в котором могли участвовать все взрослые мужчины. На тинг они приходили вооруженными, и свое одобрение принимаемым решениям выражали, размахивая поднятыми фрамеями, а неодобрение — шумным негодованием. На таком собрании председательствовал и следил за порядком племенной жрец. Собрания созывались в определенные дни, а также по необходимости, в особенности если надо было решать вопрос о войне и мире. Слово на тинге брали по очереди: первым — король племени, затем родовые старейшины, в последовательности, обусловленной их возрастом, знатностью, боевой славой.

На тинге вершился суд по особенно важным делам как тяжбым, так и уголовным. По самым тяжким преступлениям приговаривали к смерти: предателей и перебежчиков к врагу вешали, трусость и содомитские уклонения от принятой сексуальной морали карались утоплением в болоте, при этом тела утопленных забрасывали валежником. Археологические находки, сделанные в болотах северной Германии, подтверждают сведения, почерпнутые у Тацита, который, рассуждая о видах казни по разным преступлениям, замечает: «Различие в способах

умерщвления основывалось на том, что злодеяние и кару за них должно, по их мнению, выставлять напоказ, а позорные поступки — скрывать» (Тацит, цит. изд., с. 358). Но возмездием за большую часть преступлений были штрафы, или виры, особенно часто в виде коров. При этом часть виры поступала пострадавшим, а часть всему племени, королю или жрецу.

Дела, выносимые на тинг, предварительно рассматривались советом старейшин, своего рода сенатом. Некоторые дела решались им окончательно. Главой племени являлся король, у Тацита *rex*, собственно царь, но ввиду генетической связи тацитовских племенных рексов с западноевропейскими королями феодальной эпохи такой перевод представляется более уместным, тем более что собственно германское их титулование *kunpig* (английское — *king*, немецкое — *Koennig*, скандинавское — *konung*) соответствует русскому «король», которое, впрочем, этимологически выросло из имени Карла Великого, подобно тому как русское «царь», или «цесарь» из имени Цезаря. Наследственность его власти, как и у кельтов, заключалась не в переходе ее от отца к сыну или иным твердо установленным порядком, но в том, что новый король избирался племенным собранием из сородичей умершего правителя, в самом же избрании руководствовались достоинствами кандидата, главным образом, воинскими, а отнюдь не степенью его родственной близости к предшественнику. Таким образом, внутри племени существовали более или менее знатные роды, и самый знатный среди них — своего рода правящая династия. Из позднейшей эпохи известно, что в племенном союзе франков правил род Меровингов из клана, или маленького племени сигамбров. Вообще, крупные племена состояли у германцев, очевидно, не прямо из родов, а из кланов, подобных греческим фратриям или вайнахским тейпам. В то же время существовали как временные и недолговечные союзы племен, так и устойчивые союзы — по большей части, за такими этнонимами как батавы, хавки, херуски, маркоманы, готы, вандалы стоят не отдельные племена, но устойчивые племенные союзы.

Король представлял племя в сношениях с другими племенами и народами, выполнял роль главнокомандующего народным ополчением, возможно, также имел судебские и сакральные полномочия. Таким образом, его положение в племени решительно отличалось от статуса эллинистических и восточных царей.

Король мог возглавлять как племя, так и союз племен, если он носил прочный характер.

А вот на время военных действий одно племя или, чаще, союз племен избирал временного полководца — вождя, у Тацита *dux*, на древневерхненемецком — *herizogo* (буквально, вождь войска), отсюда герцог. Хотя власть такого вождя обычно носила лишь временный характер, но часто она распространялась на более обширный круг зависимых, чем регулярная королевская власть, резко отличаясь от нее отсутствием сакральности. Утрачивая положение вождя, *herizogo*, военачальник сохранял свою дружину — нередко многочисленность и воинская слава дружины как раз и служила главным основанием для избрания ее предводителя вождем. Таким вождями были предводитель союза свевских племен Ариовист, позже Арминий, уничтоживший римские легионы в Тевтобургском лесу, а полстолетия спустя носивший латинское имя и состоявший на римской службе, но поднявший мятеж против Рима батав Цивилис. Вождями племенных союзов иногда становились короли отдельных племен; случалось и так, что вожди, не имевшие королевского происхождения, провозглашались впоследствии королями. Самым знаменитым из подобных королей был предводитель маркоманского племенного союза современник Арминия Марбод, который начал воинскую карьеру в Риме, потом, на родине, возглавил маркоманов, вступил в союз с другими племенами, подчинившимися ему, воевал с Арминием и Римом, но, потерпев поражение при Тиберии, был оставлен союзниками, а потом и соплеменниками и эмигрировал в Италию, где и умер в Равенне в 41 г. от Р.Х.

Саму эту дружину (по-латыни — *commitatus*, дружинники *comites*) составляли воины, выделявшиеся боевым мастерством и храбростью. Включаясь в дружину, они, в отличие от других своих соплеменников, которые воинами были на войне, а затем возвращались к мирной жизни с ее земледельческими или скотоводческими трудами, а некоторые к занятием ремеслами, мирной трудовой жизни решительно избегали, похуже, презирали труд как занятие недостойное мужчины, предавались боевым упражнениям, не пренебрегали грабительскими набегами в отсутствие войны, и подталкивали своих предводителей к войне; нередко они переходили от одного предводителя к другому, игнорируя при этом свою и его племенную принадлежность. От своего вождя дружинники имели стол, боевого коня,

воинское снаряжение, необходимое для жизни имущество, подарки, от него они получали свою долю награбленного или воинских трофеев. Часто дружинниками становились изгои общества, преступники, вынужденные бежать от своих сородичей или соплеменников, но постепенно именно они становились новой, не родовой, но дружинной знатью, и с этим именно слоем германского общества самым прямым образом связан позднейший феодальный класс.

Об оружии германцев и их боевой тактике Тацит писал так: «Редко кто пользуется мечами и пиками большого размера; они имеют при себе копья, или, как сами они называют их на своем языке, *фрамеи*, с узкими и короткими наконечниками, однако настолько острыми и удобными в бою, что тем же оружием, в зависимости от обстоятельств, они сражаются как издали, так и в рукопашной схватке. И всадник также довольствуется щитом и *фрамеей*, тогда как пешие, кроме того, мечут дротики, которых у каждого несколько, и они бросают их поразительно далеко, совсем нагие или прикрытые только легким плащом. У них не заметно ни малейшего стремления щегольнуть убранством, и только щиты они расписывают яркими красками. Лишь у немногих панцири, только у одного-другого металлический или кожаный шлем. Их кони не отличаются ни красотой, ни резвостью. И их не обучают делать повороты в любую сторону, как это принято у нас: их гонят либо прямо вперед, либо с уклоном вправо, образуя настолько замкнутый круг, чтобы ни один всадник не оказался последним. И вообще говоря, их сила больше в пехоте; по этой причине они и сражаются вперемешку; пешие... так стремительны и подвижны, что не уступают в быстроте всадникам... Боевой порядок они строят клиньями... Тела своих они уносят с собою, даже потерпев поражение. Бросить щит — величайший позор., и многие, сохранив жизнь в войнах, покончили со своим бесславием, накинув на себя петлю» (Тацит, цит. изд., с. 356). На конях бились дружинники и выходцы из знатных родов, свободные простолудины сражались пешими.

В германском обществе присутствовал и несвободный элемент — рабы, хотя он был малочисленным, и пополнялся исключительно за счет плена. В отличие от рабов античного мира, невольники у древних германцев обыкновенно жили в собственных домах, вели собственное хозяйство, часть продукции

которого, будь то урожай, мясо или кожи домашних животных, а также иногда ремесленные изделия, они отдавали своим владельцам. Таким образом, по своему экономическому положению они напоминали скорее римских колонов или арендаторов, чем рабов, но в отличие от колонов, они не имели личной свободы, и их владельцы могли по собственному усмотрению предать их смерти. Хозяйственное значение рабства у германцев было ничтожным. В рабах не было экономической нужды, поскольку производственная деятельность имела крайне ограниченные масштабы. С домашней работой справлялись женщины, размеры пахоты были мизерными: народ не имел расположения к земледелию, которое, возможно, оставалось уделом потомков доарийского населения Германии, не до конца ассимилировавшегося с пришельцами и завоевателями, скот разводили по-домашнему, в ограниченном числе голов, и с уходом за ним справлялась семья.

У германцев не было не только городов, но и больших полугородских поселений, подобных галльским оппидумам. Селились семейными хуторами или деревнями. Жители такой деревни либо составляли род или часть рода, либо это была соседская община — марка, родственные отношения внутри которой устанавливались через браки. На территории Германии и скандинавских стран распаны поселения хуторского типа и целые деревни разной планировки: в одних дома выстраивались в один ряд или в несколько параллельных рядов, в других они располагались по кругу или составляли дугу, в некоторых дома строились в свободном беспорядке. Некоторые из поселений окружены заборами из частокола, которые не имели оборонительного значения, но защищали жителей и скот от диких зверей, а также препятствовали домашним животным уходить в лес.

Жилищами служили просторные дома каркасного типа с двускатной крышей, либо полуземлянки. Рядом с жилыми строениями ставились амбары на сваях, устраивались хлевы для скота, погреба, ямы-хранилища, большие печи, возможно, предназначенные для обжига керамических изделий или кузнечных работ. С археологическими данными вполне согласуются сведения, которые сообщает Тацит: «Свои деревни они размещают не так, как мы, и не сгущают теснящиеся и лепящиеся одно к другому строения, но каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок, то ли, чтобы обезопасить себя от пожара,

если загорится сосед, то ли из-за неумения строиться. Строят же они, не употребляя ни камня, ни черепицы; все, что им нужно, они сооружают из дерева, почти не отделявая его и не заботясь о внешнем виде и о том, чтобы на него приятно было смотреть. Впрочем, кое-какие места на нем они с большой тщательностью обмазывают землей, такой чистой и блестящей (глиной разных цветов — *В. Ц.*), что создается впечатление, будто оно расписано цветными узорами. У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму и для хранения съестных припасов» (Тацит, цит. изд., с. 360).

Жилища германских простолюдинов обставлены были самой примитивной мебелью, образцы которой как раз ввиду ее дешевизны и непрочности не сохранились. Обнаруженные при раскопках изделия принадлежали, очевидно, знати. Германцы пользовались кроватями, столами, стульями — в отличие от классических народов, германцы, как и современные европейцы, пищу вкушали, сидя на стульях, лавках или табуретках, а не полулежа. В самых богатых домах могли храниться драгоценные вещи, импортированные из Римской империи: роскошные ковры и гобелены, вазы, серебряная и даже золотая посуда, стеклянные сосуды, которые в ту пору ценились высоко. Простолюдины в быту употребляли в основном керамическую и деревянную посуду, а также сосуды, сделанные из рога. Но в качестве военных трофеев и в дома простых германцев могли попадать железные, бронзовые и даже серебряные изделия.

По Тациту, верхнюю одежду германцев составлял «короткий плащ, застегнутый пряжкой, а если ее нет, то шипом. Ничем другим не прикрытые, они проводят целые дни у разожженного очага огня» (Тацит, цит. изд., с. 360). Такие короткие плащи, сагумы, спереди не достающие даже до талии, своего рода пелерины, известны и по римским рельефам с изображениями германцев, особенно на колонне Марка Аврелия. Но слова о том, что германцы могли ничем другим не покрывать свое тело представляются карикатурным преувеличением. Они носили рубаху, или тунику, чаще всего из шерсти, с рукавами или без рукавов, опускавшуюся до колен, и, во времена Цезаря и Тацита, также заимствованные ими, как и кельтами, у иранских кочевников штаны, только не свободного покроя, но ввиду относительной прохлады климата, тесно обтягивающие ноги и доходившие

либо до колен — своего рода бриджи, или до ступней. Германские женщины, в отличие от скифских или сарматских, штанов не носили, вместо них они надевали шерстяные юбки, одевались в платье до пят, сшитое в виде мешка с капюшоном, но приобретавшее элегантный вид, когда его подпоясывали, носили длинные и широкие шарфы или шали. Помимо шерстяных и льняных одежд, германцы шили одежду из коровьей, свиной или овечьей кожи, а также из шкур диких животных — волков и медведей. Обувь германцев изготавливалась из дерева или из кожи, грубой либо отлично выделанной, которая, скорее всего, импортировалась с юга.

Самым главным украшением на одежде была железная или бронзовая пряжка, или фибула, иногда изящной работы. Кожаные мужские и женские пояса могли украшаться бронзовыми пряжками, а также бронзовыми или серебряными накладками. Германцы носили также браслеты и бусы, ожерелья в виде железных, золотых или серебряных цепей.

По Тациту, германцы питались «дикорастущими плодами, свежей дичиной, свернувшимся молоком... без всяких затей и приправ» (Тацит, цит. изд., с. 363). Но это, конечно, не весь ассортимент. Разводя скот, они, конечно, ели и мясо домашних животных, в особенности свинину. Возделывая поля, германцы употребляли в пищу пшеничный и ржаной хлеб. О питании древних германцев, как пишет М. Тодд, можно судить и по такому «жуткому, но удивительно интересному источнику, как внутренности людей, чьи тела были обнаружены в торфяных болотах севера... Желудок и кишечник знаменитого «человека из Толлунда» дали необыкновенно подробную информацию о последнем обеде несчастного, который он съел (и отчасти переварил) меньше чем за день до гибели. Обед состоял в основном из сваренной каши из ячменя, льняного семени и горца с семенами других сорняков, которые обычно растут на полях. Мяса или фрагментов костей обнаружено не было» (Тодд, цит. изд., с. 101). Исключительно вегетарианский стол этой и других подобных жертв, ученый объясняет тем, что их «последняя еда... была по сути своей жертвенной, но в то же время она могла быть и достаточно типичной для северных германцев» (Тодд, цит. изд., с. 102). Германцы, жившие по берегам моря, употребляли в пищу морскую рыбу: селедку, треску, лосося. В реках и озерах ловили пресноводную рыбу. В лесах добывали орехи, ягоды,

дикорастущие яблоки и груши, о садовых фруктовых деревьях в Германии времен Тацита ничего не известно, из овощей выращивали только горох и бобы.

Любимым напитком германцев было ячменное или пшеничное пиво, которое они, по Тациту, потребляли в непомерном количестве, так что в дни праздности, которых у них было больше, чем трудовых будней, они предавались необузданному пьянству, сопровождавшемуся спорами, ссорами, которые часто вспыхивали из-за того, что один из участников пиршества выражал сомнения в действительности героических подвигов хваставшегося сородича или гостя. Споры выливались в драки и нередко смертоубийства, улаживаемые вирами, в противном же случае включавшими механизм кровной мести. Употреблялись и другие алкогольные напитки: перебродивший мед или ягоды; знатные и состоятельные германцы, в особенности из тех, кто проживал вблизи лимеса, пили и импортное вино, но о страсти к нему, подобной той, что владела галлами, в Германии неизвестно.

Средства существования германцы добывали скотоводством и земледелием, охотой и рыболовством, а также войной, в несравненно меньшей мере ремеслами. Во времена Цезаря и Тацита земля у германцев находилась в собственности родовых или соседских общин, и ежегодно она перераспределялась между семьями. При этом пахотную землю оставляли под пар, а землю, отдохнувшую под паром, запахивали. Когда же плодородность обрабатываемой земли резко снижалась, ее вовсе оставляли на многие годы или навсегда, выжигали новый участок леса и расчищали его под пахоту. В земледелии использовали соху, или рало, плуг, который достался германцам в наследство от земледельцев неолита, покоренных и затем ассимилированных скотоводческим полуоседлым народом, какими были пришедшие в Центральную Европу носители индоевропейского языка. Во времена Цезаря и Тацита взрослые и сильные мужчины не занимались земледелием, предоставляя пашню женщинам, старикам и маломощным и болезненным людям, предпочитая ухаживать за скотом, охотиться и воевать.

Скотину выпасали на лесных полянах, что не позволяло держать многочисленные стада, подобные тем, какими владели в Передней Азии. В ночное время, а зимой также и днем животных держали в хлеву, скотные самки в последние дни перед окотом, а после окота заодно с телятами, ягнятами и поросятами

находились в отапливаемых жилых помещениях вместе с людьми. Отапливаемый хлев был роскошью, доступной лишь состоятельным хозяевам. Скот искони у германцев находился в частной, или семейной собственности, служил меновым товаром, был главным средством выплаты всякого рода штрафов, или вири, особенно часто применявшихся для предотвращения родового мести.

Приведенная здесь характеристика сельского хозяйства германцев носит самый обобщенный характер; в зависимости от регионов, их близости или удаленности от Римской империи, в зависимости от близости к морю, от климата наблюдались специфические черты в хозяйстве. Так, в Скандинавии, а также на побережье Северного моря и Балтики земледелие играло несравненно меньшую роль в хозяйстве, чем по берегам Рейна в его среднем течении. На склонах гор в сравнении с долинами выросло значение скотоводства. На морском побережье рыболовство составляло важную отрасль хозяйства, оттеснявшую другие его виды на второй план.

На рубеже эр ремесленное производство у германских народов по своему техническому и художественному качеству, за исключением керамики с ее изредка встречающимися оригинальными антропоморфными и зооморфными орнаментами, уступало более ранней индустрии Ла-Тен и даже Гальштада, и оно обнаруживало очевидную зависимость от ремесла и искусства кельтов, так что лучшие изделия, найденные в местах расселения германских племен, будь то оружие, фибулы, бронзовая или серебряная посуда, представляют собой либо кельтский импорт, либо копии кельтских образцов. Характерной чертой германского оружия — мечей, наконечников копий, щитов — являются нанесенные на них магические знаки, часто в виде рунического письма.

О численности германцев в эпоху земной жизни Христа можно делать лишь самые гипотетические заключения, но, судя по несравненно меньшей плотности населения Германии, тем более Скандинавии, в сравнении с Галлией, Испанией и Италией, она едва ли превышала 6 миллионов, при этом германское население Скандинавского полуострова, а также численность восточных германцев, переселившихся с севера на континент, могла составлять по одному миллиону, 3 миллиона человек насчитывали западногерманские племена, и совершенно условно

эту численность населения можно разделить поровну между эрминонами, ингевонами и свободными истевонами, обитавшими на правом берегу Рейна. Еще один миллион германцев мог находиться в пределах Римской империи, к западу от Рейна и к югу от Дуная.

Соседями восточногерманских племен в нижнем течении Вислы, на ее правом берегу, были балты, известные во времена Тацита с единственным этнонимом «эстии», который позже перешел к финоязычному народу — современным эстонцам. Самым вероятным объяснением такого перехода может быть покорение финоязычного народа действительными эстиями, которые дали ему свое имя, но со временем завоеватели были в языковом отношении ассимилированы автохтонами, то есть имел место процесс, аналогичный тому, что связан с тюркским этнонимом славянского народа болгар. Несомненно, что название эстии не могло относиться ко всем вообще балтским народам, в то же время можно предполагать, что оно распространялось на несколько племен, поскольку античные авторы лучше всего знали балтов, обитавших на крайнем западе их ареала, в Западной Пруссии, а современные эстонцы могли перенять свое имя от ближайших соседей балтов, следовательно, этноним «эстии» присутствовал и на севере современной Латвии, далеко отстоящей от Пруссии.

Писатель II века от Р. Х. Птоломей упоминает еще два балтских этнонима: судинов и галиндов, обитавших на территории Пруссии. Как пишет М. Гимбутас, «спустя много столетий судовяне и галиндяне продолжали упоминаться в перечне прусских племен под этими же названиями. В 1326 году Дунисбург, историограф Тевтонского ордена, пишет о десяти прусских племенах, включая судовитов (судовян) и галиндитов (галиндян)» (Гимбутас Мария. Балты. Люди янтарного моря. М. 2004, с. 27). «Повесть временных лет» и более поздние русские источники упоминают народ под названием «голядь», обитавший выше реки Протвы, между Можайском и Гжатском. «Лингвистически, поясняет Гимбутас, — славянская форма «голядь» происходит от древнепрусского «галиндо» (Гимбутас, цит. изд., с. 31).

Действительно, вся территория, населенная балтоязычными народами на рубеже эр, выходила далеко за границы прибалтийского региона. В ту пору балты занимали приблизительно тот же ареал, что и тысячелетием раньше: от Вислы и балтийского

побережья до верховьев Волги и Оки, включая всю Белоруссию и даже украинское Полесье. Гимбутас очерчивает границы этого ареала, опираясь на топонимические, и главным образом, наиболее архаические и устойчивые гидронимические данные, заимствованные ею из проделанных ранее исследований литовского лингвиста Буга, русских филологов М. Фасмера, В. Топорова, А. Серебренникова, О. Трубачева. К балтским корням восходят названия рек Истра, Угра, Жиздра, Нара, Десна и даже Волга. «Вероятно, — пишет Гимбутас, — название реки Волги восходит к балтийскому *jilga* — длинная река» (Гимбутас, цит. изд., с. 36).

Тацит писал об эстиях, что их «обычаи и облик... такие же, как у свебов, а язык ближе к британскому» (Тацит, цит. изд., с. 372). Едва ли балтские языки ближе к кельтским, чем к германским, но во всяком случае историк, который, конечно, языка эстиев не знал, этим утверждением отметил его отличие от германских языков. «Эстии, — продолжал он, — поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей... Меч у них редкость; употребляют же они чаще всего дреколье. Хлеба и другие плоды земные выращивают они усерднее, чем принято у германцев с присущей им нерадивостью» (Тацит, цит. изд., с. 372). Главным богатством эстиев был янтарь, и по словам Тацита, «они обшаривают и море и на берегу, и на отмелях единственные из всех собирают янтарь, который сами они называют глезом... У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него цену» (Тацит, цит. изд., с. 372).

Соседями балтов с юга и запада были славяне. Этот этноним, равно как и другой, который также впоследствии принадлежал славянским племенам, — анты, не зафиксирован литературными памятниками I столетия от Р. Х., но у Тацита уже упоминаются венеды, в ту пору и позже несомненно славяне, хотя ранее этот этноним принадлежал особой ветви индоевропейской семьи, впрочем, некоторые авторы и отождествляют древних венетов с иллирийцами или италиками. Немцы, особенно в Австрии, и по сей день в быту виндами называют словенцев. Переход этнонима от действительных венетов к славянам произошел, очевидно, в ареале лужицкой культуры, носители которой, венеты, были ассимилированы разными соседними народами, но в основном

славянами. Однако во второй половине I тысячелетия до Р. Х. на территорию лужицкой культуры с севера и запада продвинулись германцы, после чего сохранившееся там присутствие славян носило уже дисперсный характер.

Основная масса славян, отступив с запада на восток — в междуречье Одера и Вислы в их верхнем и среднем течении, заняла территорию, приблизительно совпадавшую с их первоначальным очагом, с их прародиной — ареалом более ранней тишинецкой культуры. В Богемии, куда славяне ранее проникли через Судеты, они обитали в соседстве с остатками еще оставшихся там кельтов — бойев и с вторгшимися туда германцами — маркоманами. Но если версия М. Гимбутас и Б. Н. Рыбакова об интенсивном присутствии славян в I тысячелетии до Р. Х. в бассейне Припяти, в верховьях Днестра, на правом берегу Днепра, и даже, если следовать за Б. Н. Рыбаковым, на его левобережье, что предполагает славянскую атрибуцию комаровской и более поздних чернолеской и белогородовской культур, представляется мало обоснованной, то на рубеже эр славяне действительно продвинулись далеко на восток, заняв территорию восточного Прикарпатья, Галиции, Волыни, Полесья и среднего Приднепровья, вклинившись между ареалами расселения балтов и кочевников-сарматов. При этом по Днестру они соседствовали с фракийцами, по левому берегу Припяти и в Приднепровье — с балтами. Вполне вероятно также дисперсное присутствие славянских поселений по берегам Прута, Днестра, Днепра и их притоков в их нижнем течении, где по бескрайним степным просторам кочевали сарматские племена.

Тацит писал о венедах, как о соседях обитавших по берегам нижнего Дуная бастарнов, или певкинов, чья принадлежность к германскому миру вызывала у него сомнения, вероятно, напрасные: «Отнести ли певкинов, венедов и фенов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и фенами. Однако их скорее можно отнести к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой;

все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне» (Тацит, цит. изд., с. 372–373).

Археологические культуры конца II и начала I тысячелетия до Р.Х., которые соотносятся с местами расселения славян, представляют собой поздние варианты культуры «полей погребальных урн», некогда общей для народов западной ветви индоевропейцев, — это пшеворская в центральной Европе, приблизительно совпадающая с ареалом более древней лужицкой культуры, а также родственные ей липицкая в верхнем Приднестровье и зарубинецкая, локализуемая в бассейне Припяти, а также на правом и левом берегах Днепра в его среднем течении, по берегам Десны, Сейма и Сожа. Поселения славян-зарубинцев ставились на высоких и крутых берегах рек или оврагов. В их раскопках найдены железные серпы, мотыги, топоры и наконечники стрел, а также рыболовные крючки и остроги. Зарубинцы обрабатывали землю мотыгами, разводили скот, ловили рыбу.

М. Гимбутас в книге «Балты. Люди янтарного мира» писала: «Спокойная жизнь восточнобалтийских племен в бассейне Днепра была нарушена во II веке до н.э. появлением зарубинцев, возможно, являющихся славянами (название «зарубинцев» происходит от раскопанного в 1899 году Зарубинецкого кладбища, расположенного к югу от Киева, на берегу Днепра). Носители этой культуры заняли земли, принадлежащие носителям милоградской культуры, расположенные вдоль реки Припять, в верховьях Днепра и его притоков, а также южные территории, заселенные носителями культуры гладкой керамики. Зарубинцы были земледельцами, с такой же культурой, как у восточных балтов, но археологические находки в их поселениях резко отличаются от таковых древнего населения. Поселения зарубинцев были большего размера, они жили не в землянках, а в домах... Их урновые поля резко отличаются от ингумационных и кремационных могил в горшках или курганах, принятых у милоградцев. Зарубинецкие урны и другие горшки хорошо обожжены, имеют выраженный угловой профиль, часто снабжались ручками и украшались орнаментом, расположенным вокруг горлышка...Чаще всего в могилах находят фибулы, соотносящиеся со средним и поздним латенским типом Центральной Европы» (Гимбутас, цит. изд., с. 111–112).

В написанной позже книге «Славяне. Сыны Перуна» М. Гимбутас уже склоняется к отрицанию славянского характера

зарубинецкой культуры: «В. Я. Кухаренко доказал, — пишет она, — что зарубинецкий комплекс не имеет ничего общего с культурой, существовавшей в данном регионе на протяжении скифской или в доскифскую эпоху, то есть с культурой скифов-земледельцев и Чернолесья. Генетически он может быть соотнесен только с померанской группой» (Гимбутас, цит. изд., с. 80). Но как раз несходство зарубинецкой культуры с более ранней чернолеской и культурой скифов-пахарей, которых М. Гимбутас и Б. Н. Рыбаков опростетчиво отождествляли с праславянами, делает более вероятной принадлежность зарубинецкой культуры проникшим на восток, в стык ареалов балтов и иранских племен славянам, тем более что более поздняя померанская культура, относящаяся к IV и V векам от Р. Х., распространившаяся с севера почти по всей Польше принадлежала не западным балтам, как предполагает М. Гимбутас (см. Гимбутас, цит. изд., с. 79), а западным славянам.

Большую часть Восточной Европы: от севера Скандинавского полуострова и современной Эстонии до Урала, и уже в Азии — до бассейна Оби, от Ледовитого океана до границы лесостепи со степью к востоку от верховьев Оки, населяли финно-угорские племена — Тацитовы «фенны», соседствуя с балтами на западе приблизительно по линии, ведущей от Углича до Москвы и далее до Орла, и с сарматскими племенами на юге своего обширного ареала. Их образ жизни Тацит характеризует не без полупрезрительного — полувосхищенного удивления перед его примитивностью: «У фенов — поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища — трава, одежда — шкуры, ложе — земля; все свои упования они возлагают на стрелы, на которые, из-за недостатка в железе, насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду сопровождают своих мужей и притязают на свою долю добычи. И у малых детей нет другого убежища от дикого зверя и непогоды, кроме кое-как сплетенного из ветвей и доставляющего им укрытия шалаша; сюда же возвращаются и фены зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых. Но они считают это более счастливым уделом, чем изнурять себя работою в поле и трудиться над постройкой домов... Беспечные по отношению к людям, беспечные по отношению к богествам, они достигли самого трудного — не испытывать

нужды даже в желаниях» (Тацит, цит. изд., с. 373). Тацит преувеличивает культурную примитивность современных ему угрофинских племен. Так, фины Прикамья и Приуралья, где локализуется Ананьинская культура, вероятные предки современных удмуртов и коми, употребляли железо и занимались не только охотой и рыболовством, но и земледелием.

Южнорусские степи от Урала до Карпатских гор и нижнего Дуная, как и в эпоху Геродота, населяли кочевые и полукочевые ираноязычные племена, но уже не скифы, а сарматы, среди которых на рубеже эр доминировали аланы, которые позже, ко времени вторжения на их земли гуннов, подчинили себе все другие сарматские племена. Некоторые из сарматских племен постепенно переходили к оседлому образу жизни, и помимо скотоводства, занимались земледелием. Передовые отряды сарматов через Карпаты проникли в бассейн среднего Дуная и Тисы, а также в северное польское Прикарпатье, где они оказались в настолько тесном соседстве со славянами, что в немецкой этнической номенклатуре этноним сарматы стал впоследствии употребляться по отношению к славянам, особенно к их ближайшим соседям на востоке — полякам.

В нижнем Подунавье сарматы обитали бок о бок с даками и германоязычными бастарнами, а также, равно как и в степном Крыму, со своими к тому времени уже эллинизированными сородичами скифами, в предгорьях Кавказа с автохтонами этого края — прямыми языковыми предками адыгских, вайнахских и дагестанских народов, говорящих на языках кавказской семьи. В первой половине I тысячелетия на Северном Кавказе существовали высокоразвитые культуры железного века: меотская в бассейне Кубани и кобанская — на территории Северной Осетии.

Демографическая ситуация в Европе за пределами Римской империи на рубеже эр может быть оценена лишь самым приблизительным образом. Около 1 миллиона кельтов обитало на Британских островах, число балтов и славян также, вероятно, составляло по 1 миллиону, несмотря на обширный ареал обитания, эту величину не превосходила и численность финоязычных племен Восточной Европы; этнически пестрое население Даккии, Нижнего Подунавья и Крыма было более многочисленным и приближалось к 2 миллионам. До 3 миллионов человек могли насчитывать сарматы, и наконец, приблизительно в 1 миллион

может быть оценена численность автохтонов Северного Кавказа. В результате вместе с германцами, жившими за пределами Римской империи, получается около 15 миллионов человек, или, ради большей корректности, — от 10 до 20 миллионов европейцев вне Римской империи.

Что же касается населения империи, то из примерно 70 миллионов населявших ее человек не менее половины обитало в Европе: Италия, Испания, Галлия, Балканы демографически уравновешивали Малую Азию, Сирию, Египет с Ливией и Африку с Нумидией. Более скромные демографические оценки предлагает немецкий романист К. Крист, ссылаясь на статистические данные О. А. В. Дилке: «По современным оценкам, все население Imperium Romanum в 14 г. от Р. Х. составляло более 60 миллионов жителей. Из них в Риме, Италии и на трех больших островах Сицилии, Сардинии и Корсике проживало 14 миллионов, в Испании около шести, в Галлии около пяти, в Дунайских провинциях более двух, в Греции и на греческих островах три, в Малой Азии 13, в Сирии, Палестине и на Кипре шесть с половиной, в Египте и в Киренаике пять с половиной, в остальных провинциях Северной Африки примерно шесть миллионов» (Christ, cit. op., S. 373).

2. Правление Тиберия

Когда умер Август, консулы Секст Помпей и Секст Апулей, префект преторианских когорт Сей Страбон и префект по снабжению Рима продовольствием Гай Турраний, а затем также сенаторы и войска принесли присягу на верность Тиберию. Обладая проконсульским империем, он дал пароль преторианцам и тем самым поставил под свой контроль преторианские когорты, обеспечивавшие безопасность столицы, но не торопился принимать должность принцепса.

Опираясь на полномочия народного трибуна, Тиберий издал эдикт о созыве сената. Взяв слово на его заседании, он, заплакав, прервал выступление и поручил своему сыну Друзу Младшему огласить завещание почившего принцепса, в котором Тиберий вместе со своей матерью Ливией назначался главным наследником его личного имущества. И самому Тиберию и сенату было ясно, что намерение почившего заключалось в том, чтобы передать ему полномочия принцепса, но Рим не был монархией, и поэтому власть в нем не передавалась по наследству,

хотя к этой власти 55-летний Тиберий был подготовлен долгим опытом государственной деятельности под присмотром Августа. Уже при Августе он стал самым выдающимся полководцем Рима и администратором незаурядных способностей, уступая как государственный деятель лишь принцепсу. Других приемлемых претендентов на высшую власть в империи не было, но в народе и армии неслыханной популярностью пользовался усыновленный Тиберием по указанию Августа его племянник Германик, сын рано скончавшегося Друза Старшего, названный так отцом в честь своих побед над германцами, одержанных вместе с самим Тиберием. Забота Августа о Германике, которому он хотел обеспечить преемство власти после немолодого Тиберия, возможно, продиктована была тем, что его отец Друз, как гласила народная молва, в действительности был сыном Августа, который взял в жены Ливию, когда она вынашивала его.

Из уважения к республиканским процедурам, но также по соображениям политического характера, чтобы гарантировать себя от обвинения в узурпации власти, особенно опасным, если бы при поддержке плебса и легионов Германик вступил в борьбу за власть, Тиберий захотел заручиться полномочиями от сената — и он получил их. Сенаторы умоляли его взять на себя полноту власти скончавшегося принцепса. В ответ он говорил о том, что «они и не знают, какое это чудовище — власть» (Светоний, цит. изд., с. 86). Тацит и Светоний усматривают в этой уклончивости лишь лицемерие: по словам Светония, Тиберий, отказываясь от власти, «разыгрывал самую бесстыдную комедию» (Светоний, цит. изд., с. 86), но это однобокая интерпретация происходившего — Тиберий, конечно, предвидел, чем закончится заседание сената, он готов был принять власть, и для блага республики и ради личной безопасности; из этого однако вовсе не следует, что она не пугала его. Многие из его поступков заставляют верить искренности его удручения от необходимости взять на себя бразды единоличного правления. О том, как остро он осознавал опасности, сопряженные с властью, которая действительно не радовала его, говорит часто повторявшееся им, по словам того же Светония, высказывание: «Я держу волка за уши» (Светоний, цит. изд., с. 86).

Приняв от сената избрание его принцепсом, Тиберий «постарался внушить надежду, что когда-нибудь ее сложит, — вот его слова: «...до тех пор, пока вам не покажется, что пришло

время дать отдых и моей старости» (Светоний, цит. изд., с. 86). При этом он решительно отказался от того, чтобы, по примеру Августа, титул императора ставился перед его личным именем, не принял он и предлагавшегося ему звания «отца отечества», которое носил Август. Он также не позволил, чтобы его матери усвоено было, как это предлагали некоторые сенаторы, именование «матери отечества». Тацит совершенно напрасно подозревает его в том, что к подобной семейной скромности его побуждала зависть к матери, к которой он действительно относился прохладно, — таков уж был склад личности этого высокомерного, недоверчивого, угрюмого и нелюдимого мизантропа, чуждого однако тщеславия и честолюбия, а значит, и зависти.

«Для Цезаря Германика он, — как пишет Тацит, — потребовал пожизненной проконсульской власти», которой сам обладал еще при Августе; для его сына Друза «надобности в таком назначении не было, так как он находился в то время в Риме и был избран консулом на следующий год» (Тацит, цит. изд., с. 15).

Усыновленный Августом, Тиберий Клавдий Нерон принял имя Тиберия Цезаря Августа, но Цезарем и Августом именовал себя лишь в переписке с династами. Светоний набросал выразительный словесный портрет преемника Августа: «Телосожения он был дородного и крепкого; росту выше среднего, в плечах и в груди широк, в остальном теле статен и строен с головы до пят. Левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы ее так крепки, что он пальцем протыкал свежее цельное яблоко, а щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши. Цвет кожи имел белый... Лицо красивое, хотя иногда на нем вдруг высыпали прыщи; глаза большие и с удивительной способностью видеть и ночью и в потемках... Ходил он, наклонив голову, твердо держа шею, с суровым лицом, обычно молча: даже с окружающими разговаривал лишь изредка, медленно, слегка поигрывая пальцами... Здоровьем он отличался превосходным, и за все время своего правления не болел ни разу, хотя с тридцати лет заботился о себе сам, без помощи и советов врачей» (Светоний, цит. изд., с. 101).

Новый принцепс происходил как по отцу, так и по матери из древнего патрицианского рода Клавдиев, в котором Светоний насчитывает 28 консулов, 5 диктаторов, 7 цензоров и 6 триумфаторов. Отец Тиберия Нерон был квестором в правление Цезаря, но после его убийства предлагал выдать награду «тираноубийцам»,

исполнял должность претора, участвовал в возмущении Луция Антония, а потом в Риме вынужден был уступить Августу свою беременную жену Ливию вместе с ее старшим сыном Тиберием и вскоре после этого умер. Тяжелые испытания, которые Тиберий перенес в детстве, когда вместе с родителями скрывался от врагов, подвергаясь смертельной опасности, а также в зрелые годы, когда он вынужден был развестись с любимой женой Агриппиной, чтобы жениться на дочери Августа Юлии, позорившей его открытым развратом, добровольная вначале, а потом вынужденная ссылка на остров Родос повлияли на его характер, закалили его, научили виртуозному умению владеть собой, скрывать свои чувства, мысли и планы, заранее тщательно просчитывать предпринимаемые им действия. Свойственная ему осторожность воспринималась многими как нерешительность или даже трусость. Но в противоположность Августу, аристократически высокомерный Тиберий пренебрегал чужим мнением о себе, не заботился о своей репутации ни в ближайшем окружении, ни в народе. Одна из слабых сторон его правления, по контрасту с предшествующим, как раз и заключалась в пренебрежении пропагандой своих успехов, отчего его репутация пострадала не только у современников, но и у историков, навязавших свой пристрастно однобокий взгляд на него потомкам. Между тем, замечательной чертой Тиберия было обостренное сознание долга, редкая в те времена чистоплотность в денежных делах, предполагающая отсутствие корысти. Тиберий был прекрасно образован, писал стихи на латинском и греческом языке. При этом он никогда не говорил по-гречески в сенате, и даже извинялся перед сенаторами, когда в своей речи вынужден бывал употребить греческое слово за отсутствием латинского эквивалента.

До известной степени его похвальные качества не скрывают и недоброжелательно относящиеся к нему биографы: Светоний, Дион и Тацит, которые, чтобы не быть до конца несправедливыми к нему, распределяют достоинства и пороки Тиберия по разным периодам его жизни. Так, Тацит писал: «Нравы его в разное время также были несхожи: жизнь его была безупречна..., покуда не занимал никакой должности или при Августе принимал участие в управлении государством; он стал скрытен и коварен, прикидываясь высокодобродетельным, пока были живы Германник и Друз; он же совмещал в себе хорошее и дурное до смерти

матери..., и под конец он с одинаковой безудержностью предался преступлениям и гнусным порокам» (Тацит, цит. изд., с. 179). Власть, как говорят, портит людей, но огромной властью Тиберий обладал и при Августе, а вот «прикидываться высокодобродетельным» было совершенно не в его характере; к тому же люди редко меняются в старости. Что же касается приписываемого Светонием и Тацитом почти 80-летнему старику гнусного разврата, то, пребывая в плену своей тенденции, историки отнеслись с излишним доверием к сплетням, сочиненным в кругах ненавидевшей Тиберия и боявшейся его сенатской олигархии.

Парадокс состоит в том, что по своим политическим пристрастиям, унаследованным от своих знаменитых предков Клавдиев, воплощавших на протяжении веков с особой последовательностью лучшие и худшие черты римского патрициата, Тиберий и сам ностальгически чтит традиции республиканского Рима, и хотя к власти он пришел по преемству от вождя популяров Цезаря, ему ближе была идеология оптиматов. Однако, благодаря столетнему политическому опыту Рима, он лучше Суллы, отказавшегося от диктатуры и подарившего ради верности оптиматским принципам власть сенату, знал, что выродившаяся сенатская олигархия не способна к удержанию и разумному употреблению этой власти и не только ввиду мизерабельности своих нравственных качеств, но и по причинам более весомым — для управления мировой империей нужна регулярная армия, подчиненная единому полководцу — императору, независимому от капризов кучки сенаторов и переменчивых настроений римского плебса.

И все же Тиберий пытался возвысить сенат до соучастия в управлении республикой, и всячески подчеркивал свой республиканизм. По словам Светония, «угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов, ни для приветствия, ни по делам. Когда один консуляр, прося у него прощения, хотел броситься к его ногам, он так от него отшатнулся, что упал навзничь... Когда кто-то обратился к нему «государь», он тотчас объявил, чтобы более так его не оскорбляли... Не было такого дела, малого или большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату... В курию он входил всегда один, а когда однажды его больного принесли в носилках, он тут же отпустил служителей. Когда некоторые постановления принимались вопреки его желанию,

он на это даже не жаловался... Однажды сенат выносил решение, расходясь на две стороны, и он присоединился к меньшинству, однако за ним никто не последовал. И остальные дела вел он всегда обычным порядком, через должностных лиц. Консулы пользовались таким почтением, что однажды посланцы из Африки жаловались им на самого Тиберия за то, что тот медлил разрешить дело, с которым они были присланы. И это неудивительно: ведь все видели, как он вставал перед консулами с места и уступал им дорогу» (Светоний, цит. изд., с. 87–89).

Тиберий разрешил воздвигнуть храм в его честь в Азийской провинции, но когда с подобной же просьбой к нему обратились послы из Дальней Испании, последовал отказ. Принцепс затем обратился к сенаторам с объяснением мотивов своей непоследовательности: «Так как божественный Август не воспретил воздвигнуть в Пергаме храм ему и городу Риму, то и я, для которого его слова и дела — закон, с тем большей готовностью последовал за предуказанным им образцом, что мой культ объединялся в тот раз с почитанием сената. Но если разрешение культа такого рода могло быть оправдано в единичном случае, то допустить, чтобы во всех провинциях поклонялись мне в образе божества, было бы величайшим самомнением и заносчивостью; да и культ Августа подвергнется умалению, если лесть предоставит равные почести и другим. Что я смертен, отцы сенаторы, и несу человеческие обязанности, и вполне удовлетворен положением принцепса, я свидетельствую пред вами и хочу, чтоб об этом помнили также потомки; и они воздадут мне достаточно, если сочтут меня не опозорившим моих предков, заботившимся о ваших делах и ради общего блага не страшившимся навлекать на себя вражду. Это — храмы мне в ваших сердцах, это — прекраснейшие и долговечные мои изваяния. Ибо те, что создаются из камня, если благоволение оборачивается в потомках ненавистью, окружаются столь же презрительным равнодушием, как могильные плиты» (Тацит, цит. изд., с. 131–132).

Несмотря на стремление Тиберия управлять республикой в согласии с сенатом и через сенат, грозная злоба дня побуждала его часто действовать решительно и, значит, единовластно. В первые месяцы его принципата восстали три паннонских легиона, а вслед за ними — четыре легиона на германской границе, где сосредоточены были главные силы империи. Восстание вызвано было недовольством солдат тяготами лагерной жизни,

частыми боями со стороны центурионов, оставлением их в войсках по окончании срока службы, завистью к привилегиям воинов, служивших в преторианских когортах.

В Паннонию для умирения бунта Тиберий направил своего юного сына Друза вместе с преторианской конницей во главе с Элием Сеяном, а также отборный отряд германцев. Появление Друза в лагере мятежных легионов вызвало перелом в настроениях колеблющихся. Друз зачитал с трибунала послание отца, в котором тот обещал по истечении траура по божественном Августе доложить сенату о нуждах и пожеланиях легионеров, с тем чтобы приняты были удовлетворяющие их решения. Зачинщики бунта настаивали на приезде в лагерь самого принцепса, но к голосам мирно настроенных солдат начали прислушиваться с большим вниманием, и в конце концов возмущение прекратилось, после чего зачинщики мятежа были схвачены: «одних, скрывавшихся за пределами лагеря, убили центурионы и воины преторианских когорт; других в доказательство преданности выдали сами манипулы» (Тацит, цит. изд., с. 21).

Более угрожающий характер приобрел бунт в германских легионах. Для переговоров с мятежниками принцепс отправил своего популярного в армии племянника Германика, находившегося тогда в Галлии, в земле секванов, которых он приводил к присяге на верность Тиберию. Выбор Германика был верным шагом, но сделав его, Тиберий рисковал: восставшие легионеры предложили Германику Цезарю императорскую власть, настаивали на том, чтобы он заменил и устранил Тиберия. Услышв это требование, Германик, по словам Тацита, «как бы запятнанный соучастием в преступлении, стремительно соскочил с трибунала. Ему не дали уйти, преградили дорогу, угрожая оружием, если он не вернется на прежнее место, но он, воскликнув, что скорее умрет, чем нарушит долг верности, обнажил меч, висевший у него на бедре, и, занеся его над своей грудью, готов был поразить ее, если бы находившиеся рядом не удержали его силой» (Тацит, цит. изд., с. 24). Чтобы успокоить страсти, Германик, вместе со своими советниками, решил составить от лица принцепса и огласить в лагере письмо с обещанием немедленно уволить из легионов отслуживших 20-летний срок и всем выплатить жалование, которое было задержано. Трибуны без отлагательства провели увольнение, а выдача жалования была отложена до возвращения в зимние лагеря. Вскоре

Германику удалось привести к присяге Тиберию солдат 2-го, 13-го и 16-го легионов.

14-й легион настоял на выплате жалования до принесения присяги. Затем Германик отправился в расположение 1-го и 20-го легионов, куда к нему прибыли посланцы сената во главе с консулярием Мунацием Планком. Опасаясь, что сенаторы прибыли в лагерь для того, чтоб отнять ранее сделанные властью уступки легионерам, воины набрасываются на них, подвергают их оскорблениям и выходят из повиновения самому Германику, так что тот вынужден был отправить находившуюся с ним беременную жену внуку Августа Агриппину и малолетнего сына к треверам. Вид Агриппины, которая в сопровождении женщин в спешке покинула лагерь, растрогал солдат, и устыдившись содеянного, они прекращают возмущение и даже просят полководца покарать подстрекателей бунта. Затем они сами связали вожаков мятежа и передали их легату 1-го легиона Гаю Цетронию, «который над каждым из них в отдельности следующим образом творил суд и расправу. Собранные на сходку, стояли с мечами наголо легионы; подсудимого выводил на помост и показывал им трибун; если раздавался общий крик, что он виновен, его сталкивали с помоста и приканчивали тут же на месте. И воины охотно предавались этим убийствам, как бы снимая с себя тем самым вину; да и Цезарь не препятствовал этому» (Тацит, цит. изд., с. 28). После подавления мятежа правительство выполнило обещания, которые даны были взбунтовавшимся легионерам.

Чтобы предотвратить повторение бунта, Германик повел легионы за Рейн, не имея в этом предприятии прямой поддержки принцепса, который предпочитал укреплять границу по Рейну, оставив остальную Германию вне империи. Тем не менее, Тиберий не остановил поход, одной из целей которого повозглашалось отмщение за поражение Вара и истребление его легионеров. Поздней осенью 14 г. от Р. Х. римская армия под командованием Германика перешла Рейн. Внезапному нападению в ночное время подверглись селения марсов, расположенные между реками Липе и Руром. Застигнутые врасплох, германцы не смогли оказать сопротивления — тотальное истребление обрушилось не только на мужчин, но также на женщин и детей. Жилища марсов преданы были огню. Узнав о резне, соседние бруктеры, узипеты и тубанты пытались устроить засаду германским колоннам

на их возвратном марше, но эта их затея провалилась, потому что Германик вовремя узнал о засаде, и противник был разгромлен, хотя и римляне на этот раз понесли заметные потери. В Риме в честь Германика отпразднован был триумф.

Весной 15 г. в Германии возобновились военные действия: Германик двинул легионы против хаттов. В ходе операции было захвачено и сожжено их главное поселение Маттий, но со стороны хаттов римляне столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Избиение мирных жителей, истребление огнем их жилищ, беспощадные грабежи разжигали ненависть к римлянам. В этой атмосфере прославленный победой над Варом Арминий поднимает против Рима херусков и другие племена. Кампания 16 г. сопровождалась рядом побед над германцами. В Тевтобургском лесу были найдены орлы разбитых легионов Вара. Останки павших тут 6 лет назад легионеров, «истлевшие и разбросанные», как пишет Светоний, Германик «решил похоронить в общей могиле и первый начал своими руками собирать их и сносить в одно место» (Светоний, цит. изд., с. 105).

В разгар успехов римской армии шторм в Северном море уничтожил флот, который вез подкрепление легионам. Происшедшая катастрофа побудила Тиберия остановить кампанию, которую он и раньше не считал целесообразной, и принять окончательное решение укрепить границу по берегу Рейна. Германик был отозван в Рим, а находившиеся под его командованием легионы уведены на зимние квартиры. В том же 16 г. на левобережье Рейна было образовано две новых провинции, выделенных из состава Лугудунской Галлии и Белгики: Германия Верхняя и Нижняя во главе с легатами-консулярами; размещенные на их территории легионы несли главную ответственность за безопасность Галлии, а также прикрывали Италию от возможных вторжений германцев через перевалы в западных Альпах.

Тиберий, по словам Моммзена, как и до него Август, «признали невыполнимым план перенесения северной границы, осуществить который они стремились в течение двадцати лет, и решили, что прочное подчинение области между Рейном и Эльбой является задачей, превышающей силы империи... В Риме любили хвастать тем, что государство держит в подчинении всю Галлию с помощью стоящего в Лионе гарнизона численностью в 1200 человек. Однако правительство не забывало, что обе большие армии на Рейне предназначались не только для отражения

германцев, но в случае надобности могли быть использованы и против отнюдь не отличавшихся покорностью галльских племен. Если бы они стояли на Везере или, тем более, на Эльбе, они были бы гораздо менее пригодны для этой цели. Держать же армии на Рейне и на Эльбе одновременно Рим был не в силах» (Моммзен Теодор. История Рима. т. 5, кн. 8. М., 2002, с. 58–59).

В свободной от римского господства Германии после отхода легионов на берега Рейна началась война между двумя самыми могущественными племенными союзами: херусками во главе с победителем Вара Арминием и маркоманами с их царем Марободом. Победу в этой войне одержал Арминий, после чего Маробод удалился под защиту Римской республики и с разрешения римских властей поселился в Равенне. Несмотря на то, что авторитет Арминия среди германцев был велик, у него оставалось много врагов, в том числе и среди его соплеменников херусков: одних раздражала его слава, другие подозревали его в стремлении к царской власти, видели в нем угрозу для той свободы, которую германцы ценили высоко; и в 19 г. Арминий пал жертвой заговора.

Отозванного в Рим Германика Тиберий наградил триумфом и отправил на Восток, наделив его полномочиями отдавать распоряжения проконсулам и прокураторам провинций, расположенных в Азии. Проезжая через города Эллады и потом Малой Азии, жестоко пострадавшей от землетрясения, Германик снижал популярность среди населявших их греков щедрой раздачей денежной помощи и освобождением от податей в имперскую казну тех городов, которые подверглись разрушению.

Первоочередной задачей для Германика на Востоке было улаживание дел в Армении, которая в ту пору не имела царя. Действуя в согласии с пожеланиями армянского народа, Германик поставил царем Армении Зенона, сына Понтийского царя Полемона: «В городе Артаксате, с полного одобрения знатных и при стечении огромной толпы» он «возложил на его голову знаки царского достоинства. Присутствовавшие, величая царя, нарекли его Артаксием, каковое имя они дали ему по названию города» (Тацит, цит. изд., с. 71). Таким образом была подтверждена зависимость Армении от Рима. Несмотря на то, что парфяне конкурировали с Римом за влияние в Армении, на этот раз, ввиду терзавшей Парфию внутренней вражды, они вынуждены были смириться с утратой этой страны, и Германику удалось

заключить с Парфией выгодные соглашения, гарантировавшие мир на восточной границе.

Осенью 17 г., выполняя поручение принцепса, Германик преобразовал ранее вассальные государства Каппадокию и Коммагену в римские провинции. Находясь в Сирии, он столкнулся с недоброжелательством и неповиновением со стороны правителя Сирийской провинции Гнея Пизона. Вражду подпитывала взаимная неприязнь между находившейся вместе с мужем на Востоке супругой Германика Агриппиной и женой Пизона Планциной, которой покровительствовала мать принцепса Ливия. В Риме распространялись сплетни, что в своем противлении Германику Пизон опирается на негласную поддержку самого Тиберия. В действительности острое неудовольствие у Тиберия вызвала поездка Германика весной 19 г. в Александрию. Как пишет Тацит, принцепс «суровейшим образом обрушился на него за то, что, вопреки, постановлению Августа, он прибыл в Александрию, не испросив на это согласие принцепса. Ибо Август наряду с прочими тайными распоряжениями во время своего правления, запретив сенаторам и виднейшим всадникам приезжать в Египет без его разрешения, преградил в него доступ, дабы кто-нибудь, захватив эту провинцию и ключи к ней на суше и на море и удерживая ее любыми ничтожно малыми силами против огромного войска, не обрек Италию голоду» (Тацит, цит. изд., с. 71).

Воспользовавшись отсутствием Германика в Сирии, Пизон отменил отданные им ранее распоряжения и даже уволил назначенных им чиновников. Когда Германик возвратился в Антиохию и узнал о содеянном Пизоном, его конфликт с ним резко обострился. В разгар этой вражды Германик тяжело заболел, а Пизон выехал из Антиохии в Селевкию. Сам Германик был убежден, что он отравлен. Распространились слухи, что Пизон прибег к волшебным чарам, чтобы извести своего могущественного врага. 10 октября 19 г. Германик скончался в возрасте 33 лет, оставив вдову, трех сыновей: Нерона, Друза и Гая, прозванного Калигулой, — и столько же дочерей: Агриппину Младшую, Друзиллу и рожденную уже на Востоке Юлию.

Восторженную характеристику Германику дал Светоний: «Всеми телесными и душевными достоинствами... Германик был наделен, как никто другой: редкая красота и храбрость, замечательные способности к наукам и красноречию на обоих

языках, беспримерная доброта, горячее желание и удивительное умение снискать расположение народа и заслужить его любовь. Красоту его немного портили тонкие ноги, но он постепенно заставил их пополнеть, постоянно занимаясь верховой ездой после еды. Врага он не раз одолевал врукопашную. Выступать с речами в суде он не перестал даже после триумфа. Среди памятников его учености остались даже греческие комедии. Даже и в поездках он вел себя как простой гражданин, в свободные и союзные города входил без ликторов. Встречая гробницы знаменитых людей, всюду приносил жертвы Маннам» (Светоний, цит. изд., с. 104–105).

Тело Германика сожгли, а его прах был перевезен в Рим, где на его похоронах присутствовало множество народа. Оплакивавшие его римляне любили безвременно скончавшегося полководца, возлагая на него ранее надежды как на будущего принцепса. Недоброжелатели Тиберия подозревали его в соучастии в преступлении, жертвой которого пал Германик. Эти подозрения разделяла и не скрывала их его вдова Агриппина, внучка Августа, отличавшаяся высокомерием, дерзостью и чрезмерной горячностью. В действительности нет никаких веских оснований усматривать в смерти Германика хотя бы косвенную вину принцепса. Более того, самый факт его отравления не доказан. Тем не менее, Пизон и его супруга Плаценция были преданы суду, и пока продолжался процесс, клонившийся к обвинению Пизона не в отравлении, а в государственной измене, он покончил с собой. В своем предсмертном письме Тиберию он настаивал на своей невиновности. Жена же его Плаценция была оправдана — в народе это оправдание связывали с заступничеством Августы Ливии.

Обстановка в доме принцепса складывалась напряженной. Агриппина демонстрировала неприязнь к Тиберию. А для сенатской олигархии, брюзжавшей по поводу утраты сенатом прежних властных полномочий, подчеркнутое сочувствие Агриппине служило прикровенной формой оппозиции принцепсу. Масло в разгоравшийся огонь семейной вражды, имевшей политический отголосок, подливал префект претория Элий Сеян, который, доводя до сведения Тиберия недоброжелательные высказывания о нем Агриппины, пытался убедить принцепса в опасности для его власти со стороны этой честолюбивой женщины, торопящейся привести к власти в Риме одного из своих сыновей.

Выходец из этрусского города Вольсиний, Сеян принадлежал по происхождению к сословию всадников. По характеристике Тацита, «в ранней юности он состоял при внуке божественного Августа Гае Цезаре, и не без слухов о том, что он продавал свою развращенность богачу и моту Апицию; в дальнейшем посредством различных уловок он настолько пленил Тиберия, что тот, обычно непроницаемый для окружающих, с ним одним оставлял свою скрытность и настороженность... Тело его было выносливо к трудам и лишениям, душа — дерзновенна; свои дела он таил ото всех, у других выискивал только дурное; рядом с льстивостью в нем уживалась надменность; снаружи — притворная скромность, внутри — безудержная жажда главенствовать, и из-за нее — порою щедрость и пышность, но чаще усердие и настойчивость... Сеян значительно приумножил умеренное влияние, которым прежде пользовался префект преторианцев, сведя рассеянные по всему Риму когорты в один общий лагерь, чтобы можно было сразу ими распорядиться. В обоснование этой меры он утверждал, что разбросанные воинские подразделения впадают в распущенность, что в случае неожиданной надобности собранные все вместе они смогут успешнее действовать... Как только лагерь был закончен устройством, Сеян принялся мало-помалу втираться в доверие к воинам, посещая их и обращаясь к ним по именам; вместе с тем он стал самолично назначать центурионов и трибунов» (Тацит, цит. изд., с. 115).

Первоначально Сеян командовал преторианскими когортами коллегиально, вместе со своим отцом Сеем Страбоном, но после назначения Страбона префектом Египта он остался их единоличным начальником. Чрезмерное влияние преторианской гвардии на политическую жизнь Рима, столь характерное для последующей истории принципата, берет начало от той передислокации когорт, которая проведена была при Тиберии по настоянию Сеяна. И принцепс, и сенат стали с этих пор своего рода заложниками преторианцев. Тиберий в конце концов увидел эту опасность, но произошло это уже после того, как появились веские основания подозревать Сеяна в стремлении к захвату верховной власти.

Первым в семье принцепса заподозрил Сеяна в далеко идущих честолюбивых устремлениях сын Тиберия Друз, который тщетно пытался убедить отца удалить опасного властолюбца. Друз не скрывал своего отношения к Сеяну, и однажды между

ними вспыхнула ссора, в которой сын принцепса ударил фаворита отца по лицу. Чтобы отомстить Друзу и устранить его со своего пути, Сеян выбрал крайне рискованный способ действий: он соблазнил жену Друза Ливию, которая была сестрой Германика, и та стала действовать в его интересах. В 23 г. Друз умер, отравленный ядом. Светоний рассказывает, что, когда посланники из Илиона принесли Тиберию соболезнование в связи со смертью сына «немного позже других, — ...он насмешливо ответил, что и он в свой черед им сочувствует: ведь они лишились лучшего своего согражданина Гектора» (Светоний, цит. изд., с. 95). Напрасно Светоний за этой мрачной остротой усматривает бессердечие отца, скорее тут проявилось его самообладание и парадоксальный склад ума.

Связь Ливии с Сеяном продолжалась и после смерти Друза, а два года спустя Сеян отважился уже просить у Тиберия позволения на брак с вдовой его сына, и тот отклонил эту просьбу самым деликатным образом, скорее просто уклонился оттого, чтобы принимать решение за свою невестку, мать которой Антония, дочь знаменитого триумвира, и бабушка Ливия были еще живы и могли дать ей лучший совет, чем он. Несмотря на столь дерзкую и рискованную попытку навязать Тиберию свое родство, Сеян продолжал пользоваться доверием принцепса, которое выросло еще более после того, как тот спас ему жизнь: Тиберий вместе с приближенными пировал в гроте в поместье, которое называлось «Пещера». Внезапно случился обвал у входа в грот. Несколько прислуживавших рабов были убиты камнями. Сеян же, «обратившись лицом к Цезарю и опираясь на колени и руки, прикрыл его собой от сыпавшихся камней» (Тацит, цит. изд., с. 142).

Несмотря на усилившееся влияние семейных обстоятельств принцепса на государственные дела, Тиберий продолжал пытаться управлять империей через сенат, полномочия которого были им расширены: из комиций в сенат переданы были выборы магистратов — комиции, правда, и после этого утверждали кандидатуры, намеченные сенатом по согласованию с принцепсом, но это была уже только формальная санкция без возможности предложить альтернативных кандидатов. На обсуждение сената ставились все важнейшие инициативы принцепса в делах государственного правления, а также законопроекты; замечания и поправки сенаторов принимались во внимание. Но

взаимодействуя с сенатом, Тиберий обнаружил, что, с одной стороны, в нем много оппозиционеров, не одобрявших сложившегося порядка вещей, ностальгировавших по былым временам олигархического господства, и что, с другой, — эти оппозиционеры исключительно малодушны и не способны твердо отстаивать свои идеи и даже внятно заявлять о них, не склонны брать на себя ответственность, и в случае решительного несогласия с ними принцепса легко отказываются от своих мнений и предложений, соглашались с ним и даже, опасаясь возможной с его стороны опалы, нередко раболепствуют перед ним, пытаясь изгладить впечатление о своей недавней неуступчивости, что вызывало у Тиберия брезгливое раздражение. «Передают, — пишет Тацит, — что Тиберий имел обыкновение всякий раз, когда покидал курию, произносить по-гречески следующие слова: «О люди, созданные для рабства!» (Тацит, цит. изд., с. 109).

Неспособность сенаторов к ответственному соучастию в делах государственного правления побуждала Тиберия принимать решения единолично, при этом он обнаружил незаурядные административные способности. Принцепс неизменно проявлял заботу о казне, о росте поступлений в нее и экономии расходов, понимая, что реальная власть опирается не только на армию, но и на финансы. В отличие от Августа, придававшего огромное значение пропагандистскому обеспечению своего правления и искавшего популярности, Тиберий избегал тратить средства на устройство театральных представлений и гладиаторских боев, за что его невзлюбил римский плебс. Не в пример своему предшественнику, Тиберий не затевал грандиозных построек: начав строительство храма Августа, он так и не завершил его до конца своего правления, не было при нем завершено и восстановление амфитеатра Помпея. Он требовал от эдилов контролировать рыночные цены, преследуя торговцев, которые их чрезмерно завышали. Побуждая народ к бережливости, он сам демонстрировал ее в своем домашнем быту, велел подавать за своим столом на званных обедах уже початые и недоеденные блюда. В то же время городам, пострадавшим от землетрясения, он выдавал щедрые субсидии. В Италии он с успехом предпринял карательные меры по разгрому разбойничьих гнезд, доставшихся в наследство от эпохи гражданских войн.

Тиберий принимал меры и по исправлению общественных нравов: он восстановил забытый древний закон, по которому

впавших в разврат матрон должны были судить и преследовать их близкие родственники. Матрон, публично объявивших себя проститутками и занявшихся этим ремеслом, и юношей из знатных фамилий, которые выходили на театральную сцену или на арену, он велел изгнать из Рима. В заботе о защите чистоты отечественной религии от иностранных влияний, он, по словам Светония, «чужеземные священнодействия и в особенности египетские и иудейские обряды запретил; тех, кто был предан этим суевериям, он заставил сжечь свои священные одежды со всей утварью. Молодых иудеев он под видом военной службы разослал в провинции с тяжелым климатом; остальных соплеменников их или единоверцев он выслал из Рима под страхом вечного рабства за ослушанье. Изгнал он и астрологов» (Светоний, цит. изд., с. 90).

Стремясь к поддержанию порядка во всей империи, а не только в Риме и Италии, принцепс большое внимание уделял положению дел в провинциях, по которым расквартированы были вооруженные силы. При нем 8 легионов стояло на Рейне, охраняя две Германские провинции и Галлию, 3 легиона были дислоцированы в Испанских провинциях, по 2 легиона в Паннонии, Мезии, Далмации, в Африке и в Египте, 4 легиона контролировали огромное пространство от Сирии до Месопотамии. Военный флот размещался на базах в Италии: в Мизенах, расположенных на берегу Тирренского моря, и в Равенне на Адриатике, а также в Средиземном море у побережья Галлии. В Галлии, Испании и на Балканах при Тиберии строились превосходные дороги, являвшиеся своего рода нервной системой империи. Он жестко контролировал провинциальных наместников, преследуя взяточничество, пресекая чрезмерные поборы: «наместникам, которые советовали ему обременить провинции налогами, он ответил в письме, что хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры» (Светоний, цит. изд., с. 89).

Наведение относительного порядка в провинциях не водворило в них подлинного благополучия; и на окраинах империи вспыхивали восстания. В 17 г. в Нумидии поднял мятеж местный уроженец Такфаринат, служивший ранее в римской армии, а потом дезертировавший. Восстание распространилось на Африканскую провинцию. Расквартированных в этих двух провинциях римских войск оказалось недостаточно для подавления мятежа. В Африку был переброшен легион из также беспокойной

Паннонии, и лишь в 24 г. после гибели его предводителя в ожесточенном сражении с превосходящими силами противника, которыми командовал проконсул Африки Публий Долабелла, мятеж был подавлен.

В 21 г. восстали галльские племена эдуев под предводительством Юлия Сакровира и треверов во главе с Юлием Флором. Оба предводителя принадлежали к знатным родам и имели римское гражданство — судя по их именам, это были романизованные галлы, не утратившие однако своего национального патриотизма. Причиной возмущения послужила чрезмерная тяжесть налогов. Восстание грозило охватить всю Галлию, которая не смирилась с утратой былой свободы — очаги мятежа вспыхивали в землях белгов, андекавов, туронов, но благодаря решительным действиям римских властей, сумевших внести разлад в настроения туземцев и привлечь на свою сторону ряд племен, восстание было подавлено, а оба предводителя покончили с собой. Вместе с Сакровиром поразили друг друга мечами и его ближайшие сподвижники.

В 24 г. отставной преторианец Тит Куртизий на юге Италии, в Брундизии, подстрекал к восстанию рабов, пасших стада на горных пастбищах местных латифундистов. Заговор созрел, и бунт готов был уже вспыхнуть, но тут случайно на берег в Брундизии высадились экипажи трех военных судов. С помощью моряков местный квестор Куртий Луп разгромил бунтовщиков, а направленный Тиберием военный трибун Стай с отрядом легионеров арестовал зачинщиков бунта. Они были доставлены в Рим и казнены. В столице известие о мятеже на юге Италии вызвало большую тревогу «из-за великого множества находившихся в нем рабов, численность которых неимоверно росла, тогда как свободнорожденных плебеев с каждым днем становилось все меньше» (Тацит, цит. изд., с. 127).

Возмущения, вспыхивавшие в разных концах империи, затаенное недоброжелательство со стороны сенаторов, мизантропическое умонастроение самого принцепса побудили его уделять больше внимания собственной безопасности. В результате еще более выросло влияние префекта преторианских когорт Сеяна, на котором и лежала ответственность за охрану принцепса и поддержание порядка в Риме. В 26 г. Сеян убедил Тиберия удалиться из столицы на Капри. Состарившийся правитель покинул Рим в надежде обрести на острове с его

благодатным климатом и прекрасными видами покой и поправить там свое здоровье.

На следующий год случилась катастрофа в Фиденех вблизи Рима. Там рухнул частный амфитеатр некоего вольноотпущенника Атилия. Римляне, не избалованные при Тиберии зрелищем гладиаторских боев, стекались на представления в Фиденех в огромном числе. Наспех воздвигнутое на рыхлом грунте здание рухнуло во время представления, и под его руинами погибли или были изувечены 50 тысяч человек, жадных до кровавых зрелищ мужчин и женщин, стариков и юношей — потери, совместимые с теми, которые приносили Риму войны с особенно опасным противником. Вслед затем в пожаре выгорел весь плотно заселенный Целиев холм. Народная молва усмотрела причину несчастий в гневе богов на то, что принцепс оставил Рим. Но ропот смолк, когда из средств фиска пострадавшим от пожара выдана была помощь в размере понесенных ими потерь.

Поселившись на Капри, принцепс правил империей через переписку с Сеяном, сенатом и магистратами. В отсутствие Тиберия в Риме Сеяну легче было убедить его во множестве подстерегающих его опасностей, грозящих его власти и жизни. И стареющий правитель предоставил ему своего рода карт-бланш на проведение масштабных репрессий, которые однако носили со словено ограниченный характер, потому что направлены были почти исключительно против нобилей.

Юридическим инструментом репрессий стал закон от 103 г. до Р.Х. об оскорблении величества (*laese maiestatis*) римского народа. По этому закону карались преступления, наносившие существенный ущерб Римской республике: государственная измена, подстрекательство к мятежу, негодное управление, иными словами, как пишет Тацит, «осуждались дела, слова не влекли за собой наказания. Первым, кто на основании этого закона повел дознание о злонамеренных сочинениях, был Август» (Тацит, цит. изд., с. 41). При Тиберии действие этого закона было возобновлено. Первоначально он использовался в основном для защиты чести обожествленного принцепса, в котором мыслилось воплощенным величие римского народа. Порой подобные обвинения носили курьезный характер. Некий всадник Фаланий обвинен был в кошунстве, которое заключалось в том, что, продав сад, он вместе с ним уступил покупателю и стоявшую в нем статую Августа. Впрочем, когда дело дошло до Тиберия, он не усмотрел

в нем кощунства. Оправдал Тиберий и другого всадника — Рубрия, которого обвинили в том, что он клялся именем Августа и преступил клятву. Принцепс заключил по этому делу: «На нарушение клятвы нужно смотреть так же, как если бы был обманут Юпитер: оскорбление богов — забота самих богов» (Тацит, цит. изд., с. 41). Тем не менее, по закону об оскорблении величества осуждали виновных в том, что они били рабов или переодевались перед статуей Августа, приносили в публичный дом монеты с изображением Августа. Если верить Светонию, «один шут перед погребальной процессией громко попросил покойника передать Августу, что завещанных им подарков народ так и не получил; Тиберий велел притащить его к себе, отсчитать ему должное и казнить, чтобы он мог доложить Августу, что получил свое сполна» (Светоний, цит. изд., с. 97).

Со временем закон об оскорблении величества римского народа стал употребляться для наказания политических противников Тиберия или тех, кто только подозревался в том, что имеет враждебные намерения по отношению к нему. Тела казненных крючьями стаскивали с лестницы, которая вела с Капитолийского холма на набережную Тибра, куда их и сбрасывали. Эту лестницу называли Гемониями, что значит «рыдания». Обвинения возбуждались доносчиками, услуги которых щедро оплачивались из конфискованных средств осужденных — им доставалась четверть их имущества. Выявлением и преследованием преступников занимался по своей должности префекта преторианских когорт Сеян. Под предлогом защиты власти и чести Тиберия Сеян расправлялся и со своими личными врагами и вообще со всеми, кто представлялся ему стоящим на его карьерном пути, который, похоже, устремлен был на самую вершину власти. А самое главное препятствие к достижению высшей власти чрез наследство Тиберию после его смерти или его насильственное устранение Сеян усматривал во вдове Германика Агриппине и ее повзрослевших сыновьях.

Он старательно доносил принцепсу обо всех известных ему через соглядатаев и наушниках недоброжелательных высказываниях о нем бесстрашной и гордой внучки Августа, преследованиям подвергались ее родственники и подруги. В одну из встреч с Тиберием Агриппина «долго плакала молча, а потом принялась осыпать его упреками и просить: пусть он облегчит ее одиночество, пусть даст ей мужа; она еще молода и во цвете лет, и для

порядочной женщины нет утешения иначе, как в браке» (Тацит, цит. изд., с. 139–140). Неприязнь Тиберия к своей невестке от этой просьбы только выросла; чтобы разжечь ее еще более, Сеян придумал такую интригу: он подослал «к ней мнимых доброжелателей, дабы те под личиною дружбы предупредили ее, что для нее изготовлен яд и что ей следует избегать яств, предлагаемых ей у свекра. И вот, не умея притворяться, Агриппина, когда ей пришлось возлежать за столом возле принцепса, хмурая и молчаливая, не притронулась ни к одному кушанью; это заметил Тиберий... и желая ее испытать, похвалил поставленные пред ним плоды и собственноручно протянул их невестке. Это еще больше усилило подозрения Агриппины, и она, не отведав плодов, передала их рабам. Тиберий не проронил ни слова, но, обратившись к матери, сказал, что неудивительно, если он примет суровые меры по отношению к той, которая обвиняет его в намерении ее отравить» (Тацит, цит. изд., с. 140).

Но пока Ливия была жива, Тиберий откладывал расправу с Агриппиной: хотя мать Тиберия относилась к ней не особенно благосклонно, все же дети Агриппины были ее родными правнуками. В 29 г. Ливия, достигшая редкого в ту пору долголетия, — ей исполнилось 86 лет, — скончалась. Прохладно относившийся к ней сын не счел нужным оставить свое каприйское уединение и выехать в Рим для участия в погребении матери. Он однако, хотя и неохотно, дал согласие на ее консекрацию — обожествление. Смерть Ливии лишила семью Германика защиты, и совершился заключительный финал драмы, задуманной и срежиссированной Сеяном. По обвинению в попытке укрыться от гнева принцепса в легионах, а по другим сведениям, у статуи Августа (см. Светоний, цит. изд., с. 95) Агриппина была сослана на остров Пандатерию. Там она подвергалась издевательствам со стороны приставленного для ее охраны центуриона, который однажды в ответ на ее жалобы, выбил ей глаз. Агриппина пыталась умереть от голода, но ее насильно кормили. В 33 г. она скончалась. Ее старшая сестра Юлия Младшая скончалась также в изгнании пятью годами раньше.

По наущению Сеяна Тиберий расправился и с детьми Агриппины Нероном и Друзом, которых обвинили в государственной измене, в стремлении к захвату власти. Нерона Тиберий в письме сенату обвинил также в распутстве — в противоестественных связях с юношами. Оба брата объявлены были врагами отечества.

Нерона сослали на остров Понтию, а Друза заключили в подземелье Палатинского дворца. «Предполагают, — пишет Светоний, — что Нерон был вынужден сам покончить с собой, когда якобы по воле сената к нему явился палач с петлей и крючьями; а Друза голод измучил до того, что он пытался грызть солому из тюфяка» (Светоний, цит. изд., с. 96). Из детей Германика и Агриппины в живых остались три дочери и младший сын Гай, прозванный Калигулой, что значит «сапожок», названный так потому, что в детстве он часто находился с родителями в воинских лагерях, и там его обували в миниатюрные солдатские сапоги — калиги, с уменьшительным суффиксом — калигулы.

Взросшее могущество Сеяна внушало страх и трепет малодушным сенаторам, оборачивавшийся раболепством, беспредельным восхвалением этого талантливого и коварного авантюриста, вплоть до культовых знаков его почитания. Именем Сеяна клялись, его золотые статуи ставились на видных местах Рима. На одном из своих заседаний сенат постановил «воздвигнуть жертвенник Милосердию и жертвенник Дружбе и по обе стороны от них установить статуи Тиберия и Сеяна» (Тацит, цит. изд., с. 149).

Но могущество фаворита в конце концов насторожило Тиберия. Мать Германика Антония в беседе с принцепсом убедила его в том, что Сеян стремится к высшей власти и способен устранить его самого. Тиберий решил избавиться от опасного временщика. Поскольку однако под его командованием находились вооруженные силы, размещенные в Риме, и он сплел широкую сеть агентуры, Тиберий действовал против него продуманно и осторожно, по существу дела, сам прибегнув к заговорщическому методу. Чтобы усыпить бдительность Сеяна, а заодно и удалить его от себя, с острова Капри, Тиберий предложил избрать его коллегой по своему уже 5-му консульству и пообещал ему должность народного трибуна и руку своей внучки Юлии, дочери Друза. Посвятив в свой план преторианского офицера Сертория Макрона, Тиберий чрез него стал вести пропаганду в когортах, направленную на дискредитацию Сеяна, одновременно преторианцам раздавались щедрые подарки. В результате авторитет Сеяна в ранее преданных ему частях пошатнулся, и уже можно стало рассчитывать на то, что когорты не выступят против принцепса в поддержку своего префекта. Только тогда Тиберий написал с Капри письмо сенату, в котором обвинил Сеяна

в государственной измене. Сеян немедленно был приговорен к смерти и казнен. Произошло это в 31 г. Начались репрессии против соучастников заговора Сеяна, против его друзей. Казнены были невестка Тиберия Ливилла, вступившая в связь с Сеяном еще при жизни своего мужа Друза Младшего, расправились и с детьми Сеяна. Его дочь была еще ребенком, а традиция воспрещала душить девственниц, поэтому палач вначале надругался над нею, а потом накинул на нее удавку.

Репрессии против действительных и подозреваемых сторонников Сеяна велись с участием нового префекта преторианских когорт Сертория Макрона. Их размах превзошел содеянное его предшественником. Среди казненных были и знатные матроны. Многие из тех, на кого падало подозрение в участии в заговоре, прибегали к самоубийству: резали себе вены или поражали себя мечом. И все же массовыми эти репрессии не стали, затронув лишь сенаторов и тех всадников, кто принадлежал к окружению Сеяна, но не римский плебс, который, если и недолюбливал Тиберия, то за его скупость в раздаче зерна и устройении зрелищ, а вовсе не за казни сенаторов.

Между тем, эта скупость Тиберия, его бережливость блестяще оправдала себя во время финансового кризиса, разразившегося в 33 г. Все началось тогда с кампании борьбы против ростовщиков, взимавших хищническую лихву со своих должников. Процент роста был жестко ограничен, и одновременно сенат обязал всех кредиторов потратить две трети своих средств на приобретение земельных владений в Италии, аграрное хозяйство которой пребывало в упадке. В результате кредиторы потребовали вернуть им ссуды, и сразу обнаружилась острая нехватка платежных средств. Для преодоления кризиса Тиберий распорядился одолжить меняльным конторам 100 миллионов сестерций из фиска (*fiscus*, что значит корзина), и эта мера принесла искомый результат; кровеносные сосуды рынка были спасены от закупорки.

Тиберий жил на Капри, не принимая участия в административной рутине. Империей он правил через переписку с сенатом и с помощью Макрона, который заменил ему уничтоженного Сеяна. Уединение принцепса рождало слухи о его неслыханном старческом разврате, которые воспроизводят Светоний и Тацит. В сплетнях этих, похоже, мало правды или ее там вовсе нет: когда Тиберий был намного моложе и жил на виду римских граждан,

его отличала большая разборчивость и чистоплотность, чем это было принято в кругу нобилей.

Старость Тиберия побуждала его думать о преемнике. Несмотря на свою исконно патрицианскую приверженность республиканским традициям, он знал, что в сложившихся обстоятельствах, олигархическое правление сената, spolna обнаружившего свое раболопное ничтожество в сочетании с затаенной раздражительной и брюзгливой оппозиционностью, способной в случае провала вылиться в мстительную расправу над ним, совершенно бесперспективно: армия — главная опора империи — не признает всевластия сената. Армии нужен был император, который сможет диктовать свою волю республиканским учреждениям, так что принципат был неизбежен. Тиберий понимал также, что не всякий принцепс приемлем для легионов и преторианских когорт, а только тот, на котором отблеск величия Цезаря и Августа, их наследник, принадлежащий к фамилии Юлиев. После смерти Германика и собственного сына Тиберия Друза Младшего вполне способных к управлению империей лиц в этой фамилии уже не оставалось, тем более что погибли и сыновья Германика Нерон и Друз. Брат Германика Клавдий, хотя и отличался склонностью к кабинетным научным занятиям и был хорошо образован, не обладал быстротой ума и способностью к оперативному принятию решений, которая необходима государственному деятелю и полководцу. Кроме него, в живых оставалось два юных, но совершеннолетних родственника Тиберия: его внук от Друза Тиберий Гимелл и внучатный племянник Гай Калигула. Фаворит Тиберия Макрон делал ставку на Гая. Ради сближения с ним он, если верить Тациту, после ранней смерти первой жены Гая Клавдии «побудил свою жену Эннию прельстить юношу, изобразив страстную влюбленность в него, и связать его обещанием жениться на ней, а тот ни от чего не отказывался, лишь бы добиться владычества, ибо, хотя по своему душевному складу был порывистым и несдержанным, тем не менее, опекаемый дедом, — хорошо постиг науку лицемерия и притворства» (Тацит, цит. изд., с. 176).

Завещание Тиберий составил за два года до кончины. В нем он отказывал наследство в равных долях сыну Германика Гаю и своему родному внуку Тиберию Гимеллу, назначив их наследниками друг друга. Кроме того, он распорядился о подарках весталкам, всем воинам, всем римским плебеям и старостам

римских кварталов. Телесные силы покидали состарившегося принцепса. Незадолго до смерти он, возможно, пытался вернуться в родной ему Рим, но, доехав до 7-й мили по Аппиевой дороге и увидев городские стены, решил вернуться в Кампанию. На обратном пути Тиберий остановился на Мизенском мысе, поселившись в одной из приморских вилл. Там он и умер в возрасте 77 лет в 17-й день апрельских календ в 37 г. от Р.Х. По мало правдоподобной версии Светония, при виде угасающего принцепса Гай Калигула, находившийся тогда у его одра, уже принимал поздравления, и вдруг Тиберий пришел в чувства и попросил принести ему пищу. Гай повергнут был в трепет, опасаясь для себя самого худшего, но не растерявшийся Макрон, который находился тут же, приказал задушить старика (см. Светоний, цит. изд., с. 178). Тело Тиберия было перенесено воинами в Рим и там его сожгли и погребли при стечении народа.

3. Распятие и воскресение Спасителя

В правление Тиберия в пределах империи, в далекой от Рима Палестине, свершились события, бесконечно превосходящие по своей важности для человечества все, что происходило тогда на мировой авансцене — в Риме.

На кресте был распят Господь Иисус Христос, Который считался сыном Иосифа, бедного плотника из Назарета, проповедовал там Благою весть о Царстве Небесном, грядущем в силе, увлек за Собой учеников, в основном людей простых и некнижных, промышлявших ловлей рыбы на Тивериадском озере, совершал исцеления и иные чудеса, поражавшие иудеев, так что среди них распространилась вера в то, что Он обетованный пророками Мессия. В канун Пасхи, когда иудеи на праздник стекаются отовсюду в Святой Город, Он совершил вход в Иерусалим верхом на осле, что знающим Писания напомнило слова пророка Захарии: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной» (Зах 9, 9), — и множество народа приветствовало Его как Мессию: взяв пальмовые ветви, люди «вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев» (Ин 12, 12).

Народ надеялся на то, что с приходом Мессии рухнет римская власть и во главе с Ним иудеи покорят и римлян и иные

народы. Но когда обнаружилось, что Царство, которое проповедовал Учитель из Назарета, «не от мира сего» и что в земном порядке вещей никаких переворотов не произошло, иудеи отшатнулись от Него, и подстрекаемые синедрионом, приговорившим Его к смерти, но не имевшим права приводить такие приговоры в исполнение, требовали у римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата: «Распи, распни Его» (Лк 23, 22). Пилат, пытавшийся уклониться от казни Человека, в Котором не находил вины, устранился, когда ему стали угрожать доносом в Рим: «Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Ин 19, 12), и подчинившись воле народа, велел распять Иисуса и поставить на кресте надпись «Иисус Назорей, Царь Иудейский»... и написано было по-еврейски, по-гречески, по-римски» (Ин 19, 19–20).

Отправной точкой для определения точной даты начала земного служения Христа и Его распятия может служить имеющееся в Евангелии от Луки указание на время, когда начал свою проповедь покаяния Иоанн, который крестил Иисуса в Иордане (см. Лк 3, 21): «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» (Лк 3, 1–2).

Это единственное место в Новом Завете, где упоминается имя Тиверия. Но поскольку проповедь Христа и Его смерть на кресте приходится на его правление, то упоминание в Евангелии кесаря, относится также к Тиберию, поскольку слово «кесарь» то есть Цезарь, тогда еще не стало титулом, но было когноменом усыновленного Юлием Цезарем Октавиана Августа, а также усыновленных Августом Тиберия и его брата Друза Старшего и затем уже их потомков. Когда искушавшие Иисуса фарисеи спросили Его: «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет? (Мк 12, 14), а Он велел им принести динарий и сказал: «Чье это изображение и надпись?» и «они сказали Ему: кесаревы» (Мк 12, 15–16), — то принесен был динарий с изображением Тиберия, так что слова Христовы «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк 12, 17), которыми Церковь руководствуется в своих отношениях с государством во все времена, актуально относились к Тиберию.

Начало проповеди Иоанна и вслед затем Христа относится к 15-му году правления Тиберия, иными словами, к 29 году от Рождества Христова по выкладкам Дионисия, в которых заключена несомненная ошибка — в действительности Господь родился, по меньшей мере, на 5 лет ранее этой даты. Господь распят был при прокураторе Иудеи Понтии Пилате, который, по сведениям, почерпнутым из Иосифа Флавия, был вторым из прокураторов Иудеи, назначенных Тиберием — его предшественник Валерий Грат правил 11 лет, а Пилат — 10 лет (см. Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 221), после чего он был смещен проконсулом Сирии Вителлием. Передав прокураторство Марцеллу, Пилат отправился в Рим, но, прибыв в столицу, застал там уже нового принцепса. Таким образом, правление Пилата продолжалось с 27 по 36 или 37 от Р. Х. Господь распят был 14 нисана и воскрес утром 16 нисана, в день, следующий за Великой Субботой. Для определения точной даты крестной смерти Спасителя, по словам В. В. Болотова, «приходится отыскивать в ряду годов правления Пилата тот год, когда, по астрономическим данным, воскресенье приходится на 16 нисана. Таким годом оказывается прежде всего 30 год нашего летосчисления, 783 от основания Рима, затем 33 нашей эры, 786 от основания Рима» (Болотов, цит. изд., т. 1, с. 90). Из этих двух дат Болотов выбирает позднейшую, хотя и замечает при этом, что этот выбор покоится на положениях, которые исторически обосновать очень трудно».

Главная трудность здесь заключается в том, что при выборе этой даты приходится отказаться от восходящего к Евсевию Кесарийскому и ставшему традиционным представлению о том, что Господь был распят на 34 году Своей земной жизни и полагать, что ко времени крестной смерти Он был старше, по крайней мере, на 5 лет. В связи с этим В. В. Болотов замечает, что «было и другое известие, идущее от Ириней Лионского, что Христос освятил Своим пребыванием на земле все возрасты человеческой жизни (Adv. haer. 2, 23, 2). А известно, что Ириней был учеником св. Поликарпа Смирнского, который имел своим учителем Иоанна Богослова, а в таком случае это такой авторитет, перед которым авторитет Евсевия может в прах рассыпаться. Ириней говорит, что Христос был пресвитерос (по-гречески). Но удобно ли называть так человека 30 лет? А что наружность Христа была не из цветущих, об этом есть свидетельство в самом

Евангелии (Иоанна). Так фарисеи возражали Христу: «Тебе нет и пятидесяти лет, а Ты говоришь, что видел Авраама» (Ин 7, 57). «Очевидно, — заключает Болотов, — что на вид Ему было гораздо более 30 лет» (Болотов, цит. изд., т. 1, с. 91).

Предположение о том, что Господь распят был в 30 г. от Р. Х., приблизило бы продолжительность Его земной жизни к традиционным 33 годам, но в этом случае, имея в виду содержащееся в Евангелии от Луки (Лк 3, 1–2) указание на то, что начало проповеди Иоанна Предтечи, предшествующее крещению Христа, относится к 15-му году правления Тиберия, иными словами, к 29 г. от Р. Х., по вычислениям Дионисия Малого, сама продолжительность общественного служения Христа составляла бы не 3 года, а только приблизительно один год. Впрочем, именно такой точки зрения в древности придерживался Ипполит Римский. Иные варианты года крестной смерти Спасителя вытекают из католической версии о распятии Христа не 14, но 15 нисана, в первый день, когда полагалось вкушать опресноки. Тенденциозность этой концепции, призванной оправдать употреблении в латинской Евхаристии не квасного, а пресного хлеба, очевидна.

На третий день после распятия Господь воскрес, являлся потом Своим ученикам, на 40-день по воскресении вознесся от них на небо; и затем в день Пятидесятницы, по Его обетованию, на апостолов в виде огненных языков снизошел Святой Дух. Так родилась Церковь Христова.

Помимо Нового Завета и позднейших христианских сочинений, об Иисусе Христе и первоначальной Церкви есть свидетельства и в других источниках, среди которых самым важным являются «Иудейские древности» Иосифа Флавия: «Около того времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любил Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по Его имени» (Иосиф Флавий, цит. изд., т. 2, с. 218–219). Трудно объяснимой загадкой является то обстоятельство, что сам Иосиф Флавий, исповедав веру

в то, что Иисус — это обетованный пророками Мессия, Христос, сам не стал христианином, но до конца жизни оставался приверженцем фарисейской секты. Предположение скептиков, что это знаменитое место из «Иудейских древностей» — позднейшая христианская интерполяция, опровергнуто, в частности, обнаруженным уже в XX веке и ранее неизвестным арабским переводом этой книги, выполненным вне христианской среды, в котором однако это место также присутствует.

Тертуллиан писал в своей «Апологии»: «Когда Тиверию, при котором имя христиан вошло в мир, пришло известие из Палестины... об этом учении, он сообщил о нем сенату, дав понять, что это учение ему нравится. Сенат, однако, отверг его, как не рассмотренное заранее. Тиверий остался при своем мнении и угрожал смертью тем, кто доносил на христиан» (цит. по: Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993, с. 49). Ручаться за достоверность этих сведений затруднительно, и все же Тертуллиан — писатель древний, которого от Тиберия отделяют всего полтора столетия, к тому же юрист, уже сама профессия которого должна отвращать от легковерия, тем более от лжесвидетельства.

Опираясь на Тертуллиана, Евсевий подробнее развил эту тему в «Церковной истории»: «По издревле укоренившемся обычаю, областные правители должны были сообщать лицу, облеченному верховной властью, о всех местных новостях, чтобы ничто не ускользало от императорского глаза. Пилат сообщил императору Тиверию, что по всей Палестине идет молва о Воскресении Спасителя нашего, Иисуса, что ему известны и другие Его чудеса и что в Него, воскресшего из мертвых, многие уже уверовали как в Бога. Тиверий, говорят, доложил об этом сенату, но сенат отверг это известие под тем предлогом, что он не занимался предварительного его рассмотрением: по издревле укоренившемся закону, никто не мог быть признан у римлян богом иначе, как по голосованию и декрету сената» (Евсевий, цит. изд., с. 48–49).

В средневековье на Западе возник апокриф «Смерть Пилата» (*Mors Pilati*), в котором рассказано об исцелении Тиберия Христом. Когда принцепс тяжело заболел, до него дошли слухи о великом Целителе из Иудеи. Не зная о том, что он уже распят прокуратором Пилатом, Тиберий послал за ним Волусиана. Там он узнал о казни Иисуса и встретился со святой Вероникой,

которая в христианском предании отождествляется с кровоточивой женщиной, получившей исцеление от прикосновения к одеждам Христа. В латинском апокрифе она представлена владелицей Нерукотворенного Образа Спасителя, который запечатлелся на холсте, когда Господь приложил Его к Своему лику, а Вероника приготовила этот холст, чтобы художник изобразил на нем Его портрет; по более распространенному преданию, Вероника протянула Христу, следовавшему на Голгофу, свое покрывало, чтобы Он отер им со Своего лица пот и кровь. Вероника сказала Волусиану, что Тиберий выздоровеет, если только посмотрит с благоговением на Нерукотворенный Образ. Волусиан с Вероникой принесли Образ Тиберию, и тот исцелился после того, как исполнил совет Вероники. Есть ли в этом рассказе доля правды, сказать трудно, но предание о предсмертном обращении Тиберия существует.

Известно также предание о том, что больного Тиберия посетила святая Мария Магдалина. Рассказав ему о жизни и учении Христа, о суде над Ним Пилата, о Его крестной смерти, она преподнесла принцепсу красное яйцо со словами: «Христос воскрес!»

4. Правление Калигулы

В Риме Пилат застал нового принцепса Гая Германика Цезаря, по прозвищу Калигула. Там же находился тогда и внук Ирода Великого Агриппа, подружившийся с Гаем. Незадолго до своей смерти Тиберий приказал заковать Агриппу в оковы по доносу его вольноотпущенника и возницы, который подслушал, как его бывший господин во время прогулки «выразил желание, чтобы Тиверий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 227). По рассказу Иосифа Флавия, вольноотпущенник Агриппы, узнав о смерти Тиверия, пришел к нему в темницу, «наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: «Лев умер!»» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 233). Гай Калигула вскоре освободил Агриппу и «вместо той железной цепи, в которую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 234). Агриппе возвращен был престол, и он был не единственным восточным династом, дружбой с которыми дорожил юный наследник Тиберия, приверженца римских олигархических и республиканских традиций. Тиберия в свое время тревожили

монархические замашки Гая, в духе его знаменитого прадеда Антония, который в Александрии и внешне старался уподобиться царям из династии Птолемеев, а то и самим фараонам.

По меткому замечанию К. Криста, «принципат Гая Калигулы во всех отношениях представлял собой крайнюю реакцию на предшествующее правление Тиберия. На смену нелюдному старцу пришел тщеславный юноша, избалованный ранней популярностью. Последнего республиканского принцепса, как его называли, сменил монарх, с ранних лет общавшийся с эллинистическими вассальными принцами... За трезвомыслящим Тиберием, которого отталкивало культовое отношение к его собственной личности, последовал юный фантазер, не колебавшийся отождествлять себя с богами и требовавший воздаяния ему божеских почестей» (Christ, cit. op. S. 207–208).

Своей неслыханной популярностью Гай обязан был не только молодости, которая воспринималась народом по контрасту с образом его престарелого предшественника, но и ореолом, окружавшим имя его отца Германика, ранняя смерть которого потрясла Рим, хотя Гай и не отличался привлекательностью своего отца даже внешне: по характеристике Светония, «росту он был высокого, цветом лица очень бледен, тело грузное, шея и ноги очень худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы на голове — редкие, с плешью на темени, а по телу — густые» (Светоний, цит. изд., с. 123). И все-таки он был молод и внушал народу радужные надежды, так что пока Калигула следовал из Мизен в Рим с телом Тиберия, на пути его встречали ликующие толпы народа. Перед лицом народного энтузиазма сенату ничего не оставалось как на заседании, состоявшемся 29 марта 37 г., вручить Гаю Германику Цезарю одним актом всю полноту полномочий, которые ранее принадлежали Тиберию и которые он, в отличие от своего предшественника, воспринимал не как совмещение республиканских магистратур, но как своего рода квазимонархическую власть.

Поэтому в самом начале правления он подчеркнул существенную значимость династического элемента в своем правлении. По словам Светония, «Тиберия он с горькими слезами почтил похвальной речью перед собранием и торжественно похоронил. Тотчас затем он отправился на Пандатерею и Понтийские острова, спеша собрать прах матери и братьев... приблизился к их останкам благоговейно, положил их в урны собственными

руками» (Светоний, цит. изд., с. 109). Останки были торжественно погребены в мавзолее Августа. В их память были установлены всенародные ежегодные поминальные обряды. В честь своего отца Германика он назвал месяц сентябрь. Своей бабке по матери Антонии Гай назначил все почести, которые ранее воздавались Ливии, а своего дядю Клавдия, хотя тот еще не имел сенаторского звания и был лишь всадником, новый принцепс назначил своим коллегой по консулату. «В честь своих сестер он приказал прибавлять ко всякой клятве: «И пусть не люблю я себя и детей моих больше, чем Гая и его сестер» (Светоний, цит. изд., с. 109).

А вот что касается Тиберия Гимелла, то, потребовав от сената признать себя единственным наследником имущества скончавшегося принцепса и тем самым лишив наследства его родного сына, взамен он усыновил Гимелла в день его совершеннолетия, объявил его своим наследником и назначил главою юношества *princeps juventutis* — звание, известное со времен Августа.

Сенатская олигархия в своих полномочиях стеснена была Гаем не только чрез концентрацию монархических элементов во власти, но и ввиду расширения политических прав народа — в этом отношении Гай Цезарь шел по стопам популяров и основателя династии Юлия Цезаря. Он возвратил центуриатным комициям право выбора магистратов, которого они лишены были Тиберием, не вмешивался в отправление магистратами их судебных полномочий, возобновил по примеру Августа публикацию отчетов о состоянии республики, которая была прекращена при Тиберии. Калигула помиловал осужденных при его предшественнике, велел не принимать больше доносы, и даже оставил без расследования один из доносов о плане покушения на его жизнь. Жители Италии были освобождены от полупроцентного налога на продажи. Раздача щедрых подарков преторианцам, устроенные его иждивением грандиозные цирковые представления, гладиаторские бои и травля зверей довели всенародную любовь к Калигуле до высокого градуса. Его уже величали «отцом войска», «Цезарем благим и величайшим».

Популярности юного императора в провинциях способствовали широкие жесты по отношению к вассальным царям — он возвратил им престолы, которых они лишились при Тиберии, при этом им были назначены компенсации ущерба, причиненного неуплатой им податей за время, пока они лишены были

власти. Так, Антиоху Коммагенскому передано было сто миллионов сестерций — ощутимая потеря для римской казны.

Калигула, голову которого вскружила небывалая народная любовь, вообще не стеснял себя в расходах: он завершил начатые Тиберием постройки: храм Августа и театр Помпея, начал строить новый акведук из окрестностей Тибура в Рим, восстановил рухнувшие от ветхости крепостные стены Сиракуз. Помимо полезных строений, Гай воздвиг и нечто небывалое, исключительно затратное и нелепое в своей помпезности. По словам Светония, «он перекинул мост через залив между Байами и ПUTEОЛАНСКИМ МОЛОМ, ДЛИНОЙ почти в три тысячи шестьсот шагов: для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. По этому мосту он два дня подряд разъезжал взад и вперед» (Светоний, цит. изд., с. 111). А в планах Калигулы было также вырыть канал через Истмийский перешеек и основать город в Альпийских горах.

В результате казна, которую берег и умножал Тиберий, истощилась, но Калигула нашел безотказный способ ее пополнения: аресты и казни богатых сенаторов, которых он не без оснований называл «прихвостнями Сеяна», с конфискацией их имущества в пользу императорского фиска. Причем даже рабам дозволено было обвинять своих господ в измене. Страх за жизнь побуждал сенаторов сносить любые унижения. Калигула заставлял сенаторов облаченными в тоги бегать за своей колесницей или прислуживать ему за обедом, стоя у его изголовья с полотенцем в руках. Для унижения сенаторов и магистратов он пообещал назначить консулом своего любимого коня Инцитата. Трепеща за самих себя, сенаторы становились соучастниками злодеяний. Если верить Светонию, однажды, «замыслив разорвать на части одного сенатора, он подкупил несколько человек напасть на него при входе в курию с криками «враг отечества!», пронзить его грифелями и бросить на растерзание остальным сенаторам; и он насытился только тогда, когда увидел, как члены и внутренности убитого проволокли по улицам и свалили грудой перед ним» (Светоний, цит. изд., с. 115).

Патологическая жестокость императора, жертвой которой падали чаще всего сенаторы, обрушивалась и на лиц из других сословий, особенно на всадников. «Многих граждан из первых сословий он, заклеив раскаленным железом, сослал

на рудничные или дорожные работы, или бросил диким зверям, или самих, как зверей, посадил на четвереньки в клетках, или перепилил пилой, — и ни за тяжкие провинности, а часто лишь за то, что они плохо отозвались о его зрелищах или никогда не клялись его гением» (Светоний, цит. изд., с. 115). Был случай, когда при жертвоприношении он оделся как помощник резника, и когда подвели жертвенное животное, обрушил удар молота не на животное, а на резника, который тут же упал замертво. А однажды Калигула, как рассказывает Светоний, в досаде воскликнул: «О если бы у римского народа была только одна шея!»... Он даже не скрывал, — продолжает тот же писатель, — как жалеет о том, что его время не отмечено никакими всенародными бедствиями: правление Августа запомнилось поражением Вара, правление Тиберия — обвалом амфитеатра в Фиденях, а его правление будет забыто из-за общего благополучия» (Светоний, цит. изд., с. 116).

Террор, развязанный принцепсом, поглотил близких ему людей: были умерщвлены внук Тиберия Гимелл, Макрон и его жена Энния, которые помогли ему унаследовать власть, своего тестя Силана Калигула принудил покончить с собой, и тот пререзал себе горло бритвой. После убийства Макрона, на которого Калигула опирался в первое время своего правления и советам которого следовал, он дал, наконец, волю своим жестоким причудам. «Консулов, которые забыли издать эдикт о дне его рождения, он лишил должности, и в течение трех дней государство оставалось без высшей власти» (Светоний, цит. изд., с. 114). Это замечание Светония любопытно в том отношении, что, несмотря на монархические выходки Калигулы, юридически Рим и при нем оставался республикой — «высшая власть», оказывается, формально принадлежала республиканским магистратам — консулам, при всем их реальном безвластии и простирации в прахе под ногами принцепса.

«Немного недоставало, — пишет Светоний, — чтобы он... принял диадему и видимость принципата обратил в царскую власть. Однако его убедили, что он возвысился превыше и принцепсов и царей. Тогда он начал притязать уже на божеское величие» (Светоний, цит. изд., с. 112). Калигула велел доставить из Греции статуи Зевса Олимпийского и других богов, снять с них головы и заменить их собственными изображениями. Он приказал так перестроить свой Палатинский дворец, что храм

Кастора и Поллукса оказались прихожей его дворца, кроме того, он велел воздвигнуть храм, посвященный его божеству, в котором поставлена была его статуя и перед ней совершались жертвоприношения: закаляли павлинов, фламинго, фазанов, цесарок и тетеревов. И «по ночам, когда сияла полная луна, он неустанно звал ее в свои объятия и на ложе, а днем разговаривал с Юпитером Капитолийским: иногда шепотом, то наклоняясь к его уху, то подставляя ему свое, а иногда громко и даже сердито» (Светоний, цит. изд., с. 112).

Некоторые историки считают, что Калигула стал жертвой внезапно обрушившейся на него душевной болезни, что он, попросту говоря, сошел с ума. Он в самом деле в детстве страдал эпилепсией, его постоянно мучала бессонница, так что по ночам он спал не более трех часов, проводя большую часть ночи в блужданиях по дворцу; порой он, уподоблявший себя бессмертным богам, впадал в безотчетный страх, в грозу закутывал голову или забирался от ужаса под кровать. И все же эти психопатические симптомы на настоящую душевную болезнь не тянут. Болезнь Калигулы только отягощена была медицинскими осложнениями, а суть ее в духовном помрачении и ослеплении: как писал о нем Иосиф Флавий, «он требовал себе божественных почестей и желал, чтобы подданные поклонялись ему как Богу» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2, с. 251). Вообразив себя богом, он уподобился скотам несмысленным.

Одержимый манией величия, Калигула стыдился своих недостойных, как он считал, предков. Агриппу он отказывался признавать своим дедом из-за его скромного происхождения, утверждая, что его бабка Юлия родила Агриппину не от мужа, но от своего родного отца — Августа. В кровосмешении он, имея в виду, вероятно, обычаи обожествляемых фараонов, отчасти усвоенные Птолемеями, находил особенно очевидную манифестацию божественной природы. Сам он вступил в преступную связь со своими сестрами. «Одну из них, Друзиллу, — по словам Светония, — он лишил девственности еще подростком... Потом ее выдали за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но он отнял ее у мужа, открыто держал как законную жену... Когда она умерла, он установил такой траур, что смертным преступлением считалось смеяться, купаться, обедать с родителями, женой или детьми. А сам, не в силах вынести горя, он внезапно ночью исчез из Рима, пересек Кампанию, достиг Сиракуз

и с такой же стремительностью вернулся, с отросшими бородой и волосами... Остальных сестер он любил не так страстно и почитал не так сильно: не раз он даже отдавал их на потеху своим любимчикам» (Светоний, цит. изд., с. 113).

Разврат императора, вообще, далеко превосходил невысокие моральные стандарты его эпохи, тем более что творился он напоказ, публично и сопряжен был с садистскими наклонностями. Он отнимал чужих жен у их мужей: у Гая Пизона отнял Ливию Орестиллу прямо на свадебном пиру, когда пришел поздравить новобрачных. Его кратковременными, но официальными женами побывали Лоллия Павлина, бывшая раньше замужем за консулярием Гаем Меммием, а также Цезония, которая до того, как была объявлена супругой принцепса, от первого мужа родила уже трех дочерей. Но и помимо того, по словам Светония, «ни одной женщины он не оставлял в покое. Обычно он приглашал их с мужьями к обеду, и когда они проходили мимо его ложа, осматривал их пристально и не спеша, как работорговец... Потом он... выходил из обеденной комнаты и вызывал к себе ту, которая больше всего ему понравилась; а вернувшись... громко хвалил или бранил ее, перечисляя в подробностях, что хорошего и плохого нашел он в ее теле» (Светоний, цит. изд., с. 118), а при этом еще связи со знатными юношами, вроде второго мужа своей сестры Марка Эмилия Лепида и Валерия Катуллы, или с артистами, например, с мимом Мнестором.

Несмотря на все свое легкомыслие, Калигула все-таки понимал, что своими выходками он нажил много врагов, и для сохранения власти нуждается в восстановлении былой популярности, которую надеялся снискать внешнеполитическими успехами и военными победами. На востоке империи положение казалось надежно обеспеченным. Еще в начале правления Гая парфянский царь Артабан, враждовавший ранее с Тиберием, заключил с новым принцепсом договор о дружбе. Но критическая ситуация сложилась в подвластной Иудее. Калигула приказал, чтобы в Иерусалимском Храме была воздвигнута его статуя и чтобы иудеи оказывали ей божественное поклонение, тем самым поставив Иудею на порог восстания. От этого плана он отказался лишь по совету своего друга Иудейского царя Ирода Агриппы. В Александрии при поддержке городской администрации произошли столкновения между эллинами и местными иудеями. В связи с происшедшими беспорядками зимой 39 г. в Рим к принцепсу

отправились представители обеих александрийских общин. Среди посланцев иудеев был и знаменитый философ Филон, который описал эту поездку. На приеме, которым Калигула удостоил иудеев, он обращался к ним как к богоненавистникам, не считаящим его богом, но затем, переменив настроение, пожалел их за то, что они в духовной слепоте не верят, что он принял в себя божественную природу.

Внимание принцепса было привлечено к границе на Рейне, где своими блестящими победами в свое время прославился его отец Германик. Он решил совершить поход на север, но пока готовился к нему, был открыт заговор, во главе которого стоял командующий верхнегерманскими легионами Гней Лентул Гетулик и в который был вовлечен муж его любимой сестры Друзиллы Марк Эмилий Лепид, который после смерти своей жены был любовником ее сестры Агриппины. Заговорщики были казнены, а сестры принцепса Агриппина и Юлия отправлены в ссылку по подозрению в соучастии. Возможно, что поход в Германию Калигула как раз и осуществил ради наведения порядка в германских легионах, которыми командовал заговорщик. Оперативное командование легионами, отправившимися с Гаем на рейнскую границу, осуществлял будущий принцепс Гальба.

Самый поход носил фарсовый характер. Калигула лишь имитировал боевые действия: несколькими германцам из своей охраны он приказал переправиться через Рейн, скрыться в лесу, а потом возвратиться на левый берег реки и громким криком представить нападение значительных сил, после чего император с отрядом преторианцев бросился в лес на этот шум. И потом они вернулись в лагерь из леса как победители. Затем армия пришла на берег Ла-Манша, легионеры готовились к десанту в Британию, но внезапно император приказал собирать раковины для приношения их Капитолию и Палатину. Единственным следом экспедиции остался выстроенный на морском берегу высокий маяк, который Калигула сравнивал с Форосом, уподобляя тем самым себя Александру Македонскому. В 40 г. Калигула вернулся в столицу.

Число недовольных им росло. Главными его врагами оставались, конечно, безмерно униженные им сенаторы, но сами они были бессильны свергнуть утратившего чувство реальности императора, которому сохранили верность легионы и популярность которого не иссякла в римском плебсе. Калигула пал

жертвой заговора, задуманного преторианским трибуном Кассием Хереей. Как пишет Светоний, над ним «Гай не уставал всячески издеваться: то обзывал его неженкой и бабнем, то назначал ему как пароль слова «Приап» или «Венера», то предлагал ему в благодарность за что-то руку для поцелуя, сложив и двигая ее непристойным образом» (Светоний, цит. изд., с. 125).

15 января 41 г. в подземном переходе дворца император был поражен кинжалами заговорщиков. Вместе с ним были убиты его жена Цезония и дочь Юлия Друзилла, которую заговорщики разбили об стену. По словам Иосифа Флавия, более обстоятельно описавшего покушение, заговорщики «ужаснулись своего поступка, потому что убийство императора было связано для них с большой опасностью, ввиду того, что он был почитаем и любим безрассудной толпой и солдаты, отыскав его, не оставили бы этого деяния без кровавой мести» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2, с. 261). Убийцы тайком скрылись во дворце отца Калигулы Германика, примыкавшем к резиденции принцепса. Но прибежавшие на шум телохранители-батавы убили нескольких заговорщиков и попавшихся им в руки сенаторов. Совершая эти убийства, германцы надеялись, что охраняемый ими император жив; когда же они убедились в его гибели, они успокоились и прекратили резню.

5. Правление Клавдия

Обрадованные смертью ненавистного императора и успокоением верных ему телохранителей германцев, сенаторы собрались в курии на совещание. В течение двух дней они обсуждали предложение об упразднении принципата и восстановлении олигархического правления, но трезвомыслящие сенаторы понимали несбыточность этого прожекта.

Между тем, во время суматохи, возникшей во дворце в связи с убийством Калигулы, его дядя Клавдий спрятался в галерее за занавеской. Пробегавший мимо преторианец, увидев его ноги, вытащил из-за занавески перепуганного Клавдия, который умолял его о пощаде, а тот приветствовал его как императора и немедленно доставил в преторианский лагерь, находившийся за Коллинскими воротами. «На следующий день, — пишет Светоний, — когда сенат, утомленный разноголосицей противоречивых мнений, медлил с выполнением своих замыслов, а толпа стояла кругом, требовала единого властителя и уже называла

его имя, — тогда он принял на вооруженной сходке присягу от воинов и обещал каждому по пятнадцать тысяч сестерциев — первый среди цезарей, купивших за деньги преданность войска» (Светоний, цит. изд., с. 132). Сенат вынужден был признать принцепсом Клавдия, который потому и сохранил жизнь при Калигуле, что он считал его совершенно неспособным к управлению государством.

Сын Друза и брат Германика, он родился в 10 г. до Р. Х., и ко времени своего восхождения на высшую ступень власти был уже, не в пример своему злосчастному племяннику, пожилым 50-летним человеком. Воспитывался он без отца, рано скончавшегося, в детстве много болел, и когда вырос, считался не только телесно немощным, но и умственно расслабленным. Его бабка Ливия относилась к нему с презрением, редко общалась с ним, и даже, если верить Светонию, когда хотела «кого-нибудь укорить в тупоумии, говорила: «глупей моего Клавдия» (Светоний, цит. изд., с. 129). И Август и дядя Клавдия Тиберий безусловно исключали его из числа возможных преемников. Хотя Калигула и почтил своего дядю однажды должностью консула, но безжалостно унижал его по всякому поводу, обращаясь с ним как с безобидным шутком.

Между тем, Клавдий блестяще учился в детстве, обладал обширной эрудицией, был великолепно начитан в латинской и греческой литературе, превосходно знал этрусский язык, усердно предавался ученым занятиям и составил не дошедшие до наших дней труды по истории Карфагена и этрусков на греческом языке, и на латинском — обширную биографию Августа, автобиографию, а также апологию Цицерона. Он настолько серьезно относился к своим историческим и филологическим штудиям, что, когда уже стал принцепсом, инициировал реформу латинского алфавита, в который распорядился внести три новые буквы, сохранившиеся в некоторых надписях, но после него выведенные из употребления. Подобные увлечения воспринимался в высшем кругу римского общества как эксцентрическое чудачество. Незаурядные способности Клавдия обнаруживались не только в антикварных ученых изысканиях, но и в продуманности некоторых его административных начинаний, в глубокомыслии отдельных его высказываний, сохранившихся у Тацита. Интеллект его был высоко развит, но он не отличался быстротой ума, способностью к немедленной реакции, так что Август

и Тиберий справедливо считали его неспособным к карьере полководца и политика, и душа его лежала не к государственным делам, а к тихим кабинетным занятиям.

В пору своего принципата он обнаруживал чрезмерную зависимость от сторонних влияний, малодушие и крайнюю нерешительность в поступках, неспособность интриговать и беззащитность перед окружавшими его интриганам, разве только когда подчинялся воле кого-либо из сановников, кто, действуя обычно в личных интересах, советовал ему принять надлежащие меры против угрожавшей ему опасности, и тогда он, нехотя, принимал их. Это, однако, не значит, что Клавдий отличался добротой и сострадательностью к людям, способностью прощать. Как это часто свойственно бывает людям душевно вялым, малодушным, трусливым, если уж он приходил в гневное возбуждение, то обнаруживал жестокость и кровожадность патологического свойства. Даже если Светоний преувеличивает, его наблюдения и характеристики не лишены интереса для понимания личности этого человека: «Пытки при допросах и казни отцеубийц заставлял он производить немедля и у себя на глазах... На гладиаторских играх... он всякий раз приказывал добивать даже тех, кто упал случайно, особенно ретиариев: ему хотелось посмотреть в лицо умирающим. Звериными травлями... увлекался он до того, что являлся на зрелища ранним утром и оставался сидеть даже когда все расходилось» (Светоний, цит. изд., с. 143). Свою речь он обильно уснащал поговорами и поговорками, что его биограф почему-то считает проявлением дурного вкуса. Клавдию свойственна была поразительная рассеянность и забывчивость. Так, вскоре после казни своей жены Мессалины он, садясь за стол, спросил, почему она не приходит обедать.

Светоний сообщает еще ряд любопытных сведений о внешнем облике и характере этого человека, умного и не злого по меркам своего времени, но тронутого тлением вырождения, с болезненной до садизма тягой к крови: «Наружность его не лишена была внушительности и достоинства, но лишь тогда, когда он стоял, сидел и в особенности лежал: был он высок, телом плотен, лицо и седые волосы были у него красивые, шея толстая. Но когда он ходил, ему изменяли слабые колени, а когда что-нибудь делал, отдыхая или занимаясь, то безобразило его многое: смех его был неприятен, гнев — отвратителен: на

губах у него выступала пена, из носу текло, язык заплетался, голова тряслась непрерывно, а при малейшем движении особенно... Пирыв он устраивал богатые и частые... До еды и питья был он жаден во всякое время и во всяком месте... От стола он отходил не раньше, чем отяжелел и взмокнув, и тут же ложился навзничь, чтобы во сне ему облегчили желудок, вставив перышко в разинутый рот. Спал он очень мало и обычно не засыпал до полуночи, зато иногда задремывал днем, во время суда, и ораторы, нарочно повышая голос, с трудом могли его разбудить. К женщинам страсть он питал безмерную, к мужчинам зато вовсе был равнодушен. До игры в кости был он великий охотник» (Светоний, цит. изд., с. 142–143).

Портрет шаржированный, но до известной степени достоверный. Страсть Клавдия к женщинам Светоний преувеличил. По крайней мере, в отличие от Калигулы, он не отнимал чужих жен у их мужей. Сам же в пору, когда его провозгласили принцепсом, был женат в третий раз: разведясь с предыдущими женами Плавтией Ургуланилой и Элией Петинной — на последней из-за ее разврата, он женился на дочери Мессалы Барбата, попав тем самым что называется из огня да в полымя, потому что Мессалина была настоящей нимфоманкой, и не скрывала своего распутства, совершенно подчинив своей воле доверчивого и малодушного мужа.

Оказавшись у высшей власти, Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, как он именовался в официальных актах, обнаружил незаурядное благоразумие. Желая ладить с сенатом, он отказался от имени императора, подчеркивая всячески, что он гражданин, чуждый монархических заскоков своего предшественника, все постановления которого были отменены, а статуи удалены. В то же время он должен был считаться и с армией, возвысившей его, преданной ему как наследнику Гая Юлия Цезаря, как Цезарю. Подобно римскому плебсу, армия привержена была единовластию, в котором видела защиту от унижительного засилия сенатской олигархии. Поэтому Клавдий оказывал знаки особого почитания своим династическим предкам: Августу, именем которого он клялся как самой священной клятвой, Ливии, Тиберию, своим родителям Друзу и Антонии и даже своему деду по матери Антонию, который в свое время был популярен в легионах. Он неизменно прославлял также своего брата Германика — любимца легионов и народа. Даже память

Калигулы он оградил от официального бесчестия тем, что отклонил предложение объявить день его гибели и своего прихода к власти праздником, а убийцу императора Кассия Херею и еще одного заговорщика Лупа он приговорил к смерти, но остальные участники заговора были прощены с целью водворить всеобщее примирение, в чем он собственно и преуспел.

Режим правления Калигулы был более мягким не только в сравнении со временами Калигулы, но и позднего Тиберия. Процессы по обвинению в оскорблении величества, представлявшие собой грозное орудие подавления всякой оппозиции еще со времен Тиберия, при нем не возбуждались, и сенаторы стали чувствовать себя несравненно комфортнее и безопаснее. Тем не менее, против него несколько раз устраивались заговоры, и заговорщики при этом пользовались поддержкой со стороны, по крайней мере, некоторых сенаторов. Один из самых опасных мятежей приходится на самое начало правления Клавдия, когда легата Далмации Фурия Камилла Скрибониана подчиненные ему легионы провозгласили императором, и тот отправил Клавдию письмо, в котором с угрозами потребовал от него оставить власть — в Риме среди сенаторов у него были приверженцы, и среди них Анний Винициан, но вскоре настроения в далматинской армии переменились, воины раскаялись в содеянном, и во искупление своей вины убили Скрибониана.

Не расположенный к делам государственного правления, Клавдий все-таки усердно занимался ими, и сознавая ограниченность своих сил, сумел привлечь к ним исключительно способных помощников, в выборе которых не считался с их худородностью. Это были его вольноотпущенники Нарцисс, Каллист, Паллас и Полибий. Эти фавориты, имевшие греческое происхождение, стали ключевыми деятелями правительства, которое, по существу, было создано Клавдием. Юридически правительственный аппарат не был органом государственного управления, а только своего рода конторой по управлению имуществом принцепса, но само это имущество достигло грандиозных масштабов, а фиск — казна принцепса — не уступал по размеру своим авуаров эрарию и расходовался далеко не только на содержание правителя и его двора, но и на общеимперские нужды, в частности, на армию. Клавдий образовал четыре дворцовых канцелярии — *officia: ab epistulis* (буквально — «по письмам»), а *rationibus* (по расчетам), а *libellis* (по прошениям), а *patrimonio*

(по наследственному имени императора) и *a studiis* (по исследованиям).

Во главе канцелярии *ab epistulis* был поставлен Нарцисс. Это было своего рода управление делами, чрез которое осуществлялась деловая переписка принцепса. В канцелярию шли отчеты и рапорты наместников провинций и военачальников, чрез нее рассылались распоряжения принцепса, адресованные подчиненным инстанциям, в ней составлялись эдикты и инструкции должностным лицам, подбирались кандидаты на должности, относившиеся к номенклатуре принцепса. Канцелярия представляла своеобразную параллель к разрядному приказу допетровской России.

Канцелярия *a rationibus*, состоявшая под началом Палласа, или Палланта, ведала фиском, иными словами, это было министерство финансов. Она управляла сбором налогов в провинциях принцепса, так называемым стипендием, и косвенным образом контролировала взимание налогов в сенатских провинциях, осуществляла фактический надзор и над эрарием, выдавала средства на общественные постройки, на чеканку монеты, на содержание армии и бюрократического аппарата, вела учет зерна, поступавшего в Рим для продовольственного снабжения столицы.

Канцелярия *a libellis* во главе с Каллистом принимала жалобы, назначала расследования по ним, на основании предварительного заключения по возбуждаемым таким образом делам принцепс собственноручно писал или диктовал резолюции, которые приводились в исполнение и служили затем источником права, на них впоследствии ориентировались должностные лица, когда принимали решения по аналогичным делам. Таким образом, это было своего рода министерство юстиции.

Меньшее значение имели канцелярия *a patrimonio*, управлявшая многочисленными именьями принцепса, подобная допетровскому дворцовому приказу или министерству уделов императорской России, а также *a studiis*, поощрявшая ученые труды и специально ведавшая государственным архивом. Существование подобной канцелярии характеризует просветительский пафос внутренней политики Клавдия.

Штаты этих канцелярий, как и их руководство, состояли из вольноотпущенников, чье значение в бюрократическом аппарате при Клавдии заметно выросло. Клавдий расширил полномочия

прокураторов, которые ведали финансами в провинциях, а в отдельных случаях осуществляли общее управление частями провинций. Они наделены были правом выносить судебные решения по делам фиска — императорской казны, между тем, на должности прокураторов ставились не только всадники, но и вольноотпущенники.

Административные реформы Клавдия соответствовали потребностям имперского управления. Не он начал трансформацию государственного строя: основы системы принципата, предполагавшие передачу львиной доли государственных полномочий от ежегодно сменяемых магистратов из сенаторского сословия, как это было в эпоху классической республики, принцепсу и формируемому им бюрократическому аппарату, действующему на постоянной основе, заложены были Августом. Клавдий лишь продолжил дело, начатое им, и выполнял его последовательно, продуманно и эффективно.

Но в сенаторской среде участие вольноотпущенников в управлении империй воспринималось с раздражением. Подобные настроения отразились у Светония, Тацита и Аврелия Виктора, который писал: «Вольноотпущенники, взяв большую силу, оскверняли все развратом, мучили людей ссылками, убийствами, проскрипциями. Феликса, одного из них, Клавдий поставил во главе легионов в Иудее... Полибию разрешено было шествовать между двумя консулами. Но всех их превзошел секретарь Нарцисс, который держал себя как господин своего господина, и Паллант, украшенный преторскими знаками отличия. Они оба были так богаты, что когда Клавдий жаловался на недостаток денег в казне, то в народе остроумно говорили, что у него могло бы быть денег в изобилии, если бы эти два вольноотпущенника принял его в свою кампанию» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 616).

Несмотря на природную лень и болезненность, преодолевая тягу к ученым кабинетным занятиям, которые увлекали его несравненно больше государственных забот, Клавдий, побуждаемый чувством долга, в чем он был подобен Августу и Тиберию, лично вникал во множество дел, регулярно участвовал в судах, внимательно выслушивал стороны и выносил обоснованные приговоры, иногда, правда, экстравагантного характера, которые со вкусом коллекционирует Светоний. «Одна женщина, — рассказывает он, — отказывалась признать своего сына, но ни

он, ни она не могли представить убедительных доказательств; Клавдий предложил ей выйти замуж за юношу и этим добился от нее признания... В другой раз шла речь о праве гражданства, и защитники завели пустой спор, выступать ли ответчику в плаще или в тоге; а он, словно похваляясь своим беспристрастием, приказал ему все время менять платье, глядя по тому, обвинитель говорит или защитник. Говорят, что по одному делу он заявил, и даже письменно: «Я поддерживаю тех, кто говорит правду». И на суде и в иных обстоятельствах Клавдий действовал как республиканский магистрат, как гражданин Рима, ничем не выказывая свое исключительное положение, тем более не корча из себя, подобно Калигуле, царя и бога. Порой он оставлял безнаказанными и самые дерзкие выходки против своей особы: «Какой-то грек, — рассказывает Светоний, причем неодобрительно, несмотря на свой антимонархический пафос, — в судебных прениях крикнул ему: «А ты и старик и дурак!» А один римский всадник, как известно, будучи обвинен по безосновательным наговорам врагов в распутной жизни и увидев, что в качестве свидетелей против него вызывают и выслушивают самых непотребных женщин, разразился на Клавдия бранью за его глупость и грубость и так швырнул ему в лицо грифель и дощечки, что сильно поцарапал щеку» (Светоний, цит. изд., с. 134–135). О том, как поступили с гневливым подсудимым, — неизвестно, но поскольку об этом Светоний не пишет, похоже, тот легко отделался, возможно, что был даже оправдан по выдвинутому против него обвинению. Но если даже исход дела был иным — до известной степени Клавдия характеризует уже сама эта выходка — обвиняемые не швыряли дощечки в сторону Калигулы и даже более уравновешенных принцепсов: Тиберия или Августа.

Наведя порядок в финансах с помощью своих талантливых помощников, Клавдий восполнил фискс и эрарий, опустошенные при его предшественнике, и употребил накопленные средства как на укрепление армии и ведение успешных военных операций, так и на масштабные сооружения. В 42 г. была построена новая гавань в Остии, у входа в нее поставлен волнолом, укрепленный специально для этого затопленным кораблем, на котором из Египта был доставлен в Рим обелиск, и сваями. В порту был также воздвигнут высокий маяк по образцу александрийского Фароса. Особенно грандиозным и затратным предприятием стало осушение части Фуцинского озера, в результате

чего расширены были площади пахотных земель вблизи Рима, и уменьшился риск оставить столицу без требуемого количества продовольствия в случае осложнений с его подвозом по морю. На осушение ушло 11 лет, в течение которых 30 тысяч работников трудились непрерывно — для сооружения водостока понадобилось прорыть туннель в горе, отделявшей озеро от моря. Рим Клавдий снабдил новым водопроводом, по которому в город потекла вода из Церулейского, Курциева и Альбудинского источников, и акведуком, доставлявшим воду из реки Аниена.

Политика Клавдия по отношению к провинциям принципиально отличалась от той, которую в свое время проводил Калигула, своим благоразумием и продуманностью. Если Калигула в начале своего правления по окраинам империи выкраивал территории, которые он передавал во власть местных вассальных династов, ранее эту власть утративших, а затем своими жестокими эскападами по отношению к зависимым правителям и народам сеял семена восстания, то Клавдий, с одной стороны, стремился к умиротворению провинций, а с другой, к тому, чтобы теснее привязать их к Риму, используя где надо вооруженную силу, но прибегая также к уступкам и поощрениям.

Чтобы прекратить распри между эллинами и иудеями в Александрии, Клавдий распорядился, чтобы местные эллины не притесняли иудеев, не посягали на дарованную им религиозную свободу, но чтобы в свою очередь иудеи не домогались привилегий, предоставленных александрийским эллинам.

В самой Иудее он снял накал мятежного напряжения тем, что отменил указ Калигулы о водружении его статуи в Иерусалимском Храме. Ирод Агриппа, с которым дружил Калигула, сумел стать другом и новому принцепсу, и тот, поставленный царем еще Калигулой, при Клавдии получил возможность расширить свои владения, восстановив Иудейское царство в границах, близких к тем, которые оно имело при его деде Ироде Великом. Но в 44 г. Ирод Агриппа умер на празднестве в Кесарии Палестинской, устроенном им в честь Клавдия. Как рассказывает Иосиф Флавий, «царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца... Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали ...громко возносить его и называть его богом... Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренностях его начинается сильнейшая

боль. Он поднялся с места и обратился к своим со следующими словами: «Я, которого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью. Судьба неожиданно изобличила мне всю лживость ваших уверений, ибо я, которого вы (только что) называли бессмертным, теперь должен умереть. Впрочем, следует покорно отнестись к решению Предвечного. Я рад, что прожил не как бездеятельный ленивец, но счастливо и с блеском»... Затем, промучавшись еще пять дней страшными болями в желудке, царь умер в возрасте пятидесяти четырех лет, на седьмом году своего правления» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. т. 2, с. 279–280).

О смерти Ирода Агриппы говорится и в «Деяниях апостолов»: после того, как преследуя христиан, Ирод поразил мечом Иакова Зеведеева и приказал заточить апостола Петра в темницу, а тот выведен был из нее Ангелом Господним, он распорядился казнить темничных стражей и отправился в Кесарию, и туда к нему явились просители из Тира и Сидона (см. Деян 12, 1–20). «В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: это голос Бога, а не человека. Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер» (Деян 12, 21–23).

После смерти Ирода Агриппы Клавдий назначил его брата Ирода тетрархом в прежнюю область четвертовластника Филиппа, а в Иерусалиме ему было поручено наблюдение над Храмом и предоставлено право назначать первосвященников. В Иудею вновь был направлен прокуратор — Куспий Фад, поставленный в зависимость от наместника Сирийской провинции Кассия Лонгина, сменившего в этой должности Марса, с которым в свое время не ладил Ирод Агриппа. Когда умер Ирод, Клавдий вместо него поставил тертрархом сына Ирода Агриппы Агриппу Второго.

В свое время Калигула пригласил в Рим, а потом принудил к самоубийству зависимого царя Мавритании Птолемея II, сына Юбы и дочери Антония и Клеопатры Селены, за то, что тот, явившись на бой гладиаторов, привлек к себе внимание роскошью своего пурпурного плаща. Следствием этого преступления стало восстание, подавление которого потребовало значительных сил. По приказу Клавдия Гай Светоний Паулин провел легионы через Атласский хребет, и в 42 г. основные силы повстанцев

были уничтожены. Еще во время ведения военных действий, в 41 г., Мавританию разделили на две провинции, находившиеся в прямом управлении принцепса: Мавританию Тингитскую на крайнем северо-западе континента и расположенную к востоку от нее Цезарейскую Мавританию, граничившую с Нумидией. Подавление разрозненных очагов сопротивления в Африке продолжилось затем еще в течение нескольких лет.

Чтобы надежнее защитить Средиземноморское побережье Малой Азии от набегов горцев, Клавдий лишил расположенные там греческие полисы юридической независимости и в 43 г. образовал на их территории провинцию Ликия и Памфилия. В созданном Августом зависимом Фракийском царстве не утихла династическая вражда, нередко там вспыхивали волнения, направленные против принудительного включения местных подданных во вспомогательные части римской армии. Для наведения порядка в этой стране Клавдий в 46 г. низложил местного царя и разделил страну, присоединив ее северную часть к Мезийской провинции, а из южной составив отдельную Фракийскую провинцию.

После смерти боспорского царя Аспурга Калигула передал его престол Понтийскому царю Полеону II, но сын Аспурга Митридат с этим не смирился и сам провозгласил себя Боспорским царем. Чтобы прекратить волнения, угрожавшие римскому протекторату над Боспором, Клавдий счел за лучшее восстановить справедливость в пользу Митридата, тот однако воспринял этот шаг принцепса как проявление слабости и возмечтал о полной независимости своего государства, но его брат Котис довел до сведения римских властей измену Митридата, и тогда Клавдий сместил его, передав престол Котису, а против мятежника направлены были римские войска, которые легко овладели столицей Боспора Пантикапеей, но когда римский отряд был отозван из Боспора, бежавший из него Митридат возобновил военные действия. Войска Котиса и оставшиеся в Пантикапее несколько римских когорт под командованием Юлия Аквилы не в состоянии были сопротивляться армии Митридата, но они обрели поддержку со стороны царя аорсов Эвнона. С помощью его конницы наступление Митридата было отражено; потерпев еще несколько поражений, он обратился к царю Эвнону, прося его о заступничестве перед римской властью. И Эвнон действительно отправил Клавдию письмо, в котором просил принцепса

«не о сохранении за ним власти и царства, но только о том, чтобы его не заставили следовать за колесницею триумфатора и он не заплатился своей головой» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 203). Клавдий дал гарантии безопасности Митридату, и тот был выслан Эвноном в Рим. В Боспоре же спокойно правил верный вассал Рима, который, по совместительству с царским саном, имел почетную должность верховного жреца Августа.

Во взаимоотношениях с самым сильным из соседних государств Парфией при Клавдии Рим попеременно имел успехи и неудачи. В начале его правления, воспользовавшись внутренней смутой в Парфии, Рим снова укрепил свое влияние в Армении с помощью соседних династов, но когда к власти в Парфии пришел Вологез I, он с помощью царя иверов Фарасмана и его сына Радамиста сумел погубить римского ставленника и брата Фарасмана Митридата, царствовавшего в Армении. По приказу Радамиста, коварно захватившего в плен своего дядю Митридата, он был задушен вместе со своей женой, а затем Радамист приказал перебить их сыновей. После этого злодеяния Вологез поставил царем в Армению своего брата Тиридата, а Клавдий решил не вмешиваться, тем самым уступив Армению Парфии.

На время основные заботы принцепса сосредоточены были на внутренних делах государства, а также на его западных границах. Чтобы предотвратить прорыв свободных германских племен через Рейн и лимес, римская администрация Верхней и Нижней Германии, действуя чрез свою агентуру, провоцировала и разжигала соперничество между племенами и династические распри внутри племен. В отдельных случаях предпринимались карательные экспедиции внутрь свободной Германии, не преследовавшие однако завоевательных целей, но совершавшиеся ради устрашения. В 50-м году на левом берегу Рейна в земле германского племени убиев была заложена Колония Агриппина, названная в честь новой супруги Клавдия и его родной племянницы Агриппины Младшей, дочери Германика, которая родилась на месте этой колонии. Эта колония, из которой впоследствии вырос город Кельн, стала одним из ключевых форпостов Рима на германской границе. На Рейне Клавдий продолжал политику активной обороны, основы которой были заложены Августом и Тиберием, скептически относившимися к завоевательным предприятиям своего племянника Германика. С фризами в течение нескольких лет пришлось вести затяжную войну,

которая не привела к изменению имперской границы. Но эта война с народом, обитавшим на морском берегу, важна была потому, что главным завоевательным предприятием Клавдия на западе стало вторжение в Британию, превращенной после своего покорения в римскую провинцию.

Клавдий заботился не только о том, чтобы расширять границы римских владений, но и об интеграции провинций. Как и его предшественники, в провинциях он предпочитал видеть не поместья римского народа, но составные части единой империи. Ради этой цели он поощрял предоставление гражданских прав провинциалам, оказавшим особые заслуги Римскому государству, в этом отношении следуя примеру скорее Юлия Цезаря, чем Августа и Тиберия, проявлявших большой консерватизм в охранении привилегий римлян и италиков. При Клавдии имели место случаи предоставления римского гражданства всему свободному населению целых городов. Но если кто мошеннически выдавал себя за римского гражданина, тем, по его указанию, отрубали головы на Эсквилинском поле. Клавдий также запрещал инородцам присваивать себе римские родовые имена (*nomina*), но этот запрет не распространялся на усвоение себе личных римских имен (*pronomina*), чтобы, с одной стороны, поощрять романизацию провинциалов, а с другой, препятствовать им втираться в узкий круг законных римских граждан.

Решительным шагом принцепса в сторону интеграции Косматой Галлии и ее политической и юридической романизации стало дарование знатным выходцам из нее *jus honorum* — права на магистратуру и последующее включение их в сенат. Этим правом уже раньше обладали жители Цизальпинской, а потом также и Нарбоннской Галлии. При обсуждении этой инициативы Клавдия в сенате выдвинуты были возражения узко патристического свойства, и тогда принцепс произнес одну из своих замечательных по глубокомыслию речей, характеризующую его как государственно мыслящего человека и делающую нелепыми потуги его недоброжелателей, вроде Светония и некоторых историков нашего времени, представить его в виде малосмысленного глупца.

Эта речь воспроизводится в виде надписи, найденной в Лигонии, а также у Тацита: «Пример моих предков и древнейшего из них Клавса, родом сабинянина, который, получив римское

гражданство, одновременно был причислен к патрициям, убеждает меня при управлении государством руководствоваться сходными соображениями и заимствовать все лучшее, где бы я его ни нашел. Я хорошо помню, что Юлии происходят из Альбы, Корункании — из Камерия, Порции — из Тускула, и, чтобы не ворошить древность, что в сенате есть выходцы из Этрурии, Лукании, всей Италии, и, наконец, что ее пределы были раздвинуты вплоть до Альп, дабы не только отдельные личности, но и все ее области и племена слились с римским народом в единое целое. Мы достигли прочного спокойствия внутри нашего государства и блистательного положения во внешних делах лишь после того, как предоставили наше гражданство народностям, обитающим за рекой Падом и, использовав основанные нами во всем мире военные поселения, приняли в них наиболее достойных провинциалов, оказав тем самым существенную поддержку нашей истомленной империи... Что же погубило лакедемонян и афинян, хотя их военная мощь оставалась непоколебленной, как не то, что они отгораживались от побежденных, так как те — чужестранцы? А основатель нашего государства Ромул отличался столь выдающейся мудростью, что видел во многих народностях на протяжении одного и того же дня сначала врагов, потом — граждан... Мы были разбиты галлами, но отдали мы заложников и этрускам, а самниты провели нас под ярмом. И все же, если припомнить все войны, которые мы вели, то окажется, что ни одной из них мы не завершили в более короткий срок, чем войну с галлами; и с того времени у нас с ними нерушимый и прочный мир. Пусть же связанные с нами общностью нравов, сходством жизненных правил, родством они лучше принесут к нам свое золото и богатство, чем владеют ими раздельно от нас! Все, отцы сенаторы, что теперь почитается очень старым, было когда-то новым; магистраты-плебеи появились после магистратов-патрициев, магистраты-латиняне — после магистратв-плебеев, магистраты из всех прочих народов Италии — после магистратов-латинян. Устареет и это, и то, что мы сегодня подкрепляем примерами, также когда-нибудь станет примером» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 189–190).

В римской литературе едва ли сыщется другой текст, который бы представлял собой столь же точный, яркий и убедительный, при всей своей афористической сжатости, очерк

политической истории полиэтничного Римского государства, в котором к тому же обозначен ключевой механизм его территориального расширения. Сенаторы, выслушав принцепса, вынуждены были согласиться с ним, и *ius honorum* предоставлен был выходцам из самого дружественного Риму галльского племени эдуев, позже эта привилегия шаг за шагом распространилась и на другие племена Галлии.

Приверженец старины, Клавдий восстановил должность цензоров, которая оставалась вакантной с 22 г. до Р. Х., сам стал одним из цензоров, поставив своим коллегой Луция Вителлия, и усердно исполнял цензорские обязанности: смотры всадников, чистки сената, назначение новых сенаторов, дарование римского гражданства и лишение гражданских прав, наложение взысканий на тех, кто своими действиями или образом жизни подрывал общественную мораль.

В результате проведенного в 47 г. Клавдием ценза обнаружилось, что число римских граждан составило 5984072 человека, оно увеличилось примерно на один миллион со времени ценза 13 г. от Р. Х. Столь значительное приращение за относительно короткий промежуток в 34 года не могло быть следствием одного только естественного прироста населения, в значительной мере этот рост происходил за счет провинциалов. Вместе с женами и детьми, не включавшимися в ценз, в империи проживало около 15 миллионов лиц, принадлежавших к семьям римских граждан, что более чем в два раза превосходило число всех жителей Италии и составляло примерно одну шестую часть населения Римской империи.

В том же 47 г. по указанию Клавдия Рим праздновал 800-летний юбилей своего основания. Юбилейные торжества сопровождались грандиозными секулярными играми, призванными продемонстрировать величие Рима и его блестящее положение. Расширение пределов империи послужило принцепсу хорошим предлогом для расширения римского померия.

Ревностный сторонник интеграции зависимых народов, Клавдий в то же время обнаруживал приверженность к отечественным традициям, к исконно римским религиозным установлениям. Экстатические культы варваров вызывали у него острое отторжение. «Богослужение галльских друидов, нечеловечески ужасное и запрещенное для римских граждан еще при Августе, он уничтожил совершенно» (Светоний, цит. изд., с. 140).

Особую важность для характеристики религиозной политики Клавдия имеет замечание Светония о том, что «иудеев, постоянно волнуемых Хрестом, он изгнал из Рима» (Светоний, цит. изд., с. 140). Это одно из первых упоминаний о Спасителе в нехристианской литературе. В правление Клавдия общины последователей Иисуса Христа распространились по городам Сирии, Египта, Малой Азии, в эти общины входили обращенные как из иудеев, так и из язычников. Римские власти тогда не заметили появления новой религии. Для них Христианская Церковь была одной из иудейских общин, и присутствие в ней не-евреев само по себе не побуждало к ревизии подобного представления, потому что в еврейской среде и ранее обреталось не мало прозелитов, так что веротерпимостью к иудеям со стороны римской администрации до поры до времени пользовались и христиане. Начиная с побиения камнями первомученика Стефана, умерщвленного еще при Тиберии, христиан преследовала иудейская толпа, подстрекаемая синедрионом и пользовавшимся авторитетом знатоками Закона. По домогательству иудейской верхушки Ирод Агриппа в 44 г. приговорил к смерти апостола Иакова Зеведеева, и тот был обезглавлен. Климент Александрийский рассказывает, что человек, который привел на суд апостола, потрясенный его бесстрашным свидетельством о Спасителе, исповедал себя христианином, за что также был приговорен к смерти. Это был один из столь характерных для ранней Церкви примеров мученического свидетельства, умножавшего число христиан.

В правление Клавдия в Иерусалиме составлено было первое Евангелие. Его изложил по просьбе местной христианской общины один из двенадцати апостолов Матфей, на языке, которым пользовались иерусалимские христиане, — арамейском или еврейском. Впоследствии Евангелие от Матфея перевели на койне, который был во всеобщем употреблении в эллинистическом мире и понятен образованным людям на западе Римской империи.

Обращение неистового гонителя христиан Савла, который на пути в Дамаск, где он должен был развернуть масштабное преследование последователей Христа, услышал обращенные к нему слова Спасителя: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян 9, 4), — стало одним из переломных событий в истории ранней Церкви, обретшей в его лице великого труженика на поприще евангельской проповеди. Павел, как его стали звать после

обращения, создал христианские общины в городах Финикии, Сирии, Каппадокии, Галатии, Памфилии, Фригии, Лидии, Карию.

Совершая второе свое миссионерское путешествие, он впервые ступил на европейскую землю. Это произошло в 10 году. В «Деяниях» об этом рассказано так: «Отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, оттуда же в Филиппы. ...В день же субботний мы вышли за город к реке, где по обыкновению был молитвенный дом, и севши разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багрянлицею, чтущая Бога, слушала, и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел. Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедила нас» (Деян 16, 11–15). Лидия стала первой известной по имени христианкой в Европе. Из Филипп апостол Павел со своими спутниками направился через Амфиполь и Аполлонию в Фессалоники, за этим последовала проповедь в городах Эллады.

Позже, уже в четвертое свое благовестническое путешествие, апостол добрался до Рима, но к тому времени там уже существовала христианская община. По словам Евсевия Кесарийского, «в царствование Клавдия, всеблагой и человеколюбивый Промысл привел в Рим... мужественного и великого апостола Петра, за свое мужество именуемого первым среди остальных апостолов. Он, как благородный вождь Божий, облеченный в божественные доспехи, принес с востока жителям запада драгоценное сокровище духовного света, самый свет и слово, спасающее душу, — проповедь о Царстве Небесном» (Евсевий, цит. изд., с. 62). Как пишет тот же Евсевий, в Риме Петр написал свое Первое Послание, и в нем «город этот метафорически называет он «Вавилоном» (Евсевий, цит. изд., с. 62).

По словам Евсевия, «есть молва, что Филон при Клавдии общался в Риме с Петром» (Евсевий, цит. изд., с. 63). В высшей степени вероятно, что в благожелательном, если не сказать апологетическом описании образа жизни так называемых «терапевтов», которое содержится в сочинении Филона Александрийского «О жизни созерцательной, или молитвенниках», отразились наблюдения знаменитого автора над христианской общиной. Правда, Филоновы терапевты подвизались не в Риме, но в Элладе, среди варваров, и, по преимуществу, в Египте, во всех его

номах, «и особенно в окрестностях Александрии», в месте, «расположенном за озером Мареотидой» (Евсевий, цит. изд., с. 64), тем не менее первое знакомство Филона с христианами могло произойти все-таки в Риме. Подобно Иосифу Флавию, Филон не стал христианином, но в своем уважительном отношении к христианской общине и он не совпадал с господствующей среди иудеев тенденцией, позже отраженной в Талмуде.

Во всяком случае, появление в результате проповеди апостола Петра христианской общины в Риме, в которую на первых порах вошли по преимуществу обращенные из иудеев, вызвало напряжение в иудейской диаспоре, грозившее обернуться опасным возмущением и беспорядками, побудило принцепса выдворить из столицы иудеев, «волнуемых спорами о Хресте», среди которых оказались и христиане. В числе изгнанных из Рима при Клавдии иудеев Евсевий, опираясь на свидетельство «Деяний» (см. Деян 18, 2), упоминает и несомненных христиан Акиллу и Прискиллу, которые «уйдя вместе с другими иудеями из Рима, высадились в Азии и жили вместе с апостолом Павлом, укреплявшим вновь основанные там Церкви» (Евсевий, цит. изд., с. 68).

Иудеи при Клавдии волновались не только в Риме, но и повсюду в диаспоре и в самой Палестине. По рассказу Иосифа Флавия, в праздник Пасхи в Иерусалиме «какой-то солдат позволил себе непристойную выходку в храме перед народом, который при виде этого рассвирепел, говоря, что солдат оскорбил не их, но самого Господа Бога» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. 2, с. 293). Попытка прокуратора Кумана успокоить народ к успеху не привела, и «тогда он собрал все войска и повел их в полном вооружении в замок Антонию, который... примыкал к самому храму. При виде солдат толпа испугалась и бросилась бежать. Но улицы были узки, и народ, предполагая погоню врагов, стал тесниться и толкаться, и таким образом на улицах были завалены во время этого бегства многие; число человеческих жертв тут было исчислено в двадцать тысяч» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 293–294). Так зрели «гроздь гнева», вылившиеся вскоре в восстание против римского господства, названное «иудейской войной».

Власть Клавдия подвергалась испытанию на прочность не только со стороны иудеев, остро переживавших унижение от властного присутствия в Священном Городе язычников, не только волнениями среди других покоренных Римом народов, не только северными

варварами, пытавшимися прорваться через лимес, но и интригами со стороны олигархической верхушки государства, вторгавшимися в самый дом принцепса.

Несчастьем Клавдия были его жены. О похождениях беспутной Мессалины знал весь Рим. Особо скандальный характер приобрела ее связь с юным красавцем сенатором Гаем Силием. Из ревности она принудила его расторгнуть брак с Юнией Силяной, причем Силий, вступив в связь с супругой принцепса и разведясь с женой, действовал не столько по страсти, сколько по необходимости, потому что в противном случае ожидал для себя мести со стороны неистовой Мессалины, а та что называется закусила удила, и следующим ее безумным шагом стал брак со своим любовником, заключенный с соблюдением надлежащих обрядов. Ослепленная похотью, она однажды осенью, презрев всякую осторожность, по рассказу Тацита, «устроила во дворце представление, изображавшее сбор винограда. Его выжимали в давилнях, в чаны струилось сусло, и женщины, облачившись в звериные шкуры, тут же плясали и прыгали как приносящие жертвы и исступленные вакханки; сама Мессалина с распущенными волосами, размахивая тирсом, и рядом с нею увитый плющом Силий, оба в котурнах, закидывали голову в такт распевавшему непристойные песни хору» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 193).

Поскольку долго оставаться тайным преступный брак не мог, независимо от прежних видов Силия после вступления в брак с Мессалиной единственным шансом на спасение жизни для него стало устранение Клавдия. Ближайшие советники принцепса из числа его вольноотпущенников осознали опасность, нависшую не только над их патроном, но и над ними самими, потому что радикальная перемена власти грозила им, фаворитам Клавдия, смертью, но ни Каллист, ни Паллас не решались вмешаться в ход событий, опасаясь немедленной реакции со стороны могущественной Мессалины; все это происходило в отсутствие Клавдия в Риме — он находился в ту пору в Остии. Действовать решил Нарцисс. По его подсказке наложница Клавдия Кальпурния, оставшись наедине с ним, доложила ему о браке Мессалины с Силием. Это сообщение подтвердила и тотчас же допрошенная другая наложница Клеопатра. Тогда Клавдий пригласил Нарцисса, и он, как пишет Тацит, «умолял принцепса простить его за молчание в прошлом, за то, что скрывал любовные связи его жены.., что и теперь не выступает ее обвинителем

в прелюбодеянии.., а добивается лишь одного, чтобы тот возвратил жену принцепсу и разорвал брачный договор с нею. «Или тебе неизвестно, что ты получил развод? Ведь бракосочетание Силия произошло на глазах народа, сената и войска, и если ты не станешь немедленно действовать, супруг Мессалины овладеет Римом» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 192–193).

В этой ситуации нерешительный и к тому же привязанный к Мессалине, имевшей на него большое влияние, Клавдий не мог уклониться от немедленных действий. Он срочно вернулся в Рим, явился в лагерь, где располагались когорты, и убедившись в их надежности, приказал арестовать Силия, который предан был суду там же, в воинском лагере. Юный сенатор не оправдывался и только просил скорее вынести приговор и предать его казни. Умерщвлены были и обвиненные в соучастии в преступлении Силия знатные римские всадники. Мессалина укрылась от гнева Клавдия в садах Лукулла, не теряя надежды разжалобить слабовольного мужа горестной участью их общих детей Британика и Октавии, которым предстояло сиротство в случае гибели их матери, и Клавдий в самом деле стал колебаться, не зная, как лучше поступить с нею, готовый выслушать ее оправдания. Тогда Нарцисс, не уверенный в способности принцепса довести дело до конца и как должно расправиться с Мессалиной, от его имени самовольно отдал приказ трибуну и центурионам, охранявшим дворец, немедленно умертвить ее.

Когда Мессалина, рядом с которой в Лукулловых садах находилась ее мать Лепида, увидела трибуна и вольноотпущенника Эвода, которому Нарцисс приказал проконтролировать ее убийство и который теперь осыпал ее площадной бранью, она поняла, что у нее нет выхода и попыталась покончить с собой ударом кинжала, но не смогла нанести себе смертельный удар, и тогда трибун пронзил ее мечом.

Овдовевшему принцепсу было предложено обзавестись новой, уже четвертой женой. Хотя, по словам Светония, после расправы над Мессалиной он «на сходке перед преторианцами поклялся, что так как все его супружества были несчастливими, то отныне он пребудет безбрачным, а если не устоит, то пусть они заколют его своими руками» (Светоний, цит. изд., с. 140), — но усердным настояниям своего окружения он уступил. Ему предлагались разные невесты: Каллист предлагал дочь бывшего консула Лоллию Паулину, Нарцисс — Петину, на которой Клавдий был

уже ранее женат и которая родила ему дочь Антонию, а Паллас — родную племянницу жениха дочь Германика и сестру Калигулы Агриппину Младшую, овдовевшую после брака с Гнеем Агенобарбом. Клавдий колебался, но Агриппина, «часто бывая у дяди на правах близкой родственницы, обольстила его и, предпочтенная остальным, но еще не жена, пользовалась властью жены» (Тацит, цит. изд., с. 197).

Официальный брак с племянницей, который в Риме считался кровосмесительным и нечестивым, смущал Клавдия, искренне уважавшего традиции, но, послушный Агриппине и Палласу сенат вынес постановление, позволяющее впредь заключать подобные браки, и в 49 г. Агриппина стала женой принцепса. За муж за пожилого и болезненного дядю, который к тому же слыл посмешищем среди своих родственников, она, разумеется, вышла не по увлечению, а из-за властолюбия — ее главной целью было добиться принципата для сына Домиция, и обладая, в отличие от Мессалины, пребывавшей в плену страстей, сильной волей и целеустремленностью, Агриппина способна была действовать расчетливо, хладнокровно и напористо. Еще до официального брака с Клавдием, она убедила его в государственной пользе включения ее сына в дом принцепса, и что лучше всего это сделать через брак юноши с дочерью Клавдия Октавией, хотя та и была уже просватана за претора Луция Силана. Податливый Клавдий пошел навстречу пожеланиям жены, и Силан был вынужден сложить с себя преторские обязанности, указом действовавшего в угоду Агриппине консула Луция Вителлия его исключили из списка сенаторов, а Клавдий объявил ему о разрыве помолвки. Предвидя для себя печальный конец, Силан в день свадьбы Клавдия с Агриппиной покончил с собой, и Октавию объявили невестой Домиция.

Следующим шагом возвышения Домиция стало усыновление его Клавдием, сделано это было по настоятельному совету Палласа, который, вступив в близкие отношения с Агриппиной, действовал в соответствии с ее видами. Переходя в род Клавдиев Домиций принял имя Тиберия Клавдия Нерона, одновременно Агриппина была возвеличена именем Августы. Вслед затем состоялся брак Нерона с Октавией. Домиция Нерона досрочно, в 14 лет, облекли в мужскую тогу, и еще до достижения 20-летнего возраста ему предоставлено было консульство, при этом на цирковых представлениях он стал появляться в одеянии

триумфатора, в то время как родной сын Клавдия Британник, который был лишь тремя годами моложе его, сидел рядом с ним, одетый в тогу претексту, полагавшуюся несовершеннолетним.

Однажды Британник при встрече с Нероном назвал сводного брата его прежним именем Домиций. Этим случаем умело воспользовалась Агриппина, пожаловавшись мужу на то, что окружение Британника внушает ему враждебные чувства к своему брату и что, если подстрекателей не остановить своевременно, из недоброжелательства между сыновьями принцепса может возникнуть большая опасность для государства. Клавдий внял предостережениям жены: воспитатели Британника, искренне преданные ему, были удалены, и сын принцепса оказался в окружении креатур Агриппины и ее любовника Палласа.

Между тем, еще в 49 г. для воспитания своего родного сына Агриппина пригласила выдающегося мыслителя и писателя Сенеку, который по ее просьбе был возвращен из ссылки Клавдием, за что он, естественно, исполнился благодарных чувств к матери своего воспитанника. Чтобы гарантировать себя от возможного противодействия своим планам со стороны префектов преторианских когорт Лузия Геты и Руфия Криспина, которых Агриппина подозревала в преданности Британнику, она убедила мужа ввести в когортах единоначалие, и вручить их выдающемуся полководцу Афранию Бурру. Клавдий последовал благоразумному совету жены, и теперь Агриппина могла рассчитывать на то, что в случае кризиса когорты под началом благодарного ей Бурра встанут на ее сторону.

При всей своей доверчивости и беззаботности, Клавдий не был идиотом и начинал подозревать, что вокруг него плетутся опасные для него интриги и что в центре их стоит его неверная жена, и однажды, бахвалясь от опьянения, он в присутствии Агриппины сказал: «Такова уж его судьба — выносить беспутство своих жен, а затем обрушивать на них кару»; «опасаясь за свое будущее, — пишет далее Тацит, — она решила действовать, и притом поспешить» (Тацит, цит. изд., с. 221).

Агриппина воспользовалась искусством составительницы ядов Локусты, и в изысканное грибное блюдо, приготовленное для Клавдия, был подмешан яд. О смерти принцепса объявили не сразу. Прежде были сделаны приготовления к провозглашению императором Нерона. И как рассказывает Тацит, в полдень, в третий день до октябрьских ид 54 г., «внезапно широко

распахиваются двери дворца и к когорте, по заведенному в войске порядку охранявшей его, выходит сопровождаемый Бурром Нерон. Встреченного по указанию префекта приветственными кликами, его поднимают на носилках... Принесенный в преторианский лагерь, Нерон, произнеся подобавшую обстоятельствам речь и пообещав воинам столь же щедрые, как его отец, подарки, провозглашается императором» (Тацит, цит. изд., с. 223). Сенат установил покойному принцепсу почести, подобающие богам, и божественный Клавдий, заботами своей жены Агриппины был похоронен с такой же пышностью, как и ранее него обожествленный Август.

6. Завоевание Британии

При Клавдии пределы Римской империи были впервые после Юлия Цезаря расширены в направлении на север. Произошло это в результате завоевания Британии, положившего начало включению ее в орбиту цивилизованного мира.

Британия — это самый большой европейский остров, отделенный от континента узким проливом Па-де-Кале, шириною всего в 22 километра, и Ла-Маншем, представляющим собой его продолжение. С востока его берега омывает Северное море, а с запада — Атлантический океан, а также Ирландское море и проливы Северный и святого Георгия. На севере к Британии прилегают Шетландские, Оркнейские и Гебридские острова, вблизи южного берега в Ла-Манше расположен остров Уайт, в этом проливе находятся также лежащие ближе к континентальному берегу Нормандские острова. Береговая линия Британии сильно изрезана, особенно на западе. Глубоко вклинивающийся в территорию острова Бристольский залив отделяет Корнуоллский полуостров от Уэльса. Расположенный также на западе залив Солуэй-Ферт находится на границе Англии и Шотландии. Важнейшие заливы на восточном берегу соприкасаются с шотландским берегом — это Ферт-оф-Форт и Мери-Ферт. Кроме того, на западе, и особенно в Шотландии, расположено много узких и глубоких заливов, подобных норвежским фьордам. В результате таких особенностей береговой линии на Британской земле нет места, которое бы было удалено от берега более чем на 120 километров, хотя протяженность острова с севера на юг составляет 890, а с запада на восток в самом широком месте — 482 километра. Тацит, характеризуя конфигурацию острова,

писал, ссылаясь на более ранних писателей: «Исходя из общих ее очертаний, красноречивейшие писатели, среди древних — Ливий, среди новейших — Фабий Рустик, сравнили Британию с продолговатым блюдом и обоюдоострой секирой» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 332). Берега Британии на западе и юге, а в Шотландии местами также и на востоке — высокие и крутые, местами скалистые, в то время как вдоль Северного моря тянется по преимуществу низменный берег.

На севере острова расположено Северо-Шотландское нагорье, глубоко расчлененное долинами с быстрыми порожистыми реками и озерами. Самая высокая вершина нагорья — Бен-Невис высотой до 1343 метров. Невысокие горные массивы характеризуют рельеф западной части Англии, где расположены Кемберлендские и Пенинские горы, и Уэльса с его Кембрийскими горами, самая высокая точка которых, гора Сноудон, достигает 1085 метров. Горы в Британии богаты каменным углем, а также издревле добываемыми там рудами железа, олова и цинка. Еще древние финикийцы, открывшие и эксплуатировавшие Британские острова, называли их «Оловянными». Восток и юго-восток Англии — это холмистая равнина, напоминающая ландшафты северной Франции и Бельгии.

Реки Британии, незначительные по своей длине, отличаются относительной глубиной, так что многие из них пригодны для судоходства, тем более что, впадая в заливы или фьорды, они не образуют дельты, так что их устья благоприятны для устройства гаваней, а приливы позволяют морским судам подниматься вверх по течению реки вглубь острова. О приливах и отливах не без изумления писал Тацит, не наблюдавший подобного явления в родном ему Средиземноморье: «Нигде море не властвует так безраздельно, как здесь; оно заставляет множество рек течь то в одну, то в другую сторону; оно не только вспухает и опадает у побережья, но также вливается и прокрадывается вглубь суши и проникает даже к подножиям горных кряжей и гор, как если бы то были его владения» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 332).

Самые большие реки Британии — Темза, протяженностью 344 километра, расположенная на юге острова и впадающая в Северное море, и Сенверн в Уэльсе и на западе Англии, впадающий в Бристольский залив. В Британии нет больших озер, но в Кембрийских горах расположена знаменитая «Озерная страна» с поразительно живописными горными озерами, на одном

из которых, Виландерском, находится 14 островков. Широко известно шотландское озеро Лох-Нес.

На климат Британии влияет Гольфстрим, от чего зима там мягкая и влажная, теплее, чем во Франции, и сопоставима с северной Италией — на побережье средняя температура января превышает 5 градусов, и только в горах — 2 градуса; хотя нередко она опускается ниже, причем морозы чаще случаются на востоке острова, а также в горах. Устойчиво снег держится лишь в гористой местности, долее всего — на северо-востоке Шотландии. Лето прохладное и дождливое, средняя температура июля в Шотландии — 13 градусов, а на самом теплом летом юго-востоке Англии всего 17 градусов, что сопоставимо с летней температурой в Карелии и Финляндии. В Британии преобладают западные ветры, которые приносят с собой дожди. В западной части острова более половины дней в году выпадают осадки, на востоке дожди и снег бывают реже, и все-таки даже там из 365 дней без осадков обходятся не больше 200. Но солнечных дней еще меньше. Воздух всегда насыщен влагой, образующей туманы, часто исключительно густые, существенно затрудняющие видимость.

Растительный покров в Британии средневропейского типа, с преобладанием смешанных лесов, но он радикально изменился в результате интенсивного хозяйственного использования почвы. Большая часть лесов ныне выкорчевана, и освободившаяся земля используется под пашни, пастбища, искусственно выращенные луга или поселения, а также в промышленных целях, но в древности густые и труднопроходимые чащи покрывали почти весь остров. Низменные места, особенно на юго-западе Англии, в доисторические времена были сильно заболочены. Для английских ландшафтов характерны особая свежесть лугов, сохраняющаяся в течение целого года благодаря обильным дождям и теплым зимам, а также вересковые пустоши, выросшие на месте ранее сведенных лесов.

Животный мир Британии изначально мало отличался от средневропейского, но коренная фауна подверглась тотальному истреблению, так что там не осталось водившихся прежде волков, и даже лисы, охота на которые составляет национальный спорт, как правило импортируются в страну. Для птичьего царства острова характерный вид — красная куропатка. Прибрежные воды богаты рыбой и устрицами.

На взгляд южанина Британия была крайне неприютной страной. По словам Тацита, климат там «отвратительный из-за частых дождей и туманов, но жестокой стужи там не бывает. Продолжительность дня больше, чем в наших краях; ночи светлые и в оконечной части короткие, так что вечерняя и утренняя заря отделяются лишь небольшим промежутком времени... Кроме оливы, виноградной лозы и других растений теплых краев, — продолжал писатель, отдавая должное богатству далекой и чуждой страны, — почва пригодна для прочих плодов земных и хорошо их родит; они медленно созревают, но стремительно идут в рост; причина того и другого — обилие влаги в земле и с неба. Доставляет Британия также золото, серебро и другие металлы» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 333).

В эпоху позднего неолита, на рубеже III и II тысячелетий до Р.Х. по всей Британии распространилась культура Райнио-Клектон, сменившая существовавшую ранее на юго-западе острова на Солсберийской равнине древнюю мегалитическую культуру, одним из центров которой было городище Уиндмилл-Хилл. Приблизительно в то же самое время в Британию с континента проникла культура колоколовидных кубков, оставившая большую часть своих артефактов в земле Шотландии, на севере Англии, но также и на соседнем острове — Ирландии. Носители этой культуры были охотниками и скотоводами, владели конскими табунами, употребляли луки, а также медные ножи, кинжалы и украшения. Возможно, что вторгшись в Британию, они покорили автохтонов, проживавших там, где поселились пришельцы. Преобладавшая некогда версия об индоевропейском языке носителей этой культуры ныне признается устаревшей, некоторые исследователи считают их ибероязычным народом, выходцами из Испании и Мавритании. С культурой Райнио-Клектон связан ранний этап сооружения знаменитого Стоухеджа, а также хенджа в Эйвбери. Завершение строительства Стоухеджа принадлежит уже другой культуре — Уэссекса. На юге Британии во второй половине II и начале I тысячелетия существовала культура бронзового века Деверел-Римбери, о языке носителей которого невозможно делать вразумительные заключения.

В VIII веке до Р.Х. началась кельтская колонизация Британских островов, которая включала в себя несколько этапов — можно выделить, по крайней мере, три следовавших одна за другой волны переселений кельтов с континента. Первыми переселенцами

были носители гальштадтской культуры, возможно, уже в самом начале часть их пользовалась зафиксированным уже только в IV веке до Р.Х. самоназванием «претани», трансформированным носителями латинского языка в «британи» или «бриты». При этом название Ирландии, Эйре, у греческих писателей — Иерне, соотносимое с этнонимом «арии», вероятно, употреблялось кельтами, поселившимися на этом острове. В III столетии до Р.Х. в Британию вторгаются носители культуры латен, на завершающем этапе распространения на острове этой культуры, уже в I веке до Р.Х., появляется последняя волна кельтских переселенцев с континента, с северо-востока Галлии, — белгов, которые ко времени вторжения в Британию Гая Юлия Цезаря занимали господствующее положение в стране, по крайней мере, на юге острова.

Как известно, кельтские языки принято разделять на две группы, которые условно обозначаются буквами Q и P. Q-язычные кельты обитали в Ирландии, откуда они с именем скотов переселялись в Шотландию, дав этой стране свое название. P-язычие характеризует белгов, равно как и современных валлийцев и бретонцев, переселившихся с острова обратно на континент в результате англо-саксонского завоевания Британии, а следовательно, этот язык господствовал на острове в канун его завоевания Римом. Что же касается языка первых кельтговорящих переселенцев в Британию, собственно пританов, или бриттов, равно как и носителей культуры латен, то для вполне определенных заключений на сей счет не хватает данных, но наиболее вероятным будет предположение об их галлоязычии, что также обозначает их принадлежность к группе P и в то же время существенное отличие их диалекта от языка, из которого выросли современные валлийский и бретонский. Язык обитавших в Шотландии пиктов — этот этноним зафиксирован впервые в III веке от Р.Х, а ранее, в I столетии, на территории этого народа в соседстве со скотами обитали каледонии, вакомаги, тедзалы и вениконы, которые в совокупности и составили народность пиктов, — принадлежал к группе P, но при этом обладал большей близостью к языку континентальных галлов, чем валлийский и бретонский. Возможно, что на таком языке и говорили ранее носители гальштадтской культуры, в таком случае не отличаясь в языковом отношении от позднейших носителей культуры латен.

Но, как считает К. Х. Джексон, будучи по происхождению своему кельтами, пикты «почти полностью забыли свою кельтскую речь и стали говорить на языке местных жителей эпохи бронзового века, которые, очевидно, составляли основную массу населения под властью кельтской аристократии» (цит. по: Хендерсон Изабель. Пикты. М., 2004, с. 32), иными словами, на севере острова, по крайней мере, до середины I тысячелетия от Р.Х. еще сохранялся не-индоевропейский язык, на котором говорил покоренный народ и которым владели также его завоеватели кельты, возможно, лучше, чем языком своих предков.

Еще Тацитом было замечено существование нескольких антропологических типов у британских кельтов — обитателей Каледонии, отличавшихся «русыми волосами и высоким ростом» и силуров со «смуглыми лицами и курчавыми волосами» и «похожих на галлов» жителей южной части острова, расположенного вблизи Галлии (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 332). До известной степени эти расовые особенности можно соотнести с разделением кельтских языков на две группы. При этом Q-язычные брахицефалы, современными потомками которых являются ирландцы и шотландские горцы — гэлы, очевидно, имеют отношение к носителями культуры колоколовидных кубков, вероятно, изначально говоривших не на индоевропейском языке — Тацит считал смуглых силуров потомками переправившихся из Испании иберов (см. Тацит, цит. изд., т. 1, с. 332).

О религии британских кельтов известно, главным образом, из текстов античных писателей и из позднейшей ирландской литературы христианской эпохи, в которой отразились древние языческие мифы и верования. Божества британских кельтов являлись своего рода покровителями отдельных племен и мест: лесных урочищ, рек, озер, горных вершин. Вероятно, в эпоху римского завоевания Британии, как и в более поздние времена, там почитали известных из средневековых ирландских саг Дагда, королеву призраков Морриган, Бадб Катха, божественную кобылицу Медбу, искусного в ремеслах Луга Самилданаха. Характерной чертой британских культов было почитание божественных триад, например, известных из ирландской мифологии Эйре, Банба и Фодла.

Для религиозных ритуалов кельтских жрецов-друидов характерно сближающее их с шаманами Сибири впадение в состояние транса, интерпретируемое как временное переселение

в мир духов. Прагматическим результатом такого странствования в духовном мире являлись предсказания, которые нередко влияли на политические решения, принимавшиеся всем племенем: о войне, о заключении мира или союзных договорах, о смене правителей.

Религиозную жизнь бритов, как, впрочем, и галлов характеризуют календарные праздники, сопровождавшиеся обильными пиршествами, на которых барды декламировали стихи, превозносившие героев, а сами герои, отличившиеся в битвах, вступали в споры о превосходстве в храбрости, силе и боевом искусстве, которые нередко выливались в поединки или массовые драки. Празднества сопровождалась ритуальными жертвоприношениями, и не только животных, но часто и людей, особенно пленников.

Семейная жизнь британских кельтов строилась на основе патриархата. Состоятельные мужчины могли иметь по несколько жен, в полигамной семье жены подчинялись старшей из них, и все же жены и дочери британцев обладали большей свободой, чем в Элладе или на Востоке. Иногда они даже участвовали в сражениях, обладая, подобно германским женщинам, изумительной, на взгляд греков или римлян, физической силой.

Свои жилища бритты строили из камня, дерева или плетней, обмазанных глиной, и торфа. Это были прямоугольной или, реже, круглой формы дома, предназначенные для проживания больших патриархальных семей со взрослыми женатыми братьями. Возле жилого дома размещались хозяйственные постройки, и непременно загон для скота. В отличие от Галлии, в Британии, с ее относительно малочисленным населением, едва ли превышавшим один миллион человек, поселения располагались на значительных расстояниях друг от друга, разделяемые лесными массивами с трудно проходимыми тропинками. Торговые сношения между племенами нередко осуществлялись по морю. Британцы пользовались также судоходными реками, по несудоходным речкам плавали на лодках. Поселения британцев представляли собой обычно маленькие деревни или своего рода хутора, в которых проживало по одной патриархальной семье. Лишь главные племенные поселения британских племен, своего рода столицы, выделялись своими размерами, хотя и они значительно уступали полугородским оппидумам континентальных кельтов.

В хозяйственной жизни народов Британии скотоводство преобладало над земледелием, существовали также ремесла, важное экономическое значение в Британии с ее рудниками имела добыча олова, свинца, а также драгоценных металлов. В прибрежных поселениях главным занятием населения являлось рыболовство. Источником существования служило также морское пиратство и грабительские набеги на соседние племена.

Во главе племен стояли короли или племенные вожди. Королей выбирали на племенном собрании все свободные взрослые мужчины, но выбор был ограничен представителями правящей династии, однако определялся он не родственной близостью кандидатов к усопшему королю, а их воинской доблестью и политической мудростью, насколько о них могли судить избиратели. При выборе вождя происхождение не имело значения — все решали воинские и полководческие качества избранника.

Для мужчин война была, по существу, постоянным делом. Она приносила добычу, славу или позор, народную любовь или всеобщее презрение, от воинской доблести зависел успех и общественное положение. Характеризуя воинские нравы обитателей острова, которые Тацит находил общими с теми, что были у галлов, пока те не подверглись цивилизирующему влиянию римской культуры, он писал об отсутствии у них стойкости, о том, как скоро они, в отличие от дисциплинированных римских легионеров, способны падать духом: «Британцы так же отважно рвутся навстречу опасностям и, столкнувшись с ними, столь же малодушно норовят от них уклониться. Правда, в британцах больше упорства и дикости, ибо их еще не укротил длительный мир... Их главная сила, — продолжает историк, — в пеших; впрочем, некоторые народности сражаются и с колесниц. Начальствует возничий; подчиненные ему воины оберегают его от врагов» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 333).

В 43 г. от Р. Х. по приказанию Клавдия 40-тысячная римская армия погрузилась на корабли в гавани на континентальном берегу Па-де-Кале. Командовал легионами Авл Плавтий Сильван. Время для этой войны выбрано было удачно. Занимавшее юго-восток Британии племя катувелланов после смерти короля Кунобелина не имело единого правителя. Сыновья Кунобелина Тогодунн и Катарак правили двумя половинами племени и соперничали между собой, претендуя каждый на власть над всем племенем, в то время как третий брат Админий бежал к римлянам.

Переправившись через пролив, римляне высадились на пустынном британском берегу, в восточной части современного графства Кент, и двинулись вглубь острова, не встречая сопротивления. Когда же они дошли до реки Медуэй на севере Кента, на противоположном берегу их ожидали вооруженные катувелланы. Римские легионеры не любили морских путешествий, но римляне издревле владели искусством переправы через реки в полном вооружении. Волна за волной обрушивались легионеры на неожиданных столь скорой атаки бриттов. Своей первой мишенью они избирали коней, которые были запряжены в боевые колесницы, составлявшие главную ударную силу противника. Раненые кони бросались вспять, разрушая боевой порядок британцев. Сражение продолжалось в течение двух дней, и закончилось поражением туземцев и гибелью большей части воинов из сильнейшего на юге Британии племени катувеланов. В битве на берегу Медуэя особенно отличился легат Веспасиан, впоследствии ставший принцемсом.

По словам английского историка Энтони Твэйта, «это была, быть может, самая важная битва из всех, которые когда-либо произошли на британской земле до победы Вильгельма Завоевателя при Гастингсе в 1066 году. Хотя римлянам предстояло еще много битв и хотя они так и не смогли завоевать всю территорию Британских островов, это сражение при Медуэе показало, что разрозненные британские племена не в состоянии оказать такое сопротивление, с каким не могли бы справиться римские легионы» (Anthony Thwaite. *Beyond the inhabited world. Roman Britain*. London, 1976, p. 22).

После победы при Медуэе захват центрального оппидума катувелланов Камулодуна, располагавшегося на месте современного города Колчестера в графстве Эссекс, уже не представлял затруднений, но Авл Плавтий счел уместным уступить честь взятия этой столицы самому принцепсу, инициировавшему экспедицию в Британию. Клавдий отправился в Британию морем из Остии, высадился в Массилии, по суше пересек Галлию с юга на север и переправился затем через пролив на остров. В Британии император провел 16 дней, в течение которых римляне форсировали Темзу и взяли Камулодун, территория римской оккупации была значительно расширена — 11 королей сдались императору. Приказав Авлу Плавтию и другим военачальникам продолжить завоевание острова, Клавдий вернулся в Рим,

отпраздновав там пышный триумф. В честь покорения Британии он дал своему сыну имя Британника, подобно тому как отец его Друз в память о победе над германцами назвал своего старшего сына Германиком.

После отъезда Клавдия 4 легиона римской армии действовали на разных направлениях. Энергичное сопротивление легионерам оказали дуротриги, обитавшие на территории графства Дорсет, но оно было сломлено в победоносном для римлян сражении у современного города Дорчестера. На юге Уэллса действовал легион под командованием Веспасиана. Разгромив сиулов, взяв затем под контроль Корнуэлл, Веспасиан переправился на остров Уайт, который римляне называли Вектисом, и подчинил его римской власти.

В 44 г. Британия, завоевательная война в которой продолжалась, получила статус римской провинции. В разных местах Британии были устроены постоянные военные лагеря, возле которых со временем стали создаваться колонии ветеранов. Самой большой из них стал Камолудун, отстроенный на месте прежнего племенного центра катувелланов. Крупными римскими городами были также не получившие тогда еще статуса колоний Лондиний и Веруламний. Начинаясь длительный процесс романизации острова.

После назначения пропретором провинции Публия Остория сопротивление римскому владычеству усилилось. В брожение пришли ранее покорившиеся племена. У бритов появилась надежда, что новый полководец, плохо зная страну, не сумеет удержать ее в руках; но приехав в провинцию, Осторий стал действовать самым решительным образом: под его командованием легковооруженные подвижные когорты нанесли несколько поражений противнику. По словам Тацита, Осторий, «истребив оказавших сопротивление и преследуя разбежавшихся, дабы они снова не собрались вместе и ненадежный мир не угрожал постоянными осложнениями.., решает отобрать оружие у подозрительных и, разбив лагерь, держать в узде область между реками Авоною и Сабриной. Первым воспротивилось сдаче оружия сильное племя иценов, не испытывавшее разгрома на поле битвы, ибо оно добровольно заключило союз» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 207) с римлянами. Иценов поддержало еще несколько племен. Собравшись вместе, они решили дать бой оккупантам. Бриты сражались с отчаянной храбростью, но были

разбиты. Вслед за иценами были разгромлены деканги, и римские войска приблизились уже к побережью Ирландского моря, когда волнения вспыхнули в ранее покорившемся племени бригантов, обитавшем на севере Англии.

Легко усмирив бригантов, Осторий вынужден был перебросить главные силы на подавление силуров, занимавших юг Уэллса. Во главе сопротивления там стоял потерпевший поражение в сражении при Медузе король катувеланов Каратак. Разбитый на юге Уэллса, он затем перенес войну на север полуострова, где ему удалось поднять против римлян племя ордовиков. Там против него действовал сам Осторий. Место для генерального сражения было выбрано Каратаком. Лагерь бритов защищали крутые горные склоны и река, — в местах, где склоны были пологими, Каратак велел устроить валы из камней. Тацит так описывает ход сражения: «Когда наши подошли к валу и пока бой велся при помощи метательных копий и стрел, наши потери ранеными и убитыми превышали потери врага; но после того как, построившись черепахою, они раскидали кое-какие сложенные и лишённые связи каменные завалы и разгорелась рукопашная схватка в равных условиях, варвары начали отступать на горные кручи. Но и туда устремились наши застрельщики и тяжеловооружённые воины, одни — осыпая противника стрелами, другие — наступая сомкнутым строем, между тем как ряды британцев, не прикрытых ни панцирями, ни шлемами, пришли в расстройство; если они оказывали сопротивление воинам вспомогательных войск, их разили мечи и дротики легионеров; а если оборачивались к легионерам, их поражали обоюдоострые мечи и копья воинов вспомогательных войск. Победа была полной; наши взяли в плен жену и дочь Каратака и принудили его братьев сдаться на милость победителя» (Тацит, *цит. изд.*, т. 1, с. 209). Каратак бежал к королеве бригантов Картимандуе, надеясь найти у нее убежище, но Картимандуя выдала его римлянам, и он был доставлен в столицу империи. Принцепс помиловал Каратака. С него самого, с его жены и братьев были сняты оковы.

Решительный успех одержан был после девяти лет Британской войны, в 52 г. Но вскоре война возобновилась. Особенно серьезные потери нанесены были римлянам на юге Уэллса вновь восставшими силурами, которые подстрекали к возмущению другие, ранее уже покорившиеся племена. В разгар войны

с силурами умер пропретор Британской провинции Осторий. Новым правителем Британии Клавдий назначил Авла Дидия. Смерть Остория ободрила сопротивлявшихся римскому господству бритов. Силуры нанесли поражение действовавшему против них легиону, которым командовал Манлий Валент.

После пленения Каратака новым предводителем борющихся бритов стал Венуций, ранее, пока он был мужем королевы бригантов Картимандуи, покорный римлянам. После развода с ним Картимандуя, прибегнув к коварству, захватила его брата и других родственников. Между разведенными супругами началась война, и в этой войне римская администрация оказала поддержку Картимандуе, обретя в лице жестоко оскорбленного захватом своих родственников Венуция опасного и упорного врага. Война против Венуция продолжилась уже после смерти Клавдия, в правление Нерона.

7. Правление Нерона

Новый принцепс Луций Домиций Агенобарб, при усыновлении его Клавдием, который приходился ему двоюродным дедом, принявший имя Нерона Клавдия Тиберия Германика Цезаря, по отцу происходил из рода Домициев, а по матери — из Клавдиев. Нерон родился 15 декабря 37 г. от Р.Х. Его отец Гней Домиций Агенобарб умер, когда сыну не исполнилось и трех лет, вслед затем мать Луция Агриппина Младшая подверглась ссылке, и он воспитывался в доме своей тетки Домиции Лепиды до тех пор, пока при Клавдии из ссылки не вернулась его мать, вышедшая затем замуж за принцепса.

По характеристике Светония, Нерон «росту... был приблизительно среднего, тело — в пятнах и с дурным запахом, волосы рыжеватые, лицо скорее красивое, чем приятное, глаза серые и слегка близорукие, шея толстая, живот выпирающий, ноги очень тонкие. Здоровьем он пользовался отличным... Вид и одяние его были непристойны: волосы он всегда завивал рядами.., одевался он в застольное шелковое платье, шею повязывал платком и так выходил к народу, распоясанный и необутый» (Светоний, цит. изд., с. 170). Нерон, как это было принято в высшем обществе Рима, превосходно знал греческий язык, изучал все науки, которые тогда преподавались, но мало внимания уделял философии и риторике, зато с увлечением читал греческих и римских поэтов и сам писал стихи, любил музицировать,

петь, декламировать, занимался гимнастикой и разными видами спортивной борьбы.

Он стал принцепсом в критическом возрасте, в 16 лет, когда по недостатку зрелости и опыта править самостоятельно не мог, и в то же время не готов был смириться с бесконтрольной властью других лиц, которые бы действовали его именем, не оставляя ему возможности оказывать влияние на принятие государственных решений, тем более что юридически принципат оставался республикой, в которой не находилось места для института регентства. И все же, несмотря на свое неукротимое властолюбие, унаследованное от матери, новый принцепс оказался достаточно умен, чтобы позволить другим лицам принимать ключевые решения по делам государственного управления: это были на первых порах его мать Агриппина Младшая, префект городских когорт Секст Афраний Бурр и главный учитель и воспитатель Нерона Луций Анней Сенека, но поскольку себя самого Нерон не поставил в зависимое положение от них, они действовали лишь в качестве его наставников и советников. Последнее слово всегда оставалось за ним.

Свое правление он начал с подсказанного ему Сенекой и Бурром широкого жеста в сторону сената. Нерон объявил, что важнейшие дела республики будет решать сенат, за собой же он оставит управление теми провинциями, которые уже ранее выделены были в прямое ведение его предшественников по принципату. Сделав подобную уступку, в известной мере декларативную, поскольку и в сенатских провинциях власть держалась на армии, а верховным вождем ее был император, Нерон расширил политическую базу, на которую он мог опираться, и это обстоятельство давало ему дополнительную гарантию от чрезмерного давления на себя со стороны влиятельных советников: Агриппины, Бурра и Сенеки. Кроме того, неизбежные разногласия между ними уберегали Нерона от возможных попыток совершенно подчинить его своей воле.

Между тем, подобные намерения, вследствие своего властного и все же женского характера, не оставляла Агриппина, которая с болезненной ревностью переживала непомерное, по ее представлению, влияние на ее сына ее же ставленников Бурра и Сенеки. Каждый случай пренебрежения к ней со стороны сына, ради возвышения которого она пошла на кровосмесительный брак со стариком дядей и на его убийство, она воспринимала как

проявление черной неблагодарности, не скрывая от Нерона своего гнева. В конце концов она добилась того, что общение с матерью стало его тяготить. Острое раздражение и в конце концов прямую неприязнь со стороны Нерона вызывали попытки Агриппины удержать его от особенно разнузданных походов Агриппины удержать его от особенно разнузданных походов.

Компанию принцепсу в его развлечениях составили молодые люди из высшего круга: Марк Отон и Клавдий Сенецион. В противовес Агриппине, Сенека и Бурр пытались извлечь политическую выгоду из разврата своего подопечного. Они поощряли принцепса в его увлечении юной красавицей вольноотпущенницей Акте. Тацит, стремясь представить дело в благоприятном свете для Сенеки и Бурра, не называя их по именам, замечает: «Старшие возрастом из его окружения ничего не имели против того, чтобы эта гетера тешила, никому не причиняя вреда, его любострастие, тем более что к жене Октавии, при всей ее знатности и безукоризненной супружеской верности, он испытывал неодолимое отвращение..., и они опасались, как бы Нерон, если ему воспрепятствовать в этом его увлечении, не обратился к прелюбодейным связям с женщинами именитых родов» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 228).

Ради противодействия влиянию Сенеки и Бурра на сына Агриппина вступилась за обиженную Октавию и пыталась образумить Нерона, но своими упреками и обличениями лишь раздражала и отталкивала его. В делах политических он всецело доверился тогда Сенеке, друг которого Анней Серен, вероятно, по наущению философа, чтобы угодить Нерону, притворился влюбленным в Акте и преподносил ей открыто подарки принцепса, действуя будто бы не как посредник, а лично от себя. Агриппина, увидев, что ее усилия отвратить сына от увлечений, лишь усугубляют его неприязнь к ней, резко поменяла тактику на прямо противоположную и стала поощрять его разврат, предоставляла ему собственные покои для любовных утех, и охотно дарила ему все, что тот пожелает из своего колоссального состояния. Но Сенека не преминул убедить Нерона в лицемерии Агриппины, и она не преуспела в завоевании сердца своего сына. Принцепс устранил фаворита матери вольноотпущенника Палласа от управления канцелярией *a rationibus*, которая ведала фиском. Охваченная яростью, Агриппина не удержалась от угроз сыну, напомнив ему о том, «что Британик уже подросток, что он кровный сын Клавдия и достоин того, чтобы унаследовать

отцовскую власть, которую пользуется, чтобы обижать мать, усыновленный отпрыск чужого рода... Она отправится вместе с ним в преторианский лагерь, и пусть там выслушают, с одной стороны, дочь Германика, а с другой, — калеку Бурра и изгнанника Сенеку, которые тщатся увечной рукою и риторским языком управлять родом людским» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 229).

Угроза была слишком опасной, чтобы можно было ее игнорировать. Британику, которому было тогда 13 лет, ужинавшему в одном зале с Нероном, Агриппиной, Октавией и ближайшим окружением семьи принцепса, дано была отравленное питье, и у него мгновенно пресеклось дыхание. Как ни в чем ни бывало, Нерон сказал, что нет оснований для беспокойства, потому что Британик с ранних лет страдает падучей и с ним случаются подобные приступы. Но уже в ночь, наступившую после происшедшего, тело Британика было сожжено на Марсовом поле. После смерти Британика, последовавшей во второй год принципата Нерона, тот щедро наградил своих приближенных.

Ужаснувшись обнаруженной ее сыном готовностью не стеснять себя никакими моральными ограничениями в выборе средств для достижения своей цели, Агриппина всерьез стала беспокоиться за свою жизнь. Обладая неукротимой энергией, она начала добывать и тратить средства на то, чтобы привлечь на свою сторону сенаторов, трибунов и центурионов, часто совещалась со своими друзьями, так что у ее противников сложилось подозрение, что она готовит переворот. Чтобы предотвратить заговор, Нерон лишил ее охраны, которая подобала ей как жене и матери принцепса, и удалил ее из своего дворца в дом, куда сам он затем приходил не иначе как в окружении центурионов, опасаясь покушения.

Толчком к новому обострению вражды между принцепсом и его матерью послужило увлечение Нерона женой своего наперсника Отона Поппеей Сабиной — это была редкая красавица, имевшая многочисленных любовников и вышедшая вторым браком замуж за Отона, вероятно, из-за его близости к принцепсу. Поппея была прозелиткой, принявшей иудейское исповедание. По сговору с супругой, Отон в разговорах с Нероном стал превозносить ее красоту. Получив доступ в дом принцепса, она прельстила его, и тот удалил ее мужа из Рима, назначив его правителем Лузитании. Поппея же потребовала от Нерона не только устранения наложницы Акте, но и развода с Октавией.

Усилия Агриппины удержать сына от развода и унизительно-го для его чести брака с Поппеей еще более оттолкнули от нее Нерона. Поппея же внушала Нерону мысль, что пока жива его мать, он не решится на развод, пусть он в таком случае позволит ей вернуться к своему мужу.

Затем, если верить Тациту, который ссылается на некоего Клувия, «подстрекаемая неистовой жадной во что бы то ни стало удержать за собою могущество, Агриппина дошла до того, что в разгар дня, и чаще всего в те часы, когда Нерон бывал разгорячен вином и обильною трапезой, представала перед ним разряженной и готовой к кровосмесительной связи» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 252). По наущению Сенеки Акте, вновь подосланная им к Нерону, притворившись обеспокоенной за него, «сказала ему о том, что в народе распространяются слухи о совершившемся кровосмешении, что им похваляется Агриппина и что войска не потерпят над собой власти запятнанного нечестием принцепса» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 252). Напуганный этим сообщением, Нерон стал избегать встреч с матерью наедине.

А затем на совещании с ближайшими советниками решено было избавиться от нее. Остроумный план покушения предложен был вольноотпущенником Аникетом, который занимал должность префекта Мизенского флота; этот план и решено было привести в исполнение. Следуя ему, Нерон сделал вид, что ищет примирения с матерью. Выехав отдохнуть на морской берег в Байи, вблизи Мизен, он пригласил Агриппину на свою приморскую виллу, и после праздничного ужина, на котором обнаруживал особую нежность и предупредительность к матери, ее усадили на корабль, на котором она должна была вернуться в свою виллу. Но на корабле, по указанию Аникета, устроено было специальное приспособление, которое должно было привести судно к разрушению в открытом море. И действительно, когда корабль удалился от берега, обрушилась его кровля, но задуманного распада судна не произошло. Сопровождавший Агриппину Креперий Галл был задавлен, раненная в плечо, Агриппина упала в воду, как и ее спутница Ацеррония, которая, призывая моряков на помощь, назвалась именем Агриппины и была забита насмерть баграми. Сама же Агриппина молчала, и незамеченной направилась вплавь к берегу, затем была подобрана встречной лодкой, и наконец, доставлена в свою виллу в Бавлах, откуда она отправила к сыну

вольнотпущенника Агерина, чтобы тот порадовал его вестью о ее чудесном спасении.

Когда Нерону доложили, что его мать жива и что у нее не может быть сомнений относительно виновника покушения на нее, он, как рассказывает Тацит, «помертвев от страха, ...воскликает, что охваченная жаждой мщенья, вооружив ли рабов, возбудив ли против него воинов или воззвав к сенату и народу, она вот-вот прибудет, чтобы вменить ему вину в кораблекрушении, свою рану и убийство друзей: что же тогда поможет ему, если чего-нибудь не придумает Бурр и Сенека... Сенека, набравшись решимости, взглянул на Бурра и обратился к нему с вопросом, можно ли отдать приказ воинам умертвить Агриппину. Тот ответил, что преторианцы связаны присягою верности всему дому Цезарей и, помня Германика, не осмелятся поднять руку на его дочь: пусть Аникет выполнит обещанное. Тот, не колеблясь, предлагает возложить на него осуществление этого злодеяния» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 255). Аникет отправился с отрядом убийц на виллу Агриппины; взломав ворота, они ворвались в ее покои и обступили ее ложе. Сопровождавший Аникета триерарх Геркулес ударил Агриппину палкой по голове. И когда один из центурионов «стал обнажать меч, чтобы ее умертвить, она, подставив ему живот, воскликнула: «Поражай чрево!» — и тот прикончил ее, нанеся ей множество ран» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 256).

Получив известие об убийстве матери, Нерон, по словам Тацита, «постиг всю непомерность» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 256) совершенного злодеяния. Ночь он провел в страхе, граничившем с безумием, а наутро, по наущению Бурра, к нему пришли трибуны и центурионы преторианцев поздравить его с избавлением от опасности. В близлежащих городах Кампании жители совершали благодарственные жертвоприношения по случаю спасения жизни принцепса; сам же он в течение нескольких дней изображал или действительно испытывал скорбь, но явившись затем в Неаполь, отправил оттуда составленное Сенекой послание в сенат, в котором сообщал, что подосланный Агриппиной вольнотпущенник Агерин собирался убить его, но был схвачен с мечом. Узнав о происшедшем, сенаторы соревновались между собой в проявлениях раболепия, поздравляя принцепса с избавлением от несчастья и предлагая совершить во всех римских храмах благодарственные молебствия и жертвоприношения, ежегодно

отмечать день, когда открылся злодейский умысел, публичными играми и включить день рождения Агриппины в число несчастливых в календаре. Лишь один из сенаторов Тразея Пет, не выдержав унижения, отважился выйти из курии, в которой вносились и обсуждались подобные предложения. Действительные настроения сенаторов, которые они давно уже привыкли скрывать, были весьма далеки от их слов, и большинство из них, если бы не страх за свою жизнь, последовали бы примеру Тразеи.

Агриппина была убита в 59 г. Несмотря на устранение главной противницы его развода с Октавией и вступления в брак с Пoppеей, Нерон откладывает этот шаг, зато со страстью предавался своим артистическим увлечениям: публичной игре на кифаре, пению, сочинению стихов, театральной игре, а также участию в конных ристалищах, от которых ранее пыталась удерживать его мать, считая их унижительными для всякого нобиля, тем более для принцепса. В этом в единомыслии с нею были и ее противники Сенека и Бурр, однако, действуя более гибко, они устроили ристалище в Ватиканской долине, чтобы Нерон мог править там конной упряжкой в присутствии ограниченного числа избранных зрителей, надеясь таким образом отвратить его от других унижительных увлечений. Но Нерон, пренебрегая их предостережениями, и сам выходил на театральные подмостки и на арену, и других — знатных римских всадников — побуждал за щедрое вознаграждение следовать его примеру.

Впервые он решил петь перед публикой в греческом Неаполе, но затем также и в Риме. В 59 г. он учредил игры под названием Ювеналии, а в 60 — Неронии. Как заправская театральная знаменитость, Нерон сколотил клаку из молодых и статных всадников, которые «дни и ночи разражались ...рукоплесканиями, возглашая, что Нерон красотой и голосом подобен богам и величая его их именами» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 259). Ревнители добрых старых нравов огорчались или иногда открыто возмущались публичным лицедейством принцепса, но римскому народу оно нравилось: «чернь, падкая до развлечений, — замечает брюзжащий по этому поводу Тацит, — радовалась, что принцепсу свойственны те же склонности, что и ей» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 258). Между тем, демократическая и популистская закваска замешана в самой сердцевине цезаризма и принципата, политические корни которого восходят к партии популяров, вождем которой и был в свое время Гай Юлий Цезарь.

Но в иных случаях Нерон действовал вопреки настроению плебса, подвигаемый на это советниками с консервативными оптиматскими пристрастиями. В 61 г. своим рабом был убит префект Рима Педаний Секунд. В соответствии с законом, изданным при Августе, в подобном случае смертной казни подлежали все рабы убитого господина за то, что не пришли ему на помощь. Закон 57 г. распространил эту кару и на тех рабов, которые должны были получить свободу по завещанию погибшего. Дело об убийстве Педания обсуждалось в сенате. Некоторые сенаторы высказались против применения столь строгой меры, — в доме убитого градоначальника проживало 400 рабов, большинство из которых или даже все они, кроме прямого убийцы, не имели отношения к совершенному преступлению. Но подвигнутый выступлением Гая Кассия, настаивавшего на точном исполнении закона, сенат большинством голосов высказался за казнь рабов. Нерон одобрил приговор. Когда приговоренных к смерти повели на казнь, вокруг них собралась толпа сочувствующих, пытавшаяся воспрепятствовать массовому человекоубийству. Для исполнения приговора понадобилось выставить воинские заслоны по всему маршруту следования осужденных к месту казни.

В 62 г. умер Афраний Бурр. Начальствовать над преторианскими когортами Нерон назначил популярного в народе Фения Руфа и Софония Тигеллина, привлекшего внимание принцепса своим неслыханным распутством. Он и стал любимчиком Нерона, в то время как к Руфу он вскоре стал относиться с явной неприязнью. После смерти Бурра влияние Сенеки на принцепса пало. Воспользовавшись этим, многочисленные недоброжелатели Сенеки, в свое время пострадавшие от него, возводили на него обвинения в стяжательстве, в том, что своим колоссальным состоянием он пользуется для расширения своей популярности, конкурируя с самим Нероном, что роскошью своих вилл и садов он уже превзошел императора.

Чтобы уберечь себя от вероятной опалы и в этом случае неизбежной смерти, Сенека обратился к Нерону с письмом, в котором писал: «Уже четырнадцатый год, Цезарь, как мне были доверены возлагавшиеся на тебя надежды и восьмой — как ты держишь в своих руках верховную власть. За эти годы ты осыпал меня столькими почестями и такими богатствами, что моему счастью не хватает лишь одного — меры... А я что иное мог

предложить твоей щедрости, кроме плодов моих усердных занятий, возвращенных, можно сказать, в тени и получивших известность лишь оттого, что меня считают наставником твоего детства, и это — великая награда за них. Но ты, сверх того, доставил мне столь беспредельное влияние и столь несметные деньги, что я постоянно сам себя спрашиваю: я ли, из всаднического сословия и родом из провинции, числюсь среди первых людей Римского государства... Но и ты, и я уже исчерпали меру того, что принцепс может пожаловать приближенному, а приближенный принять от принцепса... Я не могу более нести бремя своего богатства и взываю к тебе о помощи. Повели своим прокураторам распорядиться моим имуществом, включить его в твоё достояние. Я не ввергну себя в бедность, но отдав то, что стесняет меня своим блеском, я уделю моей душе время, поглощаемое заботою о садах и поместьях. Ты полон сил и в течение стольких лет видел, как надлежит пользоваться верховною властью; а мы, старые твои приближенные, вправе настаивать, чтобы ты отпустил нас на покой» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 274–275).

В состоявшейся вслед затем беседе Нерона со своим наставником принцепс из вежливости просил его остаться при дворе, но в действительности Сенека лишь предупредил пожелание Нерона избавиться от него и заодно овладеть его состоянием. Удалившись в свои загородные имения, Сенека с этих пор редко появлялся в Риме и совершенно устранился от государственных дел, предаваясь литературным занятиям. После удаления Сенеки устранен был и Фений Руф, отчего выросло влияние на все готового ради угождения Нерону Тигеллина.

При его содействии Нерон предался разнузданности, которая ошеломила к тому времени уже много повидавший Рим. По словам Светония, «пиры он затягивал с полудня до полуночи, время от времени освежаясь в купальнях, зимой теплых, летом холодных; пировал он и при народе, на искусственном пруду или в Большом цирке, где прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима. Когда он проплывал по Тибру в Остию или по заливу в Байи, по берегам устраивались харчевни, где было все для бражничанья и разврата, и где одетые шинкарками матроны отовсюду зазывали его причалить. Устраивал он пиры и за счет друзей — один из них, с раздачею шелков, обошелся в четыре миллиона сестерциев, а другой, с розовою водою, еще дороже. Мало того, что жил он и со свободными мальчиками

и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию... Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. Еще памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках возил его с собою и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме..., то и дело его целуя. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор» (Светоний, цит. изд., с. 159).

Теперь, после смерти Бурра и отставки Сенеки, наступила пора избавиться от Октавии. Нерон развелся с нею под тем предлогом, что она бесплодна, сослал ее в Кампанию и сразу вступил в брак с Поппеей, а та побудила одного из слуг Октавии обвинить ее в сожительстве со своим рабом Эвкером. По этому обвинению рабыни Октавии были допрошены под пыткой, и некоторые из них, сломленные пытками, подтвердили навет. Но большинство рабынь, несмотря на изощренные мучения, настаивали на целомудрии своей госпожи. И как пишет Тацит, «одна из них заявила требовавшему от нее лживого показания Тигелину, что женские органы Октавии чище, чем его рот» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 277–278).

После этого в Риме распространился слух, что Нерон снова признал Октавию своей супругой. Толпа ликующего народа поднялась на Капитолий и низвергла статуи Поппеи, а скульптурные изображения Октавии, усыпанные цветами, были воздвигнуты на форуме и в храмах. Испуганная, но не потерявшая самообладание, Поппея сумела убедить Нерона, что происходящие волнения — это начало бунта против него самого. Нерон встревожился. Возбужденные толпы сторонников Октавии были разогнаны.

Но ввиду очевидной неправдоподобности обвинения Октавии в сожительстве с рабом, для расправы над нею решено было прибегнуть к услуге убийцы Агриппины Аникета, к которому в ту пору Нерон уже испытывал неприязнь, вероятно, как

к соучастнику собственного злодеяния. Аникет выполнил просьбу Нерона и стал распространять слухи о своей мнимой связи с Октавией. После этого он был отправлен в изгнание на остров Сардинию, а Октавия, обвиненная в том, что, соблазнив префекта Мизенского флота, она готовила государственный переворот, была заточена на острове Пандатерии. Через несколько дней после заточения она была умерщвлена. Отрезанную голову Октавии доставили в Рим и показали Поппее, а сенат по случаю избавления принцепса от новой опасности, постановил поднести в храмы благодарственные дары богам. В том же году по приказу Нерона были отравлены вольноотпущенники: Дорифор — за противодействие браку принцепса с Поппеей, и доживший до глубокой старости и могущественный в прошлом фаворит Агриппины Паллас.

Летом 64 г. на Рим обрушилось страшное бедствие. 6 дней в городе свирепствовал пожар, вспыхнувший в лавках, примыкающих к цирку и затем из-за ветреной погоды охвативший едва не весь город. Пожар распространялся стремительно, и множество людей сгорело, оказавшись в огненном мешке, из которого не было выхода. Спасаясь от гибели, люди хлынули за город, заполнив пригородные дороги и окрестные поля, где многие умирали от ожогов, у некоторых, потерявших своих близких, не выдерживало сердце. Из 14 городских округов не тронутыми пожаром осталось лишь четыре, три округа выгорели дотла, в остальных уцелели лишь отдельные строения, и те стояли после пожара с обгоревшими стенами. Когда разразился пожар, Нерон находился в городе Ануции, откуда он прибыл в Рим, когда огонь приблизился уже к его дворцу на Палатине и включенным в дворцовый комплекс садам Мецената. Но все его распоряжения о защите дворца от наступавшего на него огненного моря оказались тщетными. Отстоять дворец не удалось, и он погиб со всеми своими бесценными сокровищами.

До пожара римский плебс, в отличие от ненавидевших Нерона сенаторов, был предан ему как наследнику Цезаря и Германика — в единовластии императоров простой народ находил защиту от засилия сенатской олигархии. Несмотря на то, что по приказу принцепса для предотвращения голода из Остии и других ближайших к Риму городов было срочно доставлено продовольствие, пожар надломил народную любовь к Нерону. Его обвинили, и конечно, напрасно, в том, что он сам велел поджечь

Рим, чтобы, утверждали распространители сплетни, знавшие о его артистических увлечениях, полюбоваться зрелищем горящего города, рассказывали даже, будто взирая на объятый пламенем Рим, «Нерон поднялся на дворцовую сцену и стал петь о гибели Трои, сравнивая постигшее Рим несчастье с бедствиями давних времен» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 296).

Чтобы пресечь эту распространившуюся в народе и опасную для Нерона молву, он обвинил в поджоге Рима христиан. Ко времени пожара Рима христианские общины существовали во многих городах Сирии и Египта, Малой Азии и Эллады, а также на западе — в Италии; христианство начало распространяться в Испании, Галлии, Африке и за пределами империи — в Армении, Парфии, Эфиопии. В Риме существовала уже многотысячная община, большую часть которой составляли пользовавшиеся по преимуществу греческим языком выходцы из Эллады и эллинизированного Востока, обращенные из иудеев и язычников.

Суеверная римская чернь относилась к этим чужакам с подозрением и брезгливой неприязнью: совершаемое христианами при закрытых для внешних дверей богослужения представлялись воспаленному воображению римлян исполненными чудовищного изуверства, вплоть до употребления крови младенцев, как представляли себе Таинство Евхаристии предубежденные недруги христиан, так что Нерону было на кого переключить гнев пораженной бедствием римской толпы, отводя его от собственной персоны. И вот, как пишет ненавидевший и Нерона и христиан, но не веривший в то, что Рим был подожжен ими, Тацит, «чтобы побороть слухи, Нерон приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были

растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон представил свои сады» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 298).

Завершая рассказ об истязаниях и избиении христиан, Тацит невольно проливает свет на самую пружину обретения Церковью ее новых чад чрез смерть мучеников — свидетелей о Христе (греческое слово «мартир» значит именно свидетель, оно и было перенесено на христианских мучеников, о которых впоследствии замечательно точно сказал Тертуллиан: их кровь — это семя Церкви): «И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 298). Смерть христиан, для многих из них, несомненно, добровольная, потому что они могли скрыться от преследователей, но предпочитали пострадать за Христа, как это известно из мученических актов последующей эпохи, не только вызывала сострадание у римлян, но и поражала их воображение, вселяла в тех из них, кто обладал более чуткой совестью, мысль о том, что для отдающих себя на казнь существует ценность, которая им дороже самой жизни, и это их вера.

Евсевий Кесарийской называет Нерона «первым императором — гонителем веры в Бога» (Евсевий, цит. изд., с. 76). При этом он ссылается на Тертуллиана, который писал: «Нерон был первым, кто стал преследовать наше учение, когда, покорив весь восток, стал особенно свирепствовать в Риме. Мы хвалимся таким зачинателем гонений, ибо кто же, зная его, не подумает, что Нерон не осудил бы христианства, не будь оно величайшим благом» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 76). Поместив в свою «Историю» это место из Тертуллиана, Евсевий далее сообщает: «Этот первый среди властителей богоборец горделиво поднял руку на апостолов. Рассказывают, что Павел при нем был обезглавлен в самом Риме, а Петр распят; рассказ этот подтверждается именам Петра и Павла, уцелевшими на кладбище этого города», и затем, цитируя клирика Гая, жившего в Риме при епископе Зефирине, в начале III века, Евсевий указывает и на место их погребения: «Если ты пойдешь в Ватикан или по Остийской дороге, ты найдешь трофей тех, кто основал эту Церковь» (Евсевий, цит. изд., с. 76).

На месте испепеленного Рима Нерон велел выстроить новый город, но начал он при этом с императорского дворца — знаменитого «Золотого дома», воздвигнутого на новом месте — на склонах Эсквилина и в долине между Эсквилином и Целией. Дворец вызывал изумление не только роскошью отделки, обилием употребленных на нее золота и драгоценных камней, но еще более окружающими его прекрасными искусственными ландшафтами — прудами, лугами, рощами и открывающимися из дворца живописными далекими видами. Кварталы вокруг «Золотого дома» выстраивались по продуманному градостроительному плану — хаотично разбросанные строения и кривые улочки сгоревшего Рима заменили широкие и прямые улицы с отдельно стоящими в видах противопожарной безопасности зданиями с ограниченной высотой, выстроенные без применения дерева, из огнеупорного габийского или альбанского туфа. Дворы этих домов запрещалось застраивать, а перед фасадами многих из них воздвигались портики. Новый город лучше прежнего снабжен был водой, необходимой не только для питья, купанья и помыва, но и для тушения пожаров, а домовладельцев обязали держать наготове противопожарные средства. Отстроенный при Нероне город был прекрасен, но многие римляне, как писал Тацит, «считали, что в своем прежнем виде он был благоприятнее для здоровья, так как узкие улицы и высокие здания оберегали его от лучей палящего солнца: а теперь открытые и лишённые тени просторы, накалившись, обдают нестерпимым жаром» (Тацит, цит. изд., с. 298). Постройка нового дворца принцепса дала повод для еще одной нелепой версии поджега, с обвинением в нем того же Нерона: он сжег Рим, гласила народная молва, чтобы выстроить на пожарище замысленный им заранее «Золотой дом», превзошедший своей роскошью и красотой Палатинский дворец.

Популярность принцепса в народе и в армии, включая преторианские когорты, утраченную в результате столь грандиозного народного бедствия, каким явился пожар, восстановить не удалось. В этой обстановке самые решительные из давно возненавидевших Нерона сенаторов и всадников отважились на заговор. Новым принцепсом заговорщики решили поставить Гая Пизона, из знатного рода Кальпурниев. В заговор были вовлечены второй после Тигеллина префект претория Фений Руф, над жизнью которого нависла прямая опасность — его коллега Тигеллин

нашептывал Нерону, что Руф был любовником Агриппины и вынашивает мысль о мщении за нее. Среди заговорщиков оказались также сенаторы Плавтий Латеран, намеченный в консулы на следующий 66 г., Флавий Сцевин и Афраний Квинцин, племянник Сенеки Анней Лукан, к которому Нерон испытывал недоброжелательную ревность как к сопернику на поэтическом поприще, ряд римских всадников, один из которых Клавдий Сенецион в прошлом был другом Нерона, несколько центурионов и один из трибунов преторианской когорты Субрий Флав. В заговоре участвовали и женщины, в том числе некая Эпихарида, которая попыталась вовлечь в него и наварха Мизенского флота Волузия Прокула, недовольного тем, что его мало наградили за соучастие в убийстве Агриппины. Прокул донес о заговоре, но арестованная Эпихарида из-за отсутствия свидетелей на очной ставке сумела оправдаться, хотя ее оставили под стражей, поскольку у Нерона осталось подозрение.

В сложившейся ситуации заговорщики решили действовать немедленно. Покушение на Нерона намечено было совершить в цирке. Первым должен был напасть на него отличавшийся телесной силой Латеран. Договорились, что он подойдет к императору, чтобы попросить его о денежной помощи, затем на Нерона навалятся находящиеся там же другие заговорщики, а смертельный удар кинжалом нанесет Флавий Сцевин, после чего префект Фений Руф вызовет Пизона из храма Цереры, где он будет находиться, дожидаясь исхода покушения, и затем его принесут в преторианский лагерь, чтобы привлечь на его сторону народ, Пизона будет сопровождать дочь императора Клавдия Антония, которую Пизон, чтобы соединиться с династией Цезарей, возьмет себе в жены, хотя Тацит и находил «совершенно несообразным, чтобы Антония ради пустой надежды решилась предоставить заговорщикам свое имя и подвергаться опасности» (Тацит, цит. изд., с. 303).

Об этом плане стало известно вольноотпущеннику Сцевина Милиху, и тот донес о нем. За этим последовали немедленные аресты, допросы, пытки и казни участников заговора. Некоторым из заговорщиков позволено было самим покончить с собой. Такой возможностью воспользовался и Пизон, вскрывший себе вены на обеих руках. На первом этапе расследования особенно усердствовал в арестах и допросах еще не обличенный в соучастии в заговоре префект претории Фений Руф, но, когда он

с угрозами вымогал показания у Сцевина, тот «усмехаясь сказал, что никто не знает об этом деле больше, чем он, и начал увещевать его отплатить признательностью столь доброму принцепсу. На это Фений не ответил ни словами, ни молчанием, а запинаясь и бормоча что-то невнятное, сам себя выдал своим замешательством» (Тацит, цит. изд., с. 308).

Разоблачением заговора Нерон воспользовался для того, чтобы расправиться и над теми, против кого не было улик, но к кому он тогда относился с неприязнью. В подготовке переворота обвинили дочь Клавдия Антонию, подвергнутую, подобно другим действительным или мнимым участникам заговора, пыткам и казни. Покончить с собой приказано было воспитателю Нерона Аннею Сенеке, и тот исполнил этот приказ, вскрыв себе вены и успев перед смертью продиктовать писцам свои последние мысли. Вместе с ним решила умереть и его супруга, но Нерон приказал перевязать ей руки со вскрытыми венами и остановить кровотечение; она выжила, но с этих пор ее лицо отличалось мертвенной бледностью. Казнено было и много малоизвестных людей, не участвовавших в заговоре, а только потому, что действительные заговорщики были их родственниками или друзьями. Дети осужденных изгонялись из Рима.

В ту пору, пишет саркастический Тацит, «если в городе не было конца похоронам, то не было его и жертвоприношениям на Капитолии; и тот, у кого погиб сын или брат, и тот, у кого — родственник или друг, возносили благодарность богам, украшали лавровыми ветвями свои дома, припадали к коленям Нерона, осыпали поцелуями его руку» (Тацит, цит. изд., с. 310).

Убийства и казни совершались и по обвинениям, не имевшим отношения к заговору Пизона. Нерон однажды поздно вернулся домой со скачек, и его беременная жена Поппея, которая ранее родила ему дочь, скончавшуюся в младенчестве, упрекала его за это, и тогда он в порыве гнева убил ее ударом ноги в живот, а затем велел воздать ей божественные почести. Тразея Пет, пользовавшийся большим уважением за свою порядочность и прямоту, в прошлом отважившийся оставить курию, когда в приливе сервиллизма сенаторы поздравляли Нерона с избавлением от опасности в связи с гибелью его матери Агриппины, был обвинен своим давним недругом Коссуцианом Капитоном в противлении обожествлению Поппеи, а также в том, что он не заклал ни одной жертвы за благополучие принцепса.

Сенат приговорил Тразею и его друзей видных сенаторов Сорана и Сервилия к смерти. А Нерон вскоре после убийства и обожествления Пoppей, к которой он некогда был действительно сильно привязан, утешился браком со Статилией Мессалиной.

Пожар и восстановление Рима, строительство «Золотого дома», нескончаемая череда помпезных празднеств с цирковыми представлениями, гладиаторскими боями и скачками, щедрые раздачи хлеба и подарков истощили казну. Восполнить ее можно было только путем ужесточения налогового бремени, возложенного на провинции, притом что в первые годы своего правления Нерон, продолжая политику Тиберия и Клавдия, стремился смягчить режим провинциального управления: чиновников, обвиненных во взяточничестве, отдавали под суд, той же участи подверглось и несколько наместников, корысти откупщиков поставлены были ограничения, Нерон собирался даже отменить все косвенные налоги в провинциях, но сенат тогда отклонил этот законопроект, убедив принцепса в том, что эта мера подорвет финансы империи, а значит и ее могущество. Стремясь к интеграции зависимых народов, Нерон даровал племенам, обитавшим в Приморских Альпах, латинское право. И вот, в 60-е годы провинциальная политика Нерона меняется радикально, налоговый пресс на провинциалов усиливается, что провоцирует недовольство, вызывает рост напряженности в Галлии, Испании, а также в Египте и на Востоке.

Но в Британии это недовольство обнаружилось уже в самом начале правления Нерона. Там по существу дела продолжалась начатая еще при Клавдии завоевательная война, в которой были затишья и паузы, но которая никогда не затухала окончательно. Преемником легата Авла Дидия в Британию назначен был Вераний, который вел затяжную войну с силурами, не добившись заметного расширения зоны римского контроля. После его смерти в 59 г. Нерон направил в провинцию нового легата Гая Светония Паулина, который решил прибегнуть к более активным действиям и подготовил экспедицию на расположенный вблизи побережья Уэллса остров Мону (современный Мэн) — на этом острове концентрировались перебежчики из подконтрольных римлянам областей, оттуда же нередко приходило подкрепление брита́м, воевавшим против римлян.

Для переправы соорудили плоскодонные суда, которым были не страшны мелководье и подводные камни. На кораблях

доставлена была на остров пехота, а всадники переправлялись по отмелям, сходя с коней в более глубоких местах и плывя рядом с ними в полной амуниции. Когда римский отряд высадился, legionеры увидели, что «на берегу стояло в полном вооружении войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища, — пишет Тацит, — потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары» (Тацит, цит. изд., с. 265). Но третьи римские воины преодолели первоначально охвативший их шок, и опрокинули полчище противника. На острове разместили гарнизон, и затем римляне занялись вырубкой священных рощ, где друиды совершали жертвоприношения, включая и человеческие.

Пока Паулин подавлял очаги сопротивления на Моне, к нему пришла тревожная весть о восстании ранее уже покоренных иценов, обитавших на территории графства Норфолк. Ранее король иценов Прасутаг назначил своим наследником принцепса, а сонаследниками своих дочерей, надеясь таким образом гарантировать их достояние от конфискации со стороны римской администрации. Но после его смерти римские центурионы стали распоряжаться в стране иценов, подвергая их безжалостному грабежу, а дом королевы-вдовы Боудики наводнили рабы прокуратора Дециана, назначенного Нероном. Их бесчинства превзошли всякие пределы: королевские дочери подверглись насилию, а Боудика — порке. Оскрбленная королева призвала соплеменников к отмщению. Ицены восстали, к ним присоединилось племя тринобантов, среди которых было много изгнанников из Камулодуна, обращенного в колонию римских ветеранов. Восставшие бриты, в отсутствие главных сил римлян, действовавших на острове Моне, захватили крупнейшие римские города Британии — Камулодун, Веруламний (современные Колчестер и Сент-Олбани) и построенный уже римлянами порт на Тамазе Лондиний, к тому времени уже ставший главным финансовым центром Британской провинции, и перебили до 70 тысяч римских легионеров и колонистов.

Справиться с восстанием, в ходе которого бриты фактически сбросили с себя римское иго, удалось лишь основным силам

римской армии, возвратившимся с острова Моны под командованием Светония Паулина. В генеральном сражении с бритами, действовавшими под командованием Боудики, состоявшемся в 61 г., они, по возможно преувеличенным сведениям, потеряли около 80 тысяч воинов, королева Боудика отравилась, чтобы предотвратить свое пленение. За поражением бритов последовало их массовое истребление, остановить которое удалось лишь по настоянию нового прокуратора Британии Классициана, сменившего в этой должности Дециана. По словам Э. Твэйта, «он писал императору Нерону, советуя ему заменить военного правителя: если останется Светоний, он продолжит убийства и разрушения, и мир никогда не наступит» (Thwaite, cit. op., p. 29).

Некоторое время спустя новым правителем в Британию был назначен закончивший срок своего консульства Петроний Турпилиан, который, по кровожадной характеристике Тацита, «не раздражая врагов и не тревожимый ими, пребывал в ленивом бездействии, которому присвоил благопристойное наименование мира» (Тацит, цит. изд., с. 269). В свою очередь Петроний передал власть над Британией Требеллию Максиму, который, продолжая политику предшественника «удерживал провинцию благодаря своеобразному добродушию, с каким управлял ею. Варвары стали уже свыкаться с его столь приятным для них недостатком» (Тацит, цит. изд., с. 335). Требеллий оставался в Британии до конца правления Нерона. Северная граница контролируемой им провинции установилась по линии от Честера до Линкольна, при этом Уэллс оставался вне этой зоны.

Самого опасного противника империя имела на востоке, где ее границы соприкасались с эллинистической Парфией и где яблоком раздора между двумя великими державами была Армения. В самом начале правления Нерона парфяне, провоцируемые юностью и неопытностью нового принцепса, захватили Армению, изгнав из нее римского ставленника царя Радамиста и возведя на армянский престол брата своего царя Вологеза Тиридата. Но ввиду того, что против Вологеза тогда восстал его сын Вардан, а в ближайших к Армении римских провинциях начался набор легионов, парфяне оставили Армению. Командовать набранными легионами вместе со вспомогательными войсками вассальных царей назначен был опытный полководец Домиций Корбулон. К ведению военных действий против Парфии должны были также подготовиться

расквартированные в Сирии легионы и вспомогательные части под командованием легата Сирии Умидия Квадрата. В ходе начавшихся вскоре военных действий армия под командованием Корбулона одержала ряд блестящих побед: в 58 г. была успешно взята одна армянская столица Артаксата, а в 59 — другая: Тигранакерт. В связи с взятием Корбулоном Артаксаты в Риме прошли помпезные торжества: преторианцы провозгласили Нерона императором, на несколько лет вперед ему установлены были консульства, в его честь воздвигли триумфальную арку. Царем Армении Нерон поставил Тиграна, происходившего из каппадокийского царского рода.

В 62 г. однако были возобновлены полномасштабные военные действия. После смерти Умидия Квадрата легатом Сирии был назначен Корбулон, а на главном направлении противостояния с Парфией в Армении действовали легионы под командованием правителя Каппадокии Цезения Пета, который испытывал ревность к славе Корбулона и не согласовывал с ним свои военные операции. Вологез нанес сокрушительный удар по армии Пета, и он вынужден был капитулировать. Контрудар, нанесенный Корбулоном, имел лишь относительный успех — начались мирные переговоры, в ходе которых договорились о компромиссе: Тиридат, фактически владевший тогда большей частью Армении, явится в Рим в качестве просителя, сложит там царскую диадему и получит ее обратно из рук Нерона, тем самым признавая номинальную верховную власть Рима над Арменией с фактическим оставлением ее под более действенным парфянским влиянием. В политических традициях Рима было ценить саму власть, а не ее декорации. Но у артистичного эллинофила Нерона были другие вкусы и другие приоритеты. И когда в 66 г. Тиридат наконец добрался до Рима, встречен был там с небывалой помпой и исполнил заранее обговоренное действие, приняв из рук Нерона царскую диадему, принцепс торжествовал беспределно, считая этот сомнительный с точки зрения реальной политики акт за грандиозный триумф. В ознаменование восторжествовавшего мира он запер двери храма Януса. А полководец, исправивший катастрофически складывавшуюся для Рима ситуацию на восточной границе после капитуляции Пета, Гней Домиций Корбулон в 67 г. был приговорен к смерти, что окончательно отвратило от Нерона армию, одним из лучших военачальников которой был казненный.

Продолжая политику Клавдия по преобразованию вассальных царств в провинции и укрепляя римское присутствие на востоке, Нерон упразднил Восточно-Понтийское царство, включив его территорию в состав образованной ранее провинции Вифиния и Понт.

В правление Нерона греческие полисы Северного Причерноморья и Тавриды, а также Боспорское царство оказались перед угрозой завоевания их скифами. Скифы осадили Херсонес и принудили Ольвию признать свою зависимость от них. В ответ на вторжение скифов в сферу интересов Римской империи, с Балкан, из Мизии, направлен был экспедиционный корпус под командованием завоевателя Британии Авла Плавтия Сильвана. Сильван отразил натиск скифов, и римские гарнизоны были размещены в Боспорском царстве и в греческих колониях Тавриды и Северного Причерноморья, но Рим воздержался от образования на этой территории своей провинции, сохранив за находившимися там государствами юридический суверенитет.

В 66 г. Нерон отправился в Элладу с целью по преимуществу не правительственной, а артистической — это было своего рода турне, в ходе которого он участвовал в олимпийских, истмийских и дельфийских играх, пел и декламировал перед публикой, и греческая публика принимала его выступления с энтузиазмом, польщенная честью, которую оказывает ей своими концертами властитель полумира. Нерону преподнесли 1800 венков как победителю в состязаниях. В благодарность за эти почести принцепс объявил Элладу свободной; это не означало, конечно, ее политической самостоятельности — на такое не мог решиться даже Нерон, несмотря на все его сумасбродство, но освобождение от налогов. Похваляясь этим актом, он в речи, произнесенной в Коринфе на истмийских играх и известной по надписи, открытой в 1881 г., сказал: «Другие правители предоставляли вольности отдельным городам, Нерон даровал свободу всей провинции» (см. Машков, цит. изд., с. 454). В Коринфе у него возник план прорыть канал через Коринфский перешеек. Подражая Александру Македонскому, он мечтал о расширении пределов своей империи, о завоевании Кавказа и Эфиопии.

Но пока Нерон путешествовал по Элладе, пришли известия о мятеже в Иудее. Это была самая болевая точка в империи. Для удержания этой провинции под римской властью понадобилось вести войну, потребовавшую крайнего напряжения военных

ресурсов Рима и поражение в которой восставших иудеев обернулось масштабной национальной катастрофой, в свое время предсказанной Спасителем. Восстание вспыхнуло при прокураторе Иудеи Гессии Флоре в 66 г., который превзошел своих предшественников в поборах и вымогательстве, и как писал Иосиф Флавий, «обогащаться за счет отдельных лиц ему казалось чересчур ничтожным; целые города он разграбил, целые общины он разорил до основания» (Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991, с. 170).

Иудеи просили легата Сирии Цестия Галла, которому принадлежала высшая власть и над прокураторской провинцией Иудеей, ходатайствовать перед принцепсом о замене прокуратора Иудеи, но просьбы эти не были уважены. Антиримские настроения усугубились после того, как в Кесарии Палестинской произошла массовая драка между местными иудеями и эллинами, вспыхнувшая в результате выходки одного из греков, который перед дверями синагоги принес в жертву птиц, намеренно оскорбив религиозные чувства иудеев. После потасовки иудеи унесли Священные книги из Кесарии в Нарбату, Флор вменил им это в преступление и приказал арестовать прибывших к нему в Себастию авторитетных иудеев, просивших уладить конфликт. Прокуратор потребовал выдать ему 17 талантов из Храма под тем предлогом, что эти средства нужны императору. Это требование вызвало взрыв негодования — на сторону zelотов, готовых к вооруженному сопротивлению римской власти, стали тогда многие из ранее вполне лояльных иудеев, а Флор приказал ввести в Иерусалим дополнительные войска, появление которых в Священном городе еще более ожесточило народ, не скрывавший больше своего возмущения. Тогда прокуратор повелел солдатам учинить резню на Верхнем рынке: солдаты врываются в дома иудеев, подвергали их разграблению и убивали их жителей; несколько человек Флор приказал схватить, привести к нему в преторий, затем они были подвергнуты бичеванию и распяты.

Царь Агриппа II в ту пору находился в Александрии, где поздравлял нового наместника Египта Александра Тиберия с его назначением. Находившаяся в Иерусалиме его сестра Береника тщетно просила Флора вначале через своих слуг, а потом лично, перед его трибуналом, прекратить резню. В городе продолжались убийства и грабежи. Зелоты, подстрекавшие

народ к восстанию, встречали все большее сочувствие со стороны соплеменников; первосвященники, синедрион, влиятельные саддукеи пытались удержать народ от восстания, но после резни, учиненной у городских ворот, когда погибло множество людей: одни от римских мечей, другие — под конскими копытами, третьи — раздавленные возникшей в воротах давкой, zeloty и их сторонники взяли за оружие и заняли Храм и замок Антония, отбиваясь от безуспешно пытавшихся захватить его римлян.

Вернувшись в Иерусалим, Агриппа созвал народ на площадь перед дворцом Хасмонеев. В долгой речи он пытался убедить его не вступать на путь безнадежной борьбы с могущественным Римом. На время ему удалось успокоить страсти. Но когда Агриппа стал убеждать иудеев повиноваться не только высшей римской власти, но также и Гестию Флору, до тех пор пока император не заменит его, народ с негодованием отвернулся от тетрарха, и он вынужден был срочно оставить Иерусалим и выехать в свои владения. В дальнейшем он уже действовал заодно с римлянами против восставших иудеев.

Отряд вооруженных zelotov захватил крепость Масаду, перебив ее римский гарнизон. Затем, как пишет Иосиф Флавий, «Элеazar, сын первосвященника Анания, — чрезвычайно смелый юноша, занимавший тогда начальнический пост, — предложил тем, которые заведовали порядком богослужения, не принимать больше никаких даров и жертв от неиудеев. Это распоряжение и было собственно началом войны с римлянами, потому что в нем заключалось отвержение жертвы за императора и римлян» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 185). Стремившиеся предотвратить войну саддукеи и фарисеи пытались убедить ревнителем возобновить молитву за римлян. На помощь миролюбивым иерусалимлянам Агриппа направил в город отряд в три тысячи всадников. В Иерусалиме началось вооруженное противостояние, закончившееся победой zelotov, крайнюю фракцию которых называли сикариями, что значит убийцами. Ее вождями были Иоанн из Гискалы и Симон, сын Гиоры. Дом первосвященника Анании, а также дворцы Агриппы и Береники были сожжены, сгорел архив, затем сам Анания и его брат Иезекий были убиты. Предводителем восставших стал Элеazar, сын Иаира, после того как его сторонники устранили другого претендента на ту же роль Манаима.

Застрявший в городе римский отряд под командованием Метилия подвергся осаде в своем гарнизоне. Когда положение отряда стало безнадежным, Метилий просил предводителя мятежников принять капитуляцию и сохранить осажденным жизнь, обещав сдать оружие. Элеазар принял это предложение, но когда оружие было сдано, «воины Элеазара, — как рассказывает Иосиф Флавий, — бросились на них и оцепили их кругом. Римляне не пробовали даже защищаться или просить о пощаде; но они громко ссылались на уговор. Все были умерщвлены бесчеловечным образом, за исключением только Метилия: его одного они оставили в живых, потому что он слезно умолял их даровать ему жизнь, обещав принять иудейскую веру, даже дать себя обрезать» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 190). Умеренных иудеев это происшествие повергло в тревогу, они видели, что война теперь неизбежна и что она закончится бедствием для народа, тем более что вероломная резня учинена была в субботний день.

В тот же день в Кесарии местные эллины перебили всех иудеев. Кровавые преследования иудеев начались в Дамаске и других городах Сирии, а также Финикии. В ответ на это отряды иудеев стали опустошать расположенные вблизи Иудеи сирийские поселения. Страшная резня иудеев учинена была эллинами Александрии при поддержке римского гарнизона.

Между тем, Иерусалим и большая часть Иудеи находились уже в руках восставших. Теперь уже и ранее умеренные приверженцы фарисейской секты были вовлечены в восстание. Легат Сирии Гай Цестий Галл, наконец, должен был принять меры к подавлению восстания. Он выступил из Антиохии с XII легионом и вспомогательными частями, в составе которых было и около 5 тысяч воинов тетрарха Агриппы. Римская армия осадила Иерусалим, но после нескольких безуспешных попыток взять город Цестий дал приказ об отступлении.

Поражение римлян побудило и самых умеренных иудеев, даже ессеи, принять сторону zelотов. На собрании в Храме были избраны предводители восстания и правители Иерусалима, Перей, Иерихона, Идумеи. Среди них оказались первосвященник Аннан, сын Симона Элеазар, сын Анана Элеазар, ессей Иоанн, назначенный править округом Фамна с подчинением ему Лиды, Иоппии и Эммауса. Правителем Галилеи был назначен иерусалимский священник Иосиф, сын Маттафии, усвоивший себе

впоследствии, когда он стал сторонником римлян, прозвище Флавия. Но, как это известно из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, христианине, «принадлежавшие к Иерусалимской Церкви, повинувшись откровению, данному перед войной почтенным тамошним мужем, покинули Иерусалим и поселились в Перее, в городе Пелле» (Евсевий, цит. изд., с. 82), чем, вероятно, вызвали особую неприязнь к себе со стороны иудеев, вступивших в безнадежную войну с Римом.

Ввиду крайней серьезности положения Нерон для подавления восстания назначил самого способного из остававшихся еще в живых после казни Домиция Корбулона полководцев Тита Флавия Веспасиана, который находился тогда в свите императора в Элладе. Консул 66 г., он носил звание проконсула. В 67 г. он срочно выехал в Сирию. Под его началом была армия в 50 тысяч воинов, с собой он взял своего сына Тита в качестве одного из легатов. В ходе военной операции один за другим падали восставшие города, хотя они и оказывали упорное сопротивление, нанося значительные потери римской армии. Особенно ожесточенно сопротивлялась Иотапата, обороной которой руководил Иосиф сын Маттафия, и все же город был взят, после чего все жители его, кроме женщин и младенцев, были перебиты. Иосиф Флавий насчитал до 40 тысяч убитых воинов и мирных жителей. По приказу Веспасиана городские укрепления были срыты до основания. Среди 1200 пленников оказался и сам Иосиф.

Доставленный Веспасиану, он заявил, что хочет сообщить ему нечто наедине. И после того как удалились все присутствующие, кроме Тита и двух друзей полководца, Иосиф, по его собственным словам, сказал: «Ты думаешь, Веспасиан, что во мне ты приобрел только лишь военнопленника; но я пришел к тебе как провозвестник важнейших событий. Если бы я не был послан Богом, то я бы уже знал, чего требует от меня закон иудеев и какая смерть подобает полководцам. Ты хочешь послать меня к Нерону? Зачем? Разве долго еще его преемники удержатся на престоле до тебя? Нет, ты, Веспасиан, будешь царем и властителем, — ты и вот этот, твой сын!... Веспасиан, — замечает Иосиф, — как казалось первое мгновение недоверчиво отнесся к этим словам, считая их за увертку со стороны Иосифа для спасения себе жизни, но мало-помалу им овладело доверие, так как Бог возбудил в нем мысль о царстве и указал ему еще другими

знамениями, что скипетр перейдет к нему» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 247–248). Впоследствии Веспасиан велел снять с Иосифа оковы и приблизил его к себе; Иосиф же стал его почитателем и апологетом римского господства, оставаясь при этом иудеем и фарисеем, что однако не помешало ему сказать о Христе хрестоматийно известные слова, исполненные искреннего благоговения.

После падения большей части восставших городов умеренные иудеи, подобно Иосифу, стали отворачиваться от zelотов и сикариев, сознавая безнадежность сопротивления. Вскоре Веспасиан овладел всей Иудеей, Галилеей, Самарией и Идумеей и осадил Иерусалим, остававшийся очагом сопротивления.

В 68 г. Нерон вернулся из Эллады в Рим, чтобы там отпраздновать свои спортивные и артистические победы. И тут ему донесли о новом восстании, на этот раз в Галлии, причем крайняя опасность его заключалась в том, что не сами галлы выступили против верховной власти, но римский наместник Лугдунской Галлии Гай Юлий Виндекс со всеми подчиненными ему войсками. Восстание он поднял под лозунгом свержения тирании и восстановления республики. Недовольные тяжелым налоговым прессом галлы поддержали его. По приказу Нерона расквартированные в Верхней Германии легионы под командованием Вергиния Руфа двинулись в Галлию. Вергиний разбил войска Виндекса, и тот покончил с собой, но затем произошло нечто непредвиденное: победившие легионы требовали от своего полководца, чтобы он принял от них звание императора в соответствии со старой римской традицией удостоивать императорским достоинством победоносных полководцев по воле их легионов, но эта традиция была оставлена в эпоху принципата, после Германика никто, кроме принципсов, не удостоивался уже императорского звания, так что оно стало, по существу дела, одним из титулов верховного правителя. Таким образом легионеры подталкивали своего военачальника к узурпации высшей власти — к мятежу. Вергиний отклонил это предложение, сославшись на свое скромное происхождение. Виндекс однако действовал по предварительному сговору с правителями других провинций: Африки, Лузитании и Ближней Испании. В апреле 68 г. наместник Ближней Испании Гальба открыто отложился от Нерона и объявил себя легатом сената и римского народа.

Известие об измене Гальбы повергло Нерона в ужас, и как рассказывает Светоний, «он рухнул и в душевном изнеможении долго лежал как мертвый, не говоря ни слова; а когда опомнился, то, разодрав платье, колотя себя по голове, громко вскричал, что все уже кончено» (Светоний, цит. изд., с. 166). В его воспаленном сознании рождались горячечные прожекты: сменить и убить всех начальников провинций и перебить подчиненные им войска как заговорщиков, истребить всех проживавших в Риме галлов, извести всех сенаторов ядом, поджечь Рим, а на его улицы выпустить диких зверей, чтобы никто не мог спастись. Затем он сместил обоих консулов, назначил единственным консулом самого себя и собирался пойти в поход против мятежников, уверяя своих друзей, по словам Светония, что «он выйдет навстречу войскам безоружный и одними своими слезами склонит мятежников к раскаянью, а на следующий день, веселясь среди общего веселия, споет победную песнь, которую должен сочинить заранее» (Светоний, цит. изд., с. 167).

Наблюдая утрату Нероном здравого ума, в верности ему колебались и преторианские когорты. Один из их префектов Тигеллин постарался уйти в тень, а другой, Нимфидий Сабин, открыто изменил Нерону и стал агитировать среди преторианцев за провозглашение императором Гальбы, посулив им от имени будущего принцепса щедрые вознаграждения за измену Нерону. Убедившись, что Нерон лишился всякой вооруженной поддержки, сенат обвинил его низложенным.

Оставшись с несколькими верными рабами и вольноотпущенниками, среди которых был и его любовник Спор, Нерон бежал из Рима и укрылся на вилле своего вольноотпущенника Фаона, приказав вырыть для него могилу, при этом он всхлипывал и повторял: «Какой великий артист погибает!» (Светоний, цит. изд., с. 169). Ему доставили из Рима письмо, из которого он узнал, что сенат объявил его врагом отечества и что он будет казнен по обычаю предков. И тогда он спросил окружающих, «что это за казнь; ему сказали, что преступника раздевают донага, голову зажимают колодкой, а по туловищу секут розгами до смерти. В ужасе он схватил два кинжала, взятые с собою, попробовал острие каждого, потом опять спрятал... То он уговаривал Спора начинать крик и плач, то просил, чтобы кто-нибудь примером помог ему встретить смерть, то бранил себя за нерешительность... Уже приближались всадники, которым было

поручено захватить его живым. Заслышав их, он в трепете выговорил: «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает» — и с помощью своего советника по прошениям, Эпафродита, вонзил себе в горло меч» (Светоний, цит. изд., с. 169).

Останки Нерона были погребены в родовой усыпальнице Домициев. На Нероне пресеклась династия Юлиев-Клавдиев, на верности которой со стороны легионов, подкрепляемой присягой, держалась до тех пор система принципата. Одну из главных причин свержения Нерона русский историк С. И. Ковалев видел в том, что «он разорвал с основной опорой династии — с армией. Нерон был глубоко штатским человеком. В этом не было бы большой беды — Клавдий тоже не имел вкуса к военному делу. Однако он лично был в Британии, тогда как Нерон единственный раз выезжал в провинцию лишь за тем, чтобы пожать сомнительные лавры актера. Римская армия знала своего императора только по чудовищным слухам, которые доходили до нее из столицы» (Ковалев, цит. изд., с. 631).

Личность Нерона получила самую негативную оценку со стороны римских писателей, выразивших отношение к нему, сложившееся в кругах консервативно настроенной сенатской олигархии и во всадническом сословии. Для Тацита или Светония Нерон стал своего рода эпонимом тирана. В крайне мрачном свете представляет его и иудейская традиция. В церковную историческую память он вошел как первый император, учинивший гонение на христиан, как главный виновник смерти апостолов Петра и Павла и многих тысяч мучеников. В представлении некоторых христиан он был прообразом антихриста. Но в Греции он сохранил популярность и после своей смерти. Его чтили там как покровителя искусств и спортивных игр, в нем видели правителя Рима, который стремился эллинизировать империю. Благоприятная память о нем хранилась и в Парфии. На востоке империи трижды появлялись самозванцы, усваивавшие себе имя Нерона и собиравшие вокруг себя многочисленных соронников. Но и в Риме долго еще у него оставались почитатели. Его могилу украшали цветами, неизвестные лица, пренебрегая запретом, выставляли его статуи на форуме, после его гибели упорно распространялись слухи, что Нерон жив и скоро вернется, чтобы отомстить своим врагам. Эта приверженность Нерону поддерживалась в среде, приверженной традициям популяров.

8. Год четырех императоров

Легат Ближней, или Тарраконской Испании Сервий Гальба, провозглашенный императором испанскими и галльскими легионами, получил поддержку от нескольких других провинциальных наместников, в частности, правителя Лузитании Отона, в прошлом мужа Поппеи и собутыльника Нерона. За него агитировал префект претория Нимфидий, и 8 июня 68 г. сенат признал его своим принцепсом. Это сделано было с особой готовностью, потому что Гальба происходил из старинного сенаторского рода Сульпициев, и по своим убеждениям был законренным республиканцем. Немощный старик 72 лет от роду, который уже не мог передвигаться иначе как на носилках, он обладал ясным умом и непреклонной волей. Светоний так характеризует его внешний вид: «Росту он был среднего, голова совершенно лысая, глаза голубые, нос крючковатый, руки и ноги искалеченные подагрой до того, что он не мог ни носить подолгу башмаки, ни читать или просто держать книгу» (Светоний, цит. изд., с. 180). По словам Тацита, «в расцвете лет и сил он снискал себе громкую воинскую славу в германских провинциях, проконсулом умеренно и осторожно управлял Африкой, уже стариком заставил Тарраконскую Испанию уважать законы Рима» (Тацит. Сочинения в двух томах., т. 2, Лг., 1968, с. 27).

Гальба приехал в Рим вместе с Отоном осенью 68 г. и тотчас принялся за наведение порядка, который, как ему представлялось, должен был строиться на республиканских традициях Рима, но реставрация этих традиций требовала от него решительности и способности идти против течения. Гальба возвратил из ссылки сосланных Нероном сенаторов и пытался по преимуществу опираться на них, хотя сами по себе они не имели политического веса; новый принцепс намеревался также возбудить обвинительные процессы против сенаторов, занимавших при Нероне магистратуры, действительных соучастников его преступлений, но в последний момент отвернувшись от своего трона и готовых поддержать Гальбу, однако при условии, что их прошлые деяния будут покрыты забвением и они составят ближайшее окружение принцепса, так что гражданская честность и упертость престарелого полководца, лишенного подобающей политикам неразборчивости, огорчила сенатскую олигархию и настроила ее против него.

Со столь же неуклюжей прямолинейностью Гальба действовал и по отношению к офицерским кадрам. Legionеры Рейнской армии ожидали вознаграждения, а центурионы и трибуны должностного повышения в благодарность за подавление мятежа Виндекса, и они были обескуражены тем, что командные вакансии Гальба стал замещать офицерами, служившими под началом Виндекса. Принцепс замыслил также чистку командного состава военно-морского флота, который пользовался особым покровительством Нерона. Наконец, преторианцы ожидали от Гальбы обещанного им от его имени Нимфидием щедрого вознаграждения за измену Нерону, а Гальба расценил подобное обещание как проявление коррупции, и вовсе не собирался подкупать кого бы то ни было за счет основательно разбазаренной государственной казны. Он считал, что, изменяя Нерону, преторианцы всего лишь выполнили свой долг, поскольку Нерон был врагом республики, а исполнение долга не предполагает вознаграждения.

Воспользовавшись разочарованием и обидой преторианцев, их префект Нимфидий, проложивший путь Гальбе к верховной власти, попытался теперь его устранить и провозгласить императором самого себя. Но Гальба обладал еще достаточной поддержкой — в Риме был расквартирован преданный ему испанский легион — и сумел решительными действиями обезглавить мятеж, устранив Нимфидия. За этим последовали расправы над его сторонниками и теми, кто был заподозрен в поддержке узурпатора. По обвинению в участии в заговоре Нимфидия был казнен кандидат в консулы на следующий год Цингоний Варрон. Казни подвергся и бывший консул Петроний Турпилиан как один из приспешников Нерона. Проконсул Африки Публий Клодий Макр был убит по приказу Гальбы, потому что отказал ему в повиновении, подобной же участи подвергся и наместник Нижней Германии Фонтей Капитон. Его убийство вызвало взрыв возмущения в легионах, стоявших на Рейне. Ситуация усугубилась после того, как наместник Верхней Германии Вергиний Руф, подавивший выступление Виндекса, был вызван Гальбой в Рим, и там против него было возбуждено обвинение и начато расследование. Реакция на этот шаг Гальбы не заставила себя ждать.

1 января 69 г. легионы Верхней Германии отказались принести присягу Гальбе, их примеру последовали легионы Нижней Германии, избравшие императором своего легата Авла Вителлия.

Разделившись на две колонны — одну под командованием Авла Цецины, а другую Фабия Валенса — рейнская армия двинулась на Рим и уже в феврале переправилась через альпийские перевалы Большой Сен-Бернар и Мон Женевр. Устранение династии Юлиев-Клавдиев и нерасчетливая прямолинейность лишенного политической изворотливости генерала, оказавшегося на вершине власти, вовлекла империю в состояние гражданской войны, о котором Рим уже начал забывать за столетие, прошедшее со времени установления единовластия при Августе. Для народа эта угроза была куда более страшной, чем дворцовые перевороты и тираническое правление, подобное нероновскому, опасно задевавшее лишь верхние сословия, но не чреватое массовым человекоубийством, неизбежным в гражданскую войну.

Но и в самом Риме положение Гальбы становилось все более шатким. Не только преторианцы и легионеры, но и римский плебс обнаружил недовольство скупостью принцепса, обманувшего его ожидания на щедрые подарки в ознаменование своего восшествия на вершину власти, и это свое недовольство народ выражал открыто, тем более что Гальба не принадлежал к популярному роду Цезарей, что он не был потомком Германика, подобно прежним династическим принцепсам, а принадлежность Гальбы к старинной аристократии в глазах плебса не стоила и выеденного яйца.

Гальба удерживал власть в значительной мере благодаря поддержке Марка Сальвия Отона, у которого были крепкие связи в высшем римском обществе со времен его дружбы с Нероном и популярность в войсках, в особенности в преторианских когортах. Престарелый принцепс намеревался усыновить одного из видных военачальников или политиков, с тем чтобы тот стал его ближайшим помощником, а затем и преемником. Несмотря на то, что политическим идеалом Гальбы была классическая республика, единственным работающим механизмом власти, от которого невозможно было отказаться по прагматическим соображениям, являлся все тот же принципат с его квазимонархической моделью наследования верховной власти. Вопреки надеждам Отона 10 января Гальба объявил об усыновлении им юного нобиля Кальпурния Пизона Лициниана, который имел безупречную репутацию и множество достоинств; его единственным, однако немаловажным недостатком было отсутствие за его спиной какой бы то ни было политической или военной поддержки.

Роскошь подобного назначения мог позволить себе действительный монарх или диктатор, власти которого ничто не угрожает — похвалиться аналогичным положением Гальба не мог, но, как представляется, он едва ли сознавал смертельную рискованность совершенного им шага. Сенат поспешил санкционировать этот выбор, в особенности из-за знатности происхождения Пизона, но в армии его не знали. Еще одно опрометчивое распоряжение навлекло на Гальбу массовую неприязнь. В целях пополнения казны он повелел всем, кто получал денежные подарки от Нерона, возвратить их, оставив себе не более десятой части от полученного в дар, но, как замечает Тацит, «сверх этой одной десятой части у людей, благодетельствованных Нероном, уже почти ничего и не было, ибо, привыкши расточать свое добро, они так же управлялись с дареным; у этих хищных негодяев не осталось ни капиталов, ни земли и хватало богатства лишь на разврат» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 14). Одновременно Гальба продолжал чистку армии и преторианских когорт, увольняя популярных в войсках трибунов и центурионов.

В этой обстановке обманутый в своих надеждах Оттон без всякого труда привлек на свою сторону преторианцев, и уже 15 января они провозгласили его императором. На его стороне оказалась и большая часть римского плебса, его особенно горячо поддержали те римляне, кто сожалел о падении Нерона. За этим последовало убийство Гальбы и Пизона. Гальбу присягнувшие Оттону преторианцы нашли на форуме. Народ при виде отряда преторианцев разбежался с форума. «Носильщики императора дрожали от страха — возле бассейна Курция Гальба вывалился из носилок и покатился по земле. Последние слова Гальбы передают по-разному те, кто ненавидел его, и те, кто им восхищался. Одни утверждают, что он молил объяснить, в чем его вина, и просил даровать ему несколько дней жизни, дабы успеть раздать солдатам деньги. Большинство же рассказывают, что он сам подставил убийцам горло со словами: «Делайте, что задумали, и убейте меня, если так нужно для государства» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 23–24).

Оттону исполнилось 37 лет, когда он стал императором. Это был бесшабашный прожигатель жизни, мот и кутила, который, став другом Нерона, вместе с ним пускался во все тяжкие, не зная пределов в разврате всякого рода. Внешний вид его был весьма непрезентабельным. По характеристике Светония,

он был «невысокого роста, с некрасивыми и кривыми ногами, ухаживал за собою почти как женщина, волосы на теле выщипывал, жидкую прическу прикрывал накладными волосами..., а лицо свое каждый день... брил и растирал моченым хлебом, чтобы не росла борода» (Светоний, цит. изд., с. 185). Свою главную опору он видел в преторианцах, которым потворствовал во всем, следуя примеру своего прежнего друга и покровителя Нерона. К Отону вообще тянулись те, кто сожалел о гибели Нерона, и по словам Светония, «среди прочих угодливых поздравлений и лести чернь дала ему имя Нерона, и он нимало не высказал неудовольствия: более того, иные говорят, что он даже первые свои грамоты и послания к некоторым наместникам провинций подписал этим именем» (Светоний, цит. изд., с. 183). Традиция усвоения новыми принцепсами имен своих предшественников сложилась со времен усыновленного Цезарем Октавиана, принявшего имя своего усыновителя. Правда, Нерона сенат объявил врагом республики, и этот приговор не был отменен при Отоне. Тем не менее, «изображения и статуи Нерона он разрешил восстановить, его прокураторам и вольноотпущенникам вернул их прежние должности и первым же своим императорским указом отпустил 50 миллионов сестерциев на достройку Золотого дворца» (Светоний, цит. изд., с. 183).

Сенат подтвердил избрание Отона, произведенное преторианскими когортами, но преторианцы подозревали сенаторов в недоброжелательстве к своему любимцу, щедро вознаградившему их за свержение Гальбы. Был случай, когда, заподозрив со стороны сената измену принцепсу, преторианцы устремились на Палатин в намерении перебить всех сенаторов, так что самому Отону стоило немалых усилий их успокоить и удержать.

Захватив власть в Риме, Отон тщетно пытался договориться с Вителлием, пообещав сделать его своим соправителем. Чтобы расположить к себе германские легионы, он назначил популярного в них Вергиния Руфа консулом на следующий год, но все было тщетным — рейнская армия двигалась на Рим. На ее стороне были войска, расквартированные в Галлии, Британии и Испании. Хотя потенциально Отон мог располагать большими силами: преторианские когорты были безоговорочно преданы ему, его приказам готовы были подчиняться все вообще войска, находившиеся в Риме, в его подчинении оставалась Африка и Египет, ему безоговорочно повиновался военно-морской флот,

охранявший берега Италии, балканские и азиатские легионы уже принесли ему присягу, дунайская армия в составе 4 легионов отправилась по его приказу из Далмации и Паннонии в поход против войск Вителлия, — но Отон попал в жесткий цейтнот; к тому же, по свойственной ему нетерпеливости он стремился как можно скорее разрешить ситуацию, и не дожидаясь подхода дунайских легионов, двинул верные ему войска на север Италии, который и стал тогда главной ареной гражданской войны.

У Кремоны, на берегу Падуса, соединились продвигавшиеся ранее врозь войска вителлианцев, которыми командовали опытные и способные полководцы Цецина и Валент. Войсками Отона командовали военачальники Марий Цельс, Анний Галл и Светоний Паулин. Общее руководство кампанией осуществлял поставленный консулом брат Отона Тициан, не имевший опыта командования крупными соединениями.

В самом начале военных действий армия отонианцев одержала победы в трех сражениях: у подножья Альп, близ Плаценции и в Касторовом урочище около Кремоны, но основные силы вителлианской армии уцелели. На военном совете отонианцев Светоний Паулин предлагал не рисковать и вести позиционную войну, дожидаясь подкреплений, но Тициан и префект претория Прокул, воодушевленные победой в Касторах, настояли на том, чтобы дать генеральное сражение. По рекомендации военачальников сам принцепс не должен был участвовать в нем, чтобы не подвергать опасности свою драгоценную жизнь, и сосредоточиться на управлении империей. Отон выехал в город Брикселл, расположенный в полусотне километров от главного лагеря его армии, где располагались резервные части.

Генеральное сражение произошло при Бедриаке на левом берегу Пада 14 апреля 69 г. Вителлианцы одержали в этом сражении победу, войска Отона бежали с поля битвы. Правда, участвовавшие в сражении преторианцы, понеся тяжелые потери, не утратили боевого духа, и как рассказывает Тацит, настаивали на продолжении войны: «Разве не пришлось вителлианцам кровью заплатить за победу? — спрашивали они. — Конница их понесла поражение, один легион потерял своего орла; Отон по-прежнему с нами, с нами его войска, находящиеся по ту сторону Пада, и приближающиеся мезийские легионы, и вся армия, которая стоит в Бедриаке, — их-то во всяком случае никто еще не победил» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 69–70).

Но когда до Отона дошла весть о поражении, он, вопреки настроением своего окружения, решил отказаться от борьбы за власть и за жизнь. У этого человека, который с ранней молодости прославился своим безграничным бесстыдством, проснулась совесть, и он сказал: «Вы, по-моему, слишком высоко цените мою жизнь..., если готовы с такой твердостью и мужеством идти ради нее навстречу гибели... Из-за Вителлия началась гражданская война. По его вине мы с оружием в руках вступили в борьбу за принципат; я готов дать пример того, что не следует ее затягивать; по этому поступку пусть судят меня потомки. Я предоставляю Вителлию наслаждаться любовью брата, жены, детей, я не хочу мстить, не хочу искать утешения в чужом горе... Могу ли я допустить, чтобы столько римских юношей, столько замечательных солдат бездыханные устилали землю и гибли без всякой пользы для государства? Мысль о том, что вы готовы были умереть за меня, я унесу с собой, но вы оставайтесь и живите» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 71). Приготовив перед отходом ко сну два кинжала и положив их под подушку, Отон хорошо выспался, и проснувшись на рассвете, закололся. Тело покойника на погребальный костер несли преторианцы, они целовали ему руки и ноги, а потом несколько солдат закололись над костром.

После погребения Отона в Брикселе состоялись переговоры, и отонианская армия капитулировала. Затем сенат признал принцепсом Вителлия, который узнал о смерти Отона и своей победе, когда находился в Галлии, и срочно отбыл к победоносной армии, чтобы вместе с нею войти в Рим.

Авл Вителлий родился в 12 г. от Р. Х. в семье консулара Луция, превосходившего современных ему льстецов своим бесподобным раболепием перед принцепсами: он первым начал оказывать Калигуле божеские почести; поздравляя Клавдия со столетними играми, он пожелал ему еще не раз их праздновать. Подобной же угодливостью отличался и его сын Авл. Душу Нерона он завоевал тем, что, как рассказывает Светоний, однажды «распоряжаясь на Нероновых играх, он увидел, что Нерон очень хочет выступить в состязании кифаредов, но не решается уступить общим просьбам и готов уйти из театра; тогда он остановил его, словно по неотступному требованию народа, и этим дал возможность его уговорить» (Светоний, цит. изд., с. 189). Но его самой замечательной чертой было обжорство, которому Светоний, со свойственной ему манерой карикатуриста, придает

раблезианский размах: «Пирьы он устраивал по три раза в день, а то и по четыре — за утренним завтраком, дневным завтраком, обедом и ужином; и на все его хватало, так как всякий раз он принимал рвотное. В один день он напрашивался на угощение в разное время к разным друзьям, и каждому такое угощение обходилось не меньше, чем в четыреста тысяч... Не зная в чревоугодии меры, не знал он в нем ни поры, ни приличия — даже при жертвоприношении, даже в дороге не мог он удерживаться; тут же, у алтаря, хватал он и поедал чуть ли не из огня куски мяса и лепешек, а по придорожным харчевням не брезговал и тамошной продымленной снедью, будь то хотя бы вчерашние объедки» (Светоний, цит. изд., с. 191–192).

При Нероне Вителлий был проконсулом Африки, а потом попечителем общественных работ в Риме. Гальба назначил его наместником Нижней Германии, и там он, следуя охватившему рейнские легионы мятежному настроению и не имея способности трезво оценить крайне опасные последствия этого шага, легко согласился провозгласить себя императором.

Находясь еще в Галлии, Вителлий издал эдикт о роспуске преторианских когорт, узнав затем, что 120 преторианцев подали прошение о вознаграждении за помощь в убийстве Гальбы, он велел всех их разыскать и казнить. Этой своей мерой он заслужил похвалу со стороны Светония, который в остальном представил его в виде монстра. По пути в Рим легионы Вителлия с разрешения императора продовольствовали себя за счет грабежа местных жителей, убивая тех, кто пытался защитить свое имущество, несмотря на то, что, как почти все италики, они имели римское гражданство.

Войдя в столицу, Вителлий принял сан великого понтифика и назначил себя пожизненным консулом. Затем, демонстрируя свою приверженность памяти Нерона, не утратившего популярности в рейнской армии, на которую и опирался Вителлий, он в окружении жрецов совершил по нему поминальные жертвоприношения на Марсовом поле, и «на праздничном пиру, наслаждаясь пением кифареда, он при всех попросил его исполнить что-нибудь из хозяина и когда тот начал песню Нерона, он первый стал ему хлопать и даже подпрыгивал от радости» (Светоний, цит. изд., с. 191). Вителлий заново сформировал преторианские когорты из солдат германской армии, составивших главную его опору.

Правление Вителлия продолжалось несколько месяцев, но и за этот короткий срок он, подражая позднему Нерону, многих успел осудить на казнь; жертвами его кровавой охоты становились в особенности откупщики и кредиторы, в прошлом досаждавшие ему тем, что взыскивали с него долги, в которые он легко входил, угождая своей страсти к пиршествам. Вителлий обладал счастливой способностью не обременять себя тревогой за будущее, — как человек неглупый он понимал, что пиршествовать роскошно ему придется недолго, и как писал Тацит, «радовался тому, что может наслаждаться, пока есть время, о будущем старался не думать и, как говорят, за несколько месяцев проел двести миллионов сестерциев» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 93).

Между тем, после того как, по словам того же Тацита, «разглашенной оказалась тайна, окутывавшая приход принцепса к власти, и выяснилось, что им можно стать не только в Риме» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 7), легионы, расквартированные на Востоке, не пожелали уступать рейнской армии привилегию создавать принцепсов, тем более, что они обладали большей мощью и лучшей боевой выучкой, чем глубоко деморализованные грабежами мирных жителей Италии и Рима солдаты германских легионов, среди которых, впрочем, немалую долю составляли природные германцы, которые, при попустительстве всячески усердствовавшего в задабривании военщины Вителлия, смотрели на Рим как на завоеванный город, отданный им на поток и разграбление, — о катастрофическом падении дисциплины в германских легионах, оккупировавших Рим, в провинциях было хорошо известно.

Легат Сирии Гай Лициний Муциан и префект Египта Тиберий Александр договорились заменить Вителлия на несравненно более солидного и надежного полководца Тита Флавия Веспасиана. Заручившись его согласием, 1 июля 69 г. в Александрии его провозгласили принцепсом. Потом ему присягнули легионы, стоявшие в Египте, Сирии и Иудее. Вслед затем такую же присягу принесли легинеры в Паннонии и Мезии. На сторону Веспасиана перешел и Равеннский флот, которым командовал Луцилий Басс. Сам Веспасиан, передав командование войсками, выполнявшими операцию по подавлению восстания в Иудее, своему сыну Титу, у которого было звание легата, отправился в Александрию, чтобы пресечь вывоз хлеба из Египта в Италию и задушить противника голодом. В конце осени 69 г. дунайские

легионы, которые ранее готовы были уже двинуться в Северную Италию на выручку Отона, теперь, наконец, действительно отправились в поход под командованием легата Антония Прима, чтобы сразиться с тем же самым противником — армией Вителлия, а следом за ними двигались войска Муциана.

Зная, что положение его отчаянное, Вителлий, не щадя и без того уже разоренной казны, начал набор добровольцев, которым он, вопреки традиции, обещал не только немедленную отставку после победы над противником, но и вознаграждения в размерах, которые полагались ветеранам, отслужившим полный срок. И все же улов наемников оказался скудным, а вот германские легионы готовы были сражаться с дунайской и сирийской армиями. Правда, у них не оказалось полководца: сам Вителлий на эту роль явным образом не годился, на Валента обрушилась тяжелая болезнь, а Цецина, который и повел армию навстречу противнику, осознав неизбежность поражения, решил вместе со своими ближайшими помощниками перейти на сторону Веспасиана, но легионеры, среди которых уже шла агитация в пользу Веспасиана, хотели сохранить власть за мироволившим им во всем Вителлием — они арестовали Цецину, заковали его в кандалы и избрали своими вождями легата 5-го легиона Фабия Фабула и префекта лагеря Кассия Лонга.

Решающее сражение между армией под командованием Антония Прима и вителлианцами состоялось под Кремоной. Вителлианцы дрались упорно, и все же были разбиты численно уступавшей им, но лучше организованной армией; оставшиеся в живых вителлианцы попытались укрыться за крепкими городскими стенами Кремоны, жители которой были на стороне Вителлия, но город был взят, и началась расправа как над разбежавшимися по его улицам побежденными солдатами, так и над мирными жителями. Потерпевшие поражение напрасно пытались добиться пощады, прося освобожденного ими Цецину заступиться за них перед победителями. Антоний отправил его под конвоем к Веспасиану. Тщетно пытался Антоний удержать своих легионеров от грабежей и резни. По описанию Тацита, «сорок тысяч вооруженных солдат вломилась в город, за ними — обозные рабы и маркитанты, еще более многочисленные, еще более распущенные... Седых старцев, пожилых женщин, у которых нечего было отнять, волокли на потеху солдатне. Взрослых девушек и красивых юношей рвали на части,

и над телами их возникали драки, кончавшиеся поножовщиной и убийствами. Солдаты тащили деньги и сокровища храмов, другие, более сильные, нападали на них и отнимали добычу. ...В руках у всех пылали факелы, и кончив грабеж, легионеры кидали их, потехи ради, в пустые дома и разоренные храмы... Грабеж продолжался четыре дня... Так, на двести восемьдесят шестом году своего существования, погибла Кремона» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 112).

Попытка Вителлия задержать продвижение противника на Рим, направив против него преторианцев и кавалерию, которые заняли перевалы через Аппенинские горы, провалилась. Когда Вителлий убедился в том, что поражение неизбежно, он через брата Веспасиана Флавия Сабина, которого он пощадил и оставил в должности префекта Рима, вступил в переговоры с Антонием Примом и Муцианом. Результатом переговоров стало обещание сохранить Вителлию жизнь, если он прикажет прекратить сопротивление и сложит с себя полномочия принцепса. Вителлий был счастлив полученным обещанием, но для преторианцев, когорты которых были набраны из германских легионеров, его уход был неприемлем — от Веспасиана они не ожидали для себя пощады. Преторианцы напали на городские когорты, подчинявшиеся Флавию Сабину, отгеснив их на Капитолий, там находился Сабин и его юный племянник сын Веспасиана Домициан. После непродолжительной осады преторианцы взяли Капитолий. Во время штурма сгорел главный храм Рима, посвященный Юпитеру Капитолийскому. Взятый в плен, Флавий Сабин был убит. Вителлий попытался спасти ему жизнь, но укротить разъяренных преторианцев ему не удалось, а Домициан спрятался у сторожа храма Юпитера, и с помощью одного из вольноотпущенников вышел из осажденного Капитолия и затем нашел приют у верного клиента своего отца в Велабре.

Получив известие об осаде Капитолия, Антоний ускорил марш своей армии на Рим, чтобы спасти жизнь Сабина, но не успел. В предместьях Рима войскам Антония попытались оказать сопротивление преторианцы, действовавшие заодно с вооруженными ими римскими пролетариями, сохранявшими верность Вителлию, и рабами, но в декабре 69 г. Рим был взят. Вначале Вителлий хотел укрыться в отцовском доме на Авентине, потом вернулся во дворец на Палатине и спрятался там

«в каморке привратника, привязав у дверей собаку и загородив дверь кроватью и тюфяком. Передовые солдаты ...вытащили его из убежища и стали допрашивать, кто он, и не знает ли он, где Вителлий, — они не знали его в лицо. Он солгал и вывернулся, но скоро был узнан; тогда он стал кричать без умолку, чтобы его пока оставили под стражей.. — он что-то скажет, важное для жизни Веспасиана. Наконец, связав ему руки за спиною, с петлей на шее, в разодранной одежде, полуголого, его поволокли на форум. По всей Священной дороге народ осыпал его издевательствами... за волосы ему оттянули голову, как всем преступникам, под подбородок подставили острие меча, чтобы он не мог опустить лицо, и всем было его видно; одни швыряли в него грязью и навозом, другие обзывали обжорой и поджигателем, третьи в толпе хулили в нем даже его телесные недостатки. Действительно, был он огромного роста, с красным от постоянного пьянства лицом, с толстым брюхом... Наконец, в Гемониях его истерзали и прикончили мелкими ударами, а оттуда крюком сволокли в Тибр» (Светоний, цит. изд., с. 193–194).

22 декабря 69 г. сенат провозгласил Веспасиана принцепсом, а сына его Домициана, находившегося в Риме, удостоил титулом цезаря. Из фамильного прозвища принцепсов, принадлежавших к династии Юлиев, это имя стало действительно титулом, когда его начали усваивать правителям и соправителям Рима, не имевшим родства с Гаем Юлием Цезарем. Армия Антония Прима, вкусившая сладкий плод грабежей в Кремоне, бесчинствовала и в столице империи, не уступая в разнузданности германским легионам Вителлия, и Антоний был бессилен укротить ее. Навести порядок в столице удалось только Лицинию Муциану, вошедшему в вечный город со свежими, не успевшими разложиться войсками из Азии. Муциан и осуществлял управление столичным городом и Италией, пока уже летом 70 г. в Рим не прибыл Веспасиан.

Рим, Италия и империя на этот раз отделались сравнительно легко. В отличие от войн, терзавших страну до Августа в течение целого столетия, гражданская война 69 г. продолжалась всего один год, вошедший в историю как год четырех императоров: когда он начинался, правил Гальба, которого сверг Отон, после его самоубийства власть перешла к Вителлию, а уже в конце этого злополучного года сенат провозгласил принцепсом Веспасиана, вышедшего победителем из смуты.

9. Правление Веспасиана

Тит Флавий Веспасиан был первым принцепсом, предки которого не принадлежали к нобилитету. Его дед служил центурионом или даже только простым солдатом у Помпея в пору его войны с Цезарем, а отец был сборщиком налогов в Азии. Будущий принцепс родился вблизи города Реате в Сабинской земле в 9 г. от Р. Х., в молодости служил войсковым трибуном во Фракии, потом в должности квестора управлял провинцией Крит и Кирена, затем поднялся на следующие ступени — эдила и претора. Клавдий направил Веспасиана командовать легионом в Германию, позже он был переведен в Британию, где отличился в многочисленных сражениях с туземцами, завоевал для Рима расположенный вблизи Британии остров Вектис, за что снискал ряд наград, в том числе консульское звание, которое он носил в течение двух месяцев. Проведя некоторое время в отставке от государственной службы в своей усадьбе, Веспасиан, уже при Нероне, стал проконсулом Африки, где он, в отличие от многих других провинциальных наместников, не нажился, и оказавшись снова в отставке, вынужден был заняться торговлей мулами, за что его прозвали «ослятником». Веспасиан сопровождал Нерона в его артистическом турне по Элладе, и заслужил немилость императора тем, что нередко засыпал на его концертах. Удалив его от себя, Нерон однако сохранил ему жизнь, потому что не считал его опасным из-за его незнатного происхождения. Когда же разгорелась нешуточная война в Иудее, у Рима, после убийства Корбулона, не оказалось лучшего полководца, чем Веспасиан, и он был отправлен в Сирию в должности проконсула для подавления иудейского восстания.

Веспасиан был женат на Домицилле, которая по происхождению своему имела лишь латинское, а не римское гражданство, она родила ему двух сыновей Тита и Домициана и дочь Домициллу, но и жену и дочь он потерял рано, во второй раз в брак не вступал и держал при себе свою бывшую наложницу вольноотпущенницу Цениду.

По характеристике Светония, «роста он был хорошего, сложения крепкого и плотного, с натужным выражением лица... Здоровьем он пользовался прекрасным, хотя ничуть о том не заботился, и только растирал сам себе в бане горло и все члены, да один день в месяц ничего не ел... Образ жизни его был таков...

Вставал он всегда рано, еще до свету, и прочитывал письма и доклады от всех чиновников; затем впускал друзей и принимал их приветствия, а сам в это время одевался и обувался. Покончив с текущими делами, он совершал прогулку и отдыхал с какой-нибудь из наложниц: после смерти Цениды у него их было много. Из спальни он шел в баню, а потом к столу: в это время, говорят, был он всего добрее и мягче, и домашние старались этим пользоваться... За обедом, как всегда и везде, был он добродушен и часто отпускал шутки: он был большой насмешник, но слишком склонный к шутовству и пошлости, даже до непристойностей» (Светоний, цит. изд., с. 202–203).

Полномочия Веспасиана как принцепса и императора, в отличие от его предшественников, впервые были зафиксированы в юридическом акте, от которого сохранилась заключительная часть в одной из надписей. Это так называемый «Закон об империи Веспасиана» (*lex de imperio Vespasiani*), изданный 22 декабря 69 г., до прибытия Веспасиана в Рим, вначале в виде сенатского юрисконсульта и затем, очевидно, формально проведенный через трибунное собрание, которое и придало ему статус закона. Начиная с Августа власть принцепсов держалась на их авторитете, на совокупности тех республиканских должностей, которые они занимали, на верховном командовании вооруженными силами республики, которое им принадлежало как императорам. Попытки выйти за эти границы, предпринимавшиеся при Нероне и особенно при Калигуле, подражавшего в некоторых своих деяниях, или выходках, эллинистическим царям, в правовую традицию Рима вошли как незаконные посягательства на узурпацию высшей власти, юридически по-прежнему в полноте своей принадлежавшей римскому народу.

Закон 69 г., основываясь на прецедентах и ссылаясь на них — в тексте этого акта многократно повторяются слова «как это было дозволено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу (подразумевается Калигула — *В. Ц.*) и Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 637), — юридически исчерпывающим образом очерчивает полномочия Веспасиана, что фактически обозначало институализацию принципата. При этом полномочия принцепса были значительно расширены в сравнении с теми, которыми юридически обладал Август, чья власть держалась на его личном авторитете и на командовании вооруженными силами.

Закон этот в своем сохранившемся составе гласил: «И пусть ему будет дозволено заключать союзы с кем он захочет так, как это было дозволено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу и Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику... И пусть ему будет дозволено созывать сенат, вносить предложения и брать их обратно, проводить сенатусконсульты путем внесения предложения и голосования... И пусть, когда, согласно его воле и авторитету, по его приказу или поручению, или в его присутствии будет собираться сенат, он во всех делах будет иметь и сохранять те же права, как если бы заседание сената было назначено и имело место по закону. И пусть те из магистратов, которым он препоручит гражданскую власть, военное командование, надзор за каким-нибудь делом, совершающимся для сената и римского народа, и те, кому он даст или обещает свою поддержку на выборах, принимаются в расчет в экстраординарном порядке. И пусть ему будет дозволено раздвигать и расширять границы померия, как он будет считать лучшим для общего блага... и пусть все то, что он сочтет нужным сделать для пользы и величия государства из дел, касающихся богов, людей, государства и частных лиц, он имеет власть и право совершить и исполнить... И пусть на основании тех законов и плебисцитов, которыми было установлено, чтобы божественный Август, Тиберий, Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик не подлежали ответственности, по тем же законам будет освобожден и император Цезарь Веспасиан... и пусть то, что до внесения этого закона было сделано, исполнено, предписано, приказано императором Цезарем Веспасианом Августом или кем-нибудь по его приказанию или поручению, все это будет так же законно и неизбежно, как если бы было совершено по приказу народа (*populus* — традиционно так именовалась совокупность патрициев — *В. Ц.*) или плебса. Если кто-нибудь в связи с этим законом сделает что-либо против законов, рогаций, плебисцита, сенатусконсультов или не сделает в связи с этим законом того, что следует по закону, рогации, плебсциту, сенатусконсульту, то да не будет это вменено ему в преступление; и пусть он из-за этого не будет должен дать что-либо народу, и пусть никто по этому поводу не вчиняет иска и не судит, и пусть никто не допускает тревожить себя по этому поводу» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 636–637).

Это был приблизительно тот круг полномочий, сопряженный с неподсудностью, какими, в соответствии с конституциями

некоторых современных республик, обладает глава исполнительной власти в условиях чрезвычайного или военного положения. Как видно из текста документа, где имеются ссылки «на прежние законы и плебисциты» некоторыми из подобных привилегий обладали и прежние принцепсы, но соответствующие акты не сохранились и они, вероятно, носили частный характер и не очерчивали круг полномочий в его совокупности, как это сделано в законе 69 г.

В своей политике Веспасиан ориентировался на традиции, идущие от Августа, подчеркивая, что и он, подобно создателю системы принципата, принес империи внутренний мир, столь вожделенный после ужасов гражданской войны. Как замечает М. И. Ростовцев, «совсем не случайно, а, напротив, очень показательно в смысле того, какими идеями руководствовался Веспасиан в своей деятельности, было то, что первое действие, предпринятое им после вступления в должность, было закрытие храма Януса. Самым роскошным из построенных при нем памятников стал *forum Pacis*, перекликающийся с *ara Pacis* Августа, а на монетах снова появилась аллегорическая фигура *Pax Augusta*. (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 109).

Гражданская война в Риме и Италии прекратилась с началом принципата Веспасиана, но сепаратистские силы в провинциях, воспользовавшись тем, что борьба за Рим оттянула от окраин в сердце империи ее вооруженные силы, подняли голову, и в разных местах пограничья сложилась критическая ситуация для римского господства.

Самой кровоточащей раной на теле империи оставалась Иудея, где римские легионы и приданные им вспомогательные войска действовали под командованием сына принцепса Тита, который сумел сохранить под своим контролем всю страну за исключением ее осажденной столицы Иерусалима. После того как, следуя примеру Иосифа Флавия, авторитетные умеренные деятели, принадлежавшие к фарисейским кругам, смирились с поражением и либо прямо перешли на сторону Рима, либо стремились к скорейшему миру с ним, не видя никаких возможностей выйти из-под его власти, в осажденном городе власть оказалась в руках крайних элементов — zelотов и сикариев, во главе которых стояли Иоанн из Гискалы, Симон сын Гиоры и Элеазар сын Симона. Враждуя между собой и контролируя разные части

Иерусалима, они правили жителями святого города с одинаковой жестокостью, прибегая к беспощадному террору. Их опорой составляла городская беднота, освобожденные на волю рабы, а под подозрением революционной власти в проримских симпатиях были состоятельные лица, по отношению к которым действовал режим, подобный военному коммунизму.

Пока в Италии шла гражданская война, Тит откладывал решительные действия по взятию Иерусалима, но с ее окончанием, в апреле 70-го г., он, получив подкрепление из Египта, приступил к операции по захвату города, окружив его кольцом укреплений. В штабе Тита находился Иосиф Флавий. По указанию Тита, не один раз он, подходя к городским стенам и громко обращаясь к их защитникам, пытался убедить осажденных сложить оружие, но хотя к этому склонялось большинство иерусалимлян, их предводители оставались непреклонными и самыми кровавыми способами пресекали попытки людей выбраться из города, обреченного на голодную смерть.

По словам того же Иосифа, «люди Иоанна и Симона старались воспрепятствовать побегу со стороны иудеев еще ревностнее, чем вторжению со стороны римлян, и предавали немедленной казни всякого, на кого только падала тень подозрения. Богатым людям, однако, оставаться в городе было опасно, ибо и их обвиняли в желании бежать к неприятелю для того, чтобы их казнить и овладеть их богатством» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 359). Когда на городских рынках исчезли продукты, злоты и сикарии, предвосхищая опыт подразверточных команд, врываются в дома жителей и искали там спрятанные продовольственные запасы, и «если находили что-нибудь, они били хозяев за то, что те не выдали добровольно; если ничего не находили, они также их истязали, предполагая, что припасы тщательно ими сокрыты... Богатые отдавали тайком все свое имущество за одну только меру пшеницы, менее состоятельные — за меру ячменя, затем они запирались в самых затаенных уголках своих домов и в своем нестерпимом голоде пожирали зерно немолотым или, по мере того как обстоятельства и страх позволяли, еле испеченным... Голод господствовал над всеми чувствами, но ничто не подавлялось им так сильно, как чувство стыда... Жены вырывали пищу у своих мужей, дети у своих родителей... матери у своих бессловесных детей» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 359–360). Повсюду рыскали отряды зелотов, любой запертый

дом вызывал у них подозрение, что там тайком едят: они вторгались в такие дома, часто взламывая двери, и если их подозрения оправдывались, вырывали куски пищи прямо из горла его жителей, «стариков, цепко державшихся за свою пищу, они били беспощадно, женщин, скрывавших то, что имели в руках, волочили за волосы... они вырывали последние куски и у детей, которых швыряли на землю, если те не выпускали их из рук» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 360). Сами же zeloty и сикарии от голода не страдали, заготавливая себе припасы на будущее, чтобы продлить оборону города.

Смельчаки, которые вырывались из осажденного города в поисках пропитания, но при этом не предавали себя в руки римлян, опасаясь за жизнь своих близких, оставшихся в Иерусалиме, которых, если бы о подобном бегстве стало известным власти, подвергли бы казни, сталкиваясь с римскими отрядами, оказывали сопротивление, а попав в плен, они после пыток приговаривались к смертной казни через распятие. Тит надеялся, что вид распятых у стен города склонит его жителей к капитуляции. Но бежавших из Иерусалима и предавших себя в руки римлян те оставляли живыми и давали им пищу, многие однако умирали оттого, что, распухшие от голода, они набрасывались на нее с остервенением и переполняли свои желудки. Некоторые из перебежчиков перед бегством проглатывали золотые монеты, которые в осажденном Иерусалиме упали в цене, и вот, как рассказывает Иосиф Флавий, сирийцы, состоявшие в римской армии, однажды заметили, что «один из перебежчиков при испражнении подбирал золотые монеты... Как только эта хитрость была обнаружена на одном перебежчике, разнесся слух по всем лагерьям, что переметчики приходят наполненные золотом. Тогда многие арабы, а также сирийцы вскрывали животы искателям убежища, чтобы отыскать золото в их внутренностях... В одну ночь было распорото около двух тысяч человек» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 372). Когда Тит узнал об этом, он хотел перебить всех уличенных в подобной жестокости, но, видя, что их слишком много, он ограничился тем, что под угрозой казни запретил такие опыты на будущее.

Когда все имущество иерусалимлян было конфисковано, Иоанн из Гискалы приказал забрать хранившиеся в Храме драгоценные приношения и богослужебную утварь, и все это расплавить. Оправдывая свои кощунственные на взгляд многих

жителей города действия, Иоанн говорил: «Предметы, посвященные Богу, можно без всякого стеснения употреблять на служение Богу, а те, которые борются за Храм, имеют право черпать из него средства к существованию» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 373). О реакции фарисеев на ограбление Храма можно судить по замечанию Иосифа Флавия: «Если бы римляне медлили с уничтожением этих безбожников, то тогда сама земля разверзлась бы и поглотила бы город, или его посетил бы потоп, или, наконец, молнии стерли бы его, как Содом... Безумие их ввергло в гибель весь народ» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 373).

Между тем, голод в Иерусалиме становился все более губительным. Жители осажденного города вымирали. За кусок обнаруженной пищи люди вступали в смертельную драку между собой, в пищу шла уже кожа с поясов и башмаков, пучки старого сена. Дело дошло до людоедства. Один случай особенно потряс город и стал известен римлянам. Мария, дочь Элеазара, бежавшая из Переи в Иерусалим, после того, как все ее имущество было отнято и все съестные припасы истрачены, страдала от голода так нестерпимо, что умертвила своего сына младенца, изжарила его и съела половину его тельца, оставив про запас другую его часть. Когда в ее дом на запах жареного мяса ворвались разбойники, которые рыскали по всему городу, чтобы отыскать что-нибудь съедобное, обезумевшая мать хотела угостить их телом своего сына. «В страхе и трепете разбойники удалились. Этого было для них уже чересчур много, — замечает Иосиф, — этот обед они, хотя и неохотно, предоставили матери» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 393).

Узнав об этом случае, Тит, по словам Иосифа, сказал: «Мир, религиозную свободу и прощение за все их поступки я предлагал иудеям, но они избрали себе вместо единения раздоры, вместо мира — войну, вместо довольствия и благоденствия — голод... Но я прикрою теперь позор пожирания своих детей развалинами их столицы. Да не светит впредь солнце над городом, в котором матери питаются таким образом» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 394).

Началась завершающая стадия захвата Иерусалима. Его защитники сопротивлялись с отчаянной храбростью. После взятия внешней стены Храм и верхний город Сион, окруженный крепостной стеной, еще держались. В августе 70 г. Храм был взят штурмом, разграблен и сожжен, в сентябре пал Верхний город.

На улицах Иерусалима шла резня. Тит приказал убивать лишь вооруженных и сопротивляющихся, а остальных брать в плен, но, опьяненные яростью, солдаты убивали всех, кто падал им под руку, они «разыскивали скрывавшихся в подземельях и, раскапывая землю, убивали всех там находившихся. В этих же минах найдено было свыше 2000 мертвых, из которых одни сами себя убили, иные — друг друга, а большая часть погибла от голода. При вторжении в эти подземелья на солдат повеяло страшным трупным запахом, так что многие, как пораженные, отскочили назад; другие же, которых жадность к наживе влекла вперед, топтали кучи мертвых. И действительно, в этих пещерах находили массу драгоценностей, а корысть оправдывала всякие средства к их добыванию» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 413).

В живых солдаты оставляли только женщин, а также молодых и способных к труду — их загнали на Храмовую гору и там заперли в женском притворе Храма. Надсмотрщиком над ними Тит назначил своего вольноотпущенника Фронтоня. И он приказал казнить «мятежников и разбойников, выдававших друг друга, и выделил самых высоких и красивейших юношей для триумфа. Из оставшейся массы Тит отправил тех, которые были старше семнадцати лет, в египетские рудники, а большую часть раздарил провинциям, где они нашли свою смерть в театрах, кто от меча, кто от хищных зверей; не достигшие же семнадцатилетнего возраста были проданы» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 412).

По подсчетам Иосифа Флавия, «число всех плененных за время войны доходило до девяноста семи тысяч, а павших было миллион сто тысяч» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 412). Число погибших у Флавия, несомненно, преувеличено. По более реалистическим оценкам Тацита, число всех осажденных в Иерусалиме составляло около шестисот тысяч (см. Тацит, цит. изд., т. 2, с. 196). В плен были взяты предводители защитников города Иоанн из Гисхалы, который приговорен был к пожизненному заключению, и Симон, сын Гиора, предназначенный для триумфальной жертвы. Элеазар избег плена и заперся с отрядом преданных ему сикариев в неприступной крепости Масаде. По приказу Тита город и Храм были разрушены до основания, сравнены с землей. Для размещения гарнизона в Иерусалиме сохранили лишь три башни и западную часть стены. На всех иудеев, кто

жил в Римской империи, была наложена подать в пользу храма Юпитера Капитолийского, ранившая религиозную совесть еврейского народа.

Господь предсказал все, что должно было случиться с Иерусалимом, перед Своим распятием: «Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его; тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей: и падут от острия меча, и отведут в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников» (Лк 21, 20–24). Оплакивая участь Святого Города, Господь сказал: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф 23, 37, 38).

Разрушение Храма вызвало коренной переворот в религиозной истории еврейского народа. Храмовое богослужение и приношение жертвоприношений прекратилось, а вследствие этого упразднилось и ветхозаветное священство. Средоточиями религиозной жизни иудеев стали синагоги с их раввинами — учителями. Численное соотношение между иудеями Святой земли и рассеяния радикально изменилось в пользу диаспоры. Едва ли не во всех городах Римской империи с этих пор существовали иудейские общины и синагоги.

В христианском сознании падение Иерусалима было осмыслено как неизбежное последствие распятия Спасителя. По словам Евсевия Кесарийского, «так заплатились иудеи за свое бесчестие и за беззакония, совершенные над Помазанником Божиим» (Евсевий, цит. изд., с. 87). В чреде событий Священной истории произошло замещение ветхозаветного Израиля Новым Израилем — Церковью, включившей в себя выходцев из разных народов и разных сословий: из иудеев и язычников, эллинов и варваров, римских граждан и peregrinorum, свободных и рабов. Участие в храмовых молитвах соединяло раньше христиан с иудеями, теперь пуповина, связывавшая христиан с иудейством, оборвалась. Непринадлежность христиан к иудейской общине стала очевидной реальностью. Если Апостольский собор в Иерусалиме в свое

время освободил от бремени ритуальных требований Закона лишь христиан из язычников, оставив его для тех учеников Спасителя, кто и по плоти были детьми Авраама, то после разрушения Храма эта свобода распространилась на всех церковных христиан. Те же христиане из иудеев, которые продолжали соблюдать ритуальные предписания Закона — обрезать своих сыновей и воздерживаться от пищи, почитавшейся нечистой, — обособились в назорейскую и эвионитскую секты, сохранившие религиозную связь с иудейскими общинами, с синагогой.

Войска, взявшие Иерусалим, провозгласили Тита императором, в Риме стали распространяться слухи, что он собирается отложиться от отца и провозгласить себя царем Востока, но эти вздорные слухи рассеялись, когда Тит возвратился в Рим. В 71 г. он вместе с отцом справил триумф, в день которого у подножия Капитолия был казнен Иоанн из Гискалы. Позже, в 81 г., на форуме была сооружена арка в честь победы Тита над иудеями. Рельефы этой арки изображают торжественное шествие с колесницей триумфатора, воинами, пленниками и трофеями, среди которых менора — семисвечник и другие святыни Иерусалимского Храма.

Подавление последнего очага сопротивления иудеев в Мосаде, расположенной вблизи Мертвого моря, было возложено уже на прокуратора Иудеи Флавия Сильву. Войска Сильвы осадили крепость, великолепно защищенную самим своим расположением — она выстроена была на скалистом утесе, окруженном со всех сторон обрывистыми и бездонно глубокими пропастями. Приступить к утесу можно было лишь в двух местах и то это были трудно проходимые горные тропы, так что, проходя по одной из них, нужно было, по словам Иосифа Флавия, «попеременно твердо упираться то одной, то другой ногой, ибо если поскользнуться, то гибель неизбежна, так как с обеих сторон зияют глубокие пропасти, способные навести страх и на неустрашимых людей» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 438). Крепость была снабжена устроенными еще Иродом Великим складами продовольствия и оружия, которого было достаточно для 10 тысяч воинов. Войска Сильвы заняли соседнюю скалу Левку, и на ней была выстроена осадная башня, откуда били по укреплениям Мосады тараном. Затем в деревянные укрепления осажденной крепости по приказу Флавия Сильвы стали метать горящие головни. Разгорелся пожар.

Тогда предводитель защищавших Мосаду сикариев Элеазар, по словам Иосифа Флавия, обратился к ним с речью: «Уже давно, храбрые мужи, мы приняли решение не подчиняться ни римлянам, ни кому-либо другому, кроме только Бога, ибо Он один истинный и справедливый Царь над людьми. Теперь же настал час, призывающий всех нас исполнить на деле наше решение... Быть может, в самом начале ...мы бы должны были разгадать волю Провидения и уразуметь, что Бог обрек на гибель некогда столь любимый им народ иудейский... Еще недавно огонь, устремившийся сначала на врагов, как-то против воли своей обратился против построенной нами стены. Разве это не гнев Божий, постигший нас за многие преступления, которые мы в своей свирепости совершали против своих же соплеменников... Лучше поэтому принять наказание не от наших смертельных врагов — римлян, а от самого Бога» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 441). Элеазар призвал сикариев перебить вначале своих жен и детей, а потом и самих себя: римляне «лепят сладкую надежду захватить нас в плен, но мы заставим их ужаснуться картине нашей смерти и изумиться нашей храбрости» (Иосиф Флавий. Иудейская война, с. 447). Колебавшихся он увещевал надеждой на бессмертие души. Говорил он так вдохновенно, что у слушавших его исчезли сомнения, и сикарии единодушно откликнулись на призыв своего вождя. Когда римляне вошли в вымерший город, они нашли там около тысячи трупов. В живых оставалась лишь старуха, родственница Элеазара, спрятавшаяся от убийц в подземном водопроводном канале, и с нею пятеро детей.

Некоторые из сикариев, проникших в Египет, попытались поднять на бунт александрийских иудеев, но большинство местных евреев схватили 600 сикариев и передали их в распоряжение римской администрации. Схваченные подвергнуты были жесточайшим истязаниям, но ни один из них не уступил, не подчинился требованию признать римского императора своим властелином.

Другим очагом сопротивления римскому господству в империи в самом начале правления Веспасиана было устье Рейна, где еще при Вителлии восстали батавы под предводительством Юлия Цивилиса, который, по словам Тацита, принадлежал к «царскому роду» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 145). Как это видно уже по его римскому имени, он ранее служил в одном из легионов,

занимал командные должности и приобрел римское гражданство. В конце правления Нерона по ложному обвинению в подстрекательстве к бунту были схвачены два знатных батава братья Юлий Клавдий Цивилис и Клавдий Павел, носившие имена принцепса Клавдия. Павел был казнен, а Цивилиса заковали в цепи и отправили в Рим. Разобравшись в деле, Гальба приказал освободить его, и он вернулся на родину, но командование германских легионов после свержения Гальбы вновь настаивало на его аресте. В ту пору по приказу Вителлия производился набор солдат среди батавов, которые поддержали его в борьбе с Отоном, и соседних германских племен, сопровождавшийся поборами коррумпированных чиновников, произволом и прямым насилием. Свободолюбивые батавы готовы были восстать против римского господства, тем более что могущество Рима подорвала разгоревшаяся гражданская война.

В этой ситуации Цивилис созвал знатных и влиятельных батавов на пиршество, на котором он, как рассказывает Тацит, призвал соплеменников к мятежу: «Некогда мы были союзниками., — теперь с нами обращаются как с рабами» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 146). Сравнив прежде правивших в Германии легатов с префектами, которых стали присылать из Рима, Цивилис сказал, что «каждый из них старается награть как можно больше, а когда он напьется досыта нашей кровью, его отзывают и на его место присылают другого, который старается придумать новые уловки и новые поводы для вымогательства. Теперь на нас обрушился этот набор, похищающий, подобно смерти, сына у родителей и брата у брата. Между тем никогда еще дела римлян не были так плохи; в их зимних лагерях одни лишь старики да награбленная добыча» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 146). Своим соплеменникам Цивилис пообещал поддержку других германских племен и галлов. Хитрый политик, он решил действовать так, чтобы иметь опору и среди римлян. Поэтому, восстав против Вителлия, он вступил в контакт с представителями Веспасиана, признав его императором.

К восставшим батавам присоединились соседние племена каннинэфатов и фризов. Еще более грозную силу обрела армия Цивилиса, когда в нее влились 8 римских когорт, набранных ранее среди батавов и переброшенных из британских гарнизонов в Германию. Римские гарнизоны Нижней Германии, хранившие верность Вителлию, были разбиты, но когда Вителлий потерпел

окончательное поражение, Цивилис сбросил маску сторонника Веспасиана и откровенно боролся уже за независимость Германии от Рима, более того, к нему присоединились остатки разбитых вителлианцев, не захотевших подчиниться Веспасиану, возможно, из-за опасений репрессий с его стороны. В январе 70 г. в результате успешной агитации среди галлов на сторону восставших перешли включенные в Рейнскую армию галльские части под командованием знатных галлов Юлия Классика, Юлия Тудора и Юлия Сабина. Пожар восстания распространился на земли треверов, лингонов и более мелких племен Восточной Галлии. На помощь Цивилису с правого берега Рейна пришли свободные германцы. Все римские гарнизоны, расквартированные по берегам Рейна, капитулировали. В руках римлян на Рейне оставался лишь Могонтиак, или Майнц. Тудор, Классик и Сабин лелеяли уже мечту о создании независимой от Рима Галльской империи.

Но попытки вовлечь в борьбу с римским господством галльские племена, обитавшие дальше на запад от Рейна, провалились. Повстанческая агитация не возымела успеха в земле ремов. Романизация галлов для этого зашла уже слишком далеко. Большая часть галльской знати, жители цивилизованных галльских городов предпочитали оставаться в составе Римской империи, а не воевать с ней в союзе с германскими варварами.

Консолидировав свою власть, Веспасиан предпринял энергичные меры по подавлению мятежа Цивилиса. Летом 70 г. в Германию были переброшены легионы из Британии и Испании. Общее руководство армией император возложил на Лициния Муциана, который прибыл в Лугдун (Лион) вместе с младшим сыном Веспасиана Домицианом. Ударные силы римской армии под командованием родственника Веспасиана Петилия Цериала выдвинулись против противника. Когда они вошли в землю треверов, римляне, находившиеся в рядах мятежников, дезертировали из их отрядов и сдались в плен. Римская армия заняла колонию Августу Треверов (современный Трир), а затем вблизи этого города разгромила основные силы противника, которые после поражения ушли на север, в страну батавов. На родной земле Цивилис сумел организовать стойкое сопротивление римской армии. И потому Цериал согласился на переговоры с предводителем восставших. Договорились о том, что Цивилису будет сохранена жизнь и свобода и он уйдет за пределы империи на правый берег Рейна,

батавы будут освобождены от податей, но страна их останется под властью Рима и в ней будут размещены римские гарнизоны. Осенью 70 г. военные действия в Германии прекратились.

Восстание Цивилиса побудило Веспасиана расширить контролируемую полосу на правом берегу Рейна. Область, расположенная между верховьями Рейна и Дуная, была заселена перемещенными туда галлами, получив название Декуменатских, или Десятичных полей (*Agri decumenati*), потому что с ее жителей взималась одна десятая часть продуктов их хозяйства. Кроме того, Веспасиан проложил еще одну военную дорогу, соединившую Аргенторат (Страсбург) с Ретийской провинцией.

В 69 г. вспыхнул еще один мятеж — в Понтийской провинции. Вольноотпущенник понтийского царя Полемона Аникет, ранее командовавший царским флотом, объявил себя приверженцем Вителлия, привлек на свою сторону любителей грабежей, и напав на Трапезунд, захватил этот город и сжег римские корабли, стоявшие в его гавани. Мятежники построили себе корабли, на которых они грабили приморских жителей и практически контролировали понтийское побережье до Босфора. Для подавления мятежа Веспасиан направил отряд под командованием Вирдия Гемииона. Преследуемый римлянами, Аникет нашел прибежище у одного из западногрузинских царей Седохеза, но, как пишет Тацит, «непостоянный, как все варвары, царь решил погубить Аникета и выдал римлянам тех, кто искал у него спасение. На том и кончилась эта война» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 119). После подавления мятежа Веспасиан приказал устроить сторожевые посты на восточном берегу Понта, в Иверии. В состав восточных провинций были включены владения мелких династов Малой Азии и Закавказья.

Первостепенной задачей Веспасиана была реорганизация вооруженных сил и наведение порядка в армии, дисциплина в которой была подорвана гражданской войной, когда одни римские легионы сражались с другими. Как писал С. И. Ковалев, «солдаты почувствовали себя хозяевами положения, видя, что императоры только им обязаны своей власти. Некоторые воинские части совершенно разложились» (Ковалев, цит. изд., с. 634). Император распустил большую часть германских легионов, поднявших оружие против дунайской армии, которая и привела его к власти. Вместо них были сформированы новые легионы: IV и XVI, названный именем императора.

Веспасиан изменил подход к набору легионеров. Если до гражданской войны 69 г. основным источником набора служили низшие социальные слои Италии, то Веспасиан, убедившись в ненадежности этого элемента, в его склонности к выходу из повиновения начальникам, обнаружившейся в ходе смуты, стал формировать легионы из провинциалов, но таких, кто имел римское гражданство, и следовательно, принадлежал к состоятельной части населения провинциальных городов. При этом основным резервуаром формирования легионов становились западные провинции, в городах которых успешно шел процесс латинизации. Проводя политику урбанизации чрез предоставление сельским общинам и умеренно цивилизовавшимся племенам статуса муниципий, Веспасиан требовал заведения в них центров гимнастической и военной подготовки молодежи — *collegia iuvenum* (коллегия юношей). При нем и вспомогательные войска стали набираться в значительной части из числа римских граждан, причем, несмотря на сохранявшуюся в них этническую привязку — например, воинская часть называлась фракийской или испанской когортой, — действительное присутствие в такой части соответствующего национального элемента было относительно слабым, эти когорты носили этнически смешанный характер, в них господствовала латинская речь, а заветной целью тех солдат и центурионов, кто не имел еще римского гражданства было его приобретение. Таким образом армия становилась самым эффективным средством романизации и латинизации империи.

Веспасианом были реформированы и значительно сокращены расквартированные в Риме когорты, которые во время смуты составили опору Отона — преторианцы давно уже соперничали с армейскими легионерами, а Веспасиан вышел из числа популярных в армии военачальников. Вместо 4 городских и 16 преторианских когорт, каждая из которых включала по одной тысяче человек, сформировано было 3 городских и 9 преторианских когорт по 500 воинов в каждой, иными словами, численный состав этих когорт был уравнен с теми, которые входили в армейские легионы. Предприняты были меры и по укреплению расшатанной в год «четырёх императоров» воинской дисциплины. Именно с этой целью Веспасиан не стал выполнять претензии приведших его к верховной власти легионеров на чрезвычайные вознаграждения, но исправно выплатил им причитающиеся

суммы, искусно пройдя между Сциллой чрезмерной скупости, погубившей Гальбу, и Харибдой развращающего потакательства разнузданной солдатне, которой особенно отличился Вителлий.

Для гарантии надежности преторианских когорт их командующим Веспасиан после совместного с сыном Титом триумфа, состоявшегося по случаю победы в иудейской войне, назначил Тита. Как и его младший брат Домициан, он носил титул цезаря, фактически Тит разделял с отцом верховную власть, был его соправителем. Почти ежегодно он вместе с Веспасианом занимал должность консула. Отец облек его также властью народного трибуна (*potestas tribunica*) и проконсульским империем; в 73–74 гг. Тит вместе с Веспасианом провели ценз. Но высшее положение Веспасиана в сравнении со старшим сыном выразилось в том, что только он носил звания принцепса, императора и верховного понтифика, и титулуясь одинаково со своими сыновьями цезарем, лишь Веспасиан звался также и августом. В отличие от предшествующих принцепсов, которые именовались Цезарями и Августами, ввиду своей действительной принадлежности к династии Юлиев и в силу последовательных усыновлений: Августа Цезарем, Тиберия Августом, Гая Калигулы Тиберием, Нерона Клавдием, который был родным племянником Тиберия и родным дядей Калигулы, Веспасиан и его сыновья не состояли в родстве ни с кем из принцепсов угаснувшей династии, так что для них, как и для их преемников, носимые ими имена Августа и Цезаря были действительно титулами.

Опираясь на цензорские полномочия, Веспасиан осуществил чистку сената, из которого были удалены лица, скомпрометировавшие себя пресмыкательством Нерону, поддержкой Отона и Вителлия. На убылые места он назначил новых сенаторов — выходцев из офицерского корпуса, из италийской знати, а также видных провинциалов, отличившихся верностью Риму и помощью, оказанной принцепсу в его борьбе за верховную власть. С новым составом сената у Веспасиана сложились прекрасные отношения — сенаторы в своих постановлениях исполняли волю своего принцепса, а он, в свою очередь, оказывал уважение и всей корпорации, — так что в случаях, предусмотренных конституцией Рима, решения проводились через сенат, и сенаторам лично, охраняя их привилегии и достоинство.

В отношениях с провинциями Веспасиан следовал линии Юлия Цезаря и Клавдия. Это был путь постепенного расширения

политических прав провинциалов, нацеленный на интеграцию провинций в единое имперское целое и тем самым на их романизацию и языковую латинизацию. Поэтому особенно широкие жесты были сделаны в пользу западных провинций, где имперская латынь успешно вытесняла местные языки. Права римского или латинского гражданства дарованы были свободным жителям тех испанских городов, которые не приобрели подобную привилегию раньше, а также многих галльских оппидумов — новизна в подходе Веспасиана к расширению круга римских граждан заключалась в том, что гражданские права в провинциях предоставлялись не отдельным лицам, как это делалось раньше, а целым общинам. Магистраты провинциальных муниципий повсеместно удостаивались римского гражданства, муниципальные чиновники высоких рангов включались во всадническое сословие, выдающимся провинциалам даровалось звание патриция — еще со времен Цезаря, когда древний патрициат вымер почти поголовно, сан патриция утратил прямую связь с древними римскими патрицианскими фамилиями. Из западных провинций Веспасиан черпал административные кадры, которые употреблялись и в столице империи, и в Италии и в самих провинциях — на Западе и на Востоке.

Зато греческие полисы утратили ту свободу, которую им даровал Нерон, — Веспасиан восстановил Ахайскую провинцию; сделано это было в основном в фискальных целях. Этот акт не способствовал популярности Веспасиана в Элладе, где ностальгически лелеяли память эллинофила Нерона.

Веспасиан застал финансы Рима в плачевном состоянии: казна империи была разорена расточительством Нерона и гражданской войной, безудержным разбазариванием средств, на которые пошел Вителлий, цепляясь за власть и подкупая солдат, офицеров и чиновников. По словам Светония, Веспасиан «в самом начале правления заявил, что ему нужно сорок миллиардов сестерциев, чтобы государство стало на ноги» (Светоний, цит. изд., с. 202). И он должен был провести ряд мер, направленных на восстановление налоговой дисциплины. Как пишет тот же писатель, «он взыскивал недоимки, прощенные Гальбой, наложил новые тяжелые подати, увеличил и подчас даже удвоил дань с провинций» (Светоний, цит. изд., с. 202), а затем Светоний перечисляет некоторые другие его меры, и трудно сказать, насколько он корректен в этом пассаже, по меньшей

мере, здесь в высшей степени вероятны столь свойственные его «Истории» преувеличения: «Он скупал вещи только затем, чтобы потом распродать их с выгодой; он без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, — говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намокнуть, а мокрые выжимает» (Светоний, цит. изд., с. 202).

Вполне правдоподобен рассказ о еще одном источнике доходов казны, изобретенном Веспасианом и ставшем исходным материалом для знаменитого в веках афоризма. По рассказу того же Светония, «Тит упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес к его носу и спросил, воняет ли она. «Нет», — ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи», — сказал Веспасиан» (Светоний, цит. изд., с. 203).

Но в заботах о казне принцепс не ограничивался одними только фискальными мерами. Употребляя современную терминологию, он стремился расширить налогооблагаемую массу, способствуя подъему производства. В этих целях он провел общеимперский земельный кадастр, в результате которого были выявлены не обрабатываемые участки земли, а также казенные земли, незаконно занятые частными лицами, особенно крупными латифундистами. Часть их была принудительно возвращена в казну, особенно если они использовались под пастбища или оставались вовсе без употребления, представляя собой своего рода спекулятивный капитал или частный резерв; в других случаях Веспасиан предоставлял фактическим владельцам право выкупить эти земли у казны по сходным ценам, а на землях, возвращенных казне, устраивались поселения демобилизованных ветеранов, так что ранее не обрабатываемые участки распахивались и давали урожай, который облагался налогом. Сорока миллиардов сестерциев (примерно сто миллиардов долларов) Веспасиан не собрал, но имперская казна им была существенно поправлена и государственные финансы оздоровлены.

Пополнение казны позволило возобновить масштабное строительство, прерванное смутой. В Риме был устроен новый форум, названный именем принцепса, реконструирован выгоревший во время гражданской войны Капитолий, сооружен отличавшийся

особой импозантностью храм Мира. При Веспасиане было начато и почти доведено до завершения строительство грандиозного амфитеатра, получившего название Колизей (Colosseum) от находившейся ранее на его месте, возле разрушенного Золотого дворца, гигантской статуи Нерона.

Правление Веспасиана не сопровождалось, подобно временам Нерона, Калигулы и Тиберия, массовыми репрессиями. Единственным крупным политиком, пострадавшим при нем, был претор 70 г. Гельвидий Приск, возглавлявший сенатскую оппозицию принципсу. Когда император прибыл в Рим, где сенат уже ранее провозгласил его принципсом, цезарем и августом, он, по словам Светония, «один приветствовал его Веспасианом, как частного человека, а потом во всех своих преторских эдиктах ни разу его не упомянул, но Веспасиан рассердился на него не раньше, чем тот разбил его нещадно, как плебея. Но и тут, даже сослав его, даже распорядившись его убить, он всеми силами старался спасти его: он послал отозвать убийц и спас бы его, если бы не ложное донесение, будто он уже мертв. Во всяком случае, — замечает Светоний, — никакая смерть его не радовала, и даже над заслуженною казнью случалось ему сетовать и плакать» (Светоний, цит. изд., с. 201).

Упрямый приверженец идеала старой олигархической республики, Приск по своим философским убеждениям примыкал к стоикам. В среде профессиональных философов стоической и кинической школ гнездилась принципиальная оппозиция политической системе принципата. Приглушенная и подавленная в тираническое правление Нерона, она вышла на поверхность при Веспасиане, побудив его на принятие мер, необходимость которых стала ему очевидной в связи с делом Приска. В 72 г. философы этих двух школ были высланы из Рима, но, не отличавшийся рафинированным образованием, подобно своим предшественникам Тиберию, Клавдию и Нерону, Веспасиан не был обскурантистом, поэтому он вовсе не стремился к совершенному удалению из Рима всякой философии и сопряженного с нею в рамках единой школьной системы высшего образования. «Желая воздействовать на общественное мнение в желательном ему направлении, Веспасиан учредил школу греческой и римской риторики с оплатой преподавания из государственных средств. Тем самым в Риме было положено начало высшему государственно-му образованию» (Ковалев, цит. изд., с. 636).

Веспасиан отличался изрядным добродушием, благожелательностью. Чуждый всякого высокомерия, снобизма и фанаберии, столь свойственной как прозябающим в ничтожестве потомкам аристократии, так и выходцам из грязи, парвеню, он способен был к самоиронии. «К наружному блеску он, — по словам Светония, — нисколько не стремился, и даже в день триумфа, измученный медленным и утомительным шествием, не удержался, чтобы не сказать: «Подделом мне, старику: как дурак, захотел триумфа, словно предки мои его заслужили или сам я мог о нем мечтать!» (Светоний, цит. изд., с. 201). Как писал тот же автор, «свое бывшее низкое состояние он никогда не скрывал и часто даже выставлял напоказ. Когда кто-то попытался возвести начало рода Флавиев к основателям Реате и к тому спутнику Геркулеса, чью гробницу показывают на Соляной дороге, он первый это высмеял» (Светоний, цит. изд., с. 200–201).

Веспасиан отличался превосходным здоровьем, хотя и мало заботился о нем, за исключением только растирания горла в бане и однодневного воздержания от пищи раз в месяц. И при его природной крепости этих мер оказалось достаточным, чтобы прожить по тем временам довольно долгую жизнь. Тяжело заболев, он сохранил способность к скептической самоиронии, и предвидя свое посмертное обожествление, промолвил: «Увы, кажется, я становлюсь богом» (Светоний, цит. изд., с. 204). Мужество не покидало его до конца. И лишь перед последним издыханием он произнес слова, не чуждые обыкновенно не свойственной ему патетики, которую, впрочем, снижали мизерабельные обстоятельства, в которых они были сказаны. По словам Светония, тяжело больной и лежа в постели, он «даже принимал послов. Когда же его прослабило чуть не до смерти, он заявил, что император должен умереть стоя; и, пытаясь подняться и выпрямиться, он скончался на руках поддерживавших его» (Светоний, цит. изд., с. 204). Веспасиан умер 23 июня 79 г. 69 лет от роду.

Как он и предвидел, за смертью последовало причисление его к сонму бессмертных богов.

10. Правление Тита

Верховная власть в Риме без каких бы то ни было трений перешла от «божественного Веспасиана» к его старшему сыну Титу, который с самого начала правления отца разделял его правительственные труды. Рим не был тогда монархией, все высшие

должности в нем вписывались в республиканскую номенклатуру, но, как это уже сложилось в правление императоров из династии Юлиев и Клавдиев, в преемстве власти вновь сработал династический принцип. Парадокс этот не выходит за границы республиканских опытов разных веков, в особенности последнего столетия с его знаменитыми республиканскими династиями Кимов, Бхутто, Алиевых и Бушей, из-за существования которых не становятся монархиями ни Соединенные Штаты, ни Северная Корея. Точно так же и Рим при новой династии Флавиев монархией не стал.

Император Тит Цезарь Веспасиан Август — в таком виде чеканилось его имя на монетах — родился 30 декабря 41 г. В ту пору его отец занимал скромное положение, и местом рождения Тита был скромный домик в Риме, но когда при Клавдии Веспасиан возвысился, Тит воспитывался уже в доме принцепса вместе с сыном Клавдия Британиком, и у них были одни и те же учителя. Двух отроков связывала тесная дружба. Когда в самом начале правления Нерона им был отравлен Британик, жертвой покушения едва не пал и Тит: по словам Светония, он возлежал рядом с сыном Клавдия и пригубил поданный ему напиток с отравой, «и после того долго мучился тяжелой болезнью» (Светоний, цит. изд., с. 205), которая, возможно, и послужила причиной его ранней смерти. Веспасиан был тогда уволен от государственной службы, и Тит вместе с отцом покинул Рим.

Светоний не без восхищения перечисляет в своей «Истории» незаурядные телесные и интеллектуальные дарования Тита: «Замечательная красота, в которой было столько же достоинства, сколько приятности; отменная сила, которой не мешали ни невысокий рост, ни слегка выдающийся живот; исключительная память и, наконец, способности едва ли не ко всем военным и мирным искусствам. Конем и оружием он владел отлично; произносил речи и сочинял стихи по-латыни и по-гречески с охотой и легкостью, даже без подготовки; был знаком с музыкой настолько, что пел и играл на кифаре искусно и красиво. Многие сообщают, что даже писать скорописью умел он так проворно, что для шутки и потехи состязался со своими писцами, а любому почерку подражал так ловко, что часто восклицал: «Какой бы вышел из меня поддельватель завещаний!» (Светоний, цит. изд., с. 205–206).

Военную службу Тит начал в Британии и продолжил ее в Германии в звании военного трибуна, там он познакомился со своим сослуживцем Плинием Старшим, который впоследствии посвятил ему свою «Естественную историю» (*Naturalis historia*). Вернувшись в Рим, Тит получил первую магистратуру, став квестором. В столице он женился на дочери начальника преторианских когорт Аррецине Тертулле, а после ее смерти взял в жены Марцию Фурнилу, с которой развелся после рождения дочери. Когда уже в конце правления Нерона Веспасиан был отправлен на Восток для подавления восстания иудеев, Тит в его армии командовал легионом. Узнав о свержении Нерона, Веспасиан направил сына в Рим для поздравления нового принцепса — в ту пору возникло предположение, что престарелый Гальба собирается усыновить его и тем самым сделать своим соправителем и наследником, но на пути в столицу, в Коринфе, Тит узнал об убийстве Гальбы и вернулся к отцу. План привести к верховной власти Веспасиана возник впервые, возможно, как раз у него. Ничтожество Отона и Вителлия убеждало его в исполнимости этого замысла. Он сумел вовлечь в заговор правителя Сирии Муциана, который сыграл ключевую роль в устранении Вителлия. Покинув Иудею, Веспасиан передал сыну командование действовавшей там армией, и он успешно справился с возложенной на него задачей, взяв Иерусалим и подавив последний очаг сопротивления в Мосаде.

Из Палестины Тит вернулся в Рим, взяв с собой красавицу Беренику, сестру правившего тетрарха Ирода Агриппы II, от женитьбы на которой его удержало лишь опасение потерять популярности среди римлян, еще не утративших предубеждение против браков на женщинах из варварских народов, хотя бы в жилах их текла и царская кровь. Справив по возвращении в Рим пышный триумф, удостоенный титула цезаря и императора, Тит стал ближайшим сподвижником и соправителем отца. Исполняя обязанности начальника преторианских когорт, он нес личную ответственность за безопасность принцепса и для ее обеспечения не останавливался перед принятием крутых мер. По его приказу чинилась скорая расправа над всеми, кто подозревался в злых умыслах против Веспасиана. Самой известной жертвой репрессий пал консуляр Авл Цецина, умерщвленный в доме самого Тита, куда он был приглашен на обед. В этом случае, правда, оправданием коварства Тита могло служить то

обстоятельство, что было перехвачено составленное Цециной подстрекательское обращение к легионерам. После смерти Цецины напуганное воображение римлян рисовало себе в образе Тита, когда тот станет принцепсом, нового Нерона, тем более что, по словам Светония, в нем подозревали не только жестокость, «но и распущенность — из-за его попок до поздней ночи с самыми беспутными друзьями; и сладострастие — из-за множества его мальчиков и евнухов и из-за пресловутой его любви к царице Беренике» (Светоний, цит. изд., с. 207).

Но, к радостному изумлению сограждан, унаследовав от отца принципат, Тит видимым образом переменился: оставив в прошлом и свою былую жестокость и распутство, он даже, к утешению римлян, тотчас выслал из Рима Беренику, а «самых изысканных своих любимчиков он не только перестал жаловать, но даже не желал на них смотреть на всенародных зрелищах, хотя танцовщиками они были замечательными и вскоре прославились на сцене» (Светоний, цит. изд., с. 207). Он принял сан великого понтифика (*pontifex maximus*), по его словам, для того, чтобы «руки его были чисты, и — как замечает Светоний, — этого он достиг; с тех пор он не был ни виновником, ни соучастником ничьей гибели, и хотя не раз представлялся ему случай мстить, он поклялся, что скорее погибнет, чем погубит. Двое патрициев были уличены в посягательстве на власть — он не наказал их, а только увещевал оставить эти попытки, так как императорская власть даруется судьбой, а все остальное он готов им дать добровольно» (Светоний, цит. изд., с. 208). Тит миловал обвиняемых в оскорблении величества и наказывал доносчиков. Их подвергали избиению палками и плетью на форуме. Злостных клеветников при нем обращали в рабское состояние или ссылали на самые пустынные острова.

В народе сохранилась память о щедрости принцепса: «непременным правилом его было никакого просителя не отпускать, не обнадежив; и когда домашние упрекали его, что он обещает больше, чем сможет выполнить, он ответил: «Никто не должен уходить печальным после разговора с императором». А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные» «Друзья мои, я потерял день!» (Светоний, цит. изд., с. 207). Сусальный образ идеального принцепса начертан Светонием не без риторических преувеличений, и конечно,

по контрасту с другими правителями Рима — Калигулой, Нероном, преемником и младшим братом Тита Домицианом и даже с самим Титом в пору его соправительства с отцом, но, по меньшей мере, этот портрет согласуется с восприятием Тита римским обществом, которое в разных своих стратах и сословиях обнаруживало к нему при жизни и к памяти о нем по смерти несомненную благосклонность; совершенно фальшивым этот образ не был. Для более реалистичного представления об этом принце следует лишь сделать скидку на патетическую манеру увлекающегося писателя, которого, впрочем, чаще тянуло в противоположную сторону пасквильного анекдота.

Популярности Тита способствовали предпринятые им постройки: новые термы и водопровод. В его правление было завершено величайшее сооружение римского архитектурного гения — Колизей. По случаю освящения этого амфитеатра были устроены стодневные празднества, в ходе которых на его арене убили тысячи диких зверей и пали сотни гладиаторов.

На время правления Тита пришлось три грандиозных катастрофы. Через два месяца после занятия им должности принцепса, 24 августа 79 г., произошло извержение Везувия. Вулканическая лава залила расположенные у его подножия города: Помпеи, Геркуланум и Стабии. При раскопках Помпей, проведенных в новое время, были обнаружены более 2-х тысяч человеческих трупов. Действительное число погибших в этом 30-тысячном городе было, вероятно, многократно большим. Спасательные операции проводились Мизенским флотом под командованием друга Тита Плиния Старшего. Его племянник оставил в письме историку Тациту замечательное описание этого бедствия: «Дядя был в Мизенах и лично командовал флотом. В девятый день до сентябрьских календ, часов около семи, мать моя показала ему на облако, необычное по величине и по виду... Облако ...по своей форме больше всего походило на пинию: вверх поднимался как бы высокий ствол и от него во все стороны расходились как бы ветви...местами оно было яркого белого цвета, местами в грязных пятнах, словно от земли и пепла, поднятых кверху. Явление это показалось дяде, человеку ученому, значительным и заслуживающим ближайшего ознакомления... Он велел вывести квадриремы и сам поднялся на корабль... он спешит туда, откуда другие бегут, держит прямой путь, стремится прямо в опасность и до того свободен от страха, что, уловив любое

изменение, в очертаниях этого страшного явления, велит отметить и записать его. На суда уже падал пепел, и чем ближе они подъезжали, тем горячее и гуще; уже куски пемзы и черные обожженные обломки камней, уже внезапно отмель и берег, доступ к которому прегражден обвалом» (Плиний Младший. Письма. М., 1983, с. 105).

Плиий высадился в Стабиях и остановился в доме своего друга Помпония Баса. «Тем временем, — продолжает печальный рассказ Плиний Младший, — во многих местах из Везувия широко разлился, взметываясь кверху, огонь, особенно яркий в ночной темноте. Дядя твердил, стараясь успокоить перепуганных людей, что селяне впопыхах забыли погасить огонь и в покинутых усадьбах занялся пожар. Затем он отправился на покой и заснул самым настоящим сном... Площадка, с которой входили во флигель, была уже так засыпана пеплом и кусками пемзы, что человеку, задержавшемуся в спальне, выйти было бы невозможно. Дядю разбудили... Все советуются, оставаться ли в помещении или выйти на открытое место: от частых и сильных толчков здания шатались; их словно сдвинуло с места, и они шли туда-сюда и возвращались обратно. Под открытым же небом было страшно от падавших кусков пемзы... выбрали все-таки последнее, сравнив одну и другую опасность... В защиту от падающих камней кладут на головы подушки и привязывают их полотенцами. По другим местам день, здесь ночь чернее и плотнее всех ночей, хотя темноту и разгоняли многочисленные факелы и разные огни. Решили выйти на берег и посмотреть вблизи, можно ли выйти в море: оно было по-прежнему бурным и враждебным. Дядя лег на подостланный парус, попросил раз другой холодной воды и глотнул ее. Огонь и запах серы... обращают других в бегство, а его поднимают на ноги. Он встал, опираясь на двух рабов, и тут же упал, думаю, потому что от густых испарений ему перехватило дыхание... Когда вернулся дневной свет (на третий день после того, который он видел в последний раз) тело его нашли в полной сохранности, одетым, как он был» (Плиний Младший, цит. изд., с. 106).

В другом письме Тациту Плиний продолжил драматический рассказ об извержении Везувия, за которым последовало землетрясение, пережитое автором, тогда еще 17-летним юношей, в соседней с Помпеями Мизене: «Выйдя за город, мы останавливаемся... Повозки, которым было приказано нас сопровождать,

на совершенно ровном месте кидало в разные стороны... Мы видели, как море отходит назад; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его. Берег явно продвигался вперед; много морских животных застряло в сухом песке. С другой стороны черная страшная туча, которую прорывали в разных местах перебегающие огненные зигзаги; она разверзлась широкими полыхающими полосами, похожими на молнии, но большими... Вскоре эта туча опускается к земле и накрывает море. Она опоясала и скрыла Капри, унесла из виду Мизенский мыс... Падает пепел, еще редкий. Я оглядываюсь назад: густой черный туман, потоком расстилающийся по земле, настигал нас... Мы не успели оглянуться — вокруг наступила ночь, не похожая на безлунную или облачную: так темно бывает только в запертом помещении при потушенных огнях. Слышны были женские вопли, детский писк и крик мужчин..; одни оплакивали свою гибель, другие гибель близких; некоторые в страхе перед смертью молили о смерти; многие воздевали руки к богам; большинство объясняло, что нигде и никаких богов нет, и для мира это последняя ночь... Немного посветлело, но это был не рассвет, а отблеск приближавшегося огня. Огонь остановился вдали; опять темнота, опять пепел, густой и тяжелый. Мы все время вставляли и стряхивали его; иначе нас засыпало бы и раздавило под его тяжестью... Туман стал рассеиваться, расходясь как бы дымным облаком; наступил настоящий день, и даже блеснуло солнце, но такое бледное, какое бывает при затмении. Глазам все еще дрожавших людей все предстало в измененном виде; все, словно снегом, было засыпано толстым слоем пепла» (Плиний Младший, цит. изд., с. 108–109).

Для восстановления разрушенных извержением Везувия городов Кампании Тит выбрал по жребию попечителей из числа консуляриев. В помощь пострадавшим были выделены значительные средства из фиска. В их пользу назначалось и все имущество погибших семей, которые не оставили наследников и которым в подобных случаях наследовала казна.

Еще одним бедствием стал пожар, бушевавший в Риме трое суток. По своим разрушительным последствиям он приблизился к тому пожару, который опустошил столицу при Нероне. В огне пожара особенно сильно пострадали Капитолий и Марсово поле. Погибли многие храмы, общественные постройки и еще больше частных жилищ. Тит пожертвовал на восстановление

разрушенных строений сокровища, хранившиеся в его дворцах и виллах, включая их убранство.

В правление Тита в Риме и других городах империи свирепствовала начавшаяся еще при Веспасиане, в 77 г., моровая язва, возможно, чума, погубившая многих. На противодействие заразе Тит, по словам Светония, «изыскал... все средства, божеские и человеческие, не оставив без пробы никаких жертвоприношений и лекарств» (Светоний, цит. изд., с. 208), на что также ушли значительные суммы из казны.

Жизнь принцепса омрачала семейная вражда. Его младший брат Домициан, еще в самом начале правления своего отца удостоенный титула цезаря, относился к Титу с завистливым недоброжелательством, интриговал против него, и если верить Светонию, стремился к его устранению (см. Светоний, цит. изд., с. 208). Тит знал о его преступных намерениях, но отказался от мысли предать младшего брата суду и казни.

Правление Тита оказалось кратковременным, и продолжалось всего два года. Внезапно заболев на пути в свое родовое сабинское имение, он доставлен был туда уже в крайне тяжелом состоянии. Он умер на той же вилле, что и его отец, 13 сентября 81 г., не дожив до 40 лет. По ошибке Светоний отмерил ему 41 год жизни (см. Светоний, цит. изд., с. 209). Римляне искренне оплакивали Тита, именуя его «любовью и утехой рода человеческого» (*amor ac deliciae generis humanis*). После торжественного сожжения бранных останков императора была совершена его консекрация. Светоний укорял Домициана в отсутствии братской любви и почтения к скончавшемуся принцепсу парадоксальным образом: «Он не оказал ему никаких почестей, кроме обожествления» (Светоний, цит. изд., с. 211).

11. Правление Домициана

Преемником Тита стал его брат Домициан, родившийся в 51 г., когда их отец ожидал вступления в должность консула. Местом рождения будущего принцепса был небольшой дом на Гранатовой улице, на Квиринале, который, став принцепсом, Домициан велел освятить как храм рода Флавиев. В начале принципата Нерона Веспасиан впал в опалу, вел жизнь частного человека, и детские годы Домициана сопряжены были с материальными лишениями, но после возвращения отца к государственной службе в высоких чинах обстановка, окружающая

мальчика, радикально изменилась. Во время Иудейской войны, когда брат его Тит находился рядом с отцом и командовал легионом, Домициан оставался в Риме. В мимолетное правление Вителлия его жизнь подверглась опасности. Вместе со своим дядей префектом Рима Сабиним Флавием он укрывался на Капитолии, когда сторонники Вителлия хотели расправиться с ними как с ближайшими родственниками Веспасиана, притязавшего на захват высшей власти. Сабина Флавия они нашли, и над ним расправились, а Домициан сумел скрыться от врагов. Еще до приезда в Рим Веспасиана сенат уже провозгласил Домициана цезарем, что дало ему повод впоследствии утверждать, что именно он, в ту пору 18-летний юноша, проложил дорогу к принципату своему отцу и старшему брату. Домициан был женат на Домиции Лепиде, которую он отнял у ее первого мужа Элия Ламии.

Веспасиан недолюбливал амбициозного и скрытного младшего сына и не давал ему важных государственных поручений. Тем не менее ему предоставлена была должность претора Рима с консульскими полномочиями. Судейские обязанности, возлагаемые на претора, Домициан уступил коллеге по должности, но со рвением пользовался сопряженным с претурой правом назначать чиновников. Однажды он, как рассказывает Светоний, раздал 20 должностей в Риме и в провинциях, что дало повод его отцу для саркастического замечания: «Удивительно, как это сын и ему не прислал преемника» (Светоний, цит. изд., с. 211).

После смерти Тита преторианцы немедленно провозгласили его императором, а сенат назначил его принцепсом. В официальных актах он именовался Цезарем Домицианом Августом Германиком. Каждый год ему предоставлялось консульство, а в 84 г. он усвоил себе пожизненную цензуру.

Светоний начертал словесный портрет Домициана, который вполне согласуется с его известными скульптурными изображениями: «Росту он был высокого, лицо скромное, с ярким румянцем, глаза большие, но слегка близорукие. Во всем его теле были красота и достоинство, особенно в молодые годы, если не считать того, что пальцы на ногах были кривые; но впоследствии лысина, выпяченный живот и тощие ноги, исхудавшие от долгой болезни, обезобразили его» (Светоний, цит. изд., с. 219).

В интерпретации Светония и Плиния Младшего, отразивших общепринятое и почти официальное отношение к Домициану, сложившееся в последующую эпоху Антонинов, он был

чудовищем, подобным Нерону. Иную оценку дают ему современные историки. Так, русский ученый С. И. Ковалев писал: «Из всех Флавиев Домициан бесспорно был самым крупным. Но ему, как и Тиберию, «не повезло» в исторической традиции. Слишком явно выраженные монархические тенденции, крутой и властный характер, энергичная борьба с оппозицией и с злоупотреблениями чиновников сделали Домициана весьма непопулярным среди высшего римского общества и исказили образ «лысого Нерона» (Ювенал) в изображении современников. Зато армия, простой народ и провинциалы любили Домициана» (Ковалев, цит. изд., с. 641), а по характеристике немецкого романиста К. Криста, «Домициан с самого начала не был таким принцепсом, который пробуждает симпатии и вызывает восхищение, у него не было способности объединять людей вокруг себя и часто он оставался непроницаемым. Но это был один из самых активных римских принцепсов и во многих сферах этот властитель проводил реалистическую политику» (Christ, cit. op., S. 278).

Повторяя опыт Августа, Домициан издавал акты, направленные на оздоровление нравственной атмосферы в обществе. Он удалил из сената одного квестория за страсть к актерской игре и пляскам; некий всадник был исключен из списка судей за то, что вступил в повторный брак с собственной женой, ранее изгнанной им за прелюбодеяние; женщинам с дурной репутацией он возбранял пользоваться носилками, и что еще важнее, принимать наследство по завещанию; преследовал клеветников, и действуя в духе не свойственной той эпохе гуманности, воспретил кастрировать мальчиков-рабов.

Порой забота принцепса о чистоте нравов оборачивалась жестокими казнями, в духе суровых нравов ранней республики. При его отце и брате весталкам, утратившим целомудрие, это преступление сходило с рук; Домициан же карал их за нарушение обета девства смертной казнью, при этом однако виновным самим предоставлялся выбор вида казни, а их любовники подвергались пытке, но по отношению к старшей весталке Корнелии, по словам Светония, «однажды уже оправданной... и вновь уличенной» (Светоний, цит. изд., с. 214), применена была мера, предусмотренная древним законом: Домициан приказал «похоронить» ее «заживо, а любовников ее до смерти засечь розгами на Комиции — только одному, бывшему претору, позволил он уйти в изгнание, так как тот сам признал свою вину, когда дело

было еще не решено, а допросы и пытки ничего не показали» (Светоний, цит. изд., с. 214).

Об этой казни рассказывает также Плиний Младший в одном из своих писем, причем он не считал виновность Корнелии доказанной: «Домициан неистовствовал и бушевал, одинокий в своей безмерной злобе. Он хотел, пользуясь правом великого понтифика... закопать живой весталку Корнелию, полагая прославить свой век такого рода примером... Он осудил за нарушение целомудрия, не вызвав, не выслушав обвиняемую... Она, простирая руки то к Весте, то к другим богам, все время восклицала: «Цезарь считает прелюбодейкой меня! Я совершала жертвоприношения, и он победил и справил триумф». Говорила она это из угодничества или насмехаясь, из уверенности в себе или из презрения к принцепсу, неизвестно, но говорила, пока ее не повели на казнь, не знаю невинную ли, но как невинную несомненно. Даже когда ее спускали в подземелье и у нее зацепилась стола, она обернулась и подобрала ее, а когда палач протянул ей руку, она брезгливо отпрянула, отвергнув этим последним целомудренным жестом грязное прикосновение к своему словно совершенно чистому и нетронутому телу. Стыдливость блюла она до конца» (Плиний Младший, цит. изд., с. 68).

Замечательной чертой правления Домициана было энергичное противодействие произволу администраторов и судебных чиновников и в Риме, и в италийских городах и особенно в провинциях. Даже Светоний, в высшей степени предубежденный против него, все-таки признает, что «суд он правил усердно и прилежно, часто даже вне очереди, на форуме, с судебного места. Пристрастные приговоры центумвиров он отменял...судей, уличенных в подкупе, увольнял вместе со всеми советниками. Он же предложил народным трибунам привлечь к суду за вымогательство одного запятнавшего себя эдила, а судей для него попросить от сената. Столичных магистратов и провинциальных наместиков он держал в узде так крепко, что никогда они не были честнее и справедливее» (Светоний, цит. изд., с. 213). Продолжая политику своего отца, Домициан расширял права провинциалов, в особенности в латинизированных западных провинциях. Веспасиан даровал жителям испанских городов права латинского гражданства, Домициан предоставлял этим городам муниципальное устройство. До нас дошли в надписях муниципальные уставы двух испанских городов: Малаки и Сальпенза.

В то же время император не пренебрегал мерами, направленными на ограждение экономических приоритетов италиков. Ввиду перепроизводства вина, отчасти за счет сокращения пашни, отводимой под зерновые культуры, Домициан издал эдикт, которым в Италии впредь запрещалось расширять виноградники, а в провинциях предписано было вырубить по меньшей мере половину виноградников. Реакцией на этот эдикт стало распространение подметных писем с красноречивыми стихами: «Как ты, козел, ни грызи виноградник, вина еще хватит вдоволь напиться, когда в жертву тебя принесут» (Светоний, цит. изд., с. 217). Угроза напугала принцепса, и он приостановил затеянную им кампанию истребления виноградных лоз, предпринятую ради расширения хлебной запашки и улучшения обеспечения Италии продовольствием.

Стремясь угодить народу и тем самым отвести его от мятежных помыслов, Домициан обнаруживал щедрость как за счет республиканской казны — эрария, так и за счет своих личных средств — фиска. Он отказывался принимать наследства в свою пользу, если у завещателя оставались дети; лиц, которые не выплачивали долг эрария в течение 5 лет, он освободил от судебной ответственности, предоставляя им отсрочку еще на год; земельные участки, конфискованные в пользу ветеранов, но оставшиеся не занятыми, он возвращал их прежним владельцам; трижды Домициан раздавал щедрые подарки римским гражданам: по 300 сестерциев каждому; вместо раздачи съестных припасов он ввел застольные угощения в общественных местах, на что требовалось больше средств; ежегодную плату легионерам он увеличил с 900 до 1200 сестерциев.

Большие средства уходили на устройство зрелищ на стадионе, в цирке, в Колизее: на скачки, травлю зверей, на гладиаторов, на имитацию пеших, конных и морских сражений на Тибре, при нем заведены были гладиаторские бои в ночное время и с факелами, и даже с участием в них не только мужчин, но и женщин. Помимо регулярных представлений, устраивались юбилейные празднества: столетние игры, время проведения которых отсчитано было не от последнего подобного празднества, устроенного при Клавдии, но от секулярных торжеств, проведенных при Августе. Он ввел также празднества в честь Юпитера Капитолийского, которые должны были проводиться раз в 5 лет и включали конные, гимнастические и музыкальные состязания с награждением победителей.

С большим размахом Домициан развернул строительную деятельность. По его указаниям были воздвигнуты храм Юпитера-Охранителя на Капитолии — в память о избавлении его от гибели в 69 г., храм рода Флавиев на месте дома на Гранатовой улице, где родился принцепс, императорский дворец на Палатине, окруженный садами, новый форум, впоследствии переименованный в честь достраивавшего его преемника по принципату Нервы, Большой цирк, ипподром, стадион, очертания которого воспроизводит находящаяся ныне на его месте знаменитая площадь Навона, и одеон, предназначенный для музыкальных состязаний. Средства казны употреблялись и на строительство в италийских и провинциальных городах, в особенности в Элладе. Своим эллинофильством Домициан в восприятии современников уподоблялся Нерону.

О Нероне напоминали римлянам и монархические замашки Домициана, которые проявлялись не в попытках ревизовать основы римской конституции, в рамках которой полномочия принцепса были установлены изданным 22 декабря 69 г. «Законом об империи Веспасиана» (*lex de imperio Vespasiani*), а в церемониале официальных появлений императора перед сенатом и народом. Подобно древним римским царям, он постоянно находился в окружении 24 ликторов, в курию входил в облачении триумфатора. На установленных им играх в честь Юпитера Капитолийского Домициан восседал в пурпурной тоге и в золотой короне с изображениями божеств капитолийской триады: Юпитера, Юноны и Минервы. Такие же короны носили окружавшие его фламины Юпитера и жрецы из коллегии служителей культа дома Флавиев, только на их коронах, помимо богов, красовался еще образ самого Домициана. В его честь в разных местах Рима сооружались триумфальные арки, на Капитолии и Палатине водружались его золотые и серебряные статуи. По указанию принцепса месяцы сентябрь и октябрь, в один из которых он родился, а в другой стал императором, были переименованы в германик и домициан.

Вершиной и квинтэссенцией императорского культа стало включение в официальную титулатуру принцепса слов «господь и бог» (*dominus et deus*). По словам Светония, Домициан «начал однажды правительственное письмо от имени прокураторов такими словами: «Государь наш и бог повелевает...» — и с этих пор повелось называть его и в письменных и в устных обращениях

только так» (Светоний, цит. изд., с. 217). Первоначально подобная формула употреблялась рабами и вольноотпущенниками из фамилии Цезаря (*familia Caesaris*). Затем, как пишет К. Крист, «прокураторами, принадлежавшими к этому кругу лиц, она была введена в государственное делопроизводство, и наконец, получила самое широкое употребление» (Christ, cit. op., S. 276). В травмированном воображении сенаторов и ревнителей республиканского политического этоса предстал устрашающий призрак нового Калигулы или Нерона.

В одном отношении Домициан однако решительно отличался от подчеркнуто цивильного Нерона — своим милитаризмом. При Домициане римские легионы воевали в разных странах и частях света, хотя эти войны велись в основном не с экспансионистскими целями, а ради укрепления границ и обеспечения их безопасности. Подобно Тиберию и Веспасиану, Домициан считал, что Римская империя достигла уже своих естественных пределов, и главной заботой должно стать не расширение ее границ, а их стабилизация.

От отца и старшего брата в наследство Домициану перешла война в Британии, которая велась римской армией под командованием Гнея Юлия Агриппы, тестя Тацита, с 77 г. Зять полководца описал ход этой войны в составленной им его биографии. Назначенный легатом провинции и командующим расквартированными в ней легионами, Агрикола по прибытии в Британию начал успешные военные действия против ордовиков, обитавших на севере Уэллса. Подавив сопротивление этого племени и тем самым завершив покорение Уэллса, он занялся организацией провинциального управления, устройством городских центров страны, и как пишет Тацит, «настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов... Больше того, юношей из знатных семей он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 338). Но Агрикола не довольствовался романизацией уже покоренной Британии, он стремился к завоеванию всего острова. В третий год его пребывания в стране, при Тите, легионы продвинулись на север и вторглись в Каледонию. Война на севере страны, в пределах современной Шотландии, продолжилась и в правление Домициана,

причем контролируемая оккупантами территория страны неуклонно расширялась. Почти вся низменная часть Шотландии была завоевана римлянами.

В 84 г. в сражении на склонах горы Гравпий легионы Агриколы разгромили более чем 30-тысячное войско каледонцев. В этой битве туземцы потеряли до 10 тысяч человек убитыми, а римляне — 360 легионеров. В ночь, последовавшую за сражением «победители, — по словам Тацита, — ликовали, тогда как британцы, — мужчины и женщины, — бродя по окрестностям и оглашая их стенаниями, выносили раненых, призывали невредимых откликнуться... Известно, что некоторые из жалости к своим женам и детям собственноручно лишали их жизни. Лишь следующий день полностью показал облик победы: повсюду немое безмолвие, пустынные холмы, дымящиеся вдалеке строения и никого, кто бы попался навстречу разведчикам» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 347).

Агрикола уже собирался довести до, как он считал, естественного конца завоевание Британии, и овладеть всем островом. С целью рекогносцировки он приказал римским боевым судам обогнуть его с севера. Более того, полководец всерьез обдумывал уже перспективу десанта в Гибернию, или Ирландию, но внезапно для него в 85 г. он был отозван Домицианом в Рим, где ему были предоставлены «триумфальные знаки отличия, почетная увенчанная лавровым венком статуя и все, что полагается вместо триумфа» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 348). В ту пору триумф справлять могли лишь принцепсы или цезари, принадлежавшие к семье принцепса, а триумфальные отличия, помимо статуи и лаврового венка, включали расшитые золотом тогу и тунику и жезл из слоновой кости, украшенный орлом. В Британию был назначен новый легат — Саллюстий Лукулл, при котором дальнейшая экспансия была приостановлена. Тацит это решение не одобряет, но оно вписывалось в реалистический политический курс Домициана, ориентированный на стабилизацию имперских границ.

В европейской части империи важнейшее значение для ее обороны имел германский лимес. В 83 г. племя хаттов совершило ряд вторжений через Рейн в пределы римской провинции Верхняя Германия. В том же году Домициан прибыл на границу в крепость Могонтиак (Майнц) и оттуда повел 7 легионов вместе со вспомогательными войсками вглубь свободной Германии.

Хаттам и союзным с ними племенам нанесены были чувствительные удары, призванные отвести их от мысли о повторных вторжениях, при этом контролируемая Римом территория Германии была увеличена незначительно — проведена была легкая корректировка границы на правом берегу Рейна и расширена область оккупации в Десятинных полях. По завершении похода Домициан отпраздновал в Риме триумф и усвоил себе имя Германика.

Затем по его приказанию на правом берегу Рейна, а также на территории Десятинных полей, между верховьями Рейна и Дуная, начали проводиться военно-инженерные работы, призванные укрепить лимес. Именно тогда было завершено создание системы крепостей (кастеллов), военных лагерей и соединяющих их охраняемых дорог, которая с тех пор служила барьером, защищавшим цивилизованный мир от варварских вторжений. В 90 г. Верхняя и Нижняя Германия, представлявшие собой ранее своего рода зону военной оккупации, приобретают характер правильных провинций, что, конечно, стало следствием нормализации положения на их территории, упрочения в них мирной жизни, сопровождаемой начавшейся там романизацией местных германцев и кельтов.

Сложнее и опаснее развивались события на Дунайской границе на Балканах. В Трансильвании, Олтении и Валахии в 80 г. сложился мощный союз дакийских племен. Зимой 85–86 гг. даки прорвали римскую границу в Мезии, перейдя скованный льдом Дунай. В Мезии они занялись массированными грабежами и поджегами. Легат провинции Оппиус Сабин пал в сражении с варварами. Развитие событий на Балканах приняло столь опасный оборот, что Домициан во главе нескольких легионов вынужден был сам отправиться на театр военных действий. Престарелый царь даков Диупан, или Дуррас уступил трон своему племяннику Децебалу, отличившемуся в ряде сражений полководческим даром. Готовясь к длительной войне с могущественным Римом, Децебал обучал даков римским приемам ведения боевых действий. И все же даки были изгнаны из пределов Мезии. Уже в 86 г. Домициан отпраздновал еще один триумф.

Но даки не были разгромлены, и война продолжалась. Командовать римской армией в Мезии был назначен префект преторианских когорт Корнелий Фуск. В 87 г. войска под его командованием перешли по выстроенному по его приказу мосту через

Дунай и углубились внутрь Дакии. Но в сражении с основными силами даков римляне потерпели поражение. Фуск погиб, в руки даков попали боевые знаки легионов, воинские доспехи противника и множество пленников. Год спустя преемник павшего Фуска Теттий Юлий повторил вторжение в глубину Дакии, на этот раз из Баната. В сражении на карпатском перевале у Железных ворот даки потерпели поражение и не смогли удержать римлян от дальнейшего продвижения вглубь своей страны. Опасность захвата нависла над расположенной вблизи перевала в Трансильвании столицей Децебала Сармицегетузой, но потери римлян оказались также настолько значительными, что Теттий приостановил дальнейшее наступление.

Децебал был однако не только талантливым полководцем, но и искусным политиком и дипломатом. Ему удалось привлечь к войне с Римом германские племена свевов, квадов и маркоманов, обитавших за Дунаем в его среднем течении, а также сарматское племя языгов. Домициан должен был снова отправиться на границу, чтобы воевать против маркоманов. Вторгшиеся на племенную территорию маркоманов римские войска были разбиты, и Домициан вынужден был приостановить наступление. С Децебалом начались переговоры, завершившиеся в 89 г. заключением договора, по которому, с одной стороны, Децебал возвратил захваченных ранее пленников и оружие, признал за Римом право переправлять свои войска через землю даков из Мезии на фронт боевых действий против маркоманов, и даже назвал себя другом и союзником римского народа, что обозначало, прибегая к иной юридической терминологии, вассальную зависимость, но с другой, — Рим признал территориальную целостность царства Децебала и взял на себя обязательство выдавать дакам субсидию. По существу дела это была дань — так возникла дипломатическая практика откупаться от вторжений варваров в пределы империи, — традиция, пережившая языческий Рим и характеризовавшая внешнюю политику империи в византийскую эпоху.

Заключение мирного договора и прекращение войны с даками послужили поводом для еще одного пышного триумфа в Риме, но война на среднем Дунае продолжалась. В 92 г. маркоманы, квады и языги совершили еще один опустошительный набег в Паннонию, разгромив и фактически уничтожив расквартированный там 21 легион. Рим направил в эту провинцию несколько

легионов, которым удалось вытеснить из Паннонии вторгшихся варваров. Для укрепления границы по Дунаю Домициан приказал создать и там лимес — систему кастеллов, воинских лагерей и дорог, которая замечательно оправдала себя на рейнской границе и в Десятинных полях.

На подписание компромиссного договора с Децебалом Домициан подтолкнул опасный мятеж, который вспыхнул в 88 г. Легат Верхней Германии Луций Антоний Сатурнин был провозглашен двумя расквартированными в Могонтиаке легионами императором. Подкупая легионеров, Сатурнин на четверть увеличил им жалование. Для борьбы с Домицианом мятежник заручился поддержкой ранее разбитых римлянами хаттов, но тем не удалось во время явиться ему на выручку, из-за того что на Рейне тронулся лед. На подавление мятежа Домициан направил легионы из Нижней Германии и из Ретийской провинции под командованием ее наместника Луция Аппия Максима Норбана, и тот в кратчайший срок справился со своей задачей: мятежники потерпели поражение, а Сатурнин был убит. Для предотвращения подобных возмущений в будущем Домициан запретил впредь размещать по два легиона в одном лагере, как это было в Могонтиаке.

В ходе мятежа император получил информацию о том, что среди римских сенаторов и всадников нашлись сторонники Сатурнина. Истощение казни, вызванное главным образом чередой пограничных войн и большими затратами на устройство пышных празднеств, потребовало повышения налоговых сборов, что в свою очередь порождало недовольство. В этих обстоятельствах Домициан прибег к репрессивным мерам, снова был приведен в действие механизм закона об оскорблении величества римского народа, который уже ранее, при принцепсах из династии Юлиев, применялся и для защиты чести императоров. Сопровождавшие применение этого закона конфискации имущества служили удобным средством пополнения императорского фиска. Смертной казни подверглись сенаторы Цивика Цереал, Элий Ламия, консул 91 г. Глабрион, племянник императора Оттона Сальвий Кокцеян, Меттий Помпузиан, легат в Британии Саллюстий Лукулл. Двоюродный брат Домициана Флавий Сабин был, как пишет Светоний, умерщвлен за то, «что в день консульских выборов глашатай по ошибке объявил его народу не будущим консулом, а будущим императором» (Светоний, цит. изд., с. 215).

Репрессии осуществлялись не властью принцепса, а только в угоду ему, по приговорам ординарных судов, выносимых в результате публичного судебного разбирательства. Обвиняемые могли защищаться, нанимать искусных юристов, на суды приглашались не только свидетели обвинения, но и свидетели защиты. И все же над этими судами нависала тягостная тень подозрительности императора, и нередко грозное обвинение в оскорблении величества выдвигалось по ходу судебного разбирательства против защитников или свидетелей защиты.

Яркий свет на атмосферу подобных процессов проливает письмо Плиния Младшего Воконию Романусу, в котором он рассказывает о том, как в правление Домициана на суде, где его допрашивали как свидетеля защиты в деле по обвинению жены некоего Тимона, а обвинителем был Марк Регул, своего рода судебный убийца, ему удалось, без потери чести, уклониться от обвинения в единомыслии с Метием Модестом, уже ранее осужденным за государственное преступление: «Я в этом деле частично опирался на мнение Меттия Модеста, человека прекрасного. Он тогда находился в ссылке; был выслан Домицианом. И вот тебе Регул: «Скажи, Секунд, — обращается он ко мне, — что ты думаешь о Модесте?» Ответь я «хорошо» — гибель; ответь «плохо» — позор. Могу сказать одно: боги мне помогли. «Я отвечу, если об этом будут судить центумвиры». Он опять: «Я спрашиваю, что ты думаешь о Модесте?» — «Свидетелей, — ответил я, — обычно спрашивают о подсудимых, а не об осужденных». Он в третий раз: «Я спрашиваю, что ты думаешь не о Модесте, а об его лояльности?» — «Ты спрашиваешь, что я думаю? Я считаю, что не дозволено даже обращаться с вопросом о том, о ком уже принято решение». Он замолчал; меня хвалили и поздравляли: я не повредил своему доброму имени ответом, хотя бы мне и полезным, но бесчестным, и не угодил в силоч, расставленный таким коварным вопросом» (Плиний Младший, цит. изд., с. 7).

Жертвой страха Домициана за свою жизнь пал его советник по делам прошений Эпафродит, который «своею рукою помог всеми покинутому Нерону покончить с собой». Его казнь Домициан, как пишет Светоний, — хотел «дать понять домохозяевам, что даже с добрыми намерениями преступно поднимать руку на патрона» (Светоний, цит. изд., с. 217).

Противников своего режима Домициан находил не только в среде сенаторов, всадников и собственной клиентеллы, но

и в лице философов. Бродячие проповедники кинической школы, а также моралисты-стойки и в самом деле произносили обличительные речи и писали памфлеты против тиранов, в облике которых нетрудно было угадать портрет правящего принцепса. Ответом императора на эти выходки было изгнание философов, по большей части имевших греческое происхождение, из Рима и из Италии. Философов выслали в 88–89 и потом еще в 93–94 гг. Среди изгнанников оказались приверженец стоической школы Эпиктет и выдающийся оратор Дион Хризостом.

За пределами Италии репрессивные меры с особым размахом применялись в Иудее, где еще не погасли угли раскаленной религиозной ненависти к язычникам, разрушившим Иерусалимский Храм. Не миновали они и еврейского рассеяния. В правление Домициана подать в пользу храма Юпитера Капитолийского в размере одной дидрахмы, или 4-х сестерциев, оскорбительная для религиозных чувств еврейского народа, стала взыскиваться со всех иудеев с особой тщательностью. Чтобы избежать этой подати, некоторые евреи отказывались от иудейства.

Заподозренные в том, что они скрывают свое действительное иудейство или хотя бы только факт своего обрезания, который сам по себе считался достаточным для обложения в пользу храма Юпитера, капитал которого составлял часть императорского фиска и мог использоваться по его усмотрению, подвергались принудительному и нередко публичному досмотру. По словам Светония, «с особой суровостью по сравнению с другими взыскивался иудейский налог: им облагались и те, кто открыто вел иудейский образ жизни, и те, кто скрывал свое происхождение, уклоняясь от наложенной на это племя дани. Я помню, как в ранней юности при мне в многолюдном судилище прокуратор осматривал девяностолетнего старика, не обрезан ли он» (Светоний, цит. изд., с. 216). Обличенные в сокрытии обрезания не только подвергались взысканию установленной подати, но и разного рода наказаниям.

В круг лиц, подозреваемых в сокрытии своего иудейства, естественным образом попадали и христиане, независимо от своего иудейского или не-иудейского происхождения. И можно полагать, отсутствие к тому времени, вероятно, уже у большинства из них обрезания, не освобождало их от дальнейшего расследования, направленного на выяснение их действительной религиозной принадлежности. В результате многих подобных

инцидентов правительством был досконально установлен факт существования христианской религии, связанной своим происхождением с иудейством, но отличной от него и вполне самостоятельной, и это был в представлении правительства Рима криминальный факт, принадлежность же к христианской религии римлян, эллинов и варваров, а не только выходцев из иудейства лишь усугубляла вину таких христиан.

В церковную память Домициан вошел как второй после Нерона император, воздвигший гонения на христиан. Евсевий Кесарийский писал о нем: «Домициан был свиреп ко многим людям: казнил в Риме без настоящего суда немало людей видных и знатных; тысячи известных людей, ни в чем не повинных, отправил в изгнание и отобрал их имущество. Под конец он явил себя преемником Нерона в ненависти к Богу и в богоборчестве. Он был вторым поднявшим против нас гонение, хотя отец его Веспасиан не замышлял против нас ничего плохого» (Евсевий, цит. изд., с. 95).

В правление Домициана последний из остававшихся на земле апостолов Иоанн Богослов был сослан на остров Патмос, где ему дано было Откровение свыше. Сведения об этом Евсевий Кесарийский почерпнул из книги святого Иринея Лионского «Против ересей», которую он цитирует: «Если бы надлежало в настоящее время возвестить имя антихриста, то оно было бы названо тому, кто был тайнозрителем. Откровение было дано ему совсем недавно, почти в наш век, перед концом Домицианова царства» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 96).

В «Церковной истории» Евсевия помещен отрывок из несохранившейся книги Егезиппа, в котором сообщается об обстоятельствах, послуживших приостановке гонений: «Еще оставались из рода Господня внуки Иуды, называемого по плоти братом Господним. На них указали как на потомков Давида. Эвокат привел их к кесарю Домициану: тот боялся так же, как и Ирод, пришествия Христа. Он спросил их, не из рода ли они Давидова; они сказали, что да. Тогда спросил, какое у них состояние и сколько денег у них в распоряжении. Они сказали, что у них, у обоих, имеется только девять тысяч динариев, из которых каждому причитается половина; они у них не в звонкой монете, а вложены в тридцать девять плетров земли. Они вносят с нее подати и живут, обрабатывая ее своими руками. Затем они показали свои загрубелые руки в мозолях, свидетельствовавшие о тяжком труде

и непрестанной работе. На вопрос о Христе и Его Царстве, что это такое, где и когда оно явится, они ответили, что оно не от мира и будет не на земле, а на небе с Ангелами и явится при свершении века, когда Христос, придя во славе, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому за его жизнь. Домициан, не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу, а гонение на Церковь прекратил указом. Освобожденные стали во главе Церквей как мученики и как происходящие из рода Господня. Времена настали мирные, и они дожили до воцарения Траяна» (Евсевий, цит. изд., с. 97).

Хотя, как это видно из Евсевия и Егезиппа, гонения на христиан, воздвигнутые Домицианом в конце его правления, были им же скоро остановлены и с самого начала своего не были такими массовыми и кровавыми, как при Нероне, но именно при нем преследование христиан приобрело систематический характер. Для подобного заключения нет прямых данных, его не делает и самый авторитетный русский историк древней Церкви В. В. Болотов, откладывая начало систематических гонений на эпоху Антонинов, о которой он пишет: «Для христиан это была эпоха, в которой их положение сменилось к худшему. Именно в этот период снимается тень иудейской религии, прикрывавшая доселе христианство в глазах правительства» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 64). И все же: знаменитый рескрипт Траяна о преследовании христиан — хронологически первый из сохранившихся законодательных актов, регламентирующих юридическую сторону гонений — нацелен на ограничение их масштаба; в нем воспрещается поиск христиан, а также возбуждение следствия на основании анонимных доносов — подобная практика расценивается как «не соответствующая духу нашего времени» (Плиний Младший, цит. изд., с. 206). С чьим правлением сравнивает здесь Траян дух своего времени? Несомненно, что не с правлением своего прямого предшественника и усыновителя Нервы, но с эпохой Домициана. Из «Истории» Евсевия также видно, что на правление Нервы приходится смягчение режима для христиан: при нем «апостол Иоанн покинул остров, куда был сослан, и устроился на жительство в Эфесе» (Евсевий, цит. изд., с. 97).

Наконец, немалое значение в решении вопроса о времени начала систематических гонений на Церковь имеет и заключение Тертуллиана, жившего при Антонинах и Северах и поэтому имевшего возможность сопоставить правление Домициана с последующей

эпохой: «Никто не преследовал христиан, кроме извергов человечества — Нерона и Домициана» (цит. по: Болотов, цит. изд., т. 2, с. 66). Важность этого свидетельства В. В. Болотов отводит замечанием, что это «выражение имеет лишь апологетический характер» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 66), но едва ли это веский аргумент в рассуждениях на тему о начале систематического преследования христиан. Впрочем, характеризуя гонения Домициана, Тертуллиан писал: «Попытался он делать то же самое, унаследовав нечто от Нероновой жестокости, но, думаю, имея долю здравого смысла, скоро остановился, возвратив и тех, кого изгнал» (цит. по: Болотов, цит. изд., т. 2, с. 97).

И все-таки уже со времени Домициана Церковь Христова стала рассматриваться государством как недозволенная коллегия (*collegium illicitum*). Одним из юридических принципов Рима, которые ставили Христианскую Церковь в нелегальное положение, было то обстоятельство, что, как пишет В. В. Болотов, «Рим был вообще против коллегияльности. В сущности он признавал только открытые коллегии, где присутствовал бы представитель римской власти, чего Христианская Церковь не могла позволить» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 26). Государство преследовало христиан как участников тайных сборищ — гетерий. Церковные общины могли, правда, существовать легально под прикрытием погребальных коллегий (*collegium funeraticium*), в которые дозволялось принимать даже рабов и куда при этом не назначался официальный представитель власти. Поэтому катакомбы, места погребений, стали прибежищем для древних христиан.

Еще более грозным обвинением против христиан со стороны Римской республики было преступление против религии, или святотатство — *sacrilegium*, что на греческий язык переводится как атеотис (безбожие), хотя такой перевод и не вполне адекватен. *Sacrilegium*, в котором обвиняли христиан, состояло не в отсутствии религиозных убеждений, предписываемых законом, — с точки зрения римского права личные убеждения не являются юридическим фактом, который может быть законно установлен, а в отказе совершать обряд богочитания, например, воскурение фимиама перед статуей бога.

А поскольку в сонм богов ко времени Домициана были включены Август, Клавдий, Тит и Веспасиан, в провинциях божеские почести воздавались правящим принцепсам, повсеместно, в том числе и в самой столице империи, сооружались храмы в честь

богини Ромы, в честь гения императора с назначением в эти храмы фламинов, а при Домициане в официальную титулатуру принцепса была включена формула «dominus et deus», то обвинение в преступлении против религии легко перерастало в обвинение в оскорблении величества (*crimen laese majestatis*). Состав этого преступления обнаруживали в самом отказе христианина воскурить фимиам перед статуей императора. «В факте отказа со стороны христиан приносить жертвы богам и клясться именем кесаря римлянин видел, таким образом, бесспорное основание для обвинения христиан в политическом преступлении. И чем могли защититься христиане от такого обвинения? Тем, что они никогда не участвовали ни в каком мятеже и заговоре, что они не раз заявляли себя как самые верные подданные, что они непрестанно молятся за кесаря, что в высокочественные дни дома христиан украшены венками более, чем дома язычников? Все это на римский взгляд не было достаточным доказательством невинности христиан. Римское право требовало, чтобы христиане молились не за императора, а самому императору, чтобы не испрашивали у Бога счастья ему, а чтобы признавали «кесарево счастье» за совершившийся факт» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 35–36). В культе римских божеств и, в частности, в культе императоров не принимали участия и иудеи, но Рим, имея уважение к древним установлениям покоренных народов, извинял им этот отказ древностью их религии, что не могли привести в свое оправдание христиане, с тех пор как в них перестали видеть своеобразную иудейскую секту.

Особенность расследования преступления *laese majestatis* заключалась в том, что если по иным уголовным обвинениям пытки по отношению к римским гражданам не применялись, по этой статье от пыток не защищало ни римское гражданство, ни принадлежность к высшему сенаторскому сословию, ни даже консульская магистратура.

Но вид наказания за оскорбление величества зависел от словесного статуса осужденного. Лица, признаваемые *honestiores* (почетными, к таковым причислялись все римские граждане) подвергались смертной казни чрез усекновение мечом, а *humiliores* (паломники, не приобретшие гражданских прав вольноотпущенники, рабы) более мучительной казни, например, как это было уже опробовано при Нероне, осужденных христиан сжигали или выводили на арену на растерзание зверям. Виновных

в *sacrilegium* подвергали как смертной казни, так и изгнанию. Таким образом, христиане, о которых, как об апостоле и евангелисте Иоанне Богослове, известно, что они были сосланы, но не казнены, не обвинялись в самом страшном преступлении — *laese majestatis*.

Относительно благоприятный вывод о положении христиан при Домициане, который делают некоторые историки, и в частности В. В. Болотов, основан на том, что из сохранившихся документов не известно о конкретных случаях применения смертной казни по отношению к христианам в его правление, за исключением одного случая, хотя и весьма сомнительного по части принадлежности казненного к Церкви. Речь идет о лице, принадлежащем к числу самых высокопоставленных особ, а именно о двоюродном брате Домициана Тите Флавии Клименте, консуле 95 г., сыновей которого принцепс намеревался сделать своими наследниками: по словам Светония, «Домициан убил по самому ничтожному подозрению своего двоюродного брата Флавия Клемента чуть ли не во время его консульства, хотя человек этот был ничтожный и ленивый, и хотя его маленьких сыновей он сам открыто прочил в свои наследники, переименовав одного из них в Веспасиана, а другого в Домициана» (Светоний, цит. изд., с. 217–218), а племянница Клемента Флавия Домицилла, как пишет Евсевий Кесарийский, «за исповедание Христа была вместе со многими другими наказана ссылкой на остров Понтию» (Евсевий, цит. изд., с. 96). Так, при Домициане христианская проповедь проникла в самый дом принцепса. Из пересказа не сохранившегося отрывка из «Римской истории» Диона Кассия, сделанного византийским историком Иоанном Ксифицином, известно, что и сам Флавий Климент был казнен по обвинению в «атеотис» (безбожии), как переводили на греческий *sacrilegium* — преступление, которое особенно часто инкриминировалось христианам. С другой стороны, сам Дион считает его иудейским прозелитом, каковым он мог, конечно, назвать и христианина, а Евсевий, упомянув имя Флавия Клемента, пишет о ссылке его племянницы, но не его самого, так что христианство Клемента остается под вопросом. Для В. В. Болотова тут никакого вопроса нет. «Тит Флавий Климент, — пишет он, — не был христианином. Если бы он был христианин, то предание не забыло бы его. Правда, церковное предание не сохранило имен многих мучеников. Но иное дело забыть какого-нибудь

раба, дровосека, иное — верующего из дома кесаря» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 59).

Что же касается встречающегося в литературе отождествления Флавия Климента с мужем апостольским священиком Климентом, о котором известно, что при Домициане, в 92 г., он возглавил Римскую общину, став преемником Лина и Анаклета, при Траяне был сослан в Херсонес Таврический и там принял мученическую смерть около 103 г., то это всего лишь курьез, не заслуживающий серьезного обсуждения.

Светоний писал, что казнь Флавия Климента Домициан «больше всего ускорила свою гибель» (Светоний, цит. изд., с. 218). Ненависть к нему в сенаторском сословии зашкаливала. О ее высоком градусе выразительно говорит исполненный пафосной риторики отрывок из «Панегирика императору Траяну», составленного Плинием Младшим — писателем совсем не пафосным и не риторическим в своих замечательных «Письмах». Сравнивая обстановку в императорском дворце при Траяне и Домициане, он писал: «Мы задерживаемся, остаемся у тебя, как в общественном доме. А ведь еще недавно ужасное чудовище ограждало его от других, внушая величайший страх, когда, запершись словно в какой-то клетке, оно лизало кровь близких себе людей или бросалось душиТЬ и грызть славнейших граждан. Дворец был огражден ужасами и кознями; одинаковый страх испытывали и допущенные и отстраненные. К тому же и само оно было устрашающего вида: высокомерие на челе, гнев во взоре, женоподобная слабость в теле, в лице бесстыдство, прикрытое густым румянцем. Никто не осмеливался подойти к нему, заговорить с ним, так он всегда искал уединения в затаенных местах и никогда не выходил из своего уединения без того, чтобы сейчас же не создать вокруг себя пустоту. Однако тот, кто, казалось, оберегал свою безопасность за всевозможными стенами, в тех же стенах хранил вместе с собой коварство и козни, но также и божество — мстителя своих преступлений» (Плиний Младший, цит. изд., с. 240).

Отмщение пришло не из сената, где Домициана люто ненавидели, а из дома самого принцепса, из его семьи. Домициан убил Стефан, управляющий Флавии Домициллы, изгнанной из Рима на остров Пандатерию жены казненного Флавия Климента и племянницы самого императора от одноименной с матерью сестры Домициана, которая в свою очередь названа была именем своей матери — супруги Веспасиана. Предположение

о христианском исповедании Флавия Климента распространяется, естественно, и на его жену, причем некоторые авторы отождествляют ее с еще одной Флавией Домициллой, той, которая определенно названа христианской Евсевием Кесарийским и которую он обозначил как племянницу казненного Климента. Могли быть христианином убийца Домициана Стефан, сказать трудно. В заговор вовлечена была и жена принцепса Домиция, а также префекты претория Норбан и Петроний Секунд, секретарь императора Энтел и его спальники Парфений и Сигер.

Как рассказывает Светоний, Стефан, «во избежание подозрения... притворился, будто у него болит левая рука, и несколько дней подряд обматывал ее шерстью и повязками, а к назначенному часу спрятал в них кинжал. Обещав раскрыть заговор, он был допущен к императору; и пока тот в недоумении читал его записку, он нанес ему удар в пах. Раненый пытался сопротивляться... император, сцепившись со Стефаном, долго боролся с ним на земле, стараясь то вырвать у него кинжал, то выцарапать ему глаза окровавленными пальцами» (Светоний, цит. изд., с. 218–219), но тщетно. Убийце помогли расправиться с принцепсом оказавшиеся в его покоях другие заговорщики из охраны.

Домициан погиб 18 сентября 96 г. в возрасте 44 лет. Сами не отжившиеся на заговор, сенаторы, узнав о его смерти, ликовали. Сбежавшись в курию, они поносили убитого императора «самыми оскорбительными и злобными возгласами, велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем» (Светоний, цит. изд., с. 220). Об особых причинах ненависти высшего римского общества к Домициану метко писал романист Г. Буассье: «От Тиберия до Нерона Рим, так сказать, не мог передохнуть; тирания длилась непрерывно, она даже перестала поражать и с нею все свыклись. Воцарение Веспасиана изменило это настроение. Всем казалось, что тяжкие времена империи навсегда прошли, на будущее смотрели с надеждой. Снова начали привыкать к благосостоянию, к безопасности... При Веспасиане и Тите никто и не думал, что времена Тиберия или Нерона могут опять вернуться, а между тем в лице Домициана соединились оба эти тирана; он как будто нарочно взял их за образец и поставил себе целью им подражать. Такая тирания явилась тем более невыносимой, чем она была неожиданнее.

Домициана ненавидели и за совершенные им злодеяния и за разбитые надежды. Этою бешеною злобою только и можно объяснить тот безумный восторг, который охватил всех при известии о его гибели» (Буассье, цит. изд., с. 267).

Народ воспринял весть о гибели Домициана равнодушно, но армия негодовала. У солдат и центурионов однако не нашлось предводителей, которые бы повели их на месть заговорщикам и на расправу с враждебным убитому императору сенатом. Тело Домициана его кормилица Филлида предала сожжению в своей собственной усадьбе, а его прах был тайком принесен в храм Флавиев и там смешан с останками дочери Тита Юлии, вскормленной той же Филлидой.

12. Структура римского общества I столетия от Р. Х.

Римское общество представляло собой сложную и хорошо структурированную систему. По своему правовому статусу римляне и римские подданные могут быть разделены на несколько основных сословий, хотя сам термин сословие (*ordo*, таксис) применялся лишь применительно к высшим из этих разрядов — сенаторам, всадникам и декурионам. К тому же само значение этого термина существенно отличалось от того, с каким он употреблялся в России в императорскую эпоху, когда принадлежность к сословию главным образом определялась происхождением и когда к сословию главы семьи принадлежали его супруга и дети, при этом имущественный ценз на сословную принадлежность фактически не влиял, за исключением купечества. Не так в Риме: имущественный ценз имел в определении сословной принадлежности не меньшее значение, чем происхождение, а само по себе происхождение без связи с должностным положением не давало сословных преимуществ. О принадлежности к тому или иному сословию жен и несовершеннолетних детей главы семьи можно говорить лишь условно. Законная супруга дворянина в России фактически и юридически была дворянкой, но в Риме не было всадниц и сенаторш, а сын сенатора, пока его не включили в сенат, сенатором, естественно, не являлся и службу начинал обыкновенно всадником. Несмотря на большую связь сословий с имущественным цензом, чем это имело место в императорской России, это был всего лишь ценз — условие необходимое, но недостаточное для принадлежности к одному из высших сословий: в Риме были прегрины или не приобретшие

прав римского гражданина вольноотпущенники, обладавшие при этом колоссальными богатствами, многократно превосходившими сенаторский ценз.

Высшим сословием в эпоху принципата оставался сенат, в состав которого входило около тысячи сановников. Лишенный политического всемогущества, которым он обладал в эпоху олигархической республики, сенат и при принцепсах сохранил широкие юридические прерогативы, отчасти формальные, отчасти реальные. Хотя круг ближайших советников принцепса включал в себя далеко не только сенаторов, но и они входили в это избранное общество. Сенаторы по-прежнему назначались на высшие административные, военные и судебные должности, на них возлагалось управление провинциями. Имущественный ценз для сенаторов, как и в эпоху классической республики, составлял один миллион сестерциев, но в большинстве случаев сенаторы обладали значительно более крупным состоянием.

Сын сенатора начинал службу в возрасте от 18 до 20 лет в одной из комиссий, которые коллегиально ведали той или иной отраслью государственного управления, например, чеканкой монет, надзором над состоянием имперских дорог или над наказаниями осужденных преступников. Затем он вступал на военную службу в должности военного трибуна. В каждом из легионов, число которых приближалось в эту эпоху к 30, существовало по одной из 6 трибунских должностей для детей сенаторов. Прослужив в легионе 2 или 3 года, молодой человек представлял свою кандидатуру на низшую, квесторскую магистратуру, открывавшую доступ в сенат: чтобы стать сенатором, надо было успешно избраться квестором. С квесторской должности начинался сохранившийся со времен олигархической республики *cursus honorum*, который включал в себя на следующей ступени должности народных трибунов или эдилов, за этими магистратурами следовала претура, причем прохождение должностей народных трибунов и эдилов не было обязательным для сенаторов из патрициев, большую часть которых составляли тогда не выходцы из древних патрицианских фамилий, за редкими исключениями уже вымерших, а лица, возведенные в патриции принцепсами, и их потомки. За претурой следовал консулат. После краткосрочного занятия этих магистратур — в период принципата консулы сменяли друг друга по несколько раз в году — оставшие магистраты заседали в сенате со званием квесториев,

эдилитиев, трибунициев, преториев и консуляриев, назначались пропреторами или проконсулами в сенатские провинции или легатами принцепса в императорские провинции, где на них возлагалось одновременно и командование расквартированными там легионами.

Римские магистратуры исполнялись безвозмездно, но проконсулы, пропреторы и императорские легаты располагали возможностями для колоссального обогащения в провинциях. Чрез избрание в магистраты сенат открыт был для выходцев из всаднического сословия, из провинциальной знати, даже для потомков вольноотпущенников — тех, конечно, из них, кто имел права римского гражданства; выходцы из провинций и их потомки со временем составляли в сенате все большую долю, превзойдя своим числом не только потомственных римлян, но и италиков.

Занимая вершину сословной пирамиды — к числу сенаторов принадлежал и император — он ведь был принцепсом сената, его первым членом, сенат смирился с утратой былой монополии на власть, которая перешла к императором — верховным главнокомандующим вооруженными силами республики, понимая неизбежность сложившегося положения вещей, но при этом в сердцах большинства сенаторов таилась обида на унижение своего сословия, которая бурно прорывалась наружу, когда императоров свергали.

А о том, до какого раболепия не только по отношению к самим принцепсам, но и к их фаворитам, даже из числа вольноотпущенников, мог доходить сенат, причем *in cogroge*, красноречиво говорит воспроизведенный в одном из писем Плиния Младшего документ из сенатского архива, относящийся ко времени правления Клавдия. Это постановление сената, касающееся любимца принцепса Палланта. Цитируя и саркастически комментируя это постановление, Плиний писал: «Я не говорю о том, что Палланту, рабу, предлагаются преторские знаки: они предлагаются рабами; не говорю о том, что постановляют не только уговорить, но даже заставить его носить золотые кольца: несовместимо ведь с достоинством сената, чтобы бывший претор носил железные кольца... ради Палланта сенат... благодарит государя за то, что он сам сопроводил упоминание о нем почетнейшим образом и дал сенату возможность засвидетельствовать свое к нему благоволение... К этому добавлено: «дабы Паллант, коему все они признают себя предельно обязанными,

заслуженнейшим образом получил награду за свою исключительную верность и за исключительное усердие». Можно подумать, что расширены границы империи, что спасены войска республики! Следует продолжение: «для щедрости сената и римского народа не может представиться более удобного случая, чем возможность увеличить средства бескорыстнейшего и вернейшего стража императорского имущества»... Далее говорится о том, что сенату угодно было принять решение выдать ему из казны пятнадцать миллионов сестерций, и чем недоступнее душа Палланта для алчности, тем настоятельнее просить отца отечества побудить Палланта уступить сенату... Сам государь был приглашен выступить против этого горделивого бескорыстия: только бы Паллант не презрел пятнадцати миллионов! Он их презрел, потому что отвергнуть такую сумму, публично предложенную, — в этом было больше дерзости, чем в том, чтобы ее принять!» (Плиний Младший, цит. изд., с. 140–141).

Вторым сословием в период принципата оставалось всадничество, насчитывавшее при Августе около 20 тысяч человек и затем стремительно выраставшее числом, приблизившись в конце I столетия от Р.Х. к 50 тысячам. Речь идет, естественно, о самих всадниках, а не об их супругах и детях. Условием принадлежности к всадническому сословию был имущественный ценз в 400 тысяч сестерциев, а также по меньшей мере два поколения свободнорожденных предков. Второе условие не связывало принцепса, который мог возвести во всадники и вольноотпущенника, причем принцепсы часто именно это и делали со своими собственными вольноотпущенниками. Принадлежность к всадническому сословию соединяла людей разного должностного статуса и достатка: римлян, италиков и провинциалов. К этому сословию принадлежали такие разные люди как фавориты принцепсов Меценат, Сеян и Бурр, вождь восставших германцев Арминий, мрачно знаменитый Понтий Пилат и поэт Марциал или историк Светоний. В этом сословии числились столичные чиновники и судьи — из 5 тысяч присяжных судей не менее 3 тысяч принадлежало к всадникам — офицеры, занимавшие должности префектов когорт или кавалерийских ал и военных трибунов; центурионы могли удостоиться включения во всадническое сословие за заслуги при наличии двух поколений свободнорожденных предков и надлежащем имущественном цензе, либо без соблюдения этих условий по личному распоряжению

императора; всадниками были чиновники провинциальной администрации, декурионы муниципиев, а также лица, не состоявшие на государственной или муниципальной службе — землевладельцы, банкиры, владельцы торговых судов.

На положении всаднического сословия изменение государственного строя — установление принципата сказалось самым благоприятным образом. Принцепсы назначали правителями императорских провинций не только сенаторов, но и всадников, при этом они имели должность префектов, а в сенатские провинции принцепсы для управления своими личными имениями, сальтусами, посылали прокураторов, которые заодно осуществляли надзор над управлявшими этими провинциями проконсулами и пропреторами. Исключительно всадники могли занимать такие важнейшие посты в империи как префект Египта, префект вигилы (начальник противопожарной стражи в Риме), префект анноны, отвечавший за снабжение Рима хлебом, *prefectus classis* — командующий военно-морским флотом, префект претория — своего рода командующий гвардейского корпуса и начальник дворцовой стражи — лицо, пользовавшееся уже по должности самым большим доверием принцепса, потому что от него зависела его личная безопасность. Известно, каким огромным влиянием располагали до поры до времени такие префекты претория как Сеян при Тиберии и Бурр и Тигеллин при Нероне. А вот Меценат был ближайшим советником Августа, не занимая никакого важного государственного поста и не желая переходить из своего наследственного всаднического сословия в высшее сенаторское, хотя своим колоссальным состоянием он, возможно, в сотни раз превышал сенаторский ценз.

Всадники имели такие регалии как *angustus clavus* — пурпуровую кайму на тунике и *anulus aureus* — золотое кольцо, а также право занимать почетные места в театре и амфитеатре. 6 тысяч всадников в качестве отличия получали от императора *equus publicus* — коня за общественный счет, другие всадники приобретали коня, если он им был нужен, на свои средства, а первоначально сама принадлежность к всадническому цензу предполагала наличие средств, достаточных для приобретения и содержания боевого коня с амуницией. Занятие некоторых всаднических должностей приносило немалый доход: так, военный трибун имел годовое содержание размером в 50 тысяч

сестерциев — примерно 3 миллиона современных рублей или 100 тысяч долларов. В отличие от сенаторов, всадники и в эпоху принципата не приобрели такой привилегии, как доступ к высшим жреческим чинам, таким как *pontifex maximus*, авгур, фламмин Юпитера или Марса, довольствуясь саном *pontifex minor* или принадлежностью к коллегии луперков или гаруспиков.

Весьма условно можно выделить такой разряд населения Римской империи как муниципальную аристократию, что приблизительно совпадало со званием декурионов. В империи в I столетии от Р.Х. насчитывалось примерно 1200 городов. Значительное большинство из них представляло собой относительно небольшие поселения, в которых проживало менее 5 тысяч человек, но среди них, помимо мегаполисов Рима и Александрии, были и другие по настоящему крупные города с численностью населения, превышавшей 100 тысяч человек: Капуя, Остия, Путеолы и Аквилея в Италии, Лугдун в Галлии, Тарракон в Испании, Карфаген в Африке, Коринф в Элладе, Эфес в Азии, Антиохия в Сирии. Для своего времени крупными, а по меркам позднейшего европейского средневековья гигантскими городами были также Верона, Мутина, Помпеи в Италии, Сиракузы, Панорм и Мессана в Сицилии, Кордуба, Эмерита и Астурика в Испании, Массилия, Нарбон, Немаус, Арелат в Галлии, Августа Треверов (Трир), Колония Агриппина (Кельн), Аргенторат (Страсбург) в Германии, Лондиний и Эбурак (Йорк) в Британии, Пола в Истрии, Салона в Далмации, Эмона в Паннонии, Фессалоника в Македонии, Византий и Филиппополь во Фракии, Афины и Родос в Элладе, Смирна, Милет, Пергам и Сарды в Азии, Никея и Никомидия в Вифинии, Синопа в Понте, Анкира в Галатии, Херсонес и Пантикапея в Тавриде, Тарс в Киликии, Тир, Сидон, Берит и Дамаск в Сирии, Иерусалим в Палестине, Петра и Бостра в Аравии, Селевкия в пограничье с Парфией, Гадрумет и Цирта в Африке, Кирена в Киренаике.

Город составлял административную единицу — муниципию, в состав которой, помимо собственно города, входила и его округа с пригородами, селами и деревнями, своего рода уезд, подобно тому как устроены были древние греческие полисы, с тем только отличием что полисы обладали суверенитетом, а муниципии Римской империи были его лишены, сохраняя однако известную автономию, мера которой могла быть разной. В этом отношении различались колонии, муниципии латинского или

италийского права, союзные государства — *civitates foederata*, города и государства, не включенные в римские провинции, но находящиеся под защитой римского оружия, вроде Пальмиры или городов Тавриды и Северного Причерноморья.

По характеристике М. И. Ростовцева, «Римская империя представляла собой союз городов — греческих, италийских и провинциальных, причем последние населяли более или менее эллинизированные или романизированные жители данной провинции. Каждому городу принадлежала большая или меньшая по величине часть прилегающей области, которую мы называем его территорией. Эта территория представляла собой либо старую территорию бывших греческих или италийских городов-государств, либо, как это имело место в провинциях, землю, отведенную римским или латинским колониям, или городам, в которых жило местное население» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 1, с. 135), при этом, продолжает историк, «разница между Римской империей и современными государствами подобного типа состоит в том, что центральное правительство империи не избиралось и не контролировалось образованиями, входившими в ее состав. Центральному правительству надлежало контролировать и руководить деятельностью городского самоуправления, а вовсе не быть объектом контроля и руководства со стороны муниципий» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 1, с. 137).

Политическими правами в муниципии пользовались лишь ее граждане, относительно небольшая часть которых имела также и римское гражданство. Граждане муниципии проживали в основном в самом городе, составляя относительно малую часть всего свободного населения муниципии. Большинство сельских жителей, крестьян (*pagani*), не имело политических прав и в своей муниципии и таким образом от муниципального самоуправления было устранено. Органами управления муниципии были комиции, или народные собрания, курия (своего рода местный сенат), и магистраты. Комиция, к которой принадлежали все граждане муниципии, избирала магистратов и утверждала декреты курии. Декурионами, или по-другому куриалами и назывались члены местных курий, в большинстве городов насчитывавших по 100 декурионов. Из их числа избирались магистраты: два дуумвира, по своим функциям соответствовавшие римским консулам, по два эдила и по два квестора. Каждые пять

лет дуумвиры производили ценз, уточняя число граждан муниципии и внося ревизию в список декурионов.

Декурионы не составляли единого для всей империи сословия. Они представляли собой сословие, *ordo*, внутри своей муниципии, аналогичное сенаторскому в Риме, причем лишь часть декурионов имела римское гражданство. «Суммарное число этой группы, — по выкладкам К. Криста, — для более тысячи городов империи оценивается в 150 тысяч лиц. В одной только римской Северной Африке, по вычислениям Р. Дункана-Джонса, насчитывалось 25 тысяч декурионов, что составляет приблизительно 2% взрослых мужчин. Но как раз положение дел в Северной Африке характеризуется значительными различиями в хозяйственном статусе, профессиональной деятельности, размерах состояния, уровне образования, социальном престиже членов городского совета, с одной стороны, такого большого города как Карфаген, а с другой, — маленьких горных или оазисных городков. Если в Карфагене состояние члена городского совета не могло быть ниже 100 000 сестерциев, то для включения в локальный *ordo* малых городов достаточно было и 20 000. Но это была сумма, которая по надрегиональным или римским городским масштабам была показателем принадлежности даного гражданина к низшим слоям населения» (К. Christ, cit. op., s. 385–386). Однако верхушка провинциальной знати, особенно из латиноязычных западных городов, служила важнейшим резервуаром для пополнения корпуса всадников и даже представляла кандидатов для назначения в сенат на часто образовавшиеся там в результате репрессивной политики таких императоров как Калигула, Нерон и Домициан вакансии.

Непременными условиями для приобретения статуса декуриона, или *ius honorum* было гражданство соответствующего города, свободнорожденность, занятие одной из городских магистратур, имущественный ценз, который в каждой муниципии был своим, а также возрастной ценз — не моложе 25 лет. Кроме того, в чин декурионов не допускались лица, занимавшиеся ранее предосудительными профессиями: ланисты, содержатели лупанариев, а также те, кто запятнал себя преступлениями или изгнанием из армии. В числе декурионов могли быть и римские всадники, в то же время в провинциальных городах, в отличие от италийских, в состав городских советов избирались даже те, кто не имел римского гражданства.

В муниципиях образовывались профессиональные и религиозные коллегии, связанные с местными культурами, в состав которых должно было входить не меньше трех лиц. Существовал такой принцип: *tres faciunt collegium* — трое составляют коллегию. Такая коллегия, если она была разрешена властью — *collegium licitum*, приобретала права юридического лица. В противном случае *collegium illicitum* преследовалась как преступная гетерия. Одним из обвинений, которое выдвигалось против христиан, заключалось в том, что их общины — это недозволенные коллегии (*collegia illicita*). В то же время христианские общины могли легально существовать под прикрытием погребальных коллегий (*collegia funeraria*), которые имели важную для христиан льготу — действовать без присутствия в них представителей власти, назначаемых в большинство коллегий для контроля за их деятельностью.

Среди дозволенных коллегий особым статусом пользовалась жреческая коллегия августалов. Провинциалы, не имевшие прав римского гражданства, не имели права входить в жреческие коллегии Рима — понтификов, авгуров, фециалов, луперков. Муниципиям было однако предоставлено право образовывать коллегию для служения обожевленному Августу. Ежегодно курии образовывали коллегии августалов из шести лиц. По прошествии года состав коллегии менялся, но бывшие ее члены сохраняли звание августалов пожизненно, в некоторых случаях права августалов предоставлялись и помимо участия в такой коллегии. Августалы имели ряд привилегий, которые ставили их по отношению к декурионам в положение, до известной степени аналогичное тому, какое занимали римские всадники по отношению к сенаторам.

Сенаторы, всадники, декурионы, а также находившиеся на службе легионеры и ветераны именовались *honestiores*, что приблизительно можно отождествить с новоевропейским понятием благородные, остальные, и граждане и peregrini, считались *humiliores*. К ним прилагалось также старинное наименование плебеи, которое некогда употреблялось как антоним понятия «патриции», это не значит, конечно, что *honestiores* были то же что патриции. Прирожденные римские патриции в эпоху принципата вымерли почти без остатка, а удостоенные принципсами этого звания сановники составляли узкий круг аристократии в высшем сенаторском сословии, так что представляли собой каплю в море *honestiores*.

Число римских граждан (*cives Romani*) в эпоху принципата росло за счет провинциалов и вольноотпущенников, причем этот рост начался еще в диктатуру Цезаря, был приторможен при Августе и Тиберии, но затем возобновился. В Риме гражданство легко приобретали поселившиеся там постоянно перекрины и вольноотпущенники, так что значительную часть населения столицы составляли уже потомки не древнеримского городского или сельского плебса *plebs urbana* и *rustica*, но провинциалов. Правами римского гражданства обладали также граждане италийских городов и колоний, легионеры и ветераны вспомогательных войск. Если в Риме и Италии обладание правами римского гражданства не обозначало принадлежности к состоятельному классу, то для провинциалов приобретение римского гражданства служило исключительно желанной и трудно достижимой целью, и почти во всех случаях являлось признаком принадлежности к привилегированному меньшинству, — как уже было сказано, далеко не все декурионы обладали римским гражданством. Воины, служившие во вспомогательных войсках, включая и центурионов, если они не имели римского гражданства до призыва, могли рассчитывать на получение его лишь с выходом в отставку. В иных случаях провинциалы приобретали его чрез более или менее криминальную покупку, где в качестве продавца выступала провинциальная администрация.

В этом отношении характерен помещенный в Апостольских Деяниях диалог между тысяченачальником Клавдием Лисием и апостолом Павлом: «Когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда? Услышав это сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? Этот человек — римский гражданин. Тогда тысяченачальник, подошел к нему, сказал: скажи мне, ты римский гражданин? Он сказал: да. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его, а тысяченачальник, узнав, что он римский гражданин, испугался, что связал его» (Деян 22, 25–29). Римские граждане, где бы они ни находились, как и в эпоху сенатской республики, могли требовать для себя суда перед римскими магистратами с правом апеллировать к римскому народу, что значило тогда — к императору. Граждан не подвергали телесным наказаниям, за исключением

тех из них, кто находился под империем — в войсках. Их не пытали при проведении расследования, правда, в эпоху принципата, любой гражданин, даже сенатор, мог подвергнуться пыткам, если его обвиняли в оскорблении величия римского народа, персонифицируемого в особе принцепса.

Для полунищего и нищего римского плебса гражданство представляло ценность, поскольку оно служило основанием для получения льгот. В столице империи гражданам раздавали дешевый или вовсе бесплатный хлеб, который для пролетариата служил главным источником существования, а также иногда денежные подарки. Римляне исключительно высоко ценили принадлежавшее им право на бесплатное приобретение тессеров — своего рода контрмарок на посещение цирка, театра, и главное, амфитеатра с его захватывающими дух кровавыми поединками гладиаторов и боем зверей.

Где бы ни жили римские граждане, хотя бы на дальних границах империи, и каково бы ни было их место рождения, они все приписаны были к одной из тех городских или сельских римских триб, учреждение которых предание усваивает царю Сервию Туллию. И обозначение этих триб часто встречается на надгробиях римлян, живших и умерших в эпоху принципата. Общее число римских граждан составляло в 13 г. от Р. X., когда был проведен ценз, около 4-х миллионов. Можно предположить, что со времени Августа до конца правления Домициана оно выросло на один миллион, что с учетом их жен и несовершеннолетних детей даст 13 миллионов человек — приблизительно одну шестую всего населения империи. Две трети римских граждан проживало в Италии.

Но и римских граждан, равно как и рабов, многократно превосходили числом перегрины, или свободные провинциалы, составлявшие значительное большинство населения империи. Эти перегрины представляли собой пестрый конгломерат народов, разных культурных миров, разного социального положения, как тех, кто проживал на своей исторической родине, так и переселенцев в другие провинции, в Италию и Рим.

Наиболее существенное различие в этом многоязыком море определялось принадлежностью к кочевым, полукочевым или оседлым племенам: бедуинам Нумидии или Аравии, не вовлеченным в процесс романизации бритам, с одной стороны, или к культурным народам Египта, Сирии, Проконсульской Африки,

к романизированным иберам или галлам, к элинам или гражданам эллинизированных городов Востока. Права и обязанности перегринов вытекали из этой их культурной принадлежности, которая отражалась юридически в наличии или отсутствии у них гражданства в муниципиях римского или латинского права, колониях или союзных полисах — *civitas foederata*, в подданстве династам, которые провозглашались союзниками римского народа, подобным четвертовластникам Иудеи.

У самого низа сословной иерархии римского общества, но далеко не всегда на социальном дне находились вольноотпущенники, или либертины; вчерашние рабы, они весьма нередко, подобно Тримальхиону из Петрониева «Сатирикона», своими богатствами могли поспорить с самыми состоятельными магнатами из числа сенаторов. Либертинами они являлись по факту рождения в неволе или временного пребывания в рабском состоянии, поступая после освобождения в клиентулу своего прежнего господина, в его фамилию. Часто путь на свободу для них лежал через ее выкуп, что уже само по себе предполагало умение добывать деньги, которое после освобождения могло буйно развиваться. Но рабов освобождали и по иным причинам и поводам — в благодарность за верную службу, из гуманных соображений, больных и стариков — чтобы избавиться от бремени их убыточного содержания. Обещание даровать свободу подстегивало рабов к особенно усердной службе господину. Для невольниц освобождение от рабства было своего рода благодарностью за интимные услуги, нередко подобного вознаграждения удостоивались юные красавцы мужского пола. В эпоху принцепата большая часть рабов, еще чаще рабынь, получала свободу до смерти и таким образом завершала жизнь на воле.

Либертины, а не только их потомки, нередко приобретали римское гражданство, а затем, по воле принцепса, могли быть включены в сословие всадников, вопреки общему правилу, требовавшему двух поколений свободнорожденных предков, и даже, в уже относительно редких случаях, удостоивались сенаторского звания. Но большая часть разбогатевших вольноотпущенников занималась торговлей, банковским делом, содержанием ремесленных мастерских — *officina*.

Особую касту составляли вольноотпущенники принцепсов. Включенные в фамилию императоров, они стояли рядом с их родственниками, принадлежавшими к дому цезарей. Своей

властью и влиянием подобные вольноотпущенники превосходили большинство сенаторов. Участвуя в перипетиях дворцовых и правительственных интриг, они нередко теряли голову, особенно после смерти или свержения того принцепса, клиентами которого они становились после того, как он даровал им свободу и приближал к своей особе.

Около трети населения Римской империи при Августе составляли рабы, несколько большую долю они имели среди жителей Рима и Италии. В эпоху гражданских войн рост числа невольников достиг апогея, и затем в период принципата доля рабов в населении как всей империи, так и ее столицы стала снижаться, главным образом, не потому, что иссяк источник их поступления, а он действительно сократился к концу столетия, но в результате расширения практики манумиссии — освобождения на волю. Рабы могли принадлежать римским гражданам и перегринам, вольноотпущенникам и даже другим рабам, существовал также институт государственных рабов. Особую категорию невольников составляли рабы из фамилии принцепса, среди которых встречались люди богатые и влиятельные.

Немецкий историк Г. Крейссиг вполне резонно писал, что раб — это понятие юридическое, а не социальное, суть его в том, что «человек является собственностью другого человека или юридического лица, не меньше, но и не больше того. Оно ничего не говорит о его месте в системе производственных отношений, ничего о его социальном положении, о его образовании, о его влиянии, его имуществе. Мы находим среди рабов сельскохозяйственных рабочих, преступников, приговоренных к рудникам, хозяев ремесленных предприятий, которые ведут дела за свой собственный счет, вышколенную прислугу в домах богатых граждан, полицейских, носильщиков щитов легионеров, проституток и влиятельных гетер, учителей, врачей, императорских советников и писцов, банкиров, владельцев имений, собственников рабов. Никто не станет всерьез утверждать, что все эти рабы принадлежат к группе людей с одинаковым местом в общественном производстве, с одинаковым отношением к средствам производства, с одинаковой ролью в общественной организации труда, с одинаковой долей в общественном богатстве, следовательно, составляют один класс. То же самое относится соответственно к рабовладельцам. Собственниками рабов могут быть императоры, сановники, граждане, крестьяне,

солдаты, это могут быть крупные землевладельцы, мелкие собственники, зависимые арендаторы, а также банкиры, владельцы эргастериев, мелкие ремесленники и даже рабы. Очевидно поэтому, что было бы неправильно главное противоречие античного общества сводить к противоречию между рабами и рабовладельцами» (Kreissig H. *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich*. Berlin, 1978, s. 8).

Положение рабов в эпоху принципата очевидным образом улучшается. Император Клавдий, по рассказу Светония, принял меры против тех господ, которые, «не желая тратиться на лечение больных и истощенных рабов, выбрасывали их на Эскулапов остров... этих выброшенных рабов он объявил свободными: если они выздоравливали, то не должны были возвращаться к хозяину, а если хозяин хотел лучше убить их, чем выбросить, то он подлежал обвинению в убийстве» (Светоний, цит. изд., с. 139). Этим эдиктом впервые в римском праве вводилась защита жизни невольника применением уголовного наказания по отношению к виновному в его смерти рабовладельцу. При Нероне было запрещено в частном порядке отправлять рабов на арену для борьбы со зверями. С этих пор *ad bestias* раб мог отправиться только по судебному приговору магистрата в наказание за содеянное преступление.

13. Экономика Римской империи эпохи раннего принципата

I столетие от Р.Х. явилось периодом экономического роста, пришедшего на смену кризису, вызванного потрясениями затянувшейся на столетие чреды гражданских войн. М. И. Ростовцев, характеризуя век Августа, писал: «Повсюду в империи начался блистательный подъем экономики. Казалось, словно вернулись лучшие времена эллинизма, правда, с единственным отличием: теперь вместо многочисленных соперничающих друг с другом самостоятельных государств, которые истощали свои ресурсы ради политических целей, весь культурный мир представлял собой единое большое государство, охватывающее все царства эллинистического мира. Соперничающие друг с другом государства ушли со сцены, оставив лишь чисто экономическую конкуренцию, которая развернулась в свободных условиях, не ограничиваемых препятствиями политического характера» (Ростовцев. *Общество и хозяйство в Римской империи*, т. 2, с. 67).

Ростовцев позитивно оценивает невмешательство государства в хозяйственную жизнь империи, то обстоятельство, что его участие в ней ограничивалось взиманием налогов, причем щадящих: «В эту экономическую конкуренцию не вмешивалось ни римское государство, ни римский император, предоставив экономике развиваться по ее собственным законам. Единственное ограничение торговли составляли пошлины, взимаемые на границах каждой провинции, но и они были не очень велики. Какой величины налог взимался государством с промышленности и сельского хозяйства, нам неизвестно... однако растущее благосостояние италийских и провинциальных городов доказывает, что это налогообложение было не настолько высоким, чтобы стать препятствием для развития частного предпринимательства и экономической деятельности» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 67–68).

Экономика эпохи Августа и последующего за ней периода носила смешанный характер. При этом если роль государственной казны, эрария, в качестве собственника государственного имущества, и прежде всего публичного земельного фонда (*ager publicus*), в основном раздававшегося в аренду, была существенно потеснена, то рядом с нею и за ее счет вырос в качестве крупнейшего собственника фиск — казна принцепса, юридически частного собственника, но фактически это была квазигосударственная собственность, в которую включалась, например, большая часть исключительно продуктивной земли Египта, крупные салтусы — так назывались земельные владения принцепсов — в Африке, на Сицилии, в Испании. Доходы от этого состояния лишь в малой части использовались на содержание дома и фамилии принцепса, но главным образом на общественные цели — финансирование военных расходов, строительство дорог, сооружение храмов, форумов, цирков, театров, одеонов и амфитеатров, не только в Риме, но и в других городах империи, на аннону — снабжение населения Рима хлебом, обеспечение бесплатных развлечений для римского пролетариата.

Одним из своеобразных средств пополнения императорского состояния были делавшиеся в его пользу завещания; к такой практике прибегали не только бездетные завещатели, число которых в Риме было огромным, но и те, кто, выделяя часть наследства принцепсу, тем самым пытался уберечь от конфискации имущества и смертного приговора других своих наследников.

Подобные завещания в тех же целях делались обыкновенно и теми, против кого выносился смертный приговор, со слабой надеждой, что подобная предусмотрительность уберезет сына, дочь или жену от обвинения в соучастии в преступлении отца.

А рядом с государственной собственностью и колоссальным состоянием императора, которое находилось под управлением всадников, а также вольноотпущенников и рабов из фамилии принцепса, участниками экономической жизни были могущественные магнаты. При Августе заметную долю среди них все еще составляли потомки старинной знати; и принцепс, не без ностальгии относившийся к славным римским древностям, живыми символами которых оставались носители громких старинных имен, оказывал им подчас щедрую помощь. Но уже в его правление старинная знать в экономической жизни империи была потеснена новыми магнатами — членами семьи императора, такими как породнившийся с Августом его друг и зять Агриппа или не пожелавший войти в сенат его фаворит и советник Меценат. При преемниках Августа среди крупнейших собственников Рима уже не встречаются носители старинных фамилий, вконец истребленных в результате заостренной против сенатской оппозиции террористической политики Калигулы и Нерона, за исключением самих Клавдиев. При Тиберии, Клавдии и Нероне колоссальными богатствами владели вольноотпущенник Паллант, провинциал Сенека, всадники Сеян, Бурр и Тигелин.

Ступеней ниже этих магнатов, состояние которых составляло сотни миллионов сестерциев, приближаясь к богатству современных миллиардеров, стояла крупная и относительно многочисленная средняя буржуазия, принадлежавшая к разным сословиям: сенаторскому и всадническому, к италийским и провинциальным декурионам, среди нее значительную долю составляли вольноотпущенники и в качестве своего рода курьеза, хотя и не особенно редкого, даже рабы частных лиц, не выкупившиеся еще на волю, не говоря уже о подчас исключительно могущественных и богатых рабах императора, управлявших латифундиями принцепса, а заодно и своими имениями, владение которыми, однако, носило характер пекулия — полной собственностью своего владельца ввиду его рабского состояния они быть не могли, но в реальности владельческие права императорского раба были защищены ничуть не меньше, чем собственность любого

полноправного гражданина и даже сенатора, который часто жил под Дамокловым мечом императорской подозрительности. Буржуазный класс составляли купцы, собственники банков, латифундий, серебряных или оловянных рудников, торговых судов, промышленных предприятий — эргастериев в грекоязычном мире, или на латинском западе — *officina*, иногда с превышавшим сотню человек штатом работников из рабов или свободных наемников. Ниже стояли ремесленники, владевшие мастерскими, в которых они работали лично, либо вместе с младшими членами семьи, несколькими нанятыми работниками или рабами, — красильщики (*tinctores*), портные (*vestiarii*), зеркальщики (*specularii*), краснодеревщики (*citarii*), булочники (*pistores*), кондитеры (*pastillarii*), мелкие торговцы, владельцы трактиров (*thermopolae*), постоянных дворов (*caupones*), лупанариев.

К этой же социальной страте принадлежали и мелкие землевладельцы — сохранившиеся еще, в основном за пределами Италии и Эллады, крестьяне, и наделенные мелкими земельными участками ветераны. Несмотря на относительно высокий уровень урбанизации, земледелие и скотоводство в эпоху принципата оставались основными отраслями хозяйства и в империи в целом и даже в Италии, Элладе, Африке, Анатолии, Испании с их крупными городскими центрами.

В земледелии I столетия от Р.Х. применялись некоторые ранее неизвестные технические новшества. Так, из «Естественной истории» Плиния Старшего известно об изобретенном в Реции колесном плуге; с изрядным удивлением описывает Плиний сконструированную в Галлии и неизвестную в Италии машину — жнейку: «В крупных поместьях Галлии по посевам провозят очень большие ящики со вставленными по краю зубцами на двух колесах при помощи подъяремного скота, запрягаемого сзади: обрываемые колосья падают таким образом в ящик» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 665).

В этот период сельское хозяйство процветало в Галлии, Испании, Северной Африке, а в самом сердце империи, в Италии, оно переживало кризис. У него были разные причины: почти полное исчезновение старинного италийского крестьянства в результате, с одной стороны, распространения крупного землевладения латифундистов, а с другой, — неспособности новых мелких крестьян — посаженных на землю ветеранов — полюбить крестьянский труд и усвоить веками наработанные

традиционные навыки его, так что ветераны предпочитали сдавать свои участки в аренду.

М. И. Ростовцев главную причину кризиса сельского хозяйства Италии нашел в конкуренции с самыми доходными статьями ее продукции — вином и оливковым маслом — со стороны провинций, где эти выгодные отрасли укоренились и стремительно развились после включения этих провинций в Римскую империю. Виноградарство процветало в Испании и особенно на юге Галлии, что приводило к «неуклонному ухудшению возможностей сбыта... Самыми пострадавшими оказались Средняя Италия и Кампания. Для Северной Италии, для которой еще оставался открытым приобретающий все большее значение рынок дунайских земель, эти перемены были не так чувствительны, как для центральных и южных областей полуострова. Производство вина стало время от времени превышать возможности спроса» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 103). В результате мелкие и средние хозяйства Италии разорялись, и их земля переходила к крупным латифундистам, а те в свою очередь заменяли высокотехнологичное виноградарство, сталкивавшееся с проблемой сбыта, на традиционное пашенное хозяйство — потребность в хлебе Рима с его населением, перевалившим за миллион человек, и других крупных городов Италии была неисчерпаемой. Уже давно с удовлетворением спроса Рима на хлеб одна Италия не справлялась, но доставка зерна из Египта, Сицилии, Африки сопряжена была с рисками и включала значительные расходы на его подвоз.

Крупные землевладельцы Италии предпочитали сдавать свои поместья в аренду колонам. О том, как велось хозяйство на рабовладельческой латифундии, выразительно писал лучший знаток этой темы Колумелла: «Рабы дают за деньги господский скот для работы на стороне, пасут и рабочий и остальной скот плохо, дурно пашут землю; показывают при посеве гораздо больший против настоящего расход семян; они не заботятся о том, чтобы семена, брошенные в землю, дали богатый урожай; а свезя его на гумно, они даже уменьшают его количество во время молотбы либо утайкой его части, либо небрежной работой. Ибо они и сами крадут зерно, и от других воров плохо его оберегают. Наконец, при уборке зерна в амбар они неправильно показывают его количество в счетной записи. Таким образом, как управляющий, так и рабы мошенничают,

а поле приходит в негодное состояние» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 682–683).

Выход Колумелла видит один: «Такое имение, которое лишено частого присутствия владельца, необходимо сдавать в аренду» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 683). К арендаторам колонам, по рекомендации Колумеллы, владелец должен относиться заботливо, и при необходимости, являть им снисхождение: он «должен идти им навстречу в их нуждах; он должен быть более требовательным к их работе, нежели к платежам... Господин не должен слишком настаивать на своем праве и обязательствах, наложенных на колона, как, например, на точном соблюдении сроков платежей, доставке дров и прочих мелких обязанностях» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 683). Соглашаясь с мнением на сей счет крупного землевладельца консулярия Луция Волузия, Колумелла писал: «То поместье находится в самых счастливых условиях, при котором имеются колонны, издавна живущие в этой местности, как бы по наследству перешедшие к владельцу и связанные с ним близкими отношениями с самого рождения» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 683), иными словами, наследственные арендаторы и вероятные потомки прежде трудившихся на той же земле крестьян-землевладельцев.

Аренда стала основным способом ведения хозяйства и в Египте, обращенном в главную житницу Рима. Лучшие земли по берегам Нила со времен Августа стали императорским салътусом. Туземные феллахи арендовали землю у императора, получая в качестве оплаты за труд часть урожая, который они выращивали на арендуемых ими крошечных участках исключительно урожайной земли. Август позаботился о повышении урожайности берегов Нила ремонтом запущенной ранее ирригационной системы.

В Проконсульской Африке, на земле древнего Карфагена, в первой половине I столетия от Р.Х. большая часть обрабатываемой земли принадлежала шестерым магнатам, но все они были казнены Нероном, и их владения стали императорскими салътусами. Часть этой земли обрабатывалась с этих пор императорскими рабами, но в основном она сдавалась в аренду местным крестьянам, которые, в отличие от африканских горожан, не подверглись латинизации, сохранили финикийский язык и называли себя хананеями. Исконные же автохтоны Африки, Нумидии и Мавритании, говорившие на берберских языках, вели кочевой

и полукочевой образ жизни, выращивали верблюдов и ослов, коней и буйволов, овец и коз. Мясо и сыр, которые производились в их хозяйстве, экспортировались из страны и поступали на стол состоятельных римлян. Продукты животноводства везли в Рим отовсюду, но особенно из дальней периферии империи, с территорий не муниципий, но племен, где скотоводство представляло собой главную отрасль хозяйства — из северной Галлии, Британии, Панонии, Аравии.

Экономический расцвет I столетия от Р. Х. с особенной очевидностью обнаружил себя в ремесленном производстве, в промышленности, где он сопровождался техническими инновациями. Самые впечатляющие из них относятся к строительной индустрии. В Риме и других городах империи налажено было массовое стандартизированное производство строительных материалов: обожженного кирпича, черепицы, керамических труб. Римский кирпич имел плоскую квадратную форму, в отдельных случаях использовались кирпичи треугольного вида. Размеры кирпичей зависели от вида строений, при сооружении которых они использовались.

В конструкции бань и терм использовалась сложная система водопроводных керамических труб и гипокаустов — каналов, по которым горячий воздух из топки распространялся между двумя уровнями пола, в разной мере обогревая помещения, под которыми он циркулировал: горячий кальдарий и теплый тепидарий. Подобная система применялась не только в Риме, но и в других городах Италии и провинций — она хорошо изучена по сохранившимся руинам Помпей и Геркуланума.

Сложные технические конструкции применялись в горнорудной промышленности. В рудниках Испании использовался водоотливный Архимедов винт, с помощью которого откачивалась вода из штолен и отводились подземные потоки. В штреках устраивалось деревянное крепление, использовались механические приспособления для подъема добытой руды из шахты. В «Естественной истории» Плиния Старшего помещено впечатляющее описание техники добычи золота: «При свете ламп подрывают горы, и в них на большом расстоянии устраивают штольни... Во избежание обвалов во многих местах ставят своды, поддерживающие гору. Встречающиеся твердые скалы преодолевают огнем и кислотами, или же чаще прорубают, так как от жары и дыма задыхаются рабочие; случается, что отсекают куски весом

в 150 фунтов. Рабочие день и ночь на плечах выносят эти куски и в темноте передают их друг другу. Свет видят только те, которые работают в верхних рядах... По окончании работ столбы сводов подрубают начиная с внутренних. Гора начинает проваливаться... Осевшая гора падает с таким треском, который человеку трудно даже себе представить» (цит. по: Античная цивилизация, с. 173). Затем из добытой породы выплавлялось золото. При этом, по словам Плиния, «плавильники делаются из белой глиноподобной породы земли, так как никакая другая земля не может устоять перед напором воздуха, огня и раскаленного металла» (цит. по: Античная цивилизация, с. 173).

Труд в рудниках был изнурительно тяжелым и сопряженным с опасностью для жизни. Поэтому, в отличие от европейского пролетариата XIX века, вынужденного по нужде наниматься в рудники и шахты, в более благополучном римском обществе среди свободных людей мало находилось охотников до столь каторжных средств заработка, так что по большей части в рудниках заняты были государственные или частновладельческие рабы, осужденные преступники. *Ad metallas* (на рудники) было одной из формул приговора против государственных преступников, в том числе и против христиан.

В I столетии от Р.Х. в Италии, а потом и в западных провинциях стали строить водяные мельницы, впервые сконструированные в предшествующем веке в Малой Азии во владениях Митридата Великого. Новацией в кузнечном деле стало изобретение гвоздильной доски и усовершенствование мехов. При обработке металла начали применять токарный станок, который ранее употреблялся лишь в столярных работах. В римской Сирии стеклоделы сконструировали выдувную трубку, которая открыла возможность относительно дешевого и массового изготовления стеклянных сосудов. Уже в I столетии это изобретение было занесено в Италию и Рим. Изобретение бесцветного прозрачного стекла открыло путь к производству оконных стекол, получившему широкое распространение в Италии, а затем и в западных провинциях. В Галлии был изобретен сплав меди с цинком — латунь и выработана технология лужения металлической посуды оловом. В ткацком ремесле применялся пресс, детальное изображение которого сохранилось на одной из фресок в Помпеях, а при раскопках в Геркулануме найден пролежавший без малого два тысячелетия под лавой деревянный пресс.

Под прессом изготовленная ткань получала свою окончательную отделку.

Характерная черта организации труда в промышленных мастерских — его разделение на специализированные процессы, которые выполняли отдельные рабочие, что резко повышало производительность труда в сравнении с ремесленным изготовлением целого изделия одним мастером, хотя, конечно, делало труд утомительным и безрадостным. Разделение труда зашло так далеко, что иногда детали одного и того же изделия изготавливались в разных городах и провинциях. Так, по словам С. И. Ковалева, «металлические инкрустации для мебели, изготавливаемой в Помпеях, доставлялись из Капуи; изящные ножки для кушеток, на которых возлежали во время еды, привозили с Делоса. Канделябры составлялись из двух частей: нижняя производилась в Таренте, а верхняя — в Эгине» (Ковалев, цит. изд., с. 666). Часто в одном здании с мастерской располагалась лавка — таверна, где продавались производимые в мастерской изделия.

Наиболее развитыми промышленными регионами Италии в I веке были Кампания, Этрурия и город Аквилея, расположенный к северу от устья Падуса. В городах Кампании — Капуе, Помпеях, ПUTEОЛАХ, Таренте — производили превосходные изделия из стекла, бронзовые и серебряные сосуды, золотые ювелирные украшения, шерстяные ткани, в этрусском Арреции — глазурованную красную керамику, а Аквилея, как пишет М. И. Ростовцев, «из города виноградарей и купцов постепенно превратилась в один из главных промышленных центров. В городском музее можно часами любоваться множеством оригинальных изделий из стекла, восхищаясь тонкой работой их мастеров; особенно хороши имитации резных камней и камей, а также кубки различной формы, многочисленные предметы из янтаря и железные орудия, замечательные образцы бронзовой и серебряной чеканки и великое множество золотых украшений» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 79). Янтарь, из которого аквилейские мастера изготавливали ювелирные изделия и шкатулки, доставляли с Балтийского побережья, а соседние с Аквилеей провинции Норик, Реция и Далмация были богаты залежами железной и медной руды, а также серебра. Из железа в Аквилее делали земледельческие орудия и оружие.

Но Италия не была самой промышленно развитой частью Римской империи. Одним из крупнейших индустриальных центров мира являлась Александрия. В ней производились разнообразные изделия, в том числе превосходные стеклянные сосуды. В городах Малой Азии изготавливали шелковые ткани с льняной основой, из-за своей исключительной дороговизны пользовавшиеся спросом в кругу самых состоятельных людей. В Испании, богатой залежами драгоценных и цветных металлов, развивалась горнодобывающая и металлургическая промышленность. Города Галлии Лугдун и Арелат успешно конкурировали с Италией в производстве керамики, тканей и изделий из стекла. Одним из крупных центров стеклоделия стала Колония Агриппина (современный Кельн).

Экономика Рима эпохи принципата носила товарный характер. За исключением продукции мелких крестьянских хозяйств, большая часть производимого и в сельских латифундиях, и в ремесленных мастерских и в промышленных предприятиях шла на рынок — причем не только местный, но и за пределы своей муниципии, провинции, а некоторые товары — и за пределы империи. Сверхмощным насосом, втягивавшим в себя товары, производимые в империи и за ее пределами, служил мегаполис Рим. Из сельскохозяйственных регионов Италии, из Сицилии, но главным образом из Египта в столицу империи везли зерно. Не могла обеспечить себя своим хлебом и Эллада, куда он ввозился из Азии, из Фракии, из Северного Причерноморья. Оливковое масло и вино доставляли в Рим из близлежащей Кампании, из Сицилии, из материковой и островной Эллады. Из Галлии, Испании и Африки в Рим привозили мясо и сыры, рыбу — со всего Средиземноморья, экзотические породы — с берегов Красного моря, речную рыбу ввозили из поселений, расположенных по берегам Тибра в его верхнем течении, а также из Падуанской долины.

Египет поставлял в Рим, Италию и другие страны империи лен и бумагу; шерстяные ткани вывозили из городов Италии, Малой Азии и Галлии, металл — из Испании, Галлии, Британии и Каппадокии, серу, необходимую для винокурения, — из Сицилии, глазированную посуду — из Этрурии, Кампании, Галлии, металлическую — из Александрии и Капуи, стекло — из Сирии, Александрии и городов Кампании, ювелирные украшения и произведения искусства — статуи и картины — из Эллады, Ионии, Александрии, Великой Греции.

Торговые пути проходили по превосходным дорогам, которые строились за счет казны в основном в военных целях — для оперативной переброски легионов и их снабжения, но использовались и купцами. Не менее важное значение имели морские перевозки товаров. Развитие морской торговли возвышало экономическое значение портовых городов Средиземноморья, таких как Остия, Массилия, Таракона, Гадес, Карфаген, Утика, Кирена, Александрия, Тир, Сидон, Антиохия, Тарс, Эфес, Смирна, Кизик, Византий, Томы, Херсонес Таврический, Пантикапея, Родос, Пирей, Коринф, Керкира, Диррахий, Аквилея, Тарент, Брундизий, Месана, Сиракузы, Неаполь, Путеолы.

Международные торговые связи не играли столь важной роли, как внутриимперские, но существовали и они, причем масштабы внешнеторговых операций были внушительными. Так, по данным Плиния Старшего, в Индии в его время, в середине I века закупалось товаров на 55 миллионов сестерциев в год, то есть примерно на 100 миллионов долларов. Общую же стоимость экспорта из Индии, Китая и Аравии Плиний оценивает в 100 миллионов сестерциев. При этом индийские товары в Риме продавались стократно дороже, чем они закупались в самой Индии (см. Плиний Старший. Естественная История. VI, 101; XII, 84). Подобные торговые операции сопряжены были с риском как для сохранности перевозимых товаров, так и для жизни тех, кто сопровождал караваны или перевозил товар на морских судах, но какая колоссальная нажива доставалась купцам, особенно часто происходившим из вольноотпущенников!

Масштабы торговых операций с Индией существенно выросли после того, как александрийский грек Гиппал при Августе или Тиберии открыл такое атмосферное явление как муссоны — ветры, которые устойчиво в течение сезона дуют в одном направлении. Сам Гиппал, руководствуясь сделанным им открытием, благополучно проделал путь из Египта по Красному морю и затем по Индийскому океану до устья Инда и обратно, дав пример торговым мореплавателям, которые затем освоили также маршруты до Цейлона и устья Ганга.

Из Китая в Рим и другие города империи везли шелковые ткани и изделия из нефрита и фарфора, из Индии — ювелирные изделия, алмазы, рубины, пряности, мускус, тонкую ткань муслин и тигров, из Парфии — бирюзу, ювелирные изделия, леопардов, из Черной Африки — слоновые бивни, черное и красное

дерево, пряности, ладан и рабов, а также слонов и львов для амфитеатров, из Аравии — пряности, ладан, драгоценные камни и верблюдов, из Северного Причерноморья — зерно, с берегов Балтики — янтарь, из Центральной и Восточной Европы — меха, воск, пеньку и рабов. Путь в Центральную и Северную Европу вел от устья Рейна по Балтике, а затем вверх по течению рек Визургиса (Везера), Альбиса (Эльбы), или Вистулы (Вислы). По Балтике можно было также плыть к берегам Скандинавии. В Силезии и на южном берегу Швеции обнаружены клады римских монет I столетия до Р. Х. На острове Готланде найдено более 4 тысяч римских монет, правда, в большинстве своем чеканки уже II столетия.

Торговые операции нуждались в денежном капитале. Между тем, Август уничтожил откупную систему сбора прямых налогов, нанеся удар по интересам публиканов — откупщиков, которые рекрутировались в основном из всаднического сословия; на их долю остались лишь косвенные сборы в провинциях. В связи с этим в финансировании торговых операций в провинциях выросла доля капитала самих провинциалов. Особенно преуспевали имевшие в этом виде предпринимательства давние традиции финикийцы и от них же происшедшие пунийцы, а также иудеи и греки — свободнорожденные и вольноотпущенники. Их банки (трапезы, или аргентарии) появляются во всех провинциях, а также и в самой Италии, вытесняя с денежного рынка местных ростовщиков и банкиров. Ввиду острой конкуренции торговцев деньгами ссудный процент в эпоху принципата понизился в сравнении с периодом поздней республики до примерно 5. Относительная дешевизна денег способствовала развитию торговли и промышленности.

По словам М. И. Ростовцева, «оживление экономической жизни» «особенно заметно проявилось на Востоке. Достаточно беглого взгляда на руины городов и общего обзора надписей, найденных в Малой Азии и Сирии, чтобы увидеть, с какой быстротой происходил экономический рост на Востоке при Августе, а еще быстрее — при его преемниках. В западных провинциях, особенно в Галлии, Испании и Африке, также возобновилась деятельная экономическая жизнь» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 98). Несмотря на мрачные стороны правления таких тиранов как Калигула, Нерон или Домициан, замена олигархического сенатского правления на принципат оказалась

выгодной для всех стран, вошедших в состав Римской империи, и для всех сословий и страт римского общества, за исключением сенаторов, но присущее им здравомыслие умеряло пыл их реваншистских мечтаний, побуждало довольствоваться злорадными эмоциями при виде низвергаемых императоров и не предпринимать безнадежных опытов реставрации любезного их сердцам прежнего олигархического правления.

14. Религиозная жизнь и культура эпохи Клавдиев и Флавиев

Самой характерной новизной в религиозной жизни Рима эпохи принципата стало обожествление императоров. Первым был удостоен апофеоза Гай Юлий Цезарь. По постановлению сената, в большинстве своем враждебного ему, но оказавшегося под давлением цезарианца Антония, располагавшего в Риме вооруженной силой, на месте сожжения останков убитого диктатора был сооружен храм в его честь. К сонму богов был причислен после своей кончины Август, затем последовало посмертное обожествление Клавдия, Веспасиана и Тита. Правда, консекрация умерших принцепсов не ставила их в один ряд с древними божествами — с Юпитером, Юноной, Минервой, Марсом или Меркурием. Обожествленный император не именовался, подобно этим мифологическим божествам, *deus* (бог), а только *divus* — божественный.

В Элладе и в восточных провинциях, по традиции, восходящей к Александру Македонскому и эллинистическим царям, а в Египте и к самим фараонам, божеские почести воздавались и здравствующим императорам. При Августе в каждом провинциальном центре — в Эфесе, Лугдуне, Нарбонне, Таррагоне, Пергаме воздвигались храмы в честь богини Ромы (на латинском и итальянском языке название города Рим — *Roma* — слово женского рода) и Августа. Главный фламий этого культа именовался *flamen provinciale* или *sacerdos ad agram*, а по-гречески — архиеревс. Даже весьма скептический в отношении обожествления смертных Тиберий, уважительно оберегавший исконно римские религиозные традиции, ссылаясь на пример Августа, позволял в отдельных случаях устанавливать культ себе в городах Азии, но не в Италии и не в западных провинциях. На подобное прошение, адресованное ему из Дальней Испании, последовал отказ. Напротив, Калигула, как кажется, всерьез верил в свою божественность и требовал

соответствующего поклонения, из-за чего едва не разгорелась религиозная война в Иудее. Наконец, Домициан дерзнул усвоить себе титул *dominus et deus*.

Элементы религиозного культа присутствовали в официальном почитании императоров и помимо их прямого обожествления. Уже само имя Августа — от *augere* (расширяться, распространяться, возвеличиваться), усвоенное Октавиану и ставшее затем своего рода титулом принцепсов, несло в себе указание на сверхъестественные дарования. На греческий слово «*augustus*» переводится «севастос», что значит «священный». Августами называли в Риме богов, которые содействовали преуспеянию. В Риме и Италии религиозное почитание императора и принцепса соединялось с культом ларов. Во всех 265 округах, на которые был разделен Рим при Августе, устраивались алтари в честь ларов, и у каждого из таких алтарей, кроме двух лар, почести, в виде жертвоприношений, воздавались третьему лару — гению Августа. Между тем, к ларам и пенатам искони обращены были самые теплые религиозные чувства римлян и латинян. Алтари, посвященные ларам, служили местами усердных и искренних молитв римлян, особенно из простонародья; с присоединением к ларам гения Августа люди получили возможность помолиться и ему, очевидно, о благополучии принцепса.

С почитанием лар связана была вера в вездесущий божественный промысл — *pnumen*. И вот в официальное употребление вошло упоминание нумена императора. Религиозный оттенок имело и усвоение принцепсам таких атрибутов как *majestas* (величество), *felicitas* (счастье), реже — *aeternitas* (вечность). Характеристика императора как счастливого (*felix*) со временем вошла в его титул и долго сохранялась в нем в уже христианскую эпоху. Должность принцепса и звание императора унаследованы были у старой республики и вписывались в республиканскую номенклатуру, но не столько их широкие властные полномочия, сколько присутствие в почестях, оказываемых принцепсам, религиозного акцента как раз и сообщало принципату квазимонархические черты. Статуи принцепсов и их жен украшались атрибутами богов и героев: Юпитера и Геркулеса, Юноны или Минервы.

Императорский культ, горячо воспринятый поначалу римским плебсом, восторженно обожавшим Цезаря и пытавшимся усмотреть отблеск его величия в его наследниках, но со временем

утративший огонь новизны, способный зажигать человеческие души, не затрагивал самой сердцевины римской и италийской религиозности, которая относительно крепко держалась в основном в среде простого народа, не искушенного книжной премудростью. Для образованного общества традиционная римская религия утратила способность пленять сердца, и приверженность к ней в этой среде зависела от меры преданности или лояльности государству. Кому дорога была Римская республика, для кого история Рима наполнена была священными воспоминаниями, для того и римские божества служили почтенными символами исторической памяти, а людей, равнодушных к величию и славе Рима, не трогали и его религиозные святыни, и в зависимости от темперамента они относились к отечественным божествам с сарказмом, скепсисом, легкой иронией или со скукой. Более того, эпоха принципата явилась началом упадка традиционной религиозности и в народе. Праздники, посвященные богам, привлекали толпы римлян и италиков, но в основном их манили сопряженные с этими праздниками гладиаторские бои, скачки, состязания, бойкая торговля и человеческое общение.

Выдающийся французский романист Жером Каркопино, возможно, не без драматических преувеличений, но в основном верно характеризовал крах традиционной римской религиозности в эпоху принципата: «Римский пантеон, незыблемый внешне, продолжал существовать, и церемонии, которые веками отправлялись в числа, предписанные понтификами в их священном календаре, продолжали совершаться согласно обычаям предков. Но живой человеческий дух их покинул, и если даже пантеон сохранил свое священство, паствы у него больше не было. Римская религия с ее маловыразительными богами и бесцветными мифами, этими банальными измышлениями, наваянными топографией или бледными перепевами приключений, через которые прошли олимпийцы греческой эпопеи; с ее молитвами, сформулированными в духе сделки, сухими, как параграф договора; с ее незаинтересованностью в метафизике и безразличием к моральным ценностям; с обуженностью и избитостью сферы ее действия, ограниченного интересами города и политической конъюнктурой, религия эта прямо-таки душила вспышки веры своим педантическим холодом и прозаическим утилитаризмом» (Каркопино Жером. Повседневная жизнь древнего Рима. Апогей империи. М., 2008, с. 177–178).

Но высыхание источников традиционных верований, не способных уже сполна утолять религиозную жажду римлян, обернулось обострением интереса к восточным культурам. Включенность Рима в орбиту эллинистического мира открывала его воздействию культов, родиной которых были Египет, Малая Азия, Сирия, Месопотамия и Иран; жрецы и почитатели божеств этих народов, исконные или прозелиты, наводнили крупные города империи на западе и на востоке, а также ее столицу. Это были мистические и экстатические культы, потому что живой интерес у людей, отвернувшихся от отеческих богов, они возбуждали надеждой чрез приобщение к ним пережить опыт выхода за пределы обыденного существования. Сердца жаждавших религиозного опыта римлян оставались равнодушными при размышлении о доблестях, олицетворяемых отечественными божествам, их не волновали увлекательные для воображения эллинов запутанные мифические приключения блаженных и невозмутимых олимпийцев, которых понтифики отождествили с изначально лишенными мифологии и биографии римскими богами, но они обнаруживали способность загораться и сострадать, когда ближе узнавали о богах, претерпевающих страдания, умиравших и воскресавших, — Кибеле и Атисе, Митре, Исиде и Осирисе, в Риме почитавшемся под именем Сераписа.

Культ Исиды и Сераписа, проникший в Рим задолго до начала принципата, увлек особенно много адептов — людей разных сословий, разного социального положения и разного уровня образования: нобилей, всадников, вольноотпущенников, палаточников и рабов, богатых, малоимущих и нищих, ученых и простецов. И если людей образованных он манил своими приобретенными на почве синкретической эллинистической культуры универсалистскими пантеистическими чертами — интерпретируемые как божество солнца и великая мать, Исиды и Сераписа воспринимались как источник и первооснова бытия мира, защищающие, благословляющие и освящающие своих почитателей, то людей некнижных приводила в восторг восточная пышность богослужений в их честь, роскошные и экзотические одеяния их статуй. Сердца тех и других, образованных и простецов, покоряла атмосфера таинственности культа, подаваемая им надежда на воскресение и вечную жизнь, возбуждал прятный контраст аскезы и чувственной разнузданности, характеризующий всю обстановку празднеств в честь этих божественных палаточников

с берегов вполне реального, но и загадочного Нила, истоки которого были никому не ведомы, но который своими разливами питал целую страну, благосклонно дарил жизнь людям и всякой твари, а в гневе отбирал свой дар, обрекая своих недостойных почитателей на голодную смерть.

Экстатический и чувственный элемент в культе Озириса и Исиды с особой неодолимостью привлекал женские сердца, при этом нередко как простолюдинки, так и знатные матроны становились жертвой грубого обмана со стороны шарлатанов, часто из числа жрецов. Так, в 19 г. от Р.Х. получил широкую огласку скандал, в который были вовлечены жрецы Исиды, обосновавшиеся в Риме. Рассказ о нем включен в «Иудейские древности» Иосифа Флавия. Добропорядочной матроной Паулиной увлекся юный всадник Деций Мунд, но его ухаживания не увенчались успехом, не подействовало на Паулину и его обещание вознаградить ее за уступчивость щедрым подарком в 200 тысяч афинских драхм. Выход влюбленному подсказала вольноотпущенница его отца некая Ида. Она знала о том, что Паулина ревностно чтит Исиду, и обратилась к жрецам Исиды за помощью, и те за огромную сумму денег оказали содействие Децию. Старший из них навестил Паулину и сказал ей, что он пришел к ней как посланец бога Анубиса, который исполнен к ней страстью и зовет ее к себе. Простодушная матрона испросила у еще более доверчивого мужа позволения отправиться в храм Исиды, чтобы там разделить божественное ложе. После торжественной трапезы в храме жрец запер двери. «Затем были потушены огни и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиной... Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказав ему о том, как к ней явился Анубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог... На третий день после этого события она встретила с Мундом» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 219–220), который открыл ей правду, рассчитывая, очевидно, на взаимное увлечение Паулины или, по меньшей мере, на ее благоразумие. История, подобная своей фабулой на те, что можно встретить в средневековых шванках или у Боккаччо. Но ее дальнейшее развитие оказалось совсем не анекдотическим. «Паулина разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда. Муж ее немедленно сообщил обо всем императору. Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиверий приговорил

к пригвождению к кресту их и Иду ...Затем он велел разрушить храм Изида, а изображения богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 220).

Неприязнь Тиберия к распространению в Риме восточных культов обнаружилась и в суровых мерах, принятых им по отношению к иудеям, после того как было раскрыто учиненное авантюристами из их среды мошенничество, о чем также рассказал Иосиф Флавий. Четверо проживавших в Риме иудеев, которых писатель называет негодяями, убедили обращенную ими прозелитку Фульвию «послать пурпур и золото в Иерусалимский Храм, и когда та сдала им это, то они присвоили его себе... Тиверий, которому по желанию Фульвии сообщил об этом муж ее Сатурнин, бывший с императором в дружественных отношениях, распорядился изгнать из Рима всех иудеев. Консулы выбрали из них четыре тысячи человек и послали их в качестве солдат на остров Сардинию. Гораздо большее число, однако, они предали казни, потому что те отказались от участия в военной службе, благодаря запрещению этого иудейскими законами» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 220). Иосиф Флавий имеет в виду, конечно, не мнимый пацифизм закона Моисеева, а несовместимость с религиозной совестью почитателей единого Бога армейского культа римских богов, в особенности Марса и Юпитера, эмблемой которого служили орлы легионов.

В Малой Азии Тиберий резко ограничил право убежища, которое храмы могли предоставлять преступникам. Его нетерпимости к инородным верованиям, унаследованной отчасти Клавдием, преследовавшим изуверские обряды друидов, принимавшим меры против жрецов Исида, а также против иудеев, не разделяли другие императоры: ни Калигула, ни Нерон, ни Веспасиан. Калигула и затем принцепсы из династии Флавиев, в особенности Домициан, поощряли культ Исида и Сераписа.

Несмотря на поражение, которым закончилось восстание иудеев против римского господства, и ряд стеснительных мер, принятых против них принцепсами как до, так и после Иудейской войны, еврейские общины сохранили легальный статус в империи. Хотя еврейский прозелитизм подорван был проповедью Евангелия, случаи обращения римских граждан и подданных в иудейство имели место и в конце I столетия от Р.Х.

В огне разрушенного Титом Иерусалима пал синедрион, в свое время приговоривший к смерти Христа. После этого, собравшись в городке Явне к югу от Яффы, 72 книжника, или знатока закона из фарисейской секты составили новый синедрион, который, однако, в отличие от прежнего, не обладал автономной политической властью над иудеями. Рим не признавал за ним полномочий государственного учреждения, таким образом юридически это был своего рода орган религиозного самоуправления.

Ключевое положение в этом синедрионе занял раввин Иоанн бен Закхей. Под его влиянием синедрион принимал постановления, которыми руководствовались еврейские общины в новую эпоху своего существования, без Храма, без левитского священства, без жертвоприношений; и эти постановления легли в основу позже составленного Талмуда. Они регламентировали порядок синагогальных молитв, чтения Торы за богослужением, бытовые обряды иудеев с их виртуозно изощренными запретами, в особенности что касается соблюдения субботы и принятия пищи, а также норм семейного права. Именно тогда введена была практика в случае рождения ребенка от родителей разного исповедания, признавать его евреем, если его мать была еврейкой, — практика, обусловленная слабой защищенностью брачных прав мужа в диаспоре: происхождение ребенка от матери и отца по очевидным причинам имеет разную степень достоверности; и в смешанном браке, где евреем является только муж, риск того, что может родиться ребенок, вовсе не имеющий еврейской крови, реален, в то время как при рождении ребенка от матери-еврейки, кто бы ни был его отец, присутствие в нем еврейской крови фактически гарантировано. При этом, конечно, подобные смешанные браки могли существовать лишь в рамках государственного римского права или как неформальные союзы — синедрионом Бен Закхея они безусловно воспрещались, но суровость этого запрета была заострена против еврейских мужчин, ввиду того отчасти, что при отсутствии собственного государства и в условиях диаспоры еврейка могла оказаться в браке с язычником по принуждению — по природе вещей у мужчины не может быть брака без известной доли добровольности.

Во взаимоотношениях с государством в Явне постановили руководствоваться принципом повиноваться его законам, пока

они не принуждают к попранию основополагающих предписаний еврейской религии, в особенности поклонению идолам и всякому вообще участию в языческих обрядах, молитвах и жертвоприношениях и вступлению в кровосмесительные и смешанные браки. Принято было также решение о принципиальном отказе от активного прозелитизма — впредь язычники, должны были сами просить иудейскую общину о принятии их в свое лоно, поощрять их к этому признано было нецелесообразным — в условиях диаспоры возросла забота о сохранении чистоты крови лиц, принадлежащих к еврейской общине, о том, чтобы они не только по закону, но и по плоти относились к дому Иакова. Ради сохранения численности народа осуждалось безбрачие.

Первостепенное внимание в Явне уделено было устройству еврейских общин в диаспоре. Было решено, что если на близком расстоянии, позволяющем общаться, живет не менее 10 взрослых еврейских мужчин, возрастом старше 13 лет, то они обязаны составить малую религиозную общину — миньян для совместных молитв и чтения Торы. А если на такой территории проживает 120 мужчин, то им в обязанность вменялось уже образование полноценной общины — кагала с обложением налогом своих членов — собранные средства предназначались для благотворительных целей, на выкуп евреев из рабства, на устройство школ — хедеров. Каждому кагалу предоставлялось право суда над своими членами, при известной гибкости в установлении границ этой судебной власти, которая по возможности должна была избегать конкуренции с юрисдикцией государственных римских судов.

По характеристике А. Дж. Тойнби, учение Иоанна бен Закхея «легло в основу этоса нового еврейства, которое выжило, хотя и как реликт, в чуждом и враждебном окружении, сохранилось до настоящего времени, не проявляя даже признаков покорности преследующим их невзгодам» (Тойнби А. Дж., цит. изд., с. 350).

Постановлениям, которые принимались в Явне, подчинились фактически все общины диаспоры, которая, многократно превосходя числом евреев, оставшихся в Иудее после сожжения Иерусалима и разрушения Храма, насчитывала в пределах Римской империи не менее 5 миллионов человек, и еще, вероятно, от одного до двух миллионов в Парфии, где еврейские общины сосредоточены были в Месопотамии, в пределах древнего Вавилонского царства, куда отведены были пленные иудеи

при Навуходоносоре. В Римской империи массированное присутствие евреев имело место в Сирии, Египте и Азийской провинции. Крупнейшими центрами диаспоры в Парфии были Ктесифон и Дура Европос, а в Римской империи — Александрия с еврейской общиной, насчитывавшей несколько сот тысяч человек, а также Антиохия, Дамаск, Эфес, на Балканах — Коринф, в ряду городов с числом иудеев, приближающемся к сотне тысяч, была и столица империи Рим. На Западе империи иудейские общины, насчитывавшие тысячи евреев, существовали в италийских городах Остии, Капуе, Неаполе, Медиолане, в Испании — в Толетуме, Кордубе, Тарраконе, Гадесе, в Галлии и германских провинциях — в Лугдуне, Массилии, Колонии Агриппине (Кельне), Колонии Треверов (Трире).

Для многих образованных римлян и греков еврейская религия, отталкивавшая своими варварскими на их вкус ритуалами, была притягательна содержащимся в ней монотеизмом. Написанные на греческом языке исторические сочинения Иосифа Флавия, и еще более Филона Александрийского, были хорошо известны в кругу интеллектуальной элиты.

Филон родился в крупнейшем центре эллинистической культуры и городе с самой многочисленной еврейской диаспорой в 20-е гг. до Р.Х. и прожил в Александрии до самой смерти, дожив до середины I столетия от Р.Х. Он писал толкования на Священные книги, в основном на Бытие, перелагая заключенное в них Откровенное содержание на язык, доступный философски образованному грекоязычному читателю.

Бога Филон представляет абсолютно трансцендетным тварному миру, в чем обнаруживается верность философа основополагающему теистическому догмату, заключенному в Библии. В соответствии с ветхозаветной традицией Филон писал не о безличностном божественном бытии неоплатоников или стоиков, но о Живом и Личном Боге. Предвосхищая апофатическое богословие Восточной Церкви, он отвергал адекватность каких бы то ни было положительных и, следовательно, ограничивающих характеристик Божества, тем самым утверждая Его непостижимость — о Боге знать можно только то, что Он есть, и то, что Он Сам открыл о Себе людям в меру ограниченных их тварной природой способностей. Божественное всемогущество и всеведение, Его благодать — это не Его собственные качества или атрибуты, но свойства Божества, как они воспринимаются

тварными и конечными существами, Сам же Бог всегда остается ничему не причастным. Будучи трансцендетным миру в самом Себе, Бог в то же время раскрывает Себя ему в Своих силах. Все антропоморфные образы Божества, присутствующие в Священных книгах, относятся не к Его трансцендетному существу, но к Его силам, верховной из которых является Слово, Логос, все их в Себе вмещающее. Божественный Логос Филон характеризует и как энергию Божества, и как душу мира, тем самым он привносит в свою философскую и богословскую систему налет двусмысленности, позволяющий сближать его с неоплатоническим или стоическим пантеизмом или с позднейшей российской софиологией, в то же время остается логическая возможность интерпретировать его идеи в русле учения святых Максима Исповедника или Григория Паламы. Логос у Филона обозначается как Божественный разум, как идея всех идей, как первородный сын Божий, как бог (феос, без артикля) в отличие от Бога (о феос, с определенным артиклем), но также и как первообраз вселенной, как душа, облакающаяся телом мира, как верховный архангел и как царственный Первосвященник.

Филон разделял унаследованную у него другим и уже христианским александрийским мыслителем Оригеном идею о предсуществовании душ, которые вследствие грехопадения соединяются с плотью, с телом, которое он называл могилой или темницей души. Цель человеческой жизни — в преодолении плотяности и страстности, в умерщвлении чувственности, но из-за греховной поврежденности своей природы человек не в состоянии собственными силами освободиться от уз страстей. Лишь Бог, являющийся единственным источником добра, способен даровать человеку благодать самоотречения, подражания и служения Ему, а высшая цель человека — в блаженном экстазе, в выходе за границы своего конечного бытия и соединения с Божественным Логосом.

Учение Филона было хорошо известно отцам Церкви, его высоко ценил Ориген, тем не менее, оно, естественно, не могло быть принято Церковью во всех своих выводах. Отвергнуто оно было и ортодоксальным иудаизмом, главным образом, из-за по преимуществу аллегорического, а не буквально-исторического толкования Священного Писания, но оно оказало влияние не только на патрологическую мысль и неортодоксальные направления в иудействе, но и на философию языческой Эллады

и Рима, в особенности на неоплатонизм и на стоицизм, само до известной степени зависимое от философии Эллады.

В самом Риме крупнейшим философом I века был младший современник Филона Луций Анней Сенека, родившийся в испанском городе Кордубе в семье римского всадника, оратора и ученого Луция Анея Сенеки Старшего в 4 г. до Р. Х. и покончивший с собой по приказу своего воспитанника Нерона в 65 г. В течение ряда лет Сенека занимал важные государственные посты, принадлежал к ближайшему окружению Нерона, вовлечен был в организацию убийства его матери Агрипины Младшей, которая и проложила ему путь на политический Олимп, вызволив его из ссылки и пригласив в воспитатели своему сыну. На службе Нерону Сенека стяжал колоссальное богатство, но утратив влияние на закусившего удила императора, он вернул ему его щедрые подарки, из которых и составилось его огромное состояние, и удалился из Рима на свою загородную виллу, из которой его впоследствии извлекли и доставили в Рим на расправу. Это была его вторая и полудобровольная ссылка, первую он пережил при Клавдии на далекой и полудикой в ту пору Корсике.

Известна пренебрежительная характеристика нравственного облика этого философа, выставляющая его в виде фарисея: «Этот стоик, проповедывавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, именьями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как, дескать, с него достаточно его философии» (Энгельс. Сочинения, т. 19, с. 311–312). Может быть, в этой саркастической филиппике и есть доля истины, но в своей смерти Сенека обнаружил мужество и самообладание, которые он считал неотъемлемыми качествами настоящего философа, а не софиста, предающегося игре в диалектику. По рассказу Тацита, вместе с Сенекой решила покончить с собой и его жена Паулина, и «они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голеньях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая

ее мучения, самому не утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он вызвал писцов и продиктовал многое, что было издано» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 307). Паулина выжила — по приказу Нерона ей остановили кровотечение.

Сенека — автор речей, из которых сохранились лишь отрывки, эпиграмм, трагедий, философских трактатов и эпистолярных сборников. Его трагедии, и среди них — «Гекуба», «Медея», «Федра», «Ипполит», «Фiest», с сюжетами, заимствованными из греческой мифологии, представляют собой скорее риторические декламации, чем действительно драматические произведения, и поэтому мало пригодны для сцены, хотя писались они, возможно, не для домашнего чтения или публичной декламации, но для театра. Предвосхищая классицистическую трагедию XVII века, Сенека прибегал к односторонней типизации своих персонажей, подчиняя их слова и поступки одной владеющей ими страсти или идее, превращая их в рупоры своих излюбленных мыслей. Но оригинальность драматургии Сенеки в сконцентрированном настроении безысходного ужаса и страдания, не просветленного катарсисом великой греческой трагедии, вероятно, порожденном впечатлением от пережитой им эпохи террора, развязанного вначале Калигулой, а потом превзошедшим своего дядю Нероном.

В мировую философию и литературу Сенека вошел благодаря таким философским трактатам, названным из-за своей литературной формы диалогами, как «О промысле» (*De providentia*), «Марцию об утешении» (*Ad Marciam de consolatione*), «Галлиону о блаженной жизни» (*Ad Gallionem de vita beata*), «Серену о досуге» (*Ad Serenum de otio*), «Паулину о краткости жизни» (*Ad Paulinam de brevitae vitae*), «Нерону Цезарю о милосердии» (*Ad Neronem Caesarem de clemencia*), «Эбуцию Либералу о благодеяниях» (*Ad Aebutium Liberalem de beneficiis*) и своему эпистолярному наследию. Его лучшее сочинение — «Нравственные письма Луцилию» (*Epistulae morales ad Lucilium*) — в этот сборник входит 124 письма.

Сенека был приверженцем стои, но он не связывал себя узами неукоснительной верности своей школе, и как эклектик легко заимствовал мысли у близких ему мыслителей других направлений — перипатетиков, академиков, киников. В «Письмах Луцилию» он чаще ссылается не на основателя стои Зенона,

а на Эпикура, который в расхожем представлении является его антогонистом, потому что позднейшая интерпретация учения Эпикура сместила его в сторону безудержного и совсем не философского гедонизма, в то время как действительный Эпикур, цитатами из которого обильно уснащены «Письма», оказывается мыслителем, близким стоику Сенеке. В некоторых своих идеях Сенека сближается даже с Диогеном, и конечно, великим авторитетом для него всегда был древний мудрец Сократ.

Сенека зачарован созерцанием красоты мироздания и величия человека. В пору корсиканской ссылки он писал: «Где бы мы ни оказались, две самые ценные вещи остаются при нас — вселенская природа и наша добродетель. Поверьте мне, так хотел великий Создатель Вселенной, кем бы он ни был — всемогущим Богом, или же бесплотным Разумом... или Судьбой, и непреложной последовательностью первопричин, одна из которых влечет за собой другую, Создатель хотел, чтобы лишь самое никчемное из того, чем мы владеем, могло бы попасть в распоряжение другого человека. Все лучшее в человеке неподконтрольно другому человеку, который не может ни дать этого, ни отнять. Природа не создала ничего более величественного и прекрасного, чем эта небесная твердь и ее самая замечательная составная часть — человеческий разум, который зрит на эту небесную твердь и удивляется ей. У нас всегда будет этот небосвод и разум... Поэтому, куда бы ни забросили нас обстоятельства, давайте выпрямимся и с радостью пойдем туда бесстрашной походкой. Давайте обойдем все земли, какие только существуют: в мире нельзя найти место для изгнания, так как ничто в этом мире не чуждо для человека» (цит. по: Грант Майкл. Цивилизация Древнего Рима. М., 2003, с. 269).

Как истинный римлянин, Сенека не придавал важного значения вопросу о том, в чем следует искать источник бытия — в личном Боге, безличном разуме или природе, он не углублялся в онтологические и гносеологические темы, оставляя вне сферы своих интересов физику и метафизику; даже логика и диалектика для него имели исключительно прагматический, прикладной, но не теоретический интерес. Его главный интерес лежит в экзистенциальной области, в сфере этики, в формулировании разумных принципов достойной жизни. И как глубокий экзистенциальный мыслитель Сенека ключ к науке о жизни обретает в размышлениях о смерти. Чтобы правильно жить, надо

ни на минуту не забывать о собственной смертности и иметь постоянную готовность умереть, иначе говоря, жить надо *sub specie mortis*. Так, в XXIV письме Луциллию Сенека писал: «Каждый день мы умираем, потому что каждый день отнимает у нас частицу жизни, и даже когда мы растем, наша жизнь убывает... Как водяные часы делает пустыми не последняя капля, а вся вытекшая раньше вода, так и последний час, в который мы перестаем существовать, не составляет смерти, а лишь завершает ее: в этот час мы пришли к ней, — а шли мы долго» (Сенека, Луций Анней. Нравственные письма к Луциллию. М., 1977, с. 47).

Сенека по-разному отвечал на вопрос о том, каковы последствия смерти для человека. В одном из писем Луциллию он определенно писал о смерти как о небытии, подобном тому небытию, которое предшествовало рождению: «Смерть — это небытие; но оно уже было и раньше. И я знаю, каково оно: после меня будет то же, что было до меня. Если не быть — мучительно, значит, это было мучительно и до того, как мы появились на свет, — но тогда мы никаких мук не чувствовали. Скажи, разве не глупо думать, будто погашенной свечке хуже, чем до того, как ее зажгли?» (Сенека, цит. изд., с. 91), — а в другом, LVV, Сенека развивает и отстаивает идею бессмертия души, которую он представляет в виде тонкой материи: «Как нельзя придавить пламя (оно обтекет любой гнет и вырывается наружу), как невозможно рассечь ударом или пронзить острием воздух, ибо он, поддавшись, сразу же сливается снова, так и душу, которая состоит из тончайшего вещества, нельзя удержать и придавить в теле: благодаря этой тонкости она прорывается сквозь все, что бы ни навалилось сверху... вопрос только в том, может ли она остаться бессмертной. Но в этом даже не сомневайся; если она пережила тело, то никоим образом погибнуть не может — по той самой причине, по которой не погибает никогда, ибо нет бессмертия с каким-нибудь исключением, и тому, что вечно, невозможно повредить» (Сенека, цит. изд., с. 96–97).

Одна из главных тем писем Луциллию — о праве на добровольный уход из жизни. Мысль о самоубийстве не была для Сенеки отвлекенной и теоретической. Испушенный царедворец, пребывавший в пору написания этих писем в опале, он жил тогда в постоянном ожидании падения на свою шею топора, уже приготовленного для него Нероном. Но человек осторожный, вовсе не заинтересованный в ускорении развязки, он в письмах

размышляет о самовольном пресечении жизни не ради предупреждения казни, но ввиду старости и сопряженных с нею беспомощности и болезней: «Я не покину старости, если она мне сохранит меня в целости — сохранит лучшую мою часть; а если она поколеблет ум, если будет отнимать его по частям, если оставит мне не жизнь, но душу, — я выброшусь вон из трухлявого, готового рухнуть строения. Я не стану бежать в смерть от болезни, лишь бы она была излечима и не затрагивала души; я не наложу на себя руки от боли, ведь умереть так — значит, сдаться. Но если я буду знать, что придется терпеть ее постоянно, я уйду, не из-за самой боли, а из-за того, что она будет мешать всему, ради чего мы живем. Слаб и труслив тот, кто умирает из-за боли; глуп тот, кто живет из страха боли» (Сенека, цит. изд., с. 101–102).

Сенека действительно покончил с собой, но не добровольно, а по приказу своего ученика Нерона. Не только великие и знаменитые мужи, подобные Катону Младшему, неизменный пиетет перед которым выдает консервативно республиканские убеждения Сенеки, который он умел соединять с верностью даже такому принцепсу как Нерон, способны к произвольному уходу из жизни, но и люди самого низкого положения. В LXX письме Сенека приводит несколько удивительных примеров самоубийства, совершенного рабами и узниками, приговоренными к смерти: «Недавно, когда бойцов везли под стражей на утреннее представление, один из них, словно клюя носом в дремоте, опустил голову так низко, что она попала между спиц, и сидел на своей скамье, пока поворот колеса не сломал ему шею: и та же повозка, что везла его на казнь, избавила его от казни» (Сенека, цит. изд., с. 128).

Памятование о неизбежной смерти побуждает человека жить, руководствуясь не мнениями легкомысленной толпы, но идеалом истинной добродетели. «Блажен не тот, — пишет философ в XLV письме Луциллию, — кого толпа считает блаженным, к кому стекается много денег, но тот, чье благо все внутри, кто прям и высок духом и презирает то, что других восхищает, кто ни с кем не хотел бы поменяться местами, кто ценит человека лишь как человека, кто избирает наставницей природу, сообразуясь с ее законами, живет так, как она предписывает, у кого никакая сила не отнимает его блага, кто и беды обернет ко благу, кто тверд в суждениях, непоколебим и бесстрашен,

кого иная сила и взволнует, но никакая не приведет в смятение» (Сенека, цит. изд., с. 75–76).

На первый взгляд, начертанный здесь образ истинного философа стойка отдает презрительным высокомерием по отношению к дюжинному человеку, к человеку толпы. До известной степени налет гордыни действительно свойствен этосу стои, не чужд он и Сенеки, и все же философу дорога была мысль о всечеловеческом и космическом братстве. В трактате «О досуге» он писал: «Два государства (*res publicas*) объемлем мы душою: одно поистине общее (*publica*), вмещающее богов и людей, где мы не глядим на тот или на этот угол, но ходом солнца измеряем пределы нашей гражданской общины, и другое, к которому мы приписаны рождением» (Сенека, цит. изд., с. 341). А вот отрывок из ХCV письма Луциллию: «Все, что ты видишь, в чем заключено и божественное и человеческое, — едино: мы — только члены огромного тела. Природа, из одного и того же нас сотворившая и к одному предназначившая, родила нас братьями. Она вложила в нас взаимную любовь, сделала нас общительными, она установила, что правильно и справедливо, и по ее установлению несчастнее приносящий зло, чем претерпевающий, по ее велению должна быть протянута рука помощи» (Сенека, цит. изд., с. 238).

Человеческому братству, по Сенеке, не полагает пределов и рабское состояние, которое никак не сопряжено с действительными достоинствами невольника, а всего лишь является следствием превратностей судьбы, которая легко превращает самих царей в невольников, а иногда и рабов в сильных мира сего: «Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои смиренные друзья. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой, и над ними одинакова власть фортуны... Изволь-ка подумать: разве он, кого ты зовешь своим рабом, не родился от того же семени, не ходит под тем же небом, не дышит, как ты, не живет, как ты, не умирает, как ты? Равным образом и ты мог бы видеть его свободнорожденным, и он тебя — рабом. Когда разбит был Вар, фортуна унизила многих блестящих по рождению, готовых через военную службу войти в сенат: одних она сделала пастухами, других — сторожами при хижинах... Разве ты не знаешь, в каких летах попала в рабство Гекуба, в каких — Крез, и мать Дария, и Платон, и Диоген?» (Сенека, цит.

изд., с. 77–78). Но Сенека не был аболиционистом и не призывал к отмене рабства, он только призывал своего адресата и всех, кто, как он надеялся, ознакомится с этим его письмом, к тому, чтобы видеть в рабе полноценного человека и по-человечески обращаться с ним.

По меткой характеристике Ш. Диля, «при всем его либерализме, космополитизме, его яснопонимании человеческой природы и братства, Сенека всегда оставался наставником себе подобных, тех, кто окружен богатством, терзаем опустошенностью усталых чувств, напуган ужасами цезарей... Стоицизм был больше религией, чем философией... Его основной заботой, осознанной такими людьми, как Сенека, было спасение души от вселенской катастрофы, которую, как считалось, неминуемо навлекут поклонники роскоши, ублажающие свою плоть» (цит. по: Тойнби А. Дж., цит. изд., с. 405).

Сенека первым ввел в стоическую философию и этику понятие совести (*conscientia*), которое сближает его с христианской этикой и антропологией. В сочинениях Сенеки местами обнаруживаются близкие параллели с современными ему авторитетными христианскими текстами. В словах философа из XLV письма Луцилию «Дурное мы любим как хорошее, одной молитвой опровергаем другую. Желания у нас в разладе с желаниями, замыслы — с замыслами» (Сенека, цит. изд., с. 75) словно слышится отголосок Послания апостола Павла к Римлянам: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим 7, 15, 19, 20). Нет оснований предполагать, что Сенеке были известны Послания апостола Павла или иные Священные книги Нового Завета, равным образом, и апостол не был, очевидно, знаком с сочинениями Сенеки. Иное дело, позднейшие христианские писатели. Многие из них, особенно на латинском Западе, знали и ценили этого философа.

Более того, в уже христианскую эпоху возникла версия о тайном христианстве Сенеки, в связи с чем была составлена апокрифическая переписка философа с его современником апостолом Павлом. Помимо известного, хотя и вполне ограниченного сходства мыслей, еще одним поводом для появления этого апокрифа могло послужить одно из биографических обстоятельств.

Сенека апостола, наверно, не знал, но слышать о нем он мог не только из общей молвы, но и от своего старшего брата — Юния Аннея Новата, который получил имя (nomen) своего усыновителя ратора Луция Юния Галлиона. В своей служебной карьере он не многим уступил младшему брату и еще при Клавдии достиг консульского звания. В бытность его затем в 53–54 гг. проконсулом провинции Ахаия он встречался с апостолом Павлом в Коринфе, о чем рассказано в Деяниях: «Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал иудеям: Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас. Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом. И прогнал их от судилища. А все еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том. Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братьями и отплыл в Сирию, — и с ним Акила и Прискилла, — остригши голову в Кенхреях, по обету» (Деян 18, 12–18).

Философия пользовалась уважением в образованном римском обществе в меру его интеллектуального развития, и все-таки это был продукт, импортированный из эллинистического мира. Юридическая мысль Рима также использовала наследие Эллады, но в этой области прагматичный Рим далеко превзошел своих учителей и был, конечно, вполне оригинален. Почвой для развития правовой науки являлось законотворчество. Главным источником законодательства в I столетии от Р. Х. становится воля и канцелярия принцепсов, потеснившая значение сенатских постановлений (сенатусконсультов). Постановления принцепсов издавались в виде эдиктов, когда они относились ко всем гражданам и подданным Рима, рескриптов — если затрагивали отдельные темы, мандатов — когда они представляли собой своего рода инструкции, адресованные должностным лицам, и декретов — если имели вид ответов по спорным вопросам, обычно связанным с судебными делами. Впоследствии все эти акты императорской власти получили название конституций. В I веке конституции, как и сенатусконсулты, формально еще не рассматривались в качестве законов (*leges*), каковыми по республиканской традиции считались лишь постановления

комиций — народных собраний. Впоследствии однако юристы стали интерпретировать и императорские конституции как своего рода законы, ссылаясь на *lex de imperio* Веспасиана и прибегая к фикции утверждения императорских постановлений римским народом.

В эпоху принципата в Риме складываются две юридические школы: сабинианская и прокулианская. Первая из них опиралась на толкования выдающегося юриста эпохи Августа Гая Атея Капитона, последовательного апологета системы принципата, а вторая — на его современника и оппонента Марка Антистия Лабиена с его старореспубликанским консерватизмом.

Прямым учеником Капитона был Массурий Сабин, выходец из низов, многие годы зарабатывавший скудные гонорары преподаванием права. При Тиберии, когда ему исполнилось уже 50 лет, от скопил средства, соответствующие всадническому цензу, и вошел в это сословие. Тиберий оценил его юридическую эрудицию, основательность и изощренность его толкований закона, и Сабину, первому из всадников, предоставлено было *jus respondendi* — право давать официальные консультации, или ответы по судебным казусам — практика предоставления подобного права юристам введена была еще Августом, но тогда эту прерогативу могли получать лишь сенаторы. В правление Нерона Сабин написал свой главный труд «*Ius civile*» (Гражданское право), в котором в компактном виде излагалась система гражданского римского права. В течение двух столетий эта книга имела репутацию лучшего учебника по своему предмету. Хотя название сабинианской школы связано с именем этого юриста, но ее действительным основателем стал ученик Сабина Лонгин Кассий, так что вначале школа так и называлась кассианской, впоследствии она однако стала называться по имени его учителя. Кассиан занимал высокие государственные посты консула, проконсула Азии и легата Сирии. Он умер в год прихода к власти Веспасиана. Главный труд Кассия имеет одинаковое название с сочинением его учителя «*Ius civile*». Для сабинианской школы характерен особый интерес к систематизации права и совершенствованию юридической техники.

Выдающимся учеником Лабиена был близкий друг Тиберия Марк Кокцей Нерва Старший, или Отец (*Nerva pater*). В начале правления Тиберия Нерва носил звание консула. Как и его учитель, он был ревностным республиканцем, испытывавшим

настолько острую ностальгию по временам господства сенатской олигархии, что ввиду очевидной для него безнадежности реставрационных мнечтаний покончил с собой, уморив себя голодом. На сочинения Нервы по праву часто ссылались юристы позднейшей эпохи, но ни их тексты, ни даже названия их сочинений не сохранились, остались только цитаты из них. После смерти Нервы главой и эпонимом основанной им школы стал Гней Ацерроний Прокул, консул 37 г. Главный труд Прокула — *Epistulae* (Письма) — насыщен казуистическим материалом. Особый интерес к казуистике, негативное отношение к формализму традиционных правовых обычаев и институтов, а также подчеркнута консервативная республиканская тенденция в области государственного права *jus publicum* при вполне приемлемой политической лояльности системе принципата составляют характерные черты прокулианской школы.

Расхождения между сабинианской и прокулианской школами в подходах к тем или иным правовым вопросам и в технике юридического анализа не перевешивают их существенного родства — обе они выросли из одной и той же правовой традиции, порождены одним и тем же, если так можно выразиться, национальным правосознанием, и потому в позднейшей эволюции римской правовой теории достижения этих школ были успешно синтезированы.

Не только правовая, но и филологическая наука в Риме имела подчеркнута прагматический уклон и развивалась в лоне риторики, ориентированной на судебное и политическое красноречие. В этом отношении характерен труд ученого второй половины I столетия Марка Фабия Квинтилиана *Institutio oratoria*, что приблизительно можно перевести как «Руководство по ораторскому искусству». Уроженец Испании Квинтилиан, переселившись в столицу, преподавал риторику и при Веспасиане первым из своих коллег получил официальное утверждение в должности преподавателя красноречия, ему было назначено содержание за счет казны. Труд Квинтилиана содержит сведения о латинском и греческом языке, рекомендации относительно построения речей, произносимых в разной обстановке и с разными целями — на суде, в сенате, на форуме. Квинтилиан — принципиальный противник философского образования, находя его слишком отвлеченным и нежизненным, он считает, что после получения начальных знаний подростка следует

обучать не философии, но ораторскому искусству, предполагающему также солидные знания по юриспруденции.

В труде Квинтилиана вообще значительное внимание уделено постановке начального, среднего и высшего образования, так что его автор может считаться одним из классиков педагогики и дидактики. Рассуждая об обращении с учащимися, он высказывается против применения такого педагогического приема как порка, вообще считает сложившийся в его время школьный уклад чрезмерно суровым, и все же, несмотря на жестокое обращение с учениками в школах, он сторонник школьного, а не домашнего, хотя бы и более щадящего и гуманного образования.

Прикладной акцент римской науки с не меньшей очевидностью обнаруживается и в естествознании. Крупнейшим римским ученым I века от Р.Х. был Гай Плиний Секунд Старший, погибший при извержении Везувия в 79 г. от Р.Х. на 56-м году жизни. Смерть ученого описал его не менее знаменитый племянник, в одном из писем которого содержится рассказ об образе жизни дяди, которого на жаргоне нашего времени назвали бы «фанатичным трудоголиком»: «Был он человеком острого ума, невероятного прилежания и способности работать. Он начинал работать при свете... задолго до рассвета: зимой с семи, самое позднее с восьмью часов, часто с шести. Он мог заснуть в любую минуту; иногда сон и одолевал его и покидал среди занятий. Еще в темноте он отправлялся к императору Веспасиану (тот тоже не тратил ночей даром); а затем по своим должностям. Вернувшись домой, он оставшееся время отдавал занятиям. Поев (днем, по старинному обычаю, простой легкой пищи), он летом, если было время, лежал на солнце; ему читали, а он делал заметки и выписки. Без выписок он ничего не читал и любил говорить, что нет такой плохой книги, в которой не найдется ничего полезного. Полежав на солнце, он обычно обливался холодной водой, закусывал и чуточку спал. Затем, словно начиная новый день, занимался до обеда. За обедом читалась книга и делались беглые заметки. Я помню, как кто-то из гостей прервал тещу, сбившегося на каком-то слове, и заставил повторить прочитанное. Дядя обратился к нему: «Ты ведь понял?» Тот ответил утвердительно. «Зачем же ты его прерывал? Он за это время прочитал бы больше десяти строк». Так дорожил он временем. Летом он вставал из-за обеда еще засветло, зимой с наступлением сумерек — словно подчиняясь какому-то закону. Таков был

распорядок дня среди городских трудов и городской сутолоки. В деревне он отнимал от занятий только время для бани; говоря «баня», я имею в виду внутренние ее помещения. Пока его очищали и обтирали, он что-либо слушал или диктовал. В дороге, словно отделившись от остальных забот, он отдавался только этой одной; рядом с ним сидел скорописец с книгой и записной книжкой. Зимой руки его были защищены от холода длинными рукавами, чтобы не упустить из-за суровой погоды ни минуты для занятий. По этой причине он в Риме пользовался носилками. Помню, он упрекнул меня за прогулку: «ты мог бы не терять даром этих часов». Потерянным он считал все время, отданное не занятиям... Я обычно смеюсь, когда меня называют прилежным; по сравнению с ним я лентяй из лентяев» (Плиний Младший, цит. изд., с. 45–46).

Плиний Младший аккуратно перечислил написанные его дядей труды в хронологической последовательности их появления: «О метании дробов с коня», «Жизнь Помпония Секунда», «Германские войны», «Учащиеся», «Сомнительные речения», «От конца истории Авфидия Баса» и «Естественная история» в 37 книгах, «произведение обширное, ученое, такое же разнообразное, как сама природа» (Плиний Младший, цит. изд., с. 45). В наследство племяннику досталось 160 записных книжек ученого эрудита.

До нас дошел лишь его важнейший труд — «Естественная история», написанный, по словам самого автора, с опорой на более чем 2 тысячи прочитанных им сочинений. Это энциклопедический свод с обширными сведениями из физики, космологии, астрономии, географии, минералогии, ботаники, зоологии, антропологии, фармакологии, медицины, агрономии, металлургии, а также по истории, живописи и скульптуре. Описательный материал сопровождается в «Естественной истории» технологическими рекомендациями, относящимися к сельскому хозяйству, плавке металлов, медицинской практике, ремеслам и искусству. Придирчивые критики Плиния находят этот труд недостаточно систематизированным, в нем не усматривают целостной теоретической концепции мироздания, кроме того, указывают на содержащиеся в нем ошибки даже относительно научных достижений его эпохи. И все же в течение многих веков, вплоть до нового времени, он служил самым полным из известных тогда компендиумов по естествознанию, прикладным дисциплинам и отчасти также по истории и этнографии. Популярности

«Естественной истории» в средневековье способствовало, помимо ее несомненных энциклопедических достоинств, также и присутствие в ней занимательных страниц, посвященных описанию русалок, людей безо рта, единорогов и летающих лошадей.

При Калигуле Помпоний Мела, родом из Испании, составил книгу по географии и астрономии «*De chorographia*», в которой он использовал исследования греческих ученых, при этом однако упростив их расчеты, сделав их доступными для среднего латиноязычного читателя. Живший при императоре Тиберии Авл Корнелий Цельс составил энциклопедический труд в 8 книгах — «*Artes*», из которого сохранилась лишь одна часть «*De medicina*». Опираясь на достижения греческой медицины, автор написал своего рода медицинский справочник, содержащий сведения по диетике, патологии, терапии и хирургии. Этот труд снискал Цельсу в средневековье не вполне заслуженную репутацию величайшего врача античного мира.

Действительно крупным ученым и изобретателем был александрийский грек Герон, который изучал механику и термодинамику. Он сконструировал паровой двигатель. Это была полая сфера с гнутыми ручками, в которую наливалась вода. Затем она подвергалась нагреванию, кипела, и пар, который вырывался под давлением из ручек, вынуждал сосуд кружиться. Подобное изобретение, сделанное в XVIII веке, привело к промышленной революции.

В самом Риме из прикладных дисциплин самых блестящих результатов достигла агрономия. Классический труд в этой области знания, «О сельском хозяйстве», написан современником Плиния Старшего Луцием Колумеллой. Автор особое внимание уделяет удобрениям: навозу, золе, перегною — и дает дельные рекомендации о сроках и способах их внесения в зависимости от возделываемой культуры, климатических условий и особенностей почвы. Колумелла оспаривает широко распространенное представление об усталости земли и предлагает разные способы повышения урожайности. Он подробно характеризует все отрасли сельского хозяйства: пахотное земледелие, виноградарство и садоводство, выращивание масличных деревьев, а также животноводство. Важное значение придает он и экономической стороне земледелия, призывая землевладельцев не жалеть средств на вложение их в землю, на приобретение более совершенных орудий труда, на закупку высокосортных

семян для посева. В противоположность Плинию Старшему, который был сторонником натурального хозяйства, Колумелла высказывался за развитие высокопродуктивного товарного земледелия и сельского хозяйства в целом. По словам современного русского романиста В. И. Кузищина, «изложение всех вопросов ведется Колумеллой на подлинно научной основе, которая включает проработку солидной научной литературы, собственные эксперименты в имении и заимствование чужого опыта; кроме того, Колумелла считает необходимым учитывать основы природоведения и климатологии. Энциклопедия Колумеллы, так же как и труды его предшественников Катона, Сазерны, Варона, Вергилия и многих других, вознесла римскую агрономию на такую высоту, которая была превзойдена мировой наукой лишь в XIX в.» (Кузищин В. И. Культура средиземноморской Римской империи (I–II вв.) — История Древнего Рима. М., 2002, с. 300).

Для культуры Рима и всей подвластной ему средиземноморской экумены характерно исключительно широкое распространение такой псевдонауки и парарелигии как астрология. Корни ее восходят к древнему Вавилону. Автор грекоязычной истории Вавилона Берос перевел с халдейского языка на греческий книгу астрологического содержания «Глаз Бела». На рубеже III и II столетий до Р. Х. Бол из египетского Мендоса написал трактат «О симпатиях и антипатиях», ставший классикой астрологии. Главная идея этого сочинения заключалась во влиянии расположения звезд на ночном небосклоне на человеческую жизнь. Настоящей наукой признавал астрологию греческий философ из сирийской Апамеи Посидоний, живший во II веке до Р. Х. В ней он находил ключ к постижению вселенской гармонии. Астрология обрела энергичную поддержку со стороны стоиков, которые проповедовали мысль о божественной природе небесных светил и человеческих душ, подтверждение чему усматривали в выявляемых астрологическими калькуляциями соответствиях между движением планет и человеческими судьбами.

Хотя в этих выкладках и выводах, оформлявшихся в виде гороскопов, не заключалось ни грамма достоверного знания, но они сопровождались астрономическими наблюдениями, которые подчинены были астрологическим задачам, и в этом смысле можно считать, что сама астрономическая наука, в эллинистическом обществе достигшая известных успехов, развивалась

в тени астрологических опусов, которые вызывали всеобщий напряженный интерес — людям свойственно стремиться к разгадыванию тайн грядущего, касающихся как целых народов и государств, так и личных судеб. И астрологи не страдали от недостатка заказчиков на предсказания, имевшие к тому же солидный вид из-за опоры на сложные астрономические и математические расчеты. Основу этих калькуляций составляло расположение созвездий на ночном небе в момент рождения человека или в иные даты, иначе говоря, астрологи составляли гороскопы, материалом которых служили знаки зодиака в различных комбинациях.

В Рим увлечение астрологией было занесено наводнившими его греками еще в республиканскую эпоху. Встречая отпор со стороны консервативных ревнителей отечественных традиций, подобных Катону Старшему, астрология пользовалась поддержкой не менее влиятельных эллинофилов; при этом профессиональными составителями гороскопов в Риме чаще оказывались не природные греки, а эллинизированные сирийцы или египтяне, потеснившие во влиянии на суеверные умы римлян прежних монополистов в этой сфере деятельности и наживы, знатоков «этрусской дисциплины» — гаруспиков. Ажиотажный интерес к астрологии усилился в Италии в эпоху потрясших ее гражданских войн и потом в период принципата. Своеобразным мистическим любопытством захвачены были разные, если не сказать все сословия и страты римского общества: политические деятели из сената, разбогатевшие вольноотпущенники, всадническая буржуазия, простонародье и пролетариат, а также рабы, которые часто были уроженцами сирийского Востока или Эллады с ее в ту пору основательно ориентализированной синкретической культурой, составлявшей исключительно благоприятную почву для процветания всякого рода мистических знаний, и в особенности как раз астрологии.

По меткому замечанию современного романиста М. Гранта, популярность астрологов в римском обществе «объяснялась не только тем, что им приписывали дар предвидения, т. е. «фаталистической» или «научной» астрологии. Разумеется, это было важно, так как необходимо было знать, какое из созвездий неминуемо предопределяет будущее человека. Но просто знания об этом — не оставляющие никакой надежды — требовали безоговорочной капитуляции перед механистической Вселенной, и это

не удовлетворяло желаний людей обрести наставника в жизни. Поэтому помимо «фаталистической» астрологии возникло искусство вспомогательной, «катархальной» астрологии. В основе ее лежала теория о том, что планеты и другие небесные тела действительно обладают значительной силой, но воздействия этой силы можно избежать. Поэтому астрологи, определяя дни, часы и минуты, когда влияние небесных сил особенно сильно, могли посоветовать своим клиентам, каким образом можно перехитрить небеса, предпринимая какие-то действия или избегая их в определенное время. Это искусство было широко распространено, и его указаниям повиновались» (Грант, цит. изд., с. 196–197).

Доверчивость изобретательным продавцам удачи была, конечно, не тотальной. Во все времена встречаются люди трезвого или скептического склада ума. В этом отношении любопытен один сохранившийся текст из упражнений по латинской риторике, в котором ученик полемизирует против взглядов своего отца, не доверявшего астрологам. Этот текст, своего рода скрытая реклама искусства составителей гороскопов, представляет собой красноречивую, хотя и совершенно неубедительную для критика аргументацию в пользу астрологии: «Мой отец пытается убедить вас в том, что в искусстве астролога не следует верить. Поэтому он утверждает, что судьбы не существует, и все происходит по воле случая, спонтанно. И даже если всем управляет Провидение, сознание человека не в состоянии постичь его... Тем не менее я допускаю, что астрологи говорят правду, поскольку некоторые звезды ...неизменные и связанные между собой, в течение всей вечности светят совместно, а другие совершают свое размеренное движение по неизменным орбитам, разбросанным по всему небу. Вы действительно верите, что все они распределены по небу случайно, хаотично?.. Бог, создатель космоса, распределил их по своим местам... Следовательно, каждый, кто рождается, имеет свое предназначение и, таким образом, принимает как неизбежное свое будущее и саму жизнь. Я не знаю ничего более определенного, чем гениальность этого не знающего заблуждения искусства... Прими как должное доказательство этой точной науки» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 197).

К этой «точной науке» с доверием относилась образованная элита римского общества. Принцепсы I столетия в своих политических акциях, за исключением одного только отличавшегося

особым трезвомыслеи, но при этом менее других императоров эрудированного Веспасиана, считались с предсказаниями астрологов, и если и принимали против них меры, то вовсе не как против шарлатанов, но ввиду потенциальной политической опасности их гороскопов, которые могли подтолкнуть авантюристов попытаться счастья в борьбе за верховную власть.

В римском языческом обществе само разграничение дозволенной магической практики и запретных колдовских опытов представляло трудную задачу. Так, по словам знатока античного оккультизма Е. Г. Рабинович, «гадание по внутренностям жертвы могло быть желательным официальным священнодействием (если гадал жрец), или ненаказуемым частным предприятием (если это было, например, гадание об успехе сватовства), а могло быть преступлением (если внутренности были человеческие, если гадали о священной особе императора, если гадали в запрещенный для жертвоприношений день)... Колдуном (гоэтом) мог быть признан любой астролог, некромант, заклинатель или другой чародей, сумевший проявить магические способности, но заработавший дурную славу. Гоэт, в отличие от прочих тауматургов (чудотворцев)... считался в общении не с богами, а со злыми демонами» (Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата. — Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985, с. 250).

Тиберий дважды, в 16 и 30 гг., изгонял из Рима астрологов, во второй раз в связи с тем, что знатная матрона Эмилия Лепида, предками которой были Сулла и Помпей, была осуждена по разным статьям обвинения, в частности, в прелюбодеянии и отравлении, но также и в том, что она обсуждала с астрологами положение в семье принцепса; но он же держал при себе в своем каприйском уединении Трасилла Александрийского, знаменитого знатока астрологии и искусного составителя гороскопов, автора книг о магических числах и о знаках зодиака. Тиберий познакомился с ним еще во время своей добровольной родоской ссылки. Покровительством Нерона пользовался его сын Бадбилл, унаследовавший профессию отца.

Следы астрологических увлечений принцепсов можно обнаружить на монетах, которые чеканились ими: так, на многих монетах, изготовленных при Августе, изображался козерог, под созвездием которого родился создатель системы принципата. Наносимые на монеты изображения и надписи проливают свет на

идеологическую программу принцепсов — это был своего рода пропагандистский материал, подобный газетам вчерашнего и телевизионным зрелищам сегодняшнего дня; им неизбежным образом пользовались фактически все граждане и подданные Рима. Так, изображение на монете крокодила и легенда *Aegypti capta* напоминали людям о победе Августа над Антонием и Клеопатрой; мощь и процветание империи прославляли наносимые на монеты изображения величественных храмов и триумфальных арок, великодушную заботу Тиберия о подданных Рима, обнаружившуюся в восстановлении разрушенных землетрясением городов Азийской провинции, прославляла легенда «*civitatibus Asiae restitutis*». Монеты, которые чеканились при Веспасиане, подчеркивали преемство этого принцепса лучшим императорам прежней династии: их легенды прославляли Фортуну Августа, *spes Augusti* (надежду Августа), включали такие символически насыщенные слова как *victoria* (победа), *virtus* (доблесть), *pacis* (мир) — и выражения со словом *libertas* (свобода): *libertas Augusti*, *libertas restituta* (восстановленная свобода), *libertas publica* (общественная свобода), декларации согласия императора и сената — *concordia senatui*.

На монетах чеканились рельефные портреты императоров, реже императриц и других членов семьи принцепса. Некоторые из них представляют собой шедевры мелкой пластики. Превосходными качествами обладают монеты с портретом Веспасиана, выполненным в сугубо реалистической манере, подчеркивающей, при тонко переданной хитрости и ироничности, заурядность его облика, отсутствие в нем аристократической породы, тем более, какой бы то ни было позы, манерности, превозношения и тем самым его особую близость к обычным римлянам, призванной выразить мысль о том, что этот принцепс плоть от плоти своих сограждан. Император Нерон с его мясистым, неправильным, до плотоядности чувственным, но по-своему привлекательным лицом представлен на монетах, также отличавшихся высокими художественными качествами. Исключительно выразителен портрет Гальбы, в чертах которого, в противоположность его распущенному предшественнику, подчеркивался аскетизм и суровость старого солдата и генерала, роднящие его с доблестными полководцами старой республики.

Но и помимо монет, скульптурные портреты принцепсов в виде бюстов или в полный рост наводнили столицу империи,

города Италии и провинций и даже частные виллы и дворцы — их сограждане и подданные, хотели они того или нет, вынуждены были лицезреть своих повелителей всегда и везде. Несмотря на то, что после свержения императора его статуи нередко беспощадно истреблялись, а еще большее число скульптур было похищено временем, многие музеи мира хранят богатые коллекции императорских бюстов, так что физиогномические черты принцев, в особенности I столетия от Р.Х., хорошо известны, и вовсе не одним только специалистам по истории и искусству Рима.

Некоторые из портретов, по традиции, идущей от эллинистической скульптуры и пластики Августова века, носят идеализированный характер — императоров изображали в виде триумфаторов, в доспехах или в тоге, и даже с божественными атрибутами Юпитера, Марса или Аполлона, другие, в особенности те, что созданы в правление Флавиев, опираются на отечественную подчеркнута реалистическую, верристическую традицию, восходящую к восковым портретным слепкам. В этом отношении характерны, с одной стороны, мраморная статуя Тиберия из копенгагенского собрания Нью Карлсберг, хотя и с узнаваемыми чертами лица, но высокопарно идеализированная, представляющая образ мудрого правителя и полководца, своим величием и совершенством подобного олимпийским богам, а с другой, — луврский бюст Веспасиана, пожилого римлянина с несколько гротескным натужным выражением широкого и изборозжденного морщинами лица, с лысым черепом, — многоопытного и умного человека, иронического скептика, которого трудно обмануть и обольстить, утратившего былой напор, но сохранившего самообладание и непреклонную волю. В бюсте Тита, хранящемся в Археологическом музее Неаполя, поражает его физическая мощь, которую особенно колоритно демонстрирует на редкость толстая шея, его неукротимая энергия, юношеская целеустремленность, энтузиазм с налетом ребячливого простодушия.

В Риме ваяли статуи не только богов, императоров, их жен и детей, и даже не только военачальников и сенаторов, но и вполне частных лиц. В эпоху принципата всякий относительно состоятельный человек стремился украсить свою могилу собственным бюстом или, на худой конец, хотя бы рельефным изображением, позаботиться о котором приходилось чаще всего еще при жизни.

Множество статуй, как и в прежние времена, импортировалось из Эллады и Ионии, а в Риме и других италийских городах в большом числе ваялись их ремесленные или мастерски выполненные копии. Богатые дворцы и виллы украшались целыми коллекциями портретной и декоративной скульптуры — бронзовыми, мраморными, гипсовыми статуями, а также мелкой терракотовой пластикой. Плиний Младший в письме, написанном уже при Траяне, рассказывает о проданном наследстве скончавшегося в глубокой старости Тула, которое накоплено было в предшествовавшие правления, в век Клавдиев и Флавиев: «Он был так богат, что человек, купивший громадный парк, смог в тот же день уставить его множеством древних статуй: столько прекрасных вещей было у него заброшено в амбарах» (Плиний Младший, цит. изд., с. 151).

Высокого совершенства достигло в Риме искусство многофигурного монументального рельефа. Одним из его лучших образцов, относящихся к эпохе Флавиев, стали изображения, высеченные на триумфальной однопролетной арке Тита, воздвигнутой на форуме в честь победы в Иудейской войне, одержанной им в правление его отца Веспасиана. На одной стороне арки представлен юный полководец, стоящий в триумфальной колеснице, а на другой — шествие легионеров с дощечками, на которых написаны названия покоренных городов, и трофеями, вынесенными из ограбленного и разрушенного Иерусалимского Храма, среди которых — стол для Хлебов Предложения, Семисвечник, храмовые трубы. Сами эти святыни хранились в Риме до 455 г., когда они оказались в руках вандалов. По характеристике М. Гранта, «скульптор, украшавший арку.., использует глубокие тени и оживленную игру света и теней... Эффект, которого таким образом добиваются.., — это полная иллюзия: иллюзия шествия, на которое смотрят через открытое окно; позади изображения нет стены — есть только воздух. Все составляющие рельеф силуэты вырисовываются на фоне неба» (Грант, цит. изд., с. 334).

Живопись в Риме выполняла декоративные функции. Стены богатых домов украшались фресками, которых в самой столице сохранилось ничтожно мало, зато превосходные образцы монументальной стенописи выжили под вулканическим пеплом Везувия в Помпеях и Геркулануме. На правление Кладия и Нерона приходится так называемый четвертый помпеянский стиль,

в котором были синтезированы особенности предыдущих второго «архитектурного» и третьего «орнаментального» стилей. Для него характерны более звучные и насыщенные цветовые тона, напоминающие импрессионистическую манеру, обильное использование декоративных элементов, иллюзионистских архитектурных мотивов, вычурность рисунка, доминирование кривых, гнутых линий, создающих эффект движения, эксперименты с углублением пространства, гротескные фигуры и лица, а также мифологические сюжеты, часто фривольного содержания. Некоторые фрески, когда большая часть стены составляет монохромный, оранжевый, светло-коричневый, охряной, багряный или черный фон, а в центре помещены миниатюрные фигуры, напоминают эллинистические ковры.

В четвертом стиле расписаны стены помпеянского дома Веттиев. В атриум дома на стенах изображены дети, приносящие жертву пенатам, путти в разных позах, атрибуты Бахуса и Меркурия, жертвоприношение Фортуне. На стенах кубикюла, расположенного слева от входа в атриум, написаны два сюжета: Леандр, плывущий через Гелеспонт, и пробуждение Ариадны, покинутой Тесеем. Стены триклиниума украшены перспективными архитектурными композициями, картинами морских сражений, а также фривольными сценами на мифологические темы любви между богами и смертными. На стенах гинекея представлены Ахиллес на острове Скирос, пьяный Геркулес. В экусе находятся самые прославленные фрески дома Веттиев: на фризе, представляющем собой черную полосу, контрастирующую с красным цветом стен, написаны выдержанные в золотистом, светло-розовом или телесном цвете купидоны, занятые приготовлением ароматных масел, наливающие вино из амфоры, продающие гирлянды цветов, а также процессия Диониса, восседающего на колеснице, которую везут козлы, и сопровождаемого Паном, играющим на свирели. На других фризах изображены Агамемнон перед принесением жертвы Артемиде, Аполлон, убивший змея Пифона, Орест и Пилад перед Ифигенией в окружении диких тавров.

Тонкую характеристику четвертого помпеянского стиля дал один из лучших знатоков античного искусства Г. Роденвальдт: «Сквозь ограниченные рамками настенные панно открываются фантастические архитектурные перспективы, уходящие в сумеречную даль. Занавесы трепещут, вспыхивают горящие

светильники, мерцающее беспокойство приводит в движение все, вплоть до мельчайших веточек. Дрожащий нервный трепет охватывает человеческие фигурки и мифические существа, которые в качестве декоративных элементов включены в архитектурные композиции. Фигурки и сцены, которые разбросаны по стене в декоративном беспорядке, завораживают. Эроты и психеи, кентавры и нимфы, танцовщицы и акробаты. Написанные беглыми штрихами, создания одного мгновения, они светятся и мерцают на насыщенно черном или красном фоне, полные прелести, настроения и юмора» (Rodenwaldt G. Die Kunst der Antike, Berlin, 1927, s. 75).

В самом Риме фрески сохранилась на крестообразных сводах уцелевшего подвального помещения Золотого дома Нерона, открытого в результате раскопок, проведенных в XVI столетии под термами Тита. Эти изощренные и причудливые декоративные узоры и арабески с мотивами роскошных занавесей и портиков, а также деформированных человеческих фигур, получили название гротесков, поскольку помещение, которое они украшали, напоминало грот. Гротески в свое время были выполнены придворным живописцем Нерона Фамулом, а после их обнаружения сымитированы Рафаэлем на стенах галереи Ватиканского дворца, названной «Ватиканскими ложами».

Еще одним, помимо Помпей, хранилищем эллинистической живописи стали пески Фаюмского оазиса. В этом оазисе, а затем и в других египетских номах, были раскопаны многочисленные саркофаги эпохи принципата, в которых находились доски с живописными восковыми или темперными портретами римских, италийских и греческих колонистов, а также эллинизированных египтян, чьи мумии покоились в этих саркофагах. По названию места первоначальных находок эти портреты получили название фаюмских. Писались они еще при жизни заказчика и украшали его жилище, а затем сопровождали его мумию в иной мир. Обнаружены уже тысячи фаюмских портретов, которые хранятся ныне в Египетском музее Каира, а также в других музейных собраниях мира, в том числе и у нас в Пушкинском музее и в Эрмитаже. Это вполне достоверные, реалистичные, но при этом также и одухотворенно идеализированные портреты, в лучших своих образцах передающие душевный склад портретируемого. Несмотря на то, что искусство это при множестве заказчиков было массовым, фаюмские портреты выполнены на высоком

профессиональном уровне, и среди них встречаются настоящие шедевры, представляющие особую ценность ввиду того, что это фактически единственный сохранившийся тип станковой живописи эллинистической эпохи.

В фаюмском портрете различают два стилевых направления: одно из них укоренено в традициях греко-римского искусства, отличается реалистической трактовкой образа, использованием светотени, свободным композиционным решением. Шедевром этого стиля является портрет пожилого римлянина из Пушкинского музея, отличающийся глубиной психологической характеристики и замечательным мастерством исполнения. Другое направление, стилистически теснее связанное с автохтонной традицией, отличается большей идеализацией, если не сказать иератичностью образа, фронтальной проекцией лица, широко открытыми огромными глазами, гиперболизированно воспроизводящими местный антропологический тип, до известной степени сохранившийся и поныне, особенно среди коптов. Прекрасным образцом этого стиля служит женский портрет из коллекции Страсбургского университета, запечатлевший молодую, очевидно, рано скончавшуюся женщину с удивительно большими глазами, с утонченным носом и пухлыми губами.

Самые выдающиеся достижения римского творческого гения относятся к предельно функциональному искусству — архитектуре. В первом столетии от Р. Х. в Риме были сооружены такие замечательные строения как акведук Клавдия, триумфальная арка Тита и храм Веспасиана на республиканском форуме, комплекс строений форума Веспасиана, а также храм Исиды и Сераписа, в других городах Италии — термы Меркурия в Байях, храм Веспасиана в Помпеях, наконец, в далекой от Рима Сирии — храмы Бела в Пальмире и Юпитера в Баальбеке. Но величайшими сооружениями Рима этой эпохи были Золотой дом Нерона и Колизей.

Колизей сохранился в полуруинированном состоянии, по сей день удерживая за собой ранг одного из самых грандиозных творений человечества, от Золотого дома остался лишь фрагмент — украшенное гротесками подвальное помещение крестово-купольной конструкции, но представление о нем дают также материалы археологических раскопок и описание этого дворца у Светония, укоряющего Нерона за безмерное расточительство: «От Палатина до самого Эсквилина он выстроил

дворец, назвав его сначала Проходным, а потом, после пожара и восстановления, — Золотым. О размерах его и убранстве достаточно будет упомянуть вот что. Приходя в нем была такой высоты, что в ней стояла колоссальная статуя императора ростом в сто двадцать футов; площадь его была такова, что тройной портик по сторонам был в милю длиной; внутри был пруд, подобный морю, окруженный строениями, подобными городам, а затем — поля, пестреющие пашнями, пастбищами, лесами и виноградниками, и на них — множество домашней скотины и диких зверей. В остальных покоях все было покрыто золотом, украшено драгоценными камнями и жемчужными раковинами; в обеденных палатах потолки были штучные, с поворотными плитами, чтобы рассыпать цветы, с отверстиями, чтобы рассеивать ароматы; главная палата была круглая и днем и ночью безостановочно вращалась вслед небосводу; в банях текли соленые и серные воды. И когда такой дворец был закончен и освящен, Нерон только и сказал ему в похвалу, что теперь, наконец, он будет жить по-человечески» (Светоний, с. 159–160). Статую Нерона, превосходившую высотой знаменитый Родосский колосс, выполнил Зенодор, а имена архитекторов Золотого дома — Севера и Целера — упоминает Тацит.

Этот дворец был разрушен в правление принцепсов из династии Флавиев, которые на части занимаемой им территории воздвигли амфитеатр, своим названием Колизей (Colosseum) обязанный колоссу Нерона. Строительство амфитеатра начато было при Веспасиане в 75 г., при Тите в 80 г. состоялось его торжественное освящение, но он достраивался и после своей инаугурации в правление Домициана. Это был самый большой амфитеатр Римской империи. Он рассчитан на 50 тысяч зрителей, и его размеры грандиозны: в плане он имеет форму эллипса со 188 метрами продольной и 156 — поперечной оси. Его высота, пока амфитеатр не начали разрушать, достигала 48 с половиной метров. Арена Колизея, на которой дрались гладиаторы и устраивалась травля зверей, либо звери терзали осужденных на смерть преступников, имела также эллипсовидную конструкцию размерами 83 на 53 метра. Устройство арены позволяло выпускать на нее содержащихся в расположенных под нею клетках зверей. Пока под ареной не была выстроена сеть ипогеев, она могла заливаться водой, превращаясь в своего рода озеро, на котором разыгрывались морские сражения.

Подиум, по соображениям безопасности, был приподнят на 4 метра над уровнем арены; на противоположных сторонах были расположены две ложи: одна для принцепса, соединенная подземным переходом с императорским дворцом на Палатине, другая — для городского начальства, там же стояли мраморные кресла для сенаторов, всадников и почетных гостей. Подиум окружал 4-ярусный зрительный зал, или театрон, где размещались простолюдины. Над четвертым ярусом возвышалась крытая колоннада, на консолях которой были установлены мачты для крепления на них велария — тента, который простирался над амфитеатром, защищая зрителей от жарких лучей полуденного солнца. Концы мачт возвышались над стеной, рисуясь на фоне неба. Позади театрона располагались галереи, по которым зрители проходили на свои места. С внешней стороны Колизей представляет собой трехъярусную аркаду из столбов и арок с полуколоннами и антаблементом. Каждый ярус имел по 80 арок одинаковой высоты, но с разным ордерным обрамлением: нижний ярус — тосканским, средний — ионическим и верхний — коринфским. Через пролеты между арками нижнего яруса зрители входили в амфитеатр, при этом на каждый вход приходилось по 600 человек. В арочных пролетах второго и третьего ярусов на низких парапетах были поставлены статуи, придававшие архитектонике фасада дополнительную ритмичность и подчеркивавшие его парадную репрезентативность. Четвертый ярус, надстроенный при Домициане, представляет собой стену, прорезанную прямоугольными окнами и расчлененную пилястрами коринфского ордера. Соотношение ордеров фасада создавало впечатление концентрации тяжести грандиозного сооружения внизу и постепенного облегчения конструкции, обрезаемой снизу вверх.

Под наземным строением располагались мощные арочные субструкции, которые несли его тяжесть. 560 травертиновых пилонов держали на себе бетонные своды разной конструкции: полуциркульной цилиндрической, которая ранее использовалась в этрусских склепах, и более сложной — крестовой. Под ареной были устроены ипогеи — кольцевые галереи, пересекаемые продольными; там находились клетки для зверей, помещения для гладиаторов, камеры, куда сносили трупы поверженных гладиаторов, растерзанных преступников и затравленных зверей. Характеризуя архитектонику римских сооружений эпохи

принципата, с особенной убедительностью выявленную в Колизее, Джон Вард Перкинс писал, что тут «мы впервые встречаем новый подход к архитектуре. Она является здесь не способом класть кирпичи, а скорее искусством организации пространства» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 370).

Фасад Колизея облицован плитами из травертина, многие арки выложены из кирпича, интерьер отделан мрамором и стукком, а стены галерей — туфом. Но основным строительным материалом амфитеатра служил бетон, смешанный с вулканической пемзой. Ордер использован в Колизее в основном для декорации, ордерное членение вместе с использованием в размерных соотношениях золотого сечения придает гигантскому строению внутренний масштаб, соизмеримый с человеческими пропорциями, но несущими элементами конструкции является исконно италийская арка и свод, заимствованный у Египта и Вавилона и усовершенствованный римлянами. Главным новшеством этого сооружения явилось использование составляющих единую композицию аркадных ярусов. Водружение одной аркады на другую стало возможным благодаря бетону, и в этом отношении Колизей, как и некоторые другие сооружения римского строительного гения, предвосхищал инженерно-архитектурные новации второй половины XIX века.

Колизей дожил до наших дней, продержавшись без малого два тысячелетия. Понесенные им утраты связаны не с временем самим по себе и не с природными стихиями и даже не с войнами, но с человеческой рачительностью — в средневековые строительный и отделочный материал Колизея римляне использовали для новых построек, превратив амфитеатр в каменоломню. Разрушаемый в течение многих веков, он все-таки сохранил большую часть своего объема, и в изуродованном виде поражая своим грандиозным величием и гармонией пропорций.

Характеризуя римскую архитектуру, Я. Буркхардт писал, что «даже самые простые хозяйственные постройки в римских руках всегда приобретали если и не художественный, то, по крайней мере, монументальный характер. Принцип с самого начала строить как можно более основательно и солидно наводит на мысль о вечности, которой наше время, при всей колоссальности своих утилитарных строений, похвалиться не может... Мировая история пожелала иметь однажды такой народ, который на все, что он делал, наносил печать вечности... Городские

стены, дороги, мосты римлян, хотя они и просты по форме, отличаются тем же самым типом неистребимости. Понадобился ужасный тысячелетний инстинкт разрушения, чтобы и эти строения довести до тех руин, которые мы видим перед собой ныне» (Burckhardt Jacob, Werke, 3, Stuttgart, 1933, s. 38–39).

В отличие от римского зодчества, которое в эпоху Клавдиев и Флавиев достигло своего зенита, словесное искусство переживало тогда серебряный век, оставив позади, в правлении Августа, свою золотую пору. Но имена Сенеки, Лукана, Петрония и Марциала принадлежат большой литературной классике.

Племянник Сенеки Лукан родился в 39 г., при Калигуле, и был казнен при Нероне в 65-м. За столь короткую жизнь он много написал, но из всех его сочинений сохранилась лишь неоконченная эпопея в 10 книгах с названием «Гражданская война», или по-другому «Фарсалия», посвященная борьбе Цезаря с Помпеем, кульминацией которой стала проигранная Помпеем битва при Фарсале. В этой поэме, написанной традиционным гекзаметром, Лукан подражает «Энеиде» или, лучше сказать, силится превзойти ее, но по своей тенденции «Фарсалия» противоположна той идеологической задаче, которую поставил Меценат перед Вергилием, — связать славную историю Рима с родом Юлиев и прославить династию, из которой вышли Цезарь и Август. Лукан в «Фарсалии» — пылкий помпеянец, что он исторически некорректно отождествляет с республиканизмом, и противник, обличитель Цезаря. Впрочем, пока поэт писал свою эпопею, его взгляды эволюционировали. Начиная свой труд, он тешил себя иллюзиями по поводу республиканизма Нерона и уснащал поэму рассыпанными там и сям панегириками в его адрес, а виновниками гибели республики у него представлены были, что исторически более достоверно, оба претендента на высшую власть, но чем более очевидным становился действительный политический курс Нерона и чем неприязненнее складывались отношения между двумя поэтами, один из которых правил империей, а другой вел частную жизнь, тем мрачнее в изображении Лукана представал деспотический цезаризм, концентрированное воплощение которого он, очевидно, усматривал в Нероне, и тем, вопреки исторической правде, все более идейным и благородным защитником республиканских идеалов становился Помпей, поражение которого повлекло за собой, по версии Лукана, бедственные последствия.

По своим философским воззрениям Лукан, подобно его великому дяде, был стоиком, поэтому в случившейся с Римской республикой катастрофе он усматривает не лишнюю высшего смысла игру случая, порожденного прихотливой конкуренцией олимпийцев, но выражение воли верховного божества, правящего миром, бледный образ которого представлен Фортуной. В то же время в эпопее в чрезмерном изобилии присутствуют оракулы, астрологические калькуляции, манипуляции магов, отражающие народные верования, к которым поэт относится с легкой иронией.

Поэма Лукана написана звучным отточенным стихом, но чрезмерно риторична, напыщенна и ходульна, хотя ее чрезмерная пафосность отчасти искупается искренностью поэтической декламации поэта. Для образной ткани эпопеи характерны безудержный гиперболизм, высокий градус концентрации всякого рода ужасов, до известной степени убедительной там, где речь идет об убитых и раненых в сражении, о страдании поражаемой мечом человеческой плоти.

Краткую биографию Лукана составил Светоний. По его сведениям, Нерон, ценивший поэтический талант Лукана, приблизил его к себе и удостоил квестуры, но затем между ними произошла размолвка. Лукан обиделся на то, что однажды во время его рецитации император вышел из зала, чтобы освежиться перед назначенным им на то же время заседанием сената. С тех пор он не устал высказываться о Нероне в самом язвительном и прямо издевательском тоне, а когда сложился заговор Пизона, поэт примкнул к нему, и в разговорах с приятелями «хвастался головой императора. Однако, — завершает свой очерк Светоний, — по раскрытии заговора он вовсе не обнаружил такой твердости духа: признавшись без сопротивления, он дошел до самых униженных просьб и даже свою ни в чем не виновную мать назвал в числе заговорщиков, надеясь, что обвинение матери послужит ему на пользу в глазах императора-матереубийцы. Но, добившись права свободно выбирать смерть, он написал письмо к отцу с исправлениями к нескольким своим стихам, роскошно пообедал и дал свои руки врачу для вскрытия жил» (Светоний, цит. изд., с. 245).

Более характерные подробности известны нам о смерти другого талантливого писателя эпохи Нерона любимца императора Гая Петрония, который одно время занимал должность

проконсула Вифинии и которого Нерон приблизил к себе, потому что ценил его остроумие, его обширные познания в искусствах и его изобретательность в развлечениях. Он получил прозвище Арбитра за то, что Нерон видел в нем, по словам Тацита, «законодателя изящного вкуса» *arbiter elegantiae* и «считал приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 319). Петроний в заговоре Пизона не участвовал, но был приятелем некоторых заговорщиков, и в частности, Флавия Сцевина. Ближайший фаворит Нерона Тигеллин давно испытывал зависть к Петронию из-за его близости к императору, и воспользовавшись заговором, обвинил его в дружбе со Сцевином.

Пока шло следствие и под пытками допрашивали заточенных в темницу рабов Петрония, сам он отправился вместе с Нероном в Кампанию, но в Кумах ему велено было остановиться. Принцепс проследовал дальше, и тогда Петроний не стал дожидаться неотвратимого конца, ускорив развязку самоубийством. «Вместе с тем, — рассказывает Тацит, — расставаясь с жизнью, он не торопился ее оборвать и, вскрыв себе вены, то, согласно своему желанию, перевязывал их, то снимал повязки; разговаривая с друзьями, он не касался важных предметов и избегал всего, чем мог бы способствовать прославлению непоколебимости своего духа (заметим, в противоположность тогда же умиравшему по приказу императора Сенеке — *В. Ц.*). И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души и мнений философов, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи. Иных из рабов он оделил своими щедротами, некоторых — плетью. Затем он пообедал и погрузился в сон, дабы его конец, будучи вынужденным, уподобился естественной смерти» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 320).

Выдающийся французский романист Г. Буассье остроумно замечает в связи со столь своеобразными предсмертными жестами Петрония: «В эпоху Нерона было много эпикурейцев по поведению, но не по принципу; в особенности при приближении последней минуты эпикурейская философия основательно забывалась... Эпикуреизм может помочь жить, но опыт показал, что его недостаточно для смерти... Обычно обращались к помощи какого-нибудь мудреца и принимались за изучение надежд на будущую жизнь... Тразея слушал киника Деметрия, беседовавшего с ним о бессмертии... Один только Петроний

сумел умереть безукоризненным эпикурейцем» (Буассье, цит. изд., с. 187–188).

Продолжая рассказ о последних минутах Петрония, Тацит писал: «Даже в завещании в отличие от большинства осужденных он не льстил ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому другому из власть имущих, но описал безобразные оргии принцепса, назвав поименно участвующих в них распутников и распутниц и отметив новшества, вносимые ими в каждый вид блуда, и, приложив печать, отправил его Нерону. Свой перстень с печатью он сломал, чтобы ее нельзя было использовать в злонамеренных целях» (Тацит, цит. изд., т. 1, с. 320).

Гай Петроний Арбитр был вероятным автором знаменитого «Сатирикона». Некоторые исследователи считают «Сатирикон» тем самым «завещанием», которое написал умирающий собутыльник Нерона, отправив его императору, но это легковесная выдумка — в «Сатириконе» действуют вымышленные лица, вовсе не принадлежащие к окружению принцепса, и сочинения подобных размеров, а сохранившаяся часть — это только фрагмент романа, относящийся к его 14, 15 и 16 книгам, притом что общее число книг неизвестно, даже при самой ошеломляющей гениальности не пишутся в столь короткое время, какое оставалось у Петрония, после того как он узнал о неизбежности смерти, и в столь экстремальных условиях.

«Сатирикон», или «Сатира» — так, вероятно, назвал свою книгу автор, определив тем самым ее жанр, восходящий к Менипповой сатире, в которой стихи чередуются с прозой, — это своего рода пародия на приключенческий греческий роман, которой как раз не достает того, что впоследствии стало обозначаться словом «сатира» — в «Сатириконе» нет обличительного пафоса; рассказывая об отпетых негодях и их гнусных пороках, писатель совершенно устраняется от всякого морализаторства, так что на первый взгляд его легко заподозрить в иморализме, но легкая ирония, порой не чуждая трудноуловимой брезгливости, с какой он рассказывает о приключениях своих героев, должна удержать читателя от такого, возможно, поспешного приговора, однако контраст с всепоглащающим этическим тоталитаризмом старшего современника Петрония Сенеки в «Сатириконе» разителен.

Роман прихотливо пестр своим содержанием. В сохранившемся виде он представляет собой цикл авантурных новелл.

Утраченные фрагменты связывают их, вероятно, в осмысленную цепь. Сюжетную основу сохранившегося текста представляют скитания бродяг вольноотпущенников Энколпия, который обесчестил, обокрал, а потом и убил жену своего друга, но при этом вовсе не испытывает какого бы то ни было подобия угрызений совести, и его смазливому миньону Гитона по городам Южной Италии, населенной в основном греческим элементом. Цель их бродяжничества — в поисках удовольствий, наживы, никаких моральных тормозов у них нет. Иногда они терпят неудачи — не всегда украсть удается им, порой и их обворовывают, и все-таки они не унывают, и в любом случае находят, как выкрутиться из самого трудного и безнадежного положения. Их странствия сопровождаются пародирующими греческий роман приключениями — кораблекрушением, любовными домогательствами, преследованием враждебного божества — у Петрония это Приап. Время от времени к ним присоединяются другие бродяги, вроде странствующего поэта Эвмолпа, поэма которого представляет забавную пародию на «Фарсалию» Лукана.

В романе много вставных новелл. Одна из самых курьезных среди них посвящена вдове из Эфеса, которая решила похоронить себя заживо в склепе, где был погребен ее муж: оплакивая супруга и охраняя его останки, она отказывалась принимать пищу. В ту пору неподалеку от подземелья, где скрылась вдова, были распяты разбойники, и чтобы не дать родственникам распятых снять их тела для погребения, охранять их был приставлен солдат. Когда солдат услышал стоны вдовы, он из любопытства решил посмотреть, что происходит там, откуда доносятся эти горестные звуки. Обнаружив несчастную женщину, солдат вначале убедил ее, пользуясь поддержкой служанки, вкусить пищу, а затем, укрепив свои телесные силы, матрона уступила уже любовным уговорам милосердного солдата, который стал проводить время по преимуществу не у подножья крестов, а в склепе. Между тем, родственники одного из распятых разбойников, обнаружив, что тело его не охраняется, похитили его для погребения. Случившееся грозило солдату казнь. Горько сетуя на свою участь, он собирался поразить себя мечом, но вдова «не менее сострадательная, чем целомудренная» отвечала: неужели боги допустят до того, что мне придется почти одновременно увидеть смерть двух самых дорогих для меня людей? Нет! Я предпочитаю повесить мертвого, чем погубить

живого. Сказано — сделано: матрона велит вытащить мужа из гроба и пригвоздить его к пустому кресту. Солдат немедленно воспользовался мыслью рассудительной женщины. А на следующий день все прохожие недоумевали, каким образом мертвый взобрался на крест» (Ахилл Татий. Лвкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатирикон. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел. М., 1969, с. 316).

Самый хрестоматийно известный фрагмент «Сатирикона» — «Пир Трималхиона», сказочно разбогатевшего вольноотпущенника сирийца. Его национальное происхождение не случайность. Петроний подметил этнический сдвиг, продолжавшийся в его время в Риме и Италии, наводненной выходцами из Леванта, часто как раз из числа состоятельных вольноотпущенников, приобретающих права римских граждан и постепенно потеснивших потомков не только фактически уже вымерших исконных римских патрициев, но и италиков плебеев.

Будучи рабом, Трималхион заслужил милость господина, а потом свободу и наследство тем, что служил орудием его похоти. Затем он еще более разбогател торговлей и ростовщицеством. В бизнесе он обнаружил неиссякаемую энергию и упорство: «Вздумалось мне торговать... снарядил я пять кораблей, нагрузил вином — оно тогда на вес золота было — и отправил в Рим. Но подумайте, какая неудача: все потонули... В один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерциев. Вы думаете, я пал духом? Ей-ей, даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем не бывало снарядили другие корабли больше и крепче, и с большей удачей, так что никто меня за человека малодушного почесть не мог. Знаете, чем больше корабль, тем он крепче. Опять нагрузил я их вином, свининой, благовониями, рабами. Тут Фортуна (жена Трималхиона — *В. Ц.*) доброе дело сделала: продала все свои драгоценности, все свои наряды и мне сто золотых в руку положила. Это были дрожжи моего богатства» (Ахилл Татий, цит. изд., с. 284–285).

Трималхион нелепо тщеславен, хвастлив, окружил себя фантастически безвкусной роскошью, при этом, памятуя о пережитом им рабстве, он снисходителен и даже великодушен со своими рабами, есть у него и другие симпатичные черты: доброжелательность, насмешливый склад ума: когда в пиршественный триклиний были внесены «запечатанные гипсом стеклянные амфоры, на горлышках которых имелись ярлыки с надписью:

«Опимианский фалерн. Столетний», «Трималхион всплеснул руками и воскликнул: Увы, увы нам! Так, значит, вино живет дольше, чем людишки. Посему давайте пить», — и продолжал затем, обнаруживая добродушное хамство вчерашнего раба: «Я вас угощаю настоящим опимианским; вчера я не такое хорошее выставил, а обедали люди почище вас» (Ахилл Татий, цит. изд., с. 253). Если и есть у писателя легкая неприязнь к этому персонажу, то скорее она эстетического, чем этического свойства.

Сцены, представленные в «Пире Трималхиона», ценны для историка своими реалиями: хотя они и носят гротесковый характер, но в преломленном виде замечательно отражают обстановку своего времени, и не только своего. Фильм Феллини «Сладкая жизнь» сделан некоторым образом по мотивам «Пира Трималхиона», а популярные у нас анекдоты о русских нуворишах по стилистике отраженных в них нравов воспринимаются как реплики из «Сатирикона», лишь с легким налетом анахронизма. Вот хотя бы столь узнаваемый портрет бравого парвеню при его появлении в триклиниуме, куда его торжественно вносят из бани: «Его скобленая голова высывалась из ярко-красного паляя, а вокруг и без того закутанной шеи он еще намотал шарф с широкой пурпурной оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, — настоящее золотое, поменьше размером, с припаянными к нему железными звездочками. А чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем и еще скрепленным сверкающей бляхой браслетом из слоновой кости» (Ахилл Татий, цит. изд., с. 251–252). Китч, достойный кисти Никаса Сафронова.

Петроний — мастер языкового портрета. Речь его персонажей и лично и социально индивидуализирована, и это было литературной новацией — в более ранней римской и греческой беллетристике нет столь острой языковой дифференциации персонажей. Бродячий поэт Эвмолп и ритор Агамемнон говорят у него классической латынью образованной элиты, а речь Трималхиона и его гостей вольноотпущенников изобилует грамматическими ошибками, провинциализмами и варваризмами и в то же время она по-своему ярка и метафорична, пересыпана пословицами и поговорками. Язык персонажей Петрония — относительно

редкий и оттого особенно ценный материал для изучения раннего этапа формирования вульгарной латыни.

Погруженность в быт характерна не только для прозы Петрония, но и для стихов поэта следующего поколения после него — Марка Валерия Марциала, который родился около 40 г., а умер в начале II века, не позже 104 г. Он происходил из иного социального круга, чем принадлежавший к аристократии Петроний. Уроженец испанского городка Бильбила, Марциал вырос в семье скромного достатка, его предки могли быть италийскими колонистами или романизованными автохтонами. В Рим он приехал в поисках успеха. Человек несомненно талантливый, в юности он, наверно, рассчитывал на скорую славу, но Рим преподал ему отрезвляющий урок. Позже, в одной из своих эпиграмм поэт добродушно и не без сочувствия посмеялся над иллюзиями честолюбивых самоуверенных провинциалов, которых привлекает в столицу надежда на карьеру и процветание: «Что за причина тебя иль надежда в Рим привлекает, Секст? И чего для себя ждешь ты иль хочешь, скажи? «Буду вести я дела, — говоришь, — Цицерона блестящей, и на трех форумах мне равным не будет никто». И Авестин вел дела, и Цивис, — обоих ты знаешь, — но не один оплатить даже квартиры не мог. «Если не выйдет, займись тогда я стихов сочиненьем: Скажешь ты, их услышав, подлинный это Марон». Дурень ты: все, у кого одержонка ветром подбита, или Назоны они, или Вергилии здесь».

Стихотворство не обогатило Марциала, но стало для него ремеслом, промышляя которым, он имел кусок хлеба и крышу над головой, хотя ввиду скудости его доходов и дороговизны столичной жизни обитал он в тесном жилище с весьма скромной обстановкой — обращаясь к одному из богачей, он писал: «Ножки ливийских столов у тебя из кости индийской, а у меня черепком буковый столик подперт». Гонорарами поэту служили подачки состоятельных ценителей его стихов, которым он умел изобретательно угождать. Порой эти меценаты приглашали его пожить в их роскошных домусах или виллах, куда он перебирался на время из более привычной ему квартирки в высокоэтажной инсуле, по видимости, вполне довольный ролью клиента, или, по-гречески, парасита.

С. Шервинский в своей замечательной статье об античной лирике разражается громогласной тирадой, посвященной Марциалу, который «принял на себя роль литературного поденщика

при императорах и вельможах... Марциал проявил настоящее искусство «поэтической рептилии». То он забавляет читателя невинными домашними мелочами, вроде описания всяких яств и питий, то едко высмеивает кого-нибудь, а это всегда приятно человеческой злобности. Но не это главное. Главное то, что он — развратен. Сам? Трудно сказать. Но он не мог не понимать, почему над табличками его стихов таким румянцем вспыхивают щеки и у подростков, и у матерей семейств, и у молодых девушек. Каких только уроков нет в его эпиграммах!». Начав за упокой, Шервинский заканчивает свою оценку поэзии Марциала за здравие: «Но почему все же всемирная слава? Ответ — в пользу поэта. Марциал — не Барков. Марциал — это и Вольтер, и Рабле, и даже отчасти Пушкин, столько истинного блеска в его сатирической едкости, в его неиссякаемом остроумии, в поэтической точности его «зарисовок», в краткости, доступной лишь высокому литературному дарованию» (Шервинский С. Античная лирика. — Античная лирика. М., 1968, с. 23).

Марциал написал более тысячи эпиграмм, составивших 12 книг. Первоначально жанр эпиграммы предполагал короткое лирическое стихотворение с актуальным содержанием. Сатирический оттенок придал ему как раз Марциал, но насмешливы, язвительны и ядовиты не все его эпиграммы. Среди них есть и другие — льстиво хвалебные, застольные, надгробные.

Одна из самых поэтических его эпиграмм посвящена смерти девочки, и тема и тон этого стихотворения не имеют ничего общего с тем, что ныне зовется эпиграммой: «Мать Флакцилла и ты, родитель Фронтон, поручаю девочку эту я вам — радость, утеху мою, чтобы ни черных теней не пугалась Эротия-крошка, ни зловещего пса Тартара с пастью тройной. Полностью только шесть зим она прожила бы холодных, если бы столько же дней было дано ей дожить. Пусть же резвится она на руках покровителей старых и по-младенчески вам имя лепечет мое, нежные кости пусть дерн ей мягкий покроет: не тяжелой будь ей, земля, ведь она не тяготила тебя».

Эпиграммы Марциала — неиссякаемый источник сведений о реалиях Рима, о его домах, улицах, форумах, рынках, термах и о населяющих его людях, особенно тех, что занимают средние и нижние ярусы его социальной пирамиды: лекарях-шарлатанах, голодных учителей, неудачливых адвокатов, уличных воришках, плутоватых трактирщиках и забубенных завсегдата-

ях трактиров, цирка и лупанариев — в его эпиграммах пестрой толпой присутствуют изобретательные проходимцы, пьяницы, напыщенные щеголи, ревнивые старики, блудливые матроны.

Погруженный в сутолоку столичной жизни, Марциал с ностальгией вспоминает свою, как ему представляется издалека, изобилующую земными плодами родину: «Тянет меня на Таг златоносный, к родному Салону и вспоминаю в полях сельских обильный наш дом. Та по душе мне страна, где при скромном достатке богатым делаюсь я, где запас скудный балует меня. Землю содержим мы здесь, там земля нас содержит; тут скупое тлеет очаг, и горит пламенем жарким он там; дорого здесь голодать, и рынок тебя разорвет, там же богатством полей собственных полнится стол».

Мечта уставшего от беспокойного столичного прозябания Марциала о возвращении на родину исполнилась, когда богатая почитательница его стихов Марцелла, родом из Испании, подарила поэту виллу в родной стране, куда поэт и переселился на закате своих дней. Этому своему поместью он посвятил восторженную эпиграмму: «Рощица эта, ключи, и сплетенного сень винограда, и орошающий все ток проведенной воды, луг мой и розовый сад, как в Пестуме, дважды цветущем, зелень, какую мороз и в январе не побьет, и водоем, где угорь у нас прирученный ныряет, и голубятня под цвет жителей белых ее — это дары госпожи: вернувшись чрез семь пятилетий, сделан Марцеллоу я был этой дачи царьком».

Оттуда, из родной Бильбилы, обращался он с посланием к своему другу и собрату по поэтическому мастерству Ювеналу, намного пережившему Марциала: «Ты теперь, Ювенал, быть может, бродишь беспокойно по всей Субуре шумной, иль владычной Дианы холм ты топчешь: понукает тебя к порогам знати потогонная тога, и томишься ты, всходя на Большой и Малый Целий. Я ж опять, декабррей проживши много, принят сельскою Бильбилей родною... Сном глубоким и крепким сплю я, часто даже в третьем часу не пробуждаясь: отсыпаюсь я всласть теперь за время, что все тридцать годов недосыпал я. Тоги нет и в помине; надеваю что попало, с поломанных взяв кресел. Я встаю — уж очаг горит приветно кучей дров, в дубняке соседнем взятых... Так и жить я хочу и так скончаться».

Мечта поэта умереть на родине исполнилась. Прах Марциала, исходившего в стоптанных сандалиях булыжные мостовые

Субуры и Авентина, Виминала и Целия тысячекратно во всех направлениях, был принят гостеприимной землей родной Испании. Самый образованный из тех сановников, кто покровительствовал полунищему поэту, Плиний Младший так отозвался на известие о его смерти: «Я слышу, умер Валерий Марциал; горюю о нем; был он человек талантливый, острый, едкий; в стихах его было много соли и желчи, но немало и чистосердечия. Я проводил его, дал денег на дорогу: это была дань дружбе, а также дань стихам, которые он написал обо мне» (Плиний Младший, цит. изд., с. 59).

Самым популярным у римлян театральным искусством была пантомима. Не прижились в столице империи игры, которые устраивались по греческому образцу. Эллинофил Нерон ввел периодически празднуемые Неронии, в программу которых входили спортивные состязания, а также поэтические и музыкальные конкурсы, но они оставляли римлян равнодушными, и после свержения Нерона прекратились. Не говоря уж об одиозности личности их учредителя, причиной тому послужил и патриотизм римлян, и их унаследованное у старой республики бытовое пуританство — в этих играх по греческому примеру состязались обнаженные юноши, а главное, для римлян эти игры и состязания казались слишком пресными и скучными.

Большой успех выпал на долю Капитолийских игр (Agon Capitolinus), которые заведены были Домицианом. В их программу входили бег, кулачный бой, метание диска и копья, но также конкурс в латинской и греческой поэзии, красноречии и музыке. Для проведения спортивной части этих игр Домициан устроил стадион на Марсовом поле, очертания которого сохранила выросшая на его месте самая прекрасная из римских площадей прославленная пьядца Навона. Для поэтической и музыкальной программы Капитолийских игр Домициан велел построить Одеон. Эти игры пережили своего основателя. Они привлекали интерес части римской публики, но он не шел ни в какое сравнение с той всеобщей всепоглощающей страстью, которая влекла римлян в Колизей.

15. Быт и нравы римского общества I столетия

Римское общество эпохи раннего принципата стояло на исключительно высоком уровне культурного развития, если его оценивать внешним образом, например, по такому критерию,

как распространение грамотности в народе. В Риме, Александрии, городах Эллады грамотные составляли значительное большинство. В Италии их доля перевешивала половину населения, а во всем народонаселении империи грамотных было, вероятно, около половины. Не менее десяти миллионов человек, италиков и жителей восточных провинций, родным языком которых не был греческий, владели этим языком. Хорошо образованные греки, разноязыкие легионеры, жители городов, а отчасти также и сел Испании, Галлии, Африки, центральной Европы, в том числе и те из них, кто сохранил знание родного языка, более или менее свободно пользовались латынью. Принадлежность к высшему сенаторскому сословию, за редкими исключениями, предполагала полное, или высшее образование, включавшее основательные сведения в философии, юриспруденции, риторике, латинской и греческой. При уязвимости любых исторических параллелей, можно все-таки утверждать, что массовая культура в Западной Европе достигла уровня Римской империи во второй раз не ранее рубежа XIX и XX веков, в России — в середине XX, а в Китае — к концу XX столетия. В любом случае Франция эпохи Просвещения с ее почти всеобщей неграмотностью крестьянства, составлявшего значительное большинство населения, а также городских низов, была несравненно менее просвещенной страной, чем Римская империя I столетия от Р.Х.

Лишь по степени падения нравов светское общество Франции галантного века, времен регентства и правления Луи XV, может соперничать с римской знатью эпохи Калигулы, Клавдия или Нерона. Но по причине лучшего образования римского плебса в сравнении с французским простонародьем он и нравами своими ближе стоял к элите, чем французский народ к высшему свету своей страны. Надрывный морализаторский пафос Сенеки, равно как и беспредельная толерантность Петрония или Марциала, могущая производить обманчивое впечатление нравственной нечистоплотности, равным образом свидетельствуют об одном и том же — о тотальном падении общественной морали. Изобретательный разврат во всех его естественных и противоестественных видах стал нормой жизни, его не прятали от посторонних глаз, но выставляли на всеобщее обозрение, им прямо гордились, им хвастались. Унизительной и постыдной считалась в обществе супружеская верность и не только мужа, но и жены, тем более добрачное целомудрие юноши — девушек

часто отдавали замуж в слишком нежном возрасте и только потому еще не растленными. В лучшем случае в уклонении от всеобщего погружения в пучину разврата видели своего рода чудачество. Хуже того, встречавшиеся еще люди добрых нравов сами уже не редко стыдились своей непохожести на других, своим непопаданием в общепринятый тон, своим некомильфо.

Нравственная распущенность разрушала семью, в том же направлении действовала и эволюция законодательства, регулирующего брачные и семейные отношения. Власть патерфамилиаса была подорвана лишением его древнего права распоряжаться жизнью и смертью зависимых от него лиц. В эпоху принципата лишь у родного отца сохранилось право выносить новорожденного ребенка к выгребной яме, где большинство таких подкидышей погибало — этой привилегией часто пользовались бедняки, которые не могли содержать лишние рты; но если ребенка оставляли у себя дома, в дальнейшем избавиться от него законным образом ни патерфамилиас ни его родной отец, если это было другое лицо, уже не могли. Тем более лишены были патерфамилиасы и мужья права на убийство жен или невесток, хотя бы и виновных в супружеской измене. Более того, еще до наступления эпохи принципата жена в случае брака *sine manu* получила право на развод по собственной инициативе, и даже без необходимости мотивировать его, при этом через гражданский иск она могла вернуть себе свое приданое. Как считал Ж. Каркопино, издавая соответствующий закон, Август «старался защитить в приданом, этой вечной приманке для претендентов» «возможность для женщин вступить в новый брак» (Каркопино, цит. изд., с. 145), важную для него в видах его демографической политики. Но женщины, легко шедшие на развод, не стремились обзаводиться детьми, так что результат получался противоположным той цели, которой стремился достичь Август этим актом.

Между тем, непрочность брачных уз приобретала в эпоху принципата прямо карикатурный оттенок. Саркастически характеризуя нравы своих современниц, Сенека писал: «Никакую женщину больше не смущает то, что она расторгает свой брак, потому что самые блестящие дамы взяли за обыкновение считать годы уже не по именам консулов, но по именам мужей. Они разводятся, чтобы выйти замуж. Они выходят замуж, чтобы развестись» (цит. по: Каркопино, цит. изд., с. 148). Понятно,

что у столь увлекающихся матрон не могло быть интереса к деторождению.

Тем реже встречался материнский инстинкт у тех дам, кто, не имея темперамента полигамных матрон, с увлечением погружался в политические интересы, в ученые занятия, либо, при менее развитом уме, но со столь же неукротимым феминистским задором, предавались охоте на диких зверей, фехтованию, скачкам — восседая при этом не на скамьях цирка, но на колеснице. В результате рождаемость в Риме, Италии и Элладе катастрофически падала. Едва ли не половина супружеских пар, в особенности, в высшем сенаторском сословии, оставалась бездетными. Семья, в которой воспитывалось трое детей, в I столетии от Р. Х. представляла собой уже редкое исключение. Правом на преимущества в служебной карьере, предоставляемым лицам, имеющим не менее трех детей, предусмотренным законодательством Августа, некому было пользоваться, и оно становится фикцией, так что бездетные сенаторы или всадники просят у принцепсов в качестве милости предоставления им подобного права. А одна матрона, родившая и выхотившая пятерых детей, дважды на секулярных играх, в 47 и 88гг., удостоивалась государственных почестей за свой небывалый подвиг. Ориентация римского и итальянского общества в эпоху принципата явилась следствием не одного только наводнения Рима предприимчивыми преселенцами из восточных провинций и оттуда же вывезенными рабами, относительно скоро становившимися вольноотпущенниками, но и массовым отказом итальянских женщин разных сословий и социальных страт повиноваться прирде и рожать детей.

Некоторые из современных авторов причину резкого снижения рождаемости в Риме обнаружили в одном из достижений технического прогресса. «Недавно было замечено, — писал А. Азимов, — что спад рождаемости в больших городах империи совпадает с тем моментом, когда они стали достаточно богаты, чтобы создать центральное водоснабжение. Вода распространялась по свинцовым трубам, а результатом этого во многих случаях было хроническое отравление свинцом, дополнительно снижавшее способность к деторождению» (Азимов Айзек. Римская империя. Величие и падение Вечного города. М., 2006, с. 141, прим.). Возможно, что и этот фактор влиял на демографическую ситуацию, но в любом случае преувеличивать его значения

не стоит, потому что и в больших городах водопроводные трубы в основном изготавливались из керамики; в любом случае водой из свинцовых труб пользовалась относительно малая часть населения, не способная заметно повлиять на демографическую картину в имперских масштабах, а резкое снижение рождаемости характеризует значительное большинство римлян, италиков и эллинов, в том числе и тех, что проживали в маленьких городах и в деревнях, где они, за исключениями проживавших в фешенбельных виллах семей, клиентов и рабов состоятельных магнатов, обходились вовсе без водопроводной воды, так что для пересмотра устоявшейся оценки, объясняющей снижение рождаемости, говоря словами того же автора, «эгоистической роскошью высших классов» и «общей апатией, постепенно охватывающей низшие» (Азимов, цит. изд., с. 141, прим.) оснований нет.

Сравнивая семейную этику ранней республики и принципата, Ж. Каркопино писал: «Как же далеко мы ушли от назидательной картины, которую предлагала нам римская семья героической эпохи республики! Ее лишенный изъянов образ трещит по всем швам. Женщина пребывала в строгом подчинении своему хозяину и господину; ныне она уравнивается с ним и соперничает, если не берет над ним верх. Она пребывала в состоянии общности имущества; теперь она существует в условиях едва ли не полного его разделения. Она была преисполнена гордостью своей плодовитостью; теперь она ее бежит. Она была верна, а теперь ветрена и развращена. Разводы были редкостью; ныне они происходят так часто, что прибегать к ним с такой беззастенчивостью значило на деле, как говорит Марциал, предаваться легальному блуду» (Каркопино, цит. изд., с. 148).

Но и в Риме эпохи Нерона случались примеры, контрастировавшие с общим строем семейной жизни, ставшей своего рода юридическим прикрытием фактического проскуимитета, примеры трогательной или прямо героической супружеской верности и любви. Плиний Младший рассказывает в одном из своих писем о жившей при Клавдии матроне Аррии: «Болел Цецина Пет, муж ее, болел и сын — оба, по-видимому, смертельно. Сын умер; был он юношей редкой красоты и такого же благородства. Родителям он был дорог и за эти качества и как сын. Она так подготовила похороны, так устроила проводы, что муж ничего не узнал; больше того, входя в его комнату, она говорила, что сын жив и чувствует себя лучше; на постоянные расспросы

отца, как мальчик, она отвечала: «хорошо спал, с удовольствием поел». Когда долго сдерживаемые слезы прорывались, она выходила из комнаты и тогда уже отдавалась горю; наплакавшись вволю, возвращалась с сухими глазами и спокойным лицом, словно оставив за дверями свое сиротство» (Плиний Младший, цит. изд., с. 55). Пет выздоровел, и только тогда, очевидно, узнал о смерти сына. Когда впоследствии он был обвинен в государственной измене и ему угрожала казнь, Аррия, чтобы побудить мужа упредить пытки и смерть от руки палача, пронзила себе грудь кинжалом, вытащила кинжал из кровавой раны и протянула его мужу со словами «Пет, не больно» (Плиний Младший, цит. изд., с. 55). Счастлив во втором браке с Кальпурнией был описавший этот случай сам Плиний Младший, но этот его брак, равно как и первый, остался бездетным — единственная известная из его переписки беременность Кальпурнии окончилась выкидышем. И это также была черта эпохи.

От разнузданного быта римского истеблишмента и языческого плебса разительно отличались нравы, царившие в христианских общинах, но христиане, какого бы происхождения они ни были, считали себя иным народом — *societas* или полития, отличным от римлян и эллинов.

А охватившая римлян и эллинов, равно как и эллинизированных или романизированных сирийцев и египтян страсть к наслаждениям влекла их не только к половому распутству, но и к диким изыскам во всякого рода гурманстве или к вульгарному обжорству. Раблезианская роскошь пира Тримальхиона — это, конечно, гротеск, но по существу дела вполне реалистичский: вот как живописует Петроний одну из многочисленных перемен блюд на этом пиру: «На круглом блюде были выложены кольцом двенадцать знаков Зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Овном — овечий горох, над Тельцом — говядину кусочками, над Близнецами — почки и тестикулы, над Раком — венок, над Львом — африканские фиги, над Девой — матку неогулявшейся свиньи, над Весами — настоящие весы с горячей лепешкой на одной чашке и пирогом на другой, над Скорпионом — морскую рыбку, над Стрельцом — лупоглаза, над Козерогом — омара, над Водолеем — гуся, над Рыбами — двух красnobородок. Посередке, на древнине с подстриженной травой, возвышался медовый сот» (Татий Ахилл, цит. изд., с. 253).

Французский романист П. Грималь, влюбленный в античный Рим, восхищается феерической театральностью «Пира», «желанием все превращать в представление, сопровождать прием пицци пантомимой, например подавать кабана с помощью дворецких, переодетых охотниками. Эта театральность, перенесенная в столовую, является тем же поиском невозможного или, по крайней мере, чудесного, который нам кажется столь характерным для римского воображения» (Грималь Пьер. Цивилизация древнего Рима. Екатеринбург — М., 2008, с. 395).

А вот римлянин и римский стародум Сенека, стоик и поклонник суровой и аскетичной римской древности, описывает подобные пиршества с брезгливой гадливостью, особенно подчеркивая их вредность для здоровья: «Неужели ты полагаешь, будто союзническая приправа, эта драгоценная сукровица протухших рыб, не жжет соленой жижей наших внутренностей? Неужели, по-твоему, эти гноящиеся куски, что идут в рот прямо с огня, остывают у нас в утробе без всякого вреда? Какою мерзкой отравой потом рыгается! Как мы сами себе противны, когда дышим винным перегаром!.. Ленъ уже есть все по отдельности — и вот на стол подают то, что должно получиться в сытом животе. Не хватает только, чтобы все приносилось уже пережеванным! Впрочем, и не хватает самую малость: ведь скорлупа снята, кости вынуты, вместо зубов потрудились повара... Право, в блевотине пища перемешана не меньше» (Сенека, цит. изд., с. 234). И в качестве неперемешанного десерта к подобным пиршествам «толпы несчастных мальчишек, которых по окончании пира ждут в спальне новые надругательства» (Сенека, цит. изд., с. 233).

С тем же сарказмом писал Сенека о еще одном повальном увлечении своих современников — строительстве роскошных частных бань со всякого рода изобретательными техническими устройствами. Посетив усадьбу Сципиона Африканского Старшего и побывав в его «баньке, тесной и темной, по обыкновению древних», он пишет Луцилию: «Кто бы теперь вытерпел такое мытье? Любой сочтет себя убогим бедняком, если... александрийский мрамор не оттеняет нумидийские наборные плиты.., если кровля не из стекла, если фасийский камень, прежде — редкое украшение в каком-нибудь храме, не обрамляет бассейнов, в которые мы погружаем похудевшее от обильного пота тело, если вода льется не из серебряных

кранов. Но до сих пор я говорил о трубах для плебеев, — а что если я возьму бани вольноотпущенников? Сколько там изваяний, сколько колонн, ничего не поддерживающих и поставленных для украшения, чтобы дороже стоило! Сколько ступеней, по которым с шумом сбегает вода! Мы до того дошли в расточительстве, что не желаем ступать иначе как по самоцветам... Теперь называют тараканьей дырою ту баню, которая устроена не так, чтобы солнце целый день проникало в широченные окна, не так, чтобы в ней можно было мыться и загорать сразу, чтобы из ванны открывался вид на поля и море» (Сенека, цит. изд., с. 182–183).

Сенека сравнивает баню Сципиона с сооружениями современных ему богачей, хотя бы и из числа вольноотпущенников и из тех, кого он называет плебеями по их худородности, но и настоящий полунищий римский плебс в эпоху принципата имел возможность для комфортного мытья, не в собственной, конечно, бане, но в городских термах. Хотя само это слово греческое, но обозначает оно римское изобретение — заведение, соединяющее в себе баню и палестру, предназначенную для гимнастических упражнений. Самый обычай устраивать бани (*balnea*) в частных домах был заимствован римлянами у греков в III веке до Р. Х., но позволить себе подобные расходы могли лишь состоятельные люди, и в следующем столетии в Риме стали устраиваться общественные мужские и женские бани: одни из них строились за благотворительный счет, другие — предпринимателями, взимавшими плату за пользование ими, причем весьма умеренную — четверть асса, или квадранс, соответствующую приблизительно 5 современным рублям или 15 американским центам, и потому бани были общедоступными. В 33 г. до Р. Х., когда при Августе городским эдилом был Агриппа, по его указанию пересчитали все городские бани — их в Риме оказалось 170, и число их с тех пор продолжало расти, приблизившись через столетие к тысяче. Агриппа взял на себя расходы на содержание городских бань за целый год.

В 20 г. до Р. Х. он распорядился построить первые термы, посещение которых стало бесплатным для римлян. Впоследствии пользование ими либо оставалось бесплатным, либо за посещение их взимался все тот же квадрант, так что это роскошное заведение сохраняло свою общедоступность. Новые термы в Риме выстроены были на Марсовом поле уже Нероном, затем Тит

соорудил термы возле Золотого дома, их портик выходил на Коллизей. Термы представляли собой целый комплекс помещений, предназначенных для мытья и гимнастических упражнений — их ближайшим эквивалентом в наше время могут считаться фитнес-центры. В этот комплекс входили расположенные у входа *apodyteria* — раздевалка с гардеробами, *tepidarium* — помещение с прохладной температурой, *frigidarium* — помещение, где находился бассейн с холодной водой, *caldarium* — теплое помещение с горячей баней и бассейном с подогретой водой, *sudatoria* — парилка, *palestrae* и *scholae*, предназначенные для борьбы и гимнастики и *hystum* — крытая галерея для прогулок и даже библиотеки и музейные собрания произведений искусства.

Термы не имели отдельных помещений для мужчин и женщин, так что посещались по преимуществу мужчинами; стыдливые матроны и девицы мылись в женских банях, но те женщины, кто хотел соединить мытье с гимнастическими упражнениями или имел иные и более легкомысленные побуждения, могли посещать термы, оставаясь там вместе с мужчинами. При Нероне их поощряла к этому заведенная принцепсом и потому господствующая мода. Термы устраивались не только в столице, но и по римскому образцу — в других городах Италии и империи, в частности, в Помпеях. Обыкновенно они закрывались с заходом солнца, но по множеству ламп, обнаруженных при раскопках терм в Помпеях, можно предположить, что там купались и в ночное время.

Мытье в банях или термах сопровождалось соскабливанием с тела грязи специальными металлическими, костяными или деревянными скребницами. «Купающиеся, — по словам Ф. Коуэла, — либо брали с собой рабов, чтобы те несли их полотенца, соскребали грязь и вытирали их, либо оплачивали эти услуги в термах, где были массажисты, умастители, депиляторы и парфюмеры. Бедняки, которые не могли позволить себе таких услуг, вытирались и соскребали с себя грязь сами рукой или о стену... Термы... стали центрами общения. Они были известны шумом, исходящим из них, так как римляне любили петь в ваннах, напевать, разговаривать и кричать своим друзьям и знакомым. Забрав свои туники и тоги у гардеробщика.., они могли отдыхать, беседовать и прогуливаться, читать или есть, прежде чем все они отправятся восвояси: богатые — в закрытых

носилках, а бедные — пешком под палящим солнцем, в дождь или снег» (Коуэл Франк. Древний Рим. Быт. Религия. Культура. М., 2006, с. 184–185).

Шум, раздававшийся в термах, не шел ни в какое сравнение с теми тысячеустыми одновременными выкриками, часто сопровождаемыми звериным ревом, которые раздавались внутри амфитеатров, где сражались гладиаторы или устраивались звериные травли. *Munus* (бой гладиаторов) был любимым развлечением Рима, всепоглощающей страстью римской знати и римского плебса, мужчин и женщин, свободных и рабов. В эпоху классической республики *munera*, которые устраивались ланистами, представляли собой дело частной антрепризы, но со времени Юлия Цезаря их устройство — *editio munera* становится официальной обязанностью римских магистратов. При Тиберии оно возлагалось на преторов, при Клавдии — на квесторов. До Цезаря гладиаторские бои устраивались в цирке, либо в специально огораживаемых загородкой местах на форуме. При Цезаре для этого стало использоваться деревянное сооружение, представлявшее собой конструктивно двоянный театр, позже, в правление Августа, оно названо было амфитеатром. В 29 г. до Р.Х. в Риме был выстроен первый каменный амфитеатр, уничтоженный пожаром 64 г. Вместо него Веспасиан Флавий начал строительство Колизея, который и служил затем, до запрещения гладиаторских боев уже в христианскую эпоху, главной ареной римских *munera*.

В эпоху принципата ланисты с их гладиаторскими тренировочными школами (*ludus gladiatorus*) и труппами гладиаторов (*familia gladiatora*), в состав которых входили как купленные рабы, так и добровольно вступившие по бедности или по бесшабашности или, чаще, по той и другой причине сразу свободные и которые предоставлялись за солидную плату муниципальным властям для проведения *munera*, сохраняются лишь в городах Италии и провинции. В Риме труппы гладиаторов содержатся городом, размещаются в казармах вблизи Колизея и находятся в ведении специально назначенных чиновников. Рекрутировались они из числа пленников и осужденных преступников, отличавшихся незаурядной силой, храбростью и высокими боевыми качествами. Гладиаторы разделялись на опытных, испытанных в поединках инструкторов и начинающих учеников, кроме того, они, как и в прежнюю эпоху, различались по виду

используемого оружия и приемам боя на фракийцев, самнитов, мурмилионов и ретиариев.

Мунера обыкновенно продолжались с раннего утра до наступления ночи. По-гречески поединки гладиаторов назывались гопломахиями. Особой разновидностью гопломахии было так называемое *lusio* (игра), когда она продолжалась целый день, или *prolusio* (предыгра), если она только предшествовала настоящей *munus*. Участники *lusio* боролись оружием с предохранительными наконечниками или затупленными концами, подобно современному спортивному фехтовальщику. *Lusiones*, имитировавшие настоящий кровавый поединок, мало увлекали римских зрителей, которые приходили в амфитеатр, чтобы насладиться зрелищем настоящей крови и смерти. Вечером накануне мунера для гладиаторов устраивалась свободная трапеза — *sena libera*, которая называлась так потому, что на нее допускалась публика. Азартные ценители гладиаторских поединков заключали пари — *sponsiones*.

Munus в амфитеатре начинался с парада гладиаторов, одетых в пурпурные, расшитые золотом плащи. Они строем обходили арену, и поравнявшись с ложей императора, хором громко выкрикивали приветствие: *Ave, imperator, morituri te salutant* (идущие на смерть приветствую тебя), и в этой аккламации не было риторики, она выражала действительное положение вещей. После парада проводилась проверка оружия (*probatio armorum*), при этом выявлялось, не затуплены ли кинжалы и мечи. Затем жребием определялись пары сражающихся и последовательность их выхода на арену. Перед первым поединком раздавались звуки музыкальных инструментов — флейт, труб, рогов, водяного органа.

Поединок сопровождался темпераментными выкриками зрителей: *verbera!* (бей), *iugula!* (режь), *habet!* (получи). Если у инструктора возникало опасение, что гладиаторы бьются вполсилы, жалеют себя или друг друга, он призывал *lorarii* (слуг с бичами), которые подбадривали сражающихся ударами бичей. Когда один из гладиаторов погибал на арене, к нему, как пишет Ж. Каркопино, подбегали слуги, «одетые когда Хароном, когда Гермесом Психопомпом, убеждались, ударяя его молотком по лбу, в действительности кончины и подавали *libitinarii* знак унести его на носилках за пределы арены, между тем как пропитанный кровью песок поспешно взрыхляли и переворачивали» (Каркопино, цит.

изд., с. 332). Если же один из участников поединка, раненый или обессиленный, не мог продолжать бой, он бросал оружие, ложился на спину и поднимал левую руку, прося пощады. Его противник мог убить или пощадить побежденного, но когда на гоппломахии присутствовал император, право распорядиться жизнью поверженного предоставлялось ему, а император, в свою очередь, нередко запрашивал мнение зрителей. Если большинство из них размахивали платками, поднимали палец вверх и кричали *mitte* (отпусти), то и император, соглашаясь с толпой, поднимал палец, и пощажённый гладиатор уходил с арены живым. В противном случае, когда зрители считали, что просящий пощады гладиатор не защищался до конца, обнаружил малодушие и трусость, они требовали его смерти, опуская палец вниз и сопровождая этот жест криками *iugula!* (режь), и если император присоединялся к пожеланию большинства и тоже опускал палец, победитель закалывал поверженного собрата ударом кинжала в горло. В отдельных случаях поединки прекращали, когда оба гладиатора оставались на ногах — тем самым публика выражала уважение к храбрости равных по силе противников.

Победитель получал щедрое вознаграждение — серебряные чаши, золотые монеты; зрители, особенно те азартные игроки, кто, заключая пари, делали ставку на него, приветствовали его одобрительными выкриками. Успешный гладиатор становился модным, подобно искусным мимам или победителям на конских состязаниях — его благосклонностью дорожили легкомысленные матроны. Высшей наградой гладиатору служило вручение ему деревянного палаша *rudis* в знак освобождения от рабства. Но этой наградой удостаивались лишь редкие счастливицы, большинство гладиаторов погибало на арене.

Иногда в амфитеатре устраивались *munera sine missione* — игры без пощады, в которых никто не мог уцелеть. После гибели первого гладиатора, против победителя выходил третий, и серия поединков продолжалась до тех пор, пока не погибали все участники труппы. Подобные *munera* устраивались обыкновенно в полдень. По сути дела включение в команду полуденных гладиаторов (*meridiani*) обозначало смертный приговор, который выносился убийцам, грабителям, поджигателям или политическим преступникам, нередко христианам.

Помимо гладиаторских боев в амфитеатре устраивались также травли зверей — *venationes*. Иногда это были всего лишь

цирковые дивертисменты между тупега, когда слоны вставали на колена перед императорской ложей или хоботом чертили на песке арены латинские буквы, слова и даже короткие фразы, или тигр лизал руку бичевавшего его дрессировщика, пантеры везли по арене повозки. Устраивались и такие *venationes*, когда между собой сражались звери, часто разных видов — слон с носорогом, медведь с буйволом. На арене амфитеатра устраивались также сражения вооруженных гладиаторов, которых сопровождали своры охотничьих собак, со зверями — тиграми, львами, пантерами; такие *venationes* имитировали охоту и заканчивались массовой гибелью зверей, но своей жизнью рисковали и гладиаторы. При открытии амфитеатра Флавия в 80 г. в один день на его арене погибло около 5 тысяч зверей. В результате столь затратных развлечений в эпоху принципата в Месопотамии были истреблены львы, в Нубии — бегемоты, в Северной Африке — слоны.

Но подобно тому как тупега могли служить видом казни осужденных на смерть преступников, аналогичную роль выполнял и определенный вид *venationes*. Первый опыт такой казни был совершен при Августе на форуме: к столбу был привязан приговоренный к смерти разбойник Селур, и на него спустили свору голодных пантер и леопардов. А позже приговоренных к смерти стали выводить на арену амфитеатра, и затем туда же выпускали зверей. Это уже была травля не зверей, а людей. Преступников из числа рабов, бедных вольноотпущенников, перегринов, и вообще всех тех, кто принадлежал к числу *humiliores* (незначительных, низших) нередко приговаривали к смерти *ad bestias* (к зверям), и поэтому их называли бестияриями, но так же именовались и гладиаторы, выходившие на арену биться со зверями с оружием в руках. Приговор *ad bestias* особенно часто выносился против христиан. На арене Колизея львами, тиграми, пантерами были растерзаны тысячи христианских мучеников.

16. Церковь в Апостольский век

Начало истории Церкви Христовой восходит к Пятидесятнице, когда в Сионской горнице собрались вместе 12 учеников Спасителя: Симон Петр и брат его Андрей, сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн, Филипп и Варфоломей, мытарь Левий Матфей и Фома, Иаков Алфеев и Левей, прозванный Фаддеем,

в Евангелии от Луки наименованный Иудой Иаковлевым, Симон Кананит, прозванный Зилотом, а также избранный жребием вместо отпавшего Иуды Матфий. Там, как об этом рассказано в «Деяниях апостолов» — главном источнике сведений о первых и важнейших событиях церковной истории, на них снизошел Святой Дух. Действием Его благодати они преобразились: до Пятидесятницы, во время земной жизни Христа и особенно после Его распятия, их вера в мессианство Учителя, их готовность пострадать вместе с Ним и за Него подвергалась колебаниям и изнемогала, не освобождала их от страха за собственную жизнь, но приняв дары Святого Духа, они, как это зримо представлено в «Деяниях», исполнились жертвенной решимостью нести людям благовест о пришедшем в силе Царствии Небесном — о наступлении Мессианского времени, о Новом Завете, которому с исполнением пророчеств уступает место Ветхий Завет, не страшась уже никаких испытаний, страданий, самой смерти, готовые с радостью принести свою земную жизнь в жертву служению Слову. Если раньше апостолы, слушая наставления и притчи Учителя, не до конца понимали их, то после Пятидесятницы их разум просветился Божественным Светом и из их собственных уст исходили слова, исполненные силы и истины.

В изречениях апостолов, известных из «Деяний», и в их посланиях содержится само Божественное Откровение — кериγμα, суть которой в исповедании родившегося в Вифлееме и распятого в Иерусалиме Иисуса обетованным ветхозаветными пророками Христом, Сыном Человеческим и Сыном Божиим, и прямо Богом, как Он назван был впервые, уже по Воскресении, апостолом Фомой, в вере в это Его Воскресение и в то, что Своей смертью на Голгофе Он спас человеческий род от греха, проклятия и смерти; а чтобы стать причастниками Его спасительной жертвы, нужна, — учили апостолы, — хриstopодражательная жизнь, в соответствии с той «новой заповедью», никогда и нигде ранее не слыханной, которую Господь преподавал в Нагорной проповеди: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду... Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся... Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь

за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 6, 39–40, 42, 44–45).

Для проповеди Евангелия всем народам земли, по заповеди самого Спасителя: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф 28, 19–20) — Дух Святой ниспослал им среди Своих даров и умение говорить на разных языках, так что иудеи рассеяния, пришедшие на праздник Пятидесятницы в Иерусалим, изумлялись: «Сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились, парфяне, и мидяне, и еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи, и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киренее, и пришедшие из Рима, иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих» (Деян 2, 7–11). К пораженным происшедшим иудеям обратился апостол Петр с проповедью об «Иисусе Назорее, Муже, засвидетельствованном... от Бога силами и чудесами и знамениями» (Деян 2, 22): «Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили, но Бог воскресил Его» (Деян 2, 23). Петр призвал слушавших его к покаянию и крещению «во имя Иисуса Христа для прощения грехов» (Деян 2, 38), и в тот день, как сказано в «Деяниях» крестилось около трех тысяч человек (см. Деян 2, 41).

О жизни первой христианской общины, которая названа была греческим словом «эклисиа», обозначающим «народное собрание» и соответствующим еврейскому «кагал», в «Деяниях» говорится так: «Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, приносили пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа» (Деян 2, 44–47). Такой образ жизни послужил впоследствии идеалом для христианского монашества. На него ссылались и приверженные хилиастической ереси средневековые утописты и даже не порывавшие с христианской традицией коммунистические прожектеры нового времени, но коренная ошибка утопистов заключалась в том, что они игнорировали

поврежденность человеческой природы, явившуюся следствием первородного греха, в результате которого совершенное человеческое общежитие, выходящее за рамки малых сообществ людей, избавляющихся от греха сребролюбия и самости, не осуществимо в жизни целых народов и всего человечества, о чем грезят фантазеры, поскольку необходимая для устроения такого общества победа над грехом мыслима лишь в эсхатологической перспективе, за горизонтом истории.

Первые христиане «постоянно пребывали в молитвах» (Деян 2, 42). Молитва, по словам священника Сергия Мансурова, «как воздух облекает всю их жизнь» (Мансуров Сергей, священник. Очерки из истории Церкви. М., 1994, с. 75), а в самом средоточии молитвенной жизни стоит Евхаристия. О том, как совершалась она в Древней Церкви, нам известно из памятника раннехристианской литературы, восходящего к рубежу I и II столетий «Дидахи», или «Учение двенадцати апостолов»: «Что касается Евхаристии, благодарите так. Прежде о чаше: благодарим Тебя, Отче наш, за святую лозу Давида, отрока Твоего, которую Ты явил нам через Иисуса, отрока Твоего. Тебе слава во веки! Что же касается преломляемого хлеба (благодарите так): благодарим Тебя, Отче наш за жизнь и ведение, которое Ты открыл нам через Иисуса, Сына Твоего. Тебе слава во веки! Как этот преломляемый хлеб быв рассеян по холмам и, будучи собран, сделался единым, так да соберется церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое. Ибо Твоя есть слава и сила чрез Иисуса Христа во веки. Никто же да не ест и не пьет от вашей Евхаристии, кроме крещенных во имя Господне» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужы апостольские и апологеты. Брюссель, 1978, с. 21).

Совершителями Евхаристии были сами апостолы, а также поставленные ими епископы и пресвитеры. Но в ранней Церкви, изобилующей благодатными дарами Святого Духа, существовали и иные харизматические служения. Апостол Павел писал, что Господь «поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (Еф 4, 11, 12).

«Господь... — по словам Луки, — ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян 2, 47). После исцеления апостолом Петром человека, неподвижного от рождения, которого близкие

его приносили к Красным дверям Храма, чтобы он там просил милостыни, когда он, поднятый за правую руку Петром, «начал ходить и вошел с ними в храм, ходя и скача и хваля Бога» (Деян 3, 8), «многие... уверовали; и было число таких людей около пяти тысяч» (Деян 4, 4). И после этого учениками Христовыми «совершались в народе многие знамения и чудеса... Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хоть тень проходящего Петра осенила кого из них. Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистых духами одержимых, которые и исцелялись все» (Деян 5, 12–16).

Так уже в первые дни существования Церкви в нее вошли тысячи иудеев, что вызвало недовольство в кругу фарисеев, а начальствовавшие в Израиле, принадлежавшие к саддукейской партии, попытались запретить ученикам Христовым проповедовать об имени Иисуса, но апостолы Петр и Иоанн сказали в ответ на это требование: «Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян 4, 19).

Не все вожди иудейского народа были солидарны во вражде на последователей Распятого на Голгофе. Некоторые из них колебались относительно того, как следует с ними поступать. Замечательный рассказ о таких спорах в синедрионе включен в «Деяния святых апостолов»: «Встав же в синедрионе, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом... сказал: мужи Израильские! Подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать; ибо незадолго пред сим явился Февда, выдавая себя за какого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли; после него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собой довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались; и ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо, если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян 5, 34–39).

Об упомянутом Гамалиилом Февде подробнее рассказывает Иосиф Флавий: «Во время наместничества Фада в Иудее, некий Февда, обманщик, уговорил большую массу народа забрать

с собой все имущество и пойти за ним, Февдой, к реке Иордан. Он выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем. Остервенившись, воины отрубили самому Февде голову и повезли ее в Иерусалим» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, т. 2, с. 293).

Синедрион не внял голосу мудрого Гамалиила и начал преследовать учеников Христа, подвергая их арестам, избиениям, и наконец, отважившись на преступное даже по законам Римской империи убийство святого Стефана, одного из семи диаконов, поставленных незадолго до этого апостолами для того, чтобы нести попечение о столах, раздавать хлеб и иное потребное для жизни нуждающимся братьям и сестрам. Обращаясь к своим судьям из синедриона, Стефан сказал: «Жестоковейные! Люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы» (Деян 7, 51, 52). Умирая, мученик просил Господа простить убийц: «Господи! Не вмени им греха сего» (Деян 7, 60).

За убийством первомученика Стефана последовала ожесточенная кампания преследования учеников Христовых: «В те дни произошло великое гонение на Церковь в Иерусалиме и все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (Деян 8, 1). Апостол Филипп проповедовал Евангелие в Самарии и потом по повелению Божию отправился на дорогу, которая вела из Иерусалима в Газу. На этой дороге он встретил «ефиопянина, евнуха, вельможу Кандакии, царицы ефиопской, хранителя всех сокровищ ее» (Деян 8, 27), и тот принял от апостола крещение, предварительно исповедав веру в то, что «Иисус Христос есть Сын Божий» (Деян 8, 37). Так Церковь вышла за пределы иудейской общины, и за границы Святой Земли. Проповедь о Христе зазвучала в городах Финикии и Сирии. В Антиохии ученики Спасителя впервые стали называться христианами.

Гонение, воздвигнутое на христиан в Иерусалиме, изгнание их из Священного города провиденциальным образом послужило

распространению Церкви. Ученики Христовы сознавали себя истинными иудеями, верно исполняющими заповеди, данные Богом через пророка Моисея; и потому мысль о необходимости выйти за пределы Израиля и проповедовать Христа всей твари и всему миру далась им нелегко.

Почитаемый первым среди апостолов Петр, размышляя об этом, получил вразумление свыше. Находясь в Иоппии в доме кожевника Симона, он «около шестого часа взошел на верх дома помолиться. И почувствовал он голод и хотел есть. Между тем, как приготавлиали, он пришел в исступление и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды» (Деян 10, 9–16). Наставленный этим видением, Петр уже не поколебался прийти в Кесарию и крестить там центуриона, или сотника, из Итальянского легиона, который, естественно, был язычником, хотя и человеком «добродетельным и боящимся Бога, одобряемым всем народом Иудейским» (Деян 10, 22). Апостол обратился к собравшимся в доме сотника со словами: «Вы знаете, что иудею возбранно сообщаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым» (Деян 10, 28) Затем Петр сказал: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян 10, 34, 35). Так пало средостение, заграждавшее входение в Церковь язычникам.

О странах, в которых проповедовали апостолы, находившихся как в границах Римской империи, так и за ее пределами известно из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, который опирается на несохранившиеся тексты Оригена из его «Толкования на Бытие»: «Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею — Скифия, Иоанну — Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Асии. Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой

казни» (Евсевий Кесарийский. Церковная история. М., 1993, с. 78). Произошло это, вероятно, в 67 г., по церковному преданию, 29 июня, ставшем днем памяти первоверховных апостолов Петра и Павла.

Апостол и евангелист Матфей из Капернаума проповедовал в Сирии, Мидии, Персии и Парфии, закончив свой земной путь в Эфиопии, где, по церковному преданию, принял мученическую смерть на костре в 60 г. Апостол Филипп, родом из Вифсаиды, проповедовал в Сирии, Элладе, Галилее, Лидии, Мисии. Во фригийском Иераполе он был схвачен вместе со своей сестрой Мариамной и еще одним апостолом Варфоломеем. Оба апостола были распяты на крестах, но случилось землетрясение, и устрешенные им жители города потребовали от правителя Иераполя Анфипата отменить казнь. Варфоломея сняли с креста еще живым, а Филипп предал дух свой Богу на этом кресте. Варфоломей продолжил проповедь Евангелия в Армении, где его, как и апостола Петра, распяли вниз головой. В Парфии подвизались, кроме апостола Фомы, Фаддей и Симон Зилот. Апостолы Фома и Фаддей проповедовали также в Месопотамии, создав христианскую общину в Эдессе. Христианская община в Александрии восходит к проповеди ученика апостола Петра евангелиста Марка.

Брат Петра Андрей Первозванный миссионерствовал в Припонтийской области. Критически оценивая и резюмируя сведения о проповеди апостола Андрея, почерпаемые из древних источников разной степени достоверности, В. В. Болотов писал: «Центром деятельности ап. Андрея по актам был г. Синоп. За историчность этого известия говорит то важное обстоятельство, что здесь была очень значительная иудейская колония... Около этого центра держалась и вся проповедь ап. Андрея Первозванного, а именно: по берегам Черного моря — по северному побережью. Непререкаемо известно, что ап. Андрей проповедовал в пределах Скифии, как сказано у Оригена... Деятельность ап. Андрея локализуется около Севастополя великого (близ нынешнего Поти). ...По Епифанию монаху, апостол доходил и до Крыма» (В. В. Болотов. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 2. М., 1994, с. 251). В связи с проповедью апостола Андрея в северном Причерноморье впоследствии возникло предание о его путешествии вверх по Днепру. Андрей Первозванный был распят на косом кресте в греческом городе Патрах в 62 г.

В подвиге проповеди Евангелия язычникам потрудились все апостолы, но более всех Павел, или Савл, который до своего обращения был неистовым гонителем христиан. На пути в Дамаск, где он собирался развернуть масштабное преследование учеников Спасителя, этот фарисей из Тарса киликийского, знаток и ревнитель Закона, но при этом обладавший хорошо защищавшими его правами римского гражданина, вдруг услышал обращенные к нему слова Спасителя: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян 9, 4). Его обращение стало одним из главных событий в истории ранней Церкви, обретшей в его лице неустранимого миссионера. Павел, как его стали звать после обращения, создал христианские общины в городах Финикии, Сирии, Каппадокии, Галатии, Памфилии, Фригии, Лидии, Кари, Македонии, Ахайи, на островах Кипре, Крите и Мальте. Свое служение он завершил в имперской столице.

В «Деяниях» описано четыре его миссионерских путешествия. Первое из них, относящееся к концу 40-х годов, началось и закончилось в Антиохии и проходило через кипрские города Саламин и Пафос, Пергию в Памфилии и Антиохию в Писидии, Иконию, Листру и Атталию. Спутником Павла в его апостольском служении был Варнава. Опору для проповеди Христа в городах Римской империи составляли находившиеся в них еврейские общины, в которые входили и прозелиты, обращенные из язычников. По словам протопресвитера Александра Шмемана, «Павел, входя в новый город, мог быть почти уверен, что найдет в нем еврейское субботнее собрание, в котором сможет проповедовать Христа «от Писаний»... В отличие от палестинских раввинов, все больше замыкавшихся в бесплодных и мелочных толкованиях Закона, евреи рассеяния ощущали потребность объяснить свою веру внешнему миру, привести его к познанию истинного Бога, Творца неба и земли... Вот эта сеть синагог, покрывшая всю Империю, и оказалась как бы провиденциально уготованным путем христианской проповеди» (Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь Православия. М., 2007, с. 42). Приходя в город, апостол Павел посещал местную синагогу и там, опираясь на свидетельства пророков, проповедовал пришедшего в мир Мессию — Христа. Некоторые из слушавших его исполнялись веры, но большинство с негодованием отворачивалось от него как от вероотступника. В «Деяниях» неоднократно описывается подобное разделение.

Так, после проповеди апостола в синагоге Антиохии Писидийской «многие иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавой, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией» (Деян 13, 43). Но из числа иудеев в городе оказалось больше тех, кто отвергал Евангелие: «Иудеи... противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел» (Деян 13, 44). И тогда апостол проповедовали Христа местным язычникам, и многие из них принимали Его учение. Укоряя упорствовавших, Павел и Варнава, по словам дееписателя, «с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли». Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуставлены для вечной жизни. И слово Господне распространялось по всей стране. Но иудеи, подстрекнув набожных и почетных женщин и первых в городе людей, воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов» (Деян 13, 46–50).

Заскорюзное и самодовольное упорство иудеев причиняло апостолу Павлу боль: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян (Рим 9, 1, 2)... Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? Потому что искали не в вере, а в делах закона (Рим 9, 30–32).

Скорбя об ожесточении своих братий по плоти, Павел проповедовал Христа язычникам и преуспевал в этой проповеди настолько, что в Послании к Римлянам он сам называет себя «апостолом язычников» (Рим 11, 13). При этом он не требовал, чтобы те предварительно становились прозелитами и исполняли ритуальные предписания Закона, включая обрезание. Но в иных случаях он считался с предрассудками иудеев. Когда его учеником и спутником стал Тимофей, мать которого была еврейкой, уверовавшей во Христа, а отец эллином, он «обрезал его ради иудеев, находившихся в тех местах» (Деян 16, 3).

Не все христиане были согласны с подходом апостола Павла к новообращенным из язычников. «Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к апостолам и пресвитерам в Иерусалим» (Деян 15, 1, 2). С особым упорством на необходимости соблюдения новообращенными из язычников Закона Моисеева настаивали христиане, вышедшие из фарисейской секты, но на состоявшемся в Иерусалиме около 48 г. собрании апостолов и пресвитеров, ставшем прообразом последующих церковных Соборов, эта ригористическая и законническая позиция не получила поддержки.

Против нее высказались самые авторитетные участники Собора апостол Петр и предстоятель Иерусалимской общины брат Господень Иаков, который, по преданию, был племянником святого праведного Иосифа. Апостол Петр, в свое время, перед крещением сотника Корнилия вразумленный видением, «по долгом рассуждении» сказал тогда: «Вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали. И Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого, как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на вы учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они» (Деян 15, 7–11). Решение по обсуждавшейся теме предложено было предстоятелем Иерусалимской общины Иаковом: «Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе» (Деян 15, 19–20).

Слова эти прозвучали особенно веско потому, что Иаков пользовался уважением даже со стороны иудеев, не уверовавших во Христа, за неукоснительную строгость, с которой сам он соблюдал Закон. Христианский писатель II века Егезипп, записки которого цитирует Евсевий Кесарийский, писал о нем: «Он был свят от чрева матери; не пил ни вина, ни пива, не вкушал мясной пищи; бритва не касалась его головы, он не умащался елеем и не ходил в баню. Ему одному было дозволено входить во

Святая Святых; одежду носил он не шерстяную, а льняную. Он входил в храм один, и его находили стоящим на коленях и молящимся о прощении всего народа; колени его стали мозолистыми, словно у верблюда, потому что он всегда молился на коленях и просил прощения народу. За свою великую праведность он был прозван «Праведным» (Евсевий, цит. изд., с. 73).

Иерусалимский Собор в основу своего послания к «находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников» (Деян 15, 23) положил совет Иакова Праведного: «Угодно Святому Духу и нам (эти слова стали формулой, с которой начинались впоследствии соборные определения — *В.Ц.*) — не возлагать на вас никакого бремени, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины и блуда и не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян 15, 28, 29). Так устранено было препятствие, затруднявшее вхождение в Церковь обращающимся из язычества. Судя по адресату послания Иерусалимского Собора, отмена обязательности ритуальных предписаний Ветхого Завета не распространялась на христиан из иудеев. С них «время Закона» снято было уже после разрушения Храма и прекращения жертвоприношений. Упорствовавшие и после этого в соблюдении обрядовых предписаний, включая обрезание, отделились от Церкви, составив иудеохристианские общины евионитов и назореев.

Иудейскому восстанию и его подавлению, которое сопровождалось голодом и другими неслыханными бедствиями, разрушением Иерусалима и Храма, предшествовало убийство брата Господня Иакова, приходящееся примерно на 63 г. По рассказу Егезиппа, книжники и фарисеи, в отчаянии от большого числа обратившихся ко Христу иудеев, в канун Пасхи просили Иакова: «Мы и весь народ свидетельствуем о тебе, что ты праведен и не зриаешь на лица. Убеди толпу: пусть не заблуждается об Иисусе, и весь народ, и все мы послушаем тебя. Стань на крыло храма, чтобы тебя видели и чтобы слова твои хорошо слышал весь народ. Ведь на Пасху собираются все колена, а с ними и язычники» (Евсевий, цит. изд., с. 73). Но Иаков, поставленный на крыло Храма, громко исповедал: «Что спрашиваете меня о Сыне Человеческом? Он восседает на небе одесную Великой Силы и придет на облаках небесных» (Евсевий, цит. изд., с. 74). Услышав эти слова, «многие, — по словам Егезиппа, — убедились и прославили свидетельство Иакова, говоря: «Осанна Сыну Давидову»

(Евсевий, цит. изд., с. 74). Обманутые в своих налуждах, книжники и фарисеи набросились на Иакова с криками «О-о! И праведный в заблуждении!» (Евсевий, цит. изд., с. 74), свергли апостола с крыши Храма и стали бросать в него камни. Оставшись живым после падения, Иаков «стал на колени, говоря: «Господи Боже, Отче! Молю Тебя, отпусти им, ибо не знают, что делают». Когда в него так бросали камнями, — продолжает Егезипп, — один из священников... закричал: «Остановитесь! Что вы делаете? Молитесь за вас праведник!» Кто-то из них, какой-то суконщик, ударил праведника по голове скалкой... Иаков мученически скончался... Он правдиво засвидетельствовал и иудеям, и грекам, что Иисус есть Христос. Вскоре Веспасиан осадил их» (Евсевий, цит. изд., с. 74).

Иакову Праведному принадлежит включенное в Новый Завет Послание, главной темой которого является соотношение веры и добрых дел: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его?.. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва» (Иак 2, 14, 19).

Маршрут второго миссионерского путешествия апостола Павла, приходящегося на рубеж 40-х — 50-х годов, начинаясь в Антиохии Сирийской, пролегал через города родной ему Киликии, Дервию, Листру, Фригийскую и Галатийскую провинции, чрез Вифинию и Миссию. Из Троады Павел со своими спутниками Силой и евангелистом Лукой морем перебрался на остров Самофракию, а оттуда в Македонию, посетив Неаполь, Филиппы, Амфиполь, Аполлонию, Фесалоники и Верию. Из Македонии Павел отправился в Афины, и там, проповедуя среди Ареопага афинянам, которые, по замечанию спутника Павла Луки, «ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое» (Деян 17, 21), — он произнес знаменитые слова: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян 17, 22–23). Услышав затем слова о воскресении Христа и грядущем всеобщем воскресении из мертвых, скептические афиняне «одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое

время» (Деян 17, 32), и все же несколько афинян уверовали во Христа, и среди них был Дионисий Ареопагит, ставший первым предстоятелем Афинской Церкви.

Для принятия веры в Сына Божия и Бога, распятого на кресте и спасшего человеческий род Своею кровью, и от иудеев и от язычников требовался глубокий внутренний переворот, радикальный разрыв с прежними убеждениями, верованиями, с прежними ценностями. На такое духовное самоотречение способны были лишь избранные: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, — сила Божия, — писал апостол Павел, — ...Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и иудеи требуют чудес, и еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие, для самих же призванных, иудеев и еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор 1, 18, 20–24). Среди способных совершить подвиг веры больше было людей простых и чистых сердцем, чем ученых и книжных, как в еврейской среде, так и в греко-римской: «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом» (1 Кор 1, 26–29). Среди уверовавших во Христа были однако и те, кто принадлежал к числу образованных, знатных и высокопоставленных — это и сам Павел, и обращенный им член Афинского арепага Дионисий, и упомянутый в конце послания к Римлянам «Ераст, городской казнохранитель» (Рим 16, 23). Из Афин апостол перешел в Коринф, а на обратном пути посетил Ефес.

Третье миссионерское путешествие апостола Павла, начавшееся в конце правления императора Клавдия, продолжалось 5 лет и завершилось в 59 г. при Нероне. Выйдя снова из Антиохии Сирийской, Павел прошел через Галатию и Фригию, еще раз посетил Ефес, где некий серебряник Димитрий, изготавливавший модели знаменитого храма Артемиды Ефесской, в страхе за падение своих доходов, возбуждал против апостола коллег

по ремеслу и других жителей города: «Вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная» (Деян 19, 25–27). Но городскому начальнику, «блюстителю порядка», удалось предотвратить насилие, угрожавшее Павлу и его спутникам. Возбужденную подстрекательскими призывами толпу он убедил разойтись и, защищая свои интересы, действовать в соответствии с законом, через суд и городское собрание. Из Ефеса апостол со спутниками отправился в Македонию, затем в Грецию, посетив при этом Коринф, и на обратном пути побывав в Митилене на Лесбосе, в Милете, на островах Косе и Родосе, в Патаре. Возвращаясь морем в Иудею, они высадились в Тире, затем посетили Птолемаиду, Кесарию Палестинскую и наконец пришли в Иерусалим.

В свое четвертое путешествие Павел отправился в оковах. Схваченный иудеями в иерусалимском Храме, апостол предстал перед судом синедриона. Ввиду происшедших в связи с этим волнений и беспорядков, в дело вмешались римские власти. Апостол был ими арестован. Тысяченачальник позволил ему обратиться с оправдательной речью к собравшемуся перед преторием народу. Начал он со слов: «Я иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне. Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин» (Деян 22, 3–4). Затем он рассказал о своем обращении на пути в Дамаск, куда «он шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание» (Деян 22, 3–4). В конце своей речи апостол поведал о повелении, которое он услышал от Господа: «Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам» (Деян 22, 21). Упоминание язычников привело иудеев в крайнее негодование, и они «подняли крик, говоря: истреби от земли такого! Ибо ему не должно жить»... Они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух» (Деян 22, 22, 23). Тысяченачальник повелел подвергнуть апостола бичеванию, но, узнав, что он римский гражданин, отменил свой приказ.

О происшедшем с апостолом в Иерусалиме говорится в помещенном в «Деяниях» сопроводительном письме, которое начальник когорты, или тысяченачальник Лисий направил с конвоем, препровождавшим Павла в Кесарию к прокуратору Иудеи Антонию Феликсу, вольноотпущеннику императора Клавдия и зятя царя Ирода Агриппы: «Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу — радоваться. Сего человека иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. А как до меня дошло, что иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров» (Деян 23, 26–30). Феликс, допросив Павла, не стал торопиться с принятием решения по его делу, продержав его в узах два года, пока в Кесарию не прибыл сменивший его новый прокуратор Порций Фест.

Как римский гражданин Павел потребовал от Феста суда императора. И тогда вместе с другими узниками он был отправлен морем в Италию. На пути в Рим корабль останавливался в Сидоне, на Кипре, в Мирах Ликийских, на Крите, плыл затем по открытому морю, между берегов Европы и Африки. Около острова Мелита (Мальты) корабль во время шторма поетерпел крушение, но все пассажиры благополучно добрались до берега. На Мальте апостол исцелил отца начальника острова Публия от горячки и затем еще многих других жителей острова. «Через три месяца, — рассказывает дееписатель Лука, — мы отплыли на александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове, и, приплыв в Сиракузы, пробыли там три дня. Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев, и были упрощены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился... Сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его» (Деян 28, 11–16). В завершении «Деяний» Лука написал: «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе

со всяким дерзновением невозбранно» (Деян 28, 30, 31). Четвертое путешествие апостола продолжалось с 60 по 61 год.

В Риме Павел обрел свободу и затем побывал еще на крайнем западе империи — в Испании. О своем намерении посетить эту страну апостол писал в Послании к Римлянам, отправленном из Коринфа приблизительно в 59 г. во время его третьего путешествия: «Как только предприму путь в Испанию, приду к вам» (Рим 15, 23). О миссионерском путешествии в Испанию косвенным образом упоминал также в 1-м послании к Коринфянам священномученик Климент Римский: «Павел, по причине зависти, получил награду за терпение: он был в узах семь раз, был изгоняем, побиваем камнями. Будучи проповедником на Востоке и Западе, он приобрел благородную славу за свою веру, так как научил весь мир правде, и доходил до границы Запада, и мученически засвидетельствовал истину перед правителями» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты. С. 46).

Во время гонения, воздвигнутого на христиан Нероном после знаменитого пожара Павел находился не в Риме, а на востоке империи, о чем можно заключить по его посланию к Титу, но затем он снова приехал в Рим и был там подвергнут аресту. Во втором послании к Тимофею он писал: «Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, за которое я страдаю даже до уз, как злодей» (2 Тим 2, 8, 9), и в другом месте того же Послания: «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало» (2 Тим 4, 6). Как римский гражданин Павел был приговорен к отсечению головы. Его казнь совершилась в предместье Рима у Остийской дороги, в конце правления Нерона, в 67 г.

Апостолы проповедовали Евангелие — благую весть о Царстве Небесном, опираясь на памятные им изречения своего Божественного Учителя, рассказывая слушавшим их о Его деяниях, о Его смерти на кресте и воскресении из мертвых. К середине I столетия сложилась устойчивая традиция проповеди о земной жизни Христа и Его учении. Тогда же началась ее письменная фиксация. Книги, повествующей о жизни и смерти Спасителя так и стали называться Евангелиями.

Первое из них было составлено в правление Клавдия в Иерусалиме. Его изложил по просьбе местной христианской общины один из двенадцати Матфей на языке, которым пользовались

иерусалимские христиане, — арамейском или, как считают некоторые исследователи, в частности, протоиерей Леонид Грилихес, еврейском. Впоследствии Евангелие от Матфея перевели на греческий койне, который был во всеобщем употреблении в эллинистическом мире. По словам Папия Иерапольского, который, по его собственному признанию, беседовал со старцами, общавшимися с самими апостолами, «Матфей записал беседы Иисуса по-еврейски, переводил их кто как мог» (Евсевий, цит. изд., с. 119). Написано это было Папием около 120 г. Цитирующий не сохранившееся его сочинение Евсевий Кесарийский писал о Евангелии от Матфея: «Матфей первоначально проповедовал евреям; собравшись же и к другим народам, вручил им свое Евангелие, написанное на родном языке» (Евсевий, цит. изд., с. 101). Написанное в подлиннике в 40-е годы (более точная датировка встречается значительные трудности), это Евангелие было переведено и приобрело таким образом свой настоящий вид в 70-е. Ориентация Евангелия от Матфея на христиан из иудеев, известная из древних свидетельств, находит подтверждение в обильном цитировании в нем мессианских мест Ветхого Завета, призванных подтвердить его главную идею, что Иисус из Назарета и есть обетованный пророками Мессия, Христос.

Некоторые из библеистов, особенно в протестантской среде, первым по времени написания считают Евангелие от Марка, составленное, как и два остальных — от Луки и от Иоанна — сразу на греческом языке учеником апостола Петра, не принадлежавшим к числу двенадцати. Иоанн Марк, племянник спутника апостола Павла Варнавы и сам одно время сопровождавший Павла в его миссионерских путешествиях, затем особенно тесно сблизился с Петром, который называет его своим сыном: «Приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Пет 5). Вавилоном в христианской среде часто называли тогда столицу империи Рим, где, очевидно, и было написано Евангелие от Марка, но существует и иная точка зрения на место написания этого Евангелия: некоторые полагают, что оно появилось в Александрии, основание христианской общины в которой связано с Марком. По словам Папия, «Марк был переводчиком Петра; он точно записал все, что запомнил из сказанного и содеянного Господом, но не по порядку, ибо сам не слышал Господа и не ходил с Ним. Позднее он сопровождал Петра, который учил, как того

требовали обстоятельства, и не собирався слова Христа располагать в порядке. Марк ничуть не погрешил, записывая все так, как он запомнил; заботился он только о том, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно» (Евсевий, цит. изд., с. 119). Святой Иустин Философ, цитируя Евангелие от Марка, называет его «Воспоминаниями Петра» (Разговор с Трифоном, 108). По словам святителя Иринея Лионского, Марк написал Евангелие сразу после смерти апостола Петра, следовательно, в конце 60-х годов. По свидетельству древних христианских писателей, адресат этого Евангелия — христиане из язычников, которые в ту пору даже в самом Риме по преимуществу говорили на греческом языке, будучи, очевидно, выходцами с востока империи. Но особенности того койне, на котором написано Евангелие от Марка, выдают семитское, а значит, еврейское происхождение его составителя. Год мученической кончины евангелиста Марка неизвестен, но обвиненный в волшебстве, он был убит на другой день после празднества в честь египетского бога Сераписа в Александрии, 25 апреля.

Третье из синоптических Евангелий, от Луки, написано спутником и учеником апостола Павла Лукой. Его авторство подтверждается церковной традицией и древними христианскими писателями святым Иринеем Лионским и Оригеном. По словам Евсевия Кесарийского, «Лука, уроженец Антиохии и врач по образованию, большей частью находился вместе с Павлом и деятельно общался также с остальными апостолами. От них приобрел он умение врачевать души, каковое и показал в двух богодухновенных книгах: в Евангелии... и в Деяниях апостолов, которые составил не по рассказам, а как очевидец. Говорят, — продолжает историк, — что именно его Евангелие обычно имеет в виду Павел, когда пишет о некоем своем Евангелии» (Евсевий, цит. изд., с. 81). Лука уверовал во Христа после встречи с апостолом Павлом. В точности неизвестно, происходил он из иудеев или эллинов, но в послании Павла Колоссянам «Лука, врач возлюбленный» (Кол 4, 14) упомянут отдельно от названных «обрезанными» «Марка, племянника Варнавы» и «Иисуса, прозываемого Иустом» (Кол 4, 11). Во всяком случае, его греческое образование было превосходным: язык, на котором он написал Евангелие и Деяния, безукоризненно правильный и отличается совершенством. Исследователи этих текстов подчеркивают их высокие литературные качества.

Евангелие Лука начинается с предисловия, составленного в соответствии с правилами греческой риторики эллинистической эпохи и обращенного к некоему Феофилу, о котором трудно сказать, был ли он реальным лицом или это всякий «боголюбец», что собственно и обозначает его имя в переводе на русский: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова; то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк 1, 1–4). Лука опирался при составлении Евангелия на ранее написанные тексты Матфея и Марка, на не дошедшие до нас записи изречений Спасителя, которые принято называть «Логиями», а также на устное Предание Церкви. Особенно драгоценно в Евангелии от Луки повествование о рождении Иоанна Крестителя, о рождестве и детстве Спасителя, которые, возможно, восходят к рассказу самой Богородицы, свято хранившемуся апостолами. Обращенное ко всем христианам, и из иудеев и из язычников, Евангелие от Луки возводит родословие Христа не к Аврааму, как в Евангелии от Матфея, но к самому праотцу человеческого рода Адаму. Евангелие от Луки написано было в конце 60-х годов в Антиохии или в одном из городов Эллады.

В написанных евангелистом Лукой «Деяниях святых апостолов» содержится упоминание о ранее составленном им же Евангелии: «Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся» (Деян 1, 1, 2). «Деяния» составлены были, очевидно, сразу после Евангелия и, вероятно, до разрушения Иерусалима в 70 г. Достоверных сведений о месте написания этой книги нет. Блаженный Иероним считал, что «Деяния» были составлены в Риме. Последнее упоминание о Луке в Новозаветных Писаниях содержится во втором, вероятно, предсмертном послании апостола Павла к Тимофею, написанном в Риме, где апостол тогда находился в узах: «Постарайся прийти ко мне скоро. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною» (2 Тим 4, 9, 10). По преданию, евангелист Лука после казни своего учителя проповедовал в Элладе, Ливии и Египте

и претерпел мученическую смерть в городе Фивы на 85-м году жизни в правление Домициана.

И временем своего написания, и содержанием Евангелие от Иоанна резко отличается от синоптических. Оно составлено возлюбленным учеником Христа и младшим братом Иакова Зеведеева в пору его маститой старости, когда все другие из двенадцати отошли ко Господу. О принадлежности четвертого Евангелия Иоанну Богослову писали святые Игнатий Антиохийский, Иустин Философ и Иринея Лионский, а также Климент Александрийский. По словам Евсевия Кесарийского, «Евангелие от Иоанна охватывает первоначальную деятельность Христа» (Евсевий, цит. изд., с. 102). Святоотеческий взгляд на характер отличий этого Евангелия от синоптических суммирует Евфимий Зигабен в своих толкованиях: «Когда Иоанн получил от некоторых верующих Евангелия других евангелистов и увидел, что все они говорили по преимуществу о вочеловечении Спасителя и пропускали учение о Его Божестве, то он одобрил и позволил эти Евангелия и засвидетельствовал их истину и достоверность. Затем, по внушению Самого Иисуса Христа, он приступил к своему Евангелию; в нем он рассказывает нечто из того, что уже было рассказано другими, чтобы не подумали, что его Евангелие не имеет связи с Евангелиями других, но особенное внимание он обращает на то, что пропущено ими, и больше всего на богословское учение о Спасителе» (цит. по: ПБЭ, 16, с. 674–675).

С изложения этого учения и начинается Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1, 1–5). Некоторые экзегеты считают, что этот евангельский пролог был одним из первых христианских гимнов.

Евангелие составлено Иоанном Богословом в 90-е годы, когда он жил в Ефесе. Написанное последним, оно получило особенно широкое распространение, и отрывок из него сохранился в древнейшем из новозаветных манускриптов, датированном приблизительно 120-м годом и содержащем как раз начало Евангелия.

Незадолго до составления Евангелия апостол Иоанн, пребывая в изгнании на острове Патмосе, куда он был выслан из Ефеса «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (Откр 1, 9)

в правление Домициана, продиктовал своему ученику Проклу книгу Откровения, или, что то же, Апокалипсис. В древности не все христианские писатели признавали принадлежность «Апокалипсиса» Иоанну Богослову. Так, по словам святителя Амфилохия Иконийского, «Откровение... Иоанново иные причисляют к священным книгам, а многие называют неподлинными» (Прав. Амф. Икон.). Евсевий Кесарийский в своем списке Священных книг замечает то же самое: «Иоаннов Апокалипсис... одни отвергают, а другие относят к признанным книгам» (Евсевий, цит. изд., с. 103). Но надежным ручательством принадлежности «Апокалипсиса» «возлюбленному ученику» Спасителя и тем самым его богодухновенности служит свидетельство святого Иринея Лионского, который, по его собственным словам, сохранившимся в его письме к Флориану, помещенном в «Церковную историю» Евсевия, был учеником священномученика Поликарпа, в свою очередь бывшего собеседником апостолов, ими же поставленного в епископа Смирнского (см. Евсевий, цит. изд., с. 189).

«Откровение» начинается с посланий Ангелам, то есть предстоятелям, семи Азийских Церквей: Ефесской, Смирнской, Пергамской, Фиатирской, Сардийской, Филадельфийской и Лаодикийской, в которых дается характеристика их духовного состояния. Особая забота апостола о христианских общинах в городах Малой Азии связана с тем, что они были поприщем его миссионерского служения. В позднейшей экзегезе эти характеристики получили истолкование пророческого предостережения об опасностях, грозящих Вселенской Церкви на разных этапах ее истории, в особенности перед Вторым Пришествием Спасителя. Богодухновенные видения апостола наполнены эсхатологическим содержанием — в них в прикровенном виде предвосхищаются события, которые совершатся при кончине мира. По своему пафосу «Откровение Иоанна» — это победный гимн гонимой Церкви, исполненной надежды на скорое избавление: «Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь» (Откр 22, 20, 21). Так заканчивается Апокалипсис и вместе с ним Новый Завет.

Иоанну Богослову принадлежат еще три послания, написанные в Ефесе в 90-годы. Назидавая своих учеников и адресатов в любви к Богу и людям словами, удивительно простыми и мудрыми,

Иоанн заслужил особенным образом прилагаемое к нему наименование «Апостола любви»: «Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога. Кто не любит, тот не познал Бога; потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него... В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин 4, 7–9, 18–21).

Апостол Иоанн не только учил любви, но и являл ее примером собственной жизни, и эта его любовь возгоралась особенно ярко, когда надо было на деле исполнять заповедь Христа о спасении заблудшей овцы. У христианского писателя рубежа II и III столетий Климента Александрийского сохранился удивительный рассказ о том, как Иоанн Богослов однажды после смерти Домициана и своего возвращения с Патмоса в Ефес позаботился о спасении души одного юноши из близлежащего города, которого он вручил попечению местного епископа: «Я целиком уверяю его тебе пред лицом Церкви и Христа» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 99). Епископ взял юношу в свой дом, заботился о нем, и наконец крестил его, после чего, полагая, что теперь он находится в безопасном духовном состоянии, стал уделять ему меньше внимания. В результате этот юноша сблизился со своими сверстниками, которые, будучи бездельниками, вовлекли его в пиршества, затем дело дошло до краж и в конце концов юноша стал предводителем разбойничьей шайки. И вот, когда в город этого епископа снова пришел Иоанн, он сказал: «Теперь отдай нам, епископ, залог, который я и Христос вверили тебе, чему свидетельницей Церковь, которой ты управляешь»... «Юношу и душу брата твоего требую», — сказал он. Тогда епископ застонал из глубины сердца и сказал: «Умер он». — «Как и какой смертью?» — «Умер для Бога: законченный негодяй и, более того, разбойник; вместо Церкви он теперь на горе с воинством ему подобных». Апостол разорвал на себе одежду и, громко стелая, осыпал ударами свою голову: «Хорошего же стража оставил я брату! Коня мне и кого-нибудь проводником» (Евсевий,

цит. изд., с. 99–100). Когда предводитель разбойников узнал подошедшего к нему Иоанна, он, охваченный стыдом, бросился бежать от него. «Иоанн, забыв свои лета, погнался за ним что было мочи с воплем: «Дитя, что ты бежишь от меня, своего отца, от безоружного, от старого? Пожалей меня, дитя! Не бойся, есть у тебя еще надежда на жизнь. Я отвечу Христу за тебя; если нужно, смерть за тебя приму, как принял ее за нас Господь. Душу отдам за тебя. Остановись же, поверь: Христос послал меня». Разбойник слушал, постоял, сперва потупившись, затем бросил оружие и, содрогаясь в горьких рыданиях, обхватил подошедшего старца; защитой ему был его плач, слезами он крестился вторично» (Евсевий, цит. изд., с. 100).

Помимо упомянутых ранее посланий апостолов Иоанна Богослова и Иакова, в «Новый Завет» вошли также два послания апостола Петра и одно Иуды, брата Господня, который, как и Иаков, был сыном Иосифа Праведного от его первой жены. Оба послания апостола Петра составлены были в Риме: «Приветствует вас избранная, подобно вам, (церковь) в Вавилоне и Марк, сын мой» (1 Пет 5, 13): первое — в конце 50-х гг., а второе — в середине 60-х, незадолго до распятия апостола, и адресованы, как можно судить по их содержанию, Асийским церквам. Петр не знал греческого языка, а послания составлены на нем. Но апостол сам разрешает наше недоумение в связи с этим: «Сие кратко написал я вам чрез Силуана, верного, как думаю, вашего брата» (1 Пет 5, 12) — Силуан излагал мысли апостола, который высказывал их на родном арамейском языке, в переводе на греческий. Послание Иуды написано приблизительно в то же время, что и Второе послание Петра, а для предположений о месте его составления нет никаких данных.

Важнейшее значение среди Новозаветных Писаний, после Евангелий, принадлежит корпусу посланий апостола Павла. Одни из них адресованы местным Церквам: к Римлянам, два послания к Коринфянам, к Галатам (в названии упомянута целая провинция, а не город), к Филиппийцам, к Колоссянам, два — Фессалоникийцам; другие, которые в связи с их главенствующей темой, называются пастырскими, обращены к ученикам апостола, поставленным им епископами, — Тимофею (два послания), Титу и Филимону. Особенный характер имеет послание к Евреям, призванное укрепить в вере христиан, обращенных из иудеев. О послании к Евреям Ориген писал, что в его

языке «нет особенностей, свойственных языку апостола, который признает, что он «неискусен в слове», то есть в умении выражать свои мысли. Послание составлено на хорошем греческом языке, и каждый, способный судить о разнице стилей, это признает... Мысли в этом Послании принадлежат апостолу, а выбор слов и склад речи — человеку, который вспоминает сказанное апостолом и пишет, как бы поясняя сказанное учителем» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 223). Время написаний посланий апостола Павла — от начала 50-х гг., когда во время его второго миссионерского путешествия в Коринфе были составлены два послания к Фессалоникийцам, до 67 г., когда в Риме во время заточения написано было его предсмертное послание, обращенное к Тимофею.

На первое место во всех изданиях Нового Завета помещается Послание к Римлянам, которое написано было под диктовку Павла его спутником Тертием, в конце третьего миссионерского путешествия, вероятно, в 58 г., когда апостол находился в Коринфе. В этом Послании содержится квинтэссенция богословия апостола Павла — его учение о законе и благодати, об избрании и предопределении, о спасении язычников и иудеев чрез веру во Христа: «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина! Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицепрятия у Бога. Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибли; а те, которые, под законом согрешили, по закону осудятся, — потому что не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут, ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах» (Рим 2, 9–15).

С поразительной глубиной апостол представил в этом Послании драму верующей души, сознающей свою греховность и бессильной преодолеть ее без действия благодати, даруемой чрез веру во Христа: «Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего

и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим 7, 15–17, 22–24).

В 1-м послании к Коринфянам апостол нашел исполненные сверхчеловеческой силы слова, прозвучавшие гимном истинной любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор 13, 1–7).

Помимо Священных Писаний, созданных в самой Церкви и позже включенных в канонический состав Нового Завета, в I и II столетиях от Р.Х. были написаны и другие книги, посвященные земной жизни Христа и Его учению, которые однако не получили церковного признания. Многие из них дошли до нас с разной полнотой, о существовании некоторых известно из сочинений древних христианских писателей. Это «Евангелия» Иакова, Фомы, Никодима, Петра, Филиппа, Варнавы, Иуды, Матфия, 12 апостолов, Евреев, Египтян, «Деяния» Павла, Петра, Андрея, Матфея, Иоанна, Филиппа, Фомы, Варфоломея, «Апокалипсис Петра». Имеющиеся в них достоверные сведения перемешаны с ложными и прямо фантастическими, в некоторых из них особое внимание уделяется сказаниям о детстве Иисуса Христа. Содержащееся в «Евангелии Иакова» повествование о рождении Богоматери вошло в Церковное Предание. Апокрифические Евангелия различаются мерой своего расхождения с учением Церкви. Одни из них, в частности, Петра и Евреев, имеющие близкие параллели с каноническим Евангелием от Матфея, не содержат заметных богословских заблуждений, другие, в особенности «Деяние Фомы», «Евангелие Иуды», а также упоминаемое Оригеном «Евангелие Василида», возникшие в гностической среде, уклоняются от Предания Церкви в грубые ереси. По жесткой характеристике Евсевия Кесарийского, перечислившего ряд апокрифов, «речь их и слог очень отличаются

от апостольского духа, мысли же и все учение в целом далеко не согласуются с истинным правоверием: это явно выдумки еретиков» (Евсевий, цит. изд., с. 104).

О жизни Церкви в последние три десятилетия I века от Р. Х. известно меньше, чем о том периоде ее истории, который предшествовал разрушению Иерусалимского Храма и отражен в «Деяниях». И все же в церковной памяти бережно хранились имена предстоятелей важнейших Церквей, которые впоследствии внесены были Евсевием Кесарийским в его «Церковную историю». Так, Иерусалимскую общину после Иакова возглавил его двоюродный брат Симеон. Как рассказывает Евсевий Кесарийский, «после мученической кончины Иакова и непосредственно затем взятия Иерусалима апостолы и ученики Господни, оставшиеся еще в живых, сошлись отовсюду, по преданию, вместе со сродниками Господа по плоти (многие из них были тогда еще живы) и стали все вместе держать совет, кого счесть достойным приемником Иакова. Все единодушно признали достойным здешнего престола Симеона, сына Клеопова, о котором упомянуто в Евангелии. Говорят, что он приходился Спасителю двоюродным братом. Егезипп пишет, что Клеопа был братом Иосифа» (Евсевий, цит. изд., с. 94). Симеон возглавлял Иерусалимскую общину в течение долгого времени, до 107 г. Цитируемый Евсевием Егезипп писал, что еретики «донесли на Симеона, сына Клеопова, что он потомок Давида и христианин. Так он и пострадал, ста двадцати лет от роду, при императоре Траяне и консуле Аттике» (Евсевий, цит. изд., с. 110). Подвергнутый чудовищным пыткам, он, по словам историка, потряс судьбу и его окружающих и снискал конец жизни, напоминающий страдания Христа» (Евсевий, цит. изд., с. 110).

В «Истории» Евсевия помещены сведения и о предстоятелях христианской общины в имперской столице: «После мученической смерти Павла и Петра первым епископом Римской Церкви был по жребию назначен Лин. О нем упоминает Павел, посылая ему привет в конце Послания к Тимофею из Рима» (Евсевий, цит. изд., с. 78), и как пишет тот же писатель, на втором году царствования Тита, следовательно, в 79 г., Лин, «12 лет служивший Римской Церкви передал ее Анаклету» (Евсевий, цит. изд., с. 94), а в 12-й год правления Домициана Анаклета сменил Климент, обращенный к вере во Христа апостолом Петром. Священномученик Иринеи Лионский писал, что он «видел блаженных

апостолов и обращался с ними, еще имел проповедь апостолов в ушах своих и предание их перед глазами своими» (цит. по: Викентий Лирийский, преподобный. О Священном Предании Церкви. СПб., 2000, с. 149). В 98 г. его, по преданию, сослали в Херсонес Таврический. Клименту предъявлено было обвинение в обращении членов фамилии принцепса. Продолжая и там проповедь Евангелия, создавая новые христианские общины, священномученик был утоплен в море в правление Траяна, в 101 г. от Р.Х.

Сохранилось бесспорно принадлежащее ему Послание к Коринфянам. Оно именуется первым, потому что среди древнехристианских памятников есть текст, который называется его «Вторым посланием» к Коринфянам, который однако лишь приписывается ему, а в действительности написан был уже в середине II века. Обращение священномученика Климента к коринфским христанам было вызвано случившимся в христианской общине этого города, как и раньше, во времена апостола Павла, разделением, когда там говорили «Я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; а я Христов» (1 Кор 1, 12), так что апостол должен был обратиться к раздорникам с упреком и назиданием: «Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас?» (1 Кор 1, 13). Вот и теперь, на исходе I столетия от Рождества Христова, святой Климент писал о печальном состоянии коринфской общины: «Ревность и зависть, вражда и раздор... Люди бесчестные восстали против почтенных, глупые против разумных, молодые против старших. Поэтому удалились правда и мир, — так как всякий оставил страх Божий» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты. С. 44). Главная причина случившихся нестроений «в беззаконной и нечестивой зависти, чрез которую и смерть вошла в мир» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты. С. 44). Священномученик призывает коринфян к спасительному покаянию и памятованию о смерти за нас распятого Христа: «Оставим пустые и суетные заботы, и обратимся к славному и досточтимому правилу святого звания нашего... Обратим внимание на кровь Христа, и увидим, как драгоценна пред Богом кровь Его, которая была пролита для нашего спасения, и всему миру принесла благодать покаяния» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, с. 47). Послание к Коринфянам, как принадлежащее мужу

апостольскому, в древности нередко включалось в канон Новозаветных Писаний. Оно вошло в перечень Священных Книг, содержащийся в 85 Апостольском правиле, там же, впрочем, упомянуто и приписываемое ему второе послание, равно как и книга Апостольских постановлений, усваиваемая ему же, но в действительности написанная в III веке.

Из самого факта обращения предстоятеля Римской Церкви к Коринфской общине было бы опрометчиво делать вывод о существовавшей тогда юрисдикции епископов одних Церквей над епископами других, тем более об универсальной вселенской юрисдикции Римской кафедры. Это реальности или теоретические построения позднейшей эпохи. Поместная структура Церкви сложилась намного позже, уже на исходе эпохи гонений, но положение в любой христианской общине не могло быть безразличным для братьев, живших в иных городах, а авторитет святого Климента, мужа апостольского, тесно общавшегося с самим Павлом, был исключительно высок в Древней Церкви, независимо от того, какую общину он в ней возглавлял. Настаивая на отсутствии в Церкви в два первых столетия ее истории поместного строя и юрисдикции одних кафедр над другими, не следует доводить этот тезис до абсурда, отрицая особый авторитет некоторых общин, связанный со значительным числом принадлежащих к ним христиан, а также пребыванием их в крупнейших политических центрах, что впоследствии и составило основание для диптиха Церквей, и разумеется, Римская община изначально имела особый авторитет, хотя в первенствующей Церкви, она, конечно, уступала в этом Иерусалимской — Матери всех Церквей.

Высоким авторитетом пользовалась от лет древних и Александрийская Церковь. По словам Евсевия Кесарийского, на восьмом году правления Нерона, следовательно, в 62 г. от Р. Х., Александрийскую общину возглавил «Анниан — первый после евангелиста Марка» (Евсевий, цит. изд., с. 75), именем которого открывается диптих ее предстоятелей, а в четвертый год правления Домициана, «когда исполнилось 22 года» служения Анниана, он скончался и «его преемником и вторым епископом был Авиллий» (Евсевий, цит. изд., с. 95). В первый год правления Траяна, или в 98 г. от Р. Х., Авилия, «13 лет управлявшего Александрийской церковью, сменил Кердон» (Евсевий, цит. изд., с. 97), который возглавлял ее до 107 г. «В Антиохии после первого епископа

Еводия, — как пишет тот же историк, — славен был Игнатий, второй епископ» (Евсевий, цит. изд., с. 98). Еводий был преемником самого апостола Петра. Время его предстоятельства в Антиохии датируется в церковно-исторической науке, из-за отсутствия точных хронологических сведений у древних историков, по-разному. Один из несомненно условных вариантов: 43–67 гг. (см. Евсевий, цит. изд., с. 392 прим.), другой — и вероятно, более близкий к действительности: 57–86-й. Священномученик Игнатий Антиохийский был предан смерти в правление Траяна, в 107 г. или 10 лет спустя, в последний год правления Траяна.

Апостолы из семидесяти и мужи апостольские возглавляли христианские общины в других городах Римской империи. Своего спутника Тимофея апостол Павел поставил епископом Ефесской Церкви, а другого сподвижника Тита епископом Критским. Первым епископом в Афинах был Дионисий Ареопагит, также поставленный апостолом Павлом. В «Церковной истории» Евсевия упомянуты имена других епископов конца I столетия: Онисима, занимавшего Ефесскую кафедру после Тимофея, Дамаса Магнезийского, Полибия Тралльского.

Уже на заре своей истории Церковь, помимо открытых противников в лице отвергших Христа иудеев и язычников, столкнулась с угрозой, которая представлялась идущей изнутри, потому что исходила из тех кругов, в которых учение Спасителя принималось не в его полноте и интерпретировалось искаженно, в разрыве с апостольским Преданием. Апостол Петр предостерегал последователей Христа о появлении ересей: «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Пет 1, 2). Во втором столетии самой серьезной духовной опасностью стал гностицизм, но корни гностических ересей восходят к Апостольскому веку.

Древние христианские писатели первым еретиком и предшественником гностицизма называют Симона Волхва, самарянина, который, как рассказывает о нем евангелист Лука в «Деяниях», «волхвовал и изумлял народ самарийский, выдавая себя за кого-то великого» (Деян 8, 9), но потом уверовал во Христа, был крещен Филиппом и «крестившись, не отходил» от него, «и видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся» (Деян 8, 13). В апостолах Христовых его более всего привлекал их дар чудотворения. И он решил приобрести этот дар, предложив в оплату

за него деньги, а в ответ услышал гневную отповедь Симона Петра: «серебро твое да будет в погибель с тобою: потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги... Покайся в сем грехе твоём и молись Богу» (Деян 8, 20, 22). На этот раз Симон выразил раскаяние в своей нечестивой просьбе, но, как видно из его последовавших дел, он так и остался, по слову апостола, «в узах неправды» (Деян 8, 23), стремясь не к покаянному примирению с Богом, но к славе и могуществу.

Это о нем писал в адресованной императору Антонину Пию «Апологии» святой мученик Иустин Философ: «По вознесении Христа на небо демоны выставляли некоторых людей, которые называли себя богами... Таков был некто Симон Самарянин, из села, называемого Гиттон: он силою демонов, действовавших чрез его посредство, во время Клавдия кесаря делал волшебные чудеса в царственном городе вашем Риме, и за то признан богом... И почти все самаряне, а некоторые и из других народов признают его за первого бога и поклоняются ему; и какую-то Елену, которая везде с ним в то время ходила, а прежде жила в блудном доме, называют первую происшедшую от него мыслью» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужии апостольские и апологеты, с. 296). Вслед затем Иустин упоминает ученика Симона Менандра, тоже самарянина, из села Каппаретеи, который «был под влиянием демонов и в бытность свою в Антиохии многих обольстил волшебным искусством, даже уверял последователей своих, что они не умрут» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужии апостольские и апологеты, с. 296). Святитель Ириней Лионский, характеризуя его учение, писал, что Менандр называл себя спасителем, посланным из области незримых эонов, и утверждал, что никто, даже Ангелы, не могут достичь совершенства, пока не овладеют магическими приемами, которым он обучает, а те, кто усвоит их, обретут бессмертие и навсегда останутся молодыми (см. Ириней, Против ересей, 1, 23, 5). Так что в случае с Менандром имело место не столько ертическое заблуждение, сколько злостное шарлатанство.

Апология аморальных девиаций составляла стержень николаитской ереси. Ее основателем называли одного из семи диаконов, избранных апостолами для того, чтобы «пещись о столах» (Деян 6, 2) — «Николая Антиохийца, обращенного из язычников» (Деян 6, 5). Эта ересь упомянута в «Апокалипсисе»: «Ангелу

Ефесской церкви напиши: ...то в тебе хорошо, что ты ненавидишь дела Николаитов, которые и Я ненавижу» (Откр 2, 1, 6). Гнусные дела николаитов заключались в потворстве плоти, в оправдании половой разнузданности, супружеских измен и беспорядочных связей. О том, насколько к этой ереси причастен был сам Николай Антиохиец, у древних писателей были разные суждения. Так, Климент Александрийский в «Строматах» писал, что николаиты превратно истолковали сказанные им однажды слова. По его сведениям, у Николая «была жена в цвете лет. Когда по Вознесении Спасителя апостолы стали его укорять за то, что он ревнует жену, он вывел ее на середину и предложил брать ее в жены всякому, кто пожелает. Такое поведение, говорят, согласовалось с его изречением: «плоть не надо щадить». И вот его поступку и его словам стали следовать прямо и без рассуждения: последователи его ереси предавались бесстыдному разврату. Я же слышал, что Николай не знал ни одной женщины, кроме своей жены, что его дочери состарились девственницами, а сын остался неиспорченным. Если это так, то вывести к апостолам горячо любимую жену значило попать страсть, и слова «плоть не надо щадить» звали к воздержанию от желанных наслаждений» (цит.: Евсевий, цит. изд., с. 107).

Ересь николаитов развилась из протеста против ограничительных постановлений Апостольского Собора в Иерусалиме, из его запрета употреблять идоложертвенное и кровь и творить блуд, как своего рода антитеза иудеохристианству, которое существовало тогда в виде двух сект — евионитов и назореев, отвергших постановление Иерусалимского Собора по той причине, что он не требовал от обращавшихся к вере во Христа язычников, чтобы они прежде становились прозелитами и исполняли обрядовые предписания Закона. После разрушения Храма и прекращения жертвоприношений эти обряды перестали соблюдать и христиане из евреев, а евиониты и назореев держались за них, подобно иудеям, не уверовавшим во Христа. Разница между двумя сектами заключалась в том, что назореев расходились с церковными христианами в основном из-за этой своей приверженности заповеди об обрезании и иным ветхозаветным ритуалам, а евиониты придерживались крайне еретического учения о природе Христа. Как писал Евсевий, «представление их о Христе было убого и низменно. Они считали Его простым человеком, как все, который за одну свою нравственную высоту признан

праведником. Родился Он от брачного общения Марии и ее мужа. Нужно полностью соблюдать обряды, требуемые Законом... Другие, наряду с ними носящие то же имя... не отрицают, что Христос родился от Девы и Духа Святого, но заодно с первыми не признают предвечного существования Христа, Слова и Премудрости Божией... Они считали, что Послания апостола Павла должны быть вовсе отвергнуты, и обзывали его отступником, читали только так называемое Евангелие от Евреев», из иных источников известно, что евиониты признавали также Евангелие от Матфея и Апокалипсис, а остальными книгами пренебрегали» (Евсевий, цит. изд., с. 105). Название секты идет от еврейского слова «эвйоним» (бедные), как называли себя иногда первые христиане.

Подобно евионитам, безмужное рождение Спасителя отрицал и основатель еще одной ереси Керинф, о котором известно, что образование он получил в Александрии, а потом проповедовал в Ефесе и в Иудее. В его учении смесь ересей: евионитской, николаитской и гностической, присутствуют в нем и хилиастические воззрения — о тысячелетнем земном царстве Христовом, которых, впрочем, придерживались впоследствии и некоторые церковные писатели: святые Иустин Философ, Ириней Лионский, Ипполит, а также Папий Иерапольский, Викторин Пиктавийский, Лактанций. Еретические идеи Керинфа, в том числе и относительно тысячелетнего царства, носили на себе отпечаток крайней вульгарности. Он учил, что по воскресении из мертвых христиане вновь поселятся в Иерусалиме и будут там пребывать тысячу лет, проводя их в плотских утехах. Святитель Дионисий Александрийский так излагал учение Керинфа: «Земным будет царство Христово; осуществится то, к чему он сам стремился — а любил он плоть и был очень чувствен, — и можно будет жить, как он мечтал: желудок и то, что ниже его, будут вполне удовлетворены едой, питьем и брачным сожитием. Все это он думал облагодобразить, называя празднествами, приношениями, жертвами» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 106).

Святой Ириней Лионский со слов своего учителя Поликарпа Смирнского который в молодости общался с апостолами, и особенно часто с Иоанном Богословом, рассказывает, как однажды Иоанн пришел «помыться в баню, но, узнав, что тут же находится и Керинф, вскочил с места и выбежал вон: не мог он оставаться под одной с ним кровлей. И спутников уговаривал

поступить так же: «Бежим, как бы не обрушилась баня, там ведь находится враг истины Керинф» (Евсевий, цит. изд., с. 106).

Апостол Иоанн пережил всех самовидцев Слова. Среди христиан распространилось поверие, что он не умрет, но доживет до кончины века и Второго Пришествия. Отвергая подобные толки и обращаясь мысленно к последней беседе воскресшего Спасителя со Своими учениками, он писал в Евангелии, названном его именем: «Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус... Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! А он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: «если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его» (Ин 21, 20–24). Апостол Иоанн единственный из двенадцати отошел ко Господу не чрез мученическую казнь, но мирно и в глубокой старости. Его кончина приходится на рубеж столетий, и местом его упокоения был Ефес.

Глава 3. Эпоха Антонинов

1. Правление Нервы

В самый день убийства Домициана, 18 сентября 96 г., новым императором и принцепсом был провозглашен сенатор Марк Кокцей Нерва, который после избрания принял имя Марк Цезарь Нерва Август. Это был нобиль родом из умбрийской Нарнии, который уже преодолел 65-летний возрастной рубеж. Сын авторитетного юриста и друга императора Тиберия консулярия Марка Кокцея Нервы Отца (*Nerva pater*), он сам дважды был консулом: в 71 и 90 гг. Но возвысился он еще при Нероне, который оценил его поэтический талант, сравнивал его с Тибуллом, а за обширные юридические познания и участие в раскрытии заговора Пизона наградил триумфальными отличиями и двумя почетными статуями — подобных милостей удостоился тогда только префект претория Тигеллин. Человек гибкий, уступчивый, доброжелательный, в правление Веспасиана и Тита Нерва пользовался их доверием, но при Домициане в начале 90-х гг. впал в немилость и был отправлен

в ссылку на юг Италии, из которой он, правда, вскоре благополучно вернулся.

Сам Нерва не участвовал в заговоре против Домициана, и поэтому не вызывал отторжения у преторианцев, преданных убитому императору. А сенаторы избрали его принцепсом как ввиду его несомненного ума, превосходного образования, ораторского таланта, так и по причине его пожилых лет и бездетности, не видя в нем потенциального основателя династии, надеясь таким образом приблизить форму государственного правления к канувшей в прошлое олигархической сенатской республике, но не покушаясь в силу присущего им политического реализма на совершенное упразднение принципата.

В первые дни после свержения Домициана его противники праздновали пир победителей: убивали клеветников устранимого императора, а также доносчиков, в особенности из числа рабов и вольноотпущенников. Преторианцы, чтившие память Домициана, готовы были вмешаться в ход событий и вооруженной силой пресечь акты мести, но один из префектов претория Петроний Секунд, сам принадлежавший к числу заговорщиков, сумел тогда удержать своих разгневанных подчиненных от выступления. На время власть Нервы и сената стабилизировалась. Ради сохранения политического равновесия Нерва поддерживал принцип, согласно которому власть в империи принадлежит сенату, а принцепс своими распоряжениями лишь исполняет его волю.

Он действительно правил в согласии с сенатом, привлекая его к обсуждению государственных дел, утверждению законов, ратификации договоров. После его избрания принцепсом прекратилось возбуждение дел по обвинению в оскорблении величества, осужденным ранее на изгнание было разрешено вернуться в Рим, и им было возвращено конфискованное имущество; принцепс запретил впредь принимать доносы от рабов и поклялся не предавать сенаторов казни без санкции самого сената, который в случае обвинения одного из своих членов сам должен был рассматривать дело в судебном порядке. Когда обнаружен был заговор против него самого, Нерва ограничился изгнанием заговорщиков, никого не предав смертной казни. Монеты, которые чеканились при Нерве, провозглашали «восстановленную свободу» (*libertas restituta*), «благополучие» (*salus*) и «справедливость Августа» (*iustitia Augusti*).

Одна из легенд на монетах, выпущенных при нем, превозносит принципса за «отмену клеветы из-за иудейского фиска» (*fisci judaici calumnia sublata*). Эта легенда напоминала о том, что Нерва отменил акт императора Домициана, который повелел взыскивать подать в пользу храма Юпитера Капитолийского со всех иудеев и при этом, учитывая, что некоторые евреи отрекались от своего иудейства, предписал «подвергать заподозренных в иудействе медицинскому осмотру с целью выяснения: был ли обрезан он или нет. Многие, вовсе не имевшие близких отношений к иудейству, вносили подать, лишь только были заподозрены в иудействе, лишь бы избавиться от осмотра. Такой порядок взыскания сделал эту подать ненавистною не только для иудеев, но и для всего римского народа» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 57).

Одним из самых замечательных учреждений Нервы стала алиментарная система, которая продолжила свое существование при его преемниках. Она строилась на том, что фиск выдавал землевладельцам, включая крестьян, ссуду в размере одной двенадцатой цены их имущества под щадящие 5 процентов годовых, которые передавались в распоряжение муниципий, с тем чтобы из накапливавшихся таким образом средств выдавались пособия малоимущим семьям свободных граждан на воспитание детей. Алиментарные фонды брали на себя также содержание сирот. Эта система представляла собой удачное сочетание государственной благотворительности, нацеленной на улучшение демографической ситуации, с ипотекой.

С целью противодействия аграрному кризису, который охватил Италию, Нерва провел через трибунные комиции закон о выделении 60 миллионов сестерциев из казны на покупку земли у частных землевладельцев для распределения ее между обедневшими крестьянами. Это был хронологически последний документально зафиксированный акт законодательной деятельности комиций в эпоху принципата. Для ведения процессов частных лиц против фиска была учреждена новая преторская должность, и преторы нередко решали дело в пользу истцов, подававших жалобы на фиск. Как пишет К. Крист, «инициативы Нервы нацелены были на улучшение хозяйственного положения в Италии. Так, он отменил обременительную повинность предоставлять экипаж для почтовых надобностей государства и основал специальную курьерскую службу

имперской администрации под началом *praefecus vehicolorum* из числа всадников» (Christ, cit. op., s. 286).

Правительственные меры встречали поддержку со стороны народа. Но увеличение расходов казны, сопряженное с их осуществлением, повышение жалования легионерам, расходы на военные операции на Рейнской и Дунайской границе, которые, хотя и не носили масштабного размаха, но дали принцепсу повод принять имя Германика, привели к финансовому кризису, для разрешения которого, иначе говоря, для урезания расходов казны, была образована комиссия из 5 сенаторов.

В разных кругах общества вызывал опасение рост влияния сената на государственные дела, призрак восстановления олигархического правления, или даже анархии. Принцепс, постоянно советовавшийся с сенатом, казался слишком слабым, так что уже консул 96 г. Тит Каций Фронт публично заявил, что анархия хуже тирании. Столь рискованное сравнение правления Нервы и Домициана не в пользу Нервы обозначало реальную опасность нового переворота. Еще большую опасность несли с собой настроения в легионах, в которых Нерва, никогда не служивший в армии и не имевший опыта командования войсками, не снижал популярности.

Ситуация приняла совсем опасный оборот, когда в 97 г. преторианцы, недовольные низвержением статуи императора Домициана, по указанию префекта претория Каспера Элиана фактически арестовали принцепса и потребовали от него казнить убийц Домициана, включая коллегу Каспера Петрония Секунда, и выразить преторианцам благодарности за это их по существу дела мятежное выступление. Нерва оказался в ситуации, подобной той, которая в свое время погубила Гальбу. Но искушенный политик оказался изобретательней и гибче непреклонного полководца. Нерва подчинился диктату вооруженной лейб-гвардии, поскольку другого выхода у него не было, разве только мужественно сложить голову и отдать Рим во власть восставших преторианцев, а империю обречь на новый раунд гражданской войны, на повторение 69 г. Он принял продиктованные ему условия. Петроний и другие участники заговора против Домициана были казнены.

Обращаясь к этому эпизоду в Панегирике Траяну Плиний Младший писал: «Великое посрамление легло на наше время, глубокая была нанесена рана нашему государству: император,

отец рода человеческого, был осажден, захвачен в плен, лишен свободы, лишен был, кротчайший старец, возможности оберегать людей, лишен был принцепс самого главного и сладостного в своем положении, именно, чтобы ни в чем не знать принуждения...Наконец, принцепс был вынужден предать смерти людей, которых он не хотел убивать» (Плиний Младший, цит. изд., с. 215).

Униженный принцепс не долго мог после этого удерживать власть, но, опираясь на поддержку сенаторов Юлия Фронтиня, Вестриция Спуринны, Юлия Урсуса Сервиана, готовых к решительным действиям по обузданию преторианцев, Нерва предпринял шаг, который позволил ему удержать корабль Римского государства от крушения. 27 октября 97 г., во время благодарственных молебствий перед алтарем Юпитера на Капитолии, бездетный Нерва объявил об усыновлении Марка Ульпия Траяна, самого талантливого из римских полководцев, исключительно влиятельного в армейской среде и популярного в народе, в ту пору легата Верхней Германии и командующего расположенными в этой провинции легионами. Вслед за тем сенат предоставил ему проконсульский империй (*imperium proconsulare*) и власть народного трибуна (*tribunica potestas*). Так Траян стал соправителем Нервы.

В выборе соправителя и преемника Нерва обнаружил несравненно более трезвый расчет, чем в свое время Гальба, который усыновил знатного юношу Кальпурния Пизона Лициниана, имевшего безупречную репутацию, но не располагавшего ни политической, ни военной поддержкой. Траян имел под рукой мощную армию и обладал прочными связями в генералитете. Комментируя это усыновление, Плиний Младший писал, обращаясь к Траяну: «В силу усыновления ты был призван слезными просьбами, как некогда было обыкновение призывать великих вождей с войны против чужеземцев для оказания помощи родине внутри ее. Таким образом и сын и родитель одновременно оказали друг другу величайшую услугу: он тебе передал власть, а ты восстановил ее для него» (Плиний Младший, цит. изд., с. 216).

Через усыновление приходили к власти и императоры из династии Юлиев-Клавдиев, но принципиальная разница тех усыновлений от акта Нервы заключалась в том, что тогда усыновляемые, не будучи родными сыновьями правивших принцепсов,

принадлежали к их дому, к династии Цезарей. А Нерва призвал через усыновление к участию в верховной власти и к наследованию ее «лучшего из граждан Рима», как прославляли его выбор панегиристы; по крайней мере, это был один из самых способных полководцев империи, и как оказалось вскоре, выдающийся государственный деятель. Впоследствии примеру Нервы последовал и Траян, а затем и его преемники. Подобный способ передачи власти оказался удобно осуществляемым ввиду бездетности следовавших один за другим принцевсов, пока от получившего власть через усыновление Марка Аврелия она не перешла к его родному сыну Коммоду, на котором и закончилась эпоха правления этой своеобразной династии. Начало династии было положено Нервой, но названа она была именем Антонина, четвертого императора из этой династии.

28 января 98 г. Марк Нерва после полутора лет правления умер. Сенат, совершив его консекрацию, ввел его в сонм небожителей. Власть принцепса без всяких осложнений перешла к усыновленному им соправителю Траяну.

2. Правление Траяна

Марк Ульпий Траян родился 18 сентября 53 г. в городе Италика, расположенном в испанской провинции Бетика, в семье колонистов. Его предок переселился в Испанию из Умбрии в 205 г. до Р. Х. при Сципионе. Таким образом Траян был первым императором хотя и с италийскими корнями, но родившийся в провинции. О жизни императора до его усыновления Нервой известно немного: он с юности посвятил себя воинской службе. В 76 г., когда его отец был правителем Сирии, Траян находился при нем, служа в армии. Во время мятежа легата Верхней Германии Луция Антония Сатурнина зимой 88–89 гг. Траян командовал легионом в Испании, сохраняя верность Домициану. В 91 г. он впервые стал консулом, а в 97 командовал войсками, расквартированными в Верхней Германии. Став соправителем Нервы, он остался в Германии, занятый укреплением границы на ее особенно опасном и ответственном участке.

О редкой популярности Траяна в солдатской среде выразительно говорит Плиний в своем «Панегирике», риторический пафос которого не колеблет достоверности его слов: «Вместе с тобой, — сказал он о солдатах, — они легко переносят и голод и жажду. Когда во время военных упражнений с пылью

и потом солдат смешивался и пот полководца и, отличаясь от других только силой и отвагой, в свободных состязаниях ты то сам метал копья на большое расстояние, то принимал на себя пущенное другими, радуясь мужеству своих солдат, радуясь всякий раз, как в твой шлем или панцирь приходился более сильный удар... А как ты оказывал утешение утомленным, помощь страдающим? Не было у тебя в обычае войти в свою палатку прежде, чем ты не обойдешь палатки твоих соратников, и отойти на покой не после всех остальных» (Плиний Младший, цит. изд., с. 220).

Получив в Колонии Агриппины в феврале 98 г. принесенное из Рима его дальним родственником Публием Элием Адрианом известие о смерти Нервы и об избрании его сенатом и комициями принцепсом и единодержавным властителем, Траян не сразу выехал в Рим, но некоторое время еще продолжал заниматься укреплением рейнского лимеса. Легатом Верхней Германии он назначил своего близкого друга Урса Сервиана, а Нижней — Луция Лициния Суру. Пребывая вне Рима, Траян однако позаботился о наведении там порядка. «Привыкший командовать войсками, он, — по словам Ф. Самполи, — не выносил каких бы то ни было проявлений недисциплинированности. Тем менее он готов был зависеть от настроений... преторианцев», в свое время продиктовавших свои условия Нерве. Поэтому он «вызвал в Кельн префекта Элиана Каспера, провел против него ускоренный процесс и приговорил его к смерти» (Sampoli, cit. op., p. 248) вместе со всеми теми преторианцами, которые принудили Нерву казнить убийц Домициана. Приговор незамедлительно был приведен в исполнение. Оставаясь на границе, Траян занялся укреплением дунайского лимеса, который тянулся вдоль великой реки от предгорий Альп до Черного моря, и только в конце осени 99 г. прибыл в столицу.

Панегирист Траяна Плиний, комментируя его въезд в Рим, восклицал: «Сколько удивительно и радостно, что ты именно сам въехал! Ведь прежних принцепсов ввозили или вносили, не говоря уже, что на колеснице четверней и на белых конях, а то и на плечах людей, что было уже слишком надменно. Ты же, будучи выше и значительнее других хотя бы своим ростом и телосложением, словно праздновал свой триумф не над нашим долготерпением, но над гордостью других принцепсов» (Плиний Младший, цит. изд., с. 224).

Повторяя опыт своего предшественника, Траян клятвенно обещал не подвергать смертной казни или ссылке сенаторов без судебного рассмотрения обвинения самим же сенатом. Заново было запрещено возбуждение процессов по обвинению в оскорблении величества. Доносчики подвергались суровой ответственности за клевету: в соответствии с уже ранее выработанными нормами римского права, их наказание должно было соответствовать тому, которое предусматривалось по преступлениям, в которых они обвиняли невиновных. Траян сурово покарал тех, кто вызвал ненависть сенаторов и других состоятельных и именитых римлян своими доносами, которые они подавали ранее, в правление Домициана. Плиний Младший писал об этой расправе с чувством мстительного восторга: «Мы видели суд над доносчиками такой же, как над бродягами и разбойниками (иными словами, совершаемый по упрощенной процедуре и в ускоренном режиме, по подобию позднейших военно-полевых судов или знаменитых «троек» — *В. Ц.*)... Мы узнавали их и наслаждались, когда их вели, точно умиловительные жертвы за пережитые гражданами тревоги, за кровь казненных, на медленную казнь и тягчайшие муки. Все они были посажены на быстро собранные корабли и отданы на волю бурь: пусть, мол, уезжают, пусть бегут от земли, опустошенной через их доносы; а если бури и грозы спасут кого-нибудь от скал, пусть поселятся на голых утесах негостеприимного берега» (Плиний Младший, цит. изд., с. 231).

В своих взаимоотношениях с сенатом Траян продолжал политику предшественника, которая исходила из признания за сенатом высшей юридической власти, включая издание обязательных для исполнения сенатусконсультов, привлекал сенаторов к обсуждению всех важных государственных начинаний, назначал их на ключевые административные должности, в то же время оставляя за собой определение курса государственной политики. При этом воле принцепса сенат подчинялся с большей, чем при его предшественнике неукоснительностью, потому что тот был в известной мере номинальным императором, никогда ранее не командуя вооруженными силами, а Траян был настоящим полководцем, при том исключительно популярным среди солдат, офицеров и генералов Рима.

Новый принцепс не поощрял со стороны сенаторов неумеренной лести в свой адрес, которая при Домициане достигла

столпов гротескной низости. По словам Плиния, сенатора со времен Домициана, «раньше ни одно дело, обсуждавшееся в сенате, не считалось столь низменным и столь ничтожным, чтобы тут же не перейти к пославанию императора... Совещались ли мы об увеличении числа гладиаторов, или об учреждении цеха ремесленников, сейчас же, словно при этом расширялись пределы нашей империи, постановляли посвятить имени цезаря какие-нибудь величественные арки, или надписи... А теперь кто из нас, забыв, о чем идет обсуждение, станет злоупотреблять обязанностью назначения почестей принцепсу» (Плиний Младший, цит. изд., с. 244). Впрочем, панегирик Траяну, произнесенный самим Плинием 1 сентября 100 г. по случаю своего вступления в должность консула сроком на два месяца, мягко говоря, не отличается особой сдержанностью в восхвалениях принцепса, может быть, и искренних по чувству, но выраженных не без риторической трескотни.

Не усваивая себе официального звания цензора, Траян по должности принцепса вносил изменения в сенатские списки. Не увлекаясь чисткой сената, он обновлял его состав в основном чрез назначение сенаторов на вакантные места, при этом он руководствовался целью полнее представить в этом высшем коллегиальном органе власти империи ее провинции, и в особенности ранее почти не представленный в нем грекоязычный Восток, с тем чтобы из органа городского самоуправления Рима, каковым он был изначально, сенат и по составу своему становился общеимперским учреждением. Включение в сенат провинциалов, в том числе из Фракии, Эллады, Азии, Понта и Сирии, интегрировало провинции в империю, подводило окончательную черту под положением дел в республиканскую эпоху, когда провинции официально рассматривались как эксплуатируемые поместья римского народа.

В то же время, поддерживая равновесие, Траян не оставлял своими попечениями и Италию. Он обязал всех сенаторов не менее трети своего состояния вкладывать в приобретение и содержание земельной недвижимости в Италии. Поскольку из числа провинциалов в сенат включались в основном те декурионы, которые обладали колоссальным богатством, такое перемещение капиталов призвано было способствовать реабилитации захиревшего сельского хозяйства Италии. В этих же целях в Италии были устроены новые колонии ветеранов.

Но расширяя и совершенствуя бюрократический аппарат управления, в котором задействованы были в основном всадники, а не либертины и рабы принцепса, как это было в правление императоров из династий Клавдиев и Флавиев, Траян выстраивал параллельный центр управления империей, так что за сенатом по преимуществу закреплялись законосовещательные, законодательные и судебные, но не административные функции, которые в республиканскую эпоху принадлежали ему в самом широком объеме. При Траяне выросло значение всаднической должности префекта претория; занимавший ее генерал из командующего гвардейским корпусом фактически вновь, как это было с Сеяном при Тиберии и с Тигеллином при Нероне, стал ближайшим советником и помощником принцепса в управлении Римом и империей. Траян однако держал префекта в узде, не допуская тиранических заскоков, подобных тем, которые позволял себе Сеян, заплатив за них собственной головой.

Уважая и соблюдая республиканскую конституцию Рима, Траян, когда брал на себя консульскую должность, добросовестно исполнял сопряженные с нею судебные обязанности, демонстрируя при этом, что он всего лишь первый среди равных ему сенаторов (*primus inter pares*). Принимая на себя в третий раз должность консула, он приносил присягу перед занимавшим эту должность магистратом, и при этом «император — цезарь — август и он же великий понтифик стоял перед консулом, а тот сидел перед стоящим перед ним принцепсом и сидел без смущения, без страха, как будто бы давно привык к такому положению. Мало того, он, сидя произносил первым слова присяги, а император повторял слова выразительно и ясно и обрекал в них себя самого и весь свой дом на гнев богов, если он сознательно когда-нибудь нарушит свою присягу» (Плиний Младший, цит. изд., с. 252). Так при политическом единоначалии соблюдался декор и юридическая форма республиканской конституции, неприкосновенность которой всячески подчеркивалась Траяном.

Любопытно, что апологет Траяна, принадлежавший не латинской, подобно Плинию Младшему, но греческой традиции, возвращенный в политической культуре аутентичного эллинизма Дион Хризостом, уроженец вифинского города Прусы, впоследствии обосновавшийся в Риме и изгнанный из него вместе с другими греческими философами при Домициане, а при Траяне вернувшийся из ссылки, превозносил его уже как истинного

монарха, который, в отличие от тиранов, использующих власть ради угождения самим себе, подъял на себя самоотверженные труды ради благополучия своих подданных и вверенного богами его попечению государства, подражая в этом сыну Зевса Гераклу. Суровый воин и полководец, Траян благосклонно относился к интеллектуальной элите. Его покровительством пользовались философ Дион Хризостом, историки Тацит и Светоний, а Плиний Младший входил в тесный круг его советников и помощников.

Траян поддерживал и развивал учрежденную Нервой алиментарную систему, распространив ее на всю Италию: в результате чего расширился круг детей и подростков, чье существование поддерживалось за счет государственных субсидий. Мальчикам выдавалось по 16, а девочкам по 12 сестерциев ежемесячно до наступления совершеннолетия. Траян увеличил выдачу зерна неимущим и малоимущим римским гражданам: если при Домициане римлянам выдано было денежных подарков — конгиария по 225 сестерциев на человека, то при Траяне совокупный конгиарий достиг 650 — дважды раздавалось по 75, а один раз по 500 сестерциев, что в два раза превосходило годовое жалование легионера.

Римляне высоко ценили устраиваемые принципсом грандиозные зрелища, в чем он превзошел всех своих предшественников. По случаю победы над даками празднества продолжались 123 дня. На арене амфитеатра сражалось 10 тысяч гладиаторов, целые потоки человеческой крови на радость разгоряченных и восторженных зрителей впитались в песок арены, смешавшись с кровью животных — в Колизее затравлено было в эти грандиозные торжества 11 тысяч зверей.

При Траяне Рим украшен был великолепным форумом с возвышающейся посреди него колоссальной колонной, прекрасно сохранившейся до наших дней, и другими замечательными сооружениями. Пинцепс употреблял средства эрария и фиска не только на парадные сооружения, но в гораздо большем объеме на функциональные и хозяйственные постройки. При нем в Риме был выстроен рынок с просторными торговыми залами, перестроена и расширена гавань в Остии, очищен и заново открыт для судов канал, соединяющий Нил с Красным морем. В военно-стратегических и торговых целях расширялись и совершенствовались ранее существовавшие дороги, и прокладывались новые. Одна из них, названная именем императора, соединяла Беневент

с морским портом Брундизиум. Колоссальное значение для обороны империи и развития экономики имела выстроенная по распоряжению Траяна дорога, которая шла вдоль Дуная, пересекая Центральную и Восточную Европу, тем самым теснее интегрируемую в имперский хозяйственный организм. Еще одна стратегически важная дорога была проложена от южного побережья Черного моря через Малую Азию и Сирию до Евфрата.

Заботы Траяна о благополучии народа простирались не на одних римлян, но и на всю подвластную ему империю. Когда житница Рима Египет сам пострадал от засухи, он распорядился оказать населению этой страны, земля которой со времен Августа составляла личное владение императоров, продовольственную помощь. В своей всеохватной попечительности император входил в самые заурядные дела провинциальных муниципий, о чем красноречиво говорит его переписка с проконсулом Вифинии Плинием Младшим, или Вторым — Секундом, как его собственно называли по-латыни. Столь пристальное, если не сказать мелочное внимание хотя бы и к второстепенным по масштабам империи делам сковывало самостоятельность муниципальных властей и провинциальной администрации. Это было своего рода ручное управление империей из центра со всеми его преимуществами и неизбежными недостатками. Так, Плиний нуждался в санкции императора, чтобы позволить гражданам Амиаса завести кассу взаимопомощи, чтобы разрешить Синопской муниципии соорудить водопровод, никейцам — восстановить сгоревший гимнасий, а жителям Прусы построить новую баню.

Когда же проконсул Вифинии просил Траяна о разрешении на учреждение в Никомидии коллегии пожарников, он получил отказ: «Этой провинции и особенно ее городам не давали покоя именно союзы подобного рода. Какое бы имя и по каким бы основаниям мы не давали тем, кто будет вовлечен в такой союз, он в скором времени превратится в гетерию. Лучше поэтому приготовить все, что может потушить огонь, и уговорить домовладельцев пользоваться таким оборудованием у себя и в случае надобности обращаться за помощью к сбежавшемуся на пожар народу» (Плиний Младший, цит. изд., с. 187). Соображения политической безопасности Траян поставил выше планировавшихся мер по безопасности противопожарной.

Страх перед гетериями был одним из мотивов преследования христианских общин. Исторически самые ценные доку-

менты из переписки проконсула Вифинии с императором — это составленное в 112 г. письмо Плиния, в котором он просит его указаний относительно обращения с христианами, и ответный рескрипт Траяна. Эта переписка проливает свет на распространение христианства в Понтийской провинции и очерчивает правовой режим преследования христиан, установленный Траяном и в своих юридических основаниях продержавшийся в течение двух столетий.

Плиний писал императору: «Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах: поэтому я не знаю, о чем принято допрашивать и в какой мере наказывать. Не мало я и колебался, есть ли тут какое различие по возрасту, или же ничем не отличать малолеток от людей взрослых: прощать ли раскаявшихся или же человеку, который был христианином, отречение не поможет, и следует наказывать само имя (*nomen ipsum*), даже при отсутствии преступления, или же преступления (*flagitia*), связанные с именем» (Плиний Младший, цит. изд., с. 205). Таким образом, прося указаний, проконсул формулирует три вопроса: оказывать ли при определении меры наказания христиан снисхождение несовершеннолетним? наказывать только тех, кто не отрекся от христианского имени? карать ли христиан за одно только «имя», за самый факт исповедания или за совершенные ими преступные деяния, обусловленные их принадлежностью к числу христиан.

Затем Плиний докладывает Траяну о той практике, которой он придерживался до сих пор, не будучи уверенным в ее правильности: «С теми, на кого донесли как на христиан, я действовал так. Я спрашивал их самих, христиане ли они, сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием, упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказать за непреклонную закоснелость и упрямство. Были и такие безумцы, которых я, как римских граждан, назначил к отправке в Рим... Мне был предложен список, составленный неизвестным и содержащий много имен. Тех, кто отрицал, что они христиане или были ими, я решил отпустить, когда они вслед за мной, призвали богов, совершили перед изображением твоим... жертву ладаном и вином, а кроме того похулили Христа: настоящих христиан, говорят, нельзя принудить ни к одному из этих поступков» (Плиний Младший, цит. изд., с. 205).

Показания тех, кто пытался оправдаться, относительно совершаемых ими деяний, по словам Плиния, были таковы: «Они в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной, но что и это они перестали делать после моего указа, которым я, по твоему распоряжению, запретил тайные общества» (Плиний Младший, цит. изд., с. 205), то есть гетерии. Упоминание о пищи многозначительно — Плиний не верил в навет черни, что христиане на своих собраниях предаются «Фиестовым пиршествам»: вкушают плоть и кровь убитых младенцев; другая столь же дикая клевета заключалась в обвинении христиан в «Эдиповых смешениях»: евангельская заповедь «возлюбим друг друга» интерпретировалась как призыв к свальному греху, без различения самого близкого кровного родства. Проконсул после допроса под пытками двух рабынь «служительниц» (*ministrae*), то есть диаконисс, пришел к заключению, что показания христиан правдивы, что они, действительно, не совершают общеуголовных преступлений, и во всем их образе мыслей и жизни нет ничего, «кроме безмерного уродливого суеверия» — как говорится в подобных случаях, и на этом спасибо. Однако и за «суеверие», при нераскаянности в нем, гуманный в иных отношениях администратор приговаривал к смерти.

Император в ответ писал: «Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, производя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т. е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно принимать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени» (Плиний Младший, цит. изд., с. 206).

В этом рескрипте содержатся ответы на два вопроса проконсула: карать христиан следует за одно только «имя», то есть уже самый факт исповедания христианской веры — обвинения

в других преступлениях для вынесения смертного приговора не требуется, отрекшихся от Христа освобождать от всякого наказания. На вопрос Плиния о том, следует ли являть снисхождение детям, в рескрипте императора ответа нет, что, очевидно, обозначало отрицательный ответ, который, однако, неудобно было формулировать словесно, поскольку он, вероятно, «не соответствовал духу» гуманного в сравнении с правлением Домициана «века».

Рескрипт содержал еще два указания, данных — как раз по соображениям «духа века» — «не принимать во внимание» «безымянные доносы» и не «выискивать» христиан. В этом предписании содержался скрытый укор корреспонденту, который докладывал: «Мне был предложен список, составленный неизвестным и содержащий много имен», по этому списку он и вел расследование и выносил приговоры. Если бы он действовал в соответствии с неизвестным ему тогда усмотрением принцепса, этим списком следовало бы пренебречь. Таким образом, узаконивая гонения на христиан, Траян одновременно смягчал их, запрещая специально разыскивать христиан и принимать на них безымянные доносы. Поскольку однако клеветнические доносы при Траяне сурово карались, ревнитель чести языческих богов имел основания поостеречься, когда ему приходило на ум сообщить властям об известных ему почитателях Христа. Еще одно косвенное указание Траяна, смягчающее меры, принимаемые в порядке преследования христиан, заключалось в том, что условием освобождения обвиняемых в христианском исповедании он называет лишь принесение жертвы богам, не упоминая о хуле на Христа, к чему принуждал обвиняемых Плиний.

Правовая культура самого Траяна и тем более высококлассного профессионального юриста Плиния не могла оставить их юридическую совесть в покое в связи с подобным законодательством. Слишком уж выпирала наружу его внутренняя противоречивость. Христиан приговаривали к смерти, то есть относили к числу особо опасных преступников, но при этом их не разыскивали и в случае так называемого раскаяния, то есть отречения от Христа, не подвергали никакому наказанию. Параллель с другими тяжкими преступлениями, караемыми смертью, — государственной изменой или разбоем, а дела христиан рассматривались в таком же упрощенном порядке, как и разбойников, подобный процесс назывался *coercitio* — обнаруживает

абсурдность юридической логики преследования христиан. Разве разбойников освобождали от наказания в случае их раскаяния, и разве их не разыскивали до тех пор, пока не поступит донос от частных лиц?

Следуя рескриптам Траяна — а они, очевидно, адресовались не только проконсулу Вифинии, переписка которого с принцепсом дошла до нас, но и другим правителям провинций, — христиан действительно перестали разыскивать, но когда доносчик на них не прятался под маской анонимности, а готов был поддерживать обвинение в суде перед магистром или президентом, то делу давали ход, и отказавшихся отречься от Христа присуждали к смерти. Такой режим преследования ставил под особый удар епископов, чье служение совершалось обыкновенно на виду у народа, так что обвинителю епископа при любом исходе процесса легко было оправдаться, если бы против него возбуждено было грозное обвинение в клевете. Самые знаменитые мученики, казненные при Траяне, — это предстоятели первенствующих Церквей: святые Климент Римский, Игнатий Антиохийский и Симеон Иерусалимский. В правление Траяна в Эфесе отошел ко Господу Его возлюбленный ученик Иоанн Богослов, достигший маститой старости и переживший других апостолов, единственный из двенадцати, чья кончина была не мученической, но мирной.

Опытный и искушенный государственный деятель, Траян прежде всего был полководцем, был императором в исконном значении слова, и в историю он вошел победоносными войнами, беспримерным для эпохи принципата расширением пределов Римской империи. Самым важным из его завоеваний стала Дакция. В ходе двух войн, одна из которых велась в 101 и 102, а другая — в 105 и 106 гг., государство даков прекратило свое существование, а их страна стала римской провинцией.

Одновременно с войной против царя даков Децебала римские легионы вели военные действия против набатейских арабов. Еще в бытность свою на службе в Сирии при Домициане Траян оценил стратегическое и торговое значение эллинистической Nabatei. После того как правивший там царь Рабил умер в 105 г., и в Nabatee началась междоусобная борьба за его наследство, Траян нашел момент удобным для вмешательства. По его приказу в 106 г. войска под командованием Корнелия Пальмы выдвинулись из Сирии в Nabateю, и после легко

подавленного сопротивления овладели Трансиорданией, протянувшейся узкой полосой от Хорана до Акабского залива. На захваченной территории была образована императорская провинция Аравия, в которую вошел также Синайский полуостров. Столицей провинции стала Бостра, где был расквартирован VI легион. 26 марта 107 г. Траян назначил легатом провинции Гая Клавдия Севера. Включение Набатеи в состав империи укрепляло стратегическую безопасность Сирии, защищая ее от набегов из глубины Аравийского полуострова. Экономическая выгода включения Набатеи в состав Римской империи заключалась в том, что там находилась прежняя столица Набатеянского царства великолепная Петра с ее сохранившимися донныне прекрасными храмами и другими сооружениями, вырубленными в скале. Этот город являлся важным торговым центром, через который шли караванные пути, связывающие Ближний Восток с Индией. После завоевания Набатеи в 107 г. впервые в Рим прибыло посольство из Индии.

В правление Траяна основным направлением имперской экспансии становится Восток. На западе империя уперлась в естественный предел — Атлантический океан. На севере — в британской Каледонии, в зарейнской и задунайской Германии, а также на юге — в Сахарской пустыне обитали племена, интеграция которых в империю ввиду их культурного варварства встречала существенные затруднения и не представлялась целесообразной, а на востоке находились страны древней культуры, подвергшиеся в течение четырех столетий, подобно самому Риму и Италии, глубокой эллинизации. Правда, это были территории, включенные в соизмеримую по своей мощи с Римом Парфию, многовековое соперничество с которой шло с переменным успехом, так что на восточном фронте победы чередовались с поражениями.

Вечным яблоком раздора между двумя государствами служила буферная Армения. Мир между Римом и Парфией поддерживался со времен Нерона. Но когда парфянский царь Хосрой, унаследовавший власть в 109 г. после смерти своего брата Пакора II, не считаясь с интересами Рима, сверг зависимого от Рима царя Армении Аксидара и на его престол посадил своего племянника сына Пакора Партамазириса, Траян в ответ на столь вызывающее нарушение равновесия решил прибегнуть к силе. 27 октября 113 г. он выехал из Рима на восток. Туда же были

переброшены дополнительные силы, снятые с Дунайского лимеса. Для войны с Парфией сколочена была мощная группировка из 11 легионов. В январе 114 г. Траян прибыл в Антиохию и отсюда отправился на восточную границу. Еще до его прибытия римские легионы при поддержке вспомогательных войск, предоставленных зависимыми династиями Иверии и других кавказских народов, вторглись в Армению. Тем временем в Парфянском царстве вспыхнули волнения и мятежи, в основном на его восточных окраинах, где и находился тогда Хосрой, занятый наведением там порядка. В армянском городке Элегия состоялась встреча Траяна с Партамазирисом. Тот надеялся уладить дело формальным признанием своего вассалитета. При встрече он снял с головы диадему и передал ее Траяну, а он не стал возлагать ее на голову царя. Партамазирис был задержан, а вскоре после этого при попытке бегства убит. Не встретив серьезного сопротивления, римляне оккупировали всю Армению. В 115 г. Армения была включена в состав Римской империи со статусом императорской провинции. В том же году Траян заключил союзнические договоры с царями Колхиды, Иберии и кавказской Албании, фактически превращавшими их в римских вассалов. Так сфера влияния Рима дотянулась до Каспийского побережья. При поддержке союзников римские легионы оккупировали Ассирию и северную часть Месопотамии, на территории которых были образованы две новые императорские провинции.

Между тем, в декабре 115 г. один из самых крупных городов империи Антиохию, где тогда находилась ставка Траяна, был разрушен катастрофическим землетресением. Расчистка завалов, оказание помощи пострадавшим, начало восстановительных работ задержало приготовление к дальнейшему этапу военных операций. Но на верфях Евфрата строился военный флот, и весной 116 г. две колонны римских легионов под командованием Траяна двинулись вдоль берегов Тигра и Евфрата вниз по течению этих великих рек в южную Месопотамию. Часть воинов, амуниции и артиллерийской техники переправлял флот. Для лучшего взаимодействия между колоннами по приказанию императора был очищен и восстановлен древний канал, соединявший две великие реки. Войска Хосроя готовились к защите парфянской столицы Ктесифона, расположенного на берегу Тигра. Но когда римские колонны, соединившись вблизи столицы, начали приготовления к ее осаде, Хосрой со своими

войсками бежал на восток своего царства. После занятия Ктесифона римский флот вышел в Персидский залив. Траян, готовый повторить опыт Александра Македонского, обдумывал уже план похода на Индию.

Но, подавив сопротивление мятежников на востоке, Хосрой с многочисленной армией вернулся в Месопотамию, чтобы отвоевать потерянную столицу и другие города и земли, занятые римляне. Парфянская агентура разожгла восстание в Месопотамии в тылу у основных сил римской экспедиционной армии. Хуже того, агенты парфян обещанием поддержки подтолкнули к мятежу евреев Киренаики, а затем также Египта, Кипра и Палестины, внутренне не смирившихся с катастрофой, пережитой ими при Веспасиане и Тите. В городах, где евреи составляли значительную часть населения, началась резня италиков и греков. Траян вынужден был оставить дальнейшие экспансионистские планы и выделить крупные силы на подавление еврейского восстания. Подавление мятежа сопровождалось казнями бунтовщиков, а также погромами еврейских кварталов, которые учиняли мстившие за резню греки и италики. Мятеж был подавлен везде, где он бушевал, за исключением Палестины. Там последние очаги сопротивления гасил уже преемник Траяна Адриан. Воспользовавшись тем обстоятельством, что значительные силы римлян были выведены из южной Месопотамии для подавления восстания, Хосрой напал на оставшуюся часть римской армии, которой командовал консулярий Аппий Максим Сантра, и нанес ей поражение.

В сложившейся обстановке Траян решил заключить мир с Парфией, отказавшись от мысли покончить с этим государством. В 117 г. на царский престол в Ктесифоне был посажен ставленник Рима знатный парфянин Партамаспат, но Хосрой вскоре устранил его, вернув всю Южную Месопотамию под свой контроль. Партамаспат перебрался в оставшуюся под римским контролем Эдесу.

Внезапно Траян заболел. Назначив правителем Сирии и всего Востока своего родственника Адриана, император в полупарализованном состоянии отправился в Рим, и умер на пути в столицу в киликийском городе Селинунте в начале августа 117 г. в возрасте 64 лет.

При Траяне экспансия Рима достигла апогея. В пределах империи тогда обитало более 80 миллионов человек, вероятно, около трети всего человечества. Численностью населения,

экономической и военной мощью Рим на исторически короткое время превзошел Срединное царство — Китай. В сравнении с правлением Домициана и императоров из династии Клавдиев эпоха Траяна была временем внутреннего мира и безопасности для граждан и поданных Рима, покорных имперской власти. Еще при жизни Траяна, в 114 г., сенат удостоил его титулом «лучший» (*optimus*), после его смерти сенат постановил совершить его консекрацию — он был причислен к лику богов. Когда в последующие времена сенат избирал новых принцепсов, им выражали пожелание быть «счастливее Августа и лучше Траяна» (*felicior Augusti et melior Trajano*).

3. Завоевание Дакии

Самым прочным из имперских приобретений Траяна стала Дакия. Так тогда называлась страна, в наше время приблизительно совпадающая с границами Румынии, расположенная между Дунаем, его притоком Прутом и по склонам Восточных и Южных Карпат. В эпоху Траяна Дакия граничила с римскими провинциями Мезией, Иллириком и Паннонией.

Хорографически Румынию можно разделить на четыре части: плоскую и единообразную Валашскую, или Нижнедунайскую низменность, протянувшуюся широкой полосой по левому берегу Дуная, благоприятную как для пашенного земледелия, так и для скотоводства; Среднедунайскую низменность, которая занимает западное румынское пограничье; холмистые регионы, один из которых соединяет Валашскую низменность с Карпатскими горами, другой примыкает к Карпатам с востока, располагаясь в Молдавии между двумя дунайскими притоками Сиретом и Прутом, а третий находится в центре Трансильвании, со всех сторон окруженный хребтами Карпат, где издревле занимались скотоводством, земледелием, садоводством, позже также виноградарством; и наконец, сами эти горные хребты и их склоны, покрывающие большую часть страны, в основном используемые под пастбища, но богатые также залежами железной и медной руды, где издавна добывали также золото, серебро и соль. Карпаты по высоте уступают Кавказским горам и Альпам; поэтому они никогда не служили препятствием для вторжения племен и народов ни с севера, ни с юга, ни с запада, ни с востока, что, естественно, способствовало расовой гибридизации населения Румынии начиная с глубокой древности. Самая высокая

вершина румынских Карпат находится в их южной части, это — гора Молдовяну высотой 2543 метра.

Румыния лежит в бассейне Нижнего, а в Трансильвании — Среднего Дуная, который течет по южной границе страны, отделяя ее от Болгарии, близ устья — от румынской Добруджи, и в самой дельте от Одесской области. В древности Дунай разделял земли гетов и их сородичей южных фракийцев. Дунай, при соприкосновения которого с румынской землей, расположен перевал Железные ворота, представляет собой главную водную артерию страны. Левый румынский берег этой великой реки заполнен многочисленными лагунами и озерами и сильно заболочен. В то же время посредине его русла возвышаются острова, число которых увеличивается по мере приближения к устью. Дельту Дуная составляют протоки, или гирла, между которыми находятся бесчисленные болотистые и непролазные острова. Самые крупные притоки великой реки впадают в нее вблизи ее дельты — это судоходный Прут и Сирет. В Трансильвании берет начало река Олт, текущая на юг через Нижнедунайскую низменность. Орошающий землю Трансильвании Муреш впадает в приток Дуная Тису, текущую за пределами Румынии.

Несмотря на близость к Средиземному морю, климат в Румынии континентальный, с резкими контрастами между холодной зимой и изнурительно жарким летом на юге страны, в Валахии, более мягкий в Молдавии, Банате и Трансильвании, где лето не столь жаркое, и прохладный в горах, в особенности на севере страны — в Южной Буковине и Марамуреше. Лето, зима и осень в Румынии продолжительны, а весна скоротечная, особенно в Валахии, где она иногда ограничивается двумя — тремя неделями на границе марта и апреля. Юг Румынии страдает от недостатка осадков, в основном дожди выпадают там поздней осенью, а в Добрудже их так мало, что эта провинция приобрела черты полупустынной зоны. В стране в основном дуют два ветра: один, северный или северо-восточный, русский, зиму приносит морозы и снег, а летом он теплый и мягкий, и другой — южный, средиземноморский, который всегда несет с собой тепло и иногда дожди.

Нижнедунайская низменность лежит в степной зоне. Эти степи уже в древности были в значительной части распаханы, но впоследствии, в результате упадка земледелия, вторжения кочевников, не один раз зарастали травой и превращались в пастбища

или дикое поле. На лесистых Карпатских горах растут ель, лиственница, сосна, береза, можжевельник, на их нижних склонах и в холмистой местности — бук, ясень, явор, дуб, вяз, каштан и даже тис, а также фруктовые деревья, яблоневые и грушевые, орешник. В Румынии водятся те же звери, что и в Центральной Европе, — волки, лисы, рыси, кабаны, барсуки, зайцы, а также олени, серны и косули. Дунай и его притоки богаты рыбой.

В конце III тысячелетия до Р. Х. на территории современной Румынии существовали поздние неолитические культуры — кукутени, гумельница, сэлкуца, петрешти, названные так по местам находки артефактов, преимущественно связанные с более ранней местной культурой хаманджия, типологически близкой и генетически родственной культуре триполья. Для этих культур характерна прекрасная расписная керамика со спиралевидными и меандровыми мотивами, наносившимися на стенки конических кубков, амфор, фруктовых ваз, ковшей. Мелкая пластика представляла собой зооморфные и женские фигурки, часто с утрированными тазом и бедрами. На территории этих культур найдены изделия из золота и бронзы, вероятно, импортированные с юга или из Малой Азии. Покойников носители этих культур предавали земле в скорченной позе, во многих случаях в могильниках обнаружена охра, которой обсыпали останки при погребении. Земледелие было их основным занятием. Их антропологический состав разнообразен, но преобладает средиземноморский тип.

В эту же эпоху в Карпатско-Дунайский регион с севера — из Словакии, Галиции, Волыни и Подолья — проникают племена скотоводов, носителей культур шаровидных амфор, полей погребальных урн и шнуровой керамики, иными словами, индоевропейцы. Одни из них, протоэллины, продвинулись через Румынию в Македонию, другие — протоилирийцы, и вместе с ними также протоиталики — на запад Балкан, третьи, протофракийцы, осели в Румынии и прилегающих к ней землях Бесарабии, Северного Причерноморья, Болгарии, некоторые из пришельцев, перебравшись через Босфор, поселились в Малой Азии. Фракийский язык на Балканах формировался в результате трансформации протофракийского языка пришельцев под влиянием автохтонного языкового субстрата.

Ранний бронзовый век, хронологически относящийся к рубежу III и II тысячелетий и продолжавшийся до XVI столетия,

представлен в Румынии культурами чернавода, локализуемой в Добрудже и левобережье Дуная в его нижнем течении, фолтешти в Мунтении и Молдавии и глина в Банате. Трансильвания в эту эпоху еще не переступила культурную границу, отделяющую неолит от бронзового века. В ареале чернаводской культуры найдены бронзовые плоские топоры с оттянутым вверх лезвием и кинжалы с узкой рукояткой. В регионах культур глина и фолтешти металлические артефакты встречаются реже — это бронзовые булавки и шилья.

Антропологически носители культуры чернавода были несомненными средиземноморцами, в то время как для культур фолтешти и глина уже более характерен центральноевропейский антропологический тип, керамика носителей этих культур существенно идентична культуре шаровидных амфор. Если основным занятием чернаводцев оставалось земледелие, то для культур фолтешти и глина характерно преобладание скотоводства. Иными словами, в процессе ассимиляции на юге Румынии доминировал еще элемент автохтонный, а север в первой половине II тысячелетия приобрел по преимуществу уже индоевропейский облик. Политическое господство в культурном отношении более отсталых полукочевых индоевропейцев обусловлено было, очевидно, боевым употреблением коня.

Средний и поздний бронзовый век в Румынии охватывают период от XVI до XIII столетий. Бронзовая индустрия постепенно распространяется по всему Карпато-Дунайскому региону. Ее развитию способствовали богатые залежи медной руды в Трансильвании, Олтении и Добрудже. В этот период умели изготавливать из бронзы боевые и рабочие топоры, мечи, серпы, сосуды и украшения. Некоторые из артефактов, найденных в Румынии, импортированы из микенской Эллады или Азии. Хотя бронза уже широко употреблялась, она все-таки оставалась еще слишком дорогим материалом, недоступным простым крестьянам. Поэтому плуги из нее не делали, вместо металлических изготавливали костяные или деревянные лемехи. Плуг тянули не только быки, но и лошади. Их также научились запрягать в четырехколесные повозки, глиняные модели которых встречаются среди археологических находок. Земледелием особенно интенсивно занимались на юге Румынии, где в составе населения, вероятно, все еще доминировал, по крайней мере, культурно, автохтонный элемент, в то время как на севере и северо-западе

в хозяйстве преобладало скотоводство — занятие, которое характеризовало образ жизни индоевропейских пришельцев.

И на юге и на севере Румынии найдены относящиеся к середине II тысячелетия клады с ювелирными золотыми изделиями, не только импортированными, но и местного производства. В Трансильвании золото добывали. В торговле употреблялись денежные суррогаты. По словам румынского археолога Д. Берчу, «по обе стороны Карпат и Дуная металлы теперь ходили не только в форме слитков-гривен, как в раннем бронзовом веке, но и в форме грубых брусков определенного размера... В результате торговли и обмена некоторые племена становились обладателями фаянса и янтарных бус, а также различных видов микенского вооружения, вроде так называемых рапир из Роширой-де-Веде, из Трансильвании и других мест» (Берчу Думитру. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. М., 2008, с. 90).

На юге Румынии бронзовый век представляют культуры тей, названная так по озеру, расположенному вблизи Бухареста, вербичоара, охватывающая территорию Олтении, Баната и западной Болгарии, локализуемая западнее ее культура гырла-маре, культуры монтерой и витенберг в Трансильвании и отомани — в Буковине, Венгрии и Восточной Словакии. Культура отомани послужила почвой, из которой позже, на рубеже II и I тысячелетий, вырос местный вариант гальштата.

С гальштатом Центральная и Восточная Европа вступают в железный век. Хронологически самые ранние находки железных изделий в Румынии относятся к X столетию до Р.Х., и сделаны они в Добрудже. Технологическая революция, связанная с выплавкой железа, проникла в Добруджу из Анатолии, но существовал и иной маршрут заимствования железной индустрии в Карпатский и Альпийский регионы — так называемый киммерийский путь, который вел с Кавказа по степям Северного Причерноморья в Буковину, Молдавию и далее в Центральную Европу.

Характеризуя переход от бронзового века к гальштату, Д. Берчу писал: «Преимущественно скотоводческий тип хозяйства, развившийся в Центральной Европе в первом железном веке, как и интенсивная деятельность бронзовых плавильщиков и мастерских, способствовали расширению межплеменного обмена; это само по себе вызывало изменения в структуре племенной знати — воинов, разбогатевших в результате этого самого обмена. Остатки

колесниц и части различной упряжи показывают, что вскоре после 800 г. до н. э. лошадь уже использовалась и как упряжное, и как верховое животное. Именно в финальной фазе бронзового века, в переходный период и в начале гальштатского периода наибольшее распространение получили меч и боевой топор» (Берчу, цит. изд., с. 124–125). Носители гальштатской культуры были, несомненно, более воинственными, чем их предшественники.

В эпоху гальштата региональная диверсификация культур сглаживается. Разновидности культур распределяются уже не столько синхронно, сколько диахронически. Так, культура басараби, относящаяся к VIII и VII столетиям, распространена была почти по всей территории современной Румынии, ее артефакты обнаружены также в раскопках по берегам Днестра, на севере Болгарии, в Венгрии и в Сербии. Носители этой культуры изготавливали оружие из меди и железа, для их керамического орнамента характерны геометрические мотивы — ромбы, треугольники, круги, спирали. Керамическая посуда декорировалась также штрихованными лентами, желобками и подвергалась лощению. Частыми находками являются биконические сосуды. Своих покойников носители культуры басараби либо кремировали, либо предавали земле, в случае ингумации над могилками всегда насыпали курганы, а при сожжении трупа урну с прахом хоронили в яме.

В эпоху гальштата завершился процесс ассимиляции пришельцев индоевропейцев с палеоевропейскими автохтонами Карпатского региона и Балкан. На всей территории Румынии, за исключением Баната и примыкающей к нему Западной Трансильвании, как и в Болгарии, европейской Турции, а также в Бессарабии, говорили на фракийских языках. На западе Румынии присутствовал иллирийский элемент.

В середине и второй половине I тысячелетия на территории Румынии обитали два близко родственных фракийских народа — геты и даки, которых римляне склонны были одинаково называть даками, а эллины — гетами, и все же это не два этнонима одного и того же народа: геты занимали южную и восточную часть современной Румынии, а даки — Марамуреш, Трансильванию и Банат. Сами себя даки называли даои, от «даос» (волк), который был тотемом этого народа. Язык гетов и даков, как и другие фракийские языки, неизвестен, поскольку нет написанных

на нем письменных памятников. Во время своей ссылки в Томи Овидий написал поэму на гетском языке, но она утрачена, так что судить об этом языке можно лишь по антропонимическим и топонимическим данным. В румынский язык вошло несколько гетских слов — *gard* (забор), *brad* (ель), *fasole* (фасоль), *branza* (брынза), *copil* (ребенок).

Религиозные верования гетов и даков были одинаковы с другими фракийскими народами и выразительно описаны Геродотом. Они веровали в бессмертие душ, в общение с горным миром и почитали как бога Замолксиса, о котором у греков возникло фантастическое представление, что он был некогда рабом Пифагора. Цари и племенные вожди держали при себе жрецов, которые, проводя уединенную жизнь, умели толковать волю богов по небесным знамениям. Страбон называет имя одного из них — Декеней, он находился при царе Биребисте во времена Цезаря (см. Страбон, цит. изд., с. 273).

Внешний вид даков известен вполне точно, не только по его описаниям в античных текстах, но, главным образом, по многочисленным реалистичным изображениям, в отдельных случаях, вполне портретным, на знаменитой колонне Траяна в Риме. Это были люди среднего роста, пропорционального сложения с правильными чертами лица, брахицефалы и мезоцефалы, с голубыми глазами и светлыми волосами. Мужчины носили бороду и длинные волосы, котрые они подстригали спереди и на висках. Одевались они в длинные подпоясанные рубашки и короткие штаны, зимой надевали тулуп, ходили с непокрытой головой, в холод и дождь укрывали голову под капюшоном, лишь знатные и состоятельные даки носили на голове шерстяную шапку. Обувались даки в лапти с железными шипами. Женщины носили рубашки с короткими рукавами и юбки, а на голове — платок.

В середине I тысячелетия до Р. Х. в Добрудже на берегу Черного моря появляются греческие колонии Томи, Каллатис и Истрия, торговые контакты с которыми оказывают стимулирующее влияние на культурное развитие фракийцев. Геты и даки покупали у эллинов керамические изделия, ювелирные украшения, ткани, масло и вино, а продавали им зерно, мед и воск, меха и шкуры, а также рабов. Сведения о фракийских племенах, по преимуществу относящиеся к южным фракийцам, но отчасти характеризующие весь фракийский мир — религию, быт, культуру и нравы этих племен, появляются в греческих

литературных памятниках, в частности, в «Истории» Геродота, который называет «самыми храбрыми и честными среди фракийцев» гетов. Во время похода Дария против эллинов, когда он проходил через страну гетов, они «оказали царю вооруженное сопротивление, но... были покорены» (см. Геродот, цит. изд., с. 93). Однако власть Дария над некоторыми из гетских племен продолжалась недолго.

В VI столетии в нижнее Подунавье и в Карпатский регион проникают скифы. Многие артефакты, найденные в разных регионах Румынии, несут на себе легко узнаваемые черты скифского звериного стиля — это могли быть изделия не только скифских мастеров, но и местных умельцев, прошедших школу скифского искусства. Частыми находками становятся скифские мечи — акинаки. Как пишет румынский историк В. Георгеску, «в результате скифских вторжений туземное население было оттеснено из равнин обратно к подножьям Карпат, где оно сконцентрировалось вокруг нескольких земляных и каменных укреплений. В одной только Молдавии было обнаружено более двадцати крепостей размером от девяти до сорока пяти гектар» (Georgescu Vlad. *The Romanians. A History*. London — N. Y., 1991, p. 3). В течение некоторого времени, очевидно, имело место политическое доминирование скифов, или попросту говоря, покорение этим агрессивным народом отдельных фракийских племен, но устойчивых поселений скифских кочевников в Румынии не сложилось, за исключением Добруджи, где в III столетии до Р. X. образовалась Малая Скифия.

Замечательные находки сделаны в Аджигиоле, в северной Добрудже. Там раскопана была так называемая «царская могила». Под курганом открыта гробница из тесаного камня с вырезанными на некоторых камнях греческими буквами. Гробница состояла из двух камер, в одной из них покоились останки мужчины, в другой — женщины. В главную мужскую камеру вел дромос, засыпанный после погребения камнями. В камерах нашли серебряный шлем, серебряные поножи с золотым орнаментом, два кубка из серебра, украшенных изображениями фантастических животных, серебряные тарелки, на одной из которых греческими буквами написано хорошо известное фракийское имя «Котис», греческие амфоры и черепки краснофигурных ваз. Там же лежали железные наконечники стрел и копий. Около женского скелета обнаружили золотые серьги. По замечанию Д. Берчу,

в аджигиольском могильнике ясно различимо скифское влияние» (Берчу, цит. изд., с. 167). Тем не менее археолог не считает эту гробницу скифской. находка, по его словам, «относится к категории гето-фракийских «аристократических», или «царских» памятников; без сомнения, покойный был одним из главных представителей местной знати конца V — начала IV в. до н. э.» (Берчу, цит. изд., с. 167).

В 335 г. до Р.Х. с гетами воевал Александр Македонский, разрушивший их цитадель. В 291 г. македонский царь Лисимах переправился через Дунай, чтобы разгромить гетов, во главе которых стоял царь Дромихайтес; потерпев поражение, Лисимах оказался в плену, но был великодушно отпущен благородными врагами. После смерти Дромихайтеса его царство распалось.

В начале III века в Дунайско-Карпатский регион вторглись кельты. Балканское направление кельтской экспансии явилось следствием поражения сеннонов в их натиске на Италию. При этом Румыния оказалась лишь промежуточным этапом на пути кельтов на юг полуострова. Потерпев поражение в сражении под Дельфами, они двинулись в Анатолию, где и обосновались окончательно, так что обжитую ими страну стали называть Галатией. Но часть народа застряла в самом начале долгого маршрута своих соплеменников — в Кришане, Трансильвании, Марамуреше, подвергшись затем ассимиляции местными даками. Археологические раскопки в Трансильвании дали ряд находок кельтских артефактов. В трансильванском Силиваше открыта гробница, в которой обнаружены кельтский меч, железные шлем, кинжал, наконечники копий. Поблизости от гробницы найдены другие артефакты — железные ножницы, фрагменты шейных гривен, конские удила, накладные пластины из бронзы. В кремационном захоронении в Чумеште в регионе Марамуреша найден железный шлем, увенчанный бронзовым орлом с распростертыми крыльями. Все эти изделия относятся к культуре латен.

В Трансильвании, Марамуреше, Банате зарождение латена действительно связано с появлением в этом регионе кельтов, поскольку до их прихода там сохранялся гальштат — даки заимствовали у кельтов гончарный круг, усовершенствованную технику строительства крепостей и обработки металлов. Иначе обстоит дело с культурно более развитым румынским Подунавьем — Олтенией, Мултенией и Добруджей. Кельты застали этот регион уже на стадии латена, замечательными образцами

которого могут служить серебряные фибулы из кладов, найденных в Олтении, великолепная серебряная чаша на подставке из камня. В III столетии у гетов и даков появляются монеты, которые вначале делались в подражание тетрадрахмам Филиппа II и Александра Македонского, затем приобрели более оригинальный стиль. При этом в разных регионах чеканились монеты разных типов: в Добрудже — москоны, в Мултении вытрежу, в Молдавии — хуши, в Трансильвании — хунедоары, в Олтении — амфиполисы и добрешти. Однако в начале I столетия чеканка собственных монет в Карпатско-Дунайском регионе прекратилась — их вытеснил римский динарий.

Культура позднего латена на территории Румынии была продуктом общества, стоявшего на грани перехода к развитой цивилизации. В Дакии появились квазигородские поселения, которые можно поставить в параллель с кельтскими оппидумами; по-дакски они назывались давы. Политическая структура общества носила предгосударственный характер. Из греческой литературы известны имена гетских царей — победителя Лисимаха Дромихайтеса, Залмодегикоса, вождей дакских племен Орола и Ремакса. В Добрудже была найдена гетская монета с греческой надписью «басилеос Москонос», то есть с именем некоего царя гетов Москона.

На рубеже III и II столетий до Р. Х. с северо-запада в Молдавию вторглись певкины, или бастарны — германоязычный народ, далеко оторвавшийся от компактного германского массива в Центральной Европе. Около 200 г. дакский вождь Орол сражался с бастарнами. Вблизи Ясс раскопан комплекс бастарнских могильников с кремированными захоронениями в урнах из черной глины. Там найдены железные пряжки, бронзовые и железные фибулы, стеклянные бусы с золотыми листочками. Обнаруженные там же родосские амфоры говорят об интенсивных контактах бастарнов с Элладой. Бастарны были скотоводами, в культурном отношении они стояли на значительно более низком уровне, чем окружающие их автохтоны геты и даки.

В 80 г. до Р. Х. даки и геты объединились под властью царя Бербесты. В его владения входила и часть Паннонии. Первоначальной резиденцией царя была Арджедава, руины которой обнаружены в 20 километрах к югу от Бухареста на берегу реки Арджеша, затем он перенес столицу в Южную Трансильванию, где на горных склонах им была выстроена целая система

фортификаций. По словам Страбона, при нем геты и даки «были в состоянии выставлять войско в 200 000 человек» (Страбон, цит. изд., с. 279), что позволяет оценить все население царства никак не менее чем в один миллион человек.

Римские легионы соприкоснулись с Дакией у «Железных ворот» Дуная в 74 г. до Р. Х. С 72 по 61 г. римляне владели Добруджей, после долгого перерыва они оккупировали ее окончательно в 46 г. от Р. Х., присоединив к Мезийской провинции. В 48 г. до Р. Х. Беребиста заключил договор с Помпеем, направленный против Цезаря, легионы которого стояли на правом берегу Дуная. После смерти Помпея Цезарь собирался нанести удар по дакам, но этот удар был предотвращен его гибелью. В том же 44 г. умер и престарелый Беребиста.

Его царство распалось на удельные владения князей Котиса, Козона, Дафикса, Зираксиса, Дикомеса и Ролеса. Характеризуя положение даков и гетов на рубеже эр, Страбон писал, что теперь «они настолько ослабли, что могут выставить только около 40 000 человек и почти подчинились римлянам. Тем не менее они не совсем покорились, так как возлагают надежды на германцев, которые враждебны римлянам» (Страбон, цит. изд., с. 279). Центр тяжести страны в политическом и военном отношении, как и при Беребисте, остался в Трансильвании, где последовательно правили Децений, Комозик, Скорил и Дурас, власть которого распространилась на Трансильванию, Олтению и Валахию. В I столетии от Р. Х. даки и римляне вели вяло текущую приграничную войну, перемежавшуюся короткими перемириями: за партизанскими рейдами даков и гетов в римскую Мезию следовали карательные экспедиции римлян.

В 86 г. возникла угроза завоевания Мезии даками. Император Домициан вынужден был направить в провинцию дополнительные легионы и сам возглавил армию, вступившую в серьезную войну с царем даков Дурасом. Престарелый царь в том же году уступил престол своему племяннику Диупнану, который принял имя Децебала, означающее «силен как десять мужей»: Диупнан в прошлом не раз громил римские легионы, но в 87 г. даки понесли поражение в битве на перевале у Железных ворот. Под угрозой оказалась столица царства Сармицегетуза, но понесенные римлянами тяжелые потери заставили их приостановить наступление, и в 89 г. был заключен мирный договор, по которому Децебал становился «другом и союзником римского

народа»; в то же время Рим признавал территориальную целостность его владений и даже брал на себя обязательство выплачивать ему субсидию, своего рода дань.

Траян нашел условия этого договора унизительными и неприемлемыми и прекратил выплату субсидий. На нижнем Дунае, у границ Дакии, он сосредоточил стотысячную армию. Для обеспечения надежных коммуникаций с Дакией со стороны Паннонии и Верхней Мезии римляне перекинули через Дунай вблизи Железных ворот понтонный мост длиной более трех километров и шириной в 30 метров. Летом 101 г., после того как в ответ на прекращение поступления дани Децебал совершил серию грабительских набегов вглубь имперской территории, римская армия форсировала Дунай и вторглась в Дакию со стороны Верхней Мезии. Трудности операции для римлян связаны были не только с гористой местностью и храбростью даков, но также с их высоким воинским искусством, которому они обучались при Децебале у пленных римских легионеров, офицеров и инженеров. Децебал оказал ожесточенное сопротивление, и все же легионы под командованием Траяна подошли к его столице Сармизегетузе.

Тогда Децебал решил открыть второй фронт. Вместе с союзниками роксоланами — одним из кочевых сарматских племен — он форсировал Дунай в Валахии и вторгся в Мезию. Траян вынужден был снять осаду Сармизегетузы и перебросить большую часть армии в Мезию. Особенно ожесточенные бои велись в Добрудже. В начале 102 г. у Тропея Траяна, ныне Адамкисси, римляне одержали трудно доставшуюся им победу, в честь которой они воздвигли там триумфальный монумент, руины которого дошли до нас. Предание об этой битве сохранилось в исторической памяти славян, заимствовавших в пору своего язычества у романизованных даков культ императора Траяна. Глухой отголосок этой памяти отражен в «Слове о полку Игореве», где древний поэт Баян назван «соловьем старого времени», «рыщущим тропу Трояню чрес поля на горы» (с. 373). Траян еще в трех местах упомянут в «Слове»: «вечи Трояни», «на землю Трояню», «на седьмом веце Трояню».

Победа римлян в Добрудже ознаменовала перелом в ходе войны, после которого они возобновили наступление по широкой линии фронта от Баната до Молдавии. Армия Траяна вновь осадила столицу Децебала. Правитель Нижней Мезии Лаберий

Максим захватил в плен сестру Децебала. Разбитый в сражении у стен своей столицы, царь вынужден был начать переговоры и принял условия мира, продиктованного ему Траяном. Он выдал римлянам оружие, возвратил пленников и перебежчиков, в том числе исключительно ценных для него военных инструкторов и инженеров, а также ремесленников-оружейников, уступил римлянам часть территории своего государства, обязался разрушить и скрыть самые защищенные укрепления, впустить в большинство оставшихся крепостей римские гарнизоны и впредь не вести войны и не заключать мир без санкции Рима, иными словами, всерьез стал «другом и союзником римского народа». В декабре 102 г. Траян отпраздновал в Риме триумф в честь победы над даками и был удостоен титула «Дакийский» (Dacicus).

Мирный договор был непомерно тяжел для самолюбивого и гордого Децебала, и он стал готовиться к реваншу. Его военные приготовления не остались в тайне от римлян; в свою очередь Траян планировал операцию, которая призвана была окончательно решить балканский вопрос, обезопасив Паннонию и Мезию от всякой угрозы со стороны даков. С этой целью по его приказу Аполлодор Дамасский выстроил мост через Дунай, вблизи Дробеты, длиной в 1200 метров. Этот мост опирался на 30 каменных арок и представлял собой чудо инженерной архитектуры, представление о котором можно составить по его изображениям на римских монетах. Для новой войны с Дакией у ее границ на этот раз было сосредоточено 14 легионов, что вместе с вспомогательными войсками составляло почти полумиллионную армию — половину вооруженных сил империи.

Но войну начал не Римский император, а Децебал. В 105 г. он осадил римские гарнизоны в своей стране, и после их разгрома одни легионеры были перебиты, другие взяты в плен. Затем войско Децебала вторглось в Мезию. Война завершилась осенью 106 г. сражением у стен Сармизегетусы поражением даков, осадой и взятием их столицы. Децебал, чтобы не попасть в руки врага, покончил с собой. Его отрезанная голова была отправлена в Рим. «В надписи на найденной в 1965 г. у Филипп каменной стеле некий Тиберий Клавдий Максим похваляется тем, что он захватил Децебала и переправил его отрубленную голову Траяну в Раннаторум, расположенный в центре Семиградья» (Christ, cit. op., s. 299). Вероятно, этот римлянин отрезал голову уже мертвого, покончившего с собой царя, потому

что известие о самоубийстве Децебала не вызывало сомнений у современников. Очаги сопротивления даков римские войска подавляли до конца 106 г.

На триумфе в честь завоевания Дакии, который отпразднован был в 107 г., голова Децебала была низвержена в мусор с лестницы Гемоний. В Риме в центре форума Траяна воздвигнута была грандиозная колонна, покрытая лентой длиной в 200 метров с рельефными изображениями многих эпизодов войны, с прекрасным портретом побежденного Децебала.

При оккупации Дакии едва ли не большинство мужчин было перебито, захвачено в плен и продано в рабство. Десятки тысяч даков бежали за пределы страны. На территории царства Децебала была образована новая императорская провинция со столицей в Сармизегетусе, разоренной, потом заново отстроенной, переименованной в Колонию Ульпия Траяна Августа. Правителем Дакской провинции принцепс назначил проконсула Теренция Скауриана. В эту провинцию были включены территории Олтении, Баната и Трансильвании. Мунтения и Южная Молдавия вошли в состав Верхней Мезии. Северная Молдавия, Буковина, Марамуреш и Кришана, куда бежало множество даков, остались за пределами империи. Тогда же на две провинции была разделена Паннония. В Верхней Паннонии размещены были войска, предназначенные для защиты Дунайского лимеса от германских племен маркоманов и квадов, а Нижняя, правителем которой Траян назначил Адриана, была ориентирована на защиту империи с востока — от сарматских кочевников.

Захвачена была страна с населением не менее одного миллиона человек, расположенная в стратегически важном регионе, запиравшая путь на Балканы с севера и востока, богатая залежами руд и запасами соли. По внешним границам Дакии стала сооружаться цепь укреплений и система стратегических дорог — лимес, защищавший империю от вторжения варваров. В провинции надолго разместились римские гарнизоны, ее стали планомерно заселять ветеранами и другими переселенцами из других придунайских провинций, из Анатолии, Сирии и даже Египта. Разноплеменные колонисты общались между собой на латыни, постепенно вытеснившей гетский язык. Так началась романизация Дакии, оказавшаяся удивительно прочной, пережившей множество исторических катаклизмов, обрушившихся на эту страну.

Завоевание Дакии позволило Риму укрепить контроль над вассальным Боспорским царством, над полисами Северного Причерноморья — Тиром, Ольвией и Херсонесом Таврическим, где были размещены римские гарнизоны, усилить влияние на обитавших за Кавказским хребтом иберов, или грузин.

4. Правление Адриана

На следующий день после смерти Траяна, 9 августа 117 г., в сирийской Антиохии, где находилась штаб-квартира восточной армии, было объявлено об усыновлении Траяном Адриана. Еще через два дня последовало официальное извещение о кончине принцепса. У постели умиравшего Траяна находились его жена Плотина, его племянница, бывшая одновременно тещей Адриана Матидия и префект претория Ацилий Аттиан. Своим усыновлением Адриан, вероятно, больше всего обязан был именно этим лицам, а совершение его Траяном едва ли не при последнем издыхании, на смертном одре, говорит о том, что он до конца колебался в выборе преемника. Противники Адриана и вслед за ними некоторые историки подозревали окружение Траяна в фальсификации воли умершего принцепса. Обоснованием подобных подозрений служило внезапное и загадочное исчезновение камердинера Траяна, не отходившего ни на шаг от одра умиравшего императора. Войска, расквартированные в Сирии, провозгласили нового императора, не дожидаясь санкции сената. Он принял имя Цезарь Траян Адриан Август. Легионерам были розданы щедрые подарки, призванные предотвратить потенциально возможное брожение в войсках. Сенату Адриан направил послание, в котором объяснял причину своего согласия на поспешную аккламацию его легионерами до сенатского избрания тем, что республика не может существовать без принцепса. Сенат задним числом санкционировал принципат Адриана. По его приказанию в Риме состоялся своеобразный триумф в честь скончавшегося Траяна, на котором место императора занимала его статуя. Урна с пеплом кремированного императора с грандиозными траурными почестями была погребена в цоколе воздвигнутой незадолго до его смерти колонны на форуме, носящем его имя.

Публий Элий Адриан родился в 76 г. в той же колонии Италика, вблизи Севильи, где появился на свет и Траян, и был по матери его двоюродным племянником. В 10 лет он потерял отца,

имевшего звание сенатора, его опекунами стали Траян и немало содействовавший его возвышению Аттиан. Адриан получил в Риме прекрасное греческое и латинское образование, он настолько глубоко проникся всей атмосферой восхищавшей его эллинской культуры, что заслужил полуироническое прозвище «Грекулос» (Graeculos). Филэллинизм Адриана выражался и внешним образом — он первым в среде римской знати своей эпохи стал носить бороду.

Военную службу он начал в 19 лет, и благодаря покровительству влиятельного генерала Траяна, сразу в должности военного трибуна. Его лагерная жизнь протекала в легионах, расквартированных в Мезии и Верхней Германии, под боком у его могущественного родственника. Человек тонкого интеллекта, увлеченный философией и искусством, со своеобразным и несколько архаическим литературным вкусом, сам писавший стихи на греческом и латинском языке, Адриан в то же время обнаружил несомненные способности военачальника, и все-таки у Траяна склад его характера, направленность его интересов, нестандартная для римского офицера, вызывали сомнения, так что он не без колебаний дал согласие на брак Адриана со своей внучатной племянницей Сабиной, бабушкой которой была сестра Траяна Марциана. Чтобы убедить его в целесообразности такого брака с вероятной перспективой преемства, понадобилось энергичное вмешательство жены Траяна Плотины. Сослуживцев Адриана — генералов с менее тонким устройством души, — отталкивали его склонность к иронии и высокомерию.

В 101 г. Адриан в должности квестора начал карьеру магистрата — *cursus honorum*. Затем он снова был на военной службе, в первую войну с даками находился в штабе Траяна, в промежуток между первой и второй войнами с Децебалом заседал в сенате и вел его протоколы, которые регулярно доводил до сведения принцепса, во вторую дакийскую экспедицию командовал легионом, а после победы был назначен легатом Нижней Паннонии. В 108 г. Адриан впервые занимал высшую республиканскую магистратуру консула. Родственник принцепса, он был введен в жреческие коллегии Рима, принял почетное звание архонта Афин, которое никогда ранее не присваивалось римлянам. Одной из обязанностей этого превосходно образованного и литературно одаренного деятеля было составление речей, которые Траян произносил в сенате. В 113 г. император взял его

с собой в парфянский поход. Назначенный правителем Сирии, Адриан нес ответственность за снабжение действующей армии военными и продовольственными поставками и за безопасность тыловых коммуникаций.

В 41 год он достиг высшей власти в империи. Повторяя опыт своего предшественника, Адриан, став императором, не сразу оправился в Рим, занятый административными распоряжениями, дипломатическими переговорами и гашением последних очагов иудейского мятежа в Палестине. Подавленное с огромными усилиями восстание в Месопотамии убедило Адриана в непрочности новых территориальных приобретений на Востоке, в том, что для удержания их понадобится перенапряжение ресурсов империи. Во внешней политике он склонялся к тому курсу, которого придерживался Тиберий и который заключался в стабилизации положения уже завоеванных провинций, в отказе от расширения имперских границ и их укреплении, в переходе от наступления к обороне. Адриан не видел надежной перспективы удержать все те провинции, которые уже были завоеваны его предшественником. Поэтому, рискуя вызвать недовольство в армии и особенно в генеральском корпусе, он взял на себя ответственность за принятое им непопулярное решение уступить две новых провинции — Ассирию и Месопотамию — Парфии, вывести оттуда римские гарнизоны, и отказать в поддержке марионеточному парфянскому царю, посаженному на трон в Эдесе, с тем чтобы вся Парфия вернулась под контроль Хосроя, что в перспективе обещало установление мирных пограничных отношений с самым могущественным из соседей Римской империи. Более того, ради установления мирных отношений с Парфией Адриан упразднил новообразованную Армянскую провинцию, которая вновь приобрела статус союзного Риму царства.

Граница империи с Парфией переместилась далеко на запад и не соприкасалась больше ни с Каспийским морем, ни с Персидским заливом, как это было на пике кампании Траяна против Хосроя, и снова шла по Евфрату, а не по Тигру. Ее легче было защищать, но ценой этой пограничной ревизии было фактическое аннулирование завоеваний Траяна на Востоке. При Траяне экспансия Рима достигла своего апогея, при его преемнике Адриане для Римской империи часы истории начали обратный ход. Рим перешел к обороне и отступлению. Им-

перская территория медленно, но неуклонно стала скукоживаться, подобно шагреневой коже. Современники, вероятно, не могли переживать происходящего в перспективе мировой истории, но при всей основательности стратегических расчетов и соображений Адриана, у многих сподвижников Траяна его акции вызвали горечь и обиду.

На возвратном пути из Антиохии в Рим Адриан остановился на Дунае. У его недоброжелателей возникло подозрение, что он готов отказаться и от завоеванной Траяном Дакии. Этого однако не произошло. Но и здесь он прибег к дипломатическим ходам в урегулировании проблем, главной из которых были грабительские набеги сарматов на Паннонию. С вождем сарматского племени роксоланов был заключен мирный договор, одним из условий которого стала выплата роксоланам субсидии, подобной той, какую при Домициане выдавали дакам. Для отражения нападений тех сарматских племен, которые не склонны были заключать какие бы то ни было договоры, ограничивающие их грабительские аппетиты, Адриан укрепил гарнизоны в Паннонии, Мезии и Дакии и назначил правителем Верхней и Нижней Паннонии, а также Дакии способного полководца Турба. В 119 г. Дакия была разделена на две провинции: Верхнюю и Нижнюю.

Пока Адриан находился на Дунае, группа генералов и бывших консулов — Лусий Квиет, Корнелий Пальма, Публий Цельс и Авидий Нигрин, — на которых в свое время опирался Траян, испытывая глубокое недоверие к способности и намерению нового императора продолжить политический курс предшественника, отказалась признать самый факт усыновления Адриана Траяном и законность его аккламации войсками без санкции сената. Давно и хорошо зная Адриана, они видели в этом интеллектуале и Грекулусе инородный элемент в генеральской среде. На оппозицию консуляров немедленно отреагировал префект претория Аттиан. Находившиеся в разных городах Италии заговорщики были немедленно арестованы. Аттиан обвинил их в заговоре и преступном умысле против жизни принцепса. Они были преданы суду сенату, и тот приговорил их к смерти. Тем самым оппозиционные поползновения в армейской среде были задушены в зародыше.

После своего прибытия в Рим Адриан не одобрил скоропалительных действий своего верного сторонника и уволил его от должности префекта претория, назначив на нее Турба. Вслед

за Траяном новый принцепс подтвердил намерение править в полном согласии с сенатом, не предавать сенаторов смерти без судебного рассмотрения обвинения и вынесения приговора самим сенатом, а народу он угодил щедрыми конгиариями, проведенными с большим размахом гладиаторскими боями, и особенно, кассированием долгов римских граждан перед казной за последние 15 лет, что обошлось фиску в огромную сумму в 900 миллионов сестерциев.

Большую часть времени своего правления Адриан провел вне Рима. При этом его путешествия из одного конца империи в другой совершались не только ради лучшего управления ходом боевых действий, с целью ревизии и контроля, для наведения порядка в провинциях на месте, но и для ознакомления с достопримечательностями: с шедеврами архитектуры, со скульптурными и живописными коллекциями, с красотами природы — он поднимался на вершину сицилийской Этны и на гору Мон Касий в Сирии, плывал по Нилу. Восторженный поклонник искусства Эллады, Адриан ценил и экзотические шедевры египетского гения, находил вкус в художественных раритетах варваров, обитавших в северных провинциях. Он был первым в истории императором — туристом.

Проведя в Риме два года, Адриан отправился в 121 г. в Галлию, а оттуда в Британию, которую раньше никогда не видел. По его указанию в самом узком месте острова, приблизительно там, где ныне проходит граница между Шотландией и Англией, была выстроена каменная стена со рвом длиной в 117 километров с 16 кастелами, размещенными на равном расстоянии один от другого, в которых квартировали воинские гарнизоны. Эта «китайская стена» в миниатюре получила название вала Адриана. Римские гарнизоны, размещенные к северу от нее, были выведены из Каледонии, южную часть которой римляне ранее оккупировали. Выпрямление границы ценой отказа от части территории завоеванной страны позволило впредь эффективнее и с меньшими потерями защищать Британскую провинцию от набегов воинственных пиктов, так что вступившей в процесс романизации Британии надолго была обеспечена относительно спокойная жизнь.

В 122 г. Адриан побывал в родной Испании, откуда он через Гибралтар перебрался в Мавританию и затем морем отправился на восток; высадившись в Малой Азии, он доехал до Евфрата,

где состоялась его встреча с парфянским царем Хосроем, которому во время этой встречи была возвращена дочь, ранее, при Траяне, плененная римлянами. На переговорах с Хосроем договорились о взаимном признании границы, разделяющей два государства, и о поддержании дружественных отношений. Адриан во всех случаях, когда это не противоречило коренным интересам Рима, как он их понимал, предпочитал решать спорные вопросы не войной, но миром.

Обратный путь в Рим шел через Элладу. Принцепс всегда был благоговейным поклонником искусства этой страны, и она не разочаровала его. Восхищенный несравненной красотой Афин, принцепс распорядился выделить из казны значительные средства на реставрацию руинированных зданий и на строительство новых сооружений: библиотеки, Олимпиона, воздвигнутого у подножья Акрополя, ворот ионического ордера, разделивших две части города, одна из которых стала называться городом Адриана. Император, как пишет Моммзен, «гарантировал афинянам поставку определенного количества хлеба за счет империи, и даровав им эту привилегию, которая до сих пор была предоставлена исключительно столице империи, он как бы признал Афины одной из имперских метрополий. Адриан также распространил на Афины благотельный институт алиментаций..., а нужный для этого капитал, несомненно, был подарен афинянам из собственной казны императора» (Моммзен, цит. изд., т. 5, кн. 8, с. 274).

В греческом Иллиссе император повелел построить храм Зевса Панэллинского, который должен был стать духовным центром всех эллинов. По его совету города Эллады образовали Панэллинскую амфикионию — союз, не имевший однако никакого политического значения. Адриан был все-таки достаточно трезвым политиком, чтобы не приносить в жертву своим эстетическим пристрастиям прочность римского присутствия в Элладе, которая могла бы быть подорвана наделением этого союза политическими полномочиями. Благодарные греки посвятили Адриана в Элевсинские мистерии и позволили ему участвовать в них — честь, которой тщетно добивался другой император филэллин Нерон. Между этими двумя принцепсами есть несомненное сходство, но оно такого рода, что Нерона можно представить своего рода карикатурой на Адриана, или с учетом хронологической последовательности их правления — неудачной, уродливой моделью правителя с душой художника, каковым

действительно был Адриан. В разных городах Эллады найдены посвященные ему надписи, в которых его именуют «спасителем» (сотир) и «благодетелем» (эвергет), «освободителем» (элевферием), «Олимпийским» — атрибуты, которые усваивались божествам.

Из Эллады принцепс отправился в Дунайские провинции. Оттуда он распорядился поставить нового царя Боспора, крепче привязав этого друга и союзника римского народа к Риму. Во Фракии им был основан новый город, удостоенный именем императора — Адрианополь. В 125 г. принцепс возвратился из Паннонии в Рим, и не самым коротким маршрутом — через Далмацию, Сицилию и Кампанию. Разъезды императора сопровождались строительством в провинциях храмов, мостов, акведуков, пограничных крепостей и кастелов.

В 128 г. Адриан совершил поездку в Африку, затем, после короткого пребывания в Риме, в том же году вновь отправился в Элладу, а оттуда через Малую Азию в Сирию и наконец в Египет. Там он пережил несчастье. У Адриана был любимец Антиной, юноша редкой красоты. В эпоху принципата подобные увлечения никого особенно не удивляли, скандализировать это могло лишь самых упорных ревнителей старинных римских нравов. Но необычной была мера привязанности стареющего принцепса к надменному красавцу. С ним он никогда не расставался, он взял его с собой и в Египет. И вот, в 130 г., когда они вместе плыли вверх по течению Нила, Антиной утонул. Действительные обстоятельства его гибели неизвестны, но возникла легенда, своим происхождением обязанная, очевидно, поверженному в горе принцепсу: от одного из египетских оракулов Антиной узнал, что Адриан должен скоро умереть, избавить его от этой участи могло лишь добровольное принесение себя в жертву богам со стороны другого человека, и из любви к Адриану Антиной совершил подвиг самопожертвования, бросившись в нильскую пучину. На такой подвиг простой смертный не мог быть способен, и Адриан приказал совершить обожествление юноши. В его честь был воздвигнут храм в аркадийской Мантинее, близ места его гибели построили город Антинополь. Статуи обожествленного юноши, обычно высокого качества, ваялись в таком огромном числе, что многие из них сохранились до наших дней. Изображение Антиноя чеканились на монетах, его имя начертано на множестве надписей по всей империи, в особенности,

конечно, в Элладе и на Востоке, потому что этот культ органично вписывался в стилистику эллинистической религиозности.

Из Египта Адриан вернулся в Рим через Элладу в 133 г. Понесенная им утрата повлияла на его характер. Он стал более капризным, раздражительным, неровным в настроении, подверженным приступам меланхолии и вспышкам мстительной ярости, так что перед воображением сенатской олигархии замаячил наводящий ужас призрак Нерона, Домициана или состарившегося Тиберия. Это были преувеличенные страхи. И все же в конце правления Адриана несколько сенаторов по подозрению в заговоре было казнено.

Адриан высоко ценил философов, писателей, художников, которые принадлежали к его ближайшему окружению. Одно время его личным секретарем служил Светоний. Император особенно покровительствовал ученым греком: Плутарха он назначил в конце своей жизни прокуратором Греции, автора биографии Александра Великого Арриана Флавия Адриан поставил легатом Каппадокии и поручил ему командование легионами, которые защищали эту провинцию от набегов аланов. Император не жалел средств на сооружение архитектурных шедевров. При нем в Риме было воздвигнуто одно из самых совершенных творений мирового зодчества — Пантеон. Среди приближенных к особе принцепса был и выдающийся архитектор Аполлодор из Дамаска, прославленный построенными им мостом через Дунай и форумом Траяна с колонной. Вероятно, и Пантеон был воздвигнут по его проекту. Адриан и сам был архитектором дилетантом, и по его проекту был воздвигнут напротив Колизея храм Венеры и Ромы, своими грандиозными размерами и великолепием отделки затмивший все ранее построенные в Риме храмы. Неожиданной реакцией на дружескую незлобную насмешку Аполлодора над этим императорским творением стала ссылка прежнего любимца и отправленный вдогонку сосланному тайный приказ о его умерщвлении.

Адриан нередко обнаруживал недостойное великого человека и действительно уподобляющее его Нерону мелочное самолюбие, никогда никому и ни в чем не желая уступить. Над этой его слабостью удачно пошутил один из его современников, сказав, что «поневоле приходилось признать самым образованным того, кто командовал тридцатью легионами» (см. Ковалев, цит. изд., с. 486–487). Некоторыми из своих поступков Адриан

производит впечатление, что власть нужна была ему больше всего как раз затем, чтобы его признавали самым знающим, самым умным и самым талантливым, и это при том, что он действительно был на редкость умен, превосходно образован и разносторонне талантлив.

Самый прочный след, оставленный Адрианом в истории, связан не с его любительскими упражнениями в разных искусствах и даже не с его капризным и опасным для настоящих художников меценатством, но с произведенной им реформой римского права. По поручению принцепса юрист Сальвий Юлиан подготовил текст так называемого «Вечного эдикта» (*Edictum perpetuum*). Со времен ранней республики ежегодно преторы, вступая в должность, издавали эдикты, которыми они вносили изменения в гражданский процесс. Юлиан просмотрел ранее изданные эдикты, устранил содержащиеся в них устаревшие положения и противоречия, систематизировал их содержание. В результате этой кодификации и возник «Вечный эдикт» Адриана, который в 128 г. постановлением сената был объявлен неизменным. После публикации этого свода вносить в него изменения мог уже только принцепс. Именно тогда, при Адриане, был сформулирован принцип: воля принцепса является законом. Принцепс остался единственным законодателем Римской республики. Тем самым от законотворчества даже формально устранялись преторы и другие магистраты, а фактически также комиции и сенат, который, впрочем, законодательных полномочий изначально и не имел — сенатусконсульты, в отличие от законов (*leges*), формально законами не являлись, как не являлись ими ранее и императорские конституции, которые однако приобрели все качества закона как раз после издания «Вечного эдикта». Его текст до нас не дошел, но он поддается частичной реконструкции на основании сохранившихся в сочинениях римских юристов цитат из него и комментариев на этот акт. «Вечный эдикт» Адриана составлял основу действующего права Рима вплоть до эпохи святого Юстиниана.

Законодательство Адриана направлено на защиту тех, кто был ограничен в правах или вовсе лишен их — женщин, провинциалов, *humiliores*, рабов. Малоимущим землевладельцам при Адриане выдавались субсидии. При нем расширено было право матрон распоряжаться своим имуществом и передавать его по завещанию, девушек запрещено выдавать замуж без их

согласия. Адриан карал за бесчеловечное обращение с рабами. За жестокость по отношению к своим рабам некая Умбрия была по его распоряжению сослана на 5 лет. При нем было значительно увеличено число алиментарных учреждений, через которые получали финансовую помощь сироты и дети малоимущих родителей.

Одним из важнейших направлений внутренней политики Адриана стало регулирование поземельных отношений. В его правление продолжался процесс сокращения числа рабов, основным источником пополнения которых служила война; в связи с этим уменьшалось количество рабовладельческих вилл. Их вытесняли латифундии, где главной отраслью хозяйства было скотоводство, требовавшее меньшего числа рабочих рук, а также такие хозяйства, в которых земля отдавалась владельцами арендаторам. Ввиду нехватки рабочей силы безземельные арендаторы из числа разорившихся крестьян или неимущих вольноотпущенников в поисках более выгодных условий аренды часто меняли арендодателей, переселяясь с места на место, что, конечно, негативно сказывалось на продуктивности земледелия и на поступлении доходов в казну. В сельском хозяйстве Италии складывалась ситуация, до известной степени подобная той, которую переживала Россия после смутного времени, когда по разным причинам возросла мобильность крестьян, разорительная для землевладельцев и помещиков и сокращавшая поступление податей в казну. Выход из этого рискованного для государства положения найден был в прикреплении ранее свободных крестьян к земле. Адриан издал ряд распоряжений, суть которых, по характеристике В. И. Кузищина, «состояла в том, чтобы законодательно установить своего рода баланс интересов между поместной администрацией и арендаторами, твердо зафиксировать все возможные обязательства и платежи, создать благоприятные условия для возделывания целинных и заброшенных земель и тем самым обеспечить устойчивое положение имперского земледелия, вступающего в полосу перехода от рабовладельческой системы обработки к колонатному землепользованию» (Кузищин В. И. Римская империя во II в. «Золотой век». — История Древнего Рима, цит. изд., с. 230). Замена денежной формы арендной платы на натуральную связывала колону такими обязательствами перед землевладельцем, которые нелегко было выполнить. Тем самым он прикреплялся к нему всякого рода

недоимками и утрачивал право на переход от одного арендодателя к другому. Хотя лично колон оставался свободным, но экономические отношения ставили его часто в положение крепостного крестьянина.

При Адриане строй республиканского и имперского управления приобретает строго упорядоченный характер. Высшая власть принцепса приближается к монархическому абсолютизму, но удерживается в рамках республиканской конституции с сохранением республиканской номенклатуры должностей. Высшим коллегиальным органом власти оставался сенат, председательство в котором принадлежало принцепсу, а следующие за ним по рангу места в нем занимали консуляры, затем претории; сенат, как и раньше, включал 900 лиц, но его кворум составлял всего лишь 70 присутствующих сенаторов. Сохранялись и все республиканские магистратуры — 12 консулов, 18 преторов, 20 квесторов.

Но важнейшим коллегиальным органом управления становится созданный еще Августом совет принцепса (*consilium principis*). Адриан изменил порядок его формирования и расширил его функции. Прежде это был своего рода домашний совет императора без официальных государственных полномочий, с которым тот от случая к случаю обсуждал законопроекты. При Адриане члены совета, назначаемые принцепсом из числа сенаторов и всадников, утверждались в этой уже официальной должности сенатом. Председательствовал в совете сам принцепс, но в его отсутствие вести заседания мог включенный в это учреждение префект претория. В совет было введено несколько юристов, в связи с этим его законосовещательные и судебные функции были расширены, сблизившись с компетенцией сената, так что впредь принцепс сам решал, какие дела передавать для рассмотрения в сенат, а какие решать в совете. Члены совета принцепса, в отличие от сенаторов, получали жалование (*solarium*) за исполнение своих обязанностей, тем самым сблизаясь по своему статусу с чиновниками и принципиально отличаясь от римских магистратов. Ближайшая параллель совета принцепса в учреждениях нового времени — это государственные советы.

В свою очередь императорская канцелярия при Адриане приобрела статус, подобный правительствам современных государств, а ее подразделения — министерств. Адриан увеличил число этих ведомств (*officina*): к существовавшим ранее ведомствам

прошений (a libellis), финансов (a rationibus), официальной переписки (ab epistulis), научных исследований (a studiis), были добавлены новые: a memoria (текущих рутинных дел), a cognitibus (императорского суда), a voluptatibus (императорских увеселений), прежнее ведомство a patrimonio было преобразовано в ведомство императорского имущества (rei privatae). Значительно расширены были штаты этих ведомств и изменен их сословный состав — раньше они возглавлялись вольноотпущенниками принцепса и в их штаты включались даже рабы императора. Теперь во главе ведомств ставились исключительно всадники, становившиеся высокопоставленными сановниками и именовавшиеся магистрами — magister a libellis, magister a cognitibus, а внутри этих ведомств, как в заправских министерствах, создавались департаменты и отделы с многочисленным штатом оплачиваемых чиновников, среди которых уже не могло быть рабов. Таким образом, из подразделений личной канцелярии принцепса эти учреждения были преобразованы в официальные органы государственного управления.

Судебные полномочия сената были урезаны передачей судебной юрисдикции в Риме и на примыкающей к нему территории в пределах 100 миль (около 150 километров) префекту города (praefectus urbi), должность которого принадлежала всаднической номенклатуре. Вся остальная Италия была разделена на четыре судебных округа, в которых судебная, а также административная власть делегировалась назначаемым принцепсом судьям (juridici) из числа сенаторов консуляров.

Исключительно важное значение Адриан придавал совершенствованию и упорядочению провинциального управления. Он принимал меры, направленные на снижение налогового бремени провинциалов, нередко прощал им накопившиеся недоимки. При нем в провинциях многие сельские поселения были преобразованы в города, а уже существующим городам он часто предоставлял более высокий правовой статус. Некоторым греческим полисам принцепс даровал право чеканить золотую монету. Для надзора над провинциальной администрацией и пресечения злоупотреблений он назначал в провинции кураторов. По указанию Адриана при легатах пропреторского ранга или прокураторах, начальствовавших в императорских провинциях, и проконсулах или пропреторах в сенатских провинциях учреждались советы, в которые включались профессиональные

юристы и влиятельные провинциалы; и эти советы выполняли функции, подобные совету принцепса в центральной администрации. Канцелярии правителей провинций включали подразделения, соответствующие центральным ведомствам. В зависимости от размеров провинций и других местных обстоятельств в их штатах состояло от 100 до 200 чиновников. В провинциальные канцелярии назначались также так называемые адвокаты фиска, в обязанности которых входил контроль за взиманием податей в пользу императорской казны. Ключевые должности в провинциальном аппарате занимали всадники.

Статус всаднического сословия возвышался в параллель с расширением полномочий принцепса и упадком политического значения сенаторского сословия. При Адриане в этом направлении сделан был очередной шаг, главным образом в связи с тем, что принадлежность к сословию была приведена в более тесную связь со служебным положением, а всадничество, которое во времена поздней республики приобрело буржуазные черты, став по преимуществу сословием откупщиков, предпринимателей и ростовщиков, в период принципата приобретало характер служилого сословия. Давно уже всадники были отстранены от сбора прямых налогов в провинциях, Адриан передал муниципальным декурионам взимание косвенных налогов в пользу римской казны, что до него оставалось еще в руках всадников.

Принципиально важным шагом в трансформации характера всаднического сословия имела также произведенная Адрианом отмена обязательности имущественного ценза для приобретения всаднических прав. Римский гражданин, назначенный на всадническую должность, приобретал полноту сословных прав всадника, независимо от размеров своего состояния, хотя наличие состояния, соответствующего цензу, само по себе, помимо службы, по-прежнему могло служить основанием для ходатайства о включении во всадническое сословие; кроме того принцепс сохранил за собой право жаловать во всадники по собственному усмотрению. На воинской службе доступ во всадническое сословие открывался для легионера с 20-летним стажем службы, из которых тот не менее 10 исполнял должность центуриона, если он при этом дослужился до звания примпилуса — командира 1-й центурии 1-й когорты. Следующей ступенью его карьеры могла стать всадническая должность прокуратора, приносившая доход, который вознаграждал за перенесенные ранее

лагерные тяготы и боевые ранения. Минимальный оклад прокуратора составлял 100 тысяч сестерциев. Легкий путь к приобретению прав всадника открывался для профессиональных юристов, которых Адриан считал наиболее подготовленными для занятия начальственных должностей в центральной и провинциальной администрации. Одним из двух префектов претория при Адриане стал назначаться всадник с юридическим образованием. Сословная мобильность, связанная с расширением возможностей для вхождения римских граждан во всадническое сословие, имела своим логическим продолжением и упрощение перехода из этого сословия в высшее сенаторское. Назначение всадника на сенаторскую должность влекло за собой усвоение ему сословных прав сенатора.

Адриан упразднил прежний, идущий еще от ранней республики принцип чередования гражданской и воинской службы, когда, для избрания магистратом или назначения на бюрократическую должность требовалось предварительное прохождение службы в легионе, в результате чего открывалась возможность исключительно чиновничьей карьеры, хотя, правда, для лиц, никогда не состоявших на воинской службе, доступ к высшим должностям по-прежнему оставался часто закрытым.

Увеличение числа чиновников, регламентация их прав и обязанностей, выстраивание иерархической лестницы бюрократических чинов потребовало создания своего рода таблицы о рангах, которая выражалась в том, что лицам разных рангов были присвоены соответствующие им титулы. Как пишет С. И. Ковалев, «сенаторов именовали *virī clarissimi* («светлейшие мужи», сокращенно *V. C.*). Этот титул был присвоен и членам сенаторских семей. Представители высших всаднических должностей (например, префект претория, префект Египта) получили титул *virī eminentissimi* («виднейшие мужи»). Чиновники среднего ранга (*praefecti annonae*, *praefecti vigilum*) именовались *virī perfectissimi* («превосходнейшие мужи»). Наконец, низших чиновников всаднического сословия титуловали *virī egregii* («отличные мужи»). Всаднические титулы присваивались только самим должностным лицам, не распространяясь на членов их семей» (Ковалев, цит. изд., с. 656).

Радикально пересмотрев экспансионистский курс своего предшественника и перейдя к оборонительной стратегии, Адриан основательнее заботился об укреплении оборонительных

рубежей империи и об армии, призванной их защищать. Первостепенной заботой императора стало сооружение по всему лимесу новых и более надежных земляных валов со рвами, каменных или кирпичных крепостей и кастелей, частоколовых и палисадных заграждений, прокладка стратегических мощных дорог вдоль лимеса с его внутренней стороны, организация пропускных пунктов на границе, с запретом свободного пересечения ее в иных местах. По существу дела при Адриане налажена была превосходно организованная служба пограничного контроля. В систему пограничной охраны входили также естественные препятствия — горные хребты и реки: в Европе — Рейн, где лимес был продвинут вглубь правобережной Германии, так что берега реки занимал арьергард германских легионов, и Дунай, оба берега которого в его верхнем и нижнем течении после завоевания Дакии находились под римским контролем, но в среднем течении этой великой реки, на территории современной Словакии и Венгрии, римские войска стояли лишь на его правом берегу, обороняя границы империи от захватившего междуречье Дуная и Тиссы сарматского народа языгов, а также от германских племен маркоманов и квадов. Помимо границы по Рейну и Дунаю, особенно важное значение император придавал охране лимеса в таких опасных регионах как Британия и Месопотамия, где по берегам Евфрата Риму противостояла могущественная Парфия.

Империи защищали 30 легионов и вспомогательные части, численный состав которых в совокупности доходил до 300 тысяч воинов. Адриан реформировал систему комплектования вооруженных сил. Нежелание римских граждан служить в армии, их уклонение от воинской повинности под самыми разными, благовидными и неблаговидными, предложениями создавало существенные затруднения с пополнением легионов. В связи с этим Адриан перешел к вербовке в легионы лиц, не имевших ни римского, ни даже латинского гражданства. Легионы, подобно контингентам вспомогательных войск, стали набираться в тех провинциях, где они квартировали. Реформа содействовала решению проблемы нехватки мобилизационных ресурсов, она способствовала также ускорению романизации провинциалов, но с другой стороны, ее последствием стала варваризация армии, глубокая трансформация воинской этики и психологии. Рим стали защищать не его граждане, а наемники. Процесс перехода к наемническому

порядку комплектования легионов начался давно, он восходит к военной реформе Мария, но завершилась эта трансформация, превратившая некогда милитаристскую нацию римлян и италиков, создавших в ходе фактически непрерывных завоевательных войн мировую империю, в сугубо гражданское сообщество, обреченное утратить господствующее положение в собственной империи, при Адриане.

Император прилагал усилия к тому, чтобы поддерживать постоянную боеготовность вооруженных сил, войска проходили систематическую и почти непрерывную боевую подготовку, он сам регулярно инспектировал легионы, командовал ими в ходе военных учений. Биограф Адриана писал: «Любя больше мир, чем войну, он тем не менее упражнял воинов, как будто война была неминуемой, действуя на них примерами собственной выносливости. Сам среди их манипулов он исполнял обязанности военного начальника, с удовольствием питаюсь на глазах у всех обычной лагерной пищей, то есть салом, творогом и поской, по примеру Сципиона Эмилиана, Метелла и своего приемного отца Траяна. Многих он награждал, некоторым дал почетные звания для того, чтобы они могли легче переносить его суровые требования» (цит. по: История Древнего Рима, с. 226–227).

Сохранившаяся надпись, в которой, как пишет К. Крист, «Адриан выражает похвалу и порицания по ходу проведенных под его наблюдением в 128 г. от Р. Х. учений III легиона Августа, свидетельствует о компетентности, с которой принцепс исполнял свои функции. Он отдал должное скорости и качеству возведения укреплений, оценил дисциплину и боеготовность пехоты, критически отозвался о непродуманных и рискованных маневрах кавалерии. В то время как командиру легиона Катуллину главнокомандующий выразил признательность за боеготовность и выучку подчиненных ему частей, префект Корнелиан заслужил от него сдержанную, а сам легион высокую похвалу» (Christ, cit. op. S. 319).

Самым суровым испытанием вооруженных сил империи при Адриане стала новая война в Иудее. В 130 г. Адриан, посетив Иудейскую провинцию, приказал построить на месте разрушенного Титом Иерусалима вблизи размещенного там военного лагеря колонию Элию Капитолину, жителями которой, как предполагалось, станут ветераны. Там, где ранее стоял сожженный при Тите Иерусалимский Храм, началось строительство

святилища в честь Юпитера Капитолийского, в пользу которого иудеи тогда платили дань. Религиозные чувства иудеев были болезненно задеты этой мерой. Но Адриан, не придав этому обстоятельству важного значения, еще более ожесточил их, запретив впредь совершать обрезание. Издавая эти распоряжения, император не стремился спровоцировать иудеев, в то же время он явным образом не собирался сообразовываться с их верованиями и обрядами, которые считал проявлениями варварских предрассудков и неприемлемой в его империи религиозной нетерпимости.

Реакцией на административные меры Адриана, которые расценены были иудеями как возмутительное кощунство и насилие над религиозной совестью, стало восстание. Мятежников возглавил Симон, прозванный Бар Кохбой — сыном звезды. В этом прозвище была явная аллюзия на мессианское пророчество Ветхого Завета: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых» (Чис 24, 17). Фанатичный религиозный энтузиаст, способный магнетически воздействовать на человеческие сердца, Бар Кохба выдавал себя за Мессию, и возможно, искренне верил в свое посланничество свыше. Впрочем, как пишет историк иудаизма М. Даймонт, «послания, недавно обнаруженные в вадии Мураббат у Мертвого моря, рисуют его как властного и вспыльчивого военачальника, обладавшего огромной физической силой и личным обаянием. Он был способен внушать слепую преданность и беспредельное бесстрашие. Талмуд добавляет к этому еще одну характерную черту — отсутствие благочестия. В талмуде цитируется вырвавшееся у него восклицание: «О Боже, не помогай, но и не мешай нам!» (Даймонт. Евреи, Бог и история. М., 1994, с. 140).

Восстание вспыхнуло в 132 г., начавшись с успешных атак иудеев против расквартированных в провинции гарнизонов. Вскоре повстанцам удалось взять под контроль большую часть страны. Развитие событий приняло для римского контроля за Иудеей и еврейскими общинами в диаспоре особенно опасный оборот в связи с тем, что Бар Кохбу, вопреки недоверию к нему со стороны синедриона, решительно поддержал обладавший тогда самым высоким авторитетом в еврейском мире раввин Акиба, объявивший его Мессией. Иудейские общины, травмированные акциями Адриана, пришли в волнение, юные добровольцы

стекались из диаспоры в Иудею на войну, представлявшуюся их воспаленному религиозному воображению подобной той, которую в свое время вели Маккавеи. Уроки поражения, понесенного иудеями в войнах против Рима при Веспасиане и потом при Траяне, не удержали народ от новой попытки сбросить ненавистное языческое иго; напротив, память о прежних катастрофах внушала жажду мести. Еврейская буржуазия не жалела средств на финансирование восставших — золото и серебро текли в Иудею из диаспоры, так что там стали чеканить серебряные монеты с изображениями Бар Кохбы и Акибы.

Повстанцы нанесли чувствительные удары по римским лагерям, расквартированным в Иудее. Легион, присланный из Египта, был ими почти полностью уничтожен. В этой ситуации Адриан начал стягивать в Иудею войска, во главе которых он поставил одного из лучших полководцев империи легата Британии Секста Юлия Севера. Под его командованием действовала 35-тысячная армия. В 135 г. император сам прибыл на театр военных действий. После разгрома основных сил инсургентов сохранялись еще отдельные очаги сопротивления. Иудеи перешли к тактике партизанской войны, разделившись на мелкие отряды, устраивая засады и внезапные нападения на противника в неожиданных для него местах. Уничтожение этих отрядов стоило римлянам большой крови. Последней твердыней сопротивления стала расположенная вблизи Иерусалима крепость Бейтара, защитники которой сражались с невероятным упорством, но и после взятия этой крепости недобитые повстанцы нашли убежище в пещерах Нагал Хебер вблизи Мертвого моря, откуда они продолжали совершать вылазки, нападая на римские отряды, пока не были перебиты все до последнего. Бар Кохба погиб в бою, а Акиба был схвачен и предан мучительной казни. Среди археологических находок Мертвого моря есть несколько подлинных распоряжений Бар Кохбы, проливающих свет на положение и настроения последних из уцелевших мятежников.

Подавив восстание, римляне провели карательные меры — до полумиллиона иудеев было перебито. Источники упоминают 50 взятых крепостей, 985 городов и поселков и 580 тысяч убитых, и это не считая умерших от голода и болезней. Провинция была переименована из Иудеи в Филистимскую Сирию, или Палестину, так что самое имя иудеев было вычеркнуто из списка официально признаваемых Римом наций. Правителем Палестины

назначался легат, и в этой территориально крошечной провинции, занимавшей узкую полосу от морского побережья до Иордана, расположенной далеко от парфянской границы, были расквартированы два легиона, призванные предотвратить повторение мятежа. Земля, на которой стоял Иерусалим, была символически запахана, а иудеям впредь, под угрозой смертной казни, запрещалось не только поселяться в Элии Капитолине, но даже и посещать эту колонию — священный Иерусалим чаще одного раза в год. Значительное большинство остававшихся в живых иудеев выехало из родной страны, пополнив диаспору в городах Азии, Африки и Европы, — как в пределах Римской империи, так и в Парфянском царстве. После подавления Иудейского восстания Адрианом Палестина утратила свое бывшее иудейское лицо, а евреи стали с тех пор почти без исключений народом диаспоры. Адриан не захотел праздновать триумф в честь столь тяжело доставшейся ему победы, но в декабре 135 г. он еще раз удостоился императорской аккламации от легионеров.

Иудейское восстание, поставившее под угрозу римское присутствие в Сирии, благоприятно повлияло на отношение римских властей к христианам, в которых тогда уже они научились видеть не одну из иудейских сект, но религиозных антагонистов иудеев, тем более что христиане, даже те, кто имел иудейское происхождение, — а в Иерусалимской общине, равно как и в других общинах Святой земли таковые до подавления восстания составляли большинство, — не участвовали в возмущении. Впрочем, при Адриане и до Иудейской войны гонения на Церковь не имели такого размаха, как при Домициане или Траяне.

Сохранился рескрипт Адриана, адресованный проконсулу Азии Минуцию Фундану, текст которого на латинском языке помещен у Руфина — предположительно, это подлинник акта, — и в «Церковной истории» Евсевия. Подлинность этого документа некоторыми историками подвергается сомнению, но один из самых авторитетных знатоков церковной истории эпохи гонений В. В. Болотов настаивает на подлинности рескрипта (см. Болотов, цит. изд., т. 2, с. 85–88). Его текст гласит: «Я получил послание светлейшего Серенния Грандиана, твоего предшественника (проконсул Азии в 123–124 г. — *В. Ц.*), и не считаю возможным оставить этот доклад без ответа., чтобы и людей... не подвергать тревоге, и клеветникам не давать повод грабить... Если жители провинции желают открыто вести дело против христиан

и в состоянии будут на суде уличить их в чем-нибудь, я этого не воспрещаю им. Но только просьбы и только вопли не дозволяются. Во всяком случае, если кто пожелает обвинить их, то гораздо справедливее тебе расследовать взводимые на них обвинения. Таким образом, если кто-нибудь обвинит вышеупомянутых людей и докажет, что они делают что-нибудь противозаконное, то ты наложишь наказание смотря по силе преступления. Но если кто-нибудь обвинит кого-нибудь из них и окажется клеветником, то, клянусь Геркулесом, ты обязан строго наказать его за такое негодное дело» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 85).

Главное затруднение в преследовании христиан заключалось в том, что хотя врагов у них было много, но редко находились обвинители, поскольку предусматривалась суровая ответственность, вплоть до смертной казни, за ложный донос. Поэтому проконсул Граниан, вероятно, просил о позволении казнить христиан без формального судопроизводства. И своим рескриптом Фундану Адриан отказал в исполнении просьбы его предшественника, настаивая на необходимости достоверного судебного расследования по обвинениям против христиан. Этот акт Адриана можно понять и так, что в нем исповедание Христа само по себе уже не рассматривается как преступление, в противоречие с предшествующим рескриптом Траяна Плинию. Это предполагаемое противоречие и служит главным основанием для скептического отношения к подлинности рескрипта. Но Болотов смотрит на содержание документа иначе: «Само собою разумеется, — пишет он, — что с точки зрения императоров само христианство есть преступление; но раз расследование велось судебным порядком, то проконсул соблюдением различных формальностей мог затормозить дело. Рескрипта Траяна Адриан не отменяет, а подтверждает лишь тот его пункт, который предписывает и христиан судить не иначе, как по законам» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 88). Известно имя лишь одного мученика, казненного при Адриане. Это был епископ Римский Телесфор, о смерти которого в 135 или 137 г. пишет святой Иринея Лионский.

Вернувшись в Рим после подавления восстания иудеев, Адриан поселился на построенной для него прекрасной загородной вилле в Тибуре, где собраны были художественные шедевры со всего мира, и последние годы своей жизни провел там в уединении, подобном каприйскому затворничеству Тиберию. Обрушившиеся на него болезни побуждали императора позаботиться

о преемнике. В 136 г. бездетный принцепс усыновил отличавшегося редкой красотой, но мало известного юного сенатора Луция Цейония Комода Вера, удостоенного имени Луций Элий Цезарь. Для того чтобы проторить ему безопасный путь к вершине власти, Адриан устранил своего дальнего родственника троекратного консула Луция Юлия Урса Сервиана, который ранее пользовался его покровительством и считался наследником стареющего принцепса. Вместе с ним был убит и его племянник Педаний Фуск Салинатор. Возвышение Элия Цезаря породило слухи о его незаконном рождении от Адриана. Но к глубокому огорчению Адриана его приемный сын умер 1 января 138 г.

Вскоре после этого в связи с резким ухудшением состояния своего здоровья император принял решение усыновить пользовавшегося высоким авторитетом в сенате многолетнего члена этой корпорации в ту пору бездетного — его дети скончались в раннем возрасте — Тита Аврелия Фульва Бойониуса Ария Антонина, которому в ту пору шел уже 51-й год. Он состоял в отдаленном родстве с супругой Адриана Плотиной. Одновременно Адриан побудил Антонина в свою очередь усыновить 17-летнего племянника его жены Фаустины Марка Анния Вера, впоследствии именовавшегося Марком Аврелием, который был любимцем Адриана после смерти Энния Цезаря, а также 8-летнего сына Энния Цезаря, названного при усыновлении Луцием Вером. Акт тройной адаптации был утвержден сенатом. Антонину был вручен проконсульский империй и полномочия народного трибуна — *potestas tribunica*.

10 июля 138 г. император Адриан скончался в возрасте 62-х лет в курортном городе Байях. Сохранилось написанное им незадолго до смерти короткое и своеобразное стихотворение: “*Animula, vagula, blandula, hospes conesque corporis, quae nunc abibis in loca pallidula, frigida, nudula, nec, ut soles, dabis joca*” (Нежная, чувствительная душа, гость и товарищ моего тела, куда ты уходишь, бледная, холодная и нагая, безрадостная, как никогда прежде).

Власть перешла к Антонину. Сенат, трения с которым у Адриана нарастали в конце его жизни, попытался диффамировать его память, требовал *damnatio memoriae* умершего императора, но Антонин настоял на его консекрации, заявив, что в противном случае он, как приемный сын и наследник отверженного, будет не в праве взять на себя должность принцепса. Сенаторы

слишком высоко ценили своего коллегу, чтобы из-за неприязни к умершему императору утратить шанс поставить принципсом человека своего круга и оказаться под властью одного из не столь симпатичных им генералов, не говоря уж о реальной перспективе гражданской войны при неизвестности кандидатуры императора. Поэтому сенат постановил совершить консекрацию Адриана, и заглаживая свое недолгое противление воле Антонина, удостоил его за преданность памяти своего приемного отца прозвища «Пий» (Благочестивый). Урна с пеплом от сожженных останков обожествленного принцепса была погребена в сохранившемся доньне под именем Замка Ангелов грандиозном мавзолее, который своими колоссальными размерами подобен египетским пирамидам.

5. Правление Антонина Пия

Новый принцепс принял имя Тит Элий Цезарь Адриан Антонин Август. В эту гирлянду имен во вкусе эпохи, когда некоторые лица имели более 30 имен, добавлено было еще сенатом прозвище Пий.

При вступлении в должность принцепса Антонину было 52 года. Он родился в 86 г. на вилле вблизи Ланувия в Лации в семье сенатора и одного из богатейших землевладельцев Италии, род которого происходил из галльского города Немауса (Нима) и имел, вероятно, кельтские корни. Антонин получил прекрасное общее и юридическое образование. Свой *cursus honoꝛum* он проходил, занимая исключительно цивильные должности и не имея опыта воинской службы и командования. Подобная карьера стала возможной только при Адриане, который после оставления Антонином консулата в 120 г. назначил его одним из четырех судей (*juridici*) Италии. В должности проконсула Азии, которую он занимал в 135 г., Антонин отличился выдающимися административными способностями, ему удалось найти оптимальный баланс между интересами Римской империи и жителей управляемой им провинции. По возвращении Антонина в Рим Адриан включил его в совет принцепса.

Несмотря на разногласие с сенатским большинством из-за посмертной памяти Адриана, отношения с сенатом у Антонина складывались наилучшим, в рамках системы принципата, неизбежность которой была очевидной даже и для тех сенаторов, которые ностальгировали по старой олигархической республике,

идеальным образом, потому что он сам был плоть от плоти этого сословия. При нем сенат деятельно участвовал в законодательном процессе, принцепс совещался с сенаторами по поводу административных мер и внешнеполитических акций. В своей внутренней политике Антонин Пий в основном шел курсом своего предшественника, но с большей осторожностью и щепетильностью, обнаруживая особую заботу о юридической корректности законодательных инициатив, административных решений и судебных приговоров. основополагающими принципами своего правления, которые доводились до граждан и подданных империи чрез легенды, чеканившиеся на монетах, были *fides* (верность), *aequitas* (справедливость), *liberalitas* (щедрость), *felicitas* (счастье).

При нем продолжалось расширение сети алиментационных учреждений; в память о своей рано, в 141 г., скончавшейся и обожествленной супруге Аннии Галерии Фаустине Старшей, не отличавшейся, подобно другим знатым матронам, особым целомудрием, Антонин создал сеть алиментационных заведений для девочек, до известной степени подобных российским учреждениям ведомства императрицы Марии Феодоровны. И все же, избегая непродуманных расходов, в особенности связанных со строительством за счет казны, которое не велось больше с таким грандиозным размахом, как при Адриане, а также воздерживаясь от следовавших в предыдущее правление одно за другим турне из конца в конец империи, расточительных как для государственной казны, так и для провинциальных муниципий, тративших немалые по местным масштабам средства на торжественный прием высокого гостя, Антонин поправил состояние фиска, в конце правления Адриана вызывавшее тревогу. Когда закончился 23-летний принципат Антонина, в казне скопилась немалая сумма в 675 миллионов динариев.

Антонин провел ряд мер гуманитарного направления, в особенности в отношении рабов. При нем изданы были декреты, которыми рабовладельцы лишались права распоряжаться жизнью и смертью собственных рабов. Убийство раба стало преследоваться наравне с убийством peregrinus. Раб, страдавший от жестокого обращения с ним господина, получил право убежища у статуи императора, после чего его жалоба должна была рассматриваться муниципальной властью. В рескрипте на имя проконсула Беттики Антонин писал: «Власть господ над их

рабами должна оставаться непоколебленной, и ни у одного человека не должно отниматься его право. Но в интересах господ не отказывать в защите против жестокости, голода или нетерпимых несправедливостей тем, которые справедливо умоляют. Поэтому расследуй жалобы тех из фамилии Юлия Сабина, которые прибегли к статуям, и, если ты узнаешь, что они были в более тяжелом положении, чем это справедливо, или подверглись постыдным оскорблениям, прикажи продать их так, чтобы они не возвращались под власть Сабина» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 694). Рескрипт, адресованный рабовладельцу Алфию Юлию, гласил: «Рабов следует удерживать в повиновении не только властью, но и умеренностью и предоставлением им достаточного содержания и справедливостью работ. Поэтому и сам ты должен заботиться о рабах и справедливо и умеренно обходиться с ними... Если окажется, что тебе не под силу затраты или что ты осуществляешь свое господство с ужасной жестокостью, то светлейший муж проконсул обязан заранее принять меры, чтобы против тебя не поднялся мятеж, и моим именем принудить тебя их продать» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 694). Кроме того, как пишет В. И. Кузищин, в законах, изданных Антонином, «были предусмотрены случаи, позволяющие рабам заниматься некоторой коммерцией, до известной степени признавались семейные отношения в рабской среде, в ряде случаев отношения между рабом, ведущим деловые операции, и его господином регулировались законом, а не произволом хозяина» (Кузищин В. И. Римская империя во II в. «Золотой век». — История Древнего Рима, с. 230–231).

Время правления Антонина расценивается и современниками и историками как самое благополучное в эпоху, названную его личным именем, а не по имени первого из императоров, которого относят к этой своеобразной династии, основанной не на кровном родстве, а на адаптации — Нервы, чтобы тем самым обозначить апогей периода, который вошел в историческую память человечества как золотой век. Высказывание Гиббона, что «во всей истории человечества никогда еще много людей в одно и то же время не были так счастливы, как в римской империи во времена правления династии Антонинов» (цит. по: Азимов, цит. изд., с. 170) — представляют, собой, конечно всего лишь парадокс, причем тенденциозный, и хуже того, заостренный ради дискредитации христианской эпохи, и все же доля истины в нем

есть. При Антонинах, и в особенности при самом Антонине, народ жил в большей безопасности и лучше обеспеченным материально, чем в предшествующую эпоху полугениальных и полубезумных Клавдиев или при Домициане.

Греческие надписи величают Антонина Зевсом Елевферием (освободителем), Сотером (спасителем) и усваивают ему другие божественные атрибуты. Биографы Антонина представляют его человеком редкого самообладания и выдержки, уравновешенным и спокойным, рассудительным и благожелательным, равнодушным к славе, презиравшим лесть, непритязательным и скромным. Юлий Капитолин оставил восторженную характеристику Антонина: «Он выделялся своей наружностью, славился своими добрыми нравами, отличался благородным милосердием, имел спокойное выражение лица, обладал необыкновенными дарованиями, блестящим красноречием, превосходно знал литературу, был трезв, прилежно занимался возделыванием полей, был мягким, щедрым, не посягал на чужое, при всем этом у него было большое чувство меры и отсутствие всякого тщеславия... Он был от природы очень милосердным и во время своего правления не совершил ни одного жестокого поступка... Во время его правления все провинции процветали. Ябедники исчезли. Конфискация имущества происходила реже, чем когда бы то ни было» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 660).

Но это была полуправда, или лучше сказать, односторонняя правда. И при Антонине довольны были не все. При этом речь идет не об отдельных лицах, но о целых народах. В 142 г. восстали бриганты в Британии, новые возмущения вспыхнули на этом острове в 155 г. и продолжались затем до 158 г. В течение 7 лет, со 145 по 152 г., продолжались волнения в Мавритании и Нумидии, для подавления которых понадобилось стянуть в эти провинции вооруженные силы из Иудеи, Испании, Германии и Паннонии. Отражая нападения берберов с юга, римские войска проникли глубоко в горы Атласа. В 152–153 г. беспорядки, охватившие Египет и его столицу Александрию, привели к перебоям в поставках зерна в Рим, что в свою очередь отразилось на настроениях римской бедноты, грозивших вылиться в мятеж. Охваченная яростью толпа попыталась однажды забросать камнями самого императора. Для предотвращения восстания Антонин распорядился за свой счет выдать римским пролетариям не только хлеб, но также вино, масло и мясо. Затем из Египта

снова поступило зерно, и легенда на выпущенной в 154 г. монете уже прославляет согласие (*concordia*) между Тибром и Нилом. Настоящую войну при Антонине вновь пришлось вести в Дакии. После подавления восстания Дакия в целях усиления административного и военного контроля была разделена на три отдельных провинции. В 152 г. очаг восстания загорелся в Ахайе, всячески облагодетельствованной в прошлом эллинофилом Адрианом, но не пользовавшейся столь же ревностной заботой со стороны его преемника; этот очаг однако был скоро потушен, не оставив заметного следа в историографии. В том же году попытку поднять восстание предприняли остававшиеся еще в Палестине иудеи, не смирившиеся с поражением, ожесточенные катастрофой, пережитой при Бар Кохбе. Ответом Антонина на волнения было не только применение силы, но и издание либеральных законов. Он, в частности, отменил изданный Адрианом запрет на совершение обрезания.

Христианские общины при Антонине, как и в предшествующее правление, пользовались относительно благоприятным режимом, но законодательство Траяна, предусматривавшее смертную казнь за само исповедание Христа при отказе отречься от Него, оставалось в силе, и оно применялось. В Смирне в 155 г. были стравлены зверям 12 мучеников из Филадельфии, а вслед за ними, в субботу 15 нисана, или 2 апреля, сожгли на костре епископа Смирны священномученика Поликарпа, который в детстве своем общался с самим апостолом Иоанном Богословом.

В Риме в конце 160 или начале 161 г. были преданы смерти три христианина, имена двух из них известны — Птолемей и Лукий. Этой казни предшествовал развод некоей знатной матроны, которая в прошлом, как и ее муж, вела зазорную жизнь, но решительно изменила ее, когда уверовала во Христа, а муж не захотел исправиться. Оскорбленный разводом по требованию жены, он обвинил в принадлежности к Христианской Церкви ее учителя Птолемея. Это дело рассматривал префект Рима Квинт Лоллий Урбик. Птолемей не заперся и был приговорен к смертной казни. Присутствовавший на судебном процессе Лукий обратился тогда к судье с укоризной: «Почему ты осудил на казнь этого человека, который не виновен ни в блуде, ни в прелюбодеянии, не убийца, не грабитель или вор, и вообще не обличен в каком-либо преступлении, а исповедал только себя христианином? Ты, Урбик, судишь, как неприлично судить

ни самодержцу благочестивому, ни философу, сыну кесаря, ни священному сенату». А Урбик, ничего не отвечая, сказал только Лукию: «И ты, мне кажется такой же»; и когда Лукий отвечал «точно», то и его велел отвезть на казнь. Лукий даже благодарил его за это... Подошел еще и третий некто, и также приговорен был к казни» (Святой Иустин. Апология II — Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужы апостольские и апологеты, с. 347 — 348).

Это свидетельство о мученическом подвиге содержится во второй Апологии Святого Иустина Мученика, для составления которой это событие и послужило поводом. Как замечает по поводу казни римских христиан В. В. Болотов, «формула Траяна, обрекавшая на казнь за *poen ipsum*, применялась при процессах против христиан. Само правительство, видимо, ни в каком особом преступлении христиан не подозревает... однако признание в христианстве считается совершенно достаточным для окончания процесса» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 98). В приложении к первой «Апологии» Иустина Философа и в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского помещается со значительными разночтениями рескрипт, усваиваемый Антонину или, по ошибочной версии Евсевия, Марку Аврелию, в котором содержится похвала христиан за их стойкость в вере и запрет на их преследование. Но документ этот церковными историками, в том числе и особенно авторитетным среди них знатоком эпохи В. В. Болотовым, не признается подлинным. Нет оснований предполагать, что Антонин отменил репрессивное законодательство Траяна против христиан.

Во внешней политике Антонин, продолжая курс своего предшественника на отказ от экспансии, заботился об укреплении границ империи. При этом для него характерна была коррекция оборонительной стратегии Адриана, проявлявшаяся в стремлении к более коротким и более прямым линиям фортификации, то есть к спрямлению границ за счет прилежащих к империи территорий. В Британии в 141 г. был выстроен новый оборонительный вал к северу от вала Адриана между устьями рек Форт и Клайд, проходивший на широте современных городов Эдинбурга и Глазго, примерно там, куда проникли римские легионы при Агриколе. В результате вал Адриана стал уже второй оборонительной линией. Внешний лимес, представлявший собой почти идеальную прямую линию, выстроен был и в Верхней Германии. Римские войска при Антонине отразили нападение аланов

на расположенную в Днепровском устье греческую колонию Ольвию, состоявшую под римским протекторатом. В правление этого императора усилилась зависимость от Рима союзных, по существу вассальных Боспорского и Армянского царств, а также грузинских княжеств. Благодаря искусным переговорам Рим избежал войны с могущественной Парфией. Дипломатические отношения связывали Рим с далеко отстоящими от него восточными странами. К Антонину приезжали послы из Бактрии, Гиркании и даже из далекой Индии.

Антонин дожил до глубокой старости и умер 7 марта 161 г. в 75 лет. Перед смертью он попросил дать ему откусать любимого им альпийского сыра. Офицеру императорской охраны, заступавшему на дежурство, он дал последний пароль *aequanimitas* (невозмутимость), проливающий свет на предсмертное состояние души принцепса. Еще в 146 г. Антонин предоставил усыновленному им Марку Аврелию, за которого выдал свою дочь Фаустину Младшую, пожизненный проконсульский империй и полномочия народного трибуна, сообщавшие облеченному ими лицу неприкосновенность. Перед смертью он распорядился перенести находившуюся в его покоях золотую статую Фортуны в комнату Марка Аврелия. После кончины императора была незамедлительно совершена его консекрация, а его прах погребен в мавзолее Адриана.

Преимник Антонина в своем знаменитом сочинении «К самому себе», мысленно наставляя себя образом приемного отца, писал о нем с искренним благоговением: «Во всем оставайся учеником Антонина. Будь таким же настойчивым в исполнении основательно взвешенных решений, как он, таким же умеренным по своей сущности и таким же благочестивым; имей его радостный облик, его мягкость: будь столь же чуждым славолубия и честолюбия свое устремляй, как и он, к правильному постижению вещей. Подумай также о том, как он не оставлял никакой вещи, пока не узнает о ней всего и не поймет ее совершенно ясно; и как он терпел людей, которые несправедливо порицали его, не отвечая им порицаньем. И о том, как он ничего не делал в спешке, и как он не прислушивался к клевете. И как тщательно он испытывал и характеры и действия людей, чуждый зломнения, лишенный страха, свободный от гнева и избегающий софистической изворотливости. Как он довольствовался малым во всем, что касается жилья, постели, одежды, питания,

обслуживания. Как он был трудолюбив и терпелив... Помни его надежность и уравновешенность в дружбе. И что он терпел людей, которые дерзко противились его намерениям, и о том, что он радовался, когда кто-нибудь научал его лучшему. И как он был богобоязнен без суеверия — чтобы и у тебя, когда придет твой последний час, была такая же чистая совесть» (Christ, cit. op. S. 331–332).

Высокую оценку нравственных качеств Антонина разделяет и церковный историк В. В. Болотов, не расходясь в этом с восприятием этого императора его современниками: «Все, что он делал, запечатлено необыкновенною мягкостью. Кровь в его царствование мало лилась и внутри империи и даже на границах. Поэтому и правление его запечатлено характером необыкновенного мира и процветания всех провинций. Гуманность его была такова, что он действительно возвышался даже до идеала «человека на троне», и своими подданными он любим был необыкновенно» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 62). Следует, правда, заметить, что, как и другие принципы, Антонин не царствовал, не восседал на троне, а подданные были не у него, но у Римской республики.

6. Правление Марка Аврелия

Приняв от сената должность принцепса, Цезарь Марк Аврелий Антонин Август, который до усыновления его Антонином в 138 г. именовался Марком Аннием Катилием Севером, сразу назначил соправителем своего брата по усыновлению Цезаря Луция Аврелия Вера. Он был родным сыном рано скончавшегося фаворита Адриана Луция Цейония Коммода, который по версии, основанной на сомнительных слухах, был его незаконнорожденного сыном. В последние годы правления Антонина Вер не рассматривался уже как реальный преемник, но Марк Аврелий решил неукоснительно выполнить волю Адриана. Это был первый в истории римского принципата случай дуализма высшей власти, послуживший прецедентом для нередкого в последующей истории империи использования подобной модели правления. Легенды монет, изготовленных при Аврелии, прославляют «согласие Августов» (*concordia Augustorum*); пользуясь наравне с Марком Аврелием званиями императора и принцепса, Луций Вер отличался от него только тем, что не имел жреческого ранга великого понтифика. Аврелий выдал за него замуж свою дочь

Луциллию, тем самым наметив его в преемники, но реального участия в управлении империей Луций Вер почти не принимал.

Бремя власти лежало на Марке Аврелии. Он появился на свет в Риме в 121 г., принадлежал к роду выходцев из Испании Анниев, и был родным племянником жены своего усыновителя Фаустины Старшей. Будущий принцепс с детства был окружен роскошью, в которой протекала жизнь высшего круга римского общества, в 17 лет став приемным сыном принцепса. Марк Аврелий получил превосходное образование. В учителя ему приглашались лучшие педагоги. Риторику ему преподавали такие знаменитости как Герод Аттик и Фронтон. Латинский и греческий язык он знал одинаково хорошо. В 25 лет он стал учеником философа стоика Юния Рустика, и с этих пор до конца своей жизни оставался приверженцем стои, сам был оригинальным и выдающимся мыслителем, оставив своим своеобразным философским дневником «К самому себе», написанным по-гречески и найденным в его бумагах после кончины, заметный след в истории мировой философской мысли. Приверженность стоической философии Марк Аврелий с юных лет проявлял и в своем образе жизни и даже во внешнем виде. Он носил бороду, иногда надевал плащ философа, нередко спал на полу без постели и во всем был в высшей степени аскетичен и неприхотлив. Его биограф Юлий Капитолин писал, что он превосходил всех других принцепсов чистотой своих нравов (Sampoli, cit. op., p. 279). В 147 г. Аврелий стал соправителем Антонина, которому он был искренне предан и благодарен за высоко ценившиеся им уроки политической и житейской мудрости.

Погруженный в размышления об истоках бытия, о природе вещей, о душе, о назначении человека, о вечности, Марк Аврелий с истинно стоической выдержкой и исключительной добросовестностью тянул лямку правителя, основательно вникал во все важные государственные дела, и при этом обнаружил незаурядный талант полководца, администратора и политика. От своего предшественника он унаследовал миролюбивый политический курс. Подобно Адриану и Антонину, он не стремился к имперской экспансии, довольствуясь оборонительными задачами, но почти все его правление прошло в нескончаемых войнах, и правил он не столько из Палатинского дворца, сколько из преторской палатки военного лагеря. Философ и интеллектуал, Марк Аврелий не был особенно популярен в военной

среде, но, наблюдая исключительно добросовестное и жертвенное исполнение им обременительных для его природы обязанностей полководца, генералы, офицеры и рядовые легионеры относились к нему с уважением.

Достигнув пика экспансии при Траяне, Римская империя вошла затем в фазу «сосредоточения», или отступления. Этот процесс удавалось замедлить, приостановить на время, но у Рима уже не хватало сил направить ход истории в обратную сторону. Окружавшие империю цивилизованные нации и варварские племена перешли в контрнаступление.

В самом начале правления Марка Аврелия, в 162 г., разгорелось восстание пиктов в Британии, а хатты прорвали Рейнский лимес и вторглись в пределы Верхней Германии. Испания подвергалась грабительским набегам берберов из Африки через пролив. Пока шла операция по подавлению восстания в Британии и отражению набега хаттов и берберов, или мавров, в том же 162 г. парфянский царь Вологез III ввел войска в Армению, сверг там римского вассала и посадил на армянский престол своего ставленника. Тем самым вечно спорная территория Армении вновь оказалась под контролем конкурировавшей с Римом великой Парфянской державы. Наместник Каппадокии попытался оказать противодействие Парфии, но римские войска под его командованием были разбиты в сражении около города Элегии, а сам наместник погиб. Развивая успех, парфянская армия форсировала Евфрат и овладела частью Сирийской провинции. Римское присутствие в Азии оказалось под угрозой. Марк Аврелий приказал перебросить легионы с Рейна, Дуная и из Африки на восток. Командование римской армией было возложено на соправителя Аврелия Луция Вера, но ввиду отсутствия у него опыта и способностей полководца, реальное управление войсками осуществляли его помощники легаты Авидий Кассий и Стаций Приск, у которых была репутация лучших полководцев Рима.

Контрнаступление началось в 163 г. Кассию и Приску удалось разгромить войска парфян, вытеснить их из Сирии и Армении и, вторгшись в Месопотамию, занять большую ее часть. В 165 г. римляне захватили две парфянские столицы: Ктесифон, который был сожжен дотла, и Селевкию, форсировали Тигр и проникли в Мидию. Местное арамейское население однако предпочитало парфянскую власть и оказывало сопротивление оккупационной армии Рима. В занятой стране начался голод, но самым страшным

бедствием стала обрушившаяся на Месопотамию чума, которая пришла из Индии или Китая; она не щадила ни местных араме-ев, ни парфян, ни особенно римлян, у которых, как и у других европейцев, в отличие от азиатов, не выработался иммунитет против этой заразы. Эпидемия стала истреблять римские легионы, и они вынуждены были оставить Месопотамию и вернуться назад, занеся чуму в Сирию, Азию, а затем и в Европу — на Балканы и в Италию. Более двух десятилетий, до 189 г. в империи свирепствовал губительный мор, то затухая, то вновь обостряясь. В 166 г. с Парфией был заключен выгодный Риму мир: Парфия уступала противнику северную часть Месопотамии и признавала принадлежность Армении сфере римских интересов. На восточных границах империи Марк Аврелий начал строить систему фортификаций, подобных европейскому лимесу. Императоры отпраздновали в столице триумф, сенат даровал им титулы: Парфянский, Мидийский, Армянский и Величайший (Maximus).

Заключение мира с Парфией позволило Риму своевременно отреагировать на новую угрозу — на этот раз на дунайской границе. В Чехии и Моравии сложилось объединение свевских племен квадов и маркоманов. Несмотря на свою фактическую независимость, они до известной степени признавали римский протекторат, считаясь друзьями и союзниками римского народа. переброска охранявших границу легионов с Дуная на Восток создала в оборонительной системе брешь, которая подтолкнула маркоманов к агрессивным действиям; заодно с германцами действовали вторгшиеся в центральную Европу сарматские племена роксоланов, аланов, языгов и костобоков. Одной из возможных причин вторжения было давление на маркоманов и квадов со стороны пришедших в движение других германских племен, обитавших севернее и восточнее маркоманов, — готов, бургундов, семнонов и лангобардов. В 167 г. маркоманы, во главе которых стоял король Балломар, прорвали дунайский лимес и начали грабежи в Паннонии, Норике и Реции, а действовавшие заодно с ними сарматские племена обрушились на Дакию. Хуже того, преодолев Альпийские перевалы, маркоманы вторглись в Северную Италию — в прошлом Цизальпинскую Галлию, и продвинулись до Аквилеи и Вероны. Грозная опасность нависла над Умбрией и Этрурией. Марк Аврелий срочно перебросил легионы с восточной границы на север Италии. Проведен был массовый воинский набор. Из-за нехватки боеспособных граждан

рекрутировали гладиаторов, и как пишет В. И. Кузищин, «в легионы во второй раз после 2-й Пунической войны были зачислены отпущенные по этому случаю рабы, которых стали называть волонтерами (во времена Ганнибала такие воины из бывших рабов назывались волонами)» (Кузищин В. И. Римская империя во II в. «Золотой век». — История Древнего Рима, с. 233). Во вспомогательные войска были завербованы иллирийцы, в том числе прямо из разбойничьих шаек, промышлявших в горах Далмации и Дардании.

Между тем, из-за уже понесенных колоссальных затрат на парфянскую операцию и опустошений, причиненных чумой, казне катастрофически не хватало средств на финансирование войны с германцами и сарматами. Тогда Марк Аврелий пошел на крайние средства ради пополнения казны. По словам его биографа Юлия Капитолина, «чтобы не накладывать тяжелого бремени на провинциалов, он... устроил на форуме божественного Траяна аукцион дворцовых вещей, где, кроме одежд, бокалов и золотых сосудов, он продал статуи великих мастеров» (цит. по: История Древнего Рима, с. 233).

Командование армией взяли на себя оба императора Марк Аврелий и Луций Вер, но Вер умер в 169 г, в самом начале войны, названной по этнониму главного противника Маркоманской, так что военными операциями руководил один Аврелий. Вначале война шла с переменным успехом для Рима. Ее особая трудность заключалась в значительной протяженности и смутности очертаний театра военных действий, в необходимости частых перебросок легионов или когорт с одного участка боевых действий на далеко отстоящий от него другой участок. В 170 г. в одном из сражений с противником погиб римский полководец Марк Корнелий Фронтин, а находящиеся под его командованием войска были разбиты. Тем временем на Балканах костобоки прорвались далеко на юг, в сердце Эллады.

Затем в ходе военных действий наступил благоприятный для римлян перелом: легионы, сражаясь под командованием выдающихся полководцев Тиберия Клавдия Помпеяна и Публия Гельвия Пертинакса, вытеснили германцев из Италии, затем они окончательно сломили сопротивление многочисленных отрядов германцев и сарматов. Сначала были разгромлены маркоманы, вслед за ними квады и наконец сарматские племена. В 175 г. варвары были изгнаны из пределов империи, а римские

легионы заняли территорию Моравии и Восточной Венгрии. Германцы и сарматы прекратили сопротивление. По требованию императора они очистили часть левобережья Дуная для поселения там римских колонистов и взяли на себя обязательство поставлять вспомогательные воинские отряды в распоряжение римского командования. Часть пленных германцев и сарматов Марк Аврелий распорядился поселить внутри империи в качестве военных колонистов — летов. Эта мера вызвана была истощением человеческих ресурсов империи, демографическим кризисом, вызванным, главным образом, долго свирепствовавшей чумой. К подобным методам наращивания мобилизационного потенциала империи прибегали затем не раз преемники Аврелия, но такая политика привела к варваризации армии и в конечном результате к распаду империи. О масштабах римских потерь в этой войне выразительно говорит то обстоятельство, что только по мирному договору с языгами те обязались отпустить около 100 тысяч римских пленников. На оккупированных территориях Марк Аврелий предполагал образовать две новые провинции: Маркоманию в Чехии и Моравии и Сарматию — в Венгрии, но планы эти были сорваны новыми осложнениями.

Еще до окончания Маркоманской войны, в 172 г., в Нижнем Египте вспыхнуло восстание буколов — пастухов. Во главе восставших оказался местный жрец Исидор, объявивший себя пророком. Повстанцам удалось разгромить расквартированные в дельте Нила римские гарнизоны. Под угрозой захвата оказалась Александрия. И только введенные из Сирии в Египет легионы под командованием Авидия Кассия навели порядок в стране.

Более серьезной проблемой, побудившей Аврелия отказаться от планов организации двух новых провинций на левом берегу Дуная, стал военный мятеж, учиненный одним из лучших полководцев империи правителем Сирии Авидием Кассием, который успешно подавил восстание египетских буколов. В 175 г., получив ложные сведения о смерти Марка Аврелия, он объявил о его консекрации, а самого себя, не дожидаясь сенатского решения, провозгласил императором, опираясь на поддержку подчиненных ему легионов, и значительной части населения восточных провинций, а также провинциальных чиновников и муниципальных декурионов. Узнав об ошибке, Кассий уже не пошел напопятную: как узурпатору, ему угрожала казнь по обвинению в посягательстве на захват власти. Мятеж, продолжавшийся три месяца, был

ликвидирован до прибытия Аврелия на Восток. Авидий Кассий был убит своими сторонниками, когда те узнали об ошибке, таким образом они надеялись облегчить свою участь. Отрубленная голова узурпатора была предъявлена законному императору, но это зрелище вызвало у него не злорадство, а горечь и отвращение.

Между тем, в самом Риме у Марка Аврелия не было реальной оппозиции. Его отношения с сенатом складывались наилучшим образом, так что с сенаторской точки зрения это был идеальный принцепс. По словам Юлия Капитолина, «никто из государей не оказывал сенату большего уважения. Оказывая честь сенату, он поручил многим бывшим преторам и консулярам решать дела частных лиц, чтобы благодаря занятию судебными делами возрастал их авторитет. Многих из своих друзей он ввел в состав сената. Многим сенаторам, обедневшим не по своей вине, он пожаловал звание трибунов или эдилов» (цит. по: История Древнего Рима, с. 231). Продолжая политику своих предшественников, Марк Аврелий вводил в сенат знатных провинциалов, в том числе уроженцев Востока и Африки. При этом они обязаны были часть своих средств вкладывать в приобретение недвижимости в Италии, но не одну треть состояния, как это установлено было Траяном, а лишь четверть. В правление Аврелия провинциалы составили по меньшей мере половину сената. Подобная политика содействовала интеграции империи. Той же цели способствовало и ужесточение контроля за порядком муниципального управления.

Подобно Антонину Пию, Марк Аврелий заботился об улучшении материального положения римской бедноты. Помимо регулярных раздач зерна и других жизненно необходимых продуктов римским пролетариям, он 7 раз выдавал денежные подарки жителям столицы. В сумме эти конгиарии составили приблизительно по 3400 сестерциев на человека. Не пренебрегал император и устройением пышных зрелищ для римлян, включая и самое популярное из них — гладиаторские бои. Марк Аврелий усовершенствовал систему алиментарных учреждений, увеличив выдачу средств на содержание бедных детей, установив штаты чиновников и поставив во главе системы префекта из числа сенаторов, которому были подчинены прокураторы, принадлежавшие к всадническому сословию. При нем было упорядочено законодательство об опеке, ставшей особенно актуальным

делом в связи с многочисленными смертями, вызванными чумой. Политикой принцепса были довольны не только сенаторы, но и малоимущие римляне.

Географический дипазон дипломатических контактов Рима при Марке Аврелии приобрел поистине всемирный масштаб. Из китайских источников известно, что в 166 г. император Поднебесной Хуан-Ти принимал греческих купцов, которые назвались послами императора Ан-Туна — Антонина. Одно из имен Аврелия, поученное им в честь приемного отца, было Антонин. На этих переговорах речь шла об установлении регулярной морской торговли между Китаем и Римской империей.

Приверженец стоической философии и этики, Марк Аврелий относился к своему званию принцепса с предельной ответственностью, исполняя сопряженные с ним обязанности как непреложный долг: «Всегда ревностно заботься о том, — писал он в записках, обращенных «К самому себе», — чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно римлянина и мужа, с полной и искренней сердечностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью... Это удастся тебе, если ты каждое дело будешь исполнять, как последнее в своей жизни, свободный от всякого безрассудства, от обусловленного страстями пренебрежения к велениям разума, от лицемерия и недовольства судьбой» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 716–717). Марк Аврелий был чужд всякого прожектерства и утопизма, расходясь в этом с платоновским идеалом правителя философа: «Не мечтай о платоновской политике; — писал он, — будь доволен, если тебе удастся хоть что-нибудь, и смотри даже на такой успех, как на немалую вещь» (цит. по: Машкин, цит. изд., с. 490).

Некоторые из афоризмов Аврелия созвучны христианской этике: «Приспособляйся к обстоятельствам, выпавшим на твою долю. И от всего сердца люби людей, с которыми тебе суждено жить» (цит. по: Ковалев, цит. изд., с. 717): «Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уж близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся быть хорошим» (Ковалев, цит. изд., с. 717).

Но о самих христианах он высказывался с высокомерным презрением, и в его правление положение Церкви изменилось к худшему в сравнении с эпохой его предшественников Адриана и Антонина. В 160-е гг. в Риме был замучен знаменитый апологет

Иустин Философ вместе с 6 своими учениками. Процесс против него вел префект столицы Квинт Юний Рустик, один из самых образованных римлян своего времени, в прошлом учитель Марка Аврелия. Суд приговорил всех обвиняемых к смерти.

Как и встарь, столетие назад, общественные бедствия возбуждали неприязнь языческой черни к христианам, в которых она видела виновников всех несчастий. При Марке Аврелии христианам пришлось расплачиваться кровью за свирепствовавшую в разных провинциях чуму. Император в лучшем случае не пытался образумить антихристианскую истерию, а в худшем, — сам, подобно Нерону, способствовал канализации народного гнева в сторону, не опасную для правительства.

Массовое избиение христиан произошло в 177 г. в Галлии в городах Лугдуне (Лионе) и Вьенне. Об этом событии известно из послания галльских Церквей Церквам Асийской и Фригийской, помещенного в книге святителя Ириней Лионского «Против ересей». Среди галльских мучеников оказались епископ Лугдунский Пофин, диакон Вьеннской церкви Санкт, Ветий Эпагаф, юная Бландина вместе со своим братом Понтиком. Процесс, сопровождаемый пытками, вначале вели муниципальные власти, а затем, после возвращения в свою провинцию, ее презид.

Один из обвиняемых Аттала назвал себя на допросе римским гражданином, и презид «не счел себя вправе осудить его на казнь и обратился к императору с двумя вопросами: как поступать с римскими гражданами и как поступать с теми, которые отпали от христианства и которые оставались верными своему вероисповеданию? Император ответил: твердых в христианстве казнить, римских граждан мечом, прочих отправить ad bestias, а отступников отпустить на свободу. Этот рескрипт и был приведен в исполнение, с тем исключением, что самого Аттала в угоду народу презид отдал зверям» (Болотов, цит. изд., с. 101).

Тем не менее, в христианской среде позже возникло превратное представление о Марке Аврелии как защитнике христиан. Оно воспроизведено в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, который рассказывает о действительном происшествии, случившемся в разгар первой Маркоманской войны в 174 г., когда Мелитинский легион во главе с самим императором попал в окружение квадов. Легионеры страдали от мучительной жажды, и когда они, как пишет Евсевий, «опустились по нашему молитвенному обыкновению на колени и обратились

с мольбой к Богу» (Евсевий, цит. изд., с. 171), внезапно начавшая «страшная гроза обратила врагов в бегство и погубила их; ливень, хлынувший на воззввших к Богу восстановил силы всего войска, бывшего на краю гибели. Рассказ об этом есть и у писателей, далеких от нашей веры, но излагающих те же события; есть и у наших. Историки со стороны признают чудо, но, в нашей вере ничего не понимая, отрицают, что оно произошло по нашим молитвам» (Евсевий, цит. изд., с. 172). Языческие писатели приписывали спасительный ливень либо заклинаниям египетского мага Арнуфиса, обращенным к богу воздушной стихии Гермесу, либо, — другая версия — молитве самого Марка Аврелия.

В связи с этим событием и возник апокрифический рескрипт, приписываемый Аврелию. Евсевий упоминает о нем, ссылаясь на Тертуллиана, не настаивая однако на его подлинности: «Пусть думает об этом кто как хочет» (Евсевий, цит. изд., с. 172). В этом подложном документе император сообщает о спасении легиона по молитве служивших в нем христианских воинов, в благодарность за это запрещает преследовать христиан и приказывает сжигать живыми тех, кто будет обвинять их в том только, что они христиане. Комментируя этот документ, В. В. Болотов резонно резюмирует: «Содержание эдикта выходит из границ правдоподобия: доносчиков на христиан предписано сжигать живыми, начальникам провинций запрещено лишать христиан свободы, отвращать от веры, обращать к прежней (языческой) вере, — и это в эдикте, выставленном на форуме в Риме! Такой документ не мог бы исчезнуть бесследно, не отозваться на положении христиан; гонение в Галлии в 177 г. было бы во всяком случае невозможно» (Болотов, цит. изд., с. 82). Характерно однако, что такой документ был составлен. Испытываемое христианами уважение к Марку Аврелию явилось причиной появления апокрифа. Этот император внушал христианам надежду на то, что он способен уразуметь несправедливость и пагубность для государства гонений на христиан. Со своими апологиями к нему обращались афинянин Афинагор и святой епископ Сардский Мелитон, но обращались тщетно. До конца его правления продолжало действовать законодательство Траяна, предусматривавшее смертную казнь за само исповедание Христа.

Забота о преемстве власти владела душой императора, всегда помнившего о бренности земной жизни и испытывавшего

чувство особой ответственности за благополучие Рима. Хотя еще в 166 г. сенат предоставил 5-летнему сыну Марка Аврелия Коммоду, одному из 13 детей, родившихся в семье Аврелия и Фаустины Младшей, титул цезаря, что фактически обозначало провозглашение его преемником отца, тем не менее, когда сын вырос, отец, наблюдая за ним, усомнился в его способности нести на себе бремя высшей власти. Поэтому он искал иные варианты преемства. После смерти Луция Вера император выдал его вдове и свою дочь Луциллу замуж за успешного полководца Клавдия Помпеяна, который родился в Антиохии во всаднической семье и к тому времени дослужился до должности правителя Нижней Паннонии, включив таким образом своего нового зятя в число возможных преемников. Но в конце концов выбор сделан был в пользу родного сына.

В 177 г. Коммод, которому не исполнилось еще и 16 лет, был удостоен сенатом титула августа, тем самым став соправителем и фактически официальным преемником отца. Это было роковым для Римской империи решением. В отсутствие родных сыновей прежние императоры усыновляли отдаленных родственников или совершенно посторонних лиц, с которыми впоследствии вступали в семейную связь, выдавая за них замуж своих дочерей или других родственниц, и это были способные или даже выдающиеся полководцы и государственные деятели, которые и становились преемниками своих усыновителей. Династия Антонинов держалась на такой системе адаптации, или усыновления. Но родной сын Марка Аврелия был человеком заурядных способностей, хотя и с незаурядным своеобразным характером и необычными для человека его круга пристрастиями. Видимо, его отец рассчитывал на успехи в воспитании сына, на опыт, который придет со временем вместе с чувством долга перед государством. Когда Коммод подросток, он знакомил его с порядком имперского управления и брал с собой в походы.

Между тем, пока лучшие легионы Рима находились на Востоке, отправленные туда для подавления мятежа Кассия, маркоманы возобновили грабительские набеги на придунайские провинции. В 177 г. Марк Аврелий отправился из Рима на дунайскую границу, ставшую линией фронта. В тяжелых боях с варварами ему удалось отразить нападения маркоманов, римские войска перешли Дунай, и вновь, как и в Первую Маркоманскую войну, громили противника на территории Моравии и Венгрии.

В 179 г. на правом берегу Дуная в центре современной Баварии было основано одно из самых мощных укреплений в цепи фортификаций Кастра Регина (*Castra regina*), из которой впоследствии вырос город Регенсбург.

В разгар этой победоносной для Рима войны Марк Аврелий заразился чумой, эпидемия которой тогда вступила в фазу нового обострения, и 17 марта 180 г. скончался в Виндебоне, современной Вене, где находилась его ставка, в возрасте 58 лет. Коммод, находившийся рядом с отцом и в ту пору уже носивший титул августа, был по воле умиравшего отца провозглашен войсками императором.

Марк Аврелий, по давно уже заведенной традиции, удостоился посмертного обожествления. На одной из римских площадей, по подобию Траяновой колонны, была воздвигнута сохранившаяся до наших дней колонна с рельефными изображениями эпизодов из его победоносной войны с маркоманами. На Капитолии до конца XX столетия простоял подлинник его конной бронзовой статуи, сохранившейся благодаря ошибочной атрибуции ее в средневековье святому императору Константину. В настоящее время оригинал статуи перемещен в Капитолийский музей, а на площади возвышается ее копия.

7. Коммод и конец династии Антонинов

Марк Луций Элий Аврелий Коммод Антонин родился в 161 г. Его мать Галерия Фаустина Младшая родила двойню, но близнец Коммода Тит Аврелий Фульвий скончался в младенчестве. Для воспитания сына Марк Аврелий пригласил лучших учителей: греческую грамматику ему преподавал Онесикрат, латинскую — Капелла, риторику — Атей Сант, но науки не интересовали мальчика, который уже в отрочестве, имея атлетическое сложение, отличался незаурядной физической силой и ловкостью. Его увлекали гимнастика, воинские упражнения, а также танцы, пение, игры гистрионов, спектакли мимов, с ранних лет его страстью стали гладиаторские бои. Причем Коммоду мало было наблюдать за ними в амфитеатре — он посещал гладиаторские казармы и школы, и сам брал уроки у искусных тренеров, изучая боевые приемы.

В 177 г. он стал августом и соправителем отца, а через три года, в 19 лет, — принцепсом и императором. Если бы даже Коммод обладал выдающимися способностями и прилежанием,

он находился в еще слишком рискованном для правителя возрасте, а ему как раз не хватало ни того, ни другого. Но на первых порах, сознавая свою незрелость, он прислушивался к советам окружавших его сановников, и его политический курс был вполне трезвым. Этот курс с самого начала отличался от политики отца. Хотя Аврелий, как и его предшественники Антонин и Адриан, не разделял экспансионистских устремлений Траяна, но когда война становилась неизбежной, он вел ее с примерным упорством, ломая волю противника к сопротивлению, верный в этом исконной римской традиции. Коммода же война и сопряженные с нею тяготы лагерной жизни, пребывания в медвежьих углах пограничного захолустья угнетали, его влекла феерическая роскошь столицы, и самого себя он ощущал не, как его отец, слугой Рима, но его повелителем.

Он поспешил заключить мирный договор с маркоманами и квадами на условиях, относительно приемлемых, в которых однако Рим выступал не в роли победителя. Римские форпосты, размещенные на левобережье Дуная, по этому договору подлежали ликвидации, маркоманам и квадам гарантировалась полная независимость от империи, а Рим брал на себя обязательство выдавать им субсидии, иными словами, — дань. От мысли Марка Аврелия образовать на территории обитания враждебных германских племен новую провинцию Маркоманию Коммод отказывался самым радикальным образом. Вполне возможно, что этот шаг со стороны юного императора продиктован был не его капризом, но принимался по совету окружавших его военачальников, осознававших ограниченность финансового потенциала империи, острую нехватку мобилизационного ресурса. Но ближайший сподвижник его отца Клавдий Помпеян, женатый на тетке Коммода Луцилле, был противником заключения невыгодного и унижительного, как от считал, мира с германцами, за что поплатился ссылкой. Вернувшись в Рим, Коммод отпраздновал триумф как победитель германцев, участвовал в торжествах по случаю обожествления своего отца и приказал провести щедрые раздачи конгиария и зерна римским пролетариям, среди которых, равно как и в легионах, он оставался популярным до конца своей жизни.

Отказ римского правительства от дальнейшей экспансии сопровождался решимостью защищать сложившиеся границы, и когда в 184 г. пикты вновь попытались прорваться через

Антонинов вал, их натиск был успешно отражен, а Коммод украсил свою особу именем Британика. Римский лимес испытывали на прочность еще не раз в Верхней Германии, где в 187 г. подвергся осаде лагерь с расквартированным в нем легионом, в Даккии, и на других его участках, но ревизовать границу варварам нигде не удалось. При этом Коммоду и столичной имперской власти не было нужды принимать специальные меры для пресечения нападений. С агрессорами успешно справлялось местное военное командование. Могущественная Парфия при Коммодe не отважилась на реванш, и не предпринимала попыток изменить границу, сложившуюся в результате войны, победителем в которой был его отец.

На первые годы правления Коммодa пришлось усугубление экономического кризиса, вызванного главным образом демографическими потерями вследствие эпидемии чумы и нескончаемых войн и оскудением казны. В 180 г. цены на зерно в главной житнице Рима Египте выросли втрое. Галлия, Британия, Германия, Северная Италия оказались на грани массового голода. Разорение крестьян и арендаторов стало повсеместным явлением, особенно в Египте и Северной Африке. Ради подъема сельского хозяйства правительством Коммодa был издан ряд актов, нормализующих экономические взаимоотношения между землевладельцами и арендаторами. Запрещалось не мотивированное повышение как денежных, так и натуральных арендных платежей, что особенно благоприятно сказалось на социальном положении мелких арендаторов — колонов. Колонам предоставлено было право подавать жалобы на имя императора.

Сохранились две жалобы на крупных арендаторов и прокураторов, составленные колонами Бурунитанского сальтуса из Северной Африки. Во второй жалобе они обращаются к принцепсу: «Помоги нам, и поскольку мы, маленькие люди, простые земледельцы, в поте лица добывающие хлеб трудом рук своих, не в силах защититься от твоих прокураторов и от землевладельца, который завоевал их благоволение дорогими подарками и известен им постоянным возобновлением аренды, а также своим положением предпринимателя, смилуйся над нами и соблаговоли защитить нас своим императорским рескриптом» (цит. по: Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 113). Обстоятельства дела, по которому подавались жалобы, не вполне ясны из сохранившихся документов,

но характерна реакция Коммода, который сам отвечал на эту жалобу, и как пишет М. И. Ростовцев: «он не требует предоставления дополнительных материалов и не передает рассмотрение дела местным распорядительным органам. Он принимает решение по поводу этой мелкой неурядицы сам, а именно — в пользу просителей» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 113).

В Нарбонской Галлии реакцией на разорение крестьянства стало восстание, во главе которого оказался дезертир Матерн, сколотивший банду из таких же, как он сам, дезертиров, беглых рабов и разорившихся крестьян и колонов и провозгласивший себя императором. Бунтовщики громили латифундии, захватывали небольшие оппидумы, совершали нападения на крупные города, выпускали из тюрем узников, которые присоединялись к ним. Из Галлии шайки повстанцев проникли в Испанию. После того как в Галлии бунт был подавлен, Матерн в 186 г. разжег партизанскую гверилью в самой Италии. Переодевшись и став неузнаваемым, он вместе с самыми отважными и дерзкими из своих соратников проник в Рим, с тем чтобы там совершить покушение на Коммода, но в окружении вождя заговорщиков оказался предатель, который выдал властям этот план. Матерн и другие мятежники были схвачены и преданы казни.

В 187 г. погас последний рецидив губительной чумы, терзавшей империю в течение двух десятилетий, нанесшей ей существенный демографический урон и подорвавшей ее финансовое благополучие. В связи с прекращением эпидемии экономическое положение государства стало постепенно выправляться, оживление промышленности сопровождалось ростом численности городского населения. Продолжая политику своего отца по отношению к военнопленным, которые раньше продавались на невольничьих рынках и становились рабами на виллах или в латифундиях крупных землевладельцев, Коммод поселял их в местах, опустошенных чумой, где они самостоятельно вели мелкое крестьянское хозяйство, обязанные вносить в казну твердо установленные денежные платежи или поставляя государству натуральные продукты. Их юридическое и экономическое положение можно сравнить со статусом государственных крестьян в Российской империи до отмены крепостного права. Подобные поселения государственных колонов способствовали

подъему аграрного хозяйства, улучшая продовольственное снабжение Рима и зависимых от него городов.

Несмотря на ряд удачных внутривластных мер, Коммод не сумел удовлетворительным образом отрегулировать отношения с сенатом. Молодость и неопытность принцепса побуждали сенат в начале его правления попытаться усилить свое влияние на управление империей, но самолюбие Коммода, его порывистый и капризный характер побуждали его противодействовать амбициям сенаторов, а поскольку к всецелому погружению в правительственные дела он не испытывал расположения, в делах государственного правления выросла роль фаворитов, которые эксплуатировали слабости молодого императора, интриговали, соперничали между собой, коррумпировали правительственный аппарат, создавали атмосферу, благоприятную для появления заговоров.

Еще в 182 г. был раскрыт заговор против Коммода, который по существу дела носил семейный характер: в него были вовлечены сестра императора Луцилла, ее юный сын Клавдий Помпеян Квинтиан, стремившийся отомстить за своего сосланного отца Клавдия Помпеяна. Организаторами заговора были Умидий Квадрат, двоюродный брат императора, сын сестры Марка Аврелия Корнифиции, и префект претория Таррутеный Паттерн. Виновные были обезглавлены. По подозрению в причастности к заговору и в супружеской измене казнена была и жена Коммода Криспина. Репрессии затронули широкий круг римского нобилитета, их жертвами пали многие сенаторы, что в конце испортило репутацию императора в их среде. Справедливо подозревая сенаторов во враждебном к себе отношении, Коммод впредь стал легко прибегать к новым репрессиям против них, основываясь на доносах и подозрениях, которые было кому возбуждать и разжечь.

Самым влиятельным фаворитом принцепса стал префект претория Тигидий Переннис. Но в 185 г., дав ход жалобе на этого могущественного временщика, которую принесли в Рим посланцы расквартированных в Британии легионов, Коммод уволил своего любимца от должности и приказал его казнить. Император уступил домогательствам британских легионеров, опасаясь, что в противном случае он окажется перед лицом военного мятежа. Новым временщиком стал камердинер принцепса вольноотпущенник Клеандр — в прошлом раб из Фригии, проданный в Риме,

оказавшийся затем во дворце и сделавший там поразительную карьеру. Коммод назначил его новым префектом претория. Когда же в 189 г. в Риме разразился голодный бунт и римский плебс потребовал головы Клеандра, попытавшегося разогнать толпу, Коммод для успокоения возмущения пожертвовал своим любимцем и исполнил это требование в буквальном смысле: Клеандр был арестован, затем ему отрубили голову и бросили ее ликующей толпе, которая оценила этот жест императора. О печальной участи незадачливого выскочки не сожалели и нобили, которые и раньше относились к нему с враждебными чувствами, хотя и прикрывали их изъявлениями непомерной лести в стиле нравов, царивших в Риме при Клавдиях или Домициане. В последние годы правления Коммода самыми влиятельными фаворитами стали его новый камердинер (кубикулярий) Элект, префект претория Эмилий Лет и конкубина, или наложница императора Марция.

В эту пору положение христиан в Риме изменилось в лучшую сторону, и это связано было с тем, что Марция была христианкой. В первый период правления Коммода режим гонений оставался прежним — действовало законодательство Траяна. 17 июля 180 г. в Карфагене были преданы смерти мученики из нумидийского городка Исхлиса. Из сохранившихся мученических актов, составленных в ходе процесса против них, известно, что проконсул Африки спрашивал подсудимого христианина Сперата о содержании книг, которые были конфискованы при их аресте.

В Риме по доносу раба был арестован христианин сенаторского сословия Аполлоний. Допрашивавший его префект претория Переннис, выслушав признание Аполлония в исповедании им Христа, решил передать дело на судебное рассмотрение самого сената. Рассказывая об этом деле, Евсевий Кесарийский писал: «Судья горячо умолял и упрашивал Аполлония защищаться перед сенатом; любимый Богом, он принес перед всеми убедительнейшую апологию исповедуемой им веры и был, по постановлению сената, обезглавлен» (Евсевий, цит. изд., с. 190). Сенат действовал в соответствии с законодательством Траяна; как комментирует этот приговор Евсевий — «у них в силе древний закон, по которому однажды представших перед судом можно отпустить только в том случае, если они изменяют свой образ мыслей» (Евсевий, цит. изд., с. 190). По словам того же писателя,

к смерти был приговорен и доносчик: «не в добрый час пришел, однако, несчастный в суд: по императорскому постановлению, таких доносчиков следовало казнить, и ему тут же перебили голени — такой приговор вынес судья Перенний» (Евсевий, цит. изд., с. 190). По закону, изданному Нервой, рабам под угрозой смертной казни запрещалось доносить на своих господ.

Когда же в последний период правления Коммода выросло влияние на него христианки Марции, гонения на христиан приостановились. Одним из характерных проявлений резкого изменения в положении христиан благодаря заступничеству Марции стало освобождение сосланных на каторжные работы в рудники (*ad metallas*) христиан, списки которых составлены были Римским епископом Виктором. Евсевий так характеризует сложившуюся тогда обстановку: «С возвращением Коммода пришло для нас время тихое, относиться к нам стали мягче, и Церковь, по милости Божией, жила в мире по всей вселенной. Спасительное учение начало приводить всякое звание к благочесивому служению Богу, Творцу всего; в Риме многие, известные богатством и родовитостью, вместе со всем домом и всей родней шли по пути спасения» (Евсевий, цит. изд., с. 190).

В столь радужном свете виделась эта эпоха христианскому писателю, но современники Коммода из языческой среды, во всяком случае те, что принадлежали римской знати, переживали это время как одно из самых катастрофических и позорных в истории Рима — Коммод представлялся им своего рода реинкарнацией Калигулы и Нерона. Далеко уступавший им в бесчеловечной жестокости, он однако действительно был подобен им своим гротескным чудачеством и сумасбродством, своей манией величия. Обладая колоссальной физической силой, он с особым пиететом чтит Геркулеса, и вероятно, искренне считал себя новым воплощением этого обожествленного героя. На монетах его изображали в образе древнего героя — одетым в львиную шкуру с львиным шлемом на голове и с палицей в руке, и на такие монеты наносили девиз «Непобедимый римский Геркулес» (*Invictus Hercules Romanus*). При появлении императора в официальной обстановке выносили львиную шкуру и палицу, эти же «инсигнии», или лучше сказать, реквизиты в его отсутствие полагали на его кресло. А однажды Коммод приказал выпустить на арену римских калек, переодетых в гиганты, и насмерть уложил их своей палицей.

По его указанию Юпитеру усвоено было новое имя «Превосходящий» *Exsuperatorius*, и этим же именем удостоили принцепса, а еще он стал именоваться *Felix* (Счастливый), и это нововведение надолго сохранилось в императорской титулатуре — его можно обнаружить и в надписании новелл императора Юстиниана Великого. Коммод обнаруживал острый интерес и к культу восточных и египетских богов: Кибелы, Изиды и Сераписа. Он сам нередко участвовал в процессиях, посвященных Изиде, в виде ее жреца, шествуя в шелковых одеяниях, с наголо обритым черепом. А однажды, задетый тем, что профессиональные жрецы только имитируют горе об умершем Сераписе, он приказал им со всею силой бить себя в грудь кулаками, доколе они не упадут замертво от такого самоистязания, подобно тому как жрецам каппадокийской богини Беллоны он повелел обрубить себе руки. Возможно, однако, что это всего лишь анекдотические вымыслы, сложившиеся в ненавидевшей Коммода сенаторской среде.

Но инфантильное самопревозношение ему действительно было свойственно. В этом отношении он не уступал Калигуле. Коммод приказал заменить священное для римлян название их города на Колонию Луцию Антониану Коммодиану, сенат и все легионы он также велел именовать коммодианскими. Еще одним его изобретением в этом роде стало переименование названий всех 12 месяцев. Поскольку в то время его полное имя состояло из 12 компонентов — *Lucius Aelius Aurelius Commodus Augustus Hercules Romanus Excuperatorius Amazonius Invictus Felix Pius* — на каждый месяц хватало по одному из императорских имен.

Страстью Коммода были травля зверей и гладиаторские бои. В амфитеатре он не довольствовался ролью зрителя, но сам выходил на арену в гладиаторском костюме, вооруженный гладиаторским мечом или копьем, которым он мог одним ударом повалить слона, мечом поразить разъяренного льва или пантеру, вызывая исступленный восторг у простых зрителей, у римского плебса, и чувство стыда и негодования, которое надо было прятать, у сенаторов и своих высокородных родственников.

Его увлечение гладиаторскими боями, ареной, с регулярным выходом на нее на глазах у десятков тысяч зрителей, сумасбродное и позорное на взгляд ревнителей традиционных приличий — как-никак гладиаторы, даже те из них, кто был любимцем публики и купался в золоте, оставались рабами, — вызывало озабоченность у тех его фаворитов, кто не имел родственных

связей в римском истеблишменте, и чье влияние опиралось исключительно на благоволение императора. А дело дошло до того, что он, чтобы не расставаться с обществом гладиаторов, поселился в их казарме.

На 1 января 193 г. было назначено его вступление, уже в 8-й раз, на консульскую магистратуру, и Коммод собирался участвовать в этой церемонии в костюме гладиатора. Его конкубина Марция, префект претория Квинт Эмилий Лет и камердинер (*subicularius*) Элект, опасаясь, что столь вызывающее поправление римских традиций вызовет общественное негодование с непредсказуемыми последствиями, попытались отговорить принцепса от его затеи, но не преуспели в этом. Более того, в руки Марции попала записка императора с заготовленным уже приказом казнить их всех троих как «заговорщиков», дерзнувших противоречить его священной воле. Марция оповестила о смертельной опасности Лета и Электа. Решено было действовать без промедления. Коммода попытались отравить, но яд не подействовал, и тогда в заговор вовлекли гладиатора Нарцисса, который тренировал императора. Воспользовавшись учебным поединком, 31 декабря 192 г. Нарцисс задушил Коммода на 32 году его жизни.

Ненависть сенаторов к императору прорвалась бурным ликованием, когда поступило известие о его гибели. Сенат вынес постановление о диффамации его памяти — *damnatio memoriae*, статуи Коммода были низвергнуты и разрушены, его имя вычеркивалось из официальных надписей. Но в 197 г. Септимий Север, чтобы подчеркнуть преемство своей власти с прежней династией, распорядился отменить сенатское постановление о *damnatio memoriae* Коммода и совершить его консекрацию. Найденная в Риме уцелевшая статуя Коммода представляет его в виде Геркулеса с палицей в правой руке и яблоками Гесперид в левой.

Это был последний принцепс из прославленной историками династии Антонинов, говоря языком позднейшей, уже византийской эпохи, единственный из багрянородных императоров этой династии, в чем, вероятно, и заключалась главная причина ее конца.

8. Римская цивилизация эпохи Антонинов

Эпоха Антонинов, названная «золотым веком», лишь в истории римской литературы явилась «веком серебряным», уступая временам Августа, когда творили Тит Ливий, Вергилий, Гораций

и Овидий. А в целом II столетие стало, по единодушному суждению романистов, эпохой высшего расцвета римской цивилизации, стержнем которой, естественно, была религия.

Одним из самых характерных явлений религиозной жизни этого века стало распространение в столице и в провинции, в особенности в военной среде, заимствованного на Востоке митраизма. Митра изначально был божеством индо-иранских племен, возможно, восходящим к глубокой, праарийской древности. На санскритском языке слово «митрам» значит «друг», на древнеиранском — «верность». Впоследствии культ Митры вошел в состав религиозной системы зороастризма. Первые литературные упоминания о нем есть в «Авесте», где говорится, что Ахурамазда создал Митру столь же великим и достойным жертвоприношений, как и он сам. В соответствии с этимологией его имени, Митра — покровитель тех, кто хранит верность, кто держит слово. В праведном гневе Митра, у которого тысяча глаз и тысяча ушей, коней которого никто не в силах догнать, губит клятвопреступника, разрушает дом, деревню, город и страну, жители которых осквернили себя изменой или нарушением клятвы. А своим почитателям, хранящим верность, чьи уста не оскверняются ложью, и кто приносит ему щедрые жертвы, Митра дарует благополучие, и главное, — победу над врагами. Митру зороастрийцы почитали также как подателя света, не как солнечного бога в собственном смысле слова, но как предвестника солнечного восхода — зарей, восходящей над Эльбурсом. Верность, справедливость, ритуальная чистота — это те нравственные ценности, которые вознаграждаются Митрой не только в земной жизни, но и посмертно, потому что Митра судия умерших и податель бессмертия.

Из Персии культ Митры был заимствован народами Малой Азии. Римляне впервые соприкоснулись с ним при проведении военных операций Помпея Великого против киликийских пиратов. На рубеже эр почитание Митры спорадически встречалось как в самом Риме, так и в воинских лагерях, разбросанных по империи. В военной среде он обрел особенно много адептов. Но со стороны римских и греческих традиционалистов культ Митры встречал отторжение. Плутарх упоминает о нем как о гнусном варварском суеверии. Тем не менее, начиная с середины II века от Р.Х. почитание Митры получило широкое распространение в Риме. Ревностным поклонником этого божества был Коммод,

который ввел его в официальный государственный пантеон Рима. Начиная с правления Коммода изображения Митры встречаются в виде круглой скульптуры, а также на более многочисленных рельефных композициях: чаще всего он представлен на них в тесной пещере в виде воина во фригийском плаще с фригийским колпаком на голове, восседающим верхом на быке, которого он поражает кинжалом. На некоторых рельефах присутствуют другие человеческие фигуры, обычно также во фригийском одеянии, кони, львы, собаки, совы, змеи. Некоторые из этих атрибутов заимствованы из иранского культа Митры, поскольку они встречаются на древнеперсидских рельефах. С культом Митры в Риме часто соединялось почитание солнечного божества, частично заимствованное из религий семитских народов, а также малоазийский культ Великой матери, или Кибелы.

Местами почитания Митры служили маленькие, чаще всего подземные, пещерообразные храмы, где мог собраться относительно узкий круг лиц. На стенах храма изображался Митра, приносящий в жертву быка, либо, реже, барана — сохранились рельефные, а не живописные изображения тавроболии или криоболии.

Служители и адепты Митры составляли своего рода закрытое, если не сказать тайное общество. Вступление в него сопровождалось обрядом инициации, исключительно трудным и даже мучительным. Новичков подвергали кровавым бичеваниям, морили голодом и жаждой, некоторые из них, не выдерживая испытаний, умирали. Принятые в митраистскую общину различались по степеням, и вероятно, последовательно проходили их, причем восхождение по этим степеням не находилось в прямой связи с государственными чинами, так что простой легионер мог в митраистской общине занимать высшую степень в сравнении со своим начальником центурионом или даже военным трибуном. Полная иерархия этих степеней неизвестна, но в источниках упоминаются «вороны» и «львы» Митры, которым присваивались меч или венец, а также так называемые «персы» — учитывая происхождение культа, можно предположить, что это была одна из высоких степеней. Высшую степень занимали «отцы», вершину же пирамиды — отец отцов — *pater patrum*. Служение Митре включало жертвоприношения — быков или баранов и купание в крови, заимствованное митраистами из малоазийского культа Кибелы.

М. Грант, усваивая обряд тавроболии адептам Кибелы, реконструирует его в таком виде: «Получив одобрение высшего жреца, верующий спускался в яму, выкопанную в земле, сверху которой клали решетку. Сверху, на решетке, резали быка... кровь животного лилась вниз, на верующего, и попадала на его обращенное вверх лицо и на язык (Грант, цит. изд., 233). Тот, на кого падали брызги крови, «стремился к тому, чтобы этот поток лился на его голову, одежду и тело. Он отклонялся назад для того, чтобы намочить свои щеки, уши, губы и ноздри. Он заливал кровью глаза и охотно открывал рот и пил» (Грант, цит. изд., с. 233).

Особая популярность Митры в армии связана с тем, что в нем чтили покровителя солдатской верности, его культ сообщал сакральный ореол воинской присяге. Повседневно рискуя жизнью, легионеры обращались к Митре с молитвой о даровании вечной жизни. Надежда на бессмертие, сопряженная с его культом, вселяла в сердца воинов успокоение. Всецелая концентрация на почитании этого божества сообщала верованиям его адептов черты монотеистической религии. Изуверское в своих мистериальных актах, почитание Митры, подобно наркотику, на время утоляло религиозную тоску римлянина, охладевшего к своему отечественному посясторонне ориентированному прагматическому культу, опьяняя сознание, оно способно было на время утолить свойственную человеку жажду обретения вечного спасения.

Ж. Каркопино писал даже, что «благодаря сотрудничеству восточных мистиков и исконной римской мудрости, на развалинах традиционного пантеона родились и укрепились новые и плодотворные верования. Мы видим, как в недрах обветшавшего язычества организуется или, вернее будет сказано, вырисовывается настоящая система искупления людей двояким, и потому особенно действенным, способом: через их заслуги и божественное содействие. Так, благодаря совпадению, которое толкуется агностиками в духе исторического детерминизма, верующие же после Боссюэ усматривают в нем вмешательство Провидения, которому они поклоняются, Рим создал благоприятный христианству климат как раз в то время, когда здешняя христианская Церковь была достаточно велика и укоренена, чтобы выкопать здесь свои первые общественные кладбища и голосами собственных апологетов вознести до ступеней трона пример и моления своих верных» (Каркопино, цит. изд., с. 196).

В действительности взаимоотношения между восточной мистикой, традиционной римской религиозностью и распространившимся в империи христианством были отягощены неизбежным противостоянием, и все же историк прав в том отношении, что духовная атмосфера, складывавшаяся в римском обществе, и в самом деле создавала в умах и сердцах людей почву, благоприятную для восприятия семени евангельской проповеди. Но упоминая о человеческих заслугах и божественном содействии, Каркопино стилизует обсуждаемую тему в католические тона, в то время как было бы более адекватно говорить о синергии человеческого произволения и действия Божества.

Принцепсы II века, по меньшей мере, благосклонно относились к культам, занесенным в Рим с Востока. Коммод был ревностным почитателем Митры, — историки даже предполагают, не имея на то твердых оснований, что он устраивал в его честь человеческие жертвоприношения. Правивший ранее, в середине II века, Антонин Пий, по словам Каркопино, «засвидетельствовал с помощью отчетливой надписи на реверсе отчеканенных им монет, что его жена Фаустина Старшая, которой он лишился в начале своего правления.., могла вознестись на небеса лишь на колеснице Кибелы, по заступничеству матери богов, дарующей спасение: Mater deum salutaris» (Каркопино, цит. изд., с. 195).

Многokrатно, во времена классической республики и потом при Тиберии, изгонявшийся из Рима культ египетской Изиды прочно обосновался в Вечном городе во времена Антонинов. С особым поэтическим одушевлением писал об Изиде ее верный адепт и лучший из латиноязычных писателей II века Апулей в романе «Метаморфозы», усвоив свои мысли и чувства главному персонажу романа Луцию, действием волшебства принявшему образ осла, но сохранившему человеческий разум и страдавшему от столь дикого приключения, обрушившегося на него. Попросив в молитве, обращенной к Изиде, вернуть ему человеческий облик, он заснул, и как рассказывает он сам, «не успел я окончательно сомкнуть глаза, как вдруг из середины моря медленно поднимается божественный лик, самым богам внушающий почтение. А затем, выйдя мало-помалу из пучины морской, лучезарное изображение всего тела предстало моим взорам... Прежде всего густые длинные волосы... свободно и мягко рассыпались по божественной шее; самую

макушку окружал веночек из всевозможных пестрых цветов, а как раз посередине, надо лбом, круглая пластинка излучала яркий свет, словно зеркало или скорее — верный признак богини Луны... Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ, отливавший темным блеском... Благовонные стопы обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитифонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 297–298).

В том, как у Апулея характеризует себя Изиды в словах, обращенных к несчастному Луцию, нетрудно обнаружить характерный для позднеантичной религиозно-философской мысли опыт квази-монотеистической интерпретации политеистических верований разных народов: «Вот я пред тобою, Луций, твоими тронутая мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение времен, высшая из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь... Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитифонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 298). Затем следует долгий перечень этих имен: Пессинунтская мать богов, Минерва Кекропическая, Венера Пафийская, Диана Диктинская, Прозерпина Стигийская, Церера, Юнона, Беллона, Геката, Рамнузия, «а эфиопы, которых озаряют первые лучи восходящего солнца, арии и богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем — царственной Изидой» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитифонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 298–299). Изиды пообещала Луцию избавить его от скотского образа, потребовав взамен посвятить служению ей всю оставшуюся жизнь, за что после отшествия в царство мертвых он будет вселен в Елисейские поля и там станет вечно созерцать ее и поклоняться ей.

Совсем не римский, но греко-восточный характер носил и установленный Адрианом культ его рано и при таинственных обстоятельствах погибшего любимца Антиноя — прекрасного юноши, пожертвовавшего собой, согласно легенде, сочиненной самим императором, для его спасения. В Афинах и Элевсине

нового бога провозгласили покровителем юношей — эфебов. Были учреждены празднества со спортивными играми Антиной. Созвездие, расположенное между Зодиаком и Орлом, до сих пор носит имя Антиноя, которое ему дал Адриан. Статуи Антиноя, представляющие гармонично сложенную юношескую фигуру, прекрасную голову с короткими волнистыми волосами, ниспадающими на лоб, правильными чертами лица, с пухлыми чувственными губами, с грустным и мечтательным выражением глаз, украсили многочисленные храмы и дворцы Эллады и Египта, Востока и Италии. Характеризующая духовную атмосферу эпохи черта этого культа — в обожествлении человека, совершившего подвиг самопожертвования ради спасения императора, причем не по причине гражданской верности, что было бы вполне в римской традиции, но в порыве любви.

Реакцией на ориентализацию религиозной жизни и религиозной мысли империи было распространение в среде интеллектуальной элиты Рима идей и этики стои. Заимствованное из Эллады, это философское направление укоренилось в Риме, оказавшись созвучным его исконному этосу, несмотря на то, что самым влиятельным после Сенеки популяризатором стоицизма был вовсе не римлянин, но грек Эпиктет, а другой великий стоик император Марк Аврелий писал по-гречески.

Эпиктет родился во фригийском Иераполисе в 60 г. рабом вольноотпущенника Нерона Эпафродита, еще ребенком его привезли в Рим, где он впоследствии получил свободу. В столице он изучал философию у стоика Музония Руфа. При Домициане, в 94 г., Эпиктет вместе с другими философами был изгнан из столицы и поселился в эфирском городе Никополе, открыв там свою школу, получившую самую широкую известность. Точная дата смерти Эпиктета неизвестна, но она, несомненно, относится к первой половине II века. Несмотря на множество учеников, а среди них были и сильные мира сего — его наставления слушал Траян, ему покровительствовал Адриан — Эпиктет до конца жизни оставался человеком бедным, потому что был бессребреником. К довершению убогости своего хрестоматийного образа он еще и страдал хромотой, причиненной ему насилием. Некий Эфиальт сломал ногу безответному рабу ради забавы. Антихристианский полемист Цельс, с которым спорил Ориген, рассказывает, как мягко укорял Эпиктет жестокого насильника: ведь я тебе говорил, что ты мне сломаешь ногу.

Хромота не угнетала философа, как и нищета. Любопытно, что после его смерти принадлежавшая ему глиняная лампа, при свете которой он читал, была продана как своего рода реликвия по баснословной цене в 3000 драхм. По скромности он не оставил потомкам своего настоящего имени. Слово «эпиктет» указывает лишь на его рабское прошлое.

Подобно Сократу, Эпиктет не занимался литературным трудом, но его высказывания и поучения записал один из его учеников — Арриан, написавший биографию Александра Македонского. Из записей Арриана составлено было две книги: «Беседы» и «Руководство» (Энхиридион), первая из которых частично, а вторая полностью дошли до нас. Еще одним источником сведений об учении Эпиктета служит «Комментарий на Руководство Эпиктета», принадлежащий философу V века Симплицию, изгнанному из Афин при закрытии последней языческой школы императором Юстинианом Великим.

Помимо классической стои, на взгляды Эпиктета повлияли киники. Особое влияние Диогена обнаруживается в отсутствии у него интереса к физическим темам, к устройству материального мира, столь характерного для Хризиппа или Зенона, тем более для позднего стоика Посидония, и еще — в заимствованном у обитателя пресловутой бочки совершенном пренебрежении заботой о собственном благополучии, придающем особый тон его аскетизму, до известной степени сближающий его с христианской монашеской аскезой — недаром в ранних монастырях Арриановы записи бесед Эпиктета внимательно читались и в них находили много поучительного, тем более что Эпиктету чужд был высокомерный тон других стоиков по отношению к непосвященным в тайны истинной философии, и в этом обнаруживалась его особая кротость, приближающаяся к христианскому смирению. И все же родовые черты античного интеллектуализма, несовместимого с христианской этикой, присущи были и этому нищему вольноотпущеннику. Поскольку высшей добродетелью он вслед за Сократом считал истинное знание, Эпиктет характеризовал ребенка как существо, не отличающееся от животного, разительно контрастируя в этом с учением Христа, сказавшего: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18, 3).

В целом мировоззрение Эпиктета лежит в общем русле античной философии. Расходясь с народными политеистическими

верованиями, он сближается с монотеизмом, которому однако свойственна у него пантеистическая закваска. Высший долг разумного человека он видел в том, чтобы всем сердцем возносить благодарный гимн Богу, которому человек всем обязан, ибо душа человека — частица самого Божества.

Центр тяжести учения Эпиктета в этике; его беседы — это нравоучения, призванные преподавать ученикам высшую житейскую мудрость, а она начинается с правильного различения того, что находится во власти человека и что из этой власти изъято. Ко всему, что лежит за пределами человеческой воли — «вне нашей власти наше тело, наша собственность, репутация, должность — одним словом, все, что не является нашим деянием» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 272), надо научиться относиться с совершенным равнодушием, чтобы оно не поработало нашу свободу, потому что в ней истинное благо. Для обретения такой свободы следует не пытаться тщетно перестроить внешние по отношению к человеческой воле обстоятельства, а приспособиться к ним, не придавая им важного значения. Путь к обретению такой свободы труден. Для этого, — внушал Эпиктет ученику, желающему стать подлинным философом — «ты должен страдать от бессонницы, трудиться в поте лица, уйти от своего народа. Тебя должны презирать жалкие рабы; все, кто видят тебя, должны тебя высмеивать. Тебе не должна сопутствовать удача во всем, что касается почестей, продвижения по службе, суда — всех этих мелочных забот... Посмотри на меня! У меня нет дома, нет родного города, нет собственности и рабов. Я сплю на земле. У меня нет жены, детей... Лишь земля и небо служат мне одеждой. Чего мне не хватает? Разве я боюсь чего-то или сокрушаюсь о чем-то? Разве я не свободен?» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 275). Проповедь аскезы у Эпиктета одушевлена религиозным пафосом: «Что еще надлежит нам делать, кроме как молиться Богу, вознося хвалу в Его адрес, пытаюсь выразить Ему благодарность? Когда сеем и пашем и когда едим, разве не должны мы всегда воспевать гимн Богу? ...Что остается мне, хромому старику, как не молиться Богу? Будь я соловьем, я запел бы по-соловьиному; будь я лебедем, я запел бы по-лебединому. Но я наделен разумом и, следовательно, должен творить молитвы Богу. Это труд мой, и я никогда не откажусь от него, он назначен мне. И призываю вас остальных спеть ту же самую песню» (цит. по: Тойнби А. Дж., цит. изд., с. 365–366). Во всем, что подчиняется

человеческой воле, — а это, по Эпиктету, наше восприятие, наши страсти, наша воля — надо действовать сообразуясь с волей Божества, повелевающей нам следовать добродетели: «Свою свободу выбора я предоставил Богу. Он хочет, чтобы у меня была лихорадка, значит, я этого тоже хочу... Поэтому, если я умру, это произойдет по моей воле. Поэтому, если меня станут пытать на дыбе, это произойдет по моей воле. Кто может удержать меня от чего-то, кроме моих собственных замыслов, или принудить меня к чему-то?» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 276).

Учение о свободе воли составляет сердцевину антропологии Эпиктета. «Возьми мое презренное тело, — обращался он в своей беседе к воображаемой враждебной силе, — возьми мою собственность, заberi мою репутацию, возьми тех, кто рядом со мной...» «Да, но я хочу, чтобы твои суждения были также в моей власти». А кто наделил тебя такой властью? Как ты можешь подчинить себе суждения другого человека? «Я подавлю его, нагнав страх, который окажет на него давление». Ты не можешь осознать того, что суждения сами собой управляют; ими не может управлять кто-то другой; и ничто не может управлять нравственной волей, — она свободна» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 273).

Утверждение неограниченности свободы человеческой воли могло, как предполагал Эпиктет, у недалекновидных людей породить подозрение, что философы учат презирать правителей. «Ничего подобного! — возражает он, — разве кто-нибудь из нас учит вас сомневаться в праве правителей на то, чем они управляют» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 274), но, отдавая должное заботам правителей о внешнем благополучии подвластных, Эпиктет не смущается указать на пределы их власти, чрез которые однако могут переступить философы: «Цезарь... дал нам абсолютный мир, нет больше войн, сражений, нет повсеместного разбоя, пиратства. В любое время мы можем путешествовать по земле, или плыть оттуда, где встает солнце, туда, где оно садится. Но в таком случае может ли цезарь оградить нас также от лихорадки, от кораблекрушения, от пожара, или от землетрясения, или от молнии? Скажите, может ли он оградить нас от любви?... От горестей? От зависти?... Но философы обещают, что их учение оградит нас и от этих неприятностей» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 274–275).

Уроки у Эпиктета чрез личное общение или чтение его бесед в изложении брали и цезари, а один из них сам пожелал стать

и стал заодно и философом. Марк Аврелий внимательно изучал наставления мыслителя, выросшего в рабстве, и в своих записках, обращенных «К самому себе», которые называются также «Размышлениями», обнаружил себя его творчески одаренным и оригинальным учеником и продолжателем. Эти записки писались не для публикации, он фиксировал в них выношенные им мысли, для того чтобы иметь возможность еще раз вернуться к ним, чтобы почерпнуть в них руководство к своим государственным деяниям и к личным поступкам, чтобы они служили назиданием ему самому. По существу дела, это был дневник императора, писавшийся урывками между сражениями, в походах, в лагерном шуме, среди военных тревог, в изобилии выпавших на его правление. Но размышления императора, отразившиеся в этой книге, относятся не к политике и военной стратегии, по ним нельзя составить хронику событий, происходивших в его правление. Они по преимуществу содержат философские и этические сентенции приверженца стои, последователя Зенона, Сенеки и Эпиктета.

Марк Аврелий с особой остротой, если не сказать брезгливостью, переживал несовершенство мира и человека. «Насколько отвратительно, — писал он, — ...выкупаться в масле, поте, грязи, помоях, — настолько отвратительна и вся наша жизнь и все в ней» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 278). Во всем происходящем в мире и в истории человеческого рода он усматривал череду циклически повторяющихся событий: «Вверх и вниз, туда-сюда, крутится-вертится — это и есть монотонный, ничего не значащий ритм вселенной. Что бы ни случилось с тобой, все это было уготовано заранее вечностью. Цепь событий идет из вечности, она заключает в себе твое существование и все, что с тобой происходит. Но как согласовать это с существованием всевидящего Бога?» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 279). Настроенные этих мыслей перекликается со словами Екклесиаста: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1, 4–6, 9).

Задаваясь вопросом о том, что составляет пружину всего происходящего в мире, Аврелий дает на него три варианта ответа:

«Есть либо судьба, которой нельзя избежать, и непреложный заведенный порядок; или Провидение, которое внемлет молитвам; или же неуправляемый хаос, не имеющий цели» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 279). В любом случае человек должен оставаться верным самому себе, или лучше сказать, верным своему духовному началу, должен оставаться нравственной личностью и исполнять свой долг, лучший пример чему он находил в жизни и деяниях своего предшественника Антонина. «Если это судьба, от которой нельзя укрыться, — отвечал он на свое вопрошание, — тогда зачем ей сопротивляться? Если это Провидение, которое внемлет молитвам, стань достойным той помощи, которую тебе оказывает Бог. Если же это неуправляемый хаос, радуйся, что в таком огромном, бушующем потоке ты сохранил в себе сознание, которое направляет тебя. А если этот поток уносит тебя, пусть он уносит твою плотскую, жизненную сущность, то есть часть тебя; что же касается твоего сознания, этот поток не может унести его. Ведь светит же лампа и не прекращает светить до тех пор, пока ее не погасят. И истину, справедливость и умеренность никто не может искоренить в тебе, пока ты жив» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 279).

Из трех предложенных им самим вариантов ответа на вопрос об источнике всего сущего сам он предпочитал верить в Божественное Провидение. Хотя, как писал М. Грант, «Марка Аврелия всегда одолевали сомнения, он считал, что в определенные моменты его жизни советы сверхъестественного происхождения помогали ему, например, когда он болел, когда он боролся с кровохарканьем и головокружением» (Грант, цит. изд., с. 278). Он верил в существование божественных сил, и возражая скептикам и атеистам, писал: «Для тех, кто задает мне вопрос: «Где ты видел богов или на основании чего ты предполагаешь, что они существуют, и поклоняешься им?» Во-первых, богов можно увидеть даже глазами. Во-вторых, я не видел свою душу, и все-таки я почитаю ее. Точно так же и с богами — на основе моего опыта, каждую минуту осуществления ими своей власти я чувствую, что они существуют, и поклоняюсь им» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 278). Как видно из разных суждений писателя, вопрос о существовании единого Божества или многих богов, населяющих метафизическое пространство, для него не имел принципиальной важности. Во всяком случае полемизируя с христианским учением, Марк Аврелий этой темы не затрагивает.

В единственном месте «Записок», где упомянуты христиане, Аврелий, как пишет М. Грант, «критикует их за решительную готовность принять муки, тогда как смерть, если на нее идут сознательно, нужно принимать после долгих раздумий и с достоинством» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 282). Его собственной этике не чуждо христианское переживание человеческого братства, он даже высказывается за кроткое или, по меньшей мере, по возможности снисходительное отношение к врагам, и все-таки, как и у других античных моралистов, и стоиков, и киников, и даже эпикурейцев, в этом незлобии больше буддистского пафоса бесстрастия, чем проповеданной Христом любви к врагам: «Как твои враги не смогут отвратить тебя от праведного поведения, когда ты поступаешь в соответствии с принципами благородства, так и ты не позволяй им заставить тебя дурно относиться к ним; будь на страже своих здравых суждений и поступков, а также доброго отношения к тем, кто пытается помешать тебе или в каком-либо смысле представить для тебя проблему. Жестоко обращаться с ними — это проявление слабости, точно так же, как и отказываться от своих принципов и сдаваться, испугавшись» (цит. по: Грант, цит. изд., с. 281). Разномыслие с христианами не могло представляться Марку Аврелию достаточным основанием для их преследования, но, верный репрессивному законодательству Траяна, он был их гонителем по соображениям государственной безопасности, ради блага управляемой им Римской республики. Родным языком Марка Аврелия была латынь, но писал он на языке философской и ученой элиты империи — по-гречески.

Крупнейшим ученым II столетия был александрийский грек Клавдий Птолемей. Его главное сочинение «Великое собрание» (мегали синтаксис) известно больше под названием «Алмагест». В нем содержится изложение астрономической системы, которой пользовались без малого полтора тысячелетия после него. В основании Птолемеевой астрономии лежит геоцентрический принцип. Земля представлена в ней в виде помещенного в центр вселенной неподвижного шара, вокруг которого вращаются солнце, луна и планеты, при том что звезды занимают на небосводе постоянное место. В новое время геоцентрическую систему, сочтя ее устарелой, оставили, заменив ее гелиоцентрической, связанной с именем Коперника, хотя подобная модель мироздания известна была

и в античном мире, но в свете теории относительности, исключаящей абсолютную точку отсчета, обе системы имеют одинаково условные основания и относительные преимущества. Во всяком случае, геоцентрическая птолемеевская система помогала лучше ориентироваться на местности, в чем особенно нуждались мореплаватели, чем гелиоцентрическая модель Коперника, основанная на представлении о вращении земли, луны и планет по кругу, до тех пор пока Кеплер не вычислил более адекватные эллипсоидные орбиты. В «Алмагесте» земной шар разделен на пояса по широтам и долготам в зависимости от продолжительности дня и ночи в разное время года, от времени восхода и захода солнца, и в связи с разной длиной полуденной тени на разных параллелях. Продолжительность астрономического года у Птолемея рассчитана с точностью до минут. Вычисленные им орбиты солнца и луны на небосводе дали ключ к приблизительному прогнозу наступления солнечных затмений. С опорой на Гиппарха Птолемей составил звездный каталог с описанием 48 созвездий: 12 зодиака, 21 расположенного к северу от него и 15 — к югу. В совокупности эти созвездия включают 1022 звезды, относительно точное расположение которых на ночном небосводе обозначено в «Алмагесте». В этой книге также подробно описан Млечный путь, названный им галактическим кругом. Наиболее уязвима для критики система Птолемея в той своей части, которая относится к описанию движения планет, относительное неудобство геоцентрической модели заключается в особой сложности схем, с помощью которых характеризуется перемещение планет. Исходя из представления об их вращении вокруг неподвижной земли, Птолемей вынужден вводить в свою планетарную модель многочисленные поправки в виде эпициклов, деферентов, эквантов. Целая книга в «Алмагесте» посвящена описанию усовершенствованной астролябии и изложению выполненных с ее помощью измерений.

Клавдий Птолемей явился также основоположником самостоятельной математической дисциплины — тригонометрии. Разрабатывая технику астрономических измерений, он составил таблицу хорд, в основе которой лежит его теорема о произведении диагоналей четырехугольника, вписанного в круг. При этом окружность он делит на 360 равных частей, названных впоследствии градусами, а диаметр — на 120 частей, которые делятся

на 60-е части, названные первыми, и 3600-е, названные вторыми: в переводе на латинский язык — *partes minutae primaе* (отсюда затем в новых языках минуты как единицы измерения не только круга, но и времени) и *partes minutae secundaе* — секунды. Поскольку тригонометрический метод вычисления нужен был Птолемею ради астрономических измерений, он разрабатывал главным образом сферическую тригонометрию, уделив не много внимания плоской тригонометрии.

Кроме «Великого собрания», Птолемей написал еще полностью сохранившуюся «Географию», в которой изложена стереографическая система картографии, основанная на проецировании сферических поверхностей на плоский чертеж с сохранением соразмерности расстояний. Земной шар он вслед за Гиппархом делит по широтам и долготам, выбрав за точку отсчета меридиан Канарских островов. На составленных им 27 картах представлены известные в античном мире части света, острова и моря, расположенные между 67 градусами северной и 16 южной широты, ученый зафиксировал картографическое положение более чем 8 тысяч городов и селений. Сохранился также арабский и сделанный с него латинский перевод части сочинения Птолемея, посвященного оптике, в котором заложены основы этой науки. В нем излагается теория зрения, отражений, зеркал и преломлений. Применяя оптические измерения к своей астрономической модели, Птолемей выявил явление рефракции. Опираясь на выполненные им вычисления, он объясняет такой феномен, как неправильные, сжатые круги, описываемые околополярными звездами, астрономической рефракцией.

Хотя у Птолемея были предшественники — и среди них Гиппарх, Эвдокс, Маринус Тирский, Менелай, а некоторые идеи почерпнуты были им из отчасти известных в классическом мире достижений вавилонской астрономии, его вклад в мировую науку исключительно велик, его место в ней сопоставимо с тем, которое занимают самые великие ученые античности и нового времени — Евклид и Архимед, Галилей и Ньютон. Должной оценке масштабов его научных результатов препятствовала неоправданная дискредитация геоцентрической системы, которой она подверглась, когда перешли к имеющей лишь относительные преимущества гелиоцентрической модели.

Во втором столетии от Р.Х. жил самый знаменитый после Гиппократата врач античного мира Клавдий Гален. Он родился

в Пергаме в 129 г. В 17 лет, получив предварительно общее и философское образование, приступил к изучению медицины, в этих целях брал уроки у искусных врачей родного города, а также Смирны и Коринфа, посетил Палестину, долгое время практиковал в Александрии. Вернувшись в Пергам, он состоял врачом при школе гладиаторов. В 164 г. Гален перебрался в Рим, где снижал популярность благодаря удачной медицинской практике, вернулся затем в родной Пергам, но был вызван оттуда императором Марком Аврелием в Аквилею, служил личным врачом Коммода. Одновременно с врачеванием он писал книги, в которых отражал свой опыт и свои наблюдения, читал лекции изучавшим медицину начинающим врачам. Он умер в 199 г. в Риме или у себя на родине в Пергаме.

Гален написал не менее 300 сочинений на греческом и латинском языке, не только по медицине, но и по философии, выступая как приверженец перипатетической школы. Значительная часть их сохранилась. Главные достижения Галена относятся к анатомии, физиологии, патологии и фармакологии. Он изучал строение и функции разных органов человеческого тела, в особенности мышц и нервов, подробно описал зрительный нерв, до нашего времени сохранились его названия некоторых мышц. Медицинская наука была известна затем в христианском и мусульманском мире до Авиценны в основном в том виде, в каком она разработана была Галеном.

Лучшие ученые силы Рима сосредоточены были в области юриспруденции. Отсутствие в императорскую эпоху постоянно действующего верховного апелляционного суда, который мог бы оказывать дисциплинирующее влияние на суды низших инстанций, повышало роль так называемой респонсы — консультативных ответов квалифицированных юристов на запросы судов. Классическая римская юриспруденция была создана трудами выдающихся юристов II века Цельса-отца, Цельса-сына, Сальвия Юлиана, Гая, Сцеволы и Помпония.

Ювенций Цельс-отец возглавлял прокулианскую школу. Его сочинения не сохранились, но на него ссылается Ульпиан в отрывке, помещенном в первый титул первой книги «Дигест» из *Corpus juris civilis* святого императора Юстиниана: «Право получило свое название от «правосудия» (*iustitia*), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом» (Дигесты Юстиниана. М., 1984, с. 23).

Тит Севериан Цельс-сын возглавлял прокулианскую школу после своего отца. Один из ближайших консультантов Адриана, он в 105–106 гг. занимал должность префекта, а в 115 и 129 гг. был консулом. Ему принадлежат *Epistulae* (послания) — так назывались письменные заключения юристов по конкретным вопросам, которые они высылали своим коллегам, а также магистратам и частным лицам, обращавшимся к ним с просьбами о консультации, *Qaestiones* (вопросы), *Commentarii*. Сохранились лишь отрывки из этих текстов, вошедшие в его же «Дигесты» (*Digesta*) (от *digerere* (приводить в порядок) — название юридических сочинений, в которых рассматриваются сложные казусы гражданского и преторского права); но и этот труд Цельса дошел до нас в виде фрагментов — цитат позднейших юристов и в «Дигесте» из Корпуса Юстиниана. Суждения Цельса Младшего отличаются особой меткостью и лаконизмом формулировок, а также проницательностью анализа сложных юридических казусов. Одна из его глубокомысленных формул гласит: «Неправильно выносить решение и давать ответ на основании какой-либо частицы закона, без рассмотрения закона в целом» (Дигесты, цит. изд., с. 33).

Младший современник Цельса-сына и ученик Яволена Прииска Юлиан Октавий Сальвий возглавлял сабинианскую юридическую школу. Он родился в Африке около 100 г., в 148 г. был консулом, служил наместником в Верхней Германии, Ближней Испании и родной ему Африке, был советником принцевсов Адриана, Антония Пия и Марка Аврелия. По поручению Адриана он подготовил текст «Вечного эдикта», известного с именем этого императора. Его «Дигесты» в 90 книгах, сохранившиеся в виде цитат, включенных в «Дигесты» Юстиниана, считаются самым значительным трудом классической римской юриспруденции и содержат респонсы по всем ее важнейшим отраслям, но в особенности по преторскому праву.

До нас не дошло полное имя Гая, юриста второй половины II столетия, знаменитого автора «Институций» (*Institutiones*), своего рода учебника по юриспруденции, вошедшего полностью, хотя и в отредактированном виде, в *Corpus juris civilis*. По оценке своих младших современников — юристов III столетия, он не был оригинален в своих суждениях, но как составитель классического руководства по римскому праву, Гай обессмертил свое имя. Его чеканные и легко запоминающиеся формулы в течение

многих веков изучались и затверживались наизусть всеми, кто посвящал себя изучению римского права. Лапидарные определения Гая, помещенные в самом начале «Институций», составляют прекрасное введение в систему римского права: «Все народы, которые управляются законами и обычаями, пользуются частью своим собственным правом, частью общим правом всех людей: итак, то право, которое каждый народ сам для себя установил, есть его собственное право и называется правом гражданским (*ius civile*)... А то право, которое между всеми людьми установил естественный разум, применяется и защищается одинаково у всех народов и называется правом общенародным (*ius gentium*)» (Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1. М., 1996, с. 89). Затем Гай перечисляет материальные источники гражданского права: оно «состоит из законов, решений плебеев, постановлений сената, указов императоров, эдиктов магистратов и из ответов правоведов» (Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1, с. 89). Отличие закона (*lex*) от плебисцита (плебейского решения) Гай определяет следующим образом: «Закон есть то, что народ римский одобрил и постановил; плебейское решение есть то, что плебеи одобрили и постановили. Плебс отличается от народа тем, что словом «народ» (*populus* — *В. Ц.*) обозначаются все граждане, включая сюда и патрициев; наименованием же плебса обозначаются прочие граждане, за исключением патрициев» (Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1, с. 89).

Иерархия законодательных источников, как это ясно видно из «Институций», в эпоху принципата оставалась характерно республиканской — императорские указы поставлены в ней хотя и впереди эдиктов магистратов, но после законов, плебисцитов и сенатусконсультов, таким образом власть императора юридически представляла собой своего рода надстройку над республиканской конституцией, фундамент которой остался тем же — властью народа (*populus*), несмотря на то, что законодательная практика, конечно, разительно расходилась с теорией, и фактически в эту эпоху комиции созывались лишь в исключительных случаях, но ведь и в современных патентованных республиках и демократиях верховенство народа представляет собой нечто вроде верховной власти несовершеннолетнего монарха в абсолютистском государстве при реальном отправлении ее полномочий регентом или советом регентов.

По определению Гая, «все право, которым мы пользуемся, относится или к лицам, или к вещам..., или к искам» (Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1, с. 90), в соответствии с этой классификацией он и разделяет «Институции» на части, или книги (*libri*), посвященные лицам (*personae*), *res* (вещи), *actiones* (иски) и обязательства (*obligationes*). Аналогичную структуру имеет и наполеоновский «Гражданский кодекс» (*Code civile*). Лица Гай разделяет на свободных и рабов, а свободных в свою очередь на свободнорожденных и вольноотпущенников. «Власть над рабами, — пишет он, — есть институт общенародного права; ибо у всех вообще народов мы можем заметить, что господа имеют право жизни и смерти и что все, что приобретается рабом, приобретается господину. Но в настоящее время, — добавляет Гай, — никому из подданных римского народа не дозволяется чрезмерно жестоко поступать со своими рабами без законной причины. Именно по постановлению императора Антонина тот, кто без причины убьет своего раба, подвергается не меньшей ответственности, чем тот, кто убил чужого раба. Равным образом под нашей властью состоят наши дети, рожденные в законном браке... От рабыни и свободного... происходит раб и, наоборот, от свободной и раба рождается свободный ребенок... Если рабыня забеременеет от римского гражданина, а затем, отпущенная на волю, родит, то ребенок рождается свободным, так как зачатые незаконно приобретают состояние с того времени, когда рождаются» (Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т. 1, с. 92–93).

Классификация вещей (*res*) у Гая выглядит следующим образом: «Вещи делятся на две части: одни являются вещами божественного права, другие — человеческого права. Вещи божественного права — это, например, вещи священные и религиозные. Святые вещи (*res sacra*), как, например, стены и врата (города), также некоторым образом относятся к вещам божественного права. Вещи божественного права не входят в чье-либо имущество... Вещи, которые являются вещами человеческого права, суть или публичные, или частные. Те, которые являются публичными, не считаются находящимися в чьем-либо имуществе, но считаются вещами, принадлежащими самой совокупности (*universitas*); частные же вещи — это те, которые принадлежат отдельным лицам. Кроме того, некоторые вещи суть телесные, некоторые — бестелесные. Телесные вещи — те, которые могут быть осязаемы, например,

участок земли, человек (раб), золото, серебро и, наконец, другие и неисчислимые вещи. Бестелесные вещи — те, которые не могут быть осязаемы; таковы те вещи, которые заключаются в праве, как наследство, узуфрукт, обязательства, заключенные каким-либо образом» (Дигесты, цит. изд., с. 39).

Юрист Квинт Цервилий Сцевола был советником Марка Аврелия. В 175 и 177 гг. он занимал одну из высших всаднических должностей префекта *vigilum* (полицейской и противопожарной службы в Риме). По характеристике М. Бартошека, он «отличался оригинальностью мышления, пронизательностью правовых суждений и очень сжатой, доходящей до резкости, но искусной формулировкой, которая благодаря стилизации вопроса нередко избавляла от необходимости мотивировать его решения» (Бартошек Милан. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989, с. 343). Все его сочинения: Дигесты, Вопросы (*Quaestiones*), Респонсы — посвящены юридической казуистике. Вот один из примеров его блестящих формулировок по теме ипотеки: «Должник дал кредитору в залог лавку. Спрашивается: ничего не произошло вследствие этого, или следует признать, что под именем лавки даны в залог товары, которые были в лавке? И если эти товары он (должник) в разное время отчудил и приобрел другие, а эти последние поместил в лавку и затем умер, то может ли кредитор путем ипотечного иска требовать все, что будет находиться в лавке; ведь вещи, входившие в состав товаров, проданы и другие вещи помещены в лавку. (Сцевола) ответил: то, что во время смерти должника будет найдено в лавке, считается заложенным» (Дигесты, цит. изд., с. 332). Около 300 отрывков из этих книг вошли в «Корпус» святого Юстиниана, составив в нем одну двадцать пятую часть «Дигест».

Самым плодовитым из юристов II века был Секст Помпоний. Он занимался не юридической практикой, но исключительно преподаванием права и научно-литературной деятельностью. Его многочисленные труды не оригинальны, а представляют собой своего рода комментарии к сочинениям предшественников или их обобщенное изложение. Самая обширная из его работ «Об эдикте» состоит из 150 книг. Особенно ценно в историческом отношении «Пособие» (*Enchiridion*) Помпония, содержащее обзор развития римского права и юридической науки. Отрывки из него составили второй титул первой книги Юстиниановых «Дигест». О своих предшественниках, принадлежавших к двум

юридическим школам — сабинианской и прокулианской — Помпоний писал: «Эти два впервые образовали как бы различные школы, ибо Атей Капитон стоял на том, что ему было передано..., Лабеон же трудился, доверяя разуму и учености и изучая другие науки, но большей частью устанавливая новые положения. Атею Капитону наследовал Массурий Сабин, Лабеону — Нерва... Массурий Сабин... первый начал публично давать ответы по юридическим вопросам; позднее это (право) стало предоставляться как милость, а ему это право дано было цезарем Тиберием... Его (Сабина) преемником был Гай Кассий Лонгин... Нерве наследовал Прокул. В то же время был и Нерва-сын, был и другой Лонгин... Но авторитет Прокула был более значительным... они... называются частью кассианцами, частью прокулянцами, и это ведет происхождение от Капитона и Лабеона. Преемником Кассия был Целий Сабин, ...преемником Прокула — Пегасий...; преемником Целия Сабина — Прииск Яволен, Пегасия — Цельс, Цельса-отца — Цельс-сын и Прииск Нераций..., Яволена Прииска — Абурий Валенс и Тусциан, а также Сальвий Юлиан» (Дигесты, цит. изд., 31).

Исключительно высокую оценку достижений римских юристов дал современный немецкий романист Вольфганг Кункель: «С поистине великолепной уверенностью пользуются они методами логической дедукции, техникой судебных формуляров и сложными юридическими правилами игры, которые вытекают из сосуществования необозримого множества древних и новых, гражданских и гонорарных (преторских — *В. Ц.*), строго формальных и эластичных правовых институтов. Они презируют смутные рассуждения по поводу справедливости, морализаторские сентенции и всякое вообще фразерство. Доведенный в результате многовековой обработки до предельной гибкости язык... позволяет им выражать самые запутанные обстоятельства и самые сложные рассуждения в предельно лаконичной форме. Шедевром часто является уже само описание казуса, требующего решения, потому что, освобождая его от шелухи несущественных деталей, они столь выпукло представляют его юридическую суть, что многословное обоснование решения становится излишним» (Kunkel Wolfgang, *Roemische Rechtsgeschichte*, Koeln 1980. S. 105).

На первую половину II столетия приходится расцвет римской историографии. Именно в этот период написал свои исполненные

желчного сарказма, часто несправедливо пристрастные, но литературно убедительные исторические очерки, озаглавленные «Анналами» и «Историей», самый читаемый на протяжении веков римский историограф Тацит — Ливий превзошел его по тому вниманию, которое уделялось его хрестоматийному труду в новое время, лишь в рамках классического школьного образования. От древности до наших дней миллионы читателей с увлечением зачитываются поверхностными, но исключительно занимательными, и до известной степени достоверными историческими анекдотами, помещенными в «Жизнеописание 12 цезарей» современника Тацита Светония. Огромную документальную ценность для историков-романистов представляют письма Плиния Младшего, замечательного юриста, судейского оратора и администратора, обнаружившего в своем эпистолярном наследии превосходный писательский дар.

Современником Плиния был философ и моралист родом из Херонеи Плутарх, написавший на родном ему греческом языке «Параллельные биографии». Остросюжетный драматизм повествования о великих греках и римлянах, их откровенная идеализация, героизирующая риторика писателя снижают историческую ценность его классического труда, делают его сочинением, относящимся скорее к изящной литературе, чем к собственно историографии, но это литературный шедевр, к тому же проникнутый высоким и искренним нравоучительным пафосом — на «Параллельных биографиях» воспитывались десятки поколений читателей античности, средневековья и нового времени.

Талантливым писателем и при этом несравненно более достоверным историографом, чем Плутарх, был еще один греческий философ и историк Флавий Арриан, ученик Эпиктета и крупный государственный деятель, автор великолепной биографии Александра Македонского «Поход Александра», или «Анабасис». Истории Рима посвящены труды писавших по-гречески писателей II столетия Диона Кассия и Аппиана.

На II столетие приходится поздний расцвет греческой литературы, связанный с таким своеобразным явлением как «вторая софистика». Ее отношение к первой и классической софистике весьма относительно. Софисты эпохи Перикла ставили онтологические, гносеологические, этические вопросы, хотя, упражняясь в их диалектическом обсуждении, не относились к ним с той предельной серьезностью, которая характерна была для их

современника Сократа или его ученика Платона, но они обнажали в своих парадоксах и апориях действительно существующие пределы человеческого познания. «Вторые софисты» изощрялись в построении речей и в сочинении диалогов, не преследуя при этом цели прояснить истину, обрести подлинное новое знание; самая тема сочинения, нередко демонстративно отвлеченная, почерпнутая из давно минувшей эпохи или из классической литературы — особенно часто из Гомера или из древних трагиков, основанная нередко на обсуждении альтернативных вариантов развития событий по отношению к тем, которые действительно произошли в истории или как они представлены у Гомера, вроде того, что произошло бы, если бы, вернувшись на Итаку, Одиссей застал Пенелопу вышедшей замуж за одного из претендентов на ее руку, — служила лишь поводом для упражнений в красноречии и диалектике. В то же время, как раз ввиду отсутствия твердых убеждений и задушевных верований, «вторые софисты» охотно брали на себя пропагандистские задачи, и легко предоставляли свои таланты и свое перо в распоряжение имперских властей, независимо от того, насколько искренне они разделяли громогласно и для неискушенной публики убедительно пропагандируемые ими идеи. Нередко они совершали своеобразные турне по крупным городам грекоязычных провинций, уподобляясь идеологическим зазывалам XX века.

Одним из самых ярких дарований рубежа I и II столетий был родившийся в середине I века и скончавшийся в правление Траяна оратор Дион, прозванный за свое превосходное красноречие Златоустом — Хризостомом. При Домициане он претерпел ссылку, жил на северном берегу Черного моря и написал там не дошедшую до нас книгу «Гетику», посвященную описанию страны гетов, их истории, обычаев и нравов. Его внуком был историк Дион Кассий. Блестящими представителями «второй софистики» были также Герод Аттик, Элий Аристид, писавший на латинском языке Корнелий Фронтон. Опусам «вторых софистов» свойственна риторическая напыщенность, имитирующая высокий пафос, эмоциональная напряженность общего тона речей, изощренная вычурность слога, калейдоскопически пестрая и поверхностная эрудиция их авторов. Подобная стилистика характеризует не только ораторское искусство «вторых софистов», но и историографию, философию и беллетристику эпохи — позднегреческий роман: авантюрный, фантастический

или любовный. Влияние этого стиля не обошло и самого крупного писателя II века Плутарха, хотя свойственный ему риторический пафос производит впечатление неподдельности. Во второй софистике вообще наблюдается широкий диапазон в эмоциональном отношении к материалу — от искренней заинтересованности, хотя и выраженной не без употребления трагических котурн или жеманства, до игрового и иронического; это был своего рода постмодернизм античного мира, продукты которого, не лишённые пародийного начала, сами в свою очередь легко становились предметом пародии.

Блистательным пародистом эпохи был писавший по-гречески уроженец сирийской Самосаты Лукиан. Он родился в 117 и умер около 190 г. Родным языком писателя был сирийский, овладев в совершенстве греческим и став человеком эллинской культуры, Лукиан сохранил любовь к родному городу, выразив ее в написанной им в конце жизни «Похвале родине». Из другого его сочинения «Сновидение или жизнь Лукиана» известно, что в отрочестве он обучался искусству ваяния у своего дяди, но бежал от него и из-за его жестокого обращения с племянником и потому, что предпочел получить классическое образование. Лукиан изучал риторику и право в Эфесе, Смирне, брал уроки у знаменитых ораторов Герода Аттика и Полемона, занимался адвокатской практикой в Антиохии, затем выбрал более доходное ремесло гастролирующего оратора, развлекающего публику искусно составленными и артистично произносимыми речами во вкусе «второй софистики». Лукиан побывал не только в городах Эллады и Македонии, но и в имперской столице и даже в далекой от его родины Галлии. Один из характерных образцов творчества Лукиана в стиле «второй софистики» — шуточный пародийный панегирик «Похвала мухе».

Прибыльное ремесло эстрадного ратора не заглушило в нем стремления к обретению истины, и после состоявшегося в Риме знакомства с платоником Нигрином он всерьез занялся изучением философии, для чего поселился в цитадели философских штудий — Афинах. Но и в философии он не нашел ответов на те вопросы, разрешить которые она претендует. Хотя из философских школ ближе других ему были эпикурейцы и особенно киники, в основном из-за привлекательности для него их этики, искреннюю приверженность которой они являли образом своей жизни, но, как это видно из диалога, который так

и называется «Киник», Лукиан не обольщался и на их счет, не доверяя и их претензии на обладание истиной. Камнем преткновения для него стал сам факт сосуществования разных философских школ, ни одна из которых не совместима с другой, притом что все они — пифагорейцы, платоники-академисты, перипатетики, эпикурейцы, киники и приверженцы стои — притязают на исключительное владение истиной. Ироническое отношение к этим претензиям Лукиан выразил в остроумном диалоге «Гермотим, или о выборе философии». Диалог становится любимым жанром писателя, в этом жанре написаны его лучшие сочинения. В начале 180-х гг., обеднев, обремененный болезнями, он переселяется в Александрию и поступает на службу, заняв важный пост в местной администрации. Но в конце жизни он вынужден был, по неизвестным причинам, оставить государственную службу и вновь, ради куска хлеба, заняться постылой профессией ораторствующего гастролера. Его поздние произведения несут на себе следы увядания творческого дара.

Лучшие диалоги Лукиана написаны в 160-е — 170-е гг. В жанровом отношении они представляют собой сплав восходящего к Платону философского диалога, бурлескной аристофановской комедии с элементами менипповой сатиры — в прозаический текст во многих диалогах вкраплены стихи: обычно это цитаты из классики. Исполненные метких и язвительных наблюдений над образом жизни людей из разных слоев общества, снискавшие ему в критике нового времени характеристику «фельетониста» и «газетчика», искрометно остроумные, эти диалоги представляют интерес не только тем, что в них в своеобразном преломлении отразился облик современного писателю греко-римского мира, но и как документ из истории человеческой мысли. Посвятив многие годы изучению философии, Лукиан пришел к крайне неутешительному выводу относительно человеческой способности постичь истину или даже только приблизиться к ней. Он фактически отрицал присутствие ее в какой бы то ни было философской школе и в философии как таковой.

В пародийном диалоге «Гермотим» Лукиан отмеряет не менее 200 лет, которые понадобятся всякому, кто вознамерится изучить всего лишь десять из существовавших тогда разных философских систем, прежде чем он сможет со знанием дела сравнить их, чтобы установить, которая из них обладает истиной, тем более что даже «80-летние стоики, эпикурейцы и платоники в один

голос говорят, что они еще не знают полностью содержания выбранного каждым направления» (Лукиан из Самосаты. Избранная проза. М., 1991, с. 68). Воинствующий апологет здравого смысла, Лукиан в своем тотальном скептицизме сам выходит за границы здравого смысла, когда в этом же диалоге, прилагая аналогичные критерии к геометрии, отрицает, вопреки очевидности, присутствие и в этой науке какого бы то ни было отношения к действительности: «Она заставляет слушателей сперва выставить какой-нибудь нелепый постулат о неделимой точке или линиях, не имеющих ширины, и тому подобное. Добившись согласия, на этой негодной основе возводит построение. Начав с ложной посылки, геометрия заставляет строгим доказательством признать выставленное утверждение истинным» (Лукиан, цит. изд., с. 82). Овладев достижениями греческой мысли, сириец Лукиан сохранил исконно семитскую идиосинкрезию к рациональному абстрагированию, лежащему в основе интеллектуальной техники эллинской философии и науки.

Отвергая ценность философии, Лукиан с еще большим презрением отрицал греческие религиозные верования, издевательски потешаясь над мифологией Гомера и теогонией Гесиода, в карикатурном виде представляя чтимые народом божества. Он глумится над религией эллинов в таких диалогах как «Собрание богов», «Морские разговоры», «Зевс уличаемый» и «Зевс трагический». В «Разговорах богов» небожители представлены в шутивно-балаганном тоне, хотя при этом и в полном соответствии с перипетиями древней мифологии; обладая сверхчеловеческими силами, они, у Лукиана, по своему душевному устройству и уму поразительно примитивны и далеко уступают персонажам из его же «Разговоров гетер».

Сознавая в Лукиане родственный ум, классик атеизма нового времени и яростный противник всякой философии и идеологии, хотя позднейшие интерпретаторы парадоксальным образом сделали из него создателя еще одной идеологической системы, К. Маркс писал о Лукиане: «Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия. Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана» (т. 1, с. 418).

В памфлете «О смерти Перегрини» Лукиан вскользь упомянул христиан. Скептик до мозга костей, он не разделял их веры

во Христа и представил их людьми легковверными и потому оказавшимися жертвами обмана со стороны религиозного авантюриста Перегрин-Протея. Перегрин не выдуманный персонаж, но историческая личность, о нем, кроме Лукиана, писали Авл Гелий и Аммиан Марцеллин, которые относятся к нему благосклонней и представляют его скорее религиозным энтузиастом, чем шарлатаном. Его самоубийство — он подверг себя самосожжению — Лукиан находит продиктованным одним только безумным тщеславием, геростратовым стремлением к славе.

Так вот, этот, по версии Лукиана, жалкий безумец, одержимый страстью славоблюбия, в конце жизни стал киником, а одно время он был христианином. Писатель рассказывает, что когда Перегрин «познакомился с удивительным учением христиан, встречаясь в Палестине с их жрецами и книжниками.., он всех их обратил в младенцев, сам сделавшись и пророком и главой общины, и руководителем собраний» (Лукиан, цит. изд., с. 253). «Христиане, — утверждает Лукиан, — почитали его как бога, подчиняясь установленным им законам» (Лукиан, цит. изд., с. 253). Это, конечно, более, чем преувеличение, тем более что тут же, рядом, писатель вспоминает и Того, Кого единственного христиане действительно почитают Богом — «христиане ведь еще и теперь почитают того великого Человека, Который был распят в Палестине за то, что ввел в жизнь эти новые таинства» (Лукиан, цит. изд., с. 253) — и затем он пишет еще о Нем: «Первый их Законодатель вселил в них убеждение, что они братья друг другу после того, как отрекутся от эллинских богов и станут поклоняться своему распятому Софисту (это слово у Лукиана лишено негативной оценки, он сам считал себя софистом — В. Ц.) и жить по Его законам» (Лукиан, цит. изд., с. 254).

Сами же христиане удивляют насмешника Лукиана не только своей доверчивостью, но и способностью к жертвенному служению друг другу и в особенности тем из них, кто попадает в темницу за свое исповедание. Поэтому когда «Протей был схвачен за свою принадлежность к ним и посажен в тюрьму.., христиане... пустили в ход все средства, чтобы его оттуда вырвать. Когда же это оказалось невозможным, они старались с величайшей внимательностью ухаживать за Протеем... Пришли посланники даже от малоазиатских городов, по поручению христианских общин, чтобы помочь Перегрину: замолвить за него словечко на суде и утешить его. Христиане проявляют невероятную быстроту

действий, когда случится происшествие, касающееся всей общины, и прямо-таки ничего не жалеют... Ведь эти несчастные уверили себя, что они станут бессмертными и будут жить вечно; вследствие этого христиане презирают смерть, а многие даже ищут ее сами.. Они в равной мере презирают всякое имущество и считают его общим» (Лукиан, цит. изд., с. 254).

Эти наблюдения стороннего человека, скептика и нигилиста, не лишены иронии, но в сравнении с тем, что писал о христианах, например, Тацит, они вполне благожелательны. Лукиану, искреннему почитателю Диогена, явно импонирует христианское равнодушие к богатству — во всяком случае, христиане в его глазах уж точно не злодеи, но доверчивые «простаки», позволяющие подобным Перегрину «обманщикам» паразитировать на своей доброте. Тем не менее, у писателей христианской эпохи, Лукиан имел дурную репутацию. В византийском словаре X века «Суда» о нем написано так: «Лукиан Самосатский прозван богохульником и злословцем за то, что в его диалогах содержатся насмешки и над божественным. Жил он при императоре Траяне (тут либо хронологическая ошибка, либо имеется в виду Адриан, который, став принцепсом, усвоил себе имя Траяна Адриана Августа — *В. Ц.*) и его преемниках. Сначала Лукиан был адвокатом в сирийском городе Антиохии, но, не добившись успеха на этом поприще, обратился к ремеслу логографа. Написано им без числа. Говорят, что умер он, растерзанный собаками (собаки по-гречески «кинес», возможно, здесь не замечаемая поздним автором игра слов — Лукиан умер, докучаемый киниками, от которых он отвернулся — *В. Ц.*), ибо боролся против истины. И в самом деле, в «Жизнеописании Перегрини» он нападает на христианство и надругается, нечестивец, над самим Христом. За эти бешеные выпады было ему уготовано достойное наказание в этом мире, а в будущем вместе с Сатаной он получит в удел вечный огонь» (цит. по: Лукиан, цит. изд., с. 10). Более сдержанно и не столь определенно, но оттого и более объективно характеризует Лукиана в своем «Миробиблионе» превосходно начитанный в классической литературе эрудит святой Патриарх Фотий: «Все обращая в комедию и осмеяние, он никогда не высказывается о том, что обоготворяет» (цит. по: Лукиан, цит. изд., с. 21).

Среди сочинений, которые традиция усваивает Лукиану, есть подложные и сомнительные по своей принадлежности ему.

Среди них и анекдотический рассказ «Лукий, или осел» — о превращении человека под действием волшебных чар в осла. По свидетельству Фотиева «Миробиблиона», эта фабула была использована в не сохранившемся романе Лукия Патрскога.

Та же интрига составила сюжет знаменитого романа латиноязычного писателя Апулея «Метаморфозы», или «Золотой осел» — с таким названием впервые упоминает это сочинение блаженный Августин. Название «золотой» прилагалось тогда к книгам, имевшим большой читательский успех.

Современник Лукиана, Апулей родился в африканском городе Мадавре в семье состоятельного чиновника — латинского колониста или романизированного пунийца, риторическое и философское образование получил в Карфагене, затем в Афинах и Риме. Отправившись из столицы в Александрию для продолжения образования, он из-за болезни остановился в городе Эе, современном Триполи, где женился на Пудентилле, вдове, которая была значительно старше его и имела уже взрослых сыновей. Родственники ее покойного мужа по меркантильным соображениям обвинили Апулея в том, что он добился руки Пудентиллы ради корысти, прибегнув к магии; такое обвинение грозило ему смертной казнью. На суде перед проконсулом Африки Максимом Клавдием, состоявшемся в Сабрате, Апулею удалось оправдаться. Свою защитительную речь он впоследствии отредактировал и опубликовал под названием «Апология». Хотя суд снял с него обвинение в колдовстве, в позднейшие времена он слыл искусным чародеем. Его земляк блаженный Августин определенно считал его магом. Большую часть жизни Апулей провел в Карфагене, где стяжал репутацию блестящего судебного оратора и сделал успешную карьеру: занял должность верховного жреца, еще при жизни в Карфагене в его честь были поставлены две его статуи. По его собственному свидетельству, он принял посвящение в мистериальный культ Изиды.

Апулей писал на латинском и греческом языке, но его сохранившиеся сочинения написаны по-латыни. Помимо «Апологии», это три философских трактата, 23 отрывка, помещенных в сборнике «Флориды», и наконец, роман «Метаморфозы», благодаря которому Апулей и вошел в историю мировой литературы. Именно этот роман, по собственному признанию, «читал охотно» юный лицеист А. С. Пушкин, решительно предпочитая его Цицерону.

Это авантюрный фантастический роман со многими вставными новеллами. Основу его сюжета составляет невероятное приключение, случившееся с богатым молодым греком Луцием, родом из Патр. Отправившись по делам в Фессалию, издревле знаменитую чародейством своих жителей, он остановился в доме, хозяйка которого была колдуньей. Луций подсмотрел, как однажды, натершись волшебной мазью, она превратилась в сову. Любопытный юноша, к тому же испытывавший особую тягу к овладению секретами магического искусства, с помощью соблазненной им служанки, овладел склянкой с чудодейственной мазью и натерся ею, но вышла ошибка — и вместо птицы он превратился в осла, который в ту же ночь был похищен разбойниками. Но несчастный юноша узнал, что для обратной метаморфозы из осла в человека он должен съесть свежие цветы розы. Попадая из рук в руки, Луций, сохранивший в облике осла человеческий разум, претерпевал побои и другие страдания, которые нередко выпадали и на долю его часто менявшихся хозяев. Случавшиеся с ними истории и составили интриги вставных новелл — криминальных и эротических.

Одна из них, об Амуре и Психее, не лишена глубокомысленного философского содержания. Психея — дочь царя, оказавшаяся во власти полюбившего ее бога Эрота, который общается с нею, оставаясь невидимым. Эта тайна возбуждает в ней мучительное любопытство, которое разжигают ее сестры, от зависти решившие погубить Психею. Удовлетворив свое запретное любопытство с помощью уловок, подсказанных коварными сестрами, смертная жена бессмертного бога лишается его, что заставляет ее страдать, но страдает и Эрот. В конце концов он добивается от своей матери Венеры позволения вновь соединиться с возлюбленной, получившей в дар от олимпийских богов свойственное им бессмертие. Сюжет народной сказки о красавице и чудовище, бытующей у многих народов, Апулей наполнил аллегорическим содержанием. «Психея» значит в переводе с греческого душа. Фабула новеллы послужила автору материалом для иллюстрации платоновской идеи о любви как космогонической основе бытия мира, соединяющей божественное и материальное начала — мысль, по-другому выраженная христианским поэтом Данте в последней строке его «Божественной комедии» — «Любовь, что движет солнце и светила».

Между тем, приключения Луция достигают трагикомического апогея, когда восплаившая естественной страстью к ослу богатая матрона, с позволения его хозяина, ради чего ей пришлось щедро раскошелиться, добивается своего, после чего осла решено было употребить для публичного представления — ему предстояло сочетаться в театре с преступницей, осужденной на растерзание зверями за свои чудовищные преступления — она погубила мужа, его сестру и собственную дочь, чтобы не делить с ней наследства, оставшегося от мужа. Движимый чувством стыда и отвращением к извергу в женском обличье, а также страхом за свою жизнь, осел бежал из театра.

Обратившись с молитвой к чтимой им Изиде, Луций сподобился узреть ее в сновидении, и она пообещала ему избавить его от обрушившейся на него беды при условии, что всю оставшуюся жизнь он посвятит служению ей. Утром, после пробуждения, он встречает процессию в честь Изиды, и, как было ему обещано, видит жреца с венком роз, предназначенных для него. Съев протянутые ему жрецом розы, Луций почувствовал, как «исчезает грязная, свалывшаяся шерсть, толстая шкура становится тоньше, огромный живот уменьшается, на ступнях ног копыта разделяются на отдельные пальцы, руки перестают быть ногами, но поднимаются для исполнения своих высоких обязанностей, длинная шея укорачивается, пасть и голова округляются, огромные уши принимают прежние размеры, зубы, подобные камням, снова делаются небольшими, как у людей, и хвост, который доставлял... больше всего мучений, исчезает без следа! Народ удивляется, люди благочестивые преклоняются при столь очевидном оказательстве великого могущества верховного божества» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 303–304). Исполняя обет, Луций принял посвящение в таинства Изиды и стал ее жрецом, повторив опыт своего создателя-романиста.

Ревностный почитатель египетской богини, Апулей был нетерпим к экзотическим восточным культам. В крайне карикатурном виде представлены у него странствующие жрецы Сирийской богини — жадные и наглые шарлатаны, подвергшиеся из-за корысти добровольному оскотлению, что однако не мешает им предаваться содомскому разврату. Как рассказывает Апулей от лица Луция, когда эти кастраты вошли в зажиточный

дом, где было чем поживиться, «сейчас же воздух огласился нестройными воплями, и они в исступлении принялись носиться, опустив голову, стремительными движениями поворачивая шею, так что свисающие волосы развевались, образуя круг, некоторые на бегу кусали свои плечи и, наконец, двусторонними ножами, которые у них были при себе, руки себе начали полозовать. Один из них особенно старался: из глубины груди вырывалось у него прерывистое дыхание, и он изображал дикое исступление, словно на него сошел дух божий, как будто божеское присутствие, вместо того чтобы совершенствовать человека, делает его немощным и больным... Притворно начал он громогласным вещанием поносить самого себя и обвинять в том, будто он каким-то образом преступил священные законы религии... Наконец, схватывает бич... и принимается наносить себе ...удары, защищенный от боли необычайным присутствием духа. Можно было видеть, как от порезов мечом и от ударов бичом земля увлажнилась нечистой кровью этих скопцов» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 243). Иронизируя, автор пишет о страхе, овладевшем при этом зрелище Луцием: «А вдруг... желудок странствующей богини пожелает ослиной крови, как некоторые люди бывают охочи до ослиного молока» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 243). Когда представление закончилось, «чистейшие священнослужители» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 250), как величает их писатель, — «стали собирать и складывать за пазуху... медные и даже серебряные деньги, которые наперебой протягивали им многочисленные жертвователи; кроме того, дали им бочку вина, молока, сыра, немного муки разных сортов» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы, или золотой осел, с. 243). Роман переполнен терпкими, гротескными, буффонадными сценами из жизни разных страт греческого общества.

«Метаморфозы» написаны своеобразным языком, с элементами размера, что называется, ритмической прозой; авторский тон манерный и одновременно ироничный, приподнято пафосный и бурлескный, писатель легко прибегал как к высокопарной

архаической лексике, причем часто при изображении скандально низменных эпизодов, что производит особенно острый комический эффект, так и к вульгарным выражениям, перемешивая одно с другим, из-за чего у пуристов эпохи гуманизма стиль Апулея снискал дурную репутацию. Роман изобилует гречицизмами, что лишь отчасти обусловлено тем, что действие его разворачивается на земле Эллады, и персонажи его — греки. Апулей еще и определенно ориентировался в этом своем шедевре на греческий роман эпохи «второй софистики»: «Золотой осел» начинается с игривого и жеманного по тону предуведомления: «Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни, слух благосклонный твой порадую лепетом милым» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитифонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатирик. Апулей. *Метаморфозы, или золотой осел*, с. 101) — здесь аллюзия на не сохранившиеся «Милетские рассказы» греческого писателя I века до Р. Х. Аристиды, эротического и скабрезного содержания. «Прежде всего я умоляю, — продолжает автор «Метаморфоз», — не оскорбляться, если встретятся в моем грубом стиле чужеземные и простонародные выражения. Но ведь само это чередование наречий соответствует искусству мгновенных превращений, а о нем-то я и собирался написать. Начнем греческую басню. Внимай читатель, будешь доволен» (Ахилл Татий. Левкиппа и Клитифонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатирик. Апулей. *Метаморфозы, или золотой осел*, с. 101).

Как и в «Апологии», Апулей тут не скупится на похвалы себе самому. Судя по всему, он был человеком не только самоуверенным, но и самовлюбленным. Но его выручает в восприятии, по крайней мере, современного читателя, — трудно сказать, относится ли это к его современникам и знакомцам, — неистощимая ирония и самоирония. Апулей написал роман, подражая греческим образцам, но совсем не греческий стилистически — в сравнении с простодушно занимательными греческими повествованиями, «Золотой осел» слишком манерен, ироничен и пародиен, но это и не стиль латинской прозы, во всяком случае, классической эпохи, отличавшийся еще большей ясностью, прозрачностью и прямоотой, чем греческая. Стиль автора выражает склад его личности. «Метаморфозы» — характерный продукт декадентской и эклектичной культуры позднего эллинизма — роман, написанный латинским языком на греческий манер уроженцем Африки и почитателем египетской богини.

Апулей стал последним великим латиноязычным прозаиком дохристианской эпохи.

Последним великим поэтом языческого Рима был Децим Юний Ювенал, родившийся в латинском городке Аквинуме, близ Рима, около 60 г. в семье богатого вольноотпущенника, от которого поэт унаследовал состояние, включавшее не одну виллу. В относительно молодые годы Ювенал служил военным трибуном, затем удостоился почетной должности главы жреческой коллегии, на которую возлагалось попечение о культе обожествленного Веспасиана. Хотя Ювенал и не принадлежал к высшему кругу римского общества, он, в отличие от Марциала, никогда не знал нужды, занимая иную, чем его друг, ступень социальной лестницы среднего класса, и литературному творчеству он предался не ради заработка или снискания поощрений от меценатов, а исключительно из любви к искусству. Вначале, до смерти Домициана, это была риторика и декламация — иронически вспоминая свой опыт преподавания риторики и упражнений в сочинении учебных речей на надуманные темы в стиле «второй софистики», он писал: «И я тоже протянул некогда руку школьной линейке; не хуже других я старался убедить Суллу вернуться к частной жизни и отсыпаться, ни о чем не думая». Затем, при Траяне, Ювенал стал писать сатиры, которые обессмертили его имя, и писал их до конца своей жизни, а умер он при Адриане в ссылке, возможно, в Египте, на рубеже 120-х — 130-х гг.

Ювеналу принадлежит 16 сатир — пространных поэтических произведений обличительного содержания, объемом в несколько сот стихов каждое. Стихотворения с таким жанровым определением писались и до Ювенала, но, насытив свои сатиры гневным пафосом и сарказмом, бичуя в них людские пороки, поэт достиг в этом роде литературы высокого мастерства. Из-под его пера вышли классические образцы для подражания позднейших поэтов, тем самым он стал создателем этого жанра в его позднейшем и современном понимании.

Первая из сатир Ювенала содержит своего рода программу новой фазы его творчества; не обольщаясь величиим своего природного дара, поэт выражает надежду на то, что праведное негодование составит сильную сторону его стихов: «Все, что происходит в мире с тех пор, как Девкалион бросал камни через голову, все страсти, которые волнуют людей: надежда, страх,

гнев, сладострастие, радость и тревога, — вот тот материал, из которого составила моя маленькая книжка». 3-я сатира представляет широкую панораму хлестко обличаемых пороков, их преступных или жалких носителей — купающихся в роскоши и разврате вельмож, ненасытных взяточников, чиновников, помышляющих исключительно о карьере и личном успехе, а не о благе республики, несносных в своей настырности паразитов-клиентов и попрошаек, завистливых бедняков, готовых на любую низость ради добычи средств к существованию, легковерной и безрассудной толпы, запуганного и сервильного сената. Хотя политические инвективы Ювенала формально обращены в прошлое, ко временам Домициана, но это дистанцирование было всего лишь маскировкой, причем слишком наивной и неубедительной — современный ему читатель без труда мог угадать злободневность сатиры. В этом его принципиальное отличие от филиппик его современника Тацита, которые всецело были обращены к ушедшим временам Клавдиев и Флавиев, тем более от Плиния Младшего, чьи обличения Домициана сопровождалась безудержными, хотя и, вероятно, искренними панегириками Траяну. Пороки развратных римских матрон обнажены в 6-й сатире Ювенала, доставившей ее создателю на века репутацию злобного женоненавистника. Курьезную тему 9-й сатиры составляют жалобы профессионального педераста на трудности и болезни своего ремесла, на горечь добываемого им куска хлеба. В последних сатирах, собранных в 4-й и 5-й книгах, поэт уже не столько обличает, сколько в позитивной форме излагает свои взгляды, свое мировоззрение, свое, восходящее к традиции стои, представление о нравственных ценностях, об истинном счастье и подлинной мудрости.

Поэтический стиль Ювенала строится на подчеркнутах резких диссонансах, на напряженной гиперболе, на остро контрастных, но убедительных переходах от живописного изображения самых низменных житейских реалий и самых гнусных мыслей, чувств и вожделений подонков к пафосным моральным сентенциям, в которых высокоградусная риторика обходится без ходулей, не оборачивается пустозвонством, и это, конечно, благодаря не только литературному дару поэта, но и его искренности и темпераменту. Он действительно был высокоморальной личностью, во всяком случае таковым воспринимается его лирический герой, за что Ювенал, по контрасту с не менее

язвительным, но не столь определенным в своих положительных идеалах Марциалом, высоко ценился в эпоху христианского средневековья как моралист.

Мастер метких характеристик и звонких формул, он — автор изречений, ставших хрестоматийно известными афоризмами. Это Ювенал обозначил вожделения Рима двумя словами-символами: *duas tantum res anxius optat: panem et circuncensem* (о двух вещах беспокожно мечтает: хлеба и зрелищ!). Это ему принадлежат стихи: *orandum est, ut sit mens sanum in corpore sano* — молиться надо, чтобы в здоровом теле был здоровый дух, — смысл которых в памяти потомства изменил свою модальность на почти противоположную и весьма нелепую, мол, здоровье духа гарантируется здоровьем тела. До подобной мудрости, которую трюизмом точно не назовешь, додуматься могли бы лишь самые недалекие из персонажей поэта. Еще одна его замечательная, хотя и не столь известная максима — «Высший позор — ради жизни утратить смысл жизни».

Сатиры Ювенала резко отличаются от стихов его старшего друга Марциала авторским голосом — суровое морализаторство одного, перемежаемое негодованием, контрастирует с толерантностью, если не сказать более, к человеческим порокам другого, но они близки по отраженному в их творчестве образу Рима и мира, так что и Ювенал, подобно Марциалу, был бытописателем имперской столицы, устраиваемых в ней зрелищ, ее знаменитых бань, ее дворцов и трущоб, портретистом населявших ее обывателей разных сословий, классов, профессий и ремесел, и поэтому поэзия Ювенала — это многоплановый и достоверный исторический источник.

С сарказмом пишет Ювенал о кастовой спеси юного аристократа, который обращается к безродным плебеям с презрительной бранью: «Вы, жалкая голь, подонки нашей черни, никто из вас не знает, из какой страны вышел его отец. А я — я происхожу от Кекропса». Ответом на этот чванливый выпад является тирада: «Величайся сколько влезет своим высоким происхождением! И все же только среди этой самой черни ты чаще всего найдешь римлянина, который своей речью защитит на суде благородного невежду; из этой презренной толпы выходит юрист, который умеет распутать загадки закона; из нее же набираются наши молодые храбрые солдаты, отправляющиеся на берега Евфрата или к батавам, чтобы там, подобно орлам,

зорко смотреть за покоренными народами. А ты — ты... потомок Кекропса и больше ничего. Ты напоминаешь мне Гермеса на подставке; единственное твое преимущество, что Гермес мраморный, а ты — ты живой болван». Сатирический задор поэта гаснет однако перед великодушием правящего принцепса: «Воспряньте духом, — обращается он в VII сатире к неимущим литераторам, которые не удостоиваются благоволения богачей, проматывающих богатство на любовниц и любовников, на фантастически роскошные вилы, на прирученных львов, «как будто льва дешевле прокормить, чем поэта» — цезарь смотрит на вас и ободряет вас, его царственная доброта дожидает только случая обнаружиться», ибо «император теперь единственная надежда и опора литературы».

С безгливостью пишет Ювенал о разбогатевших римских буржуа, в поисках наживы не стесняющих себя в средствах: они «берут на себя подряды по очистке улиц и гаваней Рима или получают на откуп право похоронных процессий и вывозки нечистот». Даже когда ради выгоды отважный предприниматель выбирает опасное занятие, сопряженное с риском для жизни, поэт не обнаруживает к нему ни грена сочувствия: безжалостный сарказм вызывают у него купцы, которые «устроили себе жилище на корабле, подвергаются постоянно качке то от северного, то от южного ветра, только для того, чтобы привезти издалека какие-нибудь зловонные товары», «вверяя свою судьбу нескольким доскам».

Эти стихи сына разбогатевшего вольноотпущенника вызывают приступ раздражения, не чуждого ювеналовского сарказма, у французского романиста XIX века Г. Буассье, который, в отличие от древнего сатирика, был навивно прямолинейным апологетом своего буржуазного класса: «Этот ярый противник знати, — писал он не без обиды, — оказывается, разделяет самые закоренелые ее предрассудки. Понятно, что в аристократическом обществе самым высшим принципом считается косность. Те, которые занимают лучшие места, находят естественным, чтобы все оставалось на своем месте; они не жалеют насмешек и оскорблений для тех, кто внезапно и быстро возвышается, так как это нарушает установленный порядок и создает им опасных соперников. По странному недоразумению, древняя философия с удивительною податливостью сделалась орудием аристократии и ее мнений. Под тем предлогом, что надо быть умеренным

в своих желаниях и довольствоваться немногим, она стала высказываться против всякой деятельной борьбы за земные блага и требовать, чтобы каждый сохранял за собой то общественное положение, какое дала ему судьба. Это повторяют все древние мудрецы, от жившего в бочке Диогена до обитавшего во дворце Сенеки. В свое время Гораций тоже проповедывал эти старые правила, их без колебания принял и Ювенал» (Буассье, цит. изд., с. 278). Но, заметим, хороши были бы мудрецы, захлебывающиеся, по подсказке Буассье, от восторга при виде «чумазых» парвеню, вылезших из грязи в князи.

Ювенал сочувствует голодным поэтам, адвокатам, потерявшим практику, учителям, которых покинули их ученики, вынужденным коротать ночи в кабачке «рядом с матросами, ворами, беглыми рабами, гробовщиками и нищенствующими жрецами Кибелы». Среди таких горемык претерпевший кораблекрушение моряк, который «будет доволен лохмотьем — прикрыть продрогшие чресла, скудной едой, как погибнет корабль, и он, потерпевший, асса станет просить и кормиться картиной крушения». Горек хлеб бедного учителя: «Плата у них куда, чем у риторов, меньше! Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый, и выдающий урежет себе... Только бы вонь от стольких лампад, сколько было мальчишек, зря не пропала, когда по ночам казался Гораций вовсе бесцветным и копотью весь покрывался Вергилий. А для полочки твоей ведь еще у трибуна дознание нужно! Вот так и блюда суровой науки обычай, ибо учителя долг — языком в совершенстве владея, помнить историю всю, а авторов литературных знать как свои пять пальцев».

Но сочувствие поэта потерпевшим жизненное фиаско неудачникам чуждо сентиментальности и нередко сопровождается издевкой: живущие впроголодь адвокаты, когда им подвернется какое-нибудь дело, «ревут, как кузнечные мехи, в то время как с их уст струится ложь». Поэта возмущает готовность бедняков добровольно унижаться перед своими богатыми патронами ради того, чтобы урвать у них кусок хлеба: «Если тебе еще не стыдно за свою «карьеру», и считаешь, что есть хлеб другого человека — это вершина блаженства, я боюсь сказать под присягой о том, что ты — честный человек». Патрон «прав в том, что обращается с тобой подобным образом. Если ты можешь выносить наихудшее обращение, значит, ты его заслуживаешь. Позже ты обреешь свою голову и разрешишь ему

шлепать по ней, ты не избежишь жестоких ударов плетью для того, чтобы заработать себе на обед и заслужить благосклонность своего друга».

Человек далеко не бедный, сам Ювенал охотно принимал в своем доме малоимущих друзей, и у него было чем их угостить — это был обеды, чуждые варварского изобилия и артистических ухищрений Тримальхионова пира, но изысканные и здоровые: «Блюда у нас каковы, не с рынка мясного, послушай: из Тибуртинской страны будет прислан жирнейший козленок, самый-то нежный из стада всего, молоко лишь сосавший. Он и травы не щипал, не обглаживал веток у ивы, крови в нем нет, а одно молоко. После спаржу отведай: прялку на время сложив, ее собрала старостиха. Крупные, кроме того, еще теплые (в сене лежали) яйца получим и кур; затем виноград, сохраненный с прошлого года таким, как он на лозах наливался; синии груши, Тарента (сирийские); в тех же корзинах яблоки с запахом свежим, насколько не хуже пиценских».

Злые насмешки вызывает у поэта увлечение римлян чужеродными культами. Представляя процессию Матери богов, он задерживает внимание читателей на «громадном евнухе, почтенной персоне в глазах всех этих покорных тварей». В острой неприязни к экстатическому азиатскому культу Ювенал солидарен с Апулеем, но для него ничем не лучше и почитание Изиды, адептом которой стал сам Апулей: Ювеналу отвратительны шарлатаны, «одетые в лен и с бритыми черепами, которые бродят по улицам под маской Анубиса, исподтишка усмехаясь посреди общенародного раскаяния», выдавая прощение от лица своей богини «за жирного гуся или крошечный пирожок». Более того, поэт не щадит и мистериальные культы, которые пришли в Рим из Эллады и давно укоренились в земле Италии: «Флейта прищпоривает собравшихся и под двойным воздействием трубы и вина, забыв обо всем, Приаповы менады с развевающими-ся волосами издают дикие кличи».

Поэт разделял эллинофобские настроения ревнителей добрых старых нравов Рима — почитателей Катона Старшего. «Гражданине, — взывал он устами клиента, вытесняемого из дворца патрона «пронырливым бездельником, занесенным к нам ветром вместе с фигами и черносливом... я не в состоянии перенести, чтобы Рим стал греческим городом». О наводнивших Рим греках он говорит со злобной яростью, достойной современных

ксенофобов: они «готовы, как черви, вползти в большие дома и стать их хозяевами. Живой ум, бесстыдная наглость... Он приносит с собой любой характер, какой ты только пожелаешь, все науки, которые знает изголодавшийся грек. Попроси его подняться на небо — он взберется на небо... Стоит тебе засмеяться — у твоего грека начнутся конвульсии от громкого хохота, он плачет, если видит слезы в глазах друга, однако не чувствует скорби... Днем и ночью он готов бросать взгляды на лицо другого человека; готов взмахнуть руками и начать аплодировать, если его друга удачно вырвало, если он извергнул прямую струю или если его золотая чаша опрокидывается и осушается со звонким причмокиванием. Кроме того, для него нет ничего святого, никто не может уберечься от его похоти — ни мать семейства, ни девица-дочка, ни даже все еще безбородый зять, ни сын не останутся невинными. Или, за неимением этого, он свратит бабушку своего друга».

По Ювеналу, заезжие греки немало способствовали развращению нравов римского общества. Нравственная атмосфера, царящая в Риме, вызывает у него самые мрачные впечатления: «Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят больше, чем нужно, притом иногда из чужого кармана. Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность». Невысоко ставя женские добродетели своих современниц, поэт восклицает с ностальгией по патриархальной старине: «О Цинтия или Лесбия, как мало похожи вы на... древнюю матрону, — вы, которые затуманиваете блеск своих глаз, чтобы оплакать воробья». Но наигранное жеманство далеко не самый страшный порок римских дам. Своего друга в IX сатире поэт утешает: «Забудь об огорчении, которое доставляет тебе жена, когда она вечерком возвращается домой с растрепанной прической, с разгоревшимся лицом, с красными ушами и в подозрительно измятом платье».

Сатиры Ювенала наполнены колоритными жанровыми сценами из жизни римлян и римлянок, но он был еще и мастером панорамных словесных фресок. На пространстве нескольких стихов он с превосходной наглядностью представил сутолочное движение повозок и человеческой массы на римских улицах с их несмолкаемым истошным гамом и шумом, и ощущения человека, вовлеченного в этот броуновский круговорот: «Движение тяжелых повозок по узким улицам, ругательства погонщиков скота нарушают сон глухого человека или ленивого

моржа. По утрам раздаются крики, и толпа расступается, уступая дорогу миллионеру, которого несут над их головами в паланкине. По пути он читает, пишет или спит, потому что его не видно, ибо на человека находит сонливость, когда ему удобно и закрыты окна. Однако он закончит свой путь раньше, чем мы. Нам приходится с боем прокладывать себе дорогу сквозь скопление людей впереди нас. А сзади на нас давит огромная толпа пихающих нас в бока. Локти бьют нас в одно место, а посох — в другое. А сейчас нас ударили какой-то перекладной, а теперь стукнули бочкой. Наши ноги жирные от грязи, на наши ступни давят большие башмаки, которые у всех одинаковы; солдатский подбитый гвоздями сапог поставлен мне на ногу... Ель трясется на проезжей телеге. Проходящая повозка везет большую сосну. Деревья трясутся, и люди напуганы. Представьте, что сломается ось, везущая лигурийский камень, и каменная глыба упадет на людей — что останется от их тел? Руки и ноги, кости — где все это? Незамысловатое тело обычного человека исчезает, как и его душа».

Жизнь в гигантском муравейнике — Риме таит в себе опасности не только от ночных разбойников, но и от случайностей бытового плана, карикатурно гиперболизированных сатириком, но не придуманных им, а реальных: «Высытятся крыши домов, и сорвавшись с них, черепица голову всю разобьет! Постоянно из окон открытых вазы осколки летят и, всей тяжестью брякнувшись оземь, всю мостовую сорят. Всегда оставляй завещанье, идя на пир, коль не ленив и случайность предвидишь: ночью столько смертей грозит прохожему, сколько ты на дороге своей встречаешь отворенных окон; вот и молись потому, вознося плачевную просьбу, чтоб лишь помоями ты был облит из широкого таза».

Опасно было и само жилье, в котором ютился римский плебс — многоэтажные инсулы с их шатким подпорками: «Мы населяем столицу всю среди тонких подпор, которыми держит обвалы домоправитель: прикрыв зияние трещин давнишних, нам предлагают спокойно спать в нависших руинах». Жильцы верхних этажей к тому же испытывали страх погибнуть в огне пожара: «Укелегон уже просит воды и выносит пожитки, уж задымился и третий этаж, а ты и не знаешь: если с самых низов поднялась тревога у лестниц, после всех погорит живущий под самую крышей».

Знаменитые римские инсулы в эпоху принципата были основным типом жилых строений Рима. В документах, датированных примерно 350 г., — «Регионариях», содержащих статистические сведения о числе городских жилищ по районам, на которые был разделен Рим, и суммирующей эти данные *Notitia*, все жилые строения разделяются на домусы (особняки) и инсулы (буквально «острова» — так назывались многоэтажные и многоквартирные здания — своего рода «доходные дома»). Первых насчитывалось в Риме 1782 (по Регионариям) или 1797 (по *Notitia*), а инсул — 46290 или 46602. Нет аналогичных данных, относящихся ко второму столетию, но исходя из предположения, что в век Антонинов численность населения Рима, превысившая полтора миллиона, была максимальной за всю его историю, исключая XX век, а особых причин для принципиального изменения в соотношении домусов и инсул за время, отделяющее эту эпоху от времени составления сохранившихся «регионариев» не было, можно исходить из того, что во II столетии в Риме насчитывалось около 2000 особняков и около 50 тысяч инсул.

Строить многоквартирные дома в несколько этажей начали еще до Пунических войн в связи со значительным ростом численности населения города. Тит Ливий среди курьезных, и как он считал, зловещих событий 218–217 гг. до Р.Х. упоминает происшествие, когда бык бежал с Бычьего рынка и, гонимый преследователями, со страху взбежал по лестнице на третий этаж дома, расположенного вблизи рынка, а потом спрыгнул вниз. По Ливию, это *salte mortale* обезумевшего быка предвещало вторжение Ганнибала в Италию.

При Августе число инсул далеко превзошло количество домусов. Тогда, по словам Витрувия, «величие города, значительный рост его населения требовали чрезвычайного роста его жилищ, и само положение дел принуждало искать спасения в высоте зданий» (цит. по: Каркопино, цит. изд., с. 44). В заботе о безопасности Август издал эдикт, запрещавший строить в Риме дома выше 20 метров, столетие спустя Траян ограничил высоту возводимых зданий 18 метрами, но этими запретами, как известно из разных источников, пренебрегали, и в Риме не редкостью были инсулы, насчитывавшие 7 и более этажей. Во II веке одной из достопримечательностей столицы, сохранившейся, по меньшей мере, до IV столетия, наряду с Колизеем, стал дом Феликулы, подобный, очевидно, по числу этажей американским

небоскреbam начала XX века. Этот раритет упоминают разные авторы, и среди них Тертуллиан: обличая гностиков валентиан, пытавшихся заполнить бесконечность, отделяющую Творца от твари, они населяют ее вымышленными посредниками, превратив Вселенную в своего рода инсулу, под самой крышей которой помещают Бога, и она «вздымает в небо столько же этажей, сколько мы видим в Риме в доме Феликулы» (цит. по: Каркопино, цит. изд., с. 45). Бум возведения новых инсул начался в Риме, когда многие его кварталы поневоле превратились в строительные площадки после беспощадной расчистки, учиненной грандиозным пожаром, случившимся при Нероне.

Главным стимулом к строительству многоэтажных инсул служила острая нехватка земли. В своем росте город был ограничен не только географическими, юридическими и экономическими факторами, но и обстоятельствами сакрального характера — его померий не один раз раздвигали, но каждый раз это был акт исключительной важности, частые повторения которого обозначали бы профанацию авгурального законодательства. Правда, застраивалась не только заключенная внутри померия территория, но и вмещавший его *ager Romanus*, однако и он был ограничен расположенными по его периметру муниципиями — окружавшими Рим латинскими и этрусскими городами — Лавинием, Габиями, Тибуром, Остией, Фиденами, Фикулеей, Фрегеллами, Бовиллой и Вейами. По выкладкам Ж. Каркопино, *ager* имел форму «эллипса, который при осях в 17,65 километра и 19,1 километра соответственно давал, при периметре приблизительно в 57 километров, площадь в почти 25 тысяч гектаров» (Каркопино, цит. изд., с. 26). Но, естественно, лишь часть этого агера (поля) находилась под городской застройкой и составляла собственно *urbs* (город), разделенный при Августе на 14 районов, один из которых располагался за Тибром — *regio Transtiberiana*, современное Трастевере. Границы города (*urbs*) проходили вне померия, но внутри агера. Хотя после Августа число городских районов оставалось неизменным, их территория расширялась вовне. Некоторые историки отождествляют границу города с воздвигнутой уже в III столетии императором Аврелианом стеной, внутри которой было заключено пространство в 1387 гектаров, но, как считает Каркопино, настоящая граница Рима проходила дальше от померия, чем Аврелианова стена. Действительные пределы города имеют юридическое определение, содержащееся

в «Дигестах» святого Юстиниана: «Рим определяется непрерывно стоящими строениями, причем от этих сплошных строений следует отсчитать милю» (L, 16, 2). Таким образом, граница города постоянно менялась, перемещаясь вслед за его фактической застройкой. Размеры его юридически признанной территории в то или иное время точно установить невозможно, но, в эпоху Антонинов они, вероятно, составляли менее 5 тысяч гектар. Треть или половина этой площади оставалась незастроенной, как того требовал закон.

При этом не вся эта площадь использовалась для возведения жилых строений: «Из нее следует частично вычесть те многочисленные участки, где общественные здания, святилища, базилики, пакгаузы, термы, цирки и театры были выделены органами государственной власти... Но в первую очередь отсюда следует полностью вычесть своенравную пойму Тибра и примерно сорок парков или садов, раскинувшихся главным образом по Эсквилину, на Пинчио, вдоль обоих берегов реки, а также квартал Палатина, пользование которым император зарезервировал исключительно для себя, и наконец, Марсово поле, храмы, портики, палестры, *ustrina* (место кремации — *V. Ц.*) и надгробия которого занимали более 200 гектаров, на которых, из чувства благоговения перед богами, продолжало действовать запрещение на обитание людей» (Каркопино, цит. изд., с. 40). Оставалось немногим более полутора тысяч гектаров под жилую застройку. Поскольку домусы едва ли занимали в среднем площадь менее 10 соток, а их число приближалось к 2 тысячам, под ними находилось до 500 гектаров земли. На остальной площади, всего лишь в одну тысячу гектар, обитало около полутора миллионов обывателей, поэтому под прессом самой острой необходимости на ней возводились многоэтажные жилые корпуса — инсулы.

В современном Риме сохранилось немного инсул. Остовы некоторых из них уцелели на улице Бибератика у рынка Траяна: там археологами раскопана построенная во II веке инсула из 4-х сохранившихся и полуразрушенного 5-го этажа высотой около 22 метров. На нижнем этаже были устроены таверны — лавки и мастерские, с пристроенными к его фасаду портиками, планировка второго этажа была одинаковой с первым, а верхние этажи представляли собой ряд комнат с общим коридором. Более отчетливое и полное представление об инсулах дают

полусохранившиеся над уровнем земли и открытые в результате раскопок жилые строения Остии — портового города, который застраивался по образцу близлежащей столицы. Особенно интересен, хотя и не типичен ввиду своей роскошной отделки дом, названный археологами *Casa dei Dipinti*, что значит «Дом фресок», строители которого «вымостили ее плиткой и мозаиками... Они покрыли ее красками..., ныне более чем на три четверти исчезнувшими, но когда-то столь же свежими и живыми, как помпейские фрески» (Каркопино, цит. изд., с. 52).

По своей конфигурации в плане инсулу приспособляли к участку земли, которым располагал застройщик. В результате сложилось три вида инсул. По словам П. Грималья, «иногда это было здание, вытянутое вдоль улицы, с плоским фасадом, задней стеной соприкасающееся с другими зданиями. Иногда инсула выстраивалась двумя рядами квартир, выходящими двумя фасадами на параллельные улицы: дело в том, что земельный участок был очень длинным и узким и требовал такого линейного решения. В том случае, когда в распоряжении архитектора был квадратный участок, возводилось сооружение с четырьмя глухими фасадами, каждый выходил на одну из улиц, и корпуса здания внутри соединялись тесными переходами» (Грималь, цит. изд., с. 349).

Нижние этажи инсул в большинстве случаев сдавались под открывавшиеся на улицу таверны — мастерские, склады или лавки, которые чаще всего заодно служили и жильем для их владельцев — мелких буржуа, для их рабов и немных работников, которым приходилось ютиться в тесных каморках, часто на специально устроенных под жилье антресолях или просто по углам таверн. Нередко антресоли, куда вела лестница изнутри таверны с каменными, кирпичными или деревянными ступенями, сдавались в наем под жилое помещение. По словам Ж. Каркопино, «для принуждения неаккуратных должников собственник, как сообщают, ограничивался тем, что забирал лестницу, ведущую в их клетушку, и так, лишив продовольствия, побуждал к погашению задолженности. Ведь образное выражение *percludere inquilinum*, «запереть съемщика», не стало бы у юристов синонимом для принуждения съемщика к платежу, если бы действие, на которое оно указывает, понятное лишь в убогих условиях *taberna*, не было широко распространено в императорском Риме» (Каркопино, цит. изд., с. 47). В относительно

дорогих инсулах нижние этажи сдавались состоятельным квартирантам, которые нередко занимали при этом весь этаж. Поскольку расположение комнат в такой роскошной квартире, ее комфорт и удобства приближались к тем, которыми пользовались владельцы особняков, подобные жилища условно также часто называли домусами. В отдельных случаях таверны и домусы размещались также и на втором этаже.

Выше располагались *senacula* — разделенные на сдававшиеся в наем малоимущим жильцам маленькие квартиры, лестницы в которые вели прямо с улицы. Помещения в этих квартирах не имели, в отличие от домусов, специального назначения. Располагая квартирой из нескольких комнат, съемщик мог приспособить ее помещения под столовую, кухню, ванну или отхожее место по своему усмотрению, но нередко в каждой комнате обитал отдельный жилец или даже целая семья.

Инсулы чаще всего строились из кирпича, но также из камня, в дешевых вариантах из дерева и бута и даже из сырцового кирпича, или самана. Внешний вид этих сооружений был в эстетическом отношении много выше не только современных российских типовых многоэтажек, но и доходных многоквартирных домов, построенных по индивидуальным проектам. Нижние этажи украшались портиками, на верхних нередко устраивались лоджии или балконы с пилястрами, сдержанный декор этих экономичных построек компенсировался строгим ритмом и соразмерностью архитектурных элементов, гармонией и чистотой линий: судя по руинированным инсулам Остии, они строились зодчими с отменно выверенным вкусом и хорошей школой. Съемщики украшали свои скромные жилища выставленными на балконы цветочными горшками, по их перилам и пилястрам расползались вьющиеся растения — плющ, хмель или дикий виноград.

Превосходя современные жилые строения эстетически, римские инсулы уступали им в комфорте. Водопроводом и канализацией, а также калориферным отоплением могли пользоваться лишь обитатели нижних этажей. Жильцы *senacula* в зимние холода согревались у жаровен, пищу готовили на переносных печках, за водой ходили к городским фонтанам, пользовались общественными туалетами или, при лени и неуважении к согражданам, выливали содержимое ночных горшков вместе с помоями на улицу, а судя по стихам Марциала и Ювенала, даже

и на головы непредусмотрительных прохожих. Не было в инсулах и оконных стекол, хотя бы из малопрозрачной слюды, так что приходилось выбирать — либо мучаться от духоты и зажигать светильники в дневное время или сидеть во тьме, либо, открывая ставни, подвергать себя воздействию стихий, дневных и ночных насекомых.

При сдаче квартир в наем обыкновенно имела место двойная или даже тройная аренда. Застройщик и собственник инсулы чаще всего не утруждал себя хлопотами по ее эксплуатации, сдавая весь дом одному арендатору, по отношению к которому квартиросъемщики становились субарендаторами. При этом нередко съемщик квартиры сдавал жильцам им самим не занимаемые комнаты в поднаем, порой одна комната сдавалась сразу нескольким полунцим жильцам. Многоступенчатая аренда, дороговизна столичной земли, сосредоточение в Риме имперских богатств раздували цены жилья. Тесные двух- или трехкомнатные квартиры в Риме доступны были лишь лицам среднего класса. Нижние этажи снимали настоящие богачи, немного уступавшие магнатам, которые владели в Риме собственными домусами. Плата за жилье в столице была примерно в четыре раза выше, чем в ближайших к Риму городках Лация или лучших по условиям жизни городах Италии и провинций. Ювенал так писал о дороговизне жизни в Риме: «Если от игр цирковых оторваться ты в силах, то можешь в Соре купить себе целый дом, в Фабатерии, во Фрузионе; столько отдашь, сколько стоит на год городская каморка».

Инсулы составляли основной массив римских зданий, но украшением столицы служили бесчисленные статуи, а также храмы, театры, базилики и иные общественные сооружения, которые концентрировались на форумах — республиканском и императорских.

В начале второго столетия, с 109 по 113 г., архитектором Аполодором Дамасским был создан новый форум, от которого до нас дошли знаменитая колонна, выстроенный на склонах Квиринала и Субуры рынок и археологические следы базилики Ульпиана, названной фамильным прозвищем Траяна, двух библиотек, воздвигнутого уже после смерти и обожествления Траяна храма в его честь, а также портика и колоннады, окружавших вымощенную беломраморными плитами просторную площадь почти квадратной конфигурации, посреди которой

возвышалась вылитая из бронзы и покрытая золотом конная статуя императора.

Рынок представлял собой шестиэтажное кирпичное сооружение с полуцилиндрическим фасадом, украшенным лоджиями и аркадами и обращенным к форуму, и задней стеной, прижатой к холму. На рынке размещалось полторы сотни таверн. На нижнем этаже торговали цветами и фруктами, на втором хранилось вино и масло, которые там же и продавались, на третьем и четвертом продавали перец и другие специи — впоследствии улица, которая шла от рынка вверх по Квириналу получила от перца (*pipera*) название *Viberatica*, на пятом этаже размещался роскошный зал, в котором раздавались подарки римским гражданам из средств императорского фиска, а на верхнем, шестом, были устроены рыбные садки, куда пресная вода подавалась из акведуков, снабжавших столицу питьевой водой, а соленую доставляли из Остии, расположенной на берегу Тирренского моря.

Между корпусами библиотек была воздвигнута колоссальная колонна высотой в 38 метров. Надпись на колонне, от которой до нас дошло лишь несколько букв, но которая была прочитана и воспроизведена в одном из текстов VII века, говорит о том, что высота колонны обозначает глубину, на которую был скрыт отрог Квиринальского холма, соединяющий его с Капитолием, для устройства форума, — *ad declarandum quantae aitudinis mons et locus tantis operibus sit egestis* (для демонстрации того, на какую глубину была скрыта гора и какими трудами воздвигнуто сооружение). Высшая точка колонны, на которой возвышалась сооруженная после смерти Траяна его статуя, замененная в 1588 г. статуей апостола Петра, ныне совпадает с нимбом апостола — до создания форума на этом уровне находилась поверхность земли.

Пьедестал колонны Траяна представляет собой каменный куб высотой 5 с половиной метров, украшенный изображением трофейного оружия и лавровыми ветвями. Возвышающийся над ним ствол колонны, диметром 3,7 метра, выполнен из мрамора. Внутри него встроена винтовая лестница из 185 ступеней. Колонну увенчивает бронзовая дорическая капитель, на которой первоначально восседал орел с распростертыми крыльями, после смерти Траяна его заменила статуя этого императора. По поверхности колонны тянется спиралевидная лента

длиной в 200 метров, покрытая барельефами, составляющими 23 многофигурные сцены с изображениями важнейших эпизодов войны с даками, выполненными с поразительным портретным и композиционным мастерством и документальной достоверностью, благодаря чему эти барельефы стали важнейшим источником сведений об антропологическом типе даков, о реалиях их быта, об их вооружении и экипировке, об их боевом искусстве и архитектуре дакских крепостей, а также о римской армии, и наконец, о ходе самой войны. После смерти Траяна его доставленное в Рим тело было сожжено и погребено в золотой урне в пьедестале колонны.

Ж. Каркопино, восторгаясь величием того, что еще сохранилось от форума Траяна, писал: «Все римские развалины исполнены неколебимой монументальной мощи (притом что чаще всего мы видим перед собой не более чем лишенные плоти остовы памятников). Тем не менее, глядя на форум Траяна, расположенный в самом центре города и связывавший форум Цезаря с форумом Августа, мы осознаем, что, быть может, ни одно другое сооружение не внушает нам столь утешительных... воззрений на ту цивилизацию, чьи богатства были здесь столь широко представлены, на общество, о дисциплинированности которого эти богатства напоминали, на тех людей..., чьи интеллектуальные ценности и художественное мастерство эти богатства выражали и продолжают выражать» (Каркопино, цит. изд., с. 14). Когда император Констанций, впервые посетивший Рим в середине IV века, «пришел на Форум Траяна, он — по словам Аммиана Марцеллина, — остолбенел от изумления, обводя взором гигантские строения, которые невозможно описать словами и которые никогда не удастся смертным создать во второй раз» (Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005, с. 89).

Колонне Траяна подражает еще одно замечательно хорошо сохранившееся триумфальное сооружение — колонна Марка Аврелия, воздвигнутая в 174 г. в честь побед над квадами и маркоманами. Колонна Аврелия несколько ниже и шире своего образца. На ее вершине ранее стояла статуя императора, в христианскую эпоху замененная статуей апостола Павла. Опясывающий остов колонны спиральный барельеф составляет 20 ярусов. Изображения отличаются большей монументальностью и пластичностью, чем те, что изваяны на колонне Траяна. Их легче рассмотреть. В представленных на барельефе батальных сценах

с особой экспрессией переданы человеческие страдания, и душевное напряжение. Тревожное настроение создают не только исполненные гнева и ужаса выражения лиц римских легионеров и варваров, резкость их жестов, но и такая деталь как развевающиеся на ветру волосы. Эти рельефы с замечательной убедительностью передают кризисную атмосферу, возобладавшую в римском обществе в правление Марка Аврелия.

Самое совершенное из сохранившихся созданий римского архитектурного гения — Пантеон — храм, посвященный всем богам (по-гречески). В своем первоначальном виде он был построен на Марсовом поле в конце I века до Р.Х. Валерием Остийским по заказу Марка Агриппы, имя которого сохранилось на атаблеме колоннады портика. Но в 118–128 гг., при Адриане, Пантеон подвергся радикальной перестройке, и до наших дней он дошел в основном таким, каким его спроектировал тогда Аполлодор Дамасский. Позднейшие его поновления, выполненные при Антонине Пие, Септимии Севере и Каракалле, а также устройство в нем в начале VII столетия христианской церкви в честь Девы Марии не изменили его облика, созданного по замыслу гениального зодчего из Дамаска.

Внутрь храма ведет портик, перекрытый двускатной кровлей с бронзовыми стропилами, которые опираются на 16 колонн высотой 14 метров. 8 колонн расположены по фасаду, остальные образуют два ряда по 4 колонны в каждом.

Основным элементом Пантеона является ротонда с внутренним диаметром в 43,5 метра и такой же высотой, одинаковой с высотой водруженного над нею сферического купола. Размеры этого грандиозного купола превышают аналогичные конструкции древности, средневековья и нового времени, построенные до середины XIX века. Увенчание храма куполом было оригинальной идеей Аполлодора — ранее в Риме куполы воздвигали над термами и нимфеями. Купол Пантеона опирается на мощные стены ротонды толщиной 6,3 метра. В свою очередь сама ротонда держится на кольцевом фундаменте глубиной 4 с половиной метра. Стена ротонды расчленена скрытыми внутри нее нишами, облегчающими тяжесть конструкции, на 8 пилонов, которые разделены пустотами на 16 контрфорсов. С внешней стороны ротонда опоясана двумя горизонтальными выступами, один из которых обозначает границу между первым и вторым ярусом стены, а другой — между верхним краем стены и куполом.

В интерьере стена ротонды расчленена тремя полуциркульными и четырьмя прямоугольными нишами. Нижний ярус ротонды, высотой 13 метров, украшают пилястры и поставленные перед нишами колонны коринфского ордера. Вход в ротонду представляет собой арку, повторяющую очертания расположенной напротив средней ниши. Верхний ярус стены расчленен нишами в виде глухих окон и пилястрами высотой 8,7 метров, этот аттик создает впечатление особой легкости грандиозного по своим размерам свода, который возвышается над ним.

Поверхность купола в интерьере покрывают пять рядов прямоугольных кессонов, размеры которых уменьшаются в верхнем направлении, но благодаря перспективной иллюзии зрительно они воспринимаются как одинаковые, что создает впечатление большей высоты всей конструкции. На вершине купола находится опайон — круглое световое окно диаметром 9 метров, окруженное плоским кольцом, с нижней стороны примыкающим к кессонам. Чрез опайон в Пантеон вливается поток солнечного света, и пространство храма концентрируется вокруг этого светового столпа.

По пронизательной характеристике знатока римской архитектуры Г. А. Кошеленко, для римлянина «верховное божество — Юпитер — был не столько антропоморфным существом, сколько самим небесным сводом. Внутреннее пространство Пантеона огромно и как во всяком центрическом здании с любой точки зрения (кроме центральной) кажется большим, чем есть на самом деле. Нет углов, нет прямых горизонталей, только огромная полусфера и единообразный ритм колонн, простенков и ниш. Это не похоже на привычное для римлянина решение внутреннего пространства храма. В Пантеоне дано принципиально новое решение сакрального здания, в корне порывавшего с традицией античного восприятия храма. Обычный греческий или римский храм — это дом божества, доступ в который для рядового человека если не запрещен, то затруднен. Свободно туда входил только жрец. Все остальные в момент совершения религиозной церемонии находились снаружи. Совершенно иное решение предложил зодчий Пантеона. Молящийся находился внутри, он со всех сторон охвачен пространством, которое считается священным. Здесь уже появляется иное, не античное понимание внутреннего пространства храма... Перемещение верующего внутрь можно заметить во многих храмах мистериального

культы... Пантеон стал одним из прообразов христианских центральных храмов византийской эпохи, самым ярким образцом которых является храм Софии в Константинополе» (Кошеленко А. Г. Храмы. — Всеобщая история архитектуры в 12 томах, т. 2. М., 1973, с. 535–536).

По проекту самого императора Адриана был воздвигнут храм, посвященный Венере и богине города Рима — Роме, самый грандиозный по размерам из культовых сооружений империи — в длину он составляет 107 и в ширину 55 метров. Его колоссальные развалины по сей день возвышаются над республиканским и императорскими форумами. Адриан был утонченным знатоком архитектуры, но все-таки дилетантом, и созданное им сооружение подверглось деликатной критике со стороны гениального профессионала Аполлора, отметившего непропорциональность некоторых элементов храма; как известно, придирки зодчего стоили ему жизни, хотя Адриану не свойственна была жестокость во вкусе Калигулы, Нерона или Домициана, и времена были щадящие. Оригинальная черта храма, созданного принцепсом, в том, что он состоит из двух целл, соприкасающихся апсидами: в одной из них была помещена статуя Венеры, а в другой — Ромы. Периптер представлял собой колоннаду коринфского ордера. Стены храма поставлены на высокую платформу, окруженную гранитной колоннадой с мраморными капителями. Это сооружение с особым вызовом демонстрировало беспредельное могущество империи. Ту же мысль внушал и воздвигнутый после смерти и обожествления Адриана храм, посвященный ему — Адрианеум, боковой фасад которого хорошо сохранился.

Еще при жизни Адриана, в 130 г., на правом берегу Тибра, началось строительство его мавзолея, завершившееся уже после смерти и обожествления принцепса. По своей первоначальной конструкции это был облицованный мрамором цилиндр диаметром 64 и высотой 21 метр, отделанный внизу рустиком и завершенный аттиком со статуями на нем. При Антонии Пие к этому сооружению было пристроено квадратное основание высотой 15 метров, в которое оказалась вписанной цилиндрическая конструкция. Поставленный на крутом берегу Тибра, мавзолей имел вход лишь с моста, украшенного позолоченными статуями на парапетах. Коридор соединял арочный вход с вестибюлем, в котором некогда стояла колоссальная статуя Адриана. Проход

в погребальную камеру представляет собой спиралевидную галерею, которая ведет вверх на высоту 12 метров над уровнем вестибюля. В камере устроено было три ниши для погребальных урн. Включенный впоследствии, при Аврелиане, в крепостную стену, мавзолей приобрел оборонительное значение. В средневековье его перестроили в крепость, названную замком Ангелов. В течение нескольких веков Замок Ангелов служил резиденцией пап.

Одним из архитектурных шедевров эпохи Адриана стала вилла, построенная им вблизи расположенного к востоку от Рима древнего латинского города Тибура. На этой вилле император, который с туристическим энтузиазмом совершал далекие путешествия, чтобы насладиться созерцанием лучших творений искусства и самых живописных ландшафтов, велел воздвигнуть строения, стилизованные под те, которые привели его в особое восхищение, — афинские Академию, Ликей и Пританей, александрийский Каноп, а также воспроизвести Темпейскую долину у подножья Олимпа. Но сооружения виллы органично вписаны в тот холмистый ландшафт, где она расположена. Вход на ее территорию находится на высоте 62 метров над уровнем моря, а воздвигнутая на самом высоком месте виллы Академия — на отметке в 100 метров. Виλλα представляет собой комплекс из четырех ансамблей: зоны Больших перистилей вокруг Золотой площади, Пойкиле, стилизованного под одноименный расписной Афинский портик и расположенного около морского театра, Академии, служившей летней резиденцией императора, и Канопы, моделью которого служило святилище Сераписа близ Александрии. На вилле Адриана это был канал, окруженный арочной колоннадой. Архитектура Тибуртинской виллы эклектична во вкусе Адриана, но это органичная, виртуозно гармонизированная эклектика, предвосхищавшая находки относящегося к иной и позднейшей эпохе архитектурного маньеризма. Историк и искусствовед Р. Ланчани назвал Тибуртинскую виллу «царицей императорских вилл античного мира» (цит. по: Всеобщая история архитектуры, цит. изд., т. 2, с. 637).

Превосходные строения воздвигались и вне Рима. К числу лучших архитектурных памятников II века относятся театр в памфилийском Аспенде и амфитеатры в галльских городах Немаузе (Ниме) и Арелате (Арле), арки Траяна, воздвигнутые в итальянских городах Анконе и Беневенте, арки Адриана в Афинах

и Фессалониках, библиотеки в Афинах и Ефесе, акведук в испанской Сеговии, архитектурные ансамбли Пальмиры и Баальбека.

Одним из чудес инженерной архитектуры стал мост, переброшенный через реку Гар, включенный в акведук, который снабжал водой Немауз. Он представляет собой трехъярусную аркаду высотой в 50 метров. Композиционным центром сооружения служит крупнопролетный средний ярус. Пропорции конструкции рассчитаны с ориентацией на принцип золотого сечения и удивительно ритмичны. Гардский мост стал непревзойденным символом инженерного искусства римской античности.

На первый взгляд пластика II столетия стилистически оставалась в русле, который сложился в век Августа. Скульпторы разных уровней мастерства выполняли копии греческих статуй, но в выборе оригиналов для копирования обнаружились новые веяния, по меньшей мере, в самой эстетически рафинированной среде. Загородную виллу императора Адриана в Тибуре украшали копиями статуй архаической, а не классической эпохи, искусство которой считалось в окружении этого утонченного принцепса слишком пресным.

Как и в прежнюю эпоху, скульпторы ваяли характерные реалистические портреты частных лиц, большая часть которых предназначалась для увековечения их памяти на городских кладбищах, лучшим художникам заказывали статуи императоров, их жен и детей, их друзей. И это были по большей части идеализированные парадные изваяния. В скульптурных портретах Траяна, Адриана и Антония подчеркивается, в разных пропорциях, их героизм, мудрость, благожелательность к согражданам, забота о благополучии республики при сохранении индивидуальных черт как физиономических, так и душевных, что делает их легко узнаваемыми. Но некоторые из императорских портретов выпадают из общей для этого рода искусства стилистики. Бронзовый бюст Траяна, найденный в Анкаре, представляет великого правителя и полководца задумчивым мудрецом, чья забота о государственном благе, сопряженная с необходимостью вести войны, диктуется сознанием долга, а не вдохновенным порывом воина и завоевателя. Некоторые из портретов Адриана передают напряженную нервозность его утонченной натуры, сдерживаемую чувством достоинства.

В правление этого принцепса скульпторы изваяли многие сотни изображений его погибшего при таинственных обстоятель-

ствах, горько оплаканного им и обожевленного любимца Антонию. Образ этого нового бога тиражировался на монетах, его вырезали на камнях, на бесчисленных амулетах. Характерные черты облика Антонию, воспроизведенные в его скульптурных портретах, — лоб, прикрытый прядями волос, низкие брови, задумчивый меланхолический взгляд, чувственный рот, выпуклый подбородок — гармонично сложенное, по-юношески гибкое и хрупкое тело. В выражении лица — своеобразное сочетание высокомерной надменности и незащищенности. Лучшим художникам удавалось даже передать в образе этого рано погибшего юноши трагическое настроение обреченности. Доминирующим настроением статуй Антонию была печаль о том, что юность и красота мимолетны, горесть из-за безжалостных и неумолимых жерновов времени, которые никого не щадят.

Иной характер воспроизводит скульптура другого юноши — 15-летнего Марка Аврелия. Уже в раннем возрасте его отличала замечательно переданная ваятелем самоуглубленность, погруженность в собственные мысли и чувства, отрешенность от мирской суеты. Более знаменита выполненная из бронзы конная статуя этого императора, подлинник которой, ныне перемещенный в музей, еще недавно возвышался на Капитолийской площади, где его заменила копия. В прошлом под ногами коня лежал варвар-германец со связанными за спиной руками. Это парадное изображение императора и полководца, а не философа, но поскольку статуя достоверна в воспроизведении черт портретируемого, она до известной степени передает и его душевные качества — его мягкость, добродушие и задумчивость. Недаром ее принимали в средневековье за статую христианского правителя святого Константина, действительный облик которого, хорошо известный по его сохранившимся скульптурным портретам, отличался гораздо большей суровостью рожденного воина и полководца и подлинно императорской властью. Капитолийский всадник послужил образцом для многочисленных конных статуй эпохи позднего средневековья и нового времени.

Высшим достижением рельефной скульптуры века Антонинов стали батальные сцены на колоннах Траяна и Марка Аврелия. Замечательными художественными качествами отличаются и некоторые из барельефов, наносившихся на саркофаги, в которых погребали останки римских граждан и римских подданных

на всем пространстве мировой империи — от Евфрата до Атлантического побережья. Прекрасные живописные портреты в греко-египетском эллинистическом стиле, как и в предшествующее столетие, писались не для того, чтобы ими любовались человеческие глаза, на крышках саркофагов, в которые помещали мумии усопших в долине Нила и оазисах Сахары египтян, греков и римлян, усвоивших местные погребальные обряды. По месту их находок они получили название фаюмских портретов, ныне они украшают лучшие музейные коллекции мира. Одним из центров эллинистического искусства на окраинах империи стала Пальмира. Сохранившиеся в песках Сирийской пустыни пальмирские изваяния несут на себе органично сплавленные черты традиций реалистичной греко-римской пластики и иератической скульптуры Ирана.

Век Антонинов был назван золотым не только из-за того, что на него приходится расцвет римского зодчества и пластики, но и потому, что это было время небывалого прежде материального благополучия, он заслужил такой характеристики и по ее буквальному смыслу, потому что золото, серебро и драгоценные камни обретались в ту пору в Риме в количествах, превосходивших и более ранние и позднейшие времена. Тут уместны сравнения разве только с Толедо и Мадридом после завоевания Испанией стран ацтеков и инков.

Апогеем экономического процветания Рима было время правления Адриана и Антонина. При Траяне казну опустошали колоссальные расходы на военные кампании и на украшение столицы великолепными постройками, а при Марке Аврелии императорский фиск истощили войны: с парфянами, маркоманами и квадами, в разгар которых на Рим обрушилась губительная чума. В первом столетии в экономический упадок пришла Италия, составлявшая ядро империи, катастрофически понизилась численность ее населения. Поэтому уже Траян предпринимал усилия по восстановлению ее хозяйственного потенциала. Эту политику продолжил Адриан. Его первым шагом в этом направлении было освобождение жителей Италии от налога, который взимался при переходе власти к новому принцепсу. В провинциях этот налог был существенно снижен. Следующим шагом последовало списание всех долгов италийских общин фиску. Тем не менее остановить процесс хозяйственного оскудения Италии не удалось.

Очагами экономического роста стали провинции, и Адриан считался с этой объективной тенденцией и использовал ее. Путь к тому, чтобы способствовать экономическому развитию, он видел в урбанизации тех завоеванных Римом варварских стран, где городская жизнь пребывала еще в зачаточном состоянии — Дунайских провинций, Дакии, внутренних земель Малой Азии, Нумидии. Как писал М. В. Ростовцев, «в придунайских землях часто встречаются *municipia Aelia*, а в областях греческого языка на Балканском полуострове и в Малой Азии было большое количество городов, названных в честь Адриана, — Адрианополь или в таком же роде. Кроме Антинополя в Египте известны Адрианутера и Стратоникея в Малой Азии; оба они были раньше деревнями, и в них политика Адриана подверглась серьезным испытаниям. Многие поселения в Африке стали городами только благодаря цезарю. Сельские общины, не готовые к тому, чтобы превратиться в города, получали от Адриана существенные привилегии, вследствие чего условия жизни в этих поселениях заметно приблизились к условиям жизни в настоящих городах» (Ростовцев. Общество и хозяйство в Римской империи, т. 2, с. 83).

Продолжая аграрную политику Флавиев и Траяна, Адриан, а вслед за ним также и Антонин, поселяли на многочисленных императорских *сальтусах*, разбросанных по провинциям, с их целиной, арендаторов, с тем чтобы они возделывали ее, и пока они работали на земле, она находилась в их владении. Если же они прекращали возделывать землю *сальтуса*, они немедленно утрачивали ее, и эта земля сдавалась другим арендаторам. Когда же арендаторы занимались на этой земле не хлебопашеством, а сажали виноградные лозы, фруктовые деревья и оливы, они получали возможность на выгодных условиях получить ипотечный кредит. Ради развития культурного земледелия арендаторам *сальтусов*, будь то мелкие хозяева или предприниматели, нанимавшие затем сельскохозяйственных рабочих или использовавшие труд невольников, предоставлялось разрешение выращивать виноградники и оливковые рощи и на пахотных землях, если те пустовали в течение 10 лет. Владельцы таких участков приобретали право передавать их наследникам при условии, что те возьмут на себя все обязательства своих наследодателей. По существу дела такие арендаторы становились землевладельцами на императорских землях. Систему аренды Адриан ввел и на некоторых рудниках

и в каменоломнях, принадлежавших лично императору или фиску, где раньше в основном заняты были государственные рабы, часто утратившие свободу по судебным приговорам в наказание за совершенные ими преступления. Эта мера способствовала повышению производительности горнорудной и строительной индустрии и росту доходов казны.

Чрез налоги и торговлю богатства империи стекались в ее столицу. Между римлянами они распределялись неравномерно, хотя перепадали всем, даже и тем, кто ютился у самого подножия социальной лестницы. Неравенство доходов и уровней жизни — явление универсальное, но колоссальное перераспределение их в пользу низов — уникальная черта социального строя Рима. Обратной стороной государственной благотворительности был беспримерный в истории массовый паразитизм. Во втором столетии число римлян, постоянно получавших хлеб из анноны, по существу дела живших за счет казны, увеличилось до 175 тысяч. Помощь получали главы семей, так что общее число кормившихся даром составляло примерно полмиллиона человек.

Примерно таким же было в Риме и число рабов, из которых лишь сравнительно малая часть была занята производительным трудом, преобладающая масса остальных находилась в личном услужении своих господ. В отличие от эпохи классической республики, когда у простых римских граждан было, как правило, по одному рабу, так что ему приходилось разделять труды своего чаще всего малоимущего владельца, занятого ремесленным или земледельческим трудом, в век Антонинов, когда из-за наводнения Рима золотом, цена на рабов взмыла вверх, большинство граждан уже не приобретало невольников, зато у людей состоятельных они исчислялись десятками, а у магнатов — сотнями и даже тысячами. Десятки тысяч невольников находились в частной собственности принцепсов, причем многие из них занимали высокое положение в имперской администрации. Лишенные прав, эти рабы могли обладать огромной властью, когда же они, получив в дар свободу, становились вольноотпущенниками, то, по крайней мере, самые удачливые из них, приобретали влияние и на принятие государственных решений, становились участниками большой политической игры.

Социальной мобильности римского общества немало способствовала получившая широкое распространение практика

манумиссии — освобождения рабов, которые затем без особых затруднений приобретали гражданские права. Свита клиентов, которую составляли вольноотпущенники нобилия, более способна была тешить тщеславие патрона, чем его фамилия, состоявшая из рабов, да и репутация в обществе, и даже политический вес магната зависел от размеров его клиентуры, и это обстоятельство служило дополнительным стимулом к освобождению рабов, помимо человеколюбия и выгоды, заключающейся в одних случаях в том, что надежда на обретение свободы побуждала раба усерднее служить господину, а в других — в том, что состарившийся или больной раб становился ненужной обузой своему владельцу, и его выгодней было отпустить на волю доживать свой век и умирать.

Между тем, рабами по преимуществу становились не италийцы, но уроженцы провинций — греки, сирийцы, египтяне, северные варвары из числа кельтов, германцев или сарматов, со времени Траяна — даки. В результате своза рабов со всего мира в Рим и последующего их освобождения с переходом в состояние римских граждан менялся антропологический тип римлян, менялся «состав крови» римского общества, в котором уже крайне мало оставалось таких лиц, среди предков которых не было бы иноземцев, и по наблюдениям антропологов, расовые характеристики римлян смещались в сторону востока — кровь потомков рабов из Галлии и Германии не перевешивала в этом смещении крови сирийцев, евреев, пунийцев и египтян.

В совокупности жившие за счет казны пролетарии и рабы составляли в Риме примерно две трети его жителей. Оставшаяся треть, еще полмиллиона человек, или около 150 тысяч семей, имели возможность содержать себя сами. Характеризуя социальную дифференциацию римского общества, Ж. Каркопино писал: «Численный перевес толпы неимущих над людьми состоятельными делается в полном смысле пугающим, если мы осознаем разброс в размере имущества у этого меньшинства: большинство тех, кого мы именуем средним классом, влачили жалкое существование перед лицом невероятной роскоши нескольких тысяч мультимиллионеров» (Каркопино, цит. изд., с. 101).

По выкладкам того же историка, принадлежность к действительному среднему классу, которая бы позволяла «поддерживать наиболее скромный образ жизни буржуазии» (Каркопино, цит. изд., с. 102), предполагала состояние в размере всаднического

ценза, составлявшего 400 тысяч сестерциев» — около одного миллиона современных долларов. Если бы весь этот капитал находился в банке, он давал бы при среднем тогда росте в 5 процентов — 20 тысяч сестерциев (примерно 50 тысяч долларов) годового дохода. «Ниже этого, — продолжает Каркопино, — начиналась нужда пролетаризированных масс, и мелкая буржуазия располагалась ближе к ним, нежели к богатейшим капиталистам, в один разряд с которыми ее помещали исключительно правовые фикции. И в самом деле, сколько могли весить их 400 тысяч сестерциев рядом с десятками миллионов, которыми ворочали настоящие магнаты города?.. Эти всадники, взлетевшие на самые высокие должности, соответствовавшие их классу, и раздобревшие на постах, которые они последовательно занимали в управлении денежными потоками и снабжением населения продуктами питания; наконец, эти вольноотпущенники, скопившие состояния, управляя имуществом императора и вельмож! Так Рим, эта общемировая содержанка, высасывала богатства из всего мира. И я не думаю, что... концентрация капитала, начиная с принципата Траяна, была здесь меньшей, нежели в нашем XX веке у деловых людей Сити или банкиров Уолл-стрит» (Каркопино, цит. изд., с. 102).

Рим II столетия был несравненно более безопасным, чем в предшествовавшую ему эпоху, когда правили полубезумные принцепсы из династии Клавдиев. Относительно мирное правление Антонинов не толкало римских нобилей на крайние проявления низости, предательства и кровавой жестокости, к которым легко прибегали их отцы и деды при Нероне и Домициане ради спасения собственной жизни, причем нередко напрасно, потому что и такой ценой многим из них не удавалось уберечься от подстерегавшей их на всяком шагу расправы. Но нравственного исцеления римского общества не произошло. Напротив, в щадящих условиях либерального режима Антонинов падение нравов охватывало все более широкие круги Рима. Нобили с твердыми нравственными правилами, подражавшие высокоморальному по меркам языческого мира образу жизни таких императоров как Траян, Антонин или Марк Аврелий, были редким исключением в сенаторском сословии. Марку Аврелию не удалось воспитать даже своего родного сына в духе верности тем принципам, которыми руководился он сам, ему не удалось внушить ему чувство долга за благополучие управляемого

государства, и в облике Коммода римская знать ужаснулась зловещему призраку Нерона.

Погоня за удовольствиями, оборачивающаяся часто изощренным и противоестественным развратом, составляла содержание жизни не только высшего, но и среднего класса. Поиск развлечений заполнял помышления римского плебса, и самым невинным из них были термы, доступные ввиду действительно высокого уровня бытовой и технической культуры Рима даже нищим пролетариям. Более острые чувства римлянин, будь то сенатор или неимущий плебей, испытывал, когда присутствовал на конских ристалищах, гладиаторских боях, травле зверей. Регулярные визиты в дешевые трактиры и бесчисленные лупанарии составляли одну из характерных черт образа жизни римского плебса.

Нравственное растрепывание, как и в предшествующее веку Антонинов столетие, оказывало разрушительное влияние на прочность семейных уз. Легкость их разрывов обуславливалась и постепенной трансформацией брачного законодательства. Ко второму столетию совершенно исчезли те три классические формы брака, которые ставили жену в юридическую зависимость от мужа и уже тем гарантировали относительную прочность брака в прошлом: патрицианский брак по обряду *confarreatio*, заключавшийся в присутствии великого понтифика и фламينا Юпитера, плебейский брак *coemptio* — фиктивная продажа дочери отцом ее будущему мужу через манципацию, и наконец, брак *per usus*, когда жена поступала во власть мужу в силу давности владения по факту ее сожительства с ним.

Заменившая их новая форма брака основана была на договоре между свободными партнерами — мужем и женой, ставившем их в почти равноправное положение и могущем легко быть расторгнутым по желанию любой из сторон. Заключению брака предшествовала помолвка, когда жених и невеста с согласия родителей и при свидетелях давали взаимные обязательства, при этом жених дарил невесте подарки и вручал ей кольцо — золотое, серебряное или позолоченное, которое та надевала на безымянный палец левой руки. В самый день свадьбы на невесту по обычаю надевали тунику, подпоясывая ее шерстяным поясом, который завязывался двойным узлом и назывался Геркулесовым, и поверх туники — красную палу, или плащ, ноги обували в сандалии того же цвета, а на шею надевалось ожерелье,

голову укутывали в оранжевое покрывало, которое скрывало лоб, и на нем укреплялся венок из мирта и флердоранжа. Потом в дом невесты приходил жених с родителями, родственниками и друзьями. Из дома невесты все участники торжества шли в ближайший храм или к алтарю для приношения жертвы богам — чаще всего резали свинью, иногда барана или быка. Затем десять свидетелей прикладывали свои печати к брачному договору. Нанятый авгур совершал ауспиции. «Обследовав внутренности, он, — как пишет Ж. Каркопино, — ручается за благоприятность предзнаменований, без чего брак, проклятый богами, не будет иметь юридической силы. Как только он посреди благоговейного молчания произносит соответствующие слова, супруги в его присутствии обмениваются взаимным согласием в форме, которая, как кажется, реализует соединение как их жизней, так и воли: *Ubi tu Gaius, ego Gaia*» (Каркопино, цит. изд., с. 123) — (Где ты Гай, там я Гая). С этого момента брак считался заключенным, и участники праздника возвращались в родительский дом жены на брачное пиршество. Затем новобрачная прощалась с родителями и в сопровождении флейтистов и пяти факельщиков, сопровождаемая друзьями мужа и своими подругами, шествовала в свой новый дом. По дороге пелись игривые песенки. Друзья мужа при зажженном факеле переносили новобрачную через порог дома. Трое подруг вносили в дом прялку и веретено. Одна из них подводила новобрачную к ложу, и затем гости удалялись.

Но ни трогательная брачная клятва невесты, ни благоприятные ауспиции не гарантировали неразрывности брачных уз при отсутствии власти мужа над женой, каковая признавалась имеющей юридическую силу на основнии самих форм брака, употреблявшихся в добрые старые времена. Большинство браков распадалось. Многократные разводы стали тривиальной чертой жизни не только знати, но и простолюдинов, некоторые из римлян или римлянок более двадцати раз вступали в брак, и каждый из них оставался бездетным — в деторождении едва ли не большинство римских матрон видело досадное бремя. Содержание и воспитание детей было чаще данью законам, официальным общественным приличиям, заботе о посмертной сохранности накопленных или унаследованных богатств, в лучшем случае, о сохранении родового прозвища, чем проявлением естественной отцовской или материнской любви. Патриархальные

нравы до известной степени сохранялись еще лишь в деревенской глуши, в среде вчерашних варваров, подвергшихся поверхностной культурной романизации, или тех подданных Рима, которые упорно сохраняли свое национальное лицо, оставаясь варварами, — в Британии, Дакии, у пиренейских, альпийских или динарских горцев.

Иные нравы царили в среде тех отщепенцев римского общества, которых травили, преследовали и убивали под именем объявленных вне закона христиан, но сами жертвы правительственных гонений и ненависти черни почитали это свое преступное имя за самое высокое звание, жертвуя жизнью, когда им предлагалось спасти ее ценой отречения от Христа. Несмотря на не раз распространявшиеся со скоростью лесного пожара из одного конца империи в другой эпидемии гонений, число христиан продолжало расти. В конце II века христианские общины существовали уже во всех провинциях Римской империи.

9. Церковь в век Антонинов

Во втором столетии от Р. Х. Церковь Христова подвергалась гонениям, которые уже при Домициане приняли систематический характер, а теперь основывались на ясно обозначенных юридических нормах, хорошо известных из сохранившейся переписки Плиния Младшего с императором Траяном. Со стороны римской и провинциальной черни репрессии христиан встречали пылкое одобрение. Иудеи ненавидели христиан, как еретиков, с фарисейской точки зрения, поправших Закон Моисея или даже впавших в языческое идолопоклонство, а римляне первоначально, пока не рассмотрели ближе состав христианских общин и не обнаружили там больше эллинов и италиков, сирийцев и египтян, чем иудеев, распространяли на них брезгливое предубеждение, с которым они относились к евреям.

А о том, в сколь карикатурном виде представлялись римлянам, и даже римским интеллектуалам, религия, нравы и обычаи иудеев, красноречиво говорит посвященный им пассаж из «Истории» Тацита: «Моисей, желая увековечить себя в памяти иудеев, дал им новую религию, враждебную всем тем, что исповедуют остальные смертные. Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, и наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается. В своих святилищах они поклоняются изображениям животного, которое

вывело их из пустыни и спасло от мук жажды; при этом режут баранов, будто нарочно, чтобы оскорбить бога Аммона; убивают быков, потому что египтяне чтут бога Аписа. Они не употребляют в пищу мясо свиней, ибо животные эти подвержены той же болезни, что некогда поразила народ иудеев... Но каково бы ни было происхождение всех описанных обычаев, они сильны своей глубокой древностью; прочие же установления, отвратительные и гнусные, держатся на нечестии, царящем у иудеев: самые низкие негодяи, презревшие веру отцов, издавна приносили им ценности и деньги, отчего и выросло могущество этого народа; увеличилось оно еще и потому, что иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью. Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату и в общении друг с другом позволяют себе решительно все; они и обрезание ввели, чтобы отделить своих от всех прочих. Те, что сами перешли к ним, тоже соблюдают все эти законы, но считаются принятыми в число иудеев лишь после того, как исполнятся презрения к своим богам, отрекутся от родителей, детей и братьев. При всем этом иудеи весьма заботятся о росте своего народа, — на убийство детей, родившихся после смерти отца, смотрят как на преступление, души погибших в бою или казненных почитают бессмертными и по этим причинам любят детей и презирают смерть. Тела умерших они не сжигают, а подобно египтянам, зарывают в землю... Иудеи... верят в единое божественное начало, постигаемое только разумом, высшее, вечное, непреходящее, не поддающееся изображению, и считают безумцами всех, кто делает себе богов из тлена, по человеческому образу и подобию. Поэтому ни в городах у них, ни тем более в храмах нет никаких кумиров, и они не ставят статуй ни в угоду царям, ни во славу цезарей» (Тацит, цит. изд., т. 2, с. 190–191).

Когда же римляне выяснили, что христиане не иудейская секта, а новая религия и что среди ее приверженцев преобладают выходцы из их же собственной среды, то к прежним предубеждениям прибавились новые. В среде самых темных и подозрительных элементов распространились обвинения христиан в «Эдиповых смешениях» (заповедь любви воспринималась как поощрение кровосмесительных связей) и в Фиестовых пиршествах — причащение Телу и Крови Спасителя зложелателями выдавалось за заклятие младенцев и людоедство.

Прошли многие десятилетия, прежде чем в языческом окружении христиан не сложилось более адекватного и добросовестного представления о вере, богослужении и образе жизни последователей Христа. Тогда главным врагом их стала не легко возбудимая азартная толпа, но правительство Рима. А в начале II века, при Траяне и Адриане, императорские рескрипты, предусматривавшие смертную казнь для христиан в случае доноса на них при добросовестном признании справедливости доноса и отказе отречься от Христа, скорее сдерживали кровавые порывы черни, чем поощряли их.

Что же однако подталкивало само римское правительство на преследование христиан? Во всяком случае, не искренняя религиозная ревность, потому что в образованном обществе, к которому принадлежали и императоры и чиновники, преобладало скептическое отношение к традиционным верованиям. Известный кредит имели, правда, философские интерпретации греческих мифов и римского культа в русле платонизма, неоплатонизма или стои, популярные однако лишь на интеллектуальных вершинах, но не в толще военно-чиновничьего аппарата. И если Нерон затеял избиение христиан, потворствуя охотничьим вожделям толпы и стремясь отвести народный гнев, вызванный пожаром Рима, от собственной персоны, то императорам из династии Антонинов чужды были вульгарные демагогические методы управления, так что преследовать христиан ради угождения народу они бы не стали.

Римская республика однако держалась на официальном государственном культе, а он не мог ни инкорпорировать христианство, которое, как и религия иудеев, было несовместимо с иными верованиями, и в духовном плане претендовало на монополию и исключительность, хотя он вобрал в себя даже столь экзотическое на традиционный римский религиозный вкус египетское богочитание с его Аписами и священными скарабьями, ни игнорировать его существование и воочию наблюдаемое неуклонное распространение: официальная религия вынуждена была защищаться от вытеснявшей ее из сердец и умов римских граждан, подданных и рабов веры в единого Бога Творца и в Сына Божия Иисуса Христа. А защищаться приходилось не универсальной римской религиозной корпорации, которая бы этой своей универсальностью была подобна церкви, за отсутствием таковой, а Римскому государству, располагавшему свойственными именно ему средствами.

Именно на это обстоятельство указывал В. В. Болотов в своей принципиально верной оценке сложившейся ситуации: «В Римской империи не было величины, равной церкви, т. е. не было церкви языческой. Что у христиан относилось к сфере церковной деятельности, то в Риме относилось к сфере деятельности государственной. Жрецы, понтифики, фламины были государственные чиновники; поэтому в силу исторической необходимости тот вызов, который христианская Церковь бросила языческой вере и на который должна была ответить языческая церковь, приняло государство... Христианство требовало известной льготы... Прямо оно предъявляло только одно положение, что религия есть дело личных убеждений и личной совести. Римская империя отвечала противоположным тезисом: религия устанавливается не индивидуумом, а народом, или его представителями в государстве» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 14–15). Иными словами, Церковь вступила в неизбежный конфликт с тоталитарным государством, которое в XX столетии неудачно пытался имитировать Муссолини.

Найти иной выход из сложившейся коллизии, кроме попытки уничтожить вторгшееся в республику инородное и несовместимое с государственным организмом тело, римское правительство не смогло. Поэтому христиане были объявлены вне закона: для Римского государства христианин был *hostis publicus deorum, imperatorum, legum, morum, naturae totius inimicus* (общественный враг богов, императоров, законов, недруг всей природы). Реальная политика в отношении Церкви в правление разных императоров колебалась, свирепые преследования с розыском христиан, их казнями, истреблением Священных Книг, как при Максимилиане или Декии, сменялись относительной терпимостью, выливавшейся порой даже в благожелательное сочувствие, как во времена Александра Севера или Филиппа Араба, но законодательство, известное нам лучше всего из рескриптов Траяна, которые никогда не отменялись, оставалось неизменным. Наглядным графическим изображением ритма гонений с нарастаниями и спадами интенсивности будет синусоида, или волнообразная линия.

Церковная традиция насчитывает 10 гонений: Нерона, Домициана, Траяна, Марка Аврелия, Септимия Севера, Максимиана, Деция, Валериана, Аврелиана и Диоклетиана, — которые уподобляются 10 казням египетским и 10 рогам апокалиптического

зверя, но в этом их исчислении есть доля условности. Если в перечень императоров-гонителей включать лишь тех, кто развязывал кампании преследований христиан, охватывавшие всю империю, то число их придется сократить, а если учитывать также региональные, локальные гонения, то в черный список врагов Церкви придется включить также Коммода, Каракаллу, Септимию Севера и других принцепсов.

Необъяснимый с точки зрения здравого исторического смысла, или лучше сказать, имманентной политической логики провал религиозной политики могущественной сверхдержавы древнего мира, перемоловшей сотни народов и племен, пытавшихся отстоять свою независимость, является фактом величайшей исторической важности и одним из самых поразительных исторических уроков. Опыт за опытом гонения христиан давали обратный эффект, приводили сразу или скоро потом к результатам, противоположным тем, на которые рассчитывали гонители, порой отличавшиеся исключительным политическим даром, и даже гениальностью как Траян или Диоклетиан, стоявшие на вершине интеллектуальных возможностей человека как Марк Аврелий. Их усилия оказались тщетными; остановить распространение Церкви, которая виделась им недугом, смертельно опасным для республики, для общественного блага, они не смогли. Для христианского сознания, для христианского восприятия исторических событий за всем этим открывалось действие Промысла Божия, исполнение обетования Спасителя: «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16, 18).

Проникнуть в тайну Божественных планов и замыслов не дано тварному человеческому рассудку, но их присутствие и их плоды можно обнаружить в исторических явлениях. Человек и человеческие сообщества при этом не являются слепыми и бессильными орудиями Божественной воли. Исторический процесс представляет собой своего рода прагматический диалог между Промыслом и добровольно покоряющейся Ему или дерзающей восставать на Него волей человеческой, индивидуальной и властвующей лишь над самим ее носителем или держащей в узде целые народы и государства. Промысл Божий о торжестве Его Церкви на заре ее истории совершался действием благодати и подвигом христианских мучеников, бессильных противостоять гонителям вещественным и земным оружием, но вновь и вновь одерживавших над ними духовную победу.

В древних мартириях мученики часто именовались атлетами (афлите) веры, а их подвиг агиологи называют агонем, бранью, победоносным состязанием, в котором только внешним образом им противостоят палачи и стоящая за ними государственная мощь, в действительности же — духи злобы.

Само греческое слово «мартис» не содержит в себе указания на мучение, которое послужило основой для его перевода на славянский и русский язык — «мученик». Оно обозначает собственно «свидетель», в переводе на арабский — «шахид». В западные романские и германские языки это слово вошло без перевода, но в самом восприятии его акцент, как и в русском, стал делаться на претерпевании пыток, мучений. Но, как писал В. В. Болотов, «слово «мученик», которым переводится у славян греческое «мартис» — свидетель, передает лишь второстепенную черту факта, как отзыв непосредственного человеческого чувства на повествование о тех ужасных страданиях, которые переносили мученики... В истории о мучениках нас, отделенных от начала христианства многими веками, поражают прежде всего те истязания, которым они подвергались. Но для современников, знакомых с римской судебной практикой, эти истязания были явлением обычным... Пытки на римском суде являлись обыкновенным законным средством дознания. К тому же и нервы римского человека, привыкшего к возбуждению кровавыми зрелищами в амфитеатрах, так были притуплены, что жизнь человека ценилась мало. Так, например, показание раба, по римским законам, только тогда имело значение на суде, если оно было дано под пытку, и свидетелей рабов пытали... При том же христиане обвинялись в уголовном преступлении, «в оскорблении величества», а к подсудимым этого рода суды имели законное право применять пытки в обилии» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 4).

Для древних христианский мученик был прежде всего не жертвой, но свидетелем веры, героем веры, победителем. Попросту говоря, люди, наблюдавшие эту его борьбу и одержанную им победу, обнаруживавшуюся в том, что палачи оказались бессильны заставить его отречься от Христа, убеждались в том, что выдержавший пытки и претерпевший добровольную смерть христианин обладает ценностью, которая выше всего, что есть на земле, потому что самой несомненной земной ценностью человека является его жизнь, и если христианин жерт-

вует ею, то он делает это ради блага, превосходящего временную жизнь. В восприятии одних зрителей истязаний и казней вера жертвующих жизнью христиан была проявлением неразумного суеверия упрямец, пребывающих в плену иллюзий, но для других наблюдаемый ими подвиг мученика становился исходным импульсом внутреннего переворота, началом переоценки прежних ценностей, призывом к обращению. И как известно из житий древних мучеников, порой такое преобразование души совершалось с ошеломляющей скоростью, так что даже судьи, приговаривавшие христиан к казни, и палачи, уже готовые приступить к своему ремеслу, пораженные верностью и стойкостью осужденного на смерть христианина, сами громогласно исповедовали Христа и кровью свидетельствовали о своей приверженности только что обретенной ими вере в Него. Через мученичество христиане соединялись со Христом, и радость общения с Ним они не только обретали за гробом, но предвкушали уже здесь, в самих страданиях за Него.

На состояние души мученика, поглощенного предстоящей ему встречей со Спасителем, обильный свет проливает подвиг епископа Антиохийского священномученика Игнатия, и не только посвященные ему мученические акты, но еще больше письмо, обращенное к христианам Рима, куда его везли под стражей, чтобы там, по приговору, вынесенному, по церковному преданию, самим Траяном, вывести его на арену на растерзание зверей. Святой Игнатий, прозванный Богоносцем, возглавлял Антиохийскую Церковь после Еводия — более точных сведения о начале его епископства нет. Судя по не вполне правильному греческому языку его посланий, а также по тому, что в них мало ссылок на Ветхозаветные книги, он был не греком и не иудеем, но, вероятно, сирийцем. Косвенным образом это предположение подтверждается его пламенным темпераментом, экзотическим тоном его писаний.

Мученический акт священномученика, хотя он позднего происхождения и его составление относится к рубежу IV и V столетий, по всей вероятности, верно передает хранившиеся в церковной памяти основные сведения о допросе святого императором Траяном и о вынесенном им приговоре: «Траян: Кто ты, злой демон, что стараешься нарушить наши законы, да и других убеждаешь к тому же, чтобы они погибли несчастно? — Никто не называет Богоносца злым демоном: злые духи бегут от рабов

Божиих. Если же ты называешь меня злым для этих демонов, потому что я неприятен им, я согласен. Имея Христа, Пренебесного Царя, я разрушаю их сети. — А кто такой Богоносец? — Тот, кто имеет Христа в сердце своем — Разве мы, думаешь ты, не имеем в душе богов, которые помогают нам против врагов? — Ты заблуждаешься, называя египетских демонов богами. Один есть Бог, сотворивший небо и землю, море и все, что в них, и Един Христос Иисус, Единородный Сын Божий, Который да будет ко мне милостив. — Ты говоришь о Распятом при Понтии Пилате? — Да, о Том, Который распял на кресте мой грех вместе с виновником его и всю демонскую лесть, всю злобу осудил и поверг к ногам тех, кто носили Его в сердце. — Итак, ты носишь в себе Распятого? — Да, ибо написано: вселюся в них и похожду. — Повелеваем Игнатия, который говорит, что носит в себе Распятого, отвести в оковах в Рим под воинскую стражей и там предать на съедение зверям для забавы народа» (цит. по: Мансуров, цит. изд., с. 162).

В письме к Римлянам святой Игнатий находит слова, исполненные удивительной силы, чтобы передать овладевшую им жажду сораспинания Христу: «Я пишу Церквам и всем сказываю, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете мне. Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым. Лучше приласкайте этих зверей, чтобы они сделались гробом моим и ничего не оставили от моего тела, дабы по смерти не быть мне кому-либо в тягость. Тогда я буду поистине учеником Христовым, когда даже тела моего мир не будет видеть. Молитесь о мне Христу, чтоб я посредством этих орудий сделался жертвою Богу. Не как Петр и Павел заповедую вам. Они апостолы, а я осужденный: они свободные, а я доселе еще раб. Но если пострадаю, — буду отпущенником Иисуса и воскресну в Нем свободным. Теперь же в узах своих я учу не желать ничего мирского или суетного» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 124).

Погруженный в мысли о предстоящей ему арене, подвергаемый унижениям со стороны конвоиров, священномученик не теряет чувства юмора: «На пути из Сирии до Рима, на суше и на море, ночью и днем я уже борюсь со зверями, будучи связан

с десятью леопардами, то есть с отрядом воинов, которые от благоденний им оказываемых (речь идет, вероятно, о том, что христиане местных Церквей на пути святого Игнатия в Рим пытались задобрить охранников, чтобы те благосклонней обращались с узником — В. Ц.), делаются только злее. Оскорблениями их я больше научаюсь, но этим не оправдываюсь» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 124–125).

Затем от леопардов в облике человеческом мысль святого снова обращается к зверям, с которыми он встретится на арене: «Молюсь, чтоб они с жадностью бросились на меня. Я заманю их, чтоб они тотчас же пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, — я их принужу. Простите мне; я знаю, что мне полезно. Теперь только начинаю быть учеником. Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу. Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробления костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки дьявола придут на меня — только бы достигнуть мне Христа... нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая, говорящая во мне, взывает мне изнутри: «иди к Отцу» ...Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 125–126). Какими же средствами могло располагать Римское государство, чтобы сокрушить дух такого христианина? Их у него очевидным образом не могло существовать по природе вещей. А если к тому же мученическая смерть призывала ко Христу Его новых последователей, то дела гонителей были действительно плохи, и их затае в конечном счете была обречена на провал.

Из двух возможных дат кончины святого Игнатия, 107 или 117 г., В. В. Болотов, опираясь в своих выкладках на хорошо известный факт посещения Траяном кафедрального города святого Игнатия в 115 г., когда там случилось страшное землетрясение, в котором погиб консул Марк Вергилиан Педо, а сам император едва остался жив, выпрыгнув в окно, выбирает 117. В обстановке охватившего горожан ожесточения против христиан, накликавших своим «безбожием» на город беду, Траян, — полагает историк, — отдал их предстоятеля «на растерзание зверям в Риме» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 77).

Из церковного предания известно, что когда Игнатия вывели на арену амфитеатра, он «беспрестанно повторял имя Христово. «Что ты повторяешь одно и то же слово?» — спросили его воины. Святой Игнатий ответил: «Оно написано у меня на сердце, потому и повторяют его уста» (см. Тальберг. История Христианской Церкви. М. — Н.-Й, 1991, с. 33). Звери сразу растерзали тело мученика, так что от него осталось лишь несколько костей, которые антиохийские христиане, имевшие возможность сопровождать своего епископа до конца, бережно собрали и отослали в родной город, где они стали предметом почитания.

Кроме римлян, Игнатий Богоносец направил послания еще пяти малоазийским общинам: Ефеса, Магнезии, Тралл, Филадельфии и Смирны и своему другу епископу Смирнскому Поликарпу. Они написаны были, вероятно, когда он на пути в Рим останавливался в этих городах, и местные христиане могли общаться с ним. Судя по наставительному тону посланий, авторитет этого «мужа апостольского» был исключительно высок и в Сирии и в Малой Азии.

В послании святого Игнатия Поликарпу Смирнскому начертан образ истинного пастыря, облеченного благодатию епископского служения: «Я преисполнен благодарности к Богу, что удостоился видеть непорочное лицо твое, которым желал бы всегда наслаждаться о Боге... Старайся о единении, лучше которого нет ничего. Снисходи ко всем, как и к тебе Господь. Ко всем имей терпение в любви, как ты и поступаешь. Пребывай в непрестанных молитвах. Проси большего разумения, нежели какое имеешь... Носи немощи всех, как совершенный подвижник... Во всем будь мудр, как змея, и незлобив, как голубь» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 140–141). Святой Игнатий поручил временному попечению Поликарпа свою антиохийскую паству и просил его ревностно заботиться о ее духовном благополучии.

Священномученик Поликарп надолго пережил своего друга Игнатия Богоносца и вообще своих современников. Общавшийся в юности с апостолами, которыми и был поставлен на Антиохийскую кафедру, и в особенности с «возлюбленным учеником» Господа Иоанном, он пострадал за Христа уже только в середине II столетия, вероятно, в 155 г. при Антонине Пие. Поликарп составил несколько посланий, адресованных соседним

со Смирной Азийским Церквам, но сохранилось из них лишь одно, обращенное к филиппийцам. Оно написано было в ответ на просьбу филиппийских христиан прислать им все имевшиеся у него послания святого Игнатия. И Поликарп, откликаясь на эту просьбу и высылая послания незадолго до этого растерзанного в Риме зверями мученика, сопровождает их своим собственным письмом, сохранившемся в переводе на латинский язык: «Послания Игнатия, присланные им к нам, и другие, сколько их есть у нас, мы отправили к вам... Вы можете получить из них великую пользу. Ибо они содержат в себе веру, терпение и всякое назидание в Господе нашем. Что вы узнаете верного о самом Игнатие и его спутниках, — сообщите нам» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужы апостольские и апологеты, цит. изд., с. 156).

Как известно из послания Смирнской Церкви к христианской общине в Филомелии Фригийской, казни Поликарпа предшествовали языческие празднества в Смирне. Для развлечения горожан на растерзание зверям были брошены 12 приговоренных к смерти христиан из Филадельфии. Один из них Квинт Фригиец, сам себя выдавший властям, увидев зверей, устранился и отрекся от Христа, зато другой из схваченных Германик поразил зрителей своим героическим бесстрашием: «Проконсул хотел переубедить его: указывал на его возраст, старался, ссылаясь на его расцветающую юность, возбудить в нем жалость к себе, но юноша немедля с готовностью привлек на себя зверя, дразнил его и натравливал, лишь бы поскорее избавиться от этой жизни с ее неправдой и беззаконием» (Евсевий, цит. изд., с. 135). Возбужденная кровавым зрелищем толпа потребовала предать смерти предстоятеля Смирнской Церкви. Раздались крики: «Смерть безбожникам! Разыскать Поликарпа!» (Евсевий, цит. изд., с. 135).

Поликарп по настоянию своей паствы скрылся в близлежащей деревне. Когда он молился, ему было видение — горело изголовье его постели, и он сказал тогда своим близким, что будет сожжен заживо. Предупрежденный о приближении искавших его воинов, святой переменял убежище, но его местонахождение под пытками выдал один из рабов-христиан. Когда его схватили, воины были поражены тем спокойствием и благодушием, с которыми он ожидал мучительной казни. По дороге в Смирну конвой с Поликарпом встретил коляску, в которой

ехали муниципальный начальник иринарх Ирод со своим отцом Никитой. Они взяли святого старца в свою коляску и по дороге уговаривали его исполнить требуемое для спасения жизни: «Что плохого сказать: «Владыка кесарь», принести жертву и сохранить себе жизнь?» Поликарп сначала не ответил, а когда они стали приставать к нему, сказал: «Что вы мне советуете, делать не собираюсь» (Евсевий, цит. изд., с. 136). В гневе на его упрямство доброжелатели вытолкали его из коляски, и при падении он повредил колено, но спокойно продолжал идти под конвоем.

Допрашивал Поликарпа проконсул Азийской провинции Статий Квадрат, а происходило это в Великую Субботу. «Проконсул спросил его: «Ты Поликарп? И после утвердительного ответа стал уговаривать отречься: «Уважь свою старость»... «Поклянись фортуной кесаря, одумайся, скажи: «Смерть безбожникам!» Поликарп ...сказал: «Смерть безбожникам!» А проконсул настаивал, говоря: «Поклянись, и я отпущу тебя; обругай Христа»... Поликарп же сказал: «Восемьдесят шесть лет я служу Ему, и Он ничем меня не обидел: Могу ли хулить Царя моего, спасшего меня?» (Евсевий, цит. изд., с. 138). Даже когда на возобновленное предложение поклясться фортуной кесаря святой произнес слова, после которых по закону подлежал казни: «Мысли у тебя насчет того, чтобы я поклялся фортуной кесаря, пустые. А как ты притворяешься, что не знаешь, кто я, то выслушай слово свободное: я христианин; если хочешь узнать учение христианина, отведи на это день и выслушай» (Евсевий, цит. изд., с. 138), проконсул не спешил выносить приговор, давая понять подсудимому, что не он сам, а народ хочет его смерти: «Убеди народ». Поликарп сказал: «Тебя я удостоил разговора, потому что нас наставили воздавать подобающую честь властям и правителям, поставленным Богом, если это нам не на пагубу. Они же, по-моему, не достойны того, чтобы перед ними защищаться». Проконсул сказал: «У меня звери: напущу на тебя, если не переменишь мыслей». Он же сказал: «Зови. Нельзя нам менять хорошее на плохое; хорошо отойти от худого к справедливому». Он опять ему: «Усмирю тебя огнем, если тебе нипочем звери и если не передумаешь». Поликарп сказал: «Ты грозись огнем, который горит свое время и скоро гаснет, а не знаешь ты, что для будущего суда и вечного наказания нечестивцам готов огонь. Зачем медлишь? Делай, что хочешь!» (Евсевий, цит. изд., с. 138).

Допрос кончился. Проконсул послал глашатая три раза возгласить на стадионе: «Поликарп признал себя христианином». Когда глашатай сказал это, тогда вся толпа язычников и иудеев, проживающих в Смирне, не в силах сдерживаться, подняла неистовый рев: «Он учитель Азии, он отец христиан; наших богов отрицает и многих учит не приносить им жертв и не чтить их». Говоря так, они стали кричать и просить асиарха Филиппа выпустить на Поликарпа льва. Он сказал, что это нельзя, потому что борьба со зверями закончена. Тогда решили единодушно кричать, чтобы Поликарпа живого сжечь» (Евсевий, цит. изд., с. 138–139)

Когда сложили костер из дров и хвороста, священномученик сам снял с себя одежду и обувь. Затем он в молитве благодарил Господа за то, что Он удостоил его мученичества. По окончании молитвы костер подождгли, но, как пишут смирнские христиане, «пламя образовало нечто вроде свода; словно парус, полный ветром, оградил кругом тело мученика, и он стоял посередине не как плоть горящая, а как золото и серебро, очищаемое огнем в печи. Мы ощущали такое благоухание, как от курящегося ладана и какого-то другого драгоценного аромата. Наконец незаконные увидели, что не могут уничтожить его тело огнем, и велели палачу пронзить его мечом. Когда он это сделал, то хлынуло столько крови, что потушило огонь» (Евсевий, цит. изд., с. 140). Описание кончины святого Поликарпа заканчивается рассказом о том, как христиане хотели сберечь его останки, но власти, по наущению иудеев, сожгли их из опасения, «как бы они, бросив Распятого, не стали почитать его... Центурион, видя иудейскую склоность, положил его тело на виду у всех, как это у них принято, и сжег его; мы же потом собрали его кости, которые дороже драгоценных камней и благороднее золота, и положили их где следовало» (Евсевий, цит. изд., с. 140–141).

Нелепые опасения того, что смирнские христиане могут переменить поклонение распятому Спасителю на почитание своего епископа Поликарпа, представляют собой характерную черту, подтверждающую достоверность мученического акта, каковым является послание из Смирны к христианам Филомелии Фригийской, написанное вскоре после смерти предстоятеля их Церкви. Из этого документа видно, что во втором столетии самым опасным врагом Церкви оставалась толпа, легко возбудимый охлос, а власти отчасти идут на поводу у народа, отчасти же пытаются

сдерживать его кровожадность, действуя по законам, восходящим к рескриптам Траяна, по которым сама власть христиан не разыскивала, когда же на них поступал донос, им самим предстояло сделать выбор: отречься и тем избежать казни, либо сохранить веру, открытое исповедание которой каралось смертью.

В сокровищницу древнехристианской письменности эпохи мужей апостольских, помимо посланий священикомучеников Климента Римского, Игнатия Антиохийского и Поликарпа Смирнского, вошла и такая своеобразная книга как «Пастырь», написанный Ермом, римлянином, жившим в первой половине II столетия; по некоторым сведениям, он был братом Римского епископа Пия и носил в действительности имя Ермий. Как и большинство римских христиан, Ерм говорил по-гречески, на этом языке написан и его «Пастырь», но наличие в тексте этого сочинения многочисленных гебраизмов дает основание предполагать, что у Ерма было еврейское происхождение. В своей книге автор рассказывает, как он был продан в рабство и отправлен в Рим, как рабом он трудился на поле, расположенном при дороге, которая вела из Рима в Кумы. Впоследствии он обрел свободу, имел семью и детей, которые однако во время гонений отреклись от веры во Христа.

«Пастырь» Ерма — это запись откровений, полученных автором от таинственной пожилой матроны, символизирующей Церковь, и от Ангела в образе пастуха, или пастыря — отсюда идет и название книги, которая состоит из трех частей: «Видения», «Заповеди» и «Притчи». Пафос «Пастыря» в предсказании надвигающихся на Церковь новых гонений, в призыве к верности Христу, аскетическому воздержанию и целомудрию, а также в учении о спасительности покаяния. Обращаясь к читателям христианам, Ерм предостерегает их от погруженности в попечения о житейском благополучии и напоминает им об их небесном отечестве: «Пастырь сказал мне: «знаете ли, что вы, рабы Божии, находитесь в странствии? Ваш город находится далеко от этого города. Итак, если знаете ваше отечество, в котором имеете жить: то зачем здесь покупаете поместья, строите великолепные здания и ненужные жилища? Ибо кто приготовляет такие вещи в этом городе, тот не помышляет о возвращении в свое отечество. Несмысленный, двоедушный и жалкий человек, не понимаешь ли, что все это чужое и под властью другого... делайте дела Божии, помня о заповедях Его и обетованиях, Им

данных, и веруйте Ему, что Он исполнит их, если будут соблюдать Его заповеди. Вместо полей, искупайте души от нужд, сколько кто может, помогайте вдовам и сиротам; богатство и все стяжания ваши употребляйте на такого рода дела, на которые вы и получили их от Бога» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 206–207).

К числу древнехристианских памятников принадлежит и «Дидахи», или «Учение двенадцати апостолов». Изречения апостолов пользовались в первенствующей Церкви самым высоким авторитетом. Некоторые из них записывались после их смерти, по памяти. В результате появлялись сочинения, которые не принадлежали апостолам как ими написанные или ими продиктованные тексты, подобные тем, что вошли в Новый Завет, но которые тем не менее проникнуты подлинно апостольским духом. Таким творением было и «Дидахи» Уже в древности оно было утрачено и основательно забыто, но в XIX в. его открыли вновь. Первым памятник обнаружил архимандрит Антонин (Капустин) в 1862 году, но в науку он вошел благодаря тому, что был опубликован в 1883 году греческим ученым митрополитом Филофеем Вриеннием.

«Учение 12 апостолов» восходит к рубежу I и II столетий. В нем от лица апостолов излагаются наставления о христианской вере и нравственности. Начинается оно со слов о том, что «есть два пути: один — жизни и один — смерти... И вот путь жизни: во-первых, возлюби Бога, создавшего тебя, во-вторых, ближнего своего, как самого себя» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 16)... А вот путь смерти: прежде всего он зол и полон проклятия. Тут убийства, прелюбодеяния, страсти, блуд, воровство, идолопоклонство, чародейство» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 19), и иные грехи. В «Дидахи» содержатся сведения о совершении Таинств Евхаристии и крещения: «Крестите в живой воде во имя Отца и Сына и Святого Духа. Если же нет живой воды, крести в другой воде; если не можешь в холодной, то в теплой. А если нет ни той, ни другой, возлей воду на голову трижды во имя Отца и Сына и Святого Духа. А перед крещением крестящийся и крещаемый должны поститься» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 20). О приступающем к причащению Святых Таин сказано, что если он сознает

за собой грехи, «пусть покается» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужы апостольские и апологеты, цит. изд., с. 22). Это одно из первых упоминаний о Таинстве покаяния.

Во втором столетии в Церкви умножилось число христиан, которые вышли из интеллектуальной элиты эллинистического общества. Именно они брали на себя миссию апологии христианского вероучения перед лицом отвергавшего его общества и защиты самого права христиан на существование, которого они лишены были действовавшим в Римской империи законодательством Траяна.

Самым выдающимся из древних апологетов был Иустин Философ. Он родился в начале II века в самарийском городе Сихеме, переименованном в Неаполь, который был тогда населен в основном греческими колонистами, к их числу принадлежали и его предки — отец Прииск и дед Вакхий. Получив классическое образование, Иустин стремился обрести смысл человеческой жизни и искал его в философских системах стоиков, перипатетиков, пифагорейцев, и наконец, в сочинениях Платона, которые представлялись ему стоящими ближе всего к искомой им истине. В поисках истины Иустин не раз встречался с христианами; подлинный переворот в его сознании произвели беседы с одним старцем христианином, с которым он познакомился в Ефесе, когда однажды, находясь в уединенном месте на берегу моря, предавался философским размышлениям. О своем обращении под влиянием беседы с мудрым и кротким старцем Иустин рассказал впоследствии в «Диалоге с Трифоном Иудеем». Приняв крещение, Иустин не снял мантии философа. Странствуя в ней по провинциям Римской империи, он проповедовал Евангелие, находя особенно веские аргументы для людей, которые, подобно ему, были носителями эллинского образования. Прибыв в Рим в правление Антонина Пия, Иустин основал там христианскую школу, одним из учеников которой был ставший также впоследствии апологетом Татиан.

Иустин был предан смерти по доносу своего оппонента Кресцента, принадлежавшего к философской школе киников. Мученик предвидел, что он станет виновником его смерти: «Я ожидаю, что буду пойман в сети кем-нибудь из тех, о которых я упомянул, и повешен на дереве, по крайней мере, Кресцентом, любителем шума и суетного блеска. Ибо этот человек не стоит того, чтобы называть его философом... так как он всенародно обвиняет нас

в том, чего не знает, — будто христиане безбожники и нечестивцы; и это делает он в угоду и удовольствие оболыщенной толпы» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 348). Более ясный свет на моральные качества доносчика проливает ученик Иустина Философа Татиан: «Кресцент, который свил себе гнездо в великом городе, превосходил всех в педерастии и был весьма сребролюбив. Этот презритель смерти так боялся ее, что старался причинить смерть, как зло, Иустину, а также и мне, за то, что он, проповедуя истину, обличал философов в сластолюбии и лжи» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 387).

Мученик Иустин Философ был казнен вместе с 6 своими учениками в правление другого философа Марка Аврелия, вероятно, в 165 г., причем допрашивал его префект Рима Квинт Юний Рустик, учитель императора и один из самых образованных людей своего времени. «И может быть, — как замечает В. В. Болотов, — его философскими склонностями объясняется и то, что он, видимо, интересуется христианством, ставит обвиняемым вопросы, выходящие из тесных юридических границ, намеченных Траяном (вопросы: где христиане собираются? к какой философской школе Иустин принадлежит? в чем состоит учение христиан?)» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 98).

Иустин написал, по словам Евсевия Кесарийского, «много полезнейших произведений; они свидетельствуют об уме, прошедшем школу и погруженном в размышления о Божественном» (Евсевий, цит. изд., с. 146). Историк называет ряд его сочинений: «речи», обращенные к Антонину Пию и его преемнику, трактаты «К элинам», «Обличение», «О Божественном единодержавии», «Лирник», «О природе души», «Против Маркиона», «Диалог с Трифоном Иудеем». Из них сохранилось лишь три творения: две апологии и «Диалог с Трифоном Иудеем», из которого Евсевий цитирует место с обвинением иудеев в подстрекательстве против христиан, в том, что они «разослали по всей земле из Иерусалима избранных людей объявить, что появилась безбожная ересь христианская, и рассказывать про нее все, что на нас возводят люди, нас не знающие» (Евсевий, цит. изд., с. 146).

В первой и второй «Апологиях» Иустин пытается убедить императоров и сенат, что христиане напрасно преследуются как

враги государства, лучшими гражданами которого они в действительности являются. Несправедливость в отношении христиан особенно очевидна потому, что «если кто из обвиняемых отречется, и скажет только, что он не христианин, то вы его отпускаете, как бы уже не имея никакого доказательства его виновности» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 274). Большая часть «Первой апологии» посвящена изложению христианского учения о Божественном Логосе (Слове) в его сопоставлении с языческими верованиями и греческой философией. И если культ мнимых богов Иустин объясняет демоническими внушениями, то в философских воззрениях эллинов он находит скорее истину, хотя и частичную, в полноте явленную в христианском Откровении. Более того, некоторых философов мученик даже называет христианами, хотя они жили задолго до воплощения Слова: «Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога., что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно с Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами — Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров — Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 317).

В то время как святой Иустин обнаруживал в своих апологетических сочинениях открытость по отношению к носителям традиций эллинской мысли, стремление опереться в своем миссионерстве в этой среде на те элементы их воззрений, которые способны приблизить эллинов к принятию полной истины, явленной в Божественном Логосе, во Христе, его ученик Татиан в «Речи против эллинов», напротив, акцентировал внимание на пропасти, разделяющей христианство и эллинистическую культуру и философию. В ней он обнаруживает себя крайним ригористом по отношению к внешней философии, греческой литературе, искусству, в особенности театру — школе разврата: «Что удивительного или прекрасного совершается у вас? Посредством носа производят постыдные звуки, делают неприличные движения, на сцене учат как блудодействовать, и это видят сыновья и дочери ваши... Достойны похвалы и поэты ваши лжецы, которые фигурными словами оболещают слушателей» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 390).

Татиан по происхождению был сирийцем, получил основательное философское образование, много путешествовал, в Риме принял христианство, сблизившись со святым Иустином и став его учеником. После казни своего учителя он возглавил основанную им школу, затем вернулся на Восток. В конце жизни, а скончался он около 175 г., Татиан уклонился от Православия и стал основателем секты энкратитов, учение которой было проникнуто крайним ригоризмом. Татиан стал отвергать брак, употребление мяса и вина, и ввиду гнушения вином его последователи совершали Евхаристию на воде. Хуже того, Татиан разделял гностические идеи об эонах. Святой Ириней Лионский писал о нем: «Слушатель Иустина, он, пока был с ним, ничего подобного не провозглашал; а после его мученической кончины отошел от Церкви и в чаду учительского самомнения, возомнив себя выше других, создал свое собственное учение, сочинил каких-то незримых эонов, вроде Валентиновых; объявил вместе с Маркионом и Сатурнином брак пагубой и развратом и придумал доказательства, утверждающие невозможность спасения для Адама» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 155).

Татиан — автор многих сочинений, получивших высокую оценку Тертуллиана, Климента Александрийского, Евсевия Кесарийского, но все они утрачены, за исключением «Речи против эллинов», и его главного труда — «Диатессарона» (то диатессарон евангелион), в котором в едином повествовании представлена евангельская история, составленная из фрагментов текста четырех Евангелий. «Диатессарон» употреблялся не только в секте энкратитов, но и в католических общинах Сирии за богослужением вплоть до V столетия.

Ничего не известно о жизни еще одного апологета Афинагора Афинского, составившего около 177 г. обращение к Марку Аврелию и сыну его Коммоду «Прошение о христианах». Тон этой апологии отличается особым смирением. Податель «Прошения» кротко укоряет мудрых, милосердных и человеколюбивых императоров за то, что в то время как «вся империя... наслаждается глубоким миром», одни только христиане подвергаются притеснениям, гонениям и мучениям., тогда как мы не делаем ничего худого, и ...преимущественно пред всеми питаем самые святые достоподобные расположения к Божеству и вашей власти» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 411). Апологет отвергает возводимые

на христиан обвинения в атеизме, каннибализме и совершении incestов, подчеркивая, что если бы все это не было клеветой, христиане действительно заслуживали бы жестоких казней. Обвинение в атеизме основывалось на факте непочитания богов. Объясняя причину неучастия христиан в их культе, Афинагор раскрывает христианское учение о едином Боге, Сыне Божиим и Духе Святом. Учение Афинагора о Божественном Логосе, хотя и не вполне безусловно терминологически, отличается большей догматической точностью, чем посвященные Логосу мысли Иустина Философа, которым свойствен был налет субординационизма, характерный для богословия II столетия. Афинагор писал: «Сын Божий есть Слово Отца, как Его идея и как действующая сила, ибо по Нему и чрез Него все сотворено, потому что Отец и Сын суть одно. А так как Сын в Отце и Отец в Сыне, по единству и силе духа, то Сын Божий — ум и слово Отца» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 419). Еще одно его сохранившееся сочинение — «О воскресении из мертвых». Главная мысль этого трактата в том, что грядущее воскресение обусловлено самой природой сотворенного Богом человека, который предназначен для вечной жизни и состоит из души и тела, единство которых разрушает смерть. Вознаграждение или наказание человека не может относиться к одной только душе, но должно затронуть и его тело. Творения Афинагора обнаруживают в их авторе превосходное знание греческой поэзии и риторики и высокую культуру философской мысли. Его слог отличается не только правильностью, выдающей его эллинское происхождение, но и замечательными литературными качествами.

Одним из выдающихся христианских писателей II века был святой Феофил, занимавший Антиохийскую кафедру с конца 170-х по конец 180-х гг. По Евсевию Кесарийскому, он был «шестым после апостолов» предстоятелем Антиохийской Церкви (см. Евсевий, цит. изд., с. 147). Евсевий называет среди его сочинений «Три книги к Автолику», «Против ереси Гермогена» и книгу против Маркиона. Из них сохранились лишь «Три книги к Автолику». Святой Феофил родился на востоке, вблизи Евфрата, получил классическое греческое образование, христианином стал в зрелые годы, после длительного изучения Священных книг. Адресат «Трех книг» Автолик был язычником, с которым автор поддерживал дружеские отношения. Желая убедить его в истине

христианского учения, он обстоятельно излагает его, находя убедительные аргументы в доказательство его правоты и несостоятельности языческих верований. Один из своеобразных доводов святого Феофила, как, впрочем, и многих других христианских писателей древности, состоит в том, что христианское учение, корни которого восходят к библейским пророкам, древнее сочинений языческих философов. У святого Феофила в богословской части его труда впервые употреблено для обозначения Трех Божественных Лиц слово «Троица» (Триас): «Те три дня, которые были прежде создания светил, суть образы Троицы, Бога и Его Слова и Его Премудрости» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 481). Правда, эта его терминология расходится с той, которая впоследствии стала общеупотребительной в христианском богословии. Третью Ипостась Феофил называет не Святым Духом, но Премудростью — словом, которое принято относить к Сыну Божию. Неустойчивость тринитарной терминологии вообще свойственна была богословию апологетов.

Евсевий Кесарийский писал о высоком авторитете еще одного апологета епископа лидийской столицы Сард святого Мелитона. В «Церковной истории» он приводит послание епископа Ефесского Поликрата предстоятелю Римской Церкви Виктору, в котором тот в рассуждении о времени празднования Пасхи ссылается на самых почитаемых святителей Азии, и среди них на «Мелитона евнуха, целиком жившего в Духе Святом, почивающего в Сардах, ожидая пришествия с небес и воскресения из мертвых» (Евсевий, цит. изд., с. 192). О его жизни известно немного: он путешествовал по восточным провинциям империи в поисках древних списков Ветхозаветных книг. В «Истории» Евсевия помещен обширный список его трудов, но почти все они утрачены. До недавних пор сохранившимися считались лишь фрагменты из направленной около 170 г. святым Мелитоном императору Марку Аврелию «Апологии», включенные в «Историю» Евсевия. В одном из них содержится мысль о провиденциальном совпадении во времени появления «нашей философии», как он называет в письме, адресованном императору философу, христианское вероучение, и империи Августа: «Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка. Она принесла счастье твоей империи: с тех пор росла

и мощь и слава Рима... А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно» (Евсевий, цит. изд., с. 153). Эти мысли, нацеленные на примирение империи и Церкви, в ту пору не были услышаны, но они оказались востребованными, когда император Рима поклонился Христу, Тому, чье Царство не от мира сего. Сложившаяся в христианской Римской империи симфония священства и царства явилась исполнением надежд, которые воодушевляли святого Мелитона.

В 1940 г. К. Боннер нашел греческий кодекс IV столетия, в котором содержалась проповедь Мелитона Сардийского «О Пасхе». В Сардийской общине, как и в других Церквях Малой Азии, праздновали Пасху 14 нисана одновременно с воспоминанием о страстях Христовых, составляющих главную тему этого слова, которое его публикатор назвал поэтому «Проповедью в Страстную Пятницу». В 1972 г. бельгийский иезуит Михаил Ван Эсбрук обнаружил в Тбилисской библиотеке фрагмент слова святого Мелитона «О душе и теле и страстях Господних» в переводе на грузинский язык. Эти две ранее неизвестные проповеди написаны вдохновенно, с такой энергией религиозного чувства, с таким высоким словесным мастерством, с такой бесподобной силой контрастных образов и метафор, что при прочтении этих шедевров религиозной поэзии стало очевидным их влияние на позднейшую гимнографию — на антифоны утрени Великой Пятницы. Вот один из отрывков проповеди «О душе и теле и страстях Господних»: «Убили Помощника иудеев, воздали злом за добро, и скорбью за жизнь; Того, Кто воскрешал из мертвых и исцелял хромых и очищал прокаженных и возвращал свет слепым, Того убили, повесив Его на древе. О тайна новая и несказанная! Повесили на древе Того, Кто основал землю, пригвоздили ко кресту и приготовили гроб Тому, Кто измерил небеса, и напоили уксусом Того, Кто поит справедливостью, и напитали желчью Того, Кто животворит и кормит их спасением; пронзили руки и ноги Того, Кто исцеляет их руки и ноги. О тайна новая и несказанная, ибо судим был Судья и связан был Тот, Кто освободил связанных, и пригвожден был Тот, Кто сотворил мир, измерен был Тот, Кто мерит небеса и землю, Кто животворит творения, и погребен был Тот, Кто воскрешает мертвых»

(Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 532–533).

Первая из апологий, написанных на латинском языке, принадлежит Минуцию Феликсу, римскому юристу, который жил во II и скончался в начале III века. Упоминания о нем есть в трудах блаженного Иеронима и Лактанция. Эта апология называется «Октавий», она написана в память о рано скончавшемся друге юности Минуция и его коллеге по адвокатской практике Октавии. Сочинение Минуция в литературном отношении написано как подражание диалогу Цицерона «О природе богов» и представляет собой беседу двух христиан (автора и Октавия) и язычника Цецилия. Собеседники, прогуливаясь по дороге, ведущей из Рима в Остию, ведут спор о вере, и в конце концов аргументы Минуция и Октавия превозмогают доводы их оппонента Цецилия, тот признает истину христианского учения и сам решает стать христианином. Адресат апологии — образованные язычники, искренне ищущие истины. Поэтому в «Октавии» нет ссылок на Священное Писание, зато часто воспроизводятся мысли греческих философов, образы из произведений греческих и латинских поэтов. Автор апологии обнаруживает незаурядный литературный талант, прекрасное владение приемами латинской риторики, так что «Октавий», с этой стороны, может считаться одним из шедевров латинской прозы.

Среди памятников древней христианской апологетики есть и анонимное сочинение, известное под названием «Послание к Диогнету». Имя автора этого послания остается неизвестным, хотя высказывалось предположение, что им мог быть святой Ипполит Римский. Согласно другой гипотезе, им был Квадрат, о не сохранившейся апологии которого упоминает Евсевий Кесарийский. Автор послания пытается убедить своего высокопоставленного адресата в превосходстве христианства над идолопоклонством и призывает его обратиться к спасительной вере во Христа. Его доводы основаны как на соображениях религиозно-философского характера, так и на демонстрации нравственной высоты христиан, которые ведут жизнь не просто безукоризненную, но сверхприродную по своей жертвенности, с чего собственно и начинается «Послание к Диогнету»: «Христиане не различаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни житейскими обычаями... Но обитая в эллинских и варварских городах, где кому досталось, и следуя обычаям тех жителей в одежде,

в пище и во всем прочем, они представляют удивительный и поистине невроятный образ жизни. Живут они в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, и все терпят как чужестранцы. Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна. ...Они во плоти, но живут не по плоти. Находятся на земле, но суть граждане небесные. Повинуются постановленным законам, но свою жизнь превосходят самые законы. Они любят всех и всеми бывают преследуемы. Их не знают, но осуждают, умерщвляют их, но они животворятся; они бедны, но многих обогащают... Иудеи вооружаются против них как против иноплеменников, и эллины преследуют их, но враги их не могут сказать, за что их ненавидят. Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространена по всем членам тела, и христиане по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 595–597).

Христианские апологеты, обращавшиеся к императорам с призывом пересмотреть несправедливые законы против христиан, по которым они преследовались за одно только «имя», не уличенные ни в каких преступлениях, и прекратить гонения, не достучались ни до сердец правителей, ни до их здравого политического смысла, но составленные ими апологии имели широкое хождение среди читателей, укрепляя веру обращенных, вооружая их основательными доводами в защиту своих религиозных убеждений, убеждая колеблющихся и ищущих истины, роняя сомнения в сознание приверженцев языческого культа или агностиков и атеистов, вызывая глубокую внутреннюю перемену в душах бывших противников христианства, которые, подобно «апостолу язычников» из Савлов становились Павлами. Как и подвиги мучеников, свидетельствовавших о Христе своей кровью, миссионерская проповедь, одним из видов которой было составление апологий, способствовала распространению христианства в пределах Римской империи и за ее границами.

Распространение христианства в разных провинциях и регионах было, естественно, неравномерным. Самой христианизированной частью империи была Малая Азия. Христиане составляли значительную часть населения в Сирии, Македонии, Элладе, Италии, Африке, Египте. Христианское присутствие было

заметным в Месопотамии, Фракии, Тавриде, Иллирике, на Сицилии, в Испании, на юге Галлии. За имперскими границами, по ту сторону лимеса, христианство находило для себя почву главным образом в Иране, но также в Эфиопии, Аравии, Армении.

На рубеже I и II столетий Тертуллиан в трактате «Против иудеев» писал о распространении христианства среди едва ли не всех известных ему народов мира: «Да в кого же, как не в Христа, уверовали все народы? Да в кого же уверовали и другие народы: парфяне, мидяне, эламиты, жители Месопотамии, Армении, Фригии, Каппадокии, Понта и Асии, Памфилии, Египта и частей Африки, находящихся за Киринеею, и жители Рима, и жившие тогда в Иерусалиме иудеи, и другие народы, разные обитатели Гетулии, многочисленные жители Мавритании, все пределы Испании, разные народы Галлии, и недоступные для римлян места Британии, но подчиненные Христу, а равным образом — сарматы, даки, германцы, скифы и многие отдаленные народности и многие острова и провинции, неизвестные нам, которых мы не можем и перечислить» (цит. по Болотов, цит. изд., т. 2, с. 235–236).

В «Апологии» он не без язвительности обращается к гонителям: «Мы существуем со вчерашнего дня и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собрания, сами лагеря, трибы, декурии, дворец, сенат, форум. Одни только храмы ваши мы оставили вам» (Антология. Отцы и учителя Церкви III века. Т. 2, М., 1996, с. 361). Саркастически иронизируя, он замечает далее, что если бы христиане действительно были врагами Римской республики, то у нее оказалось бы «более врагов, чем граждан» (Антология. Отцы и учителя Церкви III века. Т. 2, с. 362). Это, конечно, риторическое преувеличение. Более определенно о доле христиан в населении Африканской столицы Карфагена писал он в трактате «Против Скапула», который был проконсулом Африки: «Если проконсул воздвигнет гонение на христиан, то придется перебить около одной десятой Карфагена (*Carthago decimanda esset*)» (цит. по: Болотов, цит. изд., с. 237).

У нас нет статистических данных о масштабе и темпе количественного роста Церкви, но на основании разрозненных частных сведений о присутствии христианских общин в разных городах и об их приблизительной численности, включая, возможно, также несколько преувеличенное заключение Тертуллиана о доле

христиан в населении Карфагена, можно представить хотя бы статистический порядок, характеризующий умножение числа христиан. На рубеже I и II века христиан насчитывалось, вероятно, несколько сот тысяч, едва ли больше трехсот, а столетие спустя их было уже более одного миллиона. Римская, Александрийская, Антиохийская Церкви имели десятки тысяч верных каждая. Многочисленные христианские общины существовали в Ефесе, Сардах, Фессалониках, Афинах, Коринфе, Карфагене, Медиолане, Лугдуне, Кордубе.

Значительное большинство христиан составляли горожане. До сельской периферии христианское благовестие доходило с несравненно большими препятствиями и со значительным опозданием. Консервативные крестьяне гораздо серьезнее горожан, в особенности образованных жителей больших полей, привержены были своим традиционным местным культам, своим племенным богам, своим ларам и пенатам, своим локальным гениям, нимфам и дриадам, и потому в массе своей оставались глухи к проповеди Евангелия. Но и сами миссионеры обыкновенно обращались к горожанам, потому что там они имели больше слушателей, и те были более внимательными и подготовленными к восприятию учения, требовавшего радикального отказа от прежних верований и убеждений, и главное, перемены всей жизни. Поэтому крестьяне, назвавшие себя тысячелетие спустя на Руси Христовым именем, в Римской империи в пору торжества христианства над язычеством, напротив, дали имя язычникам. Слово *paganus*, которое ранее обозначало на латинском языке сельского жителя, крестьянина, приобрело иное значение — язычник, и с этим смыслом пришло на Русь, где «погаными» первоначально как раз и величали язычников.

В первой половине II столетия происходили существенные перемены в устройстве христианских общин. К этому времени уходят в прошлое прежние еще упоминаемые в «Дидахи» харизматические служения странствующих апостолов, пророков и учителей. В Церкви окончательно сложилась в основаниях своих восходящая к апостольскому веку трехстепенная иерархия священства, включающая богоустановленные степени епископов, пресвитеров и диаконов.

Епископы (в буквальном переводе с греческого «эпископос» значит «надзиратель») — это предстоятели христианских общин и преемники апостолов, имеющие чрез чреду рукоположений

соборами других епископов благодатную связь с ними. Первые епископы избирались и поставлялись самими апостолами. Священномученик Климент писал: «Апостолы были посланы проповедовать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос от Бога. Христос был послан от Бога, а апостолы от Христа. Проповедуя по различным странам и городам, они первенцев из верующих по духовном испытании поставляли во епископы и диаконы для будущих верующих» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 69). Со временем, в послеапостольскую эпоху, было установлено, что в избрании епископов участвуют епископы ближайших общин, а также клир и народ как свидетели добропорядочности ставленника.

Епископы — это первосвященники и высшие учителя веры для своих церквей, имеющие полноту власти в них и полноту ответственности за спасение принадлежащих к ним христиан пред Богом. Они учат народ догматам веры и благочестия. Только епископы, как преемники апостолов, могли тогда, принимая покаяние согрешивших христиан, «вязать и разрешать» силою Духа Святого во исполнение слов Спасителя: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин 20, 23). Благословение на брак между христианами в Древней Церкви давал епископ. Епископ, по словам протопресвитера Александра Шмемана, характеризовавшего церковную жизнь II века, «для своей церкви есть образ Самого Христа — Главы и Источника всей ее жизни. Без него ничего не должно делаться в церкви, потому что его служение, его особый дар в том и состоит, чтобы собрание христиан через Таинства преобразовать в Тело Христово. Он совершает крещение, приносит Евхаристию, раздаёт дары в собрании. А с властью совершать Таинство неразрывно связана и власть учительства: он учит в собрании не от себя, а в Духе; он хранитель апостольского предания, свидетель вселенского единства Церкви» (Шмеман Александр, протоиерей. Исторический путь Православия. М., 2007, с. 48).

С особой энергией и напором выразил хранимое Священным Преданием учение о епископском служении священномученик Игнатий Антиохийский. Приговоренный к растерзанию зверьями на арене, он вновь и вновь напоминал в посланиях, составленных во время шествия на казнь: Ефесянам — «Иисус Христос, общая наша жизнь, есть мысль Отца, как и епископы,

поставленные по концам земли, находятся в мысли Иисуса Христа. Посему и вам надлежит согласовываться с мыслию епископа, что вы и делаете» (с. 103); «на епископа должно смотреть, как на Самого Господа» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 104); Магнезийцам — «надобно не только называться, но и быть христианами, тогда как некоторые на словах признают епископа, а делают все без него» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 112); «как Господь, без Отца, по Своему единению с Ним, ничего не делал ни Сам Собою, ни чрез апостолов, так и вы ничего не делайте без епископа и пресвитеров» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 113); Траллийцам — «когда вы повинуетесь епископу, как Иисусу Христу, тогда, мне кажется, вы живете не по человеческому обычаю, а по образу Иисуса Христа» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 118); Смирнянам — «только та Евхаристия должна почитаться истинною, которая совершается епископом, или тем, кому он сам предоставит это. Где будет епископ, там должен быть и народ, так же, как где Иисус Христос, там и католическая Церковь... Прекрасное дело — знать Бога и епископа. Почитающий епископа почтен Богом; делающий что-нибудь без ведома епископа служит диаволу» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 137).

В протестантской историографии господствует концепция о монархическом епископате как о новации, неизвестной в Апостольский век. В концентрированном виде такая оценка отразилась в одном из самых популярных в протестантском мире курсов церковной истории — у А. Миллера. Комментируя послания священномученика Игнатия Антиохийского, он писал: «Едва умолк боговдохновенный голос в Церкви, как раздались голоса новых учителей, которые громко и навязчиво стали притязать на высшую честь и высшее место в Церкви для епископа. Больше уже не слышно было ни слова о месте Духа как руководителя общины Божией с неограниченной властью. Письма Игнатия, которые написаны были около 107 г., доказывают это с совершенной очевидностью... Никто не может усомниться в том, что он был верный христианин, исполненный религиозной ревности; но столь же бесспорно и то, что в этом, как и во многом другом,

он ошибался. Главная мысль, которая пронизывает все его послания, — о полном подчинении паствы ее руководителям, иными словами, мирян — духовенству» (Miller Andrew. *Geschichte der Christlichen Kirche*. Bd. 1, Neustadt, s. D. S. 230–231). Причину сложившегося в Церкви уже в начале II столетия пагубного, по его убеждению, «клерикализма» Миллер находит во влиянии иудейства: «Священство было особым маркирующим признаком иудейского строя, в то время как служение, сообразное с волей Божией, характерная черта христианского устройства. Поэтому как только гонимая Церковь начала подражать иудейству, введя особый институт священства, она пришла в упадок» (Miller Andrew, cit. op. S. 236).

Конфессиональная предвзятость историка тут более чем очевидна, с исторической точки зрения необходимо однако отметить одно важное обстоятельство: в то время как в посланиях святого Игнатия присутствует кристально ясное учение о трех степенях священства с теми же их названиями, какие употребляются и ныне, у его современников, в том числе и младших, мы сталкиваемся с иной терминологией, которая в известном смысле соотносится с экклезиологической лексикой Новозаветных Писаний. Так, в Послании к филиппийцам апостол Павел обращается с пожеланием «благодати... и мира от Бога» ко «всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами» (Флп 1, 1), из чего можно заключить, что в Филиппах совершал служение не один епископ и что, следовательно, не всякий «епископ», а лишь один из них мог быть предстоятелем общины.

Священномученик Климент Римский в послании коринфянам, с одной стороны, пишет о том, что апостолы, «проповедуя по различным странам и городам..., первенцев из верующих, по духовном испытании поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 69), а с другой, — в том же послании призывает коринфских христиан, не упоминая об их епископе, «покориться пресвитерам» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 78). И как еще замечает В. В. Болотов, «в послании Поликарпа нигде граница между епископами и пресвитерами не приводится ясно. У Иустина мы знаем лишь о предстоятеле; у Ермы также не находят места, где бы епископ выделялся из круга

подчиненных ему пресвитеров. Даже Ириной... употреблял выражения «епископ» и «пресвитер» смешанно: перечни предстоятелей церковей он называет то преемством епископов (III, 3, 1, 2), то преемством пресвитеров (III, 2, 2). Римские епископы до Виктора называются у него пресвитерами. Поликарп Смирнский — тоже «блаженный пресвитер» (Болотов, цит. изд., с. 456).

Христианские писатели позднейшей эпохи по-разному объясняли несовпадение терминологии века апостолов и мужей апостольских с той, которая окончательно сложилась в Церкви, по крайней мере, к концу II столетия, но которая присутствует уже с полной отчетливостью в посланиях священномученика Игнатия. Так, блаженный Феодорит считал, что «каждая из трех церковных степеней существовала при апостолах под строго определенным названием, хотя и не тем же, какое она носит в IV–V в., именно диаконы назывались диаконами, пресвитеры — пресвитерами и епископами, а епископы — апостолами» (цит. по: Болотов, цит. изд., с. 453). Блаженный Иероним считал, что первоначально епископской и пресвитерской безразлично называлась одна и та же степень, но впоследствии первый пресвитер стал действительно епископом в позднейшем значении этого термина. Таким образом, с его точки зрения во II столетии церковный строй подвергся трансформации. Эту же версию эволюции церковного устройства воспроизводит и русский автор протопресвитер Николай Афанасьев, который выводит появление особой епископской степени из «места, занимаемого старейшим пресвитером на Евхаристическом собрании» (Афанасьев Николай, прот. Церковь Духа Святого. Рига, 1994, с. 239), при этом «основным фактором, вызвавшим превращение старейшего пресвитера в епископа, было первосвященство, как особое служение» (Афанасьев, цит. изд., с. 253), а сама «идея первосвященства, — считал он, — шла со стороны иудейства. При том уважении, которым пользовались ветхозаветные писания в церковных кругах, учение о ветхозаветном первосвященстве должно было иметь притягательную силу» (Афанасьев, цит. изд., с. 254).

Наиболее убедительную интерпретацию терминологических расхождений у ранних христианских писателей предложил святитель Иоанн Златоуст, который «утверждал, что в апостольский период церковные степени назывались не совсем так, как в IV–V в.» и «что тогда терминология совсем еще не была

устойчива: епископ назывался и епископом и пресвитером и даже диаконом, пресвитеры тоже назывались и епископами и пресвитерами. В последующее время терминология установилась — с номинальным возвышением епископов (скромные названия пресвитеров и диаконов уже были оставлены)» (Болотов, цит. изд., с. 454). Таким образом, святой Иоанн Златоуст эволюцию терминологии не отождествляет с эволюцией самого принципа трехстепенной иерархии, которая установлена была апостолами, разумеется, в несомненной связи с ветхозаветными степенями первосвященников, священников и левитов, послужившими прообразами иерархии христианского священства.

В первые века истории Церкви епископ был в каждом городе, где существовала христианская община; обычное название его области, т.е. города и прилегающих к нему пригородных селений, — парикия. Впоследствии от этого слова произошло слово «парохия», означающее «приход». Все это надо иметь в виду, чтобы не запутаться в древних терминах, не совпадающих по значению, но этимологически связанных с принятыми ныне. Хотя церкви, основанные самими апостолами, находившиеся в крупных мегаполисах или даже только в провинциальных центрах, имели особый авторитет для других христианских общин, но во II столетии епископы не были еще связаны между собой узами юрисдикционной зависимости, поместная структура Вселенской Церкви еще не сложилась.

«Церковная история» Евсевия Кесарийского донесла до нас бережно собранные им сведения о епископах, занимавших важнейшие кафедры. «После смерти Симеона епископский престол в Иерусалиме занял еврей Иуст; в то время было уже много обрезанных, которые уверовали во Христа; Иуст был одним из них» (Евсевий, цит. изд., с. 112). Затем Евсевий дает полный перечень епископов, возглавлявших Иерусалимскую общину до разрушения города при императоре Адриане и изгнания из него иудеев: «До осады Иерусалима.., их было пятнадцать, преемственно сменявших друг друга.., все они были исконными евреями и Христово учение приняли искренне... Вся Церковь у них состояла из уверовавших евреев, начиная от апостолов и до тех, кто дожил до осады, когда иудеи, опять отпавшие от римлян, были разбиты в нелегкой борьбе... Первым был Иаков, именуемый братом Господним; вторым Симеон, третьим — Иуст, Закхей — четвертым, пятым — Товия, шестым — Вениамин,

Иоанн — седьмым, восьмым — Матфий, девятым — Филипп, десятым — Сенека, одиннадцатым Иуст, двенадцатым Левий, тринадцатым — Ефрем, четырнадцатым — Иосиф, последним, пятнадцатым — Иуда... Все они из обрезанных» (Евсевий, цит. изд., с. 122). Кончина Иуды, или Кириака приходится на 135 г.

После разрушения Иерусалима он был отстроен заново, получил новое наименование — Элия Капитолина и был заселен греческими, италийскими, сирийскими колонистами, так что и «тамошняя церковь впервые составила из язычников... и первым епископом из язычников был Марк. После него в списке епископов... стоят: Кассиан, за ним Публий, потом Максим, за ними Юлиан, потом Гайй, потом Симмах, потом другой Гайй, опять другой Юлиан, Капитон, за ними Валент Долихиан и после всех Наркисс, тридцатый по премству от апостолов» (Евсевий, цит. изд., с. 178). Список Евсевия Кесарийского охватывает период до 196 г. По изысканиям архиепископа Сергия (Спасского), отраженным в его «Полном месяцеслове Востока» этот перечень не полон. В нем пропущены имена епископов, возглавлявших христианскую общину Элии Капитолины в промежутке между Капитоном и Валентом: Илия, Максим Второй и Антонин (см. Сергий).

Исчерпывающий перечень Римских епископов, начиная от поставленного апостолами Лина и заканчивая концом II столетия, приводит священномученик Иринея Лионский в творении «Против ересей»: «Блаженные апостолы... вручили служение епископства Лину... Ему преемствует Анаклит; после него на третьем месте от апостолов получает епископство Климент... Этому Клименту преемствует Эварест, Эваресту Александр, потом шестым от апостолов был поставлен Сикст, после него Телесфор, который славно претерпел мучение; потом Гигин, потом Пий, после него Аникита; после Сотира, преемствовавшего Аниките, ныне на двенадцатом месте от апостолов жребий епископства имеет Елевфер» (цит. по: Викентий Лиринский, преподобный. О Священном Предании Церкви. СПб., 2000, с. 149). Преемником упомянутого последним современника святого Иринея Елевферия стал Виктор, занимавший Римскую кафедру со 190 по 202 год.

Александрийскую Церковь после Кердона, скончавшегося в 107 г. последовательно возглавляли Прим, или Ефрем, Иуст, Евмений, Марк, Келадион, Агриппин, Иулиан и с 189 по 231 г. Димитрий. Преемником священномученика Игнатия на Антиохийской

кафедре стал Ирон, вслед за ним ее занимали Корнилий, Ерос, знаменитый апологет Феофил и Максимин, скончавшийся в 201 г.

Из «Истории» Евсевия известны имена многих других епископов II века: Клара Птолемаидского, Кассия Тирского, Феофила Кесарии Палестинской, Сотаса Анхиальского, Элия Девельтского, Юлиана Апамейского, Зотика Команского, Сагариса Лаодикийского, Папия, Аверкия и Аполлинария Иерапольских, Мелитона Сардийского, Пальма Амастридского, Поликрата Ефесского, Поликарпа Смирнского, Филиппа Гортинского, Пинита Кносского, Пуплия и Кодрата Афинских, Дионисия и Вакхила Коринфских, Пофина и Ириней Лугдунских.

Пресвитеры (в переводе с греческого — старцы или старейшие) и диаконы (слуги) совершали служение под началом епископа. Священномученик Игнатий призывает христиан почитать их и даже повиноваться им: «Повинуйтесь ...пресвитерству, как апостолам Иисуса Христа — надежды нашей, в Котором дай Бог жить вам. И диаконам, служителям таинств Иисуса Христа, все должны всячески угождать» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 118).

Пресвитеры, по поручению епископов, совершали священнодействия и таинства, но, в отличие от позднейшего строя церковной жизни, когда в одном и том же городе существовало по нескольку храмов, когда храмы и христианские общины появились в сельской местности, и богослужение в них стали совершать пресвитеры, во II веке, когда, за, вероятно, редкими исключениями, имевшими место в самых больших городах — Риме или Александрии, где число христиан составляло десятки тысяч и поэтому они не могли все собираться в одном месте, как правило, Евхаристию совершал епископ, который и возглавлял общину, а пресвитеры сослужили ему, и только в его отсутствие могли литургисать самостоятельно. Но уже и тогда пресвитеры совершали крещения, а также, следуя наставлению брата Господня Иакова — Таинство елеосвящения: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак 5, 14, 15).

Диакон помогал епископу и пресвитеру в исполнении их служения, участвуя в совершении священнодействий, а еще в Древней Церкви на нем лежала забота «о столах». «В ранней

Церкви, — писал протопресвитер Александр Шмеман, — единство в богослужении было неотделимо от самой реальной взаимопомощи, братства, общей заботы о бедных, о вдовах, о погребении братьев, о сиротах. Нельзя участвовать в приношении Евхаристии, не принося реально своего «дара»: хлеб, претворяемый в Тело Христово, отделяется от того «насущенного» хлеба, от тех плодов, что приносят христиане в собрание — для общей трапезы и в помощь неимущим... На диаконах же лежит забота о распределении даров, о помощи бедным, об организации «агап» — вечерей любви» (Шмеман, цит. изд., с. 49).

Святой Иустин Философ писал: «Достаточные же и желающие, каждый по своему произволению, дают, что хотят, и собранное хранится у предстоятеля; а он имеет попечение о сиротах и вдовах, о всех нуждающихся по болезни или по другой причине, о находящихся в узах, о странниках издалека, вообще печется о всех, находящихся в нужде» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужы апостольские и апологеты, цит. изд., с. 339).

В «Первой апологии» Иустина содержатся драгоценные сведения о совершении Евхаристии: в воскресный день, который он, в соответствии с римским календарем, называет «днем солнца», «бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам или селам; и читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончим молитвы..., приносится хлеб, и вино, и вода; и предстоятель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом — аминь, и бывает раздаяние каждому и приобщение даров, над коими совершено благодарение, а к небывшим они посылаются чрез диаконов» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужы апостольские и апологеты, цит. изд., с. 338–339).

О содержании евхаристической молитвы святой Иустин писал, что предстоятель, «взявши это», то есть принесенные хлеб, вино и воду, «воссылает именем Сына и Духа Святаго хвалу и славу Отцу всего и подробно совершает благодарение... Пища эта, — продолжает апологет, — называется у нас евхаристиею (благодарением), и никому другому не позволено участвовать в ней,

как только тому, кто верует в истину учения нашего и омылся омовением в оставление грехов в возрождение, и живет так, как предал Христос» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужа апостольские и апологеты, цит. изд., с. 337), иными словами, принял Таинство крещения.

Евхаристия совершалась в древних христианских общинах, как это видно из «Апологии» Иустина, в «день солнца», который для христиан был первым днем творения, и что еще важнее, посвящался воспоминанию о воскресении Христа из мертвых. Это же событие составляло тогда, как и ныне, содержание важнейшего церковного праздника, за которым сохранилось еврейское название Пасхи. Но праздновалась Пасха в разных христианских общинах в разные дни. Общины Азии праздновали ее 14 нисана, иными словами, в полнолуние первого весеннего месяца, который начинался после весеннего равноденствия, независимо от дня недели, в то время как другие Церкви, в том числе Римская и Александрийская, празднование Пасхи переносили на первый день после Великой Субботы, то есть на день воскресный. В связи с празднованием Пасхи 14 нисана, когда Господь совершил Тайную Вечерю, после чего был предан на крестную смерть, малоазийские христиане в самый день Пасхи держали строгий пост, а вечером совершали Евхаристию. В других же христианских общинах постились накануне воскресенья, и продолжительность этого поста в разных Церквях была различной, а пасхальная Евхаристия совершалась сразу после полуночи.

При этом, как писал В. В. Болотов, самый тон празднования различался: «малоазийские христиане совершали в Пасху таинство страдания... христиане всех других Церквей — «таинство воскресения Господня»... Празднество всех Церквей, кроме малоазийских, выдвигало исторический момент: ежегодно христиане повторяли в своем воспоминании в раздельности последние дни земной жизни Христа, переживали их с теми религиозными чувствованиями (скорби и радости), которые естественно вызывает евангельская история последней вечери, страданий, смерти и воскресения Господа» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 431). Малоазийское же празднование Пасхи, по словам того же историка, «стояло на почве догматической... ветхозаветная Пасха претворялась лишь в новозаветный праздник спасения, как цельного факта в совокупности моментов, его составляющих. Не установление Евхаристии, не страдания и смерть, и не воскресение

Христа в отдельности (последнее было никак не 14 нисана), а все эти события в синтезе, как единый догматически понимаемый факт искупления чрез страдания, составляли предмет празднования. Это был праздник, следовательно радость спасения, но тон этой радости получался серьезно-торжественный» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 431).

И Римская и малоазийские Церкви праздновали Пасху в соответствии с лунным календарем, потому что дата распятия и воскресения Спасителя по солнечному юлианскому календарю, принятому в Римской империи, была неизвестна, она зависела от года, в который был распят и воскрес Господь. Первые христиане, происходившие из иудеев, жили соразмерно иудейскому календарю, и в церковной памяти сохранилась связь этих событий с 14 нисана и с днями недели — от четверга до первого дня после Великой Субботы, а относительно года известно было только то, что Христос пострадал на кресте при императоре Тиберии и прокураторе Иудеи Понтии Пилате. Но не имея на то точных данных, христиане некоторых общин — это была экзотическая практика — связывали распятие и воскресение Христа с точной датой по юлианскому календарю. Известно, что в начале IV века в общине, которую возглавлял Трикентий, Воскресение Христово праздновалось 25 марта. Эта дата, собственно, не воскресения, но распятия Христа, была вычислена на основе подложных актов Пилата. Трикентий, с которым по этому вопросу полемизировал священномученик Петр Александрийский, говорил: «Нам нет никакого дела до иудеев и их календаря, мы желаем только одного: совершать ежегодно воспоминание страдания Христова в то самое время, в какое предали совершать самовидцы от начала» (см. Болотов, цит. изд., т. 2, с. 432, прим.), ошибочно полагая, что время страданий Спасителя по юлианскому календарю было корректно установлено. Есть менее надежные сведения о том, что существовали общины, праздновавшие Пасху 1 апреля, которое они отождествляли с 14 или 16 нисана. В связи с этим возникает подозрение о кощунственном умысле первоапрельских шуток, в которых в таком случае пародируется христианская вера в воскресение из мертвых.

Празднование Пасхи по юлианскому календарю — явление, едва уловимое в истории Церкви, а вот расхождение пасхалии римско-александрийской, с одной стороны, и малоазийской, — с другой, составляло серьезную проблему. Ее первое

документально зафиксированное обсуждение относится к 155 г., когда незадолго до своей мученической кончины предстоятель Смирнской Церкви святой Поликарп посетил Рим, чтобы обсудить с епископом Рима Аникетом пасхальный вопрос. Оба епископа остались после этой беседы при своих убеждениях, вытекавших из разной практики своих Церквей, что однако не привело ни к расколу, ни даже к ссоре. Об этом происшествии рассказывает святитель Ириней Лионский в письме предстоятелю Римской Церкви Виктору, и этот его рассказ воспроизводит Евсевий Кесарийский: «Блаженный Поликарп был при Аникете в Риме; кое в чем они слегка не ладили, но тут же заключили мир, об этом же главном вопросе и спорить не хотели; ни Аникет не мог убедить Поликарпа оставить то, что всегда соблюдали Иоанн, ученик Господа нашего, и остальные апостолы, с которыми Поликарп общался; ни Поликарп Аникета, говорившего, что он обязан соблюдать обычаи своих предшественников. Тем не менее они пребывали в общении друг с другом; Аникет, из уважения, конечно, предоставлял Поликарпу совершать в его Церкви Евхаристию, и они расстались в мире друг с другом и в мире со всей Церковью» (Евсевий, цит. изд., с. 194).

Затем, в 167 г., в Лаодикии Фригийской разгорелся, как пишет Евсевий, цитируя утраченное сочинение Мелитона Сардийского, «великий спор о Пасхе» (Евсевий, цит. изд., с. 152). Мелитон в слове «О Пасхе» отстаивал правомерность практики малоазийских Церквей, основанную, в частности, и на том, что 14 нисана Господь вкушал законную Пасху, а распят был на следующий день, в связи с чем и Пасху христиане должны совершать, подражая Христу, 14 нисана. Его оппоненты Климент Александрийский, Ипполит Римский, Аполлинарий Иерапольский писали впоследствии в связи со спором в Лаодикии, что Господь совершил Тайную Вечерю 13 нисана, и это не была еще пасхальная трапеза, а распят был 14 нисана.

Самый серьезный из известных споров о праздновании Пасхи, в котором противопоставлялись малоазийская и римская традиции, относится ко времени между 190 и 192 г.. По предположению В. В. Болотова, он разгорелся в связи с празднованием Воскресения Христова в 189 г., когда малоазийские общины совершали Пасху 20 марта, а в Риме и Александрии — 20 апреля (см. Болотов, цит. изд., т. 2, с. 429, прим.). В самом Риме некий Власт солидаризировался с малоазийской практикой, настаивая,

что Пасху надо праздновать 14 нисана, независимо от дня недели. Столкнувшись с угрозой разделения по вопросу о Пасхе в самом Риме, Римский епископ Виктор, вероятно, решил окончательно снять проблему и обратился к предстоятелям малоазийских Церквей с требованием ввести у себя римскую практику. В разных городах в связи с этим созваны были соборы. Епископы, собравшиеся в самом Риме, в Александрии и Коринфе, в Палестине, Осроене, Понте и Галлии, высказались солидарно с епископом Виктором.

Иную позицию выразил Ефесский Собор, поручивший своему предстоятелю Поликрату направить ответное послание Виктору. В нем он настаивал на неизблемости древней традиции Азийских Церквей: «Мы строго соблюдаем этот праздник: мы ничего не прибавляем, ничего не убавляем. В Азии покоятся великие светила веры, которые восстанут в день пришествия Господня, когда Он во славе сойдет с небес и разыщет всех святых: Филиппа, одного из двенадцати, который покоится в Иераполе...; Иоанна, возлежавшего на груди у Господа, бывшего священником и носившего дщицу, свидетеля и учителя, который почиает в Эфесе; и Поликарпа Смирнского, епископа и мученика; и Фрасею, епископа и мученика Эвменийского, который покоится в Смирне... Все они праздновали Пасху в четырнадцатый день (лунного месяца) по Евангелию... И я, Поликрат, самый малый из вас, поступаю так, как передано мне моими родственниками; им следую. Семь человек моей родни были епископами, я восьмой. И всегда родные мои справляли этот праздник, когда народ не употреблял квасного хлеба. Я, братья, прожил шестьдесят пять лет о Господе, пребывая в сношениях с братьями во всей вселенной, прочитал все Священное Писание и никаких угроз не испугаюсь, ибо большие меня сказали: «Повиноваться следует больше Богу, нежели людям» (Евсевий, цит. изд., с. 192–193).

В ответ на игнорирование его требования Виктор Римский, предвосхищая притязательность и нетерпимость позднейших своих преемников по кафедре, решил отлучить от церковного общения Поликрата и всех, кто был тогда единомыслен с ним по вопросу о времени празднования Пасхи. Во избежании беды с увещательным посланием к Виктору обратился епископ Лионский Иринеи, который сам, как и вся Галльская Церковь, придерживался практики, аналогичной с римской, но призывал

своего адресата к примирению со сторонниками иной традиции, ссылаясь на пример братского общения святого Поликарпа Смирнского и Аникета Римского, несмотря на их расхождения в вопросе о времени Пасхи. Развивая эту тему, святитель Ириней писал: «Спор идет не только о дне, но и о том, какой пост соблюдать. Одни думают, что следует поститься один день, другие — что два, а некоторые еще больше; иные отсчитывают для поста сорок дневных и ночных часов. Вся эта пестрота в соблюдении поста возникла не при нас, а гораздо раньше, у прадедов наших, а они, не беспокоясь, конечно, о точности, передали потомкам свой обычай, укрепившийся в их простой, непритязательной жизни. Тем не менее все жили в мире, и мы живем в мире друг с другом, и разногласие в посте не разрушает согласия в вере» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 193–194). Святому Иринею удалось убедить Виктора уступить и не настаивать на унификации пасхальной практики ценой разрыва общения с одинаково верующими братьями из малоазийских Церквей.

Но, как и в Апостольский век, Церковь во втором столетии от Р.Х. сталкивалась и с такими расхождениями в самой вере со стороны именовавших себя христианами, которые не допускали примирения, где компромисса быть не могло по природе вещей. Причем эти разногласия несли с собой серьезную опасность. Речь идет о гностицизме, приверженцами которого становились многие из тех, кто принадлежал к интеллектуальной элите греко-римского общества. Принимая учение Христа, они интерпретировали его произвольно и надуманно, и делали это с тем, чтобы придать ему вид, совместимый с учениями, которые в изобилии возникали тогда на стыке классической философии и эзотерических доктрин эллинского, египетского или восточного происхождения. Христианство было для гностиков всего лишь одной из разновидностей модной восточной эзотерики, и по их разумению не было никаких разумных препятствия для того, чтобы эклектически синтезировать его с иными учениями — пифагорейскими, неоплатоническими, каббалистическими, а также заимствованными из Египта, Сирии или Ирана.

Родовые черты гностических систем — в религиозно-философском синкретизме, в причудливом сочетании утонченного декадентского интеллектуализма — само наименование этих сект идет от греческого гнозис (знание) — с вульгарным мистическим

любопытством, с болезненным интересом к тайне, к сакральному, к оккультизму и магизму, в снобистском осознании своих узких кружков элитарными обществами посвященных в тайны, недоступные простым смертным, не прошедшим своего рода инициации. Гностики делили людей на духовных, или пневматиков, которые в разных стистемах именуются также «совершенными», или «царскими сынами», предназначенных к соединению с абсолютом, душевных, или психиков, которые хотя и испытывают тяготение к горнему миру, но, лишённые духа, пневмы, не способны войти в него, и наконец, плотских — соматиков, или гиликов, обреченных на исчезновение вместе со всем материальным миром. Для гностического дискурса характерен также безудержный аллегоризм и символизм.

Мировоззренчески одни гностические секты, в основном связанные с александрийским эллинизмом, вобравшим в себя наследие египетской религии, мифологии и философии, тяготели к пантеизму, к размыванию границы, отделяющей Бога от тварного мира; другие же, воспринявшие влияние, идущее через Месопотамию и Сирию из Ирана, обнаруживали дуалистическую тенденцию, противопоставляли демиурга, создавшего материальный мир, божеству как абсолюту и источнику бытия духовных существ. При этом в доктринах отдельных гностических сект эти два направления онтологической мысли представляли часто в эклектичных комбинациях. Господствующая в гнозисе пантеистическая закваска, с одной стороны, сообщала гностической космологии характер космогонии, а теологию превращала в вычурную теогонию, а с другой, — исключала веру в подлинность Боговоплощения с сохранением целостности Божественной и человеческой природы во Христе, а из этого происходил и свойственный гностической христологии откровенный докетизм. Еще одно радикальное расхождение гностицизма с церковным христианством в том, что гнозис — обретение совершенного знания его приверженцы провозглашали высшей целью человека, игнорируя или оставляя в тени мысль о спасении. В этом отношении гностицизм принципиально антисотериологичен.

Этический пафос гностиков уклонялся от христианского аскетизма либо в сторону крайностей, основанных на манихейском гнушении творением Божиим, либо на оправдании и даже апологии разнузданности в духе николаитства. Выдающийся знаток гностицизма А. Ш. Пюеш писал о его этосе как о «бунте

против человеческого удела, против самого бытия, против мира и даже Бога. И этот бунт может привести в конце концов... к нигилизму: нигилизму гностиков-либертинов, которые попирают все естественные и нравственные законы, злоупотребляют своим телом и всем на свете, чтобы все унижить, истощить, отвергнуть и разрушить» (H. Ch. Puech. *En quiete de la Gnose*, v. 1, P., 1978, p. XXII).

Радикально расходясь с церковным христианством, гностицизм нуждался в собственном «священном писании», в результате и появился целый корпус апокрифических текстов, содержащих гностическое псевдооткровение — евангелие Фомы, найденное в оазисе Наг Хаммади в 1945 г., евангелие Филиппа, «Евангелие Истины», «Толкование о душе», «Пистис София».

Духовная атмосфера позднеэллинистической эпохи, в которой сложился псевдохристианский гнозис, обнаруживает зримые параллели с кризисным состоянием умов современного человечества. Поэтому параллели с популярными в разных общественных кругах теософией, антропософией, масонством, сайентологией, а в наиболее вульгарных и синкретических вариантах гнозиса — с религией мормонов или мунизмом лежат на поверхности.

Древние христианские историки возводят гностицизм к Симону Волхву, Керинфу, николаитам. Во II столетии самыми влиятельными гностиками были Валентин, Василид и особенно Маркион. Валентин был родом из Египта, при этом имел семитское, вероятно, еврейское происхождение. Около 140 г. он перебрался из Александрии в Рим. Об обстоятельствах его крещения ничего не известно, но и в Александрии и в Риме он пользовался настолько большим влиянием в христианской среде, что в 142 г. его едва не избрали епископом Рима, и все же ему предпочли тогда Пия. Из имперской столицы Валентин удалился на Кипр, где и умер в 160 г. Разрыв Валентина с Церковью произошел в Риме или уже на Кипре и был, естественно, связан с разработанной им гностической системой. Когда у него стали формироваться его своеобразные идеи — еще в Александрии, до переезда в Рим или позже, — сказать затруднительно. Сочинения Валентина до нас не дошли и известны лишь в цитируемых фрагментах и в полемическом их изложении в трудах его оппонентов, главным образом, в творении святителя Иринея Лионского «Против ересей».

В. С. Соловьев называет Валентина «самым значительным гностическим философом и одним из гениальнейших мыслителей всех времен» (Соловьев Владимир. Валентин и валентиниане. — Энциклопедический словарь. Т. V. СПб., 1891, с. 406). Столь высокая оценка представляется, по меньшей мере, преувеличенной. Система Валентина вовсе не была оригинальной, или лучше сказать, ее оригинальность — в противоестественном соединении христианских образов и символов с конструкциями, тривиальными в системах эллинистического оккультизма, в особенности в его египетском варианте, и более определенно, в так называемом герметизме, представляющем собой совокупность идей и базирующихся на них оккультных практик, усваиваемых «откровению», полученному от Гермеса Трисмегиста, который в Египте отождествлялся с туземным божеством Тотом. И хотя корпус герметической литературы сложился позже, в III столетии, но сама герметическая традиция древнее псевдохристианского гнозиса и восходит к III веку до Р.Х. В первом трактате из «Герметического корпуса» «Поймандр» представлена теогоническая, космогоническая и антропогоническая схема, которая в изложении М. Элиаде выглядит следующим образом: «Высший андрогинный Разум, nous, сначала производит Демиурга, который создает мир, затем Антропоса — небесного человека; последний сходит в низшие сферы, где, «прельщенный любовью, соединяется с Природой (physis) и порождает земного человека. Отныне божественный Антропос перестает существовать как отдельная личность: он одушевляет человека, его жизнь переходит в человеческую душу, а его свет — в nous. Поэтому человек, единственный среди живых существ, является одновременно и смертным, и бессмертным. Однако с помощью знания человек может «стать богом» (Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008, с. 335–336).

А по учению Валентина, предвечно существует совершенный эон, именуемый Праотцем, или Глубиной (Вифос). Это абсолютная бесконечность, лишённая всякой определенности и в потенции содержащая в себе полноту бытия в виде мысли, которая называется Молчанием (Сиги). Вифос и Сиги составляют брачную пару (сизигию), от которой рождается другая пара: Ум (Нус) и Истина (Алифия). Оплодотворяя друг друга, Ум и Истина производят Смысл (Логос) и Душу (Психи), а они в свою очередь

рождают Человека (Антропос) и Церковь, или Общество (Экклисия). Все вместе эти 8 эонов составляют огдоаду, которая порождает еще 22 эона. Вместе с первоначальной огдоадой эти 22 эона составляют Триаконтас (Тридцатерицу), или полноту абсолютного бытия — плерому.

Последний из эонов Мудрость (София), который по-еврейски называется Ахамот, имея женский пол, возгорается страстным желанием созерцать Праотца всякого бытия — предвечную Глубину, хотя по своей природе такой способностью обладает лишь Ум (Нус). Невозможность достичь желаемого повергает Софию в страдание и в результате София рождает свое бесформенное чадо — Желание (Энфимисис), именуемое по-еврейски Иалдабаофом. По своей сущности этот выкидыш является незнанием (агносия), противоположным гносису. Сама же София подверглась опасности выпадения из плеромы, но от этого ее удерживает Предел (Орос), который по-другому называется также Крестом (Ставрос). Между тем Иалдабаоф, попирая изначальную гармонию бытия, творит несовершенный материальный мир и правит им вместе со своими подручными архонтами. Но в сотворение материального мира вмешивается плерома, и в результате созданный Иалдабаофом Первочеловек (Адам Кадмон) получает частицу подлинного бытия, которая чрез цепь рождений передается его потомкам, так что всякий человек ощущает себя чужеземцем в этом материальном мире и страдает от своего пребывания в нем, потому что подлинная родина человека — плерома.

Но высшие эоны Ум и Истина рождают Христа и Святого Духа — Пневму, которой усваивается женское начало, они успокаивают Софию. Затем Христос разъяснил всем эонам их истинную природу, а Святой Дух водворил между эонами блаженное равенство, после чего каждый из эонов и вся плерома производят совершенные создания в честь и славу Источной Глубины (Вифоса). Эманацией плеромы становится Иисус, который по имени своего отца именуется также Христом и Словом (Логосом), а по призванию Своему спасти погибшее Сотиром. В конце времен Он должен создать сизигию с отверженным порождением Софии Ахамот Энфимисис.

В изложении святителя Иринея Лионского система другого гностика Василида, уроженца Сирии, переселившегося в Александрию, где он давал уроки при императоре Адриане, а в конце

жизни побывал в Иране, не многим отличается от учения Валентина. В этой системе нерожденный и именуемый Отец путем эманации из себя самого порождает светоносную гебдомаду — седмицу эонов: Ум (Нус), Слово (Логос), Разум (Фронисис), Мудрость (София), Силу (Динамис), Справедливость (Дикэосини) и Мир (Ирини), в своей совокупности составляющих высшее небо. Эти 7 эонов производят внешний духовный мир, который включает начала, власти, ангелов. Это — небесная сфера, онтологически стоящая ниже высшего неба. Развитие не останавливается на этом, и путем эманации одна небесная сфера производит другую, так что общее число сфер — 365. Это число, написанное греческими буквами, образует таинственное слова «абраксас». В результате такой ступенчатой эманации гебдомада во главе со своим архонтом, находящаяся на периферии светоносного мира, приблизилась к пределу материи и хаоса, враждебного свету, который, нападая на царство света, отторгает от него светоносные частицы, погружая их во мрак материи, но архонт с подчиненными ему духами отвоевывает у хаоса его добычу, создает из нее землю и разделяет ее между подвластными ему духами, взяв в свое собственное управление народ иудейский. Затем он захотел подчинить покровительствуемым им иудеям другие народы, отчего на земле разгорелись войны. И тогда первородный сын предвечного Отца Ум, или Нус, был ниспослан на землю как Мессия для освобождения человеческого рода из-под власти ангелов миродержателей. Нус явился в мир в призрачном теле. Обманутые видимостью, иудеи решили распять его, но он посмеялся над ними, передав свою наружность вместе с крестом Симону Киринейскому, который и был распят на Голгофе, а торжествующий Нус, вознесшись, возвратился в плерому.

По словам святого Иустина, последователи Василида проповедовали нравственный релятивизм, и при обострении гонений легко отрекались и от христианства и от иудейства, потому что считали нелепым принимать смерть за распятого по ошибке Симона Киринейского. Но как замечает В. В. Болотов, у Климентя Александрийского приводятся иные сведения об этике василидиан, которые, будто бы, придерживались строгой аскезы и браку предпочитали девство (см. Болотов, цит. изд., с. 202).

Существует и другая версия системы Василида, содержащаяся в обнаруженных в 1842 и опубликованных в 1851 г. «Филосо-

фуменах» святого Ипполита Римского. Абсолютное начало в них характеризуется исключительно отрицательными определениями: оно не простое и не сложное, не субстанция, но и не лишено субстанциональности, оно ни человек и ни ангел. Василид называет его «не сущим Богом», который из несущего сотворил несущий мир. Василид, по Ипполиту, высказывает не лишённую интереса мысль об ограниченности языка в описании действительного бытия, потому что слово в состоянии лишь указать на роды и виды, а не на действительно существующие индивидуальные предметы, тем более язык бессилён обозначить высшее бытие. Созданный «не сущим Богом», мир содержит в себе однако элементы, или семена всего реального бытия, иными словами, чистую потенциальность. В этом своем состоянии мир называется панспермией, или совокупностью семян. Образом того, как в панспермии сокрыт мир, может, по Василиду в изложении святого Ипполита, служить яйцо павлина, в котором уже содержится все богатство расцветки перьев этой птицы. Эволюция мира — это выделение из панспермии различных видов определенного бытия. По Ипполиту, Василид различает три вида бытия: тонкое, или идеальное, грубое, или материальное, и требующее очищения, или пневматическое, духовное. Тонкое бытие поднимается вверх и соединяется с абсолютном, а грубое оседает книзу и образует видимый вещественный мир, под оболочкой которого сохраняется семя духовной жизни. Рождение Иисуса представлено у Василида в версии Ипполита как результат многоступенчатой эманации эонов, соотношения которых между собой образуют причудливую генеалогию. По характеристике А. Ш. Пюеша, для Василида «любое существо, любой предмет, сам универсум, во всей полноте своего становления, предназначены для того, чтобы обрести в ночи «великого неведения», в мире «небытия» свое окончательное завершение» (H. Ch. Puech. En quiete de la Gnose, v. 1, P., 1978, p. XXII).

Системы Валентина и Василида лишь соприкасаются с Преданием Церкви; евангельская история в них подвергнута радикальной трансформации смыслов. Василид сам указывал на второй, помимо христианства, которое у него обозначено как тайное учение апостола Петра, дошедшее до него, по его словам, через некоего Главкия, источник гнозиса — мудрость «варваров», каковыми он парадоксальным образом называл как раз не варваров, а эллинов, имея в виду при этом греческую философию.

С эллинистической традицией меньше связано учение еще одного и самого влиятельного гностика Маркиона. В его доктрине есть существенные расхождения с гностическими конструкциями, и сближает его с гностиками главным образом его резко выраженный дуализм. Маркион был сыном епископа понтийского города Синопы, так что вырос он в церковной среде; и когда увлекся новыми идеями, которые привели его к расколу с Церковью, он был анафематствован собственным отцом. При папе Эгине Маркион перебрался в Рим и сблизился там с сирийским гностиком Кердоном. При Римском епископе Елевферии, в 170-е или 180-е гг., он был отлучен от Церкви.

Маркионизм вырос из противопоставления Нового Завета Ветхому. Превратно поняв некоторые из мыслей апостола Павла о соотношении закона и благодати, Маркион отверг ветхозаветную этику и отрицал богодухновенное происхождение Ветхозаветных Писаний. Маркион составил свой круг Священных Книг, в число которых он включил отредактированное, или лучше сказать, препарированное им самим Евангелие от Луки, из которого последовательно исключались все места, связующие евангельскую историю с ветхозаветным преданием, 10 посланий апостола Павла, исключив Послания пастырские и к Евреям, и добавил в этот корпус собственное сочинение, озаглавленное «Антитезис», в котором он изложил свои основные идеи, квинтэссенция которых в утверждении несовместимости Нового и Ветхого Завета. Ветхозаветный Бог, по Маркиону, — это демиург, которого он называл «праведным», или справедливым (дикейос), что для него было тождественным с понятием «злой» (какос). Мир и человек созданы демиургом, который дал людям закон, но не наделил их нравственной силой, необходимой для исполнения этого закона; в результате все люди оказались под осуждением и обречены на адские мучения. Но иной и подлинно добрый Бог, поклоняться Которому учит Новый Завет, послал на землю Мессию, Христа, или Сам нисшел в мир в виде Сына, чтобы преподавать людям учение о том, как избавиться от власти демиурга, за что, по воле демиурга, Он был распят на кресте. Распятие это было призрачным, поскольку призрачным было и само тело Мессии, но так Он обрел возможность снизойти в ад, чтобы известить оттуда осужденных на муки праведным демиургом. У Маркиона оказалось много последователей, которые составили секту, просуществовавшую до VII столетия, и вероятно,

увлекшую как своего рода радикальная альтернатива иудеохристианству немало христиан, исторгнутых из церковного лона.

Этический пафос маркионитства проникнут крайне ригористичной аскезой. Другой, и несравненно менее влиятельный гностик Карпократ, напротив, проповедовал нравственную распущенность. Свою независимость от материи, учил он, истинный гностик обнаружит тогда, когда, отдаваясь естественным влечениям, не будет ими побежден. Последователи Карпократа ставили Иисуса Христа в один ряд с мифическим Орфеем, философами Пифагором и Платоном, а родной сын Карпократа Епифан ввел в своей секте общность жен. Сатурнин придерживался ригористической этики, характерной для сирийских гностиков. Гностик Гермоген проповедовал традиционное для эллинской философии учение о сотворении Богом космоса из вечно существующей материи. Под влиянием Валентина в гностическую ересь уклонился ученик святого мученика Иустина Философа апологет Татиан, ставший основателем крайне ригористической секты энкратитов.

Валентиан оказал также влияние на уроженца Месопотамии Бардесана — астронома, математика, поэта и богослова, который писал на сирийском языке. По характеристике Евсевия Кесарийского, он был «человеком очень даровитым и прекрасно владевшим сирийским языком» и «составил... на родном языке... диалоги против последователей Маркиона и прочих ересиархов... Бардесан принадлежал раньше к школе Валентиана, но, отдав себе отчет во множестве его выдумок и опровергнув их, он решил, что сам он вернулся к мыслям правоверным. Целиком, однако, он не считил грязь старой ереси» (Евсевий, цит. изд., с. 156).

Против гностицизма при самом его появлении восстали хранители Священного Предания. Первых гностиков застал, уже на склоне лет, самовидец Божественного Слова апостол Иоанн Богослов. Против гностического докетизма заострено его наставление о различии духов: «Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1 Ин 4, 2, 3). Это о гностиках писал апостол в том же послании: «Теперь появилось много антихристов... Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами» (1 Ин 4, 2, 19).

Священномученик Игнатий Антиохийский, опровергая в «Послании к Траллийцам» ересь докетизма, составляющую существенный компонент фактически всех гностических систем, нашел слова, исполненные поразительной силы и вдохновения: «Потому не слушайте, когда кто будет говорить вам не об Иисусе Христе, Который произошел из рода Давидова от Марии, истинно родился, ел и пил, истинно был осужден при Понтии Пилате, истинно был распят и умер..., Который истинно воскрес из мертвых... А если иные... говорят, что Он страдал только призрачно, — сами они призрак, — то зачем же я в узах? Зачем я пламенно желаю бороться с зверями? Зачем я напрасно умираю?» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 120). Обличителем лжеименного гнозиса был и священномученик Поликарп, который, по словам Евсевия Кесарийского, «будучи при Аникете в Риме, многих вернул от тех еретиков в Церковь Божию... Тот же Поликарп, встретившись однажды с Маркионом, на его слова: «Узнаешь нас?» ответил: «Узнаю, узнаю первенца сатаны» (Евсевий, цит. изд., с. 133).

Систематической критике гностических конструкций посвятил свой главный труд «Против ересей» епископ Лионский Ириней. Он родился около 130 г. в Малой Азии, вероятно, в городе Смирне, в христианской греческой семье, уже в отрочестве общался со святым Поликарпом Смирнским. В послании к римскому пресвитеру Флорину святитель Ириней рассказывает: «Я помню тогдашние события лучше недавних (узнанное в детстве срастается с душой). Я могу показать, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп, могу рассказать о его уходах и приходах, особенностях его жизни, его внешнем виде, о беседах, какие он вел с народом, о том, как он говорил о своих встречах с Иоанном и с теми остальными, кто своими глазами видел Господа, о том, как он припоминал слова их, что он слышал от них о Господе, о чудесах Его и Его учении. Поликарп и возвещал то, что принял от видевших Слово жизни, это согласно с Писанием. По милости Божией ко мне, я тогда внимательно это слушал и записывал не на бумаге, а в сердце» (цит. по: Евсевий, цит. изд., с. 189). Беседуя с мужем апостольским Поликарпом, Ириней входил в соприкосновение с Апостольским веком. В правление Марка Аврелия он уже проповедовал Евангелие в Галлии. Пресвитером Лионской Церкви он приезжал в Рим для встречи с епископом этого города Елевферием. После мученической

кончины епископа Лионского Пофина в 177 г. Ириней был избран и поставлен на его место, а затем и сам при императоре Септимии Севере около 202 г. пролил кровь за Христа, однако обстоятельства его мученичества неизвестны. Большая часть его творений утрачена, сохранились лишь отрывки из них, известные по цитатам у Евсевия Кесарийского и других древних писателей. Но до нас дошли, правда, не в греческом подлиннике, а в переводе на латинский язык его «Пять книг против ересей», по другому названным им «Обличением и опровержением лжеименного знания», откуда собственно и почерпаются основные сведения о гностицизме.

В своей полемике против еретиков святитель Ириней во главу угла ставит Священное Предание, которое он называет по-разному: «правилом истины», «проповедью апостолов», «проповедью Церкви», но по преимуществу «церковным преданием» и «преданием апостолов». Противопоставляя «предание апостолов» «преданиям» эзотерических гностических сект, святой Ириней писал: «Прежде Валентина не было валентиан, и до Маркиона не было маркионитов, равно и прочих художественных (учителей)... не было прежде, чем появились основатели и изобретатели их превратного учения» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 634), между тем как учение Церкви, или, как его называет святитель, «устроение нашего спасения» «мы узнали не чрез кого другого, а чрез тех, чрез которых дошло к нам Евангелие, которое они тогда проповедовали (устно), потом же по воле Божией, предали нам в Писаниях, как будущее основание и столп нашей веры» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 628). Таким образом, основу Предания составляет керигма — свидетельство самих апостолов о Христе, о Его словах и делах. И это преимущественно от апостолов хранимое Церковью Священное Предание везде одно и то же: «Хотя в мире языки различны, но сила Предания одна и та же. Не иначе верят, и не разное имеют Предание Церкви, основанные в Германии, Испании, Галлии, на Востоке, в Египте, в Ливии и в середине мира. Но как солнце — это творение Божие — во всем мире одно и то же; так и проповедь истины везде сияет и просвещает всех людей, желающих прийти к познанию истины» (цит. по: Викентий Лиринский, преподобный. О Священном Предании Церкви. СПб., 2000, с. 147).

Говоря о важности Предания, святитель особое значение придает такому средству его хранения, как апостольское преемство епископских рукоположений, которого лишены были еретические секты, хотя некоторые из гностиков и ссылались на авторитет отдельных апостолов, например, Василид на тайное учение апостола Петра: «Все, желающие видеть истину, — писал святитель, — могут во всякой Церкви узнать предание апостолов, открытое во всем мире; и мы можем перечислить епископов, поставленных апостолами в Церквах, и преемников их до нас, которые ничего не учили и не знали такого, что эти (еретики) бредят» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 630). Не имея возможности привести списки преемственно сменявших друг друга епископов всех Церквей, святой Ириной ограничивается перечнем предстоятелей Римской Церкви от преемника апостолов Петра и Павла Лина до своего современника 12-го по порядку епископа Елевферия.

Преемство епископов от апостолов служит внешним ручательством неповрежденности Предания Церкви, а внутренним гарантом его истины является действие благодати Святого Духа: вера Церкви «всегда чрез Духа Божия, как драгоценное сокровище в прекрасном сосуде, сохраняет свою свежесть и делает свежим самый сосуд, в котором содержится» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 720). Эту веру святитель Ириной излагает в разных местах своей книги в виде своего рода символа. Упомянув о варварах, уверовавших во Христа, он пишет, что они «тщательно блюдут древнее предание, веруя во Единого Бога, Творца неба и земли и всего, что в них, чрез Иисуса Христа Сына Божия, Который, по превосходной любви к Своему созданию, снизошел до рождения от Девы, чрез Себя Самого соединяя человека с Богом, пострадал при Понтии Пилате, воскрес, во славе взят (на небо) и со славою придет, как Спаситель спасаемых и Судья осуждаемых, и пошлет в вечный огонь искажителей истины и презрителей Его Отца и пришествия Его» (Антология. Раннехристианские отцы Церкви. Мужья апостольские и апологеты, цит. изд., с. 633).

Великий защитник апостольской веры, свято хранимого Церковью Предания, священномученик Ириной почитается как первый из отцов Церкви. Но его верность Преданию не исклю-

чала присутствия в его творениях ошибочных суждений. Он, например, придерживался мнения, что земное служение Спасителя продолжалось более 10 лет, ссылаясь при этом на пресвитеров, общавшихся с самим апостолом Иоанном: «Все старцы, собравшиеся в Азии около Иоанна, ученика Господа, утверждают, будто бы это самое передал им Иоанн» (цит. по: Викентий, цит. изд., с. 169).

Подобно древним христианским писателям Папию Иерапольскому, Иустину Философу, Тертуллиану, святому Ипполиту, Викторину Пиктавийскому, святитель Ириней был приверженцем хилиазма, учения о тысячелетнем земном царстве Христа. Хилиастическое заблуждение святителя Иринея носило однако умеренный характер. Земное царство Христа он представлял переходной ступенью к вечному блаженству в Царстве Небесном. Важно при этом отметить, что хилиастическое учение святитель Ириней не ставил в один ряд с догматами, принадлежащими к области Священного Предания. Как заметил русский патролог П. П. Пономарев, «недоуменные предметы», к которым относится и учение о тысячелетнем царстве, у Иринея «не могут быть названы несомненной истиной Церкви, а являются одним мнением. Правда, св. Ириней передает эти недоуменные предметы, как слова пресвитеров или старцев, видевших ученика Господня Иоанна и его слушателей, или вращавшихся около них, но замечательно, что с этими пресвитерами он не связывает преемства апостольского, как условия сохранения несомненного апостольского предания» (Пономарев П. П. Святые отцы и писатели Церкви о Священном Предании. — Викентий, цит. изд., с. 174–175).

Ириней Лионский застал появление еще одной ереси, стоявшей в стороне от гностицизма. Это было учение Монтана, который родился в мизийском городке Ардаве на границе с Фригийской провинцией в языческой семье. Он был евнухом, и до обращения, возможно, жрецом экстатического культа Кибелы, оскотившим себя самого. Крестившись, он обнаружил энтузиазм и горячность, отказавшись от всего своего имущества, став приверженцем крайней аскезы, но в конце концов его ригористические взгляды вышли за границы христианской этики. Разрыву Монтана с церковным христианством способствовал эксцентрический характер его проповеди, которую он выдавал за откровение Святого Духа, избравшего его своим

орудием, своими устами. Свою проповедь он называл исполнением обетования Спасителя о ниспослании ученикам Утешителя — Параклита.

Впервые эта проповедь прозвучала в 150-е или 160-е годы в незначительном фригийском городе Пепузе, ставшем для монтанистов своего рода Иерусалимом, или если угодно, Меккой. Притязательность Монтана вызывала особенно острое отторжение у здравомыслящих христиан. Он легко позволял себе изречения такого рода, выдававшиеся им за богодухновенные: «Вот человек спит, а я бодрствую; Бог дает сердца человекам»; «Я — Господь Бог Вседержитель, открывшийся в человеке» (см. Болотов, цит. изд., т. 2, с. 359). У пылкого «пророка» нашлись адепты. Самые известные среди них — Прискилла и Максимилла, которые и сами претендовали на пророческий дар; входя «в состояние экстаза, они начинали говорить о себе в мужском роде. Максимилла так пророчествовала: «Господь послал меня благовестителем и истолкователем этого нового учения» (см. Болотов, цит. изд., т. 2, с. 359). Известны имена и других монтанистов первого поколения — сподвижников ересиарха Фемисона, Феодота и Александра.

В Азии приверженцами Монтана становились малообразованные христиане, принадлежавшие к низшим слоям общества, по контрасту с гностицизмом, который рекрутировал в свои секты, или школы, как их еще называли, лиц, принадлежавших к интеллектуальной элите, начитанных как в Священных Книгах, так и, еще более, в сочинениях греко-римских философов, историков, поэтов, знатоков эзотерической литературы. Оплотом гностицизма были столичные мегаполисы Александрия, Антиохия, Рим. Монтанизм родился и распространился в глубоко провинциальной и культурно отсталой Фригии.

На Востоке опасность монтанизма была разгадана скоро, и уже в 170-е гг. в Иераполе Фригийском под председательством предстоятеля местной Церкви святого Аполлинария был созван Собор, в котором участвовало 26 епископов Фригии и соседних провинций; Собор отлучил Монтана и его приверженцев от церковного общения. Один из современников Аполлинария Иерапольского писал впоследствии об этой ереси: «Недавно я был в Галатии, в Анкире, и застал местную Церковь почти оглохшей от этих новых, как они говорят, пророчеств, вернее, как будет показано, лжепророчеств... Монтан, из местных новообращенных...

в безмерной страсти к первенству дал врагу войти в себя; одушевляемый им, придя внезапно в исступление, он начинал говорить нечто странное... Из тех, кому довелось в то время слушать его незаконные выкрики, одни возмущались, считая, что он одержим демоном...; его корили и не позволяли ему говорить, памятуя, что Господь учил различать духов и бдительно остерегаться появления лжепророков; другие, наоборот, словно гордясь и немало тщеславясь Духом Святым и пророческим даром..., призвали этого духа безумия, льстивого, вводящего народ в заблуждение; прельщенные им, они сбились с правого пути до того, что невозможно было заставить молчать... Дьявол... взволновал двух женщин... и они, подобно Монтану стали говорить бессмысленно, неуместно и странно» (Евсевий, цит. изд., с. 181–182).

Между тем, на Западе — в Италии, Галлии, Африке — монтанизму была уготована иная участь. Там он оказался привлекателен для более широких кругов, и что не менее важно, стоявших и интеллектуально и по своему церковному статусу выше фригийских монтанистов. Последователем монтанизма оказался один из лионских мучеников Алкивиад, вероятно, выходец из Фригии. Он «жил жизнью суровой и ничего прежде не употреблял в пищу, кроме хлеба и воды» (Евсевий, цит. изд., с. 209), правда, его соузнику Атталу удалось переубедить его. Как пишут галльские христиане в помещенном у Евсевия послании своим братьям в Азии и Фригии, «Атталу после первого выдержанного им в амфитеатре состязания было открыто, что Алкивиад поступает нехорошо, отказываясь от того, что создал Бог, и подавая повод к соблазну. Алкивиад послушался, стал есть все, не разбирая и благодаря Бога» (Евсевий, цит. изд., с. 170). Отвергнув монтанизм, галльские христиане однако пытались удержать предстоятелей Церкви от окончательного разрыва с заблуждающимися, и именно в этом смысле составлено было ими послание Римскому епископу Елевферию, которое доставил ему святой Ириней, в ту пору пресвитер из Лиона. Если же верить не беспристрастному в этом деле Тертуллиану, даже один из Римских епископов — по соображениям хронологическим это мог быть Елевферий или его преемник Виктор — готов был признать пророчества Монтана и Максимииллы, но его разубедил прибывший тогда в Рим Праксей, как оказалось вскоре, сам приверженец монархианистской ереси.

Особенно много приверженцев монтанизм приобрел в Африке, и особенно в тогда уже многочисленной карфагенской общине. Самым драгоценным уловом ереси стал Тертуллиан, выдающийся богослов и лучшее перо в латиноязычной христианской литературе до Августина. Из поздних сочинений Тертуллиана собственно и известно учение Монтана. Его изречения, равно как и пророчества его последовательниц записывались, и из них составлены были своего рода «священные книги», которые однако были впоследствии утрачены, а экстатический, принципиально алогичный и внеразумный склад их сохранившихся в отдельных цитатах изречений с трудом поддается рациональному анализу. Выручает поэтому представление монтанизма, выполненное великолепным логиком Тертуллианом, который откровенно характеризовал его как «новое пророчество» — (*nova prophetia*), в чем собственно и состояла принципиальная неприемлемость монтанизма для церковного христианства, для которого Откровение Спасителя явилось не просто Новым, но и последним Заветом, так что сама идея Третьего Завета, восходящая к Монтану, но время от времени возрождавшаяся и в позднейшие времена, популярная в декадентском русском богословии начала XX века, еретична в самом своем основании.

Монтан разделял все еще распространенное в христианской среде II века, хотя уже и не господствовавшее в ней ожидание скорой парусии — Второго Пришествия, с которым он соединял хилиастический утопизм. Ригористический пафос Монтана, равно как и позднего Тертуллиана, проистекает не из гностического дуализма, но от острого переживания близости апокалиптических времен, от оказавшегося обманчивым предчувствия скорого конца истории, когда для избранников Божиих бессмысленно уже заботиться о завтрашнем дне, потому что, фигурально выражаясь, его не будет. Второй брак отвергался монтанистами по причине его нравственной нечистоплотности, как недостойной принявших новое откровение уступки чувственности, но также и потому, что брак предназначен для чадородия, а для воспитания новорожденных уже не остается времени. Даже и единственный брак Монтан допускал по крайнему снисхождению к человеческой немощи. Он призывал своих последователей к мученичеству, и всякое уклонение от него, хотя бы и допустимое в рамках церковной этики, например, чрез бегство или укрывательство, клеймил как бесплодную попытку

уйти от воли Божией, не находя у уклоняющихся никаких иных мотивов, кроме трусости, кроме страха за свою плоть.

Крайне ригористичной была покаянная дисциплина монтанистов. Вслед за Монтаном поздний Тертуллиан различал легкие грехи (*leviora delicta*), отпустить которые властен епископ, и тяжелые, или смертные грехи (*mortalia delicta*), простить которые может лишь сам Бог, так что грехи отречения от веры, убийства, прелюбодеяния, блуда не могут быть разрешены и на смертном одре. Впрочем, Тертуллиан допускал, что смертные грехи могут быть прощены, но лишь по особому на сей счет Божественному откровению, данному чрез истинных пророков, а отнюдь не чрез епископов. За этим своеобразным учением скрывается особая экклезиология. Монтанисты признавали преемство епископской иерархии от апостолов, но ставили ее ниже иной, пророческой иерархии.

Самое тяжкое обвинение, которое возводится на Монтана, заключается в том, что он выдавал себя за такое же воплощение Святого Духа, каковым по отношению к Сыну Божию является Господь Иисус Христос. Из современников самообожествление инкриминировал ему Праксей. Именно в этом смысле он интерпретировал слова Монтана о ниспосланном в его лице свыше Параклите. При взвешивании основательности этого обвинения следует однако учитывать приверженность самого Праксея монархианской ереси. Пылкий апологет Монтана Тертуллиан дискредитировал его обличителя, усваивая ему в хлесткой тираде патрипассианство: «Праксей не в праве ...называться исповедником; все его мученичество состояло в том, что он поскучал в тюрьме, затем, явившись в Рим, изгнал Утешителя и распял Отца» (цит.: Болотов, цит. изд., с. 310).

Протопресвитер Александр Шмеман в целом дал верный диагноз монтанизма, «как движения ригористов, не вынесших исторической Церкви» и назвал «победу Церкви над монтанизмом» «одной из величайших побед», одержанной «в тот момент, когда перед Церковью стоял роковой вопрос: остаться кучкой «совершенных», отгородиться от всего, не способного это совершенство вынести, или же, не меняя ничего в последнем своем идеале, принять в себя «массу», вступить на путь медленного ее воспитания»; отвергнув монтанизм, «Церковь, — по его словам, — навсегда осудила все попытки развенчать историческую, видимую Церковь, все соблазны развоплотит ее в «третьем

завете» (Шмеман, цит. изд., с. 85–86). Но как представляется, он преувеличивает высоту аскетического и исповеднического пафоса монтанизма: «В нем нашла свое выражение тоска по первоначальной чистоте, по напряженности жизни первых христиан» (Шмеман, цит. изд., с. 85), «бороться с монтанизмом было трудно: в нем вспыхнуло столько святости, веры, жертвенности, столько того, чем вдохновлялась, чем жила сама Церковь» (Шмеман, цит. изд., с. 86).

Если судить по Тертуллиану, это может быть и верно. Но современники, лучше знавшие самого основателя ереси и его ближайших приверженцев, обращали внимание и на изнанку «вспыхнувшей» в окружении Монтана «святости, веры и жертвенности». Аполлоний писал в цитируемой Евсевием книге, посвященной обличению «фригийской ереси»: Монтан «поставил сборщиков денег, прикрывал взятки именем приношений, платил жалование своим проповедникам, чтобы обжорство содействовало проповеди его учеников... Пророчицы бросили своих мужей, только когда исполнились духа. Разве не лгали те, кто называл Прискиллу девой. Ты согласен, что все Писание запрещает пророку брать дары и деньги? А когда я вижу пророчицу, которая берет и золото, и серебро, и дорогие одежды, как мне от нее не отвернуться... Да и Фемистон был, конечно, прикрыт корыстолюбием; не желая терпеть мук исповедничества, он за большие деньги избавился от оков. Ему бы тут и почувствовать свое унижение, а он хвастливо объявил себя мучеником... Чтобы не говорить о многих, пусть сама пророчица расскажет нам об Александре, называвшем себя мучеником, с которым она угощается, которому многие кланяются в ноги. Нам незачем говорить о грабежах и прочих преступлениях, за которые он и понес наказание: записи об этом хранятся в государственном архиве» (Евсевий, цит. изд., с. 186).

А еще один анонимный обличитель еретиков так передает дошедшие до него слухи об их кончине: «Они называли нас убийцами пророков, потому что мы не приняли их, не в меру болтливых пророков... Пусть же они ответят нам перед Богом: есть ли из последователей Монтана, начиная с него и тех женщин, хоть кто-то, кого иудеи преследовали или незаконно убили? Никого. Кто из них был взят и распят за имя христианина? Опять же никто... Другой смертью, говорят, погибли Монтан и Максимилла. Оба они, гонимые духом безумия, повесились,

но не вместе... Их дивный Феодот., будучи вне себя, вверился духу лжи, пообещавшему поднять его от земли и взять на небо; низвергнувшись, он погиб жалкой смертью» (Евсевий, цит. изд., с. 183). Автор антимонтанистского памфлета допускает, правда, что известная ему молва могла быть и несправедлива: «Мы не были очевидцами; будем считать, дорогой, что это одни предположения» (Евсевий, цит. изд., с. 183). Нам остается только вслед за анонимным автором повторить: «Может быть, так было, а может быть, и не так скончались Монтан, Феодот и упомянутая женщина» (Евсевий, цит. изд., с. 183), держа при этом в памяти мудрую народную поговорку о том, что дыма без огня не бывает.

Отвергнутая Церковь, монтанистская секта просуществовала еще шесть столетий. Ее центром оставалась фригийская Пепуза, где пребывали еретические патриархи, так что ересь эту впоследствии по преимуществу называли «пепузианской». Впрочем, квалификация монтанизма как ереси не бесспорна. В. В. Болотов писал, что он занимает «среднее положение между ересями с одной стороны и расколами в тесном смысле слова» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 348), но тот же историк находит в монтанизме, равно как и в гностицизме, общую черту, отделяющие их от позднейших ересей: «Все другие ереси начинаются обыкновенно с положения: мы последуем божественным отцам; в нас именно сохранилось то самое учение, которое Церковь сохранила издревле и от которого она отступила лишь в недавнее время. ... Напротив, и монтанисты, и гностики находили, что Церковь и теперь держится того же самого учения и практики, которых держалась и в век апостольский; но только они были убеждены, что у них есть источник откровения гораздо более высокий, чем тот, которым располагает Церковь... Она остановилась на той ступени своего исторического развития, которая для гностиков и монтанистов была ступенью пройденной» (Болотов, цит. изд., т. 2, с. 367). Но коли так, а приведенная здесь оценка проницательного ученого, представляется адекватной, то хотя на языке раннехристианской эпохи именно это и называлось ересью, гностицизм и монтанизм, если прибегнуть к современной терминологии, оказываются уже не ересями, а скорее опытами создания новых религий, усваивающих себе в дополнение к общим с Христианской Церковью Священным Книгам, новые «откровения».

Типологически, не содержательно близкой аналогией монтанизму в таком случае может быть признан возникший пять веков спустя ислам, который, принимая ветхозаветных пророков и пророческое достоинство Иисуса Христа (Исы), опирается как на последний и высший источник богопознания — на Коран, признаваемый мусульманами за ниспосланную свыше чрез Магомета пророческую книгу. Рассматриваемый в этом ракурсе монтанизм — это неудавшийся в отличие от ислама опыт создания новой религии. Столь же провальными оказались и эксперименты гностиков, разбившиеся о твердыню Кафолической Церкви.

Появление гностицизма и монтанизма, опиравшихся как на действительно Священные Книги, так и на выдаваемые за откровенные писания сочинения собственного изготовления, а в случае с гностиками, также на широко используемую апокрифическую христианскую литературу, подвергнутую в гностических школах тенденциозному редактированию и интерполированию, поставило перед Церковью задачу первостепенной важности — установить точный перечень Священных Писаний Нового Завета, иными словами, новозаветный канон, параллельно с выявлением их аутентичного текста, очищенного от интерполяций, включенных злонамеренно — ради его «усовершенствования», или по ошибке, из добросовестного заблуждения.

Само словосочетание «Новый Завет» (по-гречески) в значении собрания канонических книг входит в употребление в связи с появлением монтанизма. Тот самый анонимный полемист, который передает как одну из версий смерти Монтана и Максимилиана их самоубийство, пишет во вступлении в свою книгу, адресованную некоему Авирикию Маркеллу: «Я до нынешнего дня все откладывал — не по бессилию изобличить ложь и свидетельствовать об истине, но опасливо остерегаясь, не показалось бы кому, что я вписал что-то новое в Евангелие Нового Завета и что-то там переставлял; желающий жить по Евангелию не смеет ведь ничего ни убавить, ни прибавить» (Евсевий, цит. изд., с. 181).

Церковь с начала II века обладала четырьмя Евангелиями, составленными самовидцами Слова Матфеем и Иоанном и учениками апостолов Марком и Лукой. Поскольку однако Монтан в своей проповеди особенно часто ссылался на Евангелие от Иоанна как на основополагающий источник Истины,

крайние антимонохристические полемисты поставили под вопрос саму принадлежность этого Евангелия «возлюбленному ученику» Христову, приписывая его составление, равно как и «Откровение Иоанна Богослова» еретика Керинфу. Вместе с Евангелием от Иоанна они отвергали и содержащееся в нем учение о предвечном Божественном Логосе, поэтому сами эти полемисты, не известные по именам, получили со стороны своих противников ироническую кличку «алогов», характеризующую их неприятие учения о Логосе и одновременно уподобляющую их бессловесным, неразумным существам. Для Кафолической Церкви II века авторитет четырех Евангелий оставался незыблемым. В полемике с гностиками отвергнуты были все иные апокрифические евангелия, более или менее зараженные гностическим влиянием. Уже в середине столетия ученик святого Иустина Философа сириец Татиан, сам, впрочем, впавший в гностические заблуждения, составил гармонизированное изложение евангельского повествования, используя тексты четырех канонических Евангелий для этого труда, именно по этой причине названного «Диатессароном».

Но было бы неверным представлять процесс формирования новозаветного канона окончательно завершенным во II столетии. Богодухновенное и апостольское происхождение бесспорно признавалось тогда за 4 Евангелиями, «Деяниями», корпусом посланий апостола Павла Церквам, 1-м посланием апостола Петра и 1-м посланием апостола Иоанна Богослова, но древними православными писателями ставилось под вопрос апостольское происхождение посланий Иакова и Иуды, 2-го послания Петра, а также 2-го и 3-го посланий Иоанна, пастырских посланий Павла, в особенности же его «Послание Евреям» и «Откровение Иоанна Богослова». В то же время в число канонических книг включались в отдельных перечнях писания мужей апостольских, в особенности 1-е послание священномученика Климента Коринфянам, иногда также не принадлежащее ему в действительности 2-е послание Коринфянам, «Послание Варнавы», «Дидахи» и даже «Пастырь» Ерма. Между тем, само разграничение богодухновенных канонических книг от писаний мужей апостольских и других сочинений древних христианских авторов имело дисциплинарное значение. Выдача гонителям Священных Книг, в отличие от остальных, рассматривалась как тяжкое церковное преступление, подвергающее виновного длительному

или даже пожизненному отлучению от евхаристического общения. Одно из важных последствий установления канона заключалось в том, что уже само признание отвергнутых Церковью апокрифов в качестве богодухновенных сочинений проводило формально определенную границу между ересями и кафолическим Православием.

Распространение ересей, в особенности гностических, вовлекших в свои секты выходцев из интеллектуальной элиты, и принадлежность к Кафолической Церкви превосходно образованных людей, хорошо ориентированных в эллинистической культуре, знавших философскую классику, имевших навык систематизирующего и рационального мышления, с особой остротой поставило вопрос о формировании христианской научно-богословской школы, которая бы ставила перед собой как исследовательские, в особенности экзегетические, так и катехизаторски-педагогические задачи. И Церковь дала на этот вызов свой позитивный ответ. Подобная школа впервые появилась в городе, который представлял собой культурную столицу Римской империи и не вполне совпадавшего с нею эллинистического мира и в котором присутствовала одна из самых многочисленных христианских общин, — в Александрии. Точная дата открытия Александрийского огласительного училища неизвестна, но первым из ее упоминаемых в источниках руководителей был Пантен.

Евсевий Кесарийский писал, что в царствование Коммода, когда епископом Александрийским был Юлиан, «там обучением верующих руководил человек, известный своей образованностью, по имени Пантен. По древнему обычаю, в Александрии имеется училище, где преподается Священное Писание... В то время, говорят, особенно блистал упомянутый муж, воспитанный в правилах стоической философии. Он, по рассказам, проявил такое горячее рвение к слову Божию, что явился смелым проповедником Христова Евангелия у язычников на Востоке и доходил даже до земли индийцев... Пантен многое улучшил в Александрийском училище; он руководил им до самой смерти, поясняя и письменно, и в живой беседе сокровища Божественных догматов» (Евсевий, цит. изд., с. 177). Родом Пантен был, по одним сведениям, из Сицилии, а по другим, — из Афин. Александрийскую школу он возглавлял с 179 по 190 г. Многочисленные сочинения Пантена, известные из литературы по названиям, утрачены, сохранились лишь отрывки из них.

Направление, которое он задал Александрийской богословской школе, характеризуется, во-первых открытым отношением к внешним философам, труды которых изучались в руководимом им училище, стремлением найти точки сближения между богооткровенными истинами Священного Писания и идеями философов разных направлений, а с другой, — широким применением аллегорического метода в толковании библейских книг. Эти особенности стали родовыми чертами Александрийской богословской школы.

Протоиерей Владислав Цыпин

Содержание

Глава 1. Век Августа	5
1. Политическое противостояние в Риме после убийства Цезаря	5
2. Путь Октавиана на вершину власти	13
3. Политическая система принципата и внутренняя политика Августа	54
4. Включение в состав империи Альпийского региона, Паннонии и Иллирика	79
5. Римские провинции и войны на границах империи	87
6. Рождество Спасителя	100
7. Римская культура в золотой век Августа	102
8. Смерть Августа	128
Глава 2. Эпоха Юлиев и Флавиев	133
1. Племенной мир Европы на рубеже эр	133
2. Правление Тиберия	164
3. Распятие и воскресение Спасителя	187
4. Правление Калигулы	192
5. Правление Клавдия	200
6. Завоевание Британии	222
7. Правление Нерона	233
8. Год четырех императоров	261
9. Правление Веспасиана	273
10. Правление Тита	292
11. Правление Домициана	299
12. Структура римского общества I столетия от Р.Х.	319
13. Экономика Римской империи эпохи раннего принипата	332
14. Религиозная жизнь и культура эпохи Клавдиев и Флавиев	344
15. Быт и нравы римского общества I столетия	390
16. Церковь в Апостольский век	402

Глава 3. Эпоха Антонинов	435
1. Правление Нервы	435
2. Правление Траяна	440
3. Завоевание Дакии	454
4. Правление Адриана	468
5. Правление Антонина Пия	489
6. Правление Марка Аврелия	496
7. Коммод и конец династии Антонинов	507
8. Римская цивилизация эпохи Антонинов	515
9. Церковь в век Антонинов	577

Протоиерей Владислав Цыпин
ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ:
ДОХРИСТИАНСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ

Том IV
История Рима эпохи принципата
Часть 1

Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Оптовая книжная торговля: (495) 628-8210
Магазин «Сретение»: (495) 623-8046

